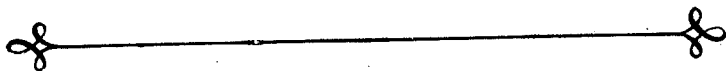

Ф.ШОПЕН ПИСЬМА

Том первый

Издание второе, дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МУЗЫКА»
МОСКВА 1976

Составление, комментарии, вступительная статья,
краткая летопись жизни и творчества Ф. Шопена —

Г. С. КУХАРСКИЙ

Переводы писем —

Г. С. Кухарский и С. А. Семеновский.

Ш 79 **Шопен Ф.** Письма. В 2-х тт., т. 1. М.,
«Музыка», 1976.

527 с. с ил., нот.

Второе издание писем Шопена дополнено новыми материалами, освещающими литературные и художественные интересы великого польского композитора. Издание рассчитано на музыковедов, искусствоведов и любителей музыки.

Ш $\frac{90105-401}{026(01)-76}$ 640—76

78 И

© Издательство «Музыка», 1976 г.
Составление, предисловие, хронограф,
комментарии.

ПИСЬМА ШОПЕНА

«Шопен вынес столько страданий, что, казалось бы, они должны были сломить сверхчуткую душу. Но этого не произошло, — дух его остался силен, и в его произведениях, наряду с выражением беспредельной скорби, боли, тоски, — так могуче выражена человеческая гордость, столько радости, солнечного сияния, восторга, известного лишь творческой душе».

Г. Г. Нейгауз

Вскоре после выхода в свет «Писем» Фридерика Шопена¹ скончался редактор этого труда Анатолий Александрович Соловцов, один из крупнейших советских шопеноведов, работы которого известны как у нас в стране, так и за ее пределами.

Предлагаемое читателю второе издание «Писем» Ф. Шопена следует в значительной степени рассматривать как наш совместный, коллективный труд (сколько часто, отказываясь от того или другого материала, мы говорили себе: «до следующего издания»). В те годы важнейшей нашей задачей было — ознакомить советского читателя с эпистолярным наследием великого польского композитора. Думается, что цель была достигнута, ибо это собрание писем Шопена до сих пор является наиболее полным из всех. Однако за последнее десятилетие изучение эпистолярного наследия и биографии композитора сделало значительный шаг вперед (шопеноведение — наука сравнительно молодая), был обнаружен и опубликован целый ряд новых документов, и поэтому выход второго, расширенного и пересмотренного собрания «Писем» Ф. Шопена стал настоятельной необходимостью.

Настоящее издание значительно расширено по сравнению с первым. За счет чего достигнуто это пополнение материала? Минувшее десятилетие подарило нам сравнительно небольшое число неизвестных ранее писем Шопена. И хотя они имеют неоценимое биографическое значение, все же кажется, что сколько бы новых писем композитора ни обнаруживалось впредь, — а число их не может быть велико, — в целом эти находки существенно не изменяют образа композитора, сложившегося в свете уже изве-

¹ Шопен Ф. Письма. М., 1964.

стной его переписки, а лишь внесут в него ценные детали и штрихи. Вновь найденные письма Шопена, стало быть, составляют в количественном отношении лишь незначительную часть новых материалов в эпистолярной композитора. Что же еще, и на каком основании включено в ныне публикуемое издание? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вкратце осветить общие принципы построения данной книги.

Формирование этих принципов (еще в ходе подготовки первого издания) было достаточно сложной задачей. Разумеется, с самого начала существовала и была очевидна возможность наиболее прямолинейной методики: включить в собрание все известные письма, хоть сколько-нибудь имеющие отношение к жизни и творчеству Шопена. По существу, именно так и составлены крупнейшие зарубежные издания переписки Шопена (двухтомное польское² и трехтомное французское³): кроме писем самого композитора, его дневниковых записей, они включают практически все известные письма, адресованные Шопену, а также письма третьих лиц, в которых упоминается имя великого композитора.

Однако стоило ли нам идти по этому, все же несколько формальному пути? Думается, что нет. Без учета биографической или исторической ценности включаемых документов, издание явно рисковало бы оказаться перегруженным второстепенными материалами: письмами лиц, имевших лишь косвенное отношение к Шопену, письмами, связанными с Шопеном лишь каким-нибудь малозначимым упоминанием, и т. п.

Вместе с тем, равно неадекватным приходится признать и альтернативное решение: строго ограничить издание лишь письмами самого Шопена, как свидетельствами, действительно принадлежащими лично ему, вышедшими из-под его пера. Особая ценность этих документов, их основная, центральная роль в любом шопеновском издании не вызывает сомнений. И все же по целому ряду причин такой принцип оказывается чрезмерно узким, излишне академичным. Главная из этих причин кроется в судьбе автографов писем выдающегося польского музыканта, судьбе во многом по-настоящему трагичной, как трагична была и сама польская история двух последних веков. Поистине, письма Шопена делили судьбу его Родины. В результате, в дошедшем до нас эпистолярном наследии композитора зияют огромные бреши — нам неизвестны подчас письма за целые годы, и притом существеннейшие для его творчества и биографии⁴. Вследствие этого в издании, опирающемся на одни только сохранившиеся письма Шопена, образ его не мог бы быть представлен во всей полноте. Между тем, читатель книги, почитатель музыки великого композитора — а его популярность в наши дни и интерес к его жизни чрезвычайно велики — по праву желал бы не только найти в книге строки, написанные Шопеном, но и обрести в ней источник сведений, создающих целостную картину его жизни и творчества.

Именно этот последний принцип: как можно более всестороннее и цельное воссоздание личности композитора, его деятельности, его связей с историей и культурой своего времени — мы положили в основу нашего издания. В книге, наряду с собственными письмами Шопена и в единой хронологической последовательности с ними, широко представлены и письма, адресованные ему, а также письма о нем и иные свиде-

² Korespondencja Fryderyka Chopina. Zebrał i opracował B. E. Sydow. Warszawa, 1955, tt. 1—2.

³ Correspondance de Frédéric Chopin. Vol. 1—L'Aube, 1816—1831 (1953); vol. 2—L'Ascension, 1831—1840 (1954); vol. 3—La Gloire, 1840—1849 (1960). Paris.

⁴ Подробнее о судьбе эпистолярного наследия Ф. Шопена и истории издания его писем см. в приложениях ко второму тому. Там же читатель найдет и впервые составленный систематический свод тех писем Ф. Шопена, которые бесспорно существовали, что подтверждается документально, но впоследствии были утрачены.

тельства третьих лиц, содержащие существенную информацию о жизни и творчестве великого музыканта (разумеется, привлечение подобного материала производилось нами строго избирательно, в зависимости от его биографической и исторической ценности). Далее, в нескольких случаях мы пошли на включение в основной корпус писем, сохранившихся лишь в пересказе, но имеющих исключительный биографический вес (они печатаются по-русски впервые). Предоставить не только широкому читателю, но и исследователю жизни и творчества великого композитора всю существующую достоверную информацию — такую задачу мы ставили перед собой.

Данный вариант композиции можно рассматривать как логическое развитие и усовершенствование композиционных принципов наиболее авторитетных из существующих изданий переписки Шопена (что было отмечено, в частности, Обществом имени Фридерика Шопена в Варшаве).

Какие же конкретные функции выполняют в предлагаемом новом издании упомянутые «косвенные» материалы, принадлежащие перу адресатов композитора и третьих лиц? Прежде всего, ответные письма его адресатов зачастую оказываются единственными свидетельствами существования того или другого письма самого композитора. Из них мы узнаем о содержании самих писем, и ими — насколько это вообще возможно — заполняются существующие пробелы в переписке композитора. Не менее важны и некоторые письма третьих лиц — современников Ф. Шопена, бросающие ярчайший свет на его индивидуальность, его позиции по многим вопросам. Зачастую они дают нам возможность как бы услышать те философские, эстетические, политические споры, которые велись в его присутствии, проникнуть в круг его интересов. Без ряда таких свидетельских показаний современников совершенно невозможно обойтись, и примером тому — отрывки из Дневника Э. Делакруа. Делакруа был одним из немногих, кто еще при жизни Шопена сумел до конца оценить все значение личности и творчества композитора. В своем Дневнике он точно, по горячим следам, фиксировал эстетические высказывания Шопена, его мысли о музыке и музыкантах, о поиске музыкального идеала. Поэтому Дневник Э. Делакруа можно рассматривать как один из первоисточников для познания философско-эстетических воззрений композитора.

Важно также, что письма и дневниковые записи великих современников Шопена — Э. Делакруа, Ф. Хиллера, Ф. Мендельсона, Ю. Словацкого, а иногда и людей совершенно иного масштаба, как, скажем, Л. Рельштаб, дают читателю возможность наглядно убедиться в широте, органичности и многообразии связей, соединяющих Шопена с музыкальной и общественной жизнью его времени, с крупнейшими деятелями европейской культуры. С такой же наглядностью читатель увидит, каким представлялся Шопен знавшим его, встречавшимся с ним людям, как воспринимали современники личность и творчество великого польского музыканта. В итоге, сами письма Шопена и его образ вырисовываются на широком общественно-культурном фоне, мы получаем возможность глубже оценить масштабы его творческого влияния и с несомненностью убеждаемся в той исключительной роли и авторитете, которые по праву принадлежат ему в музыкальной жизни «столицы мира», какою тогда был Париж, и в мировой музыкальной культуре.

Наконец, при современном состоянии шопеноведения решительно невозможно было ограничиться одной только задачей — составлением полного свода канонических материалов о Шопене, без всяких элементов критического к ним отношения. Эти документы и свидетельства — о чем подробнее пойдет речь дальше — далеко не все и далеко не во всем заслуживают полного доверия. Напротив, в целом ряде случаев они явились источником ложных представлений, легенд и мифов о Шопене, объективно мешавших правильному пониманию его творчества. Поэтому другой нашей задачей было преодоление и разоблачение всех этих апокрифов и легенд, уже сотню лет кочующих из монографии в монографию, — на основе критического анализа и сопоставления имеющихся источников и документов.

Давно настала пора восстановить историческую правду о Шопене, отбросить многие вымыслы, искажающие облик великого музыканта.

Далее следует остановиться на том, какие важнейшие шопеновские материалы и публикации появились после нашего первого издания и помогли расширить как сам корпус писем Шопена и о Шопене, так и комментарий к нему.

В первую очередь, безусловно, надо назвать переиздание капитальной четырехтомной монографии Ф. Хезика, посвятившего значительную часть своей жизни изучению биографии Ф. Шопена: «Фридерик Шопен. Жизнь и творчество» (т. 1 — Варшава, 1810 — 1831; т. 2 — Первые годы в Париже. Жорж Санд, 1831—1844; т. 3 — Разрыв. «Nella miseria», 1845—1849; т. 4 — «Коперник фортепиано») ⁵. Впервые изданная в виде трехтомника (1910), а затем расширенная, монография Хезика по праву может быть названа «библией шопеноведа», — она включает в себя все, что тогда было известно о композиторе (приходится сожалеть, что русский читатель до сих пор не знаком с этим трудом). Обилие собранного материала делает эту работу основополагающей в шопеноведении, причем ее особая ценность в том, что автор имел возможность пользоваться документами, впоследствии утраченными, прибегать к сохранившимся в те годы устным свидетельствам о Шопене. Однако, при всех достоинствах, книга Ф. Хезика обладала и одним весьма существенным недостатком: она отнюдь не была научным трудом и не могла претендовать на это из-за почти неизбежной компилятивности, ибо ее целью было собрать под одной обложкой все сведения о великом музыканте. Читатель не знал, сообщает ли автор достоверный факт или повторяет чей-то вымысел, легенду. В новом издании эти недостатки исправлены — весь материал критически, во всех деталях пересмотрен и откомментирован, что потребовало, конечно, громадной работы.

Далее. Во всех биографиях Ф. Шопена неизменно упоминалось имя его гениального ученика, рано умершего венгерского пианиста Карла Фильча. Однако кроме упоминаний его имени и сообщений о его триумфальных выступлениях, о нем практически ничего не было известно. Этот пробел удалось заполнить совсем недавно. В переписке Шопена, изданной выдающимся английским шопеноведом (и владельцем самой крупной частной коллекции шопеновских реликвий) Артуром Хэдли ⁶, появились несколько писем Карла Фильча и его брата, адресованных родным и ярко рисующих атмосферу шопеновских занятий и его взаимоотношений с любимым учеником. Подобные документы, как справедливо замечает А. Хэдли, куда ценнее, чем любые мемуары, написанные спустя десятки лет после смерти композитора. В том же издании были опубликованы одно до сих пор неизвестное письмо композитора и отрывок из другого неизвестного письма.

До недавнего времени ничего не было известно и о пребывании Ф. Шопена в 1835 году в Карлсбаде, где состоялась его единственная за время жизни на чужбине встреча с родителями. Был известен лишь сам факт, и сохранилось одно сообщающее о нем письмо композитора сестрам. Как проводил он время, с кем встречался в разгар сезона на модном курорте? Сейчас мы уже можем ответить на эти вопросы, проследить едва ли не по часам пребывание Ф. Шопена в Карлсбаде, присутствовать при его прощании с родителями в замке Тетчин, принадлежавшем графскому роду Тун-Хохенштейн. Этот бесценный материал стал доступен благодаря отрывкам из переписки семьи Тун-Хохенштейнов, приведенным в книге Я. Прохазки «Шопен и Чехия» ⁷. В книге раскрывается неизвестная нам ранее страница жизни композитора, ибо даже сообщение о дружеских связях Шопена с семейством Тун-Хохенштейн можно считать открытием. Эта интереснейшая переписка до сих пор полностью не опубликована (другие

⁵ Hoesick Ferdynand. Chopin. T. 1, 1962; t. 2, 1965; t. 3, 1966; t. 4, 1968. Warszawa.

⁶ Selected Correspondence of Fryderyk Chopin. Heinemann, 1962.

⁷ Procházka Jaroslav. Chopin und Böhmen. Prag, 1968.

фрагменты писем Тун-Хохенштейнов приводит в своей публикации польский музыковед Ю. Каньский⁸). Труд Я. Прохазки содержит еще ряд документов и сведений о пребывании польского композитора в братской славянской стране, о его общении с выдающимися представителями чешской культуры.

В сборнике трудов первого международного конгресса музыковедов, посвященного творчеству Ф. Шопена⁹, мы нашли два неизвестных ранее письма композитора. Особую ценность для характеристики его внутреннего облика представляет письмо Шопена Терезе Водзиньской, матери его невесты Марии. Написанное через несколько дней после того, как Шопен просил руки Марии, после расставания с невестой, простое, ясное, лишенное всякой аффектации и выпренности, оно являет нам классический пример столь характерного для Шопена сочетания глубокой искренности с неизменной сдержанностью. Ряд сообщений на конгрессе послужил материалом для комментариев (особенно это относится к периоду пребывания композитора на Майорке вместе с Жорж Санд и ее детьми).

Богатейшим собранием документов о второй половине жизни Ф. Шопена является альбом «Шопен на чужбине. Документы и материалы»¹⁰. Помимо многочисленных фотокопий рецензий на выступления Шопена, в этом собрании особенно ценны фотовоспроизведения автографов ряда писем композитора, среди которых и два новых, никогда ранее не публиковавшихся.

Монография А. Чартковского и Э. Ежевской «Фридерик Шопен»¹¹ представляет собой попытку биографического сочинения, составленного почти исключительно из писем композитора, документов и свидетельств современников, которые сопровождаются лишь весьма кратким авторским комментарием. Из нее нами взяты воспоминания и дневниковые записи друзей, учеников и современников Шопена. Особенно выделим материалы, связанные с именами Ф. Хиллера, Ф. Мюллер и И. Мошелеса.

Множество сведений о культурной жизни Варшавы содержится в книге Т. Фрончика «Варшава юности Шопена»¹². В ней также впервые идентифицирован целый ряд лиц, имена которых встречаются на страницах писем композитора.

Укажем и на совсем недавно появившийся документ большого исторического и биографического значения, который Крыстына Кобылянская назвала «Исповедью Людвики»¹³, — письмо любимой сестры композитора, Людвики Енджеевич, своему мужу. Из этого письма, рисующего последние дни жизни великого польского музыканта, мы впервые узнаем, что в момент смерти композитора его друзья ожидали прихода русского консула. Таким образом, Ф. Шопен до последнего дня своей жизни формально оставался русским подданным. «Исповедь Людвики» — документ огромной эмоциональной силы, с предельною непосредственностью передавший все чувства, владевшие Людвикой. Это — стенограмма внутреннего монолога, потока мыслей, подчас связанных лишь трудноуловимой логикой ассоциаций. Необыкновенно ярко предстают перед нами в этом письме образы сестер композитора и его матери, с именем которой на устах он скончался.

⁸ Kański Józef. Niedokończony festival i czeskie chopeniana.—«Ruch Muzyczny», 1968, N 20.

⁹ The Book of the First International Musicological Congress devoted to the Works of Frederick Chopin. Warszawa, 1963.

¹⁰ Chopin na obczyźnie. Dokumenty i pamiątki. Kraków, 1965.

¹¹ Czartkowski A., Jeżewska Z. Fryderyk Chopin. Warszawa, 1967.

¹² Frączyk T. Warszawa młodości Chopina. Kraków, 1961.

¹³ Kobyłańska K. Spowiedź Ludwiki.—«Ruch Muzyczny», 1968, NN 20—21.

Мы не будем перечислять здесь десятки других источников, которые использовались при составлении настоящего издания. Подчеркнем лишь, что данная работа была бы немислима без опубликованных за последние годы трудов одного из создателей современного шопеноведения, советского ученого И. Бэлзы¹⁴.

На этом мы закончим краткий обзор значительнейших новых работ, послуживших нам источниками при расширении нашего издания.

Далее отметим, что расширение шло и за счет материалов, опубликованных давно, но по тем или иным причинам не вошедших в предыдущее издание. С ними русский читатель также познакомится впервые. Тут прежде всего стоит упомянуть о письмах родных Ф. Шопена — его матери, отца, любимых сестер. К несчастью, эти письма также сохранились далеко не полностью. Надо в полной мере отдавать себе отчет, чем были они для Шопена — письма самых близких людей, с которыми он вынужден был жить в разлуке, но с которыми у него никогда не прерывалась духовная связь, людей, в которых воплощались для него Варшава, Польша. Письма родных — за это можно ручаться — перечитывались Шопеном неоднократно, отрывки из них то и дело невольно всплывали в его памяти, когда он оставался один, когда садился за инструмент, чтобы импровизировать, когда сочинял. Они должны восприниматься нами не только как единственный подчас источник сведений о письмах самого композитора и даже не только как кладезь чувств и вестей, скрашивавших ему жизнь на чужбине; но именно эти письма — мы уверены в этом — являлись мощным стимулом для его творчества, импульсом тех эмоций, которые потом находили воплощение в его музыке.

Впервые полностью приводятся нами письма учителей Шопена — Живного и Эльснера. Сохранившиеся в небольшом числе, они представляют несомненный интерес. Особенно это относится к письмам одного из патриархов польской музыкальной культуры, Ю. Эльснера, которого Фридерик любил «как сын, как старший сын, как старший друг».

Записи Шопена в его Дневнике-альбоме включены, как и в первом издании, в собрание его переписки. В настоящее издание мы включили и ряд лаконичных, занимающих не больше строки, записей друзей Шопена в Дневнике-альбоме, который ныне утрачен. Шопен — мы знаем это из писем — часто листал свой Дневник-альбом, воскрешая в памяти прошлое, поэтому записи в нем могут иметь первостепенное биографическое значение.

В настоящем издании предпринята попытка исследования взаимоотношений Шопена с его великими соотечественниками — А. Мицкевичем и Ю. Словацким (в те времена поляки называли их, как и самого Шопена, «пророками»), выявление роли композитора в среде так называемой «Великой эмиграции», последовавшей за разгромом Ноябрьского восстания. Более детально нам удалось проследить отношения Шопена с гениальным польским поэтом Ц. Норвидом, как известно, посвятившим Шопену яркие страницы в своем творчестве. Добавим, что, кроме Деакура, только Норвид сумел при жизни Шопена до конца оценить значение его музыки для польской и мировой культуры. Норвид видел в Шопене идеал национального художника, идеал служения искусством своему народу. Читатель впервые познакомится с «Некрологом» Норвида, который, вне сомнения, является высочайшей проникновенной поэмой-эпитафией.

Нас, естественно, особенно интересовали русские связи Шопена в самом широком аспекте: его взаимоотношения и контакты с русскими общественными деятелями, деятелями культуры, знакомство с произведениями наших великих художников — как в годы юности, в Варшаве, так и в зрелые годы, в Париже. Плоды этих поисков читатель найдет на страницах настоящего издания. Особо стоит упомянуть публикуемые впервые фрагменты переписки ученицы Шопена Е. С. Шереметевой с ее матерью

¹⁴ Бэлза И. Шопен. М., 1968; Бэлза И. История польской музыкальной культуры, т. 3. М., 1972.

В. П. Шереметевой, относящиеся к пребыванию Е. С. Шереметевой в Париже в осенне-зимний сезон 1842/43 годов. Они, в частности, впервые дают возможность точно датировать так называемый «Листок из альбома», посвященный Шопеном Е. Шереметевой. Хранящаяся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве¹⁵, переписка эта (на французском языке), ввиду ее подробнейшего характера, с полным основанием может быть названа дневником в письмах. В ней детально описываются еженедельные встречи Е. С. Шереметевой и ее спутницы М. Крюденер с Шопеном, рисуется атмосфера его занятий, даются яркие характеристики великого музыканта. Добавим, что сам образ Е. Шереметевой, встающий со страниц этой переписки, необыкновенно обаятелен. Лишенная светских предрассудков, наделенная разносторонними культурными интересами, она и впрямь была достойна общения с Шопеном, достойна его дружбы (Шопен после каждого почти занятия играл своим русским ученицам — честь довольно редкая). Для нас же здесь особенно ценно, что великий польский музыкант никогда не отождествлял царизма, угнетавшего его родину, с русскими просвещенными и высокообразованными людьми, среди которых многие пользовались его уважением и дружбой.

В связи с трудностями дешифровки писем Е. Шереметевой, мы вынуждены их дать отдельным блоком в приложениях ко второму тому.

Мы сознательно не стремились к исчерпанию медицинских вопросов, связанных с заболеванием Шопена, которое причиняло композитору неимоверные страдания в течение ряда лет и безвременно свело его в могилу. В этих вопросах нет полной ясности, тем более что и акт вскрытия до сих пор не обнаружен. В последние годы в ряде стран — и особенно в Польше — делаются попытки точно квалифицировать заболевание Шопена. В работах польского ученого, доктора медицины С. Шпильчинского¹⁶ доказывается, что Шопен умер от тяжелого аллергического заболевания (можно напомнить в этой связи запись от 2 февраля 1852 года в Дневнике Э. Делакруа: «Астма, подобная той, которой страдал Шопен...»). Все достоверные сведения по данной проблеме читатель найдет на страницах нашей книги. Он увидит, например, что Шопен с юных лет не отличался сильным здоровьем, к нему то и дело вызывали врачей, лечивших его методами, которые ныне давно отброшены медициной и вызывают лишь недоумение. Со всей подробностью восстановлена в книге и картина последних дней великого музыканта.

Для биографов польского композитора значение его писем ни с чем не сравнимо; почти все, что мы доподлинно знаем о Шопене, о его жизни, почерпнуто из его писем — в них он словно оставил нам свой истинный автопортрет. Больше того, мы решаемся утверждать, что без детального знания писем Шопена нельзя до конца проникнуть в его музыку (недаром Гёте говорил: «чтобы понять творца, надо его глазами посмотреть на окружающий мир»).

Не раз уже писалось о высоком патриотизме Шопена, его мужестве, принципиальности, благородстве; о свойственной ему с ранних лет трезвости ума, умении видеть скрытые мотивы поступков людей, о том, как он, вполне сознавая свою роль, свою, без преувеличения, историческую миссию в деле создания польской национальной музыки, скромно, без громких слов и какой бы то ни было позы, нес бремя своего призвания, шел по раз и навсегда намеченному пути. Об этом писалось неоднократно, и читатель найдет этому исчерпывающее подтверждение на страницах нашей книги. Отмечались и стилистические достоинства, выдержанность

¹⁵ ЦГАДА, Фонд Шереметевых, ф. 1287, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 3094—3097 и ч. 2, ед. хр. 3110—3114.

¹⁶ См. в кн.: Балза И. История польской музыкальной культуры, т. 3, с. 219.

и отточенность писем композитора, человека разносторонне одаренного. Однако одна, и немаловажная, особенность переписки великого музыканта еще до сих пор не привлекала достаточного внимания. Речь идет об особом, составляющем глубоко индивидуальную черту, отношении Шопена к переписке, а также и вообще к возможностям человеческого общения и самовыражения.

В данном аспекте эпистолярное наследие Ф. Шопена можно условно разделить на два периода. Юношеский — варшавский, исполненный задора и личных излияний, когда он охотно пишет о себе, об увиденном, о посещениях театров, о знакомствах с крупнейшими деятелями культуры (однако уже и тут он мало говорит о своей внутренней жизни). И второй — парижский, зрелый, когда перед нами предстает несколько замкнутый, неизменно сдержанный и корректный, «застегнутый на все пуговицы» человек. Между этими двумя периодами, как разделяющий их рубеж, лежит так называемый «Штутгартский дневник» Шопена — дневниковая запись, сделанная в минуты, когда до него дошла весть о падении Варшавы и разгроме Ноябрьского восстания. «Штутгартский дневник» — документ потрясающей силы, в котором автор с абсолютной спонтанностью, без малейшей обработки предал бумаге все, что переполняло его душу. Без него мы бы никогда не узнали, с какой почти безумной страстностью относился композитор к происходящему вокруг него. Но нужно отметить и важную здесь деталь: это не письмо, а дневниковая запись, набросанная в момент невероятного душевного смятения. Ничего хотя бы напоминающего эту безграничность самораскрытия мы в его письмах не найдем — их словно писал другой человек. (Несколько особняком в этом плане стоят письма Шопена к В. Гжимале из Англии, в которых он позволяет себе говорить о своем внутреннем состоянии, жаловаться; в них явственно звучит отчаяние. Но это — последние месяцы жизни, силы уже изменяли композитору, он был смертельно болен.)

Обычно в парижские годы он предпочитает умалчивать о своих переживаниях, о жизни своей души. О таких вещах не говорят вслух, полагал он, высказываться до конца можно только в искусстве, в музыке. Но и о музыке, которая оставалась, таким образом, формой и областью самовыражения, — о ней он тоже почти ничего не пишет.

Порой, когда перо все же невольно заводит его слишком далеко и он позволяет себе, как ему кажется, сказать лишнее — например, что-либо личное, задушевное или попросту поделиться слишком грустными размышлениями — Шопен тут же берет себя в руки, как бы сглаживая, нейтрализуя невольно вырвавшееся шуткой, самоиронией (особенно это заметно в письмах к Ю. Фонтане из Ноана).

Даже обращаясь к самым близким людям — отцу, сестрам, а может быть, особенно к ним — при всей своей невероятной впечатлительности, он предпочитает заполнять страницы безразличной информацией: тем, что услышал, что видел; пишет о текущих международных событиях, даже о том, что вычитал в газетах, сообщает анекдоты. Только не о том, что глубоко волновало его, только не о своей внутренней жизни, душевной боли. Все это, конечно, свидетельствует о недюжинной силе, душевной выдержке и об усвоенной с ранних лет строгой внутренней дисциплине.

Письма Шопена крайне просты, немногословны, необычайно камерны. Они лишены всякой выспренности и патетики (качества, к слову сказать, корбившие Ф. Шопена в людях). В них преобладает деловой момент. Не воздерживается порой Шопен и от резкого, не вполне парламентского оборота. Все эти черты особенно бросаются в глаза на фоне эпистолярных собраний того времени — эпохи романтизма, когда переписка больше напоминала обмен философскими трактатами и изобиловала преувеличенным пафосом и многословными откровениями. По существу, письма Шопена антиромантичны, они столь же непохожи на чьи-либо другие, как не походил сам Шопен ни на кого из живших в его время художников. Общий тон этих писем разительное не совпадает с укоренившимися представлениями о Шопене — «баловне салонов», что, вероятно, и побуждало многих

издателей произвольно изменять в них отдельные выражения, целые фразы, делать значительные купюры. Первые биографы, да и читатели, находили в эпистолярной Шопена совсем не то, чего ожидали. Ни философских тирад или рассуждений об искусстве, ни толкований своей музыки или программ своих сочинений, ни высказываний о своих великих современниках, ни описания своего творческого процесса... Об этом он не писал. Но тот, кто стремится уловить подлинные черты «живого» Шопена, невольно подпадает под обаяние этих простых и безыскусных строк. Шопен обращался лишь к своему корреспонденту, без всякой мысли о потомках, с полнейшим отсутствием рисовки и позы. И как раз те качества, которые вызвали недоумение первых биографов музыканта, сейчас, в наше время, делают личность Шопена близкой, современной. И если его музыка была исповедью, то письма подчас преследовали прямо противоположную цель: не декларировать громко и откровенно свои мысли и чувства, а наоборот, скрывать их¹⁷.

Чем диктовалось подобное отношение Шопена к переписке? Нам думается, главным образом — необыкновенно развитой деликатностью, тончайшим внутренним тактом, боязнью «самообнажения», а также отвращением к безвкусице, к утрате меры. Помимо того, в этом легко увидеть и своеобразную «платформу», то есть сугубо личное и не свойственное эпохе отношение автора к переписке вообще. Немногословие, сдержанность Шопена перестают казаться недостатком, а становятся источником весьма убедительных выводов об их авторе.

Совершенно очевидно в этой связи, что для нас тем более ценны те редкие строки, в которых раскрывается духовный облик композитора. Ведь, повторяем, письма Шопена остаются основным — и почти единственным — источником для познания его жизни, воссоздания его внутреннего мира. Шопен, как всякий великий реалист, сознательно или бессознательно (письма же позволяют полагать, что вполне сознательно) рассматривал свое бытие, факты своей биографии как частное, но от того не менее всеобъемлющее выражение ситуации человека в мире, как основу, материал для размышления, для суждения о человеке вообще¹⁸. Это еще раз убеждает нас в правильности выработанных нами принципов формирования свода его переписки. Становится ясным, что включение писем третьих лиц, мемуарных и дневниковых материалов диктуется не только наличием огромных пробелов в дошедшей до нас корреспонденции Шопена. Зачастую, в силу вышеуказанных особенностей его эпистолярного стиля, как раз свидетельства третьих лиц — особенно, если это люди выдающиеся или же просто весьма чуткие, жившие бок о бок с композитором, — говорят о нем, о его душевном состоянии гораздо более открыто и полно, нежели его собственные письма.

Как уже отмечалось выше, собранный в книге материал настоятельно требовал и определенного критического анализа. В силу целого ряда обстоятельств, в сложившихся общепринятых представлениях о Шопене, в укоренившихся суждениях о нем присутствует много неверного. Из монографии в монографию переходят утверждения, не отвечающие истинному характеру личности и творчества Шопена, искажающие облик великого музыканта. Целый ряд источников и свидетельств, далеких от объективности и фактической верности, продолжает до сих пор пользоваться авторитетом и весом (по словам одного исследователя, вокруг Шопена свит «целый венок из небылиц»).

¹⁷ Это обусловило и особенности их стилистики, что впервые отметил Я. Ивашкевич в своей работе «Chopin». Warszawa, 1949.

¹⁸ Замечательно говорит об этом Б. Л. Пастернак в своей статье «Шопен» (к 135-летию со дня рождения). — «Ленинград», 1945, №№ 15—16.

В этой ситуации одну из важнейших задач нашего издания мы видели в том, чтобы преодолеть сложившиеся стереотипы, побудить к отмене разнообразных ошибочных представлений, по традиции еще бытующих в шопеновской литературе¹⁹, и тем самым способствовать, по мере сил, успешному разрешению одной из основных задач шопеноведения — воссоздания объективного и подлинного образа Шопена, исторической правды о нем.

Выполнения этой задачи мы добивались двояким путем. Во-первых, посредством критического комментария, в котором стремились сопоставить, «скрестить» комментируемый материал с другим, близким к этой же теме, и в этом столкновении разнообразной, часто противоречивой информации, выявить истину. Во-вторых, самим отбором материала. Мы стремились разыскать и подчеркнуть те свидетельства, те факты, которые ранее либо забывались, либо находились в тени, но которые при более пристальном взгляде оказываются вескими опровержениями предрассудков и легенд о Шопене.

Если бы не настоятельная необходимость восстановления истины — мы бы вообще не стали касаться взаимоотношений Шопена с Жорж Санд, хотя известно, что именно разрыв с нею ускорил кончину композитора... В конце концов, Шопен сам определил свою судьбу, пойдя на чреватые столь трагическими последствиями взаимоотношения с человеком, по существу бесконечно чуждым ему. Не стали бы касаться, если бы Жорж Санд, по словам одного современника «отравившая все существование композитора», не нанесла ощутимый ущерб и памяти его, ущерб, заметный до настоящего дня. Дело в том, что в большинстве своем мифы и легенды, искажающие подлинный облик Шопена, обязаны своим возникновением именно Жорж Санд, появившись в ее пересказе, главным образом в «Мемуарах», а также в переписке и «Впечатлениях и воспоминаниях»²⁰. «История моей жизни», к слову сказать, возникла несколько лет спустя после кончины композитора, когда факты его биографии, его личность и история их взаимоотношений рисовались в сознании романистки в уже трансформированном виде и были далеки от объективной истины. А между тем цитаты из «Истории моей жизни» продолжают повторяться до настоящего времени, особенно на Западе, без всякой критики. Правда, уже в начале нашего века одним из первых, кто много сделал для «расчистки» образа польского композитора от позднейших «наслоений» и, в частности, от вымыслов Жорж Санд, был выдающийся французский шопеновед, автор многократно переиздававшейся монографии о нем, основатель и бессменный председатель «Общества Фридерика Шопена», Э. Ганш. Чрезвычайно много в этом направлении сделано и советским ученым И. Бэлзой.

Каков же, в общих чертах, тот ложный образ Шопена, возникший с легкой руки Жорж Санд, под воздействием которого и до нынешнего дня в той или иной мере находятся многие из биографов музыканта?

Перед нами предстает довольно мрачный и нелюдимый человек с ограниченными умственными и культурными кругозором, аристократическими замашками и чрезмерным интересом к своей внешности, проводящий все вечера в свете, перед которым он преклоняется... Можно ли согласиться с такой характеристикой, даже если в ней будет смягчена резкость акцентов: вместо «нелюдимый» поставим, к примеру, «замкнутый», вместо «светский» скажем «коррективный» и т. д.? Нет, подобная «ретушь» нас ни в коей мере не устроит. Нарисованный выше портрет совершенно не совпадает с оригиналом.

¹⁹ От подобных ошибок не свободна и совсем недавно переизданная монография Ю. Кремлева (см.: Кремлев Ю. Фридерик Шопен. Очерк жизни и творчества. Изд. 3-е М., 1972).

²⁰ George Sand. Histoire de ma vie.—Oeuvres complètes, vol. 11. Bruxelles, 1855; Correspondance. Paris, 1882; Impressions et souvenirs. Paris, 1873.

Чтобы показать, насколько можно доверять мемуарам Жорж Санд, рассмотрим один пример, который часто приводится в монографиях. Жорж Санд пишет (речь идет о периоде, когда Шопен потерял отца): «Смерть отца, а также лучшего друга, доктора Матушиньского, нанесли ему окончательный удар. Католическая церковь связывает со смертью страшные ужасы. С представлениями о своей смерти у Шопена соединялись все суеверия и сумасбродства славянской поэзии. Как поляк, он жил под гнетом разных легенд. Его одолевали призраки, и вместо того, чтобы видеть отца и друга улыбающимися с лучезарного неба, — как рисует лютеранская поэзия, — ему чудились их черепа рядом с его ложем, и он старался уйти от прикосновения их холодных как лед рук»²¹.

То, что здесь утверждается, сразу требует ряда критических замечаний. Во-первых, Жорж Санд изображает Шопена ортодоксальным католиком, что не соответствует известным фактам: всю сознательную часть своей жизни он, воспитанный отцом в вольтеррианском духе, был, по существу, атеистом²². Еще более фантастично приписывать Шопену «суеверия и сумасбродства славянской поэзии». Есть основания предполагать, что эти рассуждения были заимствованы Жорж Санд из курса славянских литератур, который с большим успехом читал А. Мицкевич в Collège de France. Как мы знаем, писательница не только пунктуально посещала эти лекции (часто вместе с Шопеном), но напечатала их в редактируемом ею «Revue Indépendante» (1843), и, более того, — ею написан их специальный разбор²³. Мы можем даже указать, какую именно лекцию Мицкевича почти текстуально повторяет писательница в вышеприведенной нами цитате. По-видимому, это лекция от 16 февраля 1841 года, в которой Мицкевич говорит о верованиях древних славян, их мифологии²⁴. И само собой ясно, что все, о чем здесь говорил поэт, не могло иметь никакого отношения к Ф. Шопену, который отнюдь не исповедовал праславянскую демологию, а напротив, обладал весьма рационалистическими воззрениями и меньше всего терзался «доисторическими ужасами».

Наконец, сама Жорж Санд в письме, написанном сразу после смерти Я. Матушиньского, рисовала совершенно другую картину. Она писала П. Виардо: «Польский друг, врач и лицейский товарищ Шопена умер у нас на руках после длительной агонии, — бедный Шопен переживал ее рядом с ним и вместе с ним. Он (Шопен. — Г. К.) был сильным, мужественным и преданным больше, чем этого можно было ожидать от существа столь хрупкого, как он...»²⁵.

Таким образом, имеется и правдивая версия события. Беда, однако, в том, что биографы композитора ограничиваются лишь приведенной выше «легендой» (возникновение которой мы проследили), а процитированное письмо к П. Виардо опубликовано вообще сравнительно недавно. Кроме того, поскольку в мемуарах Жорж Санд вымысел об ужасах и суевериях Шопена приписан ему «вообще», а не отнесен к какому-либо конкретному периоду жизни, то естественно, что и период смертельной болезни Шопена, его последние дни часто рассматривают в свете этих ее утверждений. Возникающее в итоге представление о тех трагических днях несправедливо и ложно до крайности, в чем читатель убедится сам из собранных в книге

²¹ George S a n d. Histoire de ma vie, p. 138—139.

²² В «Штутгартском дневнике» он называет бога «москалем», на рождество в Вене в 1830 году им владеют отнюдь не религиозные думы. Впрочем, о тех преследованиях, которым подвергались Жорж Санд и Шопен на Майорке из-за того, что не посещали мессу, пишет и она сама в книге «Зима на Майорке» (см.: Hoesick F. Chopin, t. 4, s. 342).

²³ George S a n d. De la littérature slave par A. Mickiewicz.—«Revue Indépendante», 1843, N 4.

²⁴ Мицкевич А. Собр. соч. т. 4. М., 1954, с. 166 — 167.

²⁵ Correspondance de Frédéric Chopin, vol. III, p. 109.

материалов. Обратим, например, внимание на достоверные свидетельства Ш. Гавара, часто навещавшего Шопена во время его последней болезни; он утверждает, что особой заботой композитора было стремление избегать всего, что могло потревожить и огорчить его гостей²⁶.

Таковы факты.

И если буквально каждое утверждение Жорж Санд, касающееся биографии Шопена, нуждается в критической переоценке (напомним еще, что сюда относятся и представления о чрезмерном тяготении композитора к светскому обществу, о его мрачности и нелюдимости и т. д. и т. п.), то особенно осторожно следует подходить к ее высказываниям об эстетических взглядах Шопена, о его музыке.

Как курьез отметим, что Жорж Санд утверждала, будто музыка Шопена может звучать «только в салоне, исключительно в салоне»; что она предвещала «время, когда его произведения оркеструют — ничего не изменив в их фортепианной фактуре — и лишь тогда все узнают об истинной силе и величии его гения»²⁷. У г-жи Санд были, как мы видим, довольно оригинальные взгляды на музыку Шопена... Чего стоят хотя бы ее произвольные литературные толкования отдельных произведений композитора (которые, между прочим, цитируются до настоящего дня, сбывая с толку читателей и поклонников музыки великого польского музыканта)! Забавно, что, по утверждению Э. Эррио, «у этой женщины не было слуха». Мы располагаем и другими высказываниями современников, из которых явствует, что Жорж Санд совершенно не разбиралась в музыке. Не стоит повторять и впрямь смехотворное, однако набившее оскомину описание Жорж Санд творческих мук Шопена...²⁸

Но вот один момент, имеющий принципиальное значение, на котором мы вынуждены остановиться подробнее. Речь идет об оценке Шопеном живописи одного из его ближайших друзей, Э. Делакруа. Жорж Санд пишет: «Когда он (Шопен. — Г. К.) смотрел на картины своего друга, то страдал и не мог найти для него ни слова. Он был музыкантом, только музыкантом»²⁹. Разумеется, такая безапелляционная декларация обращала на себя внимание всех без исключения биографов композитора. Подчас они, правда, приводят это утверждение с некоторой долей сомнения, выдвигают различные его истолкования — уж слишком по многим причинам было странным, скажем сильнее, было невозможным и диким считать Шопена полностью «слепым» к живописи и всем видам искусства помимо музыки, представить его «страдающим и не находящим слов», лишь только предмет выходил за пределы его профессии...

А ведь чтобы опровергнуть утверждение Жорж Санд, достаточно вчитаться в одно из писем самого композитора, где он дает оценку творчества своего друга (мы имеем в виду письмо Шопена от 30 августа 1846 года, написанное непосредственно после одной из долгих встреч с Делакруа). В свете переписки композитора мы можем со всей решимостью утверждать, что Шопен понимал и ценил живопись Делакруа.

Можно было бы привести еще много примеров подобного рода, но мы, пожалуй, на этом остановимся. Сказанного достаточно.

Мы вправе задать отнюдь не риторический вопрос: в какой мере «Историю моей жизни» (и другие мемуарные сочинения Жорж Санд) можно назвать мемуарами в обычном, общепринятом значении этого слова? Не стоило бы назвать эту книгу скорее одним из многочисленных ее романов, чем летописью? В пользу этого утверждения говорят не только приведенные выше факты, но и сама писательская натура Жорж Санд. Личность Жорж Санд, ее творческий и человеческий облик, «романтизм».

²⁶ См. в кн.: Hoesick F. Chopin, t. 3, s. 265.

²⁷ George S and. Histoire de ma vie, p. 137—138.

²⁸ См., например: George S and. Histoire de ma vie, p. 137—138.

²⁹ George S and. Impressions et souvenirs, p. 80—81.

буйная фантазия, крайний эгоцентризм, элементарное отсутствие памяти³⁰ заведомо не позволяли ей написать что-либо другое кроме романа. Отсюда неизбежные изменения пропорций, выдумка недостающих фактов и событий — одним словом, создание персонажа «Шопена» (рядом с этим вымышленным образом писательница изобразила и себя, правда, в сильно идеализированном виде). Даже сам Шопен в разговоре с Э. Делакура выражал сомнения в том, что романистка вообще в состоянии написать мемуары («Она все забыла... она ничего не помнит», — говорил он³¹).

Нельзя также забывать, что эти мемуары (или роман) написаны спустя шесть лет после смерти композитора, написаны женщиной, не забывшей своего шумевшего разрыва с Шопеном, и в какой-то мере являлись способом оправдания перед общественным мнением. Несомненная литературная одаренность автора только усугубляла дело, так же как и то, что Жорж Санд была профаном в музыке и что ее творческая натура была прямо противоположна шопеновской, ибо собственное «я» всегда брало верх в ее литературной работе. Если добавить, что романистка, по всей вероятности, не осознавала своей ответственности перед историей, не предполагала, что каждое ее высказывание о Шопене будет анализироваться и цитироваться, то трудно вообразить букет обстоятельств, более противоречащий миссии мемуариста, летописца!

Почему же, однако, созданный писательницей в «Истории моей жизни» образ, настолько отличающийся от своего прототипа — великого польского композитора Фридерика Шопена, получил столь длительное и стойкое распространение? Этому, на наш взгляд, есть несколько причин. Прежде всего напомним о скудости биографических материалов о Шопене, о том, что сам композитор оставил нам чрезвычайно мало данных для суждений о своих философско-эстетических воззрениях. Кроме того, к цитированию Жорж Санд имелись все основания: она и в самом деле долгие годы была близка с Шопеном (причем утверждала, что знает его лучше, нежели он сам себя), ее мемуары содержали столь желанные высказывания композитора на философско-эстетические темы, да к тому же материал этот был уже сразу облечен в литературную форму. Соблазн был велик, и биографы проглядели, что сообщаемые писательницей сведения далеко расходятся с истиной: авторитет имени романистки словно служил гарантией достоверности, а разрушить легенду оказалось трудней, чем ее создать.

Не слишком ли сурово, однако, мы «судим» г-жу Жорж Санд? Здесь уместно отметить, что ее французские биографы значительно суровее нас. К тому же мы никоим образом не входим в оценку ее творчества, а лишь стремимся проанализировать ее взаимоотношения с Шопеном на основании исторически достоверных свидетельств и фактов. Мы были вынуждены столь подробно остановиться на высказываниях писательницы в силу того, что именно они явились главным источником всевозможных легенд и мифов о жизни и творчестве композитора, существенно искажающих его подлинный облик.

Вчитываясь в переписку Шопена, можно во многом осознать ту роковую роль, которую сыграло в его жизни знакомство с Жорж Санд и близость с нею. Стоит отметить, что это были диаметрально противоположные натуры — и эта противоположность в равной мере относилась и к внутреннему миру, и к жизненному темпераменту, и к взглядам на большинство кардинальных проблем. Можно утверждать, что между ними с самого начала наметился некий психологический барьер, едва ли не психологи-

³⁰ Стоит отметить, правда, что написанные по горячим следам воспоминания о пребывании на Майорке, несмотря на их «пышный» стиль, содержат множество точных фактических сведений (см.: George Sand. *Un hiver à Majorque*; первоначально опубликовано в журнале «Revue des Deux Mondes», 1841).

³¹ Делакура Э. *Дневник*, тт. 1—2. М., 1961. Запись от 29 января 1849 г.

ческая несовместимость. Не менее важно и то, что их интересы, в сущности, не совпадали в корне, относились к совершенно различным сферам (что подчас и интерпретировалось Жорж Санд как «узость» интересов композитора). Это-то глубокое несходство характеров и мировоззрений, как и те психологические особенности Шопена, которых мы касались выше, заведомо обрекали великого музыканта на непонимание. Мы уже подчеркивали крайний эгоцентризм писательницы, занятой исключительно собой, что делало из нее человека, едва ли вообще способного понять другого, его личность, его труд. Само возникновение этой связи, как мы вправе предположить, имело предпосылкой целый ряд глубоких жизненных разочарований Шопена... И дисгармония между ним и Жорж Санд с каждым годом увеличивалась, хотя на заре их романа Шопен, конечно, питал некоторые иллюзии.

В свете собранных документов и переписки Шопена перед нами вырисовывается живой и подлинный образ композитора. Факты, например, полностью и окончательно опровергают бытовавшее представление о нелюдимом, мрачном и расстающемся с этой мрачностью лишь в светских салонах, болезненно замкнутом человеке (мы невольно еще раз вынуждены акцентировать данный вопрос, ибо именно по этому поводу в литературе о композиторе были исписаны десятки страниц, пролито море чернил).

Уже юношеские письма композитора рисуют его как человека необыкновенно общительного: он не только не был нелюдим, но всегда нуждался в людях, стремился к ним (хотя, разумеется, не со всеми был одинаково откровенен, не всех посвящал в свои сокровенные мысли). Постоянно, в течение долгих лет, — буквально до последнего дня своей жизни, — он встречался и поддерживал дружеские отношения со множеством людей, принадлежавших к различным общественным кругам, к самым разным областям культуры и знаний, бывал у них, принимал их у себя. Это Я. Матушинский и Ю. Фонтана, В. Гжимала и С. Витвицкий, Б. Залеский и А. Мицкевич, Д. Потоцкая и Чарторыские, Л. Чосновская и Ц. Норвид, Ш. Гавар и Э. Делакура, О. Франкомм и десятки других лиц. Безошибочная интуиция всегда позволяла ему определять ту меру откровенности, самораскрытия, полноценного взаимного общения, которая была допустима с каждым. Читатель со всей очевидностью убедится, сколь привязанным бывал Шопен к людям близким ему, например, к В. Гжимале, Э. Делакура или к своей сестре Людвике. И когда мы приводим какое-либо свидетельство современника, скажем, отрывок из Дневника Э. Янушкевича (запись от 24 декабря 1836 года), в котором рассказывается, как Шопен в кругу друзей несколько часов подряд играл, импровизировал, шутил, веселил всех, словом, был душой общества, — то кроме чисто биографического значения такого свидетельства для нас не менее важно, что оно еще раз опровергает легенду о нелюдимости Шопена, якобы столь глубокой, что она накладывала на его искусство печать некоторой болезненности. Как же после этого говорить о жизненном затворничестве композитора, его «прекрасной изоляции»? ³²

Ф. Шопен, как мы знаем, получил всестороннее гуманитарное образование. Глубоко прав И. Бэлза, когда пишет, что Шопен «был вне всякого сомнения первым из первых среди польской интеллектуальной элиты» ³³. В свете его переписки мы вправе говорить о нем, как об одном из самых умных, образованных и независимых в своих взглядах людей эпохи.

³² В то же время в одном определенном аспекте — в своем творчестве — Шопен действительно оставался одинок, ибо здесь он попросту был единственным в своем роде. Об этом справедливо писал известный шопеновед Л. Бронарский: «Как творец он оставался один в своей башне из слоновой кости» (Bronarski L. Szkice chopinowskie. Kraków, 1961).

³³ Бэлза И. История польской музыкальной культуры, т. 3, с. 112.

Шопена характеризовали широчайшие общекультурные интересы. Литература, живопись, театр всю жизнь глубоко волновали его. В этом плане мы с особым вниманием подмечали все, каждую деталь, всякое свидетельство о том, что он знал, что прочел и увидел, что обогатило его творческое сознание, что составляло его так называемый «интеллектуальный багаж», ибо это дало еще одну, и немаловажную, возможность проникнуть в его духовный мир, оценить его кругозор, арсенал образов и ассоциаций. В этом отношении его письма, вопреки кажущейся скудости — неисчерпаемый источник сведений.

И все же нам трудно определить, скажем, точный круг его литературных увлечений. Мы знаем, что с детства он превосходно знал старую и современную литературу своей родины, превосходно знал и французских энциклопедистов. Как становится очевидным в свете мемуарного материала, композитор был одним из первых читателей «Небожественной комедии» Э. Красиньского, на слова которого написана одна из лучших его песен — «Меланхолия»³⁴, многих новых произведений А. Мицкевича (например, третьей части его «Дзядов»). По письмам Шопена мы видим, что он, скажем, мог процитировать на память максимум Бюффона. Во время последней болезни Шопена Ш. Гавар читал ему Вольтера, конечно, по его выбору. Пока трудно точнее указать, с какими произведениями современной ему французской литературы был знаком великий композитор, определить его вкусы. Можно лишь утверждать, что человек, не один год проводивший вечера в гостиной Ж. Санд, где постоянно велись литературно-философские споры, часто встречавшийся с Г. Гейне, О. Бальзаком, Э. Сю, А. Кюстином и многими другими французскими литераторами, не мог не быть в курсе современной литературной жизни, не ориентироваться в ней. В этом отношении кажется немаловажным найденное нами упоминание о богатейшей личной библиотеке Шопена³⁵ (она сгорела в Варшаве в 1863 году).

Из юношеских писем композитора видно, что для него было просто немислимо побывать в каком-либо городе (будь то Лейпциг, Прага или Вена), не посетив его музеев. Каждый раз, когда Шопен навещал Дрезден, он не упускал случая полюбоваться картинами знаменитой галереи (к счастью, как раз его высказывания о Дрезденской галерее дошли до нас³⁶). Из-за досадной купюры М. Карасовского мы, по-видимому, навсегда лишены отзыва Шопена о Венской галерее, богатой полотнами П. Брейгеля, Рембрандта и других мастеров. Как явствует из свидетельств, приводимых в настоящем собрании, каждого знакомого, прибывшего в Париж из Польши, Шопен неизменно вел в Лувр (увы, и в данном случае мы не можем указать, перед какими полотнами он останавливался, отдавая им предпочтение). Так же, как и в современной ему литературе, он не мог не ориентироваться в современной живописи, в новинках осенних салонов, в работах, выставявшихся на ежегодных распродажах в пользу польской эмиграции. В его письмах мы находим упоминания о целом ряде живописцев. О художественных новинках, как и о борьбе романтизма и классицизма в живописи, в его окружении велись горячие дебаты. Достоверно известно также, что он был страстным читателем журнала «*Le Charivari*», группировавшего в те годы вокруг себя передовых художников Франции; подписку на этот журнал Шопен, находясь вне Парижа, никогда не забывал возобновить. И, конечно, в «*Шаривари*» его привлекало не только оппозиционное отношение к Июльской монархии, но и рисунки и карика-

³⁴ «Небожественная комедия» была первоначально издана без имени автора, и долгие годы она, как и слова к песне Шопена, считались принадлежащими «Анониму». Это явствует из Дневника Б. Яньского (см.: *The Book of the First International Musicological congress Devoted to the Works of Frederic Chopin*, p. 666—667.

³⁵ См.: Hoesick F. Chopin, t. 4, s. 11.

³⁶ См. письмо Шопена от 14 ноября 1830 года.

туры О. Домье, П. Гаварни и других замечательных мастеров. Да и могло ли быть иным отношение к живописи у одного из ближайших друзей Э. Делакруа?

Подлинный Шопен всю жизнь был завсегдатаем драматических театров, «театральным человеком». Будучи сам наделен недюжинными актерскими способностями — чему осталось множество подтверждений — он, как немногие, умел оценить искусство Ф. Леметра или Рашель (его увлечение театром подробно отражено на страницах его писем). И эту любовь, свой живой интерес к театру он пронес через всю жизнь, до последних ее месяцев.

Тонким ценителем парижских театров, знатоком Лувра, человеком широчайших интересов, бывшим в курсе всех значительных событий в культурной, интеллектуальной жизни Европы, предстает Шопен при знакомстве с собранным нами материалом.

Далее, при обсуждении важнейших черт личности Шопена, совершенно необходимо сказать и о его пламенном патриотизме. Он принадлежал к поколению, для которого, по словам его друга М. Мохнацкого, «мечта о могущественной Польше была единственным увлечением юности». Страшным ударом для композитора был разгром Ноябрьского восстания, крушение мечты о национальном возрождении Родины (с огромной убедительностью свидетельствует об этом уже упоминавшийся «Штуттартский дневник»). Пытливо всматриваясь в соотношение сил в Европе, больше всего волнуясь о том, что оно могло принести его родине, Шопен не терял хладнокровия, трезвости ума, не питал иллюзий, что позволяло ему подчас обнаруживать подлинную политическую зоркость. Высказывания его на эту тему, крайне редкие, но тем более ценные, нам удалось дополнить несколькими впервые публикуемыми по-русски воспоминаниями современников. Крайне характерен отрывок из письма Шопена Ю. Фонтане (от 4 апреля 1848 года): «Не обойдется это без страшных дел, но в конце концов будет — Польша, прекрасная, могучая, словом, Польша. Итак, несмотря на нетерпение наше, подождем, пока карты хорошенько перемешаются, чтобы не тратить напрасно сил, столь необходимых в подходящий момент...» И это писалось в лихорадочные дни 1848 года, когда бушевала Весна народов и у многих поляков кружилась голова от совсем уже близящегося, казалось, освобождения их родины. Не верил Шопен ни в помощь иностранных держав, ни в интриги партии «Отель Ламбер», возглавляемой хорошо знакомым ему «некоронованным королем Польши» Адамом Чарторыским.

Мы в полной мере отдаем себе отчет, сколь важно было бы нам попытаться установить философско-эстетические концепции композитора, его развернутую эстетическую программу. Но из-за скудости материала и не любви Шопена к прямым высказываниям на эту существеннейшую тему мы вынуждены ограничиться приведением соответствующих мнений его великих современников: Р. Шумана, Ф. Листа, Г. Гейне, А. де Кюстина и других, слегка приподняв тем самым завесу над взглядами самого Шопена. Можем также констатировать, на основании его писем, что он был хорошо знаком с античной философией, свободно ориентировался во многих новейших философских, социальных и исторических исследованиях: А. Сен-Симона и Ш. Фурье, Ламенне и П. Леру, А. Тьера, Л. Блана и многих других. Будем надеяться, что дальнейшие исследования позволят шире осветить круг этих проблем.

Хотелось бы коснуться еще нескольких характерных черт Шопена, без которых остался бы далеко не полон его психологический портрет. Стоит, прежде всего, напомнить, что Шопена всегда отличала необычайная трезвость мышления (отчасти унаследованная от отца или развившаяся под его воздействием). С юности, как свидетельствуют письма Шопена, он умел разглядеть скрытые мотивы поступков людей. Возможно, что именно благодаря этой трезвости мышления он не поддавался настроениям подав-

ленности и отчаяния, характерным для части польской эмиграции. Он не увлекся, подобно Мицкевичу и Словацкому, проповедями мессианства, не стал адептом А. Товьянского (Шопен, так же как и его отец, всегда скептически относился к последнему, это четко прослеживается в письмах), не пришел к ревностной религиозности. Он всегда был в стороне от конфликтов и распрей, занимавших определенную часть эмиграции.

Шопену были глубоко чужды всякая экзальтация, всякая поза проповедника, прорицателя. Он не любил внешних жестов и деклараций, никогда не выступал на страницах газет или журналов, отстаивая свои взгляды, не добивался поклонения меломанов. Все его внимание было сосредоточено на творчестве, работе. Он был великим тружеником.

Даже как-то странно, что приходится писать об этом, но ведь столько десятилетий писалось противоположное...

Стоит коснуться и отношения Шопена к так называемому «свету». Множество его друзей и знакомых (не говоря уже об учениках) принадлежало к этому кругу. И в первые годы пребывания в Париже, когда Шопен не был еще смертельно утомлен бесконечными уроками, он не сторонился «света». Но надо помнить, что было ему тогда чуть больше двадцати лет! Скажем еще, что «свет» — именно такая среда, где человеку, стремящемуся сохранить с большинством людей некую «дистанцию» (а именно таким и был Шопен), оказывалось легче всего избежать ни на чем не основанных притязаний на близость и откровенность, где можно было оставаться самим собой, не поднимая забрала.

А ведь сколько страниц было написано с «светскости» Шопена, о его аристократических замашках, о чрезмерном внимании, которое он уделял своему внешнему виду. Чуть ли не неким денди изображен Шопен на страницах многих книг. Да, он бесспорно придавал определенное значение своему внешнему виду, и сам же над этим иронизировал. Модному фортепианному педагогу иначе поступать было просто нельзя. В обществе, проникнутом кастовыми предрассудками, безупречный внешний вид становился для него — простого музыканта — необходимостью, ограждающей человеческое достоинство от унижительных проявлений социального неравенства. Шопен, живя на чужбине, в равной мере не желал допускать ни пренебрежения, ни сострадания «светской черни». И в творчестве его не найти ничего, что было бы сделано в угоду свету.

Если можно говорить об его аристократизме, то разве что — об аристократизме духа, о рыцарственности. О его подлинной простоте и демократизме исчерпывающе свидетельствует уже сама лексика писем, несомненно отражающая его внутренний мир.

Не просто сразу ответить и на часто возникающий вопрос о том, почему Шопен почти перестал концерттировать. В 1829 году, во время своих первых зарубежных концертных выступлений в Вене, он писал о них охотно и много. В его письмах той поры даже сквозит некоторое полуироническое удивление: посмотрите, как Вена носитя с этим юношей из Варшавы!

Охотно концерттировал Шопен и в первые годы пребывания в Париже (перечень всех установленных концертов см. в нашей «Краткой летописи жизни и творчества Шопена»). Но затем мы можем отметить почти полное прекращение его концертной деятельности, хотя он готов почти ежедневно вечерами играть и импровизировать — делиться мыслями — в небольшом кругу друзей-единомышленников. Для этого периода характерны два момента: во-первых, материальное благосостояние композитора достаточно обеспечивается его многочисленными уроками; во-вторых, публичные концерты, видимо, более не представляют для него особого интереса — стадия самоутверждения уже пройдена. В корне неверно, на наш взгляд, утверждение Жорж Санд (см. ее письмо П. Виардо от 18 октября 1841 года) о том, что Шопен якобы перестал концерттировать из-за всевозможных страхов перед публикой — иными словами, из-за неврастении.

Основные причины почти полного прекращения концертной деятельности Шопена (как и того факта, что он никогда не пытался хоть в какой-

то степени разъяснить, обнародовать свои творческие принципы и задачи) следует, по нашему мнению, видеть в его разочаровании в публике, в глубоком отвращении к буржуазной толпе, к ее власти над художником; в том неприятном ему ажиотаже, каким сопровождался каждый его концерт; во всякий раз возникавших дискуссиях, кто же выше — Лист, Тауберг или он. Шопену было чуждо подобное соперничество. Можно здесь вспомнить свидетельство пианиста-трибуна Ф. Листа, давшего не одну сотню концертов и в 1848 году пережившего глубокое разочарование в пианистической деятельности. «Это была ошибка, — писал Ф. Лист, — которую я со временем осознал и в которой я искренне раскаялся, когда научился понимать, что для художника, желающего быть достойным этого имени, опасность не понравиться публике является гораздо меньшей, чем опасность подчиниться ее капризам...»³⁷. К тому же у Шопена, как известно, подготовка к каждому концерту отнимала громадные силы. Мы уже подчеркивали, каким великим труженником он был, а ведь следует принять во внимание, сколько сил отнимали многочисленные, многочасовые уроки у него, на протяжении многих лет больного и все летние месяцы целиком отдававшего творчеству...

Всю свою жизнь Шопен твердо следовал нескольким, казалось бы, простейшим максимам: делать свое дело, каким бы трудным оно ни казалось, принципиально, без малейшей уступки... Охранять свой внутренний мир... А правда так или иначе восторжествует!..

Предлагаемое издание является, как мы уже говорили, наиболее полным из всех когда-либо опубликованных собраний эпистолярного наследия композитора: в него включены все известные на сегодняшний день письма Ф. Шопена без каких-либо купюр или сокращений. В него вошло практически и все литературное наследие композитора — его дневниковые записи, ряд наиболее интересных записей великого музыканта в альбомах современников, а в приложениях ко второму тому читатель найдет наброски к единственному теоретическому труду композитора, его незавершенный «Метод методов пианистов»³⁸, который должен был резюмировать его педагогические размышления. Кроме того, публикуются и все представляющие интерес посвящения и дарственные надписи Шопена.

Целый ряд писем Шопена нам удалось заново сверить с их фотокопиями, воспроизведенными в различных изданиях. Весь материал первого издания вновь тщательно отредактирован и сверен с оригинальными текстами, в ряде же случаев следует даже говорить о том, что он заново переведен (например, «Штутгартский дневник»).

При работе над настоящим изданием были исправлены неточности, вкравшиеся в первое издание. Удалось также идентифицировать целый ряд лиц, имена которых встречаются на страницах писем Шопена. Приведем для примера лишь один характерный случай. До сих пор во всех изданиях переписки композитора фигурировала некая «мисс Кути» (или «панна Кути»). Неизвестным оставалось даже — реальное ли это лицо или, быть может, литературный, драматический персонаж. Теперь же мы с полной уверенностью можем сказать, что это попросту неверно прочтенное переписчиком имя Анджелы Джоржины Кутс, английской миллионерши-благотворительницы, с 1835 года близкой знакомой Ч. Диккенса, который посвятил ей «Жизнь и приключения Мартина Чэзлвита» и высоко ценил «ее возвышенное благородство». Ч. Диккенс многие годы состоял с ней в переписке и помогал ей советами в осуществлении ее многочисленных филантропических начинаний. Благотворительная деятельность мисс Кутс

³⁷ Цит. по кн.: Мильштейн Я. Лист, т. 1. М., 1971, с. 781.

³⁸ Полная публикация черновика «Метода» Ф. Шопена была осуществлена лишь совсем недавно (см. «Ruch Muzyczny», 1968, № 12).

пользовалась широкой известностью, и Шопен, побывав в Англии, был, по-видимому, хорошо знаком с этой деятельностью.

За основу при составлении настоящей книги была принята польская двухтомная «Переписка Фридерика Шопена»³⁹, собранная и обработанная Б. Э. Сыдовым. Во всех случаях, когда письмо или документ заимствованы не из этого собрания, источник указан в комментариях непосредственно за текстом письма или документа.

Весь материал расположен в общей хронологической последовательности, с единой нумерацией. Это относится как к письмам самого композитора, так и к письмам других лиц и документам.

Все письма и документы (за редким исключением, как, например, письма братьев Фильч, опубликованные лишь по-английски), переведены с языка оригинала. Случай, когда оригинал шопеновского письма написан не на польском языке, а также когда данное письмо самого композитора впервые публикуется по-русски, особо отмечаются в комментариях.

Переводы иноязычных слов и фраз, встречающихся в письмах композитора, даются подстрочно. Явные опiski Шопена исправлены нами без специальных о том указаний.

В квадратных скобках раскрыты сокращения или недописанные автором слова. Названия иностранных газет и журналов не переводятся, так же как и общеизвестные иностранные слова (например, *adieu* — «прощай», *alias* — «то есть», а *propos* — «кстати») и популярные музыкальные термины. Все встречающиеся в тексте писем круглые скобки принадлежат автору письма, квадратные — редактору текста.

При переводе писем композитора мы стремились, где это представлялось возможным, сохранить особенности языка и стиля Шопена, передать образный строй и интонации оригинала, столь любимую Шопеном игру слов. Нам также хотелось, когда это не шло в ущерб пониманию, не делать шопеновские тексты вполне приглаженными, «литературными», а сохранить живые «шероховатости» его манеры письма. Мы старались по возможности сохранить характерные для Шопена особенности пунктуации. Это касается, преимущественно, излюбленного им знака тире, который у него часто выполняет функцию точки с запятой или просто точки, разделяющей фразы. В некоторых случаях, однако, мы сочли возможным, сохраняя авторское тире, поставить также и точку, а иногда, соответственно смыслу, даже ввести новый абзац.

Значительная часть писем Шопена не датирована (или датирована неверно). Поэтому каждому письму предпослана редакторская дата, выставленная в начале письма под его порядковым номером, слева от имени адресата. Судьба эпистолярного наследия Шопена зачастую не позволяет определить точное время написания того или иного письма, и принятая их датировка часто устанавливается по смыслу или же просто по сложившейся традиции. Мы полагаем, что для широкого круга читателей едва ли будут представлять интерес обоснования наших решений в каждом отдельном случае. Поэтому часть дат изменена нами, в результате проведенной работы, без специальной ссылки на это. Только в тех случаях, когда дата Шопена заведомо ошибочна, мы отмечаем это в комментариях. Все даты даются по новому стилю.

Комментарии для удобства пользования приводятся непосредственно за текстом письма. Там же, если они сохранились, воспроизводятся адреса и почтовые штампы, имеющие большое значение для установления точной даты письма.

Комплекс указателей, размещенный во 2-м томе, включает в себя: указатель сочинений Ф. Шопена, упоминаемых как в «Летописи жизни и творчества композитора», так и в письмах, документах и комментариях; аннотированный указатель имен; указатель писем Ф. Шопена по адресатам; указатель писем, адресованных композитору; указатель писем о Шопене и

³⁹ Korespondencja Fryderyka Chopina, tt. 1—2.

указатель дневниковых записей и документов, включенных в настоящее собрание.

Нам предстоит приятный долг выразить искреннюю и горячую благодарность всем, кто своими знаниями щедро помог осуществлению этой работы. Назовем, в первую очередь, неоценимую моральную поддержку и консультации профессора И. Бэлы, любезное содействие Генерального директора Общества имени Фридерика Шопена в Варшаве В. Вейнбаума, а также постоянное и непосредственное участие кандидата физико-математических наук С. Хоружего в процессе подготовки материалов настоящего издания.

Хотелось бы закончить эту статью словами Ц. Норвида, человека, как никто сумевшего выразить «кредо» Шопена: «[...] Он умел труднейшие задачи искусства разрешать с загадочной легкостью — потому что умел собирать полевые цветы, росы и тончайшего пуха не уронив с них. И умел пронизать их лучезарностью, идеалом искусства, превращая в звезды, в метеориты, не сказать ли — в кометы, сверкающие всей Европе.

Им слезы Народа польского, по полям рассеянные, в диадеме человечества собраны в алмаз красоты, сверкающий кристаллами невиданной гармонии.

В этом — самое высокое, что может свершить художник, и это свершил Фридерик Шопен.

Почти всю жизнь (ибо главную ее часть) провел он вне родины, но для родины.

В этом — самое высокое, чего может достичь изгнанник, и этого достиг Фридерик Шопен.

Он всюду — ибо, мудрый, никогда не терял связи с душой Отчизны — и в отчизне опочил, — ибо душа ее повсюду...»

Георгий КУХАРСКИЙ.

Февраль, 1973 г.

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ФРИДЕРИКА ШОПЕНА

1810

*1 марта (по другим
данным — 22 февраля)
23 апреля*

В 6 часов вечера в Желязовой Воле родился Фри-
дерик Франчишек Шопен.
Крещение Ф. Шопена в Броховском костеле.

1816

Ноябрь

Первое из известных сочинений Ф. Шопена —
Полонез g-moll, посвященный Виктории
Скарбек. Опубликовано в Варшаве Ю. Ци-
бульским.

Ф. Шопен начинает брать уроки фортепианной
игры у В. Живного.

Первое выступление Ф. Шопена в салоне графини
Замойской в Лазоревом дворце в Варшаве.

Варшавский лицей переносится из Саксонского в
Казимировский дворец (Краковское Пред-
местье). Шопены поселяются на втором эта-
же в правом крыле дворца.

Ф. Шопен сочиняет Полонез B-dur (записан
М. Шопеном).

1818

Начало года

Первое упоминание о Ф. Шопене в польской печа-
ти: «...Автор этого Польского танца, юный
артист, которому едва исполнилось *восемь*
лет... Это подлинный музыкальный гений,
ибо он не только с величайшей легкостью
и незаурядным вкусом исполняет трудней-
шие произведения, но является к тому же
автором нескольких танцев и вариаций [эти
сочинения не сохранились], которыми зна-
токи музыки не перестают восхищаться, па-
мятуя, прежде всего, о столь юном возрасте
композитора. Если бы этот мальчик роди-
лся в Германии либо во Франции, то навер-
няка уже привлек бы к себе всеобщее вни-
мание; пусть же эта заметка послужит сви-
детельством того, что и на нашей земле

рождаются Гении, и что нашей общественности мешает знакомиться с ними лишь отсутствие надлежащей гласности» («Pamiętnik Warszawski», 1818, г. IV, т. X, s. 129. В разделе «Указатель польских произведений, вышедших в 1817 году»).

24 февраля

На благотворительном концерте в Радзивилловском (Наместниковском) Дворце Ф. Шопен впервые выступил публично. Он исполнил первую часть Концерта e-moll В. Йировца. За участие в концерте Фридерика лично поблагодарил председатель общества поэт Ю. Немцевич.

26 сентября

Восьмилетний Ф. Шопен подносит императрице Марии Федоровне при ее посещении Варшавского лица 2 полонеза своего сочинения (эти произведения Шопена неизвестны).

1820

3 января

Певица А. Каталани, восхищенная игрой Ф. Шопена, преподносит ему золотые часы.

1821

23 апреля

Ф. Шопен вручает В. Живному Полонез As-dur, «сочиненный и посвященный господину В. Живному его учеником». Это первый из известных музыкальных автографов Ф. Шопена.

В течение года Ф. Шопен часто играет в варшавских салонах.

1822

24 февраля

Ф. Шопен выступает на музыкальном вечере. Он играет Концерт Ф. Риса («Именно исполнение этого концерта дало нам возможность услышать молодого Любителя, наделенного тем талантом, о котором мы уже говорили. Мы смело можем сказать, что еще никогда до сих пор не слышали в нашей Столице виртуоза, который бы в столь юном возрасте преодолел бы поразительные трудности с такой легкостью и уверенностью, играл бы прекраснейшее Adagio с таким чувством и исключительной точностью. Словом, это первоклассный талант, достигнувший совершенства в столь юном возрасте. — [...] После Шестого Музыкального вечера мы наверняка уже не будем завидовать Вене, где находится П[ан] Лист, ибо наша столица обладает равным ему, а может быть, и превосходящим его исполнителем (не видим причины скрывать имя юноши, снискавшего всеобщие похвалы) в лице молодого п[ана] Шопена...» («Kurier dla Peci pięknej», 1823, 26 lutego).

Конец июля — сентябрь
Сентябрь

Ф. Шопен проводит лето в Желязовой Воле.
Ф. Шопен начинает брать частные уроки композиции у ректора варшавской Главной школы музыки Ю. Эльснера.
Пишет Полойез As-dur, посвященный госпоже Дюпон.

1823

Сентябрь

Ф. Шопен проводит летние месяцы в имении Марыльских Пиенчице. Поступление в 4 класс Варшавского лицея.

1824

24 июля

При переводе в 5 класс Лицея Ф. Шопен за успехи в учебе получает награду — «Курс статистики...» Ж. Монжа, с вытисненными на обложке словами: «За примерное поведение и прилежание Фридрику Шопену /на публичном экзамене/ в Варшавском лицее/ сего 24 июля 1824».

конец июля —
сентябрь

Каникулы Ф. Шопен проводит в Шафарне в семье своего лицейского товарища Д. Дзевановского. Шопен посещает близлежащие города и села. В Шафарне он выпускает рукописную газету «Kurier Szafarski». Здесь же (до 19 августа) написана Мазурка a-moll (впоследствии оп. 17 № 4).

6 декабря

В квартире Шопенов состоялось представление одноактной комедии в стихах Фридрика и Эмили Шопен — «Ошибка, или Мнимый плут», написанной по случаю именин отца (...Они решили вместе сочинить комедию, втайне разучить ее и неожиданно представить. Итак, они сидели по вечерам, совместно создали план и поочередно писали сцены. Дело происходило зимой 1824 года. Произведение «Ошибка, или Мнимый плут» было закончено в один вечер. Это была комедия, написанная в стихах. Подлинник рукописи, в которой первые сцены написаны рукой Эмили, а дальнейшие до конца — рукой Фридрика, находится сейчас у меня перед глазами [...]). В главных ролях выступили авторы. Ф. Шопен играл роль бурмистра Толстобрюхова: «Пузатая фигура и прекрасная мимика от души развеселили всех (Wójcicki K. Smentarz Powązkowski pod Warszawą, 1856, t. 2, s. 16—21).

1825

27 мая

Благотворительный концерт профессора Ю. Явурка в зале Консерватории с участием Ф. Шопена. Он исполнил Фантазию на эолипантоне («...Другой молодой Любитель привлёк внимание знатоков, когда с чувством и вкусом исполнил Фантазию на изобретенном в Варшаве инструменте, называемом

Эолимелодикон» («Kurier Warszawski», 1825, 7 czerwca).

28 мая

Ф. Шопен в Евангелическом костеле играет в присутствии Александра I (Фантазия и Концерт f-moll И. Мошелеса).

2 июня

«Новое Рондо [ор. 1] для Фортепиано, сочиненное и посвященное Я[сновельможной] пани Линде Фрид. Шопеном, вышло в Литографии А. Бжезины». («Kurier Warszawski», 1825, 2 czerwca).

10 июня

Ф. Шопен участвует в концерте в зале Французской гостиницы. Исполняет фантазию на эолимелодиконе и Концерт f-moll И. Мошелеса. Восторженная рецензия на этот концерт появилась в лейпцигской «Allgemeine Musikalische Zeitung» — это первое упоминание о Шопене в иностранной печати.

Конец июля

Ф. Шопен с похвальной грамотой переходит в 6 класс Варшавского лицея.

Конец июля —
сентябрь

Каникулы Ф. Шопен проводит в Шафарне и ее окрестностях. Экскурсия в Торн (Торунь) и Данциг (Гданьск)¹, где он навещает брата С. Б. Линде, осматривает достопримечательности.

Конец декабря

Ф. Шопен встречает Новый год в Желязовой Воле.

В течение года Ф. Шопен по воскресеньям играет на органе в костеле Салезианок во время литургической мессы.

1826

27 июля

Ф. Шопен с похвальным отзывом окончил Варшавский лицей. Написан Полонез b-moll («Прощай!»). Ф. Шопен посвящает его своему другу В. Кольбергу.

28 июля

Вместе с матерью и сестрами Людвикой и Эмилией Ф. Шопен едет на воды в Рейнерц (Душники-Здруй). По дороге они останавливаются в Стжижеве у Веселовских.

3 августа —
11 сентября

Пребывание в Рейнерце. Ф. Шопен дает 2 концерта в пользу детей шахтеров, оставшихся сиротами.

13—15 сентября
Вторая половина
сентября

Пребывание во Вроцлаве.

После возвращения в Варшаву Ф. Шопен поступает в Главную школу музыки в класс Ю. Эльснера.

16 декабря

Ф. Шопен играет «собственную фантазию» на инструменте, «называемом Хоралион», в доме № 437 на Рымарской улице.

Написано Rondo à la Mazur F-dur ор. 5, посвященное де Мориоль.

1827

Начало года

Написан Контраданс Ges-dur, посвященный Т. Войцеховскому.

¹ Существует мнение, что эта поездка состоялась лишь летом 1827 г.

10 апреля
До 17 июля

Лето

Скончалась младшая сестра Ф. Шопена Эмилия. Эльснер пишет в отчете Главной школы музыки: «Ученик первого года, Фридерик Шопен: особое дарование».

Ф. Шопен гостит у Збоиньских, затем у Весёловских в Стжижеве. Семья Шопена переезжает из Казимировского дворца во второй этаж левого крыла дворца Красиньских (ныне Краковское Предместье, 5).

Ф. Шопен пишет Вариации B-dur для фортепиано с оркестром op. 2, посвященные Т. Войцеховскому; Сонату c-moll op. 4, посвященную Ю. Эльснеру; Полонез d-moll op. 71 № 1; Мазурку a-moll op. 68 № 2 и Ноктюрн e-moll op. 72.

1828

28 февраля

«В литографии Бжезины вышло Rondo à la Mazur для фортепиано, сочиненное Фр. Шопеном» («Kurier Warszawski», 1828, 28 lutego).

Весна

Умирает близкий друг Ф. Шопена Я. Бялоблоский.

22 июля

Ю. Эльснер в отчете Главной школы музыки пишет: «Занятия по композиции... Ученик второго года, Фридерик Шопен (особая одаренность) выехал для поправления здоровья».

Лето

Ф. Шопен отдыхает в семье своих друзей Прушак в Санниках.

9 сентября —
2 октября

Первая поездка Ф. Шопена за границу. Он сопровождает профессора Варшавского университета Ф. Яроцкого на конгресс естествоиспытателей в Берлин. В Берлине Шопен посещает концерты и оперные спектакли. На обратном пути в Познани играет у А. Радзивилла.

27 декабря

Ф. Шопен заканчивает Rondo à la Krakowiak для фортепиано с оркестром F-dur op. 14; в этом году написаны Rondo C-dur для двух фортепиано op. 73 и Полонез B-dur op. 71 № 2.

Начало работы над этюдами.

1829

4 апреля
23 мая —
19 июля

Ф. Шопен знакомится с К. Гладковской. В Варшаве концертирует Н. Паганини. Ф. Шопен пишет фортепианную пьесу «Воспоминание о Паганини» A-dur, Концерт f-moll op. 21.

20 июля

Ф. Шопен кончает Главную школу музыки. Ю. Эльснер в отчете Главной школы музыки пишет: «Ученик третьего года, Шопен Фридерик. Исключительная одаренность, музыкальный гений...»

Вторая половина
июля
23 июля

Отъезд Ф. Шопена в Вену.

Ф. Шопен расписывается в гостевой книге старой Ягеллонской библиотеки; осмотр Кракова и его окрестностей (Вавель, Ойцув, соляные копи в Величке).

31 июля

11 и 18 августа

21 августа

23 августа

24 августа

26 августа

Сентябрь

20 октября —

6 ноября

19 декабря

Прибытие в Вену. Ф. Шопен знакомится с рядом крупных венских музыкантов.

Ф. Шопен дает в Вене два концерта («...Пан Шопен, сын профессора эдешнего университета [!], продемонстрировал свой талант в Вене в театре у Каринтийских ворот... Он играл на фортепиано Рондо своего сочинения, а также Вариации на тему Моцарта и был принят со всеобщим удовлетворением; после каждого соло возобновлялись бурные аплодисменты. Венцы называют его наследником Гуммеля. На следующий день выдающиеся лица приглашали его к себе. Он должен дать второй концерт!..» («Gazeta Polska», 1829, 30 sierpnia)).

Ф. Шопен приезжает в Прагу.

Ф. Шопен вписывает в альбом В. Ганке так называемую «Пражскую мазурку».

Играет в Теплице, в замке князей Клары.

Ф. Шопен в день восьмидесятилетия Гете присутствует на спектакле «Фауст» в Дрездене.

Возвращение в Варшаву через Вроцлав.

Художник А. Мирошевский пишет портреты Ф. Шопена, всех членов его семьи и В. Живного.

Ф. Шопен гостит в Стжижеве у своей крестной матери А. Весёловской, затем в Антонине (близ города Калиша) у А. Радзивилла (29 октября Шопен расписывается там в гостевой книге). Тут состоялось первое исполнение Трио для фортепиано, скрипки и виолончели g-moll op. 8 Шопена. В Антонине Шопен пишет Интродукцию и Полонез C-dur op. 3 для фортепиано и виолончели, посвященный Й. Мерку (здесь же состоялось и его первое исполнение). Э. Радзивилл делает 2 карандашных портрета Шопена.

Ф. Шопен принимает участие в концерте в зале Купеческого собрания. Он аккомпанирует певцу Копелло и импровизирует. «Вечер, состоявшийся в прошлую субботу в Купеческом собрании, был одним из самых прекрасных в нашей столице. Особый блеск придал ему талант п[ана] Шопена. Наш Соотечественник, принимаемый за границей с воодушевлением, до сих пор не давал случая публично слышать себя на Своей Родине. Хотя скромность и является украшением таланта, однако в данном случае она менее почтена. Разве талант п[ана] Шопена не принадлежит его Родине? Разве Польша не сумеет достойно оценить его?

Произведения пана Шопена, бесспорно, отмечены печатью гения; к числу новых его произведений принадлежит Концерт f-moll, достойный того, чтобы его поставили рядом с произведениями известных музыкантов Европы...» («Kurier Warszawski», 1829, 23 grudnia).

Конец года

Сближение Ф. Шопена с группой молодых прогрессивных литераторов: М. Мохнацким, С. Витвицким, Б. Залеским, С. Гощиньским и другими.

Написаны: Большая фантазия на польские темы для фортепиано с оркестром A-dur op. 13, посвященная Й. П. Пиксису, и песня «Желание на слова С. Витвицкого (op. 74 № 1).

1830

7 февраля

Ф. Шопен на квартире родителей впервые исполняет Концерт f-moll в сопровождении неполного состава оркестра, а также Фантазию на польские темы; присутствуют Ю. Эльснер, К. Курпиньский, В. Живный и др. («Мне казалось, что в его оригинальных мыслях я вижу глубину Бетховена, а в их воплощении — искусство и приятность Гуммеля...» («Powszechny Dziennik Krajowy», 1830, 4 marca).

4 марта

В день именин Ф. Шопена («... у п[ана] Шопена собрались многочисленные Артисты и Любители музыки. Молодой Виртуоз играл свой Концерт и *Попурри* на разные темы, в частности, на тему народной песенки «Уж месяц скрылся», а также Краковяк *Курпиньского* [Фантазия на польские темы A-dur] и т. п. Повторяем мнение знаменитейших лиц: „Юный Шопен превосходит всех Пианистов, которых мы слышали донныне. Это — *Паганини фортепиано*; его сочинения отличаются возвышенностью и новизной замысла”» («Kurier Warszawski», 1830, 4 marca).

17 марта

Ф. Шопен в Национальном театре играет Концерт f-moll и публично исполняет Фантазию на польские темы A-dur («...Чтобы сочетать с изысканной игрой и гениальной композицией столь прекрасную простоту родного пения, как это свойственно Шопену, надо обладать надлежащим чувством, понять отголоски наших нив и лесов, услышать песенку польского крестьянина...» — В. Гжи-мала в «Kurier Polski», 1830, 20 marca).

22 марта

Второй концерт Ф. Шопена в Национальном театре. В программе: Концерт f-moll, первое исполнение Rondo à la Krakowiak и импровизация.

Май — июнь

Шопен посещает 5 концертов Г. Зонтаг, пишет Концерт e-moll op. 11.

16 июня

В Варшаву прибывают изданные в Вене Вариации B-dur Ф. Шопена.

8 июля

Ф. Шопен участвует в концерте певицы Б. Майер в Национальном театре. Исполняет Вариации B-dur («Пан Шопен играл на фортепиано Вариации своего сочинения; горячие аплодисменты, возобновлявшиеся трижды, свидетельствуют об удовлетворении слушателей как композицией, так и ее исполнением». — «Kurier Warszawski», 1830, 9 lipca).

Середина июля

24 июля

22 сентября

Ф. Шопен гостит в Потужине (близ Люблина) у своего друга Т. Войцеховского.

Дебют К. Гладковской в опере Ф. Паэра «Агнес-са» в Варшавском Национальном театре.

Первое исполнение Концерта е-moll на квартире Шопенов («Спешу донести друзьям музыки и отечественных талантов радостную весть. Фридерик Шопен сочинил второй большой Концерт. Третьего дня у себя на квартире в присутствии своих близких и самых выдающихся мастеров и знатоков, какими обладает наша столица, он впервые исполнил его с оркестром. Надо ли рассыпаться в похвалах этому произведению? Я ограничусь одним словом: это произведение гения. [...] Через месяц он намерен уехать за границу. [...] Мы выражаем надежду, что ни одна чужеземная столица не задержит его навсегда, и он, увенчанный новым блеском, вернется в лоно своей семьи, в свой родной город, и посвятит себя славе польской оперы, которая может связывать с его именем столь большие надежды». — «Powszechny Dziennik Krajowy», 1830, 24 wrzesnia).

11 октября

Прощальный концерт Ф. Шопена в Национальном театре с участием К. Гладковской. Шопен впервые исполняет публично Концерт е-moll («Новый Концерт е-moll, сочиненный и впервые публично исполненный п[аном] Шопеном, знатоки считают одним из возвышенных музыкальных произведений, в особенности же Adagio и Rondo вызвали всеобщее восхищение». — «Kurier Warszawski», 1830, 12 października).

2 ноября

Ф. Шопен навсегда покидает Варшаву («Вчера наш Соотечественник, музыкальный Виртуоз и Композитор Фридерик Шопен выехал из Варшавы для посещения чужих стран. Сначала он остановится в Калише, откуда направится в Берлин, Дрезден, Вену, затем посетит Италию и Францию». — «Kurier Warszawski», 1830, 3 listopada).

8 ноября

Ф. Шопен выступает во Вроцлаве в концерте. Исполняет Larghetto и Rondo из Концерта е-moll и импровизирует.

24 ноября
Ночь с 29
на 30 ноября
Конец года

Ф. Шопен приезжает в Вену.
Начало восстания в Варшаве.

Ф. Шопен знакомится в Вене с замечательным чешским скрипачом Й. Славиком.

Написано Lento con gran espressione.
Песня «Гулянка» (op. 74 № 4).

1831

4 апреля

Ф. Шопен принимает участие в концерте певицы Гастриа-Вестрис. Исполняет Концерт е-moll.

11 июня

Ф. Шопен принимает участие в концерте-бенефисе дирижера Д. Матиса. Исполняет Концерт е-moll.

А. Фукс дарит Ф. Шопену музыкальный автограф Бетховена.

Написана Мазурка f-moll op. 7 № 3.

20 июня — 20 июля
20 июля

Ф. Шопен выезжает из Вены в Париж через Линц, Зальцбург, Мюнхен и Штутгарт.

Август

Ф. Шопен — в Мюнхене; 28 августа он в сопровождении оркестра Мюнхенской филармонии исполняет Концерт e-moll и Фантазию на польские темы A-dur («28 августа г-н Шопен из Варшавы дал утренний концерт в зале Филармонического общества [...] и показал себя превосходным виртуозом. Наряду с превосходной техникой заслуживает быть специально отмеченной очаровательная нежность его игры и необычайно красивая и характерная мелодичность». — «Flora», 1831, 30 augusta).

Начало сентября

Ф. Шопен приезжает в Штутгарт. Под впечатлением известий о падении Варшавы и разгроме восстания возникает Этюд c-moll, названный Ф. Листом «Революционным» (впоследствии № 12 op. 10).

Середина сентября

Ф. Шопен приезжает в Париж, где снимает 2 маленькие комнаты на 5 этаже по Boulevard Poissonnière, № 27.

Конец сентября —
ноябрь

Ф. Шопен знакомится с парижскими музыкантами: Ф. Хиллером, Ф. Листом, Л. Керубини, О. Франкоммом, Дж. Мейербером, Ф. Калькбреннером, Ф. Фетисом и другими.

7 декабря

В лейпцигской «Allgemeine Musikalische Zeitung» появляется восторженная статья Р. Шумана о Вариациях B-dur Шопена, содержащая знаменитую фразу: «Шляпы долой, господа, перед вами гений!»

1832

Начало года

Знакомство с Г. Гейне, Г. Берлиозом, Ф. Мендельсоном.

31 января
26 февраля

Бракосочетание К. Гладковской с Ю. Грабовским.

Ф. Шопен дает свой первый парижский концерт в зале Плейеля (улица Cadet, № 9). Исполняет Концерт f-moll, Вариации B-dur и принимает участие в исполнении Полонеза Ф. Калькбреннера для 6 фортепиано. Восторженная рецензия Ф. Фетиса в «La Revue Musicale de Paris» за 3 марта: «...Этот молодой человек, следуя за своими естественными впечатлениями и не идя ни по чьим стопам, дал если и не полное обновление фортепианной музыки, то во всяком случае часть того, что уже давно и тщетно пытаются найти, — то есть изобилие оригинальных мыслей, никогда прежде не встречавшихся...».

Апрель — май

Ф. Шопен принимает участие в нескольких концертах. Начало педагогической деятельности. Частые встречи с Б. Яньским.

20 мая

Ф. Шопен участвует в благотворительном концерте, устроенном Ж. Н. Нейем («В этом концерте мы услышали в исполнении автора первую часть Концерта [f-moll] для фортепиано, сочиненного г-ном Шопеном из Варшавы. Этот Концерт мы уже слышали у г-на Плейеля, и он завоевал блестящий успех; нам, впрочем, кажется, что музыка этого артиста много выиграет в глазах общественного мнения, когда последнее ознакомится с нею более». — «Revue Musicale», 1832, 26 mai).

24 июня

Датирована Мазурка B-dur, посвященная А. Волховской.

6 августа

Датирован Этюд cis-moll op. 10 № 4.

7 августа

Ф. Шопен знакомится с А. Мицкевичем, Ю. Словацким. Шопен играет в их присутствии; встречается с Ю. Немцевичем.

25 августа

Датирован Этюд E-dur op. 10 № 3.

22 ноября

Бракосочетание Людвики Шопен с К. Енджевичем.

Осень

Ф. Шопен переезжает на улицу Cité Bergère, № 4.

4 декабря

Ф. Шопен принимает у себя А. Мицкевича и Б. Залеского. Первые публикации произведений Ф. Шопена в Париже, Лондоне и Лейпциге: 4 Мазурки op. 6, посвященные графине П. Плятер, и 5 Мазурок op. 7, посвященных «г-ну Джонсону из Нового Орлеана».

1833

Январь

Ф. Шопен избран в Польское литературное общество. Опубликованы 3 Ноктюрна op. 9, посвященные госпоже Плейель.

Март

Опубликовано Трио g-moll для фортепиано, скрипки и виолончели, посвященное А. Радзивиллу.

3 апреля

Ф. Шопен с Ф. Листом участвуют в концерте братьев Герц; исполняется на 2 фортепиано квартет в 8 рук.

Ф. Шопен и Ф. Лист участвуют в концерте-бенефисе английской артистки Г. Смитсон, будущей жены Г. Берлиоза. Исполняют «Офелию» Г. Берлиоза.

Весна

Ф. Шопен участвует в ряде парижских концертов.

Ф. Шопен сближается с В. Беллини и виолончелистом О. Франкоммом.

Июнь

Опубликованы 12 Больших этюдов для фортепиано op. 10, посвященных «моему другу Фр. Листу»; Первый концерт для фортепиано с оркестром e-moll, посвященный «г-ну Фрид. Калькбреннеру».

Ф. Шопен переезжает на Rue Chaussée d'Antin (сперва в № 38, а затем в дом № 5).

Июль

Опубликован Большой концертный дуэт для фортепиано и виолончели A-dur на темы из оперы «Роберт-дьявол» Дж. Мейербера (написан совместно с О. Франкоммом).

Лето

7 сентября

Ноябрь

15 декабря

24 декабря

Декабрь

5 января

Март

29 апреля

Весна

Май

Июнь

Ф. Шопен отдыхает в Турени (Кото) в семье
О. Франкомма.

Возвращение в Париж.

Опубликованы Блестящие вариации для фортепиано A-dur на тему рондо «Je vends des scapulaires» из оперы Герольда и Галеви «Людвик» ор. 12, посвященные Э. Хорсфорд (написаны летом этого года).

Ф. Шопен совместно с Ф. Листом участвует в концерте Ф. Хиллера в зале Консерватории. Исполняют Allegro из Концерта d-moll И. С. Баха для 3 клавиров («...Фрагмент для трех фортепиано, исполненный господами Хиллером, Листом и Шопеном, доставил нам редкое наслаждение: три артиста исполнили этот отрывок — скажем прямо — изысканно, с совершенным проникновением в его характер». — Из статьи Э. Фетиса в «Revue Musicale», 1833, 21 decembre).

В «Journal des Débats» сообщается, что Ф. Шопен будет импровизировать с 3 до 8 вечера во время благотворительного базара в пользу польских эмигрантов (Chaussée d'Antin, № 3).

Выходят Ноктюрны ор. 15, посвященные Ф. Хиллеру.

1834

Начинает выходить «Gazette Musicale de Paris».

В первом номере помещена большая статья А. Гемера о Ф. Листе, Ф. Хиллере, Шопене и Г. Бертини.

Опубликовано Рондо Es-dur ор. 16, посвященное К. Гартман.

Ф. Шопен вместе с Ф. Листом, Ф. Хиллером, Ж. Онслоном, Д. Осборном, И. Пиксисом, К. Шунке выступают в качестве свидетелей на стороне М. Шлезингера в его процессе против А. Герца.

В Париж приезжает Я. Матушиньский и поселяется вместе с Шопеном в его квартире.

Ф. Шопен с Ф. Хиллером едет на Нижне-Рейнский музыкальный фестиваль («Праздник Рейна») в Аахен («Гг. Шопен и Хиллер уехали в Аахен, чтобы присутствовать на большом музыкальном празднике, где будет исполняться под управлением г-на Фердинанда Риса [оратория] Дебора Генделя, инструментованная г-ном Ф. Хиллером». — «Gazette Musicale de Paris», 1834, 18 mai). Они посещают Кельн, где осматривают собор, Кобленц и Дюссельдорф. Встреча с Ф. Мендельсоном в Аахене. Опубликована Фантазия A-dur, посвященная И. Пиксису и 4 Мазурки ор. 17, посвященные Д. Фреппа.

Опубликованы: Краковяк — Большое концертное рондо F-dur для фортепиано с оркестром ор. 14, посвященное А. Чарторыской, Боль-

шой блестящий Вальс Es-dur op. 18, посвященный Л. Хорсфорд.

6 июля
10 июля

Датировано Largo Es-dur.

Датирована Прелюдия As-dur, посвященная П. Вольфу.

Октябрь

Опубликовано Болеро C-dur op. 19, посвященное г-же Э. де Флао.

Осень

Ф. Шопен знакомится с семейством Тун-Хохенштейн.

8 ноября

Бракосочетание Изабеллы Шопен с А. Барциньским.

7 декабря

Ф. Шопен принимает участие в дневном концерте Г. Берлиоза в Консерватории. Исполняет Larghetto из Концерта f-moll.

25 декабря

Ф. Шопен и Ф. Лист участвуют в зале Плейеля в дневном концерте-бенефисе известного немецкого педагога Ф. Штепеля. Исполняют Дуэт Ф. Листа на тему песен Мендельсона и Дуэт И. Мошелеса. В концерте участвуют С. Гейнефетер и В. Эрнст («Господа Лист и Шопен блестяще открыли его [концерт] Большим дуэтом для фортепиано в четыре руки Мошелеса. Нам кажется излишним говорить, что пьеса — один из шедевров композитора — была исполнена с редким совершенством талантов двумя самыми большими виртуозами нашей эпохи». — «Gazette Musicale de Paris», 1834, 28 decembre). Одно из первых упоминаний о Шопене в русской печати: «Мы обязаны г-ну Герке знакомством с новым композитором; правда, что творения Шопена (Chopin) уже года три или четыре лежат в здешних музыкальных магазинах; но до сих пор, кажется, еще никто не пытался преодолеть необычайные трудности, которыми наполнены эти творения. Если Шопен решится когда-нибудь писать человеколюбивее, если он будет хотя несколько щадить физические способности фортепианиста, то он, конечно, займет почетное место в числе известнейших композиторов. Творения его отличаются большим изяществом, певучестью в cantabile, оригинальностью в идеях и пассажах; аккомпанементы его иногда слишком сложны, но между тем в них заметна рука мастера своего дела; Концерт его en mi-mineur, сыгранный г-ном Герке, достоин быть в репертуаре лучших фортепианистов. Вариации на бессмертный дуэт Моцарта (La ci darem la mano) суть верх музыкальных трудностей» («Сын отечества и северный архив», 1834, № 16).

Написана Мазурка As-dur (в Альбоме Шимановской) и Кантабиле B-dur.

1835

Январь

Ф. Шопен, Ф. Лист и О. Франкомм играют в «Le cercle Musical».

- 25 февраля Ф. Шопен в зале Эрара играет с Ф. Хиллером его Дуэт для 2 фортепиано.
- 22 марта Ф. Шопен участвует в концерте в зале Плейеля.
Март Опубликовано Скерцо h-moll op. 20, посвященное Т. Альбрехту.
- 4 апреля Ф. Шопен вместе с Ф. Листом, А. Нурри, Г. Эрнстом и другими артистами участвуют в концерте в Итальянском театре в пользу польских эмигрантов. Шопен играет Концерт e-moll и с Ф. Листом Дуэт Ф. Хиллера.
- 26 апреля Ф. Шопен в концерте-бенефисе дирижера Ф. Хабенека в Парижской консерватории играет в сопровождении оркестра Andante spianato и Большой блестящий полонез Es-dur op. 22, посвященный д'Эсте; это — первое исполнение данного сочинения.
- Начало лета Ф. Шопен проводит некоторое время в Энгийене под Парижем.
- 4 августа Ф. Шопен выезжает в Карлсбад (Карловы Вары).
16 августа Ф. Шопен прибывает в Карлсбад, где встречается с родителями и проводит с ними месяц; в Карлсбаде же Шопен встречается с семьей Тун-Хохенштейн, с В. Йировцем, К. Диллер, Й. Дессауэром, К. Хотekom и другими.
- 14 сентября Ф. Шопен в замке Тетчин навсегда прощается со своими родителями.
- 19 сентября Ф. Шопен покидает Тетчин и направляется в Дрезден, куда прибывает в тот же день. Тут он встречается с А. Кленгелем и А. Циховским. Встреча с семьей Водзиньских.
- 22 сентября Ф. Шопен посвящает г-же Линде рукопись Мазурки As-dur op. 24 № 3: «A Mme Linde/ Chopin 22 Sept. Dresden 1835».
- 3 (или 4) октября Ф. Шопен покидает Дрезден.
5 октября В Лейпциге Ф. Шопен встречается с Ф. Мендельсоном; у Ф. Вик знакомится с К. Вик и Р. Шуманом. Посещает своих издателей Пробст-Кистнеров.
- Первая половина октября Ф. Шопен навещает в Гейдельберге К. Диллера. В Гейдельберге Шопен тяжело заболевает, распространяются слухи о его смерти.
- Вторая половина октября Через Страсбург Ф. Шопен возвращается в Париж («Один из самых выдающихся пианистов нашего времени, г-н Шопен, вернулся в Париж, совершив поездку по Германии, которая была для него подлинным триумфом. Повсюду его поразительный талант встречал самый горячий прием...». — «La Gazette Musicale de Paris», 1835, 25 octobre).
- Ноябрь Частые встречи в Париже с К. Липиньским.
Опубликованы 4 Мазурки op. 24, посвященные А. де Пертюи.
- 20—28 декабря Вечерами во время Польского благотворительного базара Ф. Шопен играет вместе с В. Совиньским.

1836

Ф. Шопен вписывает в альбом А. Тейхману 20 начальных тактов Этюда op. 25 № 2.

- 10 февраля
9 апреля
29 мая
Май
Июнь
19 июля
28 июля
Июль
8 сентября
12 сентября
Середина сентября
Конец октября —
начало ноября
5 ноября
Конец года
- Ф. Шопен участвует в музыкальном вечере в Hôtel Lambert.
Ф. Шопен принимает участие в концерте Ф. Листа в зале Эрара. Исполняет с ним Большой бравурный вальс в 4 руки Листа. Лист играет несколько неопубликованных этюдов Шопена. Опубликован второй Концерт f-moll для фортепиано с оркестром, посвященный Д. Потоцкой.
Ф. Шопен в гостях у А. Мицкевича (с Б. Яньским и Конопко).
Опубликованы 2 Ноктюрна ор. 27, посвященные г-же д'Аппони.
Опубликована Баллада g-moll ор. 23, посвященная барону Штокхаузену. Частые встречи Ф. Шопена в Монморанси (близ Парижа) с Ю. Немцевичем, А. Мицкевичем, С. Витвидким и К. Князевичем.
Ф. Шопен выезжает из Парижа в Мариенбад (Марианские Лазни), где Мария Водзиньская проводит лето.
Ф. Шопен приезжает в Мариенбад и останавливается в гостинице «Под белым лебедем». В Мариенбаде М. Водзиньская ищет известный акварельный портрет Ф. Шопена.
Опубликованы 2 Полонеза ор. 26, посвященные И. Дессауэру.
Вместе с Водзиньскими Шопен едет в Дрезден. Он просит руки Марии Водзиньской, получает ее согласие, но родители не дают окончательного ответа на предложение Шопена.
Ф. Шопен в Лейпциге встречается с Р. Шуманом и К. Вик. Он возлагает венок у памятника погибшего во время «Битвы народов» князя Ю. Понятовского.
На обратном пути в Париж Ф. Шопен встречается в Касселе с Л. Шпором, а во Франкфурте с Каролом Липиньским. Заезжает в Гейдельберг к К. Диллер.
Ф. Лист знакомит Ф. Шопена с Ж. Санд.
Вечер у Ф. Шопена, на котором присутствует Ж. Санд.
Ф. Шопен переезжает в дом № 38 по улице Chaussée d'Antin.
Опубликован Полонез As-dur с Andante spianato.

1837

- 15 марта
9 апреля
Начало лета
7—25 июля
- Л. Я. Брянская в концерте Петербургского филармонического общества исполняет один из концертов Ф. Шопена.
Ф. Шопен принимает участие в концерте Ф. Листа в зале Эрара. Шопен и Лист исполняют Большой вальс в 4 руки Листа.
Ф. Шопен отдыхает в Энгийен-ле-Бен и гостит в Сен-Грасиене у А. де Кюстина.
Ф. Шопен проводит с К. Плейелем 2 недели в Англии. Осмотр Лондона и его окрестностей. Встреча с С. Козьмяном и Л. Ульри-

хом. У Бродвуда Шопен играет в присутствии нескольких лондонских музыкантов («Если бы Шопен не был наиболее скромным и вместе с тем наименее тщеславным и самолюбивым из всех живущих музыкантов, то его давно бы чтили как создателя нового стиля и вообще новой школы в фортепианной музыке. Когда несколько месяцев назад он провел некоторое время в нашей столице, лишь немногие имели счастье слышать его игру, но эти немногие никогда не расстанутся с этими воспоминаниями». — Лондонский «Musical World», 1838, 23 february).

Середина года

Разрыв помолвки с М. Водзиньской. Скульптор А. Бови делает первый медальон Ф. Шопена.

Ф. Шопен получает через русского посла в Париже предложение правительства Николая I получить звание «первого пианиста Его Величества Императора Всероссийского». Шопен ответил отказом, заявив, что «хотя он выехал до Ноябрьского восстания и его всегда слабое здоровье не позволило ему принять участие в борьбе за независимость, но тем не менее всем сердцем и всей душой он желал своей родине благополучного исхода кровавых сражений, разделял пламенные стремления своих соотечественников, так же как разделяет сейчас их скорбь, считает поэтому себя эмигрантом и ни в коем случае не может принять предложенную ему честь»¹.

Октябрь

У. Ф. Шопена устанавливаются дружеские отношения с Ж. Санд и кругом ее знакомых.

Декабрь

Опубликованы 12 Этюдов ор. 25, посвященных графине М. д'Агу.

Опубликован Экспромт As-dur ор. 29, посвященный де Лобау; 4 Мазурки ор. 30, посвященные княгине Вюртембергской; Скерцо b-moll, посвященное А. Фюрштенштейн и 2 Ноктюрна ор. 32, посвященные баронессе Билинг.

1838

Конец февраля

Ф. Шопен играет во дворце Тюильри («Г-н Шопен, этот пианист, столь же невероятный, сколь и скромный, был приглашен недавно к королевскому двору, чтобы дать себя услышать в узком избранном кругу. Здесь, словно в собрании артистов, сумели оценить выдающиеся достоинства молодого композитора, но особенно были покорены его неисчерпаемыми импровизациями, которые заполнили почти весь вечер и вызвали шум-

¹ Другую редакцию этого ответа с несколько иным мотивом отказа сообщает Ф. Хезик: «...не принял участия в революции 1831 г., ибо был для этого слишком юн». — Hoesick F. Chopin, t. 2, s. 150.

ное одобрение собравшихся». — «Revue et Gazette Musicale de Paris», 1838, 25 fevrier).

5 марта

Ф. Шопен участвует в концерте; играет с В. Альканом, А. Гутманом и П. Циммерманом в 8 рук переложение Симфонии Бетховена A-dur (Анданте и Финал).

12 марта

Ф. Шопен выступает в Руане в симфоническом концерте-бенефисе дирижера А. Орловского. Исполняет Концерт e-moll. Восторженная рецензия Э. Легувэ об этом концерте: «Шопен, который привык отдавать свой очаровательный гений аудитории в пять-шесть человек [...] выступил в Руане в пользу одного польского профессора в концерте, на котором присутствовало пятьсот слушателей [...]. Вперед, Шопен, вперед! Пусть этот триумф пробудит в вас решимость. Не будьте больше эгоистом, сделайте доступным для всех ваш прекрасный талант! Будьте тем, кто вы есть; положите конец спору, который разделяет артистический мир на лагери; и когда будут спрашивать, кто самый великий пианист Европы: Лист или Тальберг, пусть все смогут ответить подобно тем, что слышали вас: самый большой — Шопен» («Revue et Gazette Musicale de Paris», 1838, 25 mars).

Лето

Ф. Шопен проводит летние месяцы в Париже. Сближение с Ж. Санд. Э. Делакура пишет портрет Шопена. Начало дружбы с Э. Делакура. Знакомство с Н. Паганини.

Октябрь

Я. Гетценберг создает карандашный портрет Ф. Шопена за фортепиано.

Конец октября

Ф. Шопен покидает Париж, чтобы провести зиму на острове Майорка с Ж. Санд и ее детьми («Шопен — этот выдающийся пианист, страдающий заболеванием легких, выехал в Испанию, чтобы избежать суровой парижской зимы». — «Musical World», 1839, p. 13).

Начало ноября

Посещение Барселоны и ее окрестностей, обеды на военных кораблях и т. д.

7 ноября

В 5 часов вечера на корабле «El Mallorquin» Ф. Шопен и Ж. Санд отплывают на Майорку.

8 ноября

Ф. Шопен и Ж. Санд прибывают на Майорку. Сначала они поселяются в Пальме, затем в окрестностях города в «Доме ветра».

28 ноября

Датирована Мазурка e-moll op. 41, № 2. Опубликованы 4 Мазурки op. 33, посвященные Р. Мостовской.

15 декабря

Ф. Шопен и Ж. Санд переезжают в монастырь Вальдемоза.

Конец года

Ф. Шопен тяжело заболевает. Р. Шуман посвящает Ф. Шопену свою «Крейслериану».

Опубликованы 3 Блестящих вальса op. 34.

1839

12 января

В Вальдемозе Ф. Шопен закончил работу над циклом Прелюдий op. 28 (отправлены в

этот день К. Плейелю); начинает работать над Скерцо cis-moll op. 39.

Ф. Шопена посещает польский путешественник и астроном Э. Дембовский.

13 февраля

Ухудшение здоровья Ф. Шопена заставляет его и Ж. Санд покинуть Майорку.

14 февраля

Прибытие в Барселону.

18—20 февраля

Ф. Шопен и Ж. Санд проводят в Ариенис-де-Мар.

22 или 25 февраля —

Пребывание в Марселе; после значительного улучшения в состоянии здоровья Ф. Шопена они с Ж. Санд совершают поездку в Геную.

22 мая

Ф. Шопен и Ж. Санд покидают Марсель и направляются в Ноан — имение Ж. Санд.

В Ноане Ф. Шопен заканчивает Сонату b-moll op. 35 и Скерцо cis-moll.

Сентябрь

Опубликованы 24 Прелюдии op. 24, посвященные К. Плейелю (французское издание) и «моему другу Кесслеру» (немецкое издание).

11 октября

Ф. Шопен возвращается в Париж и поселяется на улице Tronchet, № 5. Знакомится с И. Мошелесом, у них устанавливаются дружеские отношения.

29 октября

Совместный концерт Ф. Шопена и И. Мошелеса в Сен-Клу («В прошлый вторник король пригласил гг. Мошелеса и Шопена в Сен-Клу, и эти два больших артиста играли перед двором. В этом маленьком королевском кружке они исполнили очаровательные этюды, недавно сочиненные ими. Большая Соната в четыре руки Мошелеса произвела такое впечатление, что королева пожелала вторично услышать ее Анданте. Затем Шопен импровизировал на тему «La Follé» Гризара, а Мошелес на разные темы Моцарта, особенно же из увертюры к «Волшебной флейте» (Zauber-floete), из которой он выбрал отрывок, достойный его двойного таланта пианиста и композитора. Эти два больших артиста приковали внимание и делили восторг двора в продолжение всего вечера». — «Revue et Gazette Musicale de Paris», 1839, 31 octobre).

1840

Май

Опубликована Соната b-moll, Экспромт Fis-dur op. 36, и 2 Ноктюрна op. 37.

Лето

Ф. Шопен и Ж. Санд проводят летние месяцы в Париже, выезжая лишь на несколько дней в Сен-Жермен и Сен-Граснен.

27 июня

Ф. Шопен играет у А. де Кюстина в Сен-Граснене.

2 июля

Датирован Листок из альбома Э. Гайара.

Июль

Опубликован Блестящий вальс As-dur op. 42.

Ф. Шопен часто встречается с приехавшим в Париж А. Мицкевичем. Частые встречи с Б. Залеским, С. Витвицким, К. Гофмановой-Таньской, Ю. Немцевичем, К. Князевичем.

- Сентябрь Опубликована Баллада F-dur op. 38, посвященная Р. Шуману.
- Октябрь Опубликовано Скерцо cis-moll op. 39, посвященное А. Гутману.
- Ноябрь Опубликованы 2 Полонеза op. 40, посвященные Ю. Фонтане.
- 22 декабря Первая лекция А. Мицкевича из его курса славянских литератур (1840—1844) в Коллеж де Франс. Ф. Шопен часто посещает лекции А. Мицкевича.
- Опубликованы 4 Мазурки op. 41, посвященные С. Витвицкому.

1841

- 26 апреля Ф. Шопен дает концерт в зале Плейеля с участием певицы Л. Даморо-Цинти и скрипача Г. Эрнста. Шопен исполняет Полонез op. 40 № 1, вторую Балладу, третье Скерцо, мазурки op. 41 и несколько прелюдий. Этому концерту посвящена большая рецензия Ф. Листа в «Revue et Gazette Musicale de Paris» за 2 мая 1841 г. («...Так же как и другому большому поэту, Мицкевичу, его соотечественнику и другу, муза родины внушала ему его песни, и жалобы Польши надели его музыку таинственной поэзией, которая для всех, кто по-настоящему сумел ее почувствовать, не может быть сравнима ни с чем [...]. Без ложных поисков оригинальности он был самим собой, как в стиле, так и в замыслах. Новые мысли он сумел облечь в новую форму...»).
- Скульптор Ж. П. Дантан лепит бюст Ф. Шопена.
- Начало июня — начало ноября Ф. Шопен живет в Ноане. Там же гостит П. Виардо-Гарсия.
- 21 июля Бракосочетание М. Водзиньской с Ю. Скарбком.
- Октябрь — ноябрь Полемика в английском журнале «Musical World» о творчестве Ф. Шопена.
- Начало ноября После возвращения в Париж Ф. Шопен поселяется на улице Pigalle, № 16.
- Ноябрь Опубликованы Allegro de Concert A-dur op. 46, посвященное Ф. Мюллер, и Фантазия f-moll op. 49, посвященная Е. Шереметевой.
- Шопен играет при дворе Луи-Филиппа.
- Ф. Шопен присутствует на концерте одиннадцатилетнего А. Рубинштейна, принимает его у себя, играет ему.
- Начало занятий Ф. Шопена с К. Фильчем.
- Опубликованы: Тарантелла As-dur op. 43, Полонез fis-moll op. 44, посвященный Л. де Бово; Прелюдия cis-moll op. 45, посвященная Е. Чернышевой; Баллада As-dur op. 47, посвященная П. де Ноайль, 2 Ноктюрна op. 48, посвященные Л. Дюпре, и Мазурка a-moll, посвященная Э. Гайару.

21 февраля

Ф. Шопен дает концерт в зале Плейеля. В концерте участвуют О. Франкомм и П. Виардо-Гарсиа. Шопен исполняет третью Балладу, Полонез *fis-moll* и прелюдии (в том числе и *Des-dur*). Рецензия Г. Берлиоза в «*Journal des Débats*» об этом концерте: «Шопен постоянно держится в стороне, его не видно ни в театрах, ни в концертах. Можно сказать, что он как будто боится музыки и музыкантов. Раз в году он спускается с облаков и играет в салонах Плейеля, и только тогда публика и артисты могут восхищаться его изумительным талантом. [...] Его игра преисполнена капризного очарования, отмечена невыразимой тонкостью и оригинальностью, а его новые творения не уступают прежним в смелости, гармонии и красоте мелодий».

В тот же день в Варшаве скончался Войцех Живный («...Скончался первый учитель музыки нашего Шопена, в свое время, говорят, первый пианист Варшавы... В преклонные годы ему возвращала молодость мысль о том, что он был учителем Шопена; это было его славой, его радостью». — Парижский «*Dziennik Narodowy*», 1842, 26 marca).

20 апреля

В Париже скончался один из ближайших друзей Ф. Шопена Я. Матушиньский.

Лето

До сентября Ф. Шопен живет в Ноане, где гостят Э. Делакруа, С. Витвицкий и М. де Розьер (приехала 28 июля); в этот же день Шопен и Ж. Санд уехали на несколько дней в Париж; («... Г-да Шопен и Бенедикт провели на этой неделе несколько дней в Париже; первый вернулся в деревню и вновь приедет лишь в октябре». — «*Revue et Gazette Musicale de Paris*», 1842, 14 août).

Сентябрь

Ф. Шопен и Ж. Санд возвращаются в Париж и поселяются на Орлеанском сквере, № 5.

Опубликованы 3 Мазурки ор. 50, посвященные Л. Смитковскому.

27 октября

Ф. Шопен знакомится с приехавшей в Париж Е. Шереметевой. В течение осенне-зимнего сезона почти еженедельно встречается с ней и дает уроки ей и М. Крюденер.

Конец ноября

Ф. Шопен вписывает несколько тактов в альбом Е. Шереметевой (ныне известны как Листок из альбома).

10 декабря

Датирован Вальс *f-moll* (ор. 70 № 2), посвященный г-же Ури.

Начало января

На вечере у Дж. Ротшильда выступают все знаменитые артисты Парижа (Л. Лаблаш, М. Гризи, Д. Марио, П. Виардо). Ф. Шопен исполняет один из своих концертов со

своим учеником Карлом Фильчем («Шопен, этот пианист поэтического дара, исполнил с г-ном Фильчем захватывающий концерт своего сочинения». — «La France Musicale», 1843, 14 janvier).

Февраль

Опубликованы: Экспромт Ces-dur op. 51, посвященный г-же Эстергази, и Баллада f-moll op. 52, посвященная г-же Ротшильд.

Начало апреля

В Варшаве, по дороге в Петербург концертирует Ф. Лист; он посещает родителей Ф. Шопена (сообщение в «Kurier Warszawski», 1843, 5 kwietnia). С огромным успехом Лист играет ряд ранее не исполнявшихся в Варшаве произведений Шопена: баллады, экспромты, этюды, ноктюрны, вальсы. В Петербурге на своих концертах Лист играет ряд произведений Шопена (ноктюрны, полонезы, вальсы, мазурки, экспромты, баллады и первый Концерт).

24 апреля

Триумфальное выступление в зале Эрара К. Фильча («Карл Фильч, пианист, о котором однажды уже была заметка в нашей газете, ученик нашего Наставника Шопена — исключительное явление в музыкальном мире. Этот двенадцатилетний мальчик стоит уже на той же ступени мастерства, что и Лист и Тальберг. Таково мнение иностранных газет. Мейербер, послушав его игру, пожал юноше руку и заявил, что в музыкальном ремесле его ждет большое будущее. Его почитатели преподнесли ему бюст Шопена. Для своего ученика Шопен изменил свою, прежде одинокую жизнь, ради него он бывает на разных музыкальных вечерах. Лицо его светлеет от радости при виде заслуженных триумфов своего ученика». — «Kurier Warszawski», 1843, 28 października).

Конец мая — конец сентября

Летние месяцы Ф. Шопен проводит в Ноане (приехал 22 мая), где гостят супруги Марлиани, П. Виардо, Мендисабаль. Экскурсия по берегам реки Крёзы. 5 октября «Gazette Musicale de Paris» сообщает о возвращении Шопена в Париж.

5 ноября
Декабрь

Ф. Шопен начинает давать уроки Э. Розенгарт. Опубликованы Полонез As-dur op. 53, посвященный О. Лео, и Скерцо E-dur op. 54, посвященное де Караман.

1844

2 февраля

Ф. Шопен впервые исполняет Колыбельную Des-dur.

28 апреля

Ф. Шопен с Ж. Санд присутствуют на концерте Ш. Алькана.

Ф. Шопен принимает участие в похоронах матери К. Плейеля.

До 20 мая

Ф. Шопен присутствует на генеральной репетиции «Антигоны» Софокла с музыкой Ф. Мендельсона. На репетиции присутствуют так-

3 мая

же Ж. Санд, В. Гюго, П. Ламартин, Д. Энгр, Ш. Адам, Ф. Галев и др.
В Варшаве скончался Миколай Шопен («Вдова, Дети, Зятья и внуки б[езвременно] о[почившего] Миколая Шопена, оставившего в безутешном горе единственного сына, гордость нашей родины и того высокого искусства, которым он удивляет всю Европу, приглашают его друзей и товарищей с[его] 6 т[екущего] м[есяца] на вынос его останков из Дома на улице Новый-Свят № 1255 на Повонзковское кладбище». — «Kurier Warszawski», 1844, 5 таја).

Июнь — конец
ноября

Ф. Шопен живет в Ноане. Во Францию (конец июля — начало сентября) приезжает сестра Шопена Л. Енджеевич с мужем и гостит некоторое время в Ноане.

Август

Ж. Санд заканчивает посвященную Ф. Шопену повесть «Чёртова лужа», рукопись которой она дарит Л. Енджеевич.

Ноябрь

Опубликованы 2 Ноктюрна ор. 55, посвященные Дж. Стирлинг, и 3 Мазурки ор. 56, посвященные г-же Маберли.

6 декабря

В Венеции скончался любимый ученик Ф. Шопена, гениально одаренный венгерский пианист К. Фильч.

В Любляне (Югославия) исполняются Вариации В-dur Ф. Шопена. Играет оркестр филармонии.

1845

Апрель

По просьбе Л. Блана Ф. Шопен играет тяжело больному Г. Кавеньяку.

Июль — октябрь
Июль

Ухудшение здоровья Ф. Шопена.

Ф. Шопен находится в Ноане.

Ноябрь

Опубликованы: Колыбельная Des-dur ор. 57, посвященная Э. Гайар и Соната h-moll ор. 58, посвященная г-же де Пертюи.

Опубликованы 3 Мазурки ор. 59, Баркарола Fis-dur ор. 60, посвященная г-же Штокхаузен.

1846

Май — ноябрь

Ф. Шопен последний раз проводит летние месяцы в Ноане, где гостят Л. Чосновская, Э. Делакруа, Э. Араго и Л. Блан. Ухудшение отношений Шопена с Ж. Санд. В Ноане написана Мазурка ор. 63 № 1.

25 июня

Начало публикации в «Courrier Français» романа Ж. Санд «Лукреция Флориани», в котором она дает тенденциозное освещение своих отношений с Ф. Шопеном.

Вторая половина
ноября
26 ноября

Ф. Шопен возвращается в Париж один.

Ф. Шопен выступает в качестве свидетеля при заключении брака своей ученицы Э. Розенгарт с поэтом Б. Залеским, а два дня спу-

стя при их венчании в церкви St. Roche. По случаю этого торжества он пишет 2 духовных сочинения; одно из них — *Veni Creator* — нигде не изданное, хранится во Франции в частной коллекции.

1847

Февраль

7 марта

23 марта

4 мая

20 мая

Май — июнь

Июль

Октябрь

В Париж приезжает Ж. Санд — последние месяцы совместной жизни Ф. Шопена и Ж. Санд. Ф. Шопен со своей ученицей О'Мира присутствуют на музыкальном вечере у графини де Курбонн.

Ф. Шопен и О. Франкомм исполняют в кругу близких Сонату для фортепиано и виолончели *g-moll* ор. 65. Среди приглашенных — Ж. Санд и Д. Потоцкая.

Во время своих концертов во Львове Ф. Лист исполняет мазурки и «Музыку к польским песням» Ф. Шопена.

Ф. Шопен тяжело заболевает.

Бракосочетание С. Санд и О. Клезанже.

Ф. Винтерхальтер создает три карандашных портрета Ф. Шопена. Портреты Шопена пишут А. Шеффер и Ш. Леман; А. Бови лепит три медальона Шопена.

Разрыв между Ф. Шопеном и Ж. Санд.

Летние месяцы Ф. Шопен проводит в Париже, выезжая лишь на несколько дней в имение своего друга Т. Альбрехта.

Опубликованы 3 Мазурки ор. 63, посвященные Л. Чосновской, и 3 Вальса ор. 64.

Опубликована Соната *g-moll* ор. 65, посвященная О. Франкомму, — последняя прижизненная публикация Ф. Шопена.

1848

Январь

16 февраля

4 марта

2 апреля

20 апреля

А. Кольберг пишет последний прижизненный портрет Ф. Шопена.

В зале Плейеля состоялся последний парижский концерт Ф. Шопена. В нем участвуют О. Франкомм и скрипач Ж. Алар.

Последняя случайная встреча Ф. Шопена с Ж. Санд.

Газета «*Revue et Gazette Musicale de Paris*» сообщает о намерении Ф. Шопена отправиться в Англию.

Ф. Шопен по совету своей ученицы Дж. Стирлинг едет на концертное турне в Англию. По приезде в Лондон Ф. Шопен выступает в нескольких вечерах в домах английских аристократов (у леди Гейнсборо, маркиза Дугласа); дает уроки.

Польская колония в Лондоне устраивает прием в честь Ф. Шопена.

Ф. Шопен знакомится с Ч. Диккенсом, Т. Карлейлем, С. Роджерсом и певицей Дж. Линд.

- В Англии Шопен встречается с С. Козьмяном, К. Шульчевским, М. и А. Чарторскими, Т. Телефсенем.
- 15 мая Ф. Шопен играет у герцогини Сазерленд (в том числе Вариации g-moll Моцарта в 4 руки с Юл. Бенедиктом).
- 23 июня Первый концерт Ф. Шопена в Лондоне в доме А. Сарторис (99, Eaton Place). В программе Экспромт, Колыбельная, вальс, мазурки, баллада, этюды. В концерте принимает участие Дж. Марио.
- 7 июля Второй концерт Ф. Шопена в Лондоне в доме лорда Фальмута (2, St. James's Square). В программе: Скерцо op. 31, этюды, ноктюрны, Колыбельная, прелюдии, мазурки, баллада и вальс. В концерте принимают участие П. Виардо-Гарсиа и де Монди.
- Август Ф. Шопен выезжает в Шотландию, гостит в замках шотландских аристократов.
- 28 августа. Ф. Шопен принимает участие в большом концерте в Манчестере, исполняет ноктюрн, мазурку, Колыбельную, балладу и вальс. В концерте принимают участие певицы М. Альбони, Карбари и певец Сальви («Музыке Шопена и стилю его исполнения присущи одни и те же характерные черты: это изысканность — скорее, чем сила, тонкое развитие — скорее, чем простота, доступность в композиции, изящное, быстрое прикосновение к инструменту — скорее, чем крепкая, сильная хватка. И сочинение, и исполнение его представляются совершенством камерной музыки...» — «Manchester Guardian», 1848, 30 august).
- 4 сентября Ф. Шопен гостит у сестры Дж. Стирлинг — г-жи Хаустон, в Джон-Кэстл.
- 27 сентября Ф. Шопен принимает участие в концерте в Глазго. Играет Andante spianato, Экспромт op. 36, этюды (op. 25), ноктюрны op. 27 и op. 55, Колыбельную. На «бис» Шопен исполняет Ноктюрн op. 27, Мазурку (из op. 68) и Полонез-фантазию op. 61; во втором отделении Шопен исполняет одну из прелюдий op. 28; Балладу op. 38, Мазурку из op. 7 и Вальс op. 64. В концерте принимает участие певица Дж. де Маргерит.
- 4 октября. Ф. Шопен выступает в Эдинбурге; исполняет несколько этюдов, экспромт, ноктюрны, вальс, балладу и прелюдию.
- 21 октября Пребывание у герцогини Гамильтон.
- 31 октября Ф. Шопен, совершенно больной, принимает участие в концерте, организованном в пользу польских эмигрантов. Это — последнее выступление Шопена (извещение об этом вечере в «Daily News», 1848, 1 november; отчет в «Times», 1848, 17 november).
- 23 ноября Ф. Шопен покидает Англию.
- 24 ноября Тяжело больной Ф. Шопен возвращается в Париж в свою квартиру на Орлеанском сквере.

Несколько оправившись, Ф. Шопен возобновляет уроки, однако болезнь вскоре вынуждает его отказаться от них.

Фотограф Л. А. Биссон делает снимок Ф. Шопена, через некоторое время изданный М. Шлезингером, — последнее прижизненное изображение Шопена.

Лето

Ф. Шопен поселяется в предместье Парижа Пас-си, на Grande rue Chaillot, 74.

Ф. Шопен пишет набросок Мазурки f-moll — свое последнее сочинение (издана посмертно как № 4 ор. 68).

9 августа

Л. Енджеевич приезжает ухаживать за смертельно больным Шопеном.

Осень

Возвращение в Париж. Ф. Шопен снимает квартиру на Вандомской площади, № 12.

17 октября

Ф. Шопен скончался в 2 часа утра в присутствии Л. Енджеевич, В. Гжималы, С. Клезанже и нескольких друзей. Скульптор О. Клезанже снимает маску с лица Шопена и делает слепок его левой руки.

30 октября

Похороны Ф. Шопена. В церкви Мадлен исполняется Реквием Моцарта, прелюдии c-moll и h-moll Шопена на органе и оркестрованный марш Шопена из Сонаты b-moll.

Погребение Ф. Шопена на парижском кладбище Пер-Лашез.

1850

17 октября

В первую годовщину смерти композитора на кладбище Пер-Лашез на его могиле открыт памятник работы О. Клезанже.

1852

Выходит книга Ф. Листа «Ф. Шопен».

1855—1859

Посмертная публикация Ю. Фонтаной ряда произведений Ф. Шопена (ор. 66—72).

1861

В России выходит собрание сочинений Ф. Шопена (издатель Ф. Стелловский). В связи с этим 8 марта 1861 года в «Петербургских ведомостях» появилась биографическая заметка В. Стасова: «Великий и своеобразный талант Шопена известен всему просвещенному миру, сочувствие, доходящее до энтузиазма, было постоянным выражением общества гениальному артисту, произведения которого отразили в себе проявления человеческой мысли и чувства во всем их разнообразии. [...] Шопен принадлежит всем национальностям [...]».

1878

В России выходит полное собрание сочинений Ф. Шопена под редакцией профессора Московской консерватории К. Клиндворта (в издательстве Юргенсона).

1879

1 марта

Сердце Ф. Шопена вмуровано в одну из колонн костела Святого Креста в Варшаве.

1894

По инициативе М. Балакирева в Желязовой Воле открыт памятник Ф. Шопену.

1816

1. ОТЦУ В ДЕНЬ ИМЕНИН

Варшава, 6 декабря 1816

В день Именин Твоих все торжествуют.
Радостно также и мне, что могу я
Выразить чувства свои в поздравлении—
Чтоб милый Папа печали не знал,
Чтоб пути ему бог освещал,
Этс хочу пожелать я с горячим волнением.

Ф. Шопен.

Сего 6 Декабря 1816

Тексты стихотворных поздравлений, возможно, сочинены не самим Ф. Шопеном, а лишь переписаны им. Перевод Г. Ванькович.

1817

2. МАТЕРИ В ДЕНЬ ИМЕНИН

Варшава, 16 июня 1817

Маму я с днем Именин поздравляю!
Пусть небо пошлет то, что сердцем желаю:
Здоровой, счастливой всегда Тебе быть,
Прекрасную долгую жизнь прожить.

Ф. Шопен.

Сего 16 Июня 1817 г.

Перевод Г. Ванькович

3. ОТЦУ В ДЕНЬ ИМЕНИН

Варшава, 6 декабря 1817

День столь прекрасный вновь наступает!
День, что всегда нам так дорог и мил,
Радостно сердце мое желает,
Чтоб счастливо долгие годы Ты жил.
Пусть небо дарит Тебе щедрой рукой:
Здоровье, бодрость, удачу, покой!

Ф. Шопен.

Сего 6 декабря 1817 г.

Перевод Г. Ванькович

1818

4. ОТЦУ В ДЕНЬ ИМЕНИН

Варшава, 6 декабря 1818

Любимый Папа!

Мне было бы легче выразить свои чувства, если бы их можно было переложить в звуки, но так как даже самое лучшее музыкальное творение не сумеет отразить моей привязанности к Тебе, Любимый Папа, я вынужден поэтому простыми словами моего сердца выразить Тебе самую искреннюю благодарность и сыновнюю привязанность.

Ф. Шопен

Сего 6 Декабря
1818 г.

1821

5. В АЛЬБОМ НЕИЗВЕСТНОЙ

Варшава, 10 февраля 1821

Куда б Вас ни влекло, к каким чужим краям,
Вы помните всегда о друге, верном Вам.

Ф. Шопен.

10 февраля 1821

На русском языке публикуется впервые. Оригинал — на французском.
Hoesick F. Chopin, t. 1, s. 96. Перевод Г. Айги.

6. ЭУСТАХИЮ МАРЫЛЬСКОМУ В ПИЕНЧИЦЕ

Варшава, сентябрь 1823

Дорогой Марыльский!

Я сам был у пана Забалевича, чтобы узнать, когда начнутся занятия с начинающими, а не экзамены для вновь поступающих; он мне ответил, что занятия начнутся шестнадцатого или семнадцатого текущего месяца, потому что Комиссия еще не установила, будет ли открытое заседание Академии¹ пятнадцатого или шестнадцатого.

Кроме того он мне сказал, что лекции будут по утрам, а экзамены, напротив, после полудня, и что после пятнадцатого он больше никого не запишет. Извини, я пишу так дурно оттого, что спешу. Итак, передай Вельцу то, что я Тебе написал и кланяйся от меня ему и Тытусу. Бялоблоский в субботу приехал в Варшаву, во вторник должен записаться, уехать только в среду и потом вернуться к началу занятий. Мама, Папа шлют поклон Супругам Марыльским, а Людвика Твоей сестре. Тебя и братьев сердечно обнимаю.

Ф. Шопен.

Господа Куликовский, Карвовский, Вильчиньский и Кжицицкий вышли в отставку, а вместо Куликовского кафедру занял тот преподаватель из Калиша². Пан Доброноки шлет Тебе поклон. До свидания! Никому не показывай этого письма, потому что всякий скажет, что я совсем не умею писать и недостаточно учтив³.

¹ Академией здесь Шопен называет торжественное открытие учебного года: в сентябре 1823 г. он поступил в IV класс Варшавского лицея.

² Речь идет о Томаше Сильвестре Дзеконском.

³ Эпистолярная культура начала XIX века находилась на очень высоком уровне и предъявляла к корреспонденту определенные требования. На знакомство Ф. Шопена с лучшими образцами эпистолярного искусства указывает упоминание им знаменитых писем г-жи де Севинье (см. письмо 20).

7. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Шафарня¹, 10 августа 1824

Вторник, 10 августа 1824

Любимые Родители!

Я, слава богу, здоров и время провожу приятнейшим образом. Не читаю, не пишу, а играю, рисую, бегаю, дышу свежим воздухом, отправляясь ли в коляске на прогулку или же, как, например, вчера, объезжая поля на сивом *participe du verbe sonnaître* *². Ем с необыкновенным аппетитом, и для полного удовлетворения моей тощей, начинающей уже полнеть утробы мне ничто так не требуется, как разрешение употреблять деревенский хлеб. Жерардо, правда, не разрешил мне есть ржаной хлеб, но этот запрет относился только к варшавскому хлебу, а не к деревенскому. Он не разрешил мне его есть, потому что он кислый, а в шафарском нет ни малейшей кислоты. Тот хлеб черный, а этот — белый. Тот из грубой муки, а этот из превосходной; этот хлеб больше пришелся бы по вкусу Жерардо, чем варшавский, и если бы он мог его попробовать, он, наверно, разрешил мне его есть, потому что доктора обычно разрешают своим пациентам то, что сами любят. —

Но это еще не все; Варшава — город, а Шафарня — деревня. Там для всех булки, а здесь почти только для одного меня. А поэтому может ли стать, чтобы Мама не разрешила [есть ржаной хлеб]? Разве я недостаточно ясно объяснил причины, по которым могу есть деревенский хлеб? Если бы я только знал, что Жерардо в Варшаве, я тотчас же попросил бы Пани Дзевановскую дать мне каравай хлеба и переслал бы его по почте в коробочке. И как только Жерардо отведал бы краюшку, он сразу же позволил бы мне его есть. Итак, в надежде, что получу столь необходимое мне разрешение (и с позволения панны Людвики и панны Юзефы, которые мне уже это позволили, надеясь на скорое разрешение), я заканчиваю свои рассуждения на эту тему.

* Причастие от глагола знать (франц.)

В субботу в Шафарне было много гостей — пан Подовский, пан Суминьский, супруги Пивницкие, пан Камергер Пивницкий, пани Божевская, брат пани Дзевановской³, пан Выбранецкий с Бялоблочким. — В воскресенье мы были в Гульбинах у Пивницких, сегодня будем в Соколове у Выбранецкого. —

Пилюли принимаю регулярно и ежедневно, не пропуская, выпиваю по полграфинчика тизаны⁴. За столом ничего не пью, лишь немного сладкого вина, фрукты ем, но только самые спелые и одобренные панной Людвикой. — С величайшим нетерпением поджидаем Папу; а я прошу, чтобы он был так добр и купил у Бжезины и привез *Air Moore variée pour le piano forte à quatre mains par Ries**, потому что хочу их играть с пани Дзевановской; кроме того, прошу Папу привезти мне или рецепт [слово зачеркнуто], или баночку пилюлек, так как тех, которые у меня имеются, хватит, согласно сегодняшнему подсчету, на двадцать семь дней.

Впрочем, писать больше не о чем, разве только попросить Людвику сообщить мне о здоровье Мамы и Папы, хотя я и не сомневаюсь, что он вполне поправился и что боли в пояснице прекратились. — Людку, Изабеллу, Эмильку, Зюзю, пани Декерт, пани Лещиньскую сердечно обнимаю, Кузнечики и Хоментовскому шлю поклоны. Целую ручки и ножки Любимейших Родителей.

Преданнейший сын

Ф. Ф. Шопен⁵.

Пани Дзевановская, панны Дзевановские, пан Юльош и Домусь шлют поклоны Маме, Папе и детям⁶.

Пану Живному, пану Зиберту, пану Войццкому — мое почтение.

Нб. Пан Камергер Пивницкий шлет поклон Папе и радуется, что увидится с ним. —

¹ Шафарня — деревня Рыпиньского уезда в 150 километрах к северо-западу от Варшавы, принадлежавшая в то время Юльошу Дзевановскому, у которого Ф. Шопен проводил летние каникулы в 1824 и 1825 гг.; сын Дзевановского — Доминик — был лицейским товарищем Шопена.

² «... *participe du verbe connaître*» — игра слов, построенная на фонетическом созвучии причастия от французского глагола *connaître* — *coppi* с польским — *na kopiu* — на коне.

³ Юзеф Высодкий.

⁴ Тизана — от французского *tisane* — настойка трав или отвар ячменя или овса; различные виды тизан применялись в то время как лекарственные средства.

⁵ Ф. Ф. Шопен — Фридерик Франчишек Шопен; Франчишек — второе имя Шопена.

⁶ Детьми Ф. Шопен называл в письмах своих сестер — Людвику, Изабеллу и Эмилию.

* Вариации Риса для фортепиано в четыре руки на темы Мура (франц.).

8. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Шафарня, 16 августа 1824

«Курьер Шафарский»¹

Сего 16 августа
1824 года

Историческая памятка
В 1820 г. был очищен от ила
пруд во дворе. —

Внутренние Известия

Сего 11 Августа т[екущего] г[ода] Я[сновельможный] п[ан] Фридерик Шопен ездил на лихом коне; он скакал наперегонки; и хотя не смог перегнать идущую пешком пани Дзевановскую (в чем виноват не он, а лошадь), однако одержал викторию над панной Людвигой, которая пешком подошла почти к самому финишу. — Я[сновельможный] п[ан] Франциск Шопен каждый день выезжает на прогулку. Однако с такими почестями, что всегда сидит сзади. — Я[сновельможный] п[ан] Якуб Шопен выпивает ежедневно шесть чашек желудевого кофе, Миколайчик же съедает в день по четыре булки, *nota bene* — это не считая сытного обеда и ужина, состоящего из трех блюд. —

Сего 13 т[екущего] м[есяца] и г[ода] Я[сновельможный] пан Беттер с необыкновенным талантом играл на фортепиано. Сей виртуозус, Берлинец, играет во вкусе Я[сновельможного] пана Бергера (того сколимовского пианиста), а в штрихе² и в постановке пальцев превосходит пани Лаговскую, к тому же он играет с таким чувством, что почти каждая нота кажется исходящей не из сердца, а из мощного его брюха.

Сего 15 т[екущего] м[есяца] и г[ода] было получено важное сообщение о том, что Индюшка случайно в уголке за амбаром вывела Индюшонка. Сей важный случай не только принес ожидаемое увеличение семейства Индюков, но и способствовал увеличению доходов казны и обеспечил накопление оных. — Вчера ночью кошка, прокравшись в гардероб, разбила Бутылку с соком; и если, с одной стороны, она достойна виселицы, то, с другой, она достойна похвалы, так как среди прочих выбрала самую маленькую. — Сего 12 т[екущего] м[есяца] охромела курица, а селезень в битве с гусем лишился ноги. Корова же столь сильно расхворалась, что ее даже пустили пастись в сад. — Сего 14 т[екущего] м[есяца] объявлено решение, по которому, под страхом смерти, ни один поросенок не смел бы входить на территорию сада.

Иностранные Известия

Некоему помещику из нашей округи захотелось почитать «Monitor»³. Итак, посылает он слугу к ксендзам-кармелитам в Оборы с просьбой прислать ему эту периодическую газету. Слуга, ни разу в жизни не слышавший про периодические издания, спрашивает у ксендзов газету геморройную и диетическую. —

В Бохенце лиса сожрала двух беззащитных гусей; поймавшего ее просят уведомить бохенецкий суд, который незамедлительно и в соответствии с законами и предписаниями накажет преступника. — Поймавшему лису эти два гуся будут отданы в качестве достойного вознаграждения. —

Послать дозволено.

Цензор
Л. Д.

¹ Во время летних каникул 1824 г. четырнадцатилетний Ф. Шопен посылал родным описание всевозможных шафарских событий в виде юмористической рукописной газеты, выпускавшейся им по образцу варшавской газеты «Kurier Warszawski». Его газета, называвшаяся «Kurier Szafarski», в пародийной форме воспроизводила рубрики и разделы своего прототипа: исторические памятники, внутренние известия, иностранные известия, самый его стиль. Так как в Королевстве Польском в 1819 г. была введена цензура, то и «Kurier Szafarski» имел своего «цензора», Людвигу Дзевановскую — Л. Д. (По свидетельству Ф. Хёзика, когда однажды строгий цензор не пропустил какого-то материала, молодой редактор написал: «Весьма прошу цензуру не связывать мне языка».) Сам редактор — Фридерик Шопен — выступает на полосах «Kurier Szafarski» под всевозможными псевдонимами: Якуб Шопен, Миколайчик — то есть маленький Миколай (сын Миколая), Пишон (анаграмма Chopin), и другими. «Kurier Szafarski» написан красивым, каллиграфическим почерком, на продолговатых листах, в две колонки. Четыре номера сохранились полностью и два в отрывках.

² Штрих — термин скрипичной игры; в данном случае, видимо, имеется в виду фортепианное туше.

³ «Monitor Warszawski» — официальная газета Польского края, выходившая с 1824 по 1828 г.

9. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Шафарня, 19 августа 1824

«Курьер Шафарский»

Сего 19 августа
1824 года

Внутренние Известия

Сего 15 Августа т[екущего] г[ода] в Шафарне на музыкальной Ассамблее, состоящей из полутора десятков персон и полуперсон, выступил Я[сновельможный] п[ан] Пишон, исполнивший концерт Калькбреннера, который не произвел столь

большого впечатления, особенно на малышей, сколь исполненный тем же паном Пишоном *Еврейчик*¹.

Сего 18 т[екущего] м[есяца] и г[ода] Я[сновельможный] п[ан] Ф. Ф. М. И. Шопен выпил семь чашек желудевого кофе. Надо надеяться, что вскоре он выпьет и все восемь.

Отрывок.

¹ «Еврейчик» — Ф. Шопен называет так свою Мазурку a-moll, содержащую отзвуки еврейского мелоса; была написана в Шафарне в 1824 г. После переработки издана в 1834 г. под № 4 из ор. 17.

10. ВИЛЬХЕЛЬМУ КОЛЬБЕРГУ

Шафарня, 19 августа 1824

Милый Вилюсю!

Благодарю Тебя, что Ты вспомнил обо мне, но все же я сержусь на Тебя за то, что Ты такой скверный, недобрый, наконец, что Ты такой ет саеґега и пишешь мне только второпях. Неужели Тебе жалко бумаги, пера и чернил? Или, может быть, у Тебя не было времени? Или же, наконец, Тебе просто не хотелось написать как следует, и Ты только в конце письма вспомнил про меня. — Эй, вот оно — ездит верхом, — славно развлекается, и совсем не вспоминает обо мне. — Но оставим это — поцелуй меня и — мир.

Радуюсь, что Ты здоров и весел — в деревне это необходимо. И радуюсь, что могу писать Тебе. — Я тоже неплохо провожу время, и не один Ты едешь верхом, так как и я умею сидеть на лошади. Не спрашивай, хорошо ли, но умею; по крайней мере так, что лошадь потихоньку трусит, куда ей вздумается, а я сижу на ней, объятый страхом, как обезьяна на медведе. До сих пор мне еще не приходилось слетать, потому что лошадь меня не сбросила, но... вероятно, когда-нибудь слечу, если ей это заблагорассудится.

Я не стану морочить Тебе голову своими делами, потому что знаю, Тебе это ни к чему. [Две строки зачеркнуты.] Мухи часто садятся на мой торчащий нос, но это не беда — такова уж привычка этих назойливых созданий. Комары меня кусают, но и это не беда, так как они кусают не в нос. — Шатаюсь по саду, а иногда просто прохаживаюсь. Хожу в лес, а иногда езжу, *nota bene*, не верхом, а в повозке или карете. С таким, однако, почетом, что всегда сижу на заднем сидении и никогда на передке. — Может быть, я Тебе уже надоел, но что поделаешь. Если же нет, то напиши мне с ближайшей почтой, и я тотчас же буду продолжать свою писанину.

Заканчиваю свое письмо не комплиментами, а по-приятельски: будь здоров, Дорогой Вилюсю, и прошу Тебя, пиши мне, а не просто приписывай. Мы увидимся через четыре недели. Сердечно Тебя обнимаю.

Твой искренний друг
Ф. Ф. Шопен.

Сего 19 Августа
1824

Передай мое почтение Твоей Маме и Твоему Папе, братьев обнимаю¹.

¹ Имеются в виду Каролина, Юльюш, Антоний и Генрик Оскар Кольберги.

11. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Шафарня, 24 августа 1824

«Курьер Шафарский»

Сего 24 августа
1824 года

Иностранные Известия

Сего 20 т[екущего] м[есяца] и г[ода] в Оборове состоялся праздник урожая. Вся деревня, собравшись перед господским домом, искренне веселилась, особенно после угощения водкой; девушки пискливыми неверными голосами распевали известную песню:

На дворе утки в болоте:
Наша пани вся в золоте.
На дворе висит шнурок:
Наш пан словно нырок.
На дворе висит уж:
Панне Марьяне скоро замуж.
На дворе висит шляпа:
Наша горничная растяпа.

Отрывок.

12. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Шафарня, 27 августа 1824

«Курьер Шафарский»

Пятница
Сего 27 августа 1824

Памятка
Г[од] 1798. Гнедой жеребец,
возвращаясь домой, подох у
самой границы.

Внутренние Известия

Сего 25 т[екущего] м[есяца] и г[ода] Я[сновельможная] панна Костерия, та дама, что некогда столь чарующим голосом звала Я[сновельможного] п[ана] Шимона, — гай, гай, —

выходя из кухни с квашней, полной воды, зазевалась, брякнулась и разбила квашню. — О столь выдающемся событии было немедленно донесено Редактору «Курьера [Шафарского]», который, высоко оценивая это необычайное проявление ловкости, помещает сообщение о нем на первом месте среди отечественных новостей. — Сего 26 т[екущего] м[есяца] и г[ода] в Курятнике обнаружен цыпленок-чудище. Это страшилище имеет две ноги, одно крылышко, но не имеет гузки и головы. Восприимница цыпленка прилагает старания для пересылки его в Варшаву или в какую-либо другую столицу, чтобы, классифицированный там, он мог занять полагающееся ему место среди особых явлений природы. —

Я[сновельможный] п[ан] Пишон испытывает массу неприятностей из-за кузенов¹, которых застал в Шафарне в большом количестве. Они кусают его как только могут, и хорошо хоть то, что не в нос, а то бы он стал еще больше, чем он у него есть. —

Сего 26 т[екущего] м[есяца] и г[ода] Судына, сука, поймала в хлебах куропатку. Увидев это, Я[сновельможная] п[анна] Казачка отняла у нее дохлую бедняжку и повесила ее на груше. Хитрая же сука до тех пор прыгала и трясла грушу, пока вновь не овладела куропаткой, и, поймав ее, с аппетитом съела. — Потомки тех славных Героев, что некогда защитили от Галлов Капитолий², часто скупают овес на корню³. Дешевизна товара стоит, однако, порой купцам жизни, так как многие из них получают при этом палкой по голове, а еще большее число находит на вертеле свою гибель. — Брат того меланхолического индюка от переживаний получил злокачественную горячку и находится в безнадежном состоянии. —

Сего 25 [августа] утром Селезень, выйдя тайком из Курятника, утопился. — До сих пор не удалось выяснить причину этого самоубийства, так как родственники ничего об этом не сообщают. — Корова чувствует себя намного лучше, и никто не сомневается в ее полном выздоровлении. —

Иностранные Известия

Сего 26 т[екущего] м[есяца] и г[ода] в Соколове Индюк тайком забрался в сад. Коршун, с ранней молодости живший в саду и ни разу в жизни не выдавший индюка, враждебно посмотрел на него и приблизился к нему с намерением выцарапать ему глаза. Индюк распушился, но, поняв, что своим видом он никого не испугает, ударил клювом. Началось сражение; победа не склонялась ни к одной из сторон, но, наконец, после долгой битвы, Индюк-победитель, выбив коршуну клювом правый глаз, столь трагически закончил этот поединок. —

Я[сновельможный] Пан Пишон был сего 26 т[екущего] м[есяца] и г[ода] в Голубе. Среди прочих красот и загранич-

ных предметов он видел заграничную Свинью, которая особенно привлекла внимание столь изысканного путешественника.—

Сего 25 т[екущего] м[есяца] и г[ода] в Бялкове кошка задушила курицу, и все глубоко переживают эту утрату.—

Некая Личность из окрестностей, несмотря на тщательный досмотр находящейся на границе охраны, тайно пронесла под одеждой три палки⁴, которые она получила по сюртуку во время ярмарки в Голубе сего 24 т[екущего] м[есяца] и г[ода].—

В Родзоне Еврей-Арендатор пустил ночью теленка пастись на не принадлежащее ему поле, что ему несколько раз сходило с рук; сего 24 [августа] ночью явился волк и сожрал теленка. Хозяин [поля] доволен, что таким образом тот был наказан за свою скаредность. Но еврей сердит на волка и готов дать целиком теленка тому, кто доставит ему преступника.—

Послать дозволено

Цензор
Л. Д.

¹ То есть комаров (франц. cousin — комар).

² Имеются в виду капитолийские гуси, согласно преданию, своим криком спасшие римлян от неожиданного нападения галлов (390 г. до н. э.).

³ По-видимому, подразумевается потрава.

⁴ Три палки — то есть три удара палкой.

13. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Шафарня, 31 августа 1824

«Курьер Шафарский»

Вторник
Сего 31 августа 1824 года¹

Памятка —
Мышь в 1802 г. прогрызла дырку в ботинке ясновельможной Панны Юзефы Дзевановской.

Внутренние Известия

Сего 28 т[екущего] м[есяца] и г[ода] в то время, когда Я[сновельможный] пан Пишон, занимаясь туалетом, рассуждал о завтраке, в комнату с криком вбежала босиком какая-то дама. Пишончик, удивленный, раскрыл рот и стоял поначалу как олух, но потом узнал причину слез и причитаний. Оказывается, Я[сновельможный] пан Стольник Виктор Сикоровский, обыкновенно называемый панной Микухной

Фихтуром², поругался с панной Казачкой; и после долгих споров и ссор так здорово двинул даму кулаком по голове, что она была вынуждена искать удовлетворения в высших инстанциях.—

Сего 29 т[екущего] м[есяца] и г[ода] проезжала телега, полная евреев. Die ganze Familie* состояло aus eine** матери, трех больших евреев, двух малых и шести штук еврейчиков; все они сидели друг на друге, что твоя голландская селедка. Тем временем задели за камень, перевернулись, и все в следующем порядке лежали на песке: сперва ребята, все в разных позах, большинство с задранными кверху ножками, а на них мать, стонущая под тяжестью евреев, у которых в стремительном полете с голов полетали ермолки.—

Сего 30 т[екущего] м[есяца] и г[ода] в хлеву подрались три девки. Особенно усердствовали две из них, вооруженные коромыслами и подойниками, которые били безоружную третью, и хотя та под конец получила и коромысло и подойник (nota bene, по роже), устоять перед ними она все же не смогла.—

Сего 30 т[екущего] м[есяца] и г[ода] одна шафарская обитательница, Я[сновельможная] пани Заерская, поссорившись с другой, хотела утопиться со злости, что ничего не может той сделать. На счастье пани Шредер, жена пана Gärtner'a*** — старого жителя Шафарни — прибежала, заведя это; и когда та уже была головой в пруду, ловко вытащила ее за ноги, чем и сохранила ей жизнь.—

Вчера Судына, сука, идя за панной Юзефкой по деревне, поймала гуся, задушила его и съела.— Сего 31 т[екущего] м[есяца] и г[ода] четыре гуся были пойманы во время потравы. До сих пор они находятся под условным арестом, не зная, однако, чем все это кончится.—

Корова с каждым днем лучше, и на генеральном консилиуме врачи решили, что ей уже не грозит ни малейшая опасность.—

Иностранные Известия

Сего 29 т[екущего] м[есяца] и г[ода] Я[сновельможный] пан Пишон, проезжая через Нешаву, услышал сидевшую на перелазе Каталани³, которая распевала что-то во всю глотку. Это его сильно заинтересовало, и хотя он услышал мелодию и голос, но, неудовлетворенный этим, старался разобрать и слова. Он дважды прошел мимо перелаза, но тщетно, так как ничего не понял. В конце концов, побуждаемый любопытством, он достал три гроша и посулил их певице с тем, чтобы она повторила ему свою песню. Она долго отнекивалась, лома-

* Все семейство (нем.).

** Из одной (нем.).

*** Садовника (нем.).

лась и отказывалась, но потом, привлеченная тремя грошами, решилась и начала петь мазурочку, из которой Редактор, с дозволения начальства и Цензуры, в качестве образца приводит лишь одну строфу:

Гляди, там за горами, за горами, как там волк танцует,
Видно, нет жены у волка, что он так тоскует. (бис)

В Радомине сего 29 т[екущего] м[есяца] и г[ода] взбесилась кошка. К счастью, она никого не искусила, а бегала и скакала по полю, что продолжалось до тех пор, пока ее не убили; после чего она перестала [бегать] и больше не бесилась.—

В Дульнике волк съел на ужин овцу. Опеченные опекуны оставшихся ягнят предлагают уши и хвостик [овцы] тому, кто волка поймает, свяжет и привезет на строжайший суд семейному совету.—

Послать дозволено

Цензор
Л. Д.

¹ Примерно к этому же времени относится и забавный стихотворный экспромт Шопена, вызванный появлением в Шафарне бродячего музыканта:

Панна Людвика велела за грошик
Танец исполнить нам прусский хороший,
Если бы не было панны Людвики,
Не было б нам этой прусской музыки.

² Фихтур — вероятно, искаженное Виктор.

³ Здесь именем итальянской певицы Шопен называет деревенскую девушку.

14. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Шафария, 3 сентября 1824

«Курьер Шафарский»

Пятница
Сего 3 сентября 1824 года

Памятка
Основание Шафарни в 1740 г.
Лаврентием Шафарским. —

Внутренние Известия

Сего 1 т[екущего] м[есяца] и г[ода], как раз в то время, когда Я[сновельможный] пан Пишон исполнял Еврейчика, пан Дзевановский позвал Еврея-арендатора, чтобы узнать его мнение об этом еврейском виртуозе. Мойшек, подойдя к окну, просунул горбатый нос в комнату и слушал; он сказал, что если бы пан Пишон захотел играть на еврейской свадь-

бе, то заработал бы по меньшей мере десять талеров. Как это заявление, так и сами возможности, предоставляемые такого рода музыкой, поощряют пана Пишона в упражнениях. Кто знает, не посвятит ли он себя со временем полностью столь выгодному роду искусства.—

Сего 2 т[екущего] м[есяца] и г[ода] только что привезенная Кошка выскользнула из комнаты. Привратница побежала за ней и видя, что та убегает, устремилась за ней в погоню.— Она уже настигала ее, когда кошка, перемахнув через забор, преспокойно уселась с другой стороны; но Дама, желавшая во что бы то ни стало поймать ее, полезла на забор, с целью перебраться на ту сторону; но тут ее нога скользит... она теряет equilibrium * ... и...брыкается, как лепешка, на землю.—

Сего 3 т[екущего] м[есяца] и г[ода] Я[сновельможный] пан Лукаш, по должности Батрак, влез на грушу и начал трясти груши для собравшихся в тени дерева дам, с жадностью ожидавших падения плодов. Тряхнув несколько раз дерево и видя, что груши не сыплются, он сам, случайно, вместо груши, слетел на землю.—

Сего 2 т[екущего] м[есяца] и г[ода] Я[сновельможная] панна Бригида, кухарка, производя с тестом в квашне разные манипуляции, ввиду своей чрезмерной ловкости, все тесто вывалила на землю.—

Сего 1 т[екущего] м[есяца] и г[ода] Негр, выйдя вечером с Хозяином в поле, убил куропатку, nota bene, без ружья и без пороха.—

Здоровье коровы несравненно лучше, она уже начала принимать визиты, а вскоре и сама будет отдавать их.

Иностранные Известия

Сего 1 т[екущего] м[есяца] и г[ода] Коршун съел куропатку в бохенецком Бору.—

Сего 5 т[екущего] м[есяца] и г[ода] в Бохенце состоится свадьба Я[сновельможного] пана Яна Левандовского, стольника, с панной Катажиной Цыжевской, дочерью Губернатора¹ Бохенецких земель.— Пани Губернаторша делает огромные приготовления, а Молодой уже приглашает гостей на свадебный пир. Среди прочих получил приглашение и пан Пишон, чему он, вместе с Редактором «Курьера [Шафарского]», невероятно рад и в следующем же номере непременно опишет важнейшие события и сцены данной свадьбы.—

Сего 2 т[екущего] м[есяца] и г[ода] в Бялкове из-за вавлявшегося на дороге кусочка мяса произошло ожесточенное сражение между собакой и кошкой. Оба бойца бились неустра-

* Равновесие (лат.).

шимо; запах мяса возбуждал их мужество, аппетит — взаимную ревность; они долго храбро сражались; долго остававшийся нерешенным исход битвы — страхом проникал сердца зрителей; но затем кошка острыми когтями выцарапала глаза уже утомленному сражением и ослабевшему от многочисленных ран Шпицу, который еще дважды сумел ее оттолкнуть, но потом кошка начала душить его... и когда все, пораженные, сочувствуют судьбе несчастной псины, победитель с триумфом завладевает мясом; но вскоре, покрытый жестокими ранами, теряет сознание, падает... переворачивается... и... подыхает.—

Сего 31 [августа] в Рентвинах волки сожрали двенадцать овец. Поймавшему главаря и доставившему его Губернатору Рентвинских Земель будет выдана в награду половина одной из только что упоминавшихся овец.—

Послать дозволено

Цензор
Л. Д.

¹ Имеется в виду дочь управляющего.

15. ЯНУ БЯЛОБЛОЦКОМУ В СОКОЛОВО

Соколово, конец лета 1824 или 1825¹

Дорогой, Милый Ялек!

Завтра мы выезжаем очень рано. Я еще вчера обещал быть у Тебя, но лишь сегодня смог приехать в Соколово. Мне очень досадно, что в течение этих каникул я уже не увижу Тебя; поэтому я должен проститься с Тобой хотя бы на этом листочке бумаги и отдать Тебе письмо к панне Констанции, присланное Людвикой² с последней почтой в письме ко мне. Желаю Тебе наилучшего здоровья. Желаю Тебе, чтобы нога Твоя окончательно прошла. Поцелуй также от меня Твоего Папу и поблагодари за отвар³, — за тот отвар, которому я столь многим обязан. Передай, что я никогда этого не забуду.

Итак, Милый Ясю, мы вынуждены расстаться, по-настоящему не попрощавшись. Целую Тебя сердечно. Помни обо мне, как я помню о Тебе.

ФФ. Шопен.

Поклоны панне Флорентине.

Хотел бы поехать в Радомин за Вами, но нельзя. Хотел бы ждать — нельзя. Потому что панна Людвика⁴ — ох, эта панна Людвика! — ждет, чтобы я быстро вернулся, так как она хочет сейчас укладываться.

Поцелуй меня!

Не поверишь, как мне досадно, как мне досадно!.. Так, что и уезжать не хочется... Зачем же я трясся сюда в бричке, раз никого не застал? Но по крайней мере Ты будешь знать, что я здесь был. Я был здесь, чтобы сердечно проститься с Тобой и Твоим Папой.

Сам не знаю, что написал, — я в таком состоянии, в каком еще никогда не был.

¹ Год написания не поддается определению: и в 1824, и в 1825 г. Ф. Шопен провел лето в Шафарне.

² Людвика Шопен.

³ Ян Бялоблоский с детства страдал костным туберкулезом. Его отчим, А. Выбранецкий, лечил его отварами и настойками трав, которыми лечили также и Ф. Шопена.

⁴ Людвика Дзевановская.

16. ОТЦУ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Варшава, 17 апреля¹ 1825

Дорогой Отец!

Лишь ночь прошла, лишь занялся день,
А уж дети Твои полны желанием
Принести дорогому Отцу те пожелания,
Которые в их сердцах пылают.
Но что же мы можем, Отец дорогой, снова Тебе
пожелать?
Не то же ли самое, что мы всякий год повторяем?
Правда, с годами растут благодарность и понимание,
Но одна лишь любовь неизменно на век останется,—
Так что опустим излишние ее проявления.
Милости всемогущего бога бесконечны.—
Он сирот не покинет, несчастных поддержит,
Алчущих — утешит, слезы несчастных осушит,
Он любит так, что сможет Твоим детям заглянуть в глубь
сердец,
И тогда-то затеплится ласковый пламень надежды,
И тогда-то спокойствие и благополучие Ты
Будешь делить вместе с нами и любимой Мамой.

Эмилия Шопен .
Изабелла Шопен.
ФФ. Шопен.
Людвика Шопен.

Сего 17 апреля 1825

Vinental L. Chopin. Warszawa, 1930, Репродукция 19.

¹ Рано покинув родину, Миколай Шопен, вероятно, забыл точную дату своего рождения. В послужном списке он указывал 17 апреля. Этот день и отмечался в семье и значится на его могиле. Лишь Эдуарду Ганшу удалось разыскать свидетельство о крещении Никола́ Шопена, удостоверяющее, что он родился 15 и был крещен 16 апреля 1771 г. («La Revue Pleyel», 1927, N 42—43).

² Существует предположение, что стихотворный текст поздравления принадлежит Эмилии Шопен, — остальные дети лишь подписались.

17. ЯНУ БЯЛОБЛОЦКОМУ В СОКОЛОВО

Варшава, 8 июля 1825

Пятница, с[его] 8 июля 1825 г.

Милый Ясь!

Хорошо, что можно воспользоваться благоприятной okazji и написать Тебе. — *Primo*, сообщаю Тебе, что мы все более или менее здоровы; *secundo*, что экзамен близок, уже на носу (за поясом, говорили в старину поляки, но так как я пояса не ношу, а только большой нос, то вот Тебе основательная причина, по которой пишу, что экзамен на носу).

Не надейся, что я напишу Тебе много, потому что я очень занят, а пан, отдавший записку от панны Констанции, обещал быть у нас нынче вечером, а завтра утром он уезжает. — Кресснер с пани Бьянки дают в понедельник концерт, но не в театре, а в зале Элерта в Немецкой гостинице¹. Это концерт à la Крогульскийкий, по частным билетам². Кресснер дал мне двенадцать билетов, но я продал только три, потому что они по 6 зл[отых].

Мне грустно, что Тебя нет, так как порою было бы очень хорошо с Вашей Милос[тью] поболтать, пошутить, попеть, поплакать, посмеяться, подраться и т. д.

В следующем, более подробном письме, по почте, я напишу Тебе о том, когда мы увидимся, потому что у нас ходят слухи, что экзамен будет 26 числа этого месяца. Я пишу уже в потемках. Завтра я должен встать рано, а сегодня долго сидеть, и сидеть, сидеть, еще сидеть и еще, может быть, всю ночь сидеть.

Amicel vale! * Мне больше нечего Тебе сказать, кроме того, что еще не получил от Тебя письма из Сохачева. Если Ты еще не написал, то в следующем письме Тебя ждет жестокий нагоняй.

Кое-что еще тут, на этой страничке, хочу написать, а именно, напиши, не лучше ли Твоей ноге, а также — благополучно ли Ты доехал.—

Это письмо, как поле, на котором перемешаны горох с капустой. Нет логики. Же сэ киль манк де ложик, мэ ке фэр, он се ат карон на па де тан пур экрир онетман. — Си сэ ком са³, прости, по почте я напишу Тебе больше и лучше, теперь же обнимаю Тебя сердечно.

ФФ. Шопен.

Живнѣй, пани Декерт здоровы и не знают, что я Тебе пишу, а то бы они Тебе кланялись. Мое почтение Твоему Отцу.

¹ Элерт был владельцем Французской гостиницы, а не Немецкой, как ошибочно сказано у Ф. Шопена. В зале этой гостиницы А. Бьянки и Кресснер давали концерт 10 июня, в котором играл и Шопен.

* Будь здоров, друг! (лат.).

«Особенно горячие аплодисменты прозвучали после *Фантазии*, исполненной юным Шопеном на *эолипанталоне*, изобретенном Длугошем», — писал «*Kurier Warszawski*» (1825, 11 czerwca).

² «...по частным билетам» — вероятно, назывались так потому, что распространялись среди знакомых.

³ Шутливая фонетическая запись французского текста: «Je sais, qu'il manque de logique, mais que faire, on se hâte, car on n'a pas de temps, pour écrire honnêtement. Si c'est comme ça...» — «Я знаю, в нем нет логики, но что поделаешь — спешить, потому что нет времени писать прилично. Если это так...» (Так же записан французский текст в письмах 18, 21 и 22).

18. ЯНУ БЯЛОБЛОЦКОМУ В СОКОЛОВО

Варшава, 27 июля 1825

Мон шер!

Ла летр ке ву маве зэкрит¹, обрадовало меня, хотя, ком же ву а², я узнал из него печальные новости. Вот р жам б ву фэ маль³, это меня огорчило, но ке ву зет а с э ге⁴, как видно по письму, са ма доне де ля сос⁵ и приводит в лучшее настроение. — Демен ну финисон⁶ наши экзамены; же не прандреп а де при, кар ле лавман ле пран⁷. Когда я буду у Тебя, то растолкую Тебе эту загадку; ...эс посибль кон дон эн при а эн лавман⁸?... Долго бы мне пришлось Тебе объяснять, чтобы Ты в письме смог отгадать это, тогда как одно словечко, сказанное при встрече, даст Тебе понять всю тонкость этого выражения.

В понедельник, как уже решила Панна Людвика⁹, мы выезжаем и, таким образом, в среду будем в Шафарне, си ву вуле ме вуар, вене ле премие, кар отрем ан¹⁰ добрая моя Опекунша не позволит мне поехать к Тебе первому.

Завтра в это время, кель бонер! кель плези р¹¹! как лягу, то уж в пятницу рано не встану. У меня новые кюлотки¹² из великолепного сукна... хорошо сшитые (это последнее — неправда), новый платок на шею или, употребляя другое название, а то Ты можешь и не понять — галстук за... золотых — же не ме сувьен плю комбиен, же лэ пейе авек ларжан э ля мен де ма шер сёр Луиз¹³.

Экуте, экуте, мамзель Дороте¹⁴.

Адольф Шидловский
в роли слуги.

Экуте — так я начинаю заключение, то есть конец письма. Скоро увидимся. Ты знаешь, что я не люблю много мазать, разве только в четыре руки, поэтому извини, что уже заканчиваю. —

Мы все здоровы. Я уже получил от Тебя три письма. Пан

Домович был в Варшаве. Живный все в старом парике. Пани Декерт обнимает Тебя. Барциньский целует. Я привезу Тебе книгу для Окуня. Все, весь наш дом Тебе кланяются. Это отнесется и к Твоему Папе. Поцелуй меня. Люблю Тебя.

Ах, на меня пахнуло Соколовом!

ФФ. Шопен.

Адрес на обороте письма: «A Monsieur/Monsieur Jean Bialoblocki/à Sokolowo /par bonté».

¹ «Mon cher! La lettre que vous m'avez écrite» — «Мой дорогой! Письмо, которое вы мне написали» (франц.).

² «... comme je vois» — «... как я вижу» (франц.).

³ «Votre jambe vous fait mal» — «У вас болит нога» (франц.).

⁴ «que vous êtes assez gai» — «что вы довольно веселы» (франц.).

⁵ «sa m'a donné de la sauce» — «и это меня ободрило» (франц.).

⁶ «Demain nous finissons» — «завтра мы кончаем» (франц.).

⁷ «Je ne prendrai pas de prix, car le lavement le prend» — «Я не получу награды, потому что ее получит клистир» (франц.).

Это игра слов: фамилия лицеиста, который должен был получить награду, была Лауман, что по звучанию близко французскому слову — lavement — клистир.

⁸ «Est-ce possible qu'on donne un prix à un lavement?» — «Возможно ли, что дают награду клистиру?» (франц.).

⁹ Людвика Дзевановская приехала в Варшаву за Ф. Шопеном, чтобы отвезти его на лето в Шафарню.

¹⁰ «si vous voulez me voir, venez le premier, car autrement» — «если хотите меня видеть, приезжайте первым, потому что иначе» (франц.).

¹¹ «quel bonheur! quel plaisir!» — «какое счастье! какая радость!» (франц.).

¹² Кюлотки (франц. culotte) — короткие брюки.

¹³ «Je ne me souviens plus combien, je l'ai payé avec l'argent et la main de ma chère soeur Louise». — «Я не помню, сколько за него заплатил деньгами и рукой моей дорогой сестры Людвики» (франц.).

¹⁴ Écoutez, écoutez, mademoiselle Dorothee». — «Слушайте, слушайте, мадемуазель Доротея» (франц.). Судя по следующей строчке, это, вероятно, слова из какого-нибудь любительского спектакля, ставившегося в семье Шопенов.

19. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Ковалево, лето 1825

Ковалево, пятница

Любимые Родители и вы, милые сестрички!

Так как здоровье служит мне, как дрессированный пес, а пана Збоиньского покидают желтые глазки, и так как мы едем в Плоцк, то с моей стороны было бы безумием не сообщить Вам об этом. Итак, сегодня в Плоцке¹, завтра в Росьцишewe, послезавтра в Киколe, несколько дней в Тужне, два дня в Козлове и быстренько в Гданьск,— и обратно! Может быть, мне кто-нибудь скажет: «Видно, что он спешит домой, раз вспоминает о нем». Нет, нет, совсем нет. Ваша милость очень ошибаются, потому что я написал это только для возбуждения того приятного чувства, какое обычно испытываешь при встрече.—

И кто бы стал тосковать?.. Во всяком случае не я. Может быть, кто-нибудь другой тоскует, но не я!..

А из Варшавы все-таки нет письма; сегодня в Плоцке я переверну вверх дном всю почту, чтобы найти там что-нибудь для себя. Как же Вам там живется на новой квартире? Как там парятся перед экзаменами? Вдыхает ли Тытус по деревенскому житью?.. И Прушак тоже?.. Как там пан Скарбек съел обед этого третьего, когда у меня было намерение поехать с ним в деревню?.. Мне все любопытно, как бабе. Но что поделаешь, не дадут собаке мяса, она постится, и что ей еще остается делать, как не бегать по сторонам в поисках добычи? Вот я еду в Плоцк за мясом², так как догадываюсь, что Вы не знали, что последняя почта ждет в Леце. Теперь снова наступит большой перерыв в переписке! А поэтому не буду беспокоиться, так как трудно угадать, где искать меня, я же буду писать регулярно и почти шаг за шагом буду давать вам знать, куда адресовать, чтобы до меня дошли письма.—

Но, как уверяет пан Збоиньский, в Козлов можно писать через Торунь и Швец, чтобы мы, приехав, застали уже письмоцо. Недурная мысль: надеюсь, что она будет адаптирована³ (это для Изабеллы).— Хотел Вам, сестрицы, послать свой вальсик⁴, но у меня нет времени писать, потому что мы уже садимся [в экипаж]; сейчас утро, восемь часов (так как раньше семи мы никогда не встаем). Воздух свежий, солнышко светит чудесно, птички щебечут, ручейка здесь нет, а то бы и он мурлыкал; зато есть пруд, и лягушки поют прелестно! — Но забавнее всего дрозд, выводящий рулады под окном, а после дрозда самая младшая [дочка] пана Збоиньского, Камилка, которой нет еще и двух лет; она меня полюбила и лепечет, что «Кагила пана любил». Как она меня, так я в бильон раз больше Папу и Маму. Папу и Маму «любил», уважать и в ножки, ручки целовать.

Наипреданнейший

Ф. Шопен.

Сестреноч целую, целую, целую.

Всем: Тытусу, Пруш[аку], Бартоху, Енд[жеевичу] всего наилучшего.

Адрес на обороте: «A Monsieur /Monsieur le Professeur/ Chopin /à Varsovie/ w Pałacu Kazimirowskim/ w officynie na prawej str.» Почтовый штемпель: «8» [далее оторвано].

¹ В Плоцке в то время были только что открыты в кафедральном соборе могилы с останками польских королей Владислава Германа и Болеслава III Кривоустого.

² То есть за письмом от родителей.

³ «Адаптирована» — Ф. Шопен, вероятно, хочет подшутить над пристрастием сестры Изабеллы к употреблению иностранных слов.

⁴ Неизвестно, о каком вальсе идет речь.

20. ЯНУ МАТУШИНЬСКОМУ В ВАРШАВУ

Шафарня, начало августа 1825

Милый, Дорогой Ясь!

Ах! Мадам Севинье не была бы в состоянии описать Тебе мою радость от Твоего столь неожиданно полученного письма, потому что скорее я мог ожидать смерти, чем такого сюрприза. Никогда мне в голову не пришло бы, чтобы такой отчаянный книгоед, чтобы филолог, которому только бы рыться в Шиллере, взял в руки перо с намерением написать разболтанному чуть ли не как дедовский кнут цимбалисту, тому, кто до сих пор не прочитал еще ни одной латинской странички, этакому поросенку, который, толстая на пойле, задумал нагнать хоть десятую часть Твоего жира.

Поистине, это милость бóльшая, а точнее, большая милость моего Яска; и ни кому иному, как мне, и именно теперь, она чрезвычайно дорога; и я не простил бы себе, если бы оскорбил жирную тушу Вашей милости, не потрудившись взяться за перо. Все вышенаписанное было всего лишь exordium*, а теперь я приступаю к делу, и если Ты своими Пулавами¹ и зайцем хотел нагнать на меня страху, то я своим Торунем и своим зайцем, который, наверно, покрупнее Твоего, и четырьмя куропатками, которых я позавчера принес с поля, собираюсь унизить некоего неопытного охотника.

Что же Ты видел в Пулавах? Что? Ты видел лишь малую часть того, что мой взор обозревал полностью. Ты, верно, видел в [храме] Сивиллы кирпичик, вынутый из дома, в котором родился Коперник. А я видел весь этот дом, все это место, хотя теперь оно и несколько профанировано. Представь себе, Милый Ясь, в том углу, в той комнате, где этот знаменитый астроном появился на свет, стоит кровать какого-то немца, который, объевшись картофелем, наверно, довольно часто пускает зефиры, а по тем кирпичикам, один из которых с такими церемониями был отправлен в Пулавы, ползает не один клопик. Так-то, братец мой! Немец вовсе не обращает внимания на то, кто жил в этом доме; и на всей стене творится такое, чего княгиня Чарторыская² не допустила бы и на одном кирпичике.

Однако, оставив Коперника, обращусь к торуньским пряникам³. Нельзя сказать, чтобы Ты их вовсе не знал, а возможно, что Ты знаешь их лучше, чем Коперника. Но все же я сделаю Тебе о них важное сообщение, которое, может быть, Тебе пригодится в каком-нибудь ученом трактате; сведения эти такие. По обычаю здешних пряничников, лавки, где продают пряники — это сени, уставленные крепко запирающимися на

* Вступлением (лат.).

ключ ларями, в которых почивают пряники, рассортированные и уложенные дюжинами. Ты, конечно, не найдешь этого в *Adagiorum Hiliades*⁴, но я, зная Твой интерес к столь важным вещам, сообщаю это Тебе, чтобы Ты, переводя Горация, мог справиться с сомнительными и запутанными местами. Вот и все, что я в состоянии написать Тебе о Торуне; может быть, при встрече расскажу Тебе побольше, но сейчас напишу лишь то, что самую большую импрессию, *alias* впечатление, на меня произвели пряники.

Правда, видел я и укрепления со всех сторон города и во всех подробностях, видел знаменитую машину для переноски песка с одного места на другое, машину чрезвычайно просто устроенную, но крайне любопытную, которую тамошние немцы зовут *Sandmaschine**; кроме этого, готические костелы, построенные крестоносцами, один из которых заложен в 1231 году⁵. Видел я и наклонную башню, и знаменитую ратушу, как снаружи, так и внутри, важнейшей особенностью которой является то, что она имеет столько окон, сколько дней в году, столько залов, сколько месяцев, столько комнат, сколько недель, и все великолепное здание выдержано в готическом стиле⁶. Однако все это не лучше пряников, ах, пряников, один из которых я послал в Варшаву. Но что я вижу? Едва присел, а уже передо мной последняя страница! Мне кажется, что я только принялся за письмо, что я только что начал с Тобой болтать, а уже надо кончать!

Милый, Дорогой Ясь, мне остается лишь сердечно обнять Тебя. Уже десять, все ложатся спать, приходит и мой черед. В Варшаве, 22-го (ибо раньше не буду), устно доскажу Тебе и сердечно Тебя обниму, Дорогой Ясь. Теперь за двадцать миль прижимаю Тебя к губам и сердечно прощаюсь, до свидания.

Твой самый искренний, самый преданный друг

Ф. Шопен.

Как жажду Тебя увидеть, уж я бы пошел на жертву и не играл две недели, лишь бы увидеть Тебя сейчас в действительности, ибо в воображении вижу Тебя ежедневно. Никому не показывай этого письма, — мне стыдно. Сам не знаю, есть ли в нем смысл, потому что я не перечел его.

¹ Пулавы (Новая Александрия) — резиденция князей Чарторыхских с дворцом, «Готическим домом» и так называемым «Храмом Сивиллы», где Чарторыхские собирали памятники польской национальной культуры. По существу, Пулавы являлись первым польским музеем, с которым, как видно из комментируемого письма, Ф. Шопен был досконально знаком.

Князь П. А. Вяземский писал о Пулавах 10 мая 1819 г. А. И. Тургеневу: «Я провел несколько весьма приятных дней в Пулавах: редкое,

* Песочная машина (нем.).

великопелное место! Точно с неба упало на польские пески. Любопытны также и два храма: один — посвященный польским драгоценностям, другой — всемирным: мозаика веков и царств!» (Остафьевский архив князей Вяземских, т. 1. Спб., 1899, с. 230).

² Речь идет о княгине Изабелле Чарторьской, основательнице музея в Пулавах.

³ В оригинале игра слов: Kopernik (Коперник) и piernik — (пряник). Торунь — один из старейших и красивейших городов Польши, славится памятниками старины и фигурными пряниками.

⁴ «Adagiorum Hiliades» — сборник латинских и греческих изречений, изданный в 1525 г. Эразмом Роттердамским. Сборник использовался авторами школьных пособий.

⁵ Речь идет о костеле св. Яна, построенном в первой половине XIII в.

⁶ Торуньская ратуша — одно из лучших готических сооружений в Польше; сведения, приводимые Ф. Шопеном о количестве залов, комнат и окон, не соответствуют действительности.

21. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Шафарня, 26 августа 1825

С[еро] 26 августа 1825

Любимые Родители!

Я здоров, глотаю пилюли, но их у меня уже осталось немного; часто вспоминаю о доме, и мне грустно, что на протяжении всех каникул я не видел самых дорогих для меня лиц. Однако, предполагая, что в будущем мне придется уехать из дому не на один месяц, а на более длительный срок, я рассматриваю нынешнюю разлуку как прелюдию к будущей. Это прелюдия теоретическая, так как музыкальную я должен буду пропеть при своем отъезде. Так же и тут, в Шафарне, когда я буду покидать ее, я пропою куранту, потому что, вполне возможно, не так-то скоро попаду сюда вновь, ибо нет той надежды <...>¹, что в прошлом году. Но, оставив в стороне излишняя, которыми я в состоянии заполнить целую страницу, вернемся к позавчерашнему, вчерашнему и сегодняшнему дням.

Самым интересным, возможно, за все мое пребывание в Шафарне, был позавчерашний день, принесший с собою два важных события. Рімо, панна Людвика благополучно вернулась из Оброва в сопровождении самой пани Божевской и с панной Теклой Божевской; во-вторых, в тот же день состоялся праздник последнего колоса в двух деревнях. Мы как раз сидели за ужином, доедая последнее блюдо, когда издали донесся хор фальшивых дискантов, и уже бабы <...>, фальшиво гнусавящие через нос, и девичьи голоса, во всю глотку немилосердно пищащие на полтона выше, и всему этому аккомпанировала одна-единственная скрипка, и та всего о трех струнах, которая после каждой пропеты строфы отзывалась сзади альтовым голосом. Встав из-за стола, мы с Домусем покинули общество и выбежали во двор, где целая толпа народа медленно продвигалась, все ближе подходя к дому.

Я[сновельможная] панна Агнешка Гузовская и Я[сновельможная] панна Туровская-Бонкиевна (sic), ведомые двумя замужними женщинами — Я[сновельможными] пани Яськовой и Мачковой, со снопами в руках, с венками на головах, торжественно выступали впереди жниц. Образовав этакie колонны перед самым домом, они пропели все строфы, в которых каждому воздавалось по заслугам, а среди прочих две строфы касались меня:

Перед домом <...> зеленый куст,
Наш варшавянин худ, как пес.
На гумне торчат жерди,
Наш варшавянин очень прыток.

Сперва я не сообразил, что это относится ко мне; но потом, когда Яськова диктовала мне всю песню, то, когда дошло до этих строф, она сказала: «А теперь про пана».

Я догадался, что вторая строфа является шуткой той девки, за которой я несколькими часами раньше гонялся по полю с перевяслом <...> Итак, пропев эту кантату, две вышеуказанные панны с венками идут в дом к Хозяину, в то время как два парня с ведрами, полными грязной воды, поджидают их у дверей в сенях и так здорово обеих панн Агнешек <...> приветствовали, что у тех аж с носа капало, а в сенях образовался ручеек; сложили снопы и венки, а Фрыц² как рванет на скрипке добжиньского³, так что на дворе все ударились в пляс. Ночь стояла прекрасная, месяц и звезды светили, но все же пришлось вынести две свечки — для потчевавшего водкой эконома и для Фрыца, который хоть и на трех струнах, но так пиликал, как иной и на четырех не сумеет. Начались танцы, вальс и оберек, и, чтобы вовлечь [в танец] парней, тихо стоявших по сторонам и только переступавших на месте, я пошел в первой паре вальса с панной Теклой, а потом и с пани Дзевановской.

Потом все так разохотились, что танцевали до упаду; «до упаду» — я употребляю в буквальном смысле, потому что несколько пар упало, задев босыми ногами за камень. Было уже почти одиннадцать, когда Фрыцу принесли контрабас; он был еще хуже скрипки, всего лишь с одной струной. Дорвавшись до запыленного смычка, я начал подыгрывать на контрабасе, так что все сбегались посмотреть на двух Фрыцев — одного сонного, [пиликающего] на скрипке, второго пиликающего на однострунном монохордном, пыльном <...> контрабасе; но тут панна Людвика закричала «gaus»*, так что пришлось вернуться, пожелать всем спокойной ночи и идти спать. Вся компания разошлась со двора и направилась к корчме для продолжения веселия; там еще долго веселились, но хорошо ли, плохо ли — не знаю, так как я об этом не спрашивал.

* Вон (нем.).

Я был очень весел в этот вечер, — и бесконечно доволен по двум причинам. Недоставало четвертой струны; что тут делать? откуда ее взять?.. Пошел я во двор, а там пан Леон и Войтек, с низкими [поклонами] просят меня раздобыть струну; я получил от пани Дзев[ановской] девять ниток и отдал им, а они скрутили из них струну; но уж так судьбе было угодно, чтобы танцевали при трех струнах, потому, что только скрутили новую, как лопнула квинта, которую пришлось заменить только что сделанной. Во-вторых, панна Текла Божевская дважды со мной танцевала; я с ней, по своему обыкновению, много болтал, и поэтому меня называли ее милым и женихом, и лишь потом кто-то из парней вывел всех из заблуждения, и уж тогда даже мое имя знали, а портняжка, когда я собрался танцевать в первой паре с пани Дзевановской, отозвался: «Теперь пан Шопэ с их светлостью».

В сегодняшнем письме я обещал прислать Я[сновельможную] панну Марьяну Куропатковну, сестру той славной Вероны Куропатки, которая вчера выдержала великую битву с граблями пани Кашубиной, которой досталось по лбу и толстощечному лицу; к счастью, эта баталия причинила лишь незначительный урон, так что М-ме Кашубина слегка только жалуется на головную боль, а у М-лле Пердри эн маль де нэ⁴ <...>, который ненароком испытал эн ку дра то⁵. Так что посылаю вам этот на редкость удачный *estampe**. Моя техника сегодня хуже, но сходство сохранилось. Это сходство я не стану приписывать себе, подобно художнику, ослепленному величием своего творения; сначала мне и самому казалось, что ничего не выходит, как вдруг проходящий через комнату Ясь, взглянув на картину, которую я рисовал, воскликнул: «а ведь это точь в точь Куропаточка». Мнению столь просвещенного *connaisseur'a*** я должен был поверить и признать сходство, тем более, что оно было подтверждено как пани Франецкой, так и кухонными девушками. Завтра с утра едем в Тужно, откуда должны вернуться лишь в среду, так что маловероятно, чтобы я успел написать до ухода почты в среду; поэтому пусть Людвика ждет письма только через неделю.

Вальса никакого не посылаю, зато посылаю еврейское письмо пана Хырца из Голубя, адресованное пану Юзефату, который, зная мою глубокую еврейскую эрудицию, прислал мне этот манускрипт в подарок. Он написан лучше, чем тот, который я послал прошлый раз пану Войцицкому, но зато и менее понятен. Для облегчения расшифровки постскриптума манускрипта сообщаю, что «наказае» — обозначает — «оказию». Я сам долго мучился, прежде чем понял, что значит это «наказае», но потом, заглянув в свой словарь и установив этимоло-

* Гравюра (франц.).

** Ценитель (франц.).

логию, сообразил, что это — «оказия». Прошу хранить это драгоценное сокровище и бережно относиться к нему. — Бялоблочкого я не видел, так же как Выбране[цкого]. Со вчерашнего дня стал местным Кристиани⁶ и уже начинаю возводить мосты. Почти каждый день езжу на возах. Книжки спят, потому что стоит очень хорошая погода. Мошель в работе. Принял восемь ванн, последняя уже почти из одной барды⁷.

Всех детей сердечно обнимаю. Маме и Папе ножки и ручки сердечно целует

преданнейший сын

Ф. Шопен.

Пану Войцицкому посылаю несколько датских слов, напр[имер], Kobler <...> — картина, axbildinger — описание, Kiøbenhavn — Копенгаген⁸.

Целую пана Жив[ного], пана Ба[рдиньского], Люб., Юль[юша], Кольб[ерга], Матуш[иньского], Нов[аковского], Ц..., и т. д., и т. д. шлю приветы пани Диберт [Декерт?], панне Лещиньской и т. д. всем. —

¹ Многочисленные неясности и пропуски в тексте письма объясняются тем, что известна лишь одна очень нечеткая его перепечатка («Myśl Narodowa», Пг., 1917, апрель, т. 3, № 1).

² Фрыц — уменьшительное от Фридерика.

³ Танец или мелодия Добжиньской земли.

⁴ «Mlle Perdrix un mal de pez...» — «У мадмуазель Куропатки болит нос» (франц.).

⁵ «... un coup de gâteaux» — «удар грабель» (франц.).

⁶ Возможно, Ф. Шопен имеет в виду Айгера Петра Кристиана.

⁷ Барда — гуща, остатки от перегонки хлебного вина; в те годы ванны из барды считались целебными.

⁸ По-видимому, подпись под гравюрой с видом Копенгагена (в старом написании — Kiøbenhavn). Kobler — точнее, kobber — гравюра на меди; axbildinger — точнее afbildinger — изображение.

22. ЯНУ БЯЛОБЛОЦКОМУ В СОКОЛОВО

Варшава, 8 сентября 1825

Четверг, сентябрь

Дорогой и милый Ясь!

Extro, extra, extrissime* обрадовало меня Твое письмо, потому что, прочитав его, я представил себе Соколово, то воскресенье, панталеоны¹, яблочки и тому подобные приятно проведенные минуты. Но, extro, extra, extrissime, мне досадно, когда я подумаю, как удивило Тебя столь долгое мое молчание, и то, что Ты не получил от меня письма с вернувшейся в Шафарню коляской. —

* Очень, еще больше, в высшей степени (лат.).

Не удивляйся, а вспомни, когда я начинаю писать письма! И кроме того, сколько ожидало меня полок, шкафчиков, ящиков, сколько сотен экземпляров нот, лежащих в беспорядке на фортепиано, попеременно (это даже оскорбительно Гуммелям, Рисам, Калькбреннерам, которые в столь обширной республике по воле судьбы очутились рядом с Плейелем, Гемерлейном и Гофмейстером!). — А к тому же Мацеевский, Ясиньский, Матушевский, Концевич, Дзеконьский, — этот предстоящий *Maturitas* *! Надеюсь, что, напомнив Тебе хотя бы об этом, я уже дал Тебе отчет, как провел две недели, и надеюсь, что в письме из Соколово меня не ждет нагоняй! Итак, сбросив с себя главную тяжесть, причем тяжесть двойную, так как ведь закончено не только *excuse* **, но вместе с тем и вступление, то есть начало письма, что меня всегда приводит в затруднение (прости, что подмешал немного «макарон»²). — я приступаю к реальной, буквальной, *alias*, письменной корреспонденции и сообщаю Тебе, 1-мо [*primo*], что мы все здоровы. — Во-вторых, что у нас новый «скубент», сын брата Теклы Чаховской и наш племянник — Юльющ Чаховский, который все время зовет сестер — тетя Зуся, тетя Людвися, тетя Изабелка, тетя Эмилька, а меня — дядя Фрыцио и наполняет смехом весь дом. *Tertio* — что в Варшаве открывается выставка, в Ратуше и в залах Университета³. — Я не пишу Тебе, что и где находится, потому что еще нечего смотреть и я еще ничего не видел; коль скоро мои очи узрят какую-нибудь жоли табло, жоли портре, жоли машин, бо пиано, бо ндра, вообще кельк шоз декселан⁴, так сразу же моя рука Тебе черкнет, а посыльный принесет из Добжина. —

Что касается новостей музыкальных, то слышно только, что в Варшаву собирается приехать некий Я[сновельможный] пан Гордон, сын той купчихи, у которой в Варшаве магазин минеральных вод, ученик пражской консерватории, игра которого мне так же любопытна, как Еве яблоко; и об этом я сообщу Тебе позже⁵, вот и конец новостям, а вместе с ними должен наступить конец и письму, так как иначе оно бы не успело к четверговой почте, потому что уже четыре⁶. Засим поручив себя милостям Я[сновельможного] Гос[ударя] и Благодетеля моего, остаюсь таким, каков был, и даже еще лучше, нежели был, потому что стал более длинным.

ФФ. Шопен.

Передай наше почтение Папе и сообщи ему, что Пани Вилуцкая уже давно собирается ему ответить! — Сестры целуют панну Констанцию и панну Флорентину — а я целую — ручки.

* Экзамен на аттестат зрелости (лат.).

** Извинение (франц.).

Мое почтение Шафарне, так же как Плонному, Гульбиным, Угошу и т. д.

Мама и Папа и дети Тебе очень кланяются, пищи же.

Пани Декерт и Барциньский, Живный низко Тебе кланяется.

Так спешу, что даже конверта не делаю, а воспользуюсь только что снятым с письма Опица!

Хотел взять этот конверт; но, к несчастью, он оказался слишком коротким; обрезал письмо — но и это не помогло.

¹ Панталеон — по имени изобретателя Панталеона Гебенштрейта — первоначальное название усовершенствованных цимбал; это был струнный инструмент большого размера, в котором удар по струнам осуществлялся палочками; в XVIII в. это название перешло на некоторые виды фортепиано, в особенности на те, у которых молоточки били по струнам сверху. Ф. Шопен часто употребляет это название для обозначения фортепиано.

² Макаронизм — употребление иностранных слов вперемежку со словами родного языка.

³ На выставке экспонировались работы многих крупнейших польских художников того времени, в том числе и бывавших в доме Шопенов.

⁴ «...joli tableau, joli portrait, joli machine, bon piano, bon dgar, вообще quelque chose d'excellent» — красивую картину, красивый портрет, прекрасную машину, хорошее фортепиано, хорошие ткани, вообще нечто великолепное» (франц.).

⁵ Обещанное Я. Бялоблцкому письмо или не было написано, или не сохранилось.

⁶ Почта из Варшавы в направлении Калиш — Познань отправлялась по понедельникам и четвергам в шесть часов вечера, поэтому письма, чтобы они ушли в тот же день, надо было сдавать не позже пяти.

23. ЯНУ БЯЛОБЛОЦКОМУ В БИСКУПЕЦ¹

Варшава, 30 октября 1825

Варшава, сего 30 окт[ября] 1825 г.

Милый Ясь!

Милый Ялек!.. Еще раз, Милый Ясек! Ты, вероятно, удивляешься, что я Тебе так давно не писал. Не удивляйся. Сначала прочитай прошлое письмо, а затем и то, что следует ниже:

Три дня назад, сидя за столом с пером в руке, я уже написал: «Милый Ясь!», и первый период письма, поскольку он звучал музыкально, я с величайшей торжественностью прочел Живному, сидевшему над засыпающим у фортепиано Гурским. Живный, хлопнув в ладоши², вытерев нос, свернул платок в трубку и сунув его в карман своего зеленого, из грубого сукна, сюртука, начинает, поправляя парик, расспрашивать: «А кому пишете это письмо?» Я отвечаю: Бялоблцкому. — «Гм, гм, пану Бялоблцкому?» — Ну да, Бялоблцкому. — «Ну, а куда адресуете?» — Как куда? в Соколово, как обычно. — «А не знаете ли, как поживает пан Бялоблцкий?» — Довольно хорошо, его ноге стало лучше. — «Как! лучше, гм, гм,

это хорошо; а писал ли он пану Фридрику?» — Писал, но уже давно, — отвечаю. — «А как давно?» — Отчего вы так допытываетесь? — «Хе, хе, хе, хе, хе, хе» (смеется Живный). Удивленный, я спрашиваю: не знаете ли Вы что-нибудь о нем? — «Хе, хе, хе, хе, хе» (смеется он еще сильнее, кивая головкой). — Писал ли он Вам, — спрашиваю его. «Конечно, писал», — отвечает Живный и огорчает нас злополучной новостью, что Твоей ноге не лучше и что Ты уехал лечиться в Старую Пруссию³. — А куда, в какое место? — «В Бишоффсвердер». Впервые я услышал название этого города из уст человеческих, и хотя при других обстоятельствах я фыркнул бы от этого Бишоффсвердера, сейчас же мне стало грустно, тем более, что Ты мне ничего об этом не сообщил, и особенно потому, что был Твой черед писать мне. Так я и прервал в этот раз свое письмо и, не зная, что писать, как писать, куда писать, так опоздал с письмом, что совсем не пошел на почту.

Итак, видишь, как, слово за слово, — дело дошло до столь важной для меня новости. Надеюсь, Ты простишь мне, что я не написал Тебе с прошлой почтой. Хотел бы сообщить Тебе что-нибудь новенькое, зная, что это могло бы Тебя развлечь, но, кроме следующих новостей, я ничего не знаю.

Мне очень понравился Севильский цирюльник («Le barbier de Seville»)⁴, который шел в субботу в театре, находящемся под управлением Дмушевского, Кудлича и Здановича. Хорошо играли Зданович, Щуровский, Польковский, так же как и Ашпергер и еще две особы: одна непрерывно сморкающаяся и чихающая, вторая — заплаканная, худая, в туфлях и халате, беспрерывно в такт зевающая.

Кроме того в Варшаву приехал из Парижа некий пан Рембелинский, племянник Председателя⁵, который просидел шесть лет в Париже и играет на фортепиано так, как мне слышать не доводилось. Ты можешь себе представить, какая это для нас радость, ведь мы тут ничего совершенного не слышали. Он выступает не как артист, а как любитель. Не буду распространяться, описывая его беглую, ровную, закругленную игру, скажу Тебе только, что его левая рука так же сильна, как правая, — что совершенно необыкновенно у одного человека. Впрочем, мне не хватило бы целого листа, если б я захотел описать Тебе его прекрасный талант.

Пани Декерт прихварывает, а мы все здоровы. Adieu, моя жизнь, я должен кончать, потому что меня ждут занятия с Мачком. Пиши мне, моя жизнь, ведь я хотел бы, чтобы наши письма мелькали подобно синкопам.

Поцелуй меня. Обнимаю Тебя сердечно.

ФФ. Шопен,
сердечный друг.

Буньямин⁶ спрашивал о Тебе и удивлялся, что ты ему ничего не написал. Твоему Папе передай от всех нас привет.

Весь наш дом Тебе кланяется, а дети желают Тебе поправиться. Мама и Папа ожидают письма, из которого надеются узнать о Твоем здоровье, и сердечно обнимают Тебя.

[Приписка на полях страницы, где передается разговор с В. Живным]:

Nb. Когда мы спросили Живного, почему он раньше ничего нам не говорил о Тебе, он отвечал нам, что ничего не говорил потому, что в письме ты не просил его кланяться нам; за это он получил крепкую взбучку от Мама.

Пани Декерт и Цежиньская кланяются.

¹ Бишоффсвердер — немецкое название Бискупца — городка на правом берегу реки Оссы в Суском уезде.

² Возможно, неверно прочтенный автограф: не «*klasnąwszy*» (хлопнув в ладоши), а «*kaszlnąwszy*» (кашлянув).

³ Старой Пруссией называли Восточную Пруссию.

⁴ Варшавская премьера комической оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник» состоялась 29 октября 1825 г.

⁵ Раймунда Рембелинского.

⁶ Вероятно, лицейский священник Беньямин.

24. ЯНУ БЯЛОБЛОЦКОМУ В БИСКУПЕЦ

Варшава, ноябрь 1825

Варшава. Се[го]

Дорогой Ясь!

Костуся в Варшаве, и, следовательно, немисливо, чтобы я удержался и не черкнул Тебе хоть несколько строк. Несмотря на незначительное количество новостей, которые я за это время насоб[ирал] для Тебя, я вынужден, однако, доложить их Тебе, начиная прежде всего со следующего:

Сначала я очень огорчился, когда узнал, что Тебе хуже, но сейчас уже вполне успокоился, так как уверен, что скоро увижу Тебя совсем здоровым. Не очень завидую Твоему горячему лечению, однако если бы я знал, что Ты от этого скорее поправишься, то я сам бы, как и Ты, почти два месяца не брился. Вероятно, Ты не получил того письма, но это не важно, Ты его еще получишь; я не мог писать в Твой Бишоффсвердер, потому что не знал, как адресовать туда. Но Костуся так добра, что если еще не переслала, то перешлет то письмо вместе с этим.

Вот как обстоят дела: как Ты уже знаешь из прошлого письма, в Варшаве повсюду хвалят постановку [Севильского] Цирюльника и говорят, что скоро увидим Фрейшютца¹, которого уже давно собираются ставить. На тему из [Севильского] Цирюльника я сочинил новый полонез, который как будто нравится². Думаю отдать его завтра в литографию. Людвика сочинила превосходную мазурку, какой Варшава давно не тан-

цевала. Это не только ее *non plus ultra**, но и действительно один из *non plus ultra*ов своего рода: быстрая, красивая, для танца, словом, не хвастая, — редкого качества. Когда приедешь, я Тебе ее сыграю. Я стал Лицейским органистом. Поэтому моя жена³, как и все дети, должны вдвойне почитать меня. Да, Милостивый государь, ну и голова же я! Первая персона во всем Лицее после Приходского Св[ященника].

Каждую неделю по воскресеньям я играю на органе у Визыток⁴, а остальные поют. Ничего не поделаешь, жизнь моя, не смогу на этот раз написать Тебе побольше, я должен лететь к Четвертыньским⁵, а кроме того, Костюся уходит. С почтой напишу Тебе больше, а сейчас — [сообщаю], что мы здоровы, и обнимаем Тебя, а в особенности я, Твой искр[еннейший] др[уг].

ФФ. Шопен.

Пани Декерт, Живный, Бар[циньский], Лещинь[ская], все Тебя целуют.

[Приписка Живного на обороте:]

Милостивый государь!

Согласно обещанию, жду Вас через неделю после Нового года. Остаюсь с почтением —

Ваш друг и слуга
Адальберт Живный.

Адрес: «A Monsieur/Monsieur/Jean Białobłocki».

¹ Варшавская премьера оперы Вебера «Фрейшютц» («Волшебный стрелок») состоялась 3 июля 1826 г.

² Это сочинение Ф. Шопена не сохранилось.

³ Шопен называл так свою тетю Зузю.

⁴ «У Визыток» — костел женского монашеского ордена (основан св. Франциском Салезием в XVI в.), в котором Ф. Шопен в 1825 и 1826 гг. часто играл на органе во время лицейской мессы; игре на органе его обучал В. Вюрфель. Ф. Шопен исполнял произведения старых мастеров, прелюдировал и импровизировал.

⁵ По-видимому, речь идет о княгине Людвике Четвертыньской, «опекавшей» юного Шопена.

25. ЯНУ БЯЛОБЛОЦКОМУ В БИСКУПЕЦ

Желязова Воля, 24 декабря 1825

Милый Ясь!

Никогда бы Ты не угадал, откуда идет это письмо!.. Ты подумаеть, что из второго подъезда флигеля Казимировского дворца¹?.. Нет. Ну, тогда оно, может быть из, из... Не гадай откуда, это тщетно... Оно из Желязовой Воли². — Один вопрос решен, но угадай, когда пишу, когда?.. И этого не угадаешь, поэтому я должен Тебе сказать, что пишу, выйдя из брички и садясь за ужин в Сочельник. — И хотя Маме очень не хо-

* Высшее достижение (лат.).

телось позволить мне ехать, однако ничто не помогло, и, по воле судьбы, я и Людвика в Желязовой Воле. —

Приближается Новый год, поэтому надо чего-то пожелать Тебе, но чего? — у Тебя все есть, и поэтому я Тебе ничего не желаю, кроме здоровья, которое Ты должен теперь восстановить. Надеюсь, что в этом, то есть в 1826 году мы увидимся. Я пишу Тебе очень мало, потому что нечего; я здоров, мы все здоровы. Я получил Твое очень меня обрадовавшее письмо и прошу еще. Ты уже знаешь, когда я пишу, поэтому не удивляйся, что пишу так коротко и сухо, ибо я еще голоден и не могу написать Тебе что-нибудь пожирнее; *non est plenus venter itaque non scribit libenter, nisi ad te, cujus litteras quotidie exspecto**. Вот Тебе доказательство, что я еще не забыл латыни. Но, но, если бы не этот ужин у Яворка, то я бы уже окончил письмо: третьего дня я был приглашен к нему вместе с Папой на *łax'a* (но не на *łaxans*)³. После первого приглашения Яворка я подумал, что у него понос и меня для подобного же приглашают, но затем, когда вынесли и показали этого *łax*, как его много и сколько человек его могут есть, я убедился, что лосось, по-немецки *Lachs*, которого ему прислали из Гданьска.

Там было много народу, и, между прочим, некий чех — Я[сновельможный] пан Чапек, пианист, приехавший из Вены с пани Жевуской, об игре которого мало что могу Тебе написать, и некий пан Жак, — не польский жак⁴, а чешский, из пражской консерватории, который играет на кларнете так, как я еще никогда не слышал; достаточно Тебе сказать, что он извлекает два тона на одном дыхании.

Итак, поцелуй меня, Жизнь Моя. Ничего не желаю Тебе, кроме выздоровления. Надеюсь, что с каждым днем Тебе лучше, чего желают Тебе все, весь наш дом, а в особенности

Я.

Твой самый искренний друг.

Тебе кланялись бы все, весь наш дом, если бы знали, что я Тебе пишу. Жду письма.

Nb, в четверг уже буду в Варшаве.

¹ В Казимировском дворце на Краковском Предместье размещался в то время Варшавский лицей, а в правом его флигеле жили преподаватели, в том числе и М. Шопен; ныне — здание Варшавского университета.

² Желязова Воля — место рождения Ф. Шопена, усадьба графов Скарбков в 54 километрах от Варшавы, где Шопен неоднократно бывал. Здесь сохранился флигель, в котором родился композитор. В 1894 г. в Желязовой Воле открыт памятник Шопену, сооруженный по инициативе М. Балакирева. В 1928 г. усадьба была выкуплена из частных рук, и в ней созданы мемориальный музей и национальный парк.

³ Игра слов: *Lachs* (нем.) — лосось; *Łaxans* (лат.) — слабительное.

⁴ Жак (польск. *żak*) — бедный студент.

* Не наполнено брюхо, поэтому пишется неохотно, разве что тебе, чьих писем я жду ежедневно (лат.).

26. ЯНУ БЯЛОБЛОЦКОМУ В БИСКУПЕЦ

Варшава, 12 февраля 1826

Варшава, 12 февраля 1826 г.

Милый Ясь!

Мне чрезвычайно грустно, что я так давно не получаю от Тебя известий. Я писал Тебе еще в 1825 году, а теперь уже 1826-й, а я не получил ни одного письма! — панна Констанция, alias * Костуся, иногда только в письмах к Людвике, более частых, чем наши, вскользь упоминает о Твоем здоровье, состояние которого, как Ты знаешь, всех нас интересует. Каждый Briefträger ** (nota bene, не пани Вышиньская) вызывает радость, когда входит на тот голубой двор, но какое же раздражение вызывает эта особа, если на лестнице не слышно его шагов или если на письме значится не Добжинь, а красными буквами обозначен какой-нибудь Люблин или Радом! —

Но, правда, это вина не Briefträger'a! — но скорее Briefschreiber'a ***, который, вероятно, только потому не пишет писем, что не хочет утруждать бедного толстяка, которому поневоле приходится так высоко лазить¹. Здесь, однако, можно сделать следующее замечание: ведь теперь довольно холодно и никто не жалуется на жару; наоборот, слышно о людях, жалующихся на холод; потому будет совсем не вредно, Милый Ясь, заставить его еще раза два перед Пасхой пошевелиться. После такого замечания надеюсь, что я обеспечил себя ответом на это письмо. Хотелось бы получить ответ и на предыдущее письмо, но в этом полагаюсь на Твою доброту и, помня великодушие Короля (некогда)², не сомневаюсь в исполнении моих просьб. —

Я не пишу Тебе о Сташице, так как предполагаю, что Ты [по] газетам и из почты знаешь все подробности его пышно-убогих похорон³. Упомяну только о том, что студенты несли его от [костела] св. Креста до самых Белян, где он хотел быть погребенным, что Скарбек произнес над могилой речь, что его

* Иначе (лаг.).

** Письмоносец (нем.).

*** Письмоотправителя (нем.).

гроб ободрали из любви и энтузиазма, и что и у меня на память остался кусочек крепа, которым были покрыты носилки, и, наконец, что 20 тысяч человек провожали тело до места погребения. По дороге произошло несколько стычек, то с купцами, которые добивались чести нести останки достопочтенного мужа, то с другими штатскими лицами, которые тоже хотели взять гроб у мужественно сопротивлявшихся студентов. Не могу вспомнить, писал ли я Тебе о смерти Дыбка; говорят, что Немцевич болеет. Все расхварываются, и я в том числе. Может быть, Ты думаешь, что все, что я тут нацарапал, я писал на столике; нет, все это из-под одеяла, со стиснутой чепцом головой, которая неизвестно отчего болит у меня вот уже четвертый день. Мне ставили на горло пиявки, потому что у меня распухли железы, а наш Ремер говорит, что это результат простуды. Правда и то, что на масляной, с субботы до четверга, я каждый вечер до двух не бывал дома, но это не потому, — ведь я всегда на следующий день высыпался. Я наскучил бы Тебе — больному, и куда более серьезно больному, если бы стал писать подробнее о своем недомогании, поэтому предпочитаю исписать остаток бумаги чем-нибудь другим. Итак, Твой Папа был в Варшаве, был у нас, был у Бруннера и заказал коралион⁴ для костела. Я хотел передать Тебе письмо через него, но [он] уехал, а наши письма остались в Варшаве. Adieu, Милый Ясь, пиши же Твоему искреннему

ФФШопену.

Мама и Папа, все Дети и Зузя желают Тебе скорого выздоровления.

Кс[ендз] Бенъямин был у меня и велел Тебе кланяться, в среду он уже начинает давать уроки.

Пан Живный, пани Декерт, Барциньский, пан[на] Лещинь-[ская] и все [кланяются].

Барциньский уже не у нас⁵: приближается магистерский экзамен, и он не мог бы спокойно писать диссертацию, а у нас новый *Academus** из Люблина⁶, вполне достойный преемник уважаемого Антося.

Папа в ответ на поздравления [желает] Тебе тысячу раз доброго здоровья и чтобы Ты поскорее поправился.

Марыльский уже давно принес письмо, но уйдет оно только сегодня... [последние три слова неразборчивы].

¹ Шопены жили на втором этаже.

² Намек на какую-то роль, сыгранную Я. Бялоблоским в любительском спектакле, которые часто устраивались у Шопенов или их знакомых.

³ Стащиц завещал похоронить себя самым скромным образом, однако

* Студент (лат.).

ему были устроены пышные похороны, превратившиеся в демонстрацию представителей прогрессивных и патриотических кругов Варшавы.

⁴ Коралион — точнее, хоралион, инструмент, по конструкции близкий к фисгармонии, созданный в 1819—1825 гг. Каролем Бруннером и Якубом Фридериком Гофманом. Отчим Я. Бялоблочского заказал хоралион для выстроенного им в Добжине костела.

⁵ В 1826 г. А. Барциньский, готовясь к магистерскому экзамену, ушел с занимаемой им должности репетитора в пансионе Шопенов.

⁶ Речь идет о Феликсе Жоховском, в то время студенте факультета изящных искусств Варшавского университета.

27. ОТЦУ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Варшава, 17 апреля¹ 1826

Любимый Отец!

О радость какая! сей день долгожданный,
Из чаемых нами он самый желанный!
Сегодня то время, когда нам дано
В горячем стремлении сердца слить в одно.
Зачем же столь кратко миг радости длится?
Зачем улетает надежда, как птица?
Ты, Папа, наверно, уж думал не раз,
В чем грусти причина, что нас омрачает.
Ты помни о чувствах любящих детей
И к сердцу, к груди ты прижми их своей.
И пусть их объятья расскажут о том,
Чем чувства полны их, мечтают о чем.—

Эмилия Шопен.
Изабелла Шопен.
Фридерик Шопен.
Людвика Шопен.

Сего 17 апреля
1826

Chopin w kraju. Kraków, 1955, s. 19.

¹ См. коммент. 1 к письму 16.

28. ЯНУ БЯЛОБЛОЦКОМУ В СОКОЛОВО

Варшава, 15 мая 1826

Духов день...

Дорогой, Милый Ясю!

Мне, право, стыдно, что я так поздно отвечаю на Твое письмо; однако всевозможные обстоятельства, вечно мне сопутствующие (Ты ведь можешь себе представить мое тепереш-

нее состояние, потому что Ты когда-то испытал нечто подобное¹⁾, не позволили мне до сих пор осуществить мое давнее желание. Часть поручений исполнена; я купил Тебе ноты, которые, насколько могу судить на свой вкус, должны доставить Тебе удовольствие в Твоем домашнем уединении. Что же касается Глюксберга, то Папа сам был у него. Он, однако, объявил Папе, что абонирует [книги и ноты] только на месяц, что каталога еще нет и что он одновременно не может выдать больше двух произведений. Это еще куда ни шло, так как он требует талер в месяц, но хуже всего то, что не знаешь, какую пару произведений выбрать, когда нет еще их списка.

Хотя я купил эти ноты, но, однако, еще не передал их Высоцкому. Там одни *Эвтерпы*, то есть сборники арий и разных отрывков из Россини, очень хорошо переложенных в Вене Дябелли для одного фортепиано (такие сборники соответствуют *Филомелам*² для пения), и *Полонез Качковского*, очень хороший, красивый, словом, слушай и наслаждайся (а кроме того, он хорош и как упражнение для разминания пальчиков, наверно уже заржавевших, если так можно выразиться), и кроме того, согласно Твоим пожеланиям, несколько моих пустяков. Все это непременно будет на этой неделе у Высоцкого.

Не поверишь, как меня порадовало то, что Ты, наконец, выбрался из этого Бискупца. Я говорю порадовало... это с одной стороны, с другой — это меня очень опечалило. Как я вижу, Милостивый Государь Ян, Ты слишком пропитался немецкой добродетелью; Ты раньше приглашал меня к себе, а теперь советуешь не ехать! Вот к чему может привести проклятая скупость! Лучше бы Ты за этим никогда не ездил в Бишоффсвердер. Все мои намерения, наилучшие проекты и планы, все теперь рухнуло, а тот, о ком я думал, что на него можно будет положиться, начинает мыслить как-то страшно экономно-скуповато. В сущности, сейчас я не в состоянии Тебя выбрать как следует, однако чему быть, того не миновать, не сейчас, так потом смогу потребовать удовлетворения, *nota bene*, не при помощи пистолетов, а то бы Ты выиграл, потому что свои я отдал Рогозиньскому, который уже неплохо пишет.

После Рогозиньского вспомнился мне Подбельский, о несчастье которого я должен Тебе написать. Месяца три тому назад он был где-то... [неразборчивые слова] его продуло так, что его разбил паралич. Он не владеет ни ногой, ни рукой, несмотря на все старания Забелло. Надо, однако, надеяться, что он поправится, так как ему уже стало немного лучше; ему помогли электризации. Рембелиньского, того, о котором я Тебе когда-то писал, вижу довольно часто, и Ты не поверишь, как он прекрасно играет. Он был у меня недавно, и это меня чрезвычайно обрадовало. Что касается варшавских новостей, то у Тебя есть «*Kurier [Warszawski]*». Из [новостей] частных могу Тебе только сообщить, что полковник Гутковский, у ко-

того я ушиб себе ножку³, умер; что у Зубелевича дочка; что Яроцкий женился на Подоле⁴ и сразу после свадьбы привез жену к себе; в воскресенье на прошлой неделе я был у Замойских, где почти весь вечер восхищались золипанталеоном Длугоша⁵; один золипанталеон Длугош продал некоему Мневскому, который сейчас женился, а раньше бывал у пани Прусской и ходил во фризовом сюртуке; что умер Косиньский; что у Вельке дочка; что Домович был недавно в Варшаве и велел Тебе кланяться; что Закжевский в Варшаве; что у меня шкафчик для нот; и, наконец, что у меня дырявые сапоги, и поэтому я хожу в башмаках. Иной подумает, что я собрался на Беляны⁶, как наш сторож, который как раз пришел просить разрешения у Мамаы [...] что Беляны... [несколько слов неразборчиво] в этом году будут часто.

Мой Ботанический сад⁷, тот старый, alias, что за дворцом, Комиссия⁸ велела привести в надлежащий порядок. Там нет уже теперь ни моркови, которую мы когда-то с наслаждением уплетали у родника, ни скамеек, ни беседок, ни салата, капусты, дурных запахов etc., а [появились] клумбы à la manière anglaise*.

Вот уже, кажется, все Тебе написал, что только за эти четверть часа могло прийти мне в голову, поэтому мне ничего больше не остается, как уверить Тебя, что я по отношению к Тебе всегда я, и, пока жив буду, всегда буду

Я.

Мама, Папа, так же как и я, шлем Твоему Папе наше почтение, Тебе же поклоны, потому что Ты на почтение еще не имеешь права. П[анне] Констанции от всех детей поцелуй губки, а от меня ручки.

Пани Декерт, Живный, Бар[циньский] и т. д. и т. д. все Тебе кланяются.

Ты, может быть, не разберешь, потому что давно не читал моего почерка, тогда извини меня, я так спешу на почту, что нет времени перечитывать.

ФФШопен.

¹ Ф. Шопен, по-видимому, имеет в виду волнения и усталость перед экзаменами на аттестат зрелости. Я. Бялоблцкий окончил Лицей в 1823 г.

² «Филомелы», как и ранее упоминавшиеся «Эвтерпы», — популярные в те годы сборники фортепианных пьес и песен.

³ Этот случай описан в шуточной поэме 14-летнего Ф. Шопена (42 строфы на французском и польском языках), пересказанной Вуйцидким; в ней повествуется, как он собирается на бал, приезжает — «открывают зал, полковник Г. нас принимает, а именинница [жена полковника] уже страшно утомлена игрой на панталеоне: позвольте, я ее выручу, я не так-то быстро устаю... Играл я немало, потом танцевал котильон и контра-

* На английский манер (франц.).

данс. Тут загремела наша мазурка: я как поскользнулся, — подвернулась нога, и я бряк на землю» (Wójcicki K. Cmentarz Powązkowski, t. I. Warszawa, 1855, s. 110).

⁴ Подол — бывш. Подольская губерния, одна из юго-западных губерний России на границе с Австро-Венгрией; ныне — Хмельницкая обл. Украинской ССР.

⁵ Эолипанталеон, построенный Длугошем, схож с хоралионом; по просьбе Ю. Длугоша Ф. Шопен импровизировал на этом инструменте 10 июля 1825 г.

⁶ Беяны — монастырь ордена камедулов на берегу Вислы к северу от Варшавы, а также окрестный лес и холмы над Вислой. Традиционное место народных гуляний, ныне пригород Варшавы. П. А. Вяземский писал: «Тут в роще бывает блистательное гулянье, вроде наших гуляний 1-го мая».

⁷ Этот сад, называемый «Ботаника», был основан Якубом Фридрихом Гофманом в 1811 г. на откосе за Казимировским дворцом; был излюбленным местом прогулок Ф. Шопена.

⁸ Правительственная комиссия религиозных исповеданий и народного просвещения, которая помещалась в это время в главном корпусе Казимировского дворца.

29. ЯНУ БЯЛОБЛОЦКОМУ В СОКОЛОВО

Варшава, между 15 и 22 июня 1826

Дорогой Ясю!

Не жди в этом письме обычных именинных любезностей, тех чувствительных излияний, восклицаний, обращений, патетических тирад и тому подобных нелепостей, чепухи, врак и болтовни; это хорошо для тех, которые, по недостатку привязанности, нуждаются в тривиальных выражениях; но тем, кого связывает одиннадцатилетняя дружба, кто 132 раза вместе считал месяцы, начинал 468 недель, 3960 дней, 95040 часов, 5702400 минут и продышал вместе 342144000 секунд, тем не требуется напоминать о себе, им не нужно писем с комплиментами, потому что все равно никогда не напишешь того, что хотел бы.

Итак, приступая *ad rem**, начинаю нести чепуху и прежде всего извергну то, чего не могу переварить, то есть, что Ваша Милость не писали мне несколько месяцев. Почему? Отчего? *Cur? Warum? Pourquoi?*.. Это меня очень злит, и если не наступит исправления, то худо будет. Что я не пишу так часто, это простительно; Ты знаешь, как я, напрягая силы, добиваюсь диплома, но как-то это не про меня сказано; у нас упорно говорят, что я буду одногодником¹. *Oream et oleum perdidit***, если припомнишь из *Tyrosinium*². Но брюзжание ни к чему не приведет, лучше не портить бумагу и вместо неприятных новостей сообщить Тебе приятные. *Esse homo****! — вот и человек по-

* К делу (лат.).

** Напрасный труд (лат.).

*** Се человек (лат.).

явился вчера на свет. Линде, Линде получил наследника. Нас всех это обрадовало, — надеюсь, что и Ты разделишь нашу радость. В наших казармах³ что-то часто слышны подобные новости, как Тебе это хорошо известно из прошлого письма.

Упорно говорят, что через две или три недели дадут *Фрейшютца*. Как мне кажется, *Фрейшютц* наделает в Варшаве много шума. Вероятно, будет дано не одно представление, да это и правильно. И то уже много, если наша опера сумеет поставить прославленное произведение Вебера. Однако, принимая во внимание цель, к которой стремился Вебер в *Фрейшютце*, его немецкую сущность, эту удивительную романтичность, необыкновенно изысканную гармонию, особенно пришедшуюся по вкусу немцам, можно предположить, что варшавская публика, привыкшая к легким напевам Россини, уже с самого вступления, не столько по убеждению, сколько следуя за голосом знатоков, будет хвалить потому, что Вебера всюду хвалят... [неразборчиво].

Esse femina, non homo*. У ректора дочка. Ей-богу, вчера говорили, что сын, нынче, что дочка; последние вести, однако, более достоверны. Вчера нас посетил почтенный муж, пан Козицкий, он ставил пивяки одному из мальчиков и много наговорил о каналах пищеводных, жевательных, гортанных, об адамовом яблоке, так как он делал операцию около горла. Он был в цветных чулочках, сапоги ет саега, как всегда, грязные, обычный жилет, зато шляпа новая или, вернее, подновленная. Будь добр, сообщи мне также, получил ли Ты ноты.

Правда, я не послал Тебе своих пустяков, но зато вальсы Александра Рембелинского должны Тебе понравиться, а если какой-нибудь из них покажется Тебе сначала слишком трудным, Ты только начни хорошенько шевелить своими заржавевшими пальцами (потому что Ты, наверно, в Бишоффсвердере совсем не играл) и увидишь, что они достойны Твоей особы, то есть так же хороши, как Ты. Не подумай, что последний период написан в манере Плиния⁴, привычка много значит, и пес иногда кажется красивым своему хозяину... Хахаха... что за метаморфоза: хозяин [стал] псом, а пес хозяином!.. но это только на миг, так как нет пса более верного, чем я. Подбельскому лучше, хотя после своего несчастного случая ему еще раз пришлось пережить порядочный испуг; приблизительно месяц тому назад, идя как-то по Козьей ули[це], я увидел, как опрокидывается извозчичья пролетка, подбегаю и нахожу на земле Подбельского, который в первый раз выехал из дому, чтобы подышать свежим воздухом; к счастью, с ним кто-то был в экипаже и насилиу пересадил его, наконец, в другой.

Если бы Ты знал, какие перемены в нашем Ботаническом саду, то Ты бы схватился за голову. Таких понаделали клумб,

* Се женщина, а не человек (лат.).

дорожек, плантаций, кустов и т. д., что войти приятно; особенно хорошо то, что у нас есть от него ключ. Если мой почерк покажется Тебе немного странным — не удивляйся, я нездоров. Если ничего не найдешь о вакациях, не удивляйся, так как об этом напишу Тебе в следующем письме. Если не посылаю Тебе своих клавицимбальных⁵ бредней, не удивляйся, ибо таков уж я. Если ждешь, наконец, пожеланий от наших, то читай, что следует дальше. Мама, так же как и Папа, так же как и сестры, и знакомые, велят мне присоединить их искренние пожелания. Только Людвика ничего Тебе не желает, потому что она вот уже скоро две недели сидит в деревне у Пани Скарбек⁶. — Ждем ее сегодня или завтра. — Домович был третьего дня в Варшаве. Живной здоров. Пани Декерт нездорова. Особенно сердечно Тебе кланяется Барциньский. —

Итак, будь счастлив, дорогой, любимый Ясю, жду письма. Сердечно обнимаю.

ФФШопен.

Твоему Папе почтение от всего дома.

Панну Констанцию поцелуй от Детей в губки, а от меня — в ручки. —

Если увидишь Шафарню, Плону, Гульбину, Радомин, Орну-век⁷, то вспомни меня, взгляни на картофель и с грустью произнеси: «Сюда отважный некогда вторгся на коне и здесь крапоцка [?] пришла ему на помощь». —

¹ Курс VI класса Варшавского лицея был двухгодичным; в исключительных случаях можно было после первого же года сдавать экзамены, дающие право на поступление в университет. Ф. Шопен, видимо, не стал их держать: экзамены начинались 31 июля, а 28 июля он вместе с матерью и сестрами Людвикой и Эмилией выехал в Рейнерц.

² «Tugosinium» — учебник латинского языка.

³ Во время короля Станислава Августа Понятовского во флигелях рядом с Казимировским дворцом размещались казармы Литовской гвардии, а в самом дворце находилась Рыцарская школа (то есть корпус кадетов), отсюда и продолжавшее бытовать название казарм.

⁴ То есть в панегирическом стиле; Кай Плиний Младший произнес известную похвальную речь в честь римского императора Траяна.

⁵ То есть фортепианных.

⁶ В Желязовской Воле у графини Людвики Скарбек, крестной матери Людвики Шопен.

⁷ Деревни, расположенные по соседству с Соколово.

30. ВИЛЬХЕЛЬМУ КОЛЬБЕРГУ В ВАРШАВУ

Рейнерц¹, 18 августа 1826

Рейнерц, 18 авг...

Милый Вилюсю!

Проехав через Блоне, Сохачев, Лович, Кутно, Клодаву, Коло, Турек, Калиш, Остров, Мендзыбож, Лесьнице, Вроцлав, Нимш, Франкенштейн, Варту и Глатц², мы приехали в Рей-

нерц, где и находимся до сих пор. — Уже две недели, как я пью сыворотку и здешние воды и, как говорят, уже выгляжу несколько лучше; я должен, якобы, пополнеть, а следовательно, — облениться, чему Ты, быть может, и припишешь столь долгое бездействие моего пера. Однако поверь мне, что как только Ты узнаешь о моем образе жизни, то согласишься, что трудно найти минуту, чтобы посидеть дома. — Утром, самое позднее в шесть, все больные уже у источника; здесь для медленно прогуливающихся Kur-Gäste * начинает играть скверный духовой оркестр³ (состоящий из полутора десятков всевозможных карикатур, во главе с тощим фаготистом, который нагоняет страх своим седлообразным и протабаченным носом на дам, боящихся лошадей). Затем следует что-то вроде костюмированного бала или, скорее, маскарада, потому что хотя и не все в масках, но таких меньшинство и состоит оно из тех, которые за компанию дали бы себя повесить⁴. —

Такая прогулка по прелестной аллее, соединяющей Anstalt ** с городом, продолжается обычно до восьми, в зависимости от количества кружек, которые каждый должен выпить утром. После этого отправляются (каждый к себе) завтракать. — После завтрака я обычно иду пройтись и хожу до двенадцати, когда надо обедать, а после обеда надо опять отправляться к Brunnen'у ***. После обеда маскарад обычно еще больший, чем утром, потому что каждый расфранчен и щеголяет в другом костюме, чем утром! И снова под эту мерзкую музыку прогуливаются уже до самого вечера. Я-то, во всяком случае, вовремя ухожу домой ужинать, так как после обеда пью только два стакана Laubgrupp ****. После ужина — спать. Когда же тут писать письма?..

Вот Тебе и весь день, — так они и проходят один за другим. Проходят так быстро, что хотя я уже давно здесь живу, но видел еще далеко не все. —

Хожу я, правда, по горам, которыми окружен Рейнерц; часто, очарованный видом здешних долин, я неохотно спускаюсь, порой на четвереньках, но все еще не был там, куда все ездят, потому что мне это запрещено. — Недалеко от Рейнерца есть скалистая гора, называемая Neu-Scheuer, место, откуда открываются поразительные виды, но из-за нездорового воздуха вершина горы не всем доступна, а я, к сожалению, один из тех пациентов, которым запрещено туда подниматься.

Но это неважно; я уже был на горе, называемой Einsidelei ***** , потому что там живет отшельник. Взойдя на одну из самых высоких гор Рейнерца, поднимаешься по прямой лестнице

* Курортников (нем.).

** Заведение (нем.). Здесь — здание курорта.

*** Источник (нем.).

**** Минеральной воды (нем.).

***** Пустынь (нем.).

приблизительно полтораста ступеней, почти отвесно высеченных в камне, к самому отшельнику, откуда открывается великолепный вид на весь Рейнерц. Мы собираемся на какую-то Höhenze, это тоже гора в прекрасной местности; надеюсь, что эта прогулка состоится. —

Но я напрасно надоедаю Тебе этими описаниями, из которых Ты сможешь составить себе лишь поверхностное представление, потому что не все, что хочется, удастся описать. Что же касается обычаев, то я уже к ним так привык, что теперь меня ничего не удивляет. — Сначала мне было странно, что вообще в Силезии женщины работают больше, чем мужчины, но теперь, когда я сам ничего не делаю, мне легко с этим примириться. —

В Рейнерце было много поляков, но сейчас их круг поредел; почти все, что были здесь, мои знакомые. Земляки живут довольно весело; и даже виднейшие немецкие семейства принимают участие во всевозможных салонных развлечениях. — В доме, где мы живем, проживает одна пани из Вроцлава; ее дети, смысленные мальчики, говорят немного по-французски. Им хотелось говорить по-польски; один из них, мой приятель, сказал, обращаясь ко мне: *Zien dobry** [*dzień dobry*]. Я ответил: добрый день, и так как мальчик мне понравился, то я научил его произносить добрый вечер. На следующий день он все так перепутал, что вместо добрый день сказал мне: день вечер. Я не сразу догадался, откуда эта ошибка, и едва смог ему растолковать, что говорится не день вечер, а добрый вечер. —

Напрасно я намарал Тебе столько лишнего; может быть, Ты предпочел бы заняться чем-нибудь другим в это время! Но я уже кончаю и отправляюсь к Вринпену за полагающимися двумя стаканами воды и пряничком,

с которым остаюсь

неизменно все тот же

Ф. Шопен.

Дзевановский написал мне; я думаю ему завтра ответить. Он пишет, что писал Тебе. Славный он парень, раз не забыл об этом. —

Был тут Альфред Корнатовский со своими родителями и сестрами; кажется, это знакомый Фонтаны, скажи [ему], что он позавчера уехал. —

Мое почтение Твоему Папе и Твоей Маме. —

Сам не знаю, что я Тебе тут написал; вижу, что много, но мне не хочется перечитывать. —

¹ Рейнерц — немецкое название курорта Душники-Здруй, в тогдашней прусской Силезии, ныне близ польско-чешской границы, где по совету врачей Эмилия и Фридерик (вместе с матерью и Людвикой) провели лето

* Добрый день (польск).

1826 г. В честь пребывания Ф. Шопена в Душниках в 1897 г. был поставлен памятник в городском парке.

Поездка в Рейнерц подробно описана в книжке Людвика Шопен (издана анонимно в 1830 г. в Варшаве) — «Podróż Jozia z Warszawy do Wód Szląskich, przez niego samego opisana» («Путешествие Юзя из Варшавы на Силезские воды, им самим описанное»). Стоит отметить, что Людвика сообщает о длительной остановке Шопенов у Весёловских в Стшижеве, о чем не упоминает Шопен в своих письмах.

В «Путешествии» Фридерик выведен в качестве «Папы».

² Нимш (Немча), Франкенштейн (Зомбковице Силезские), Глатц (Плодзко) — города в Силезии по пути из Варшавы в Душники.

³ Людвика в «Путешествии» пишет: «Меня также радует и музыка, хотя Папа сердится, что играют фальшиво, но я, в этом плохо разбираясь, с удовольствием слушала зазорные мазурки и вальсики» (s. 94—95).

⁴ Здесь Шопен, по-видимому, подразумевает евреев.

31. ВОЙЧЕХ ЖИВНЫЙ — Ф. ШОПЕНУ В РЕЙНЕРЦ

Варшава, 19 августа 1826

Дражайший и лучший Господин Фридерик!

Огромную радость доставило мне письмо от 11 с[его] м[есяца]¹, адресованное Вашему дорогому Отцу, в котором сообщалось о Вашем здоровье и об акте благотворительности, который Вы совершили по отношению к бедным сиротам². Вы, вероятно, вспомнили, что я советовал Вам дать концерт, и сейчас это осуществилось, и к тому же с такой похвальной целью. Я от всей души надеюсь вскоре обнять Вас в добром здоровье и искренне поцеловать Вас, — а пока остаюсь с подлинной любовью и уважением

Ваш верный друг

Войчех Живный.

Письмо В. Живного Шопену не датировано; известно, что оно было написано в один день с письмом Людвике Шопен; это письмо — от 19 августа 1826 г. — опубликовано в книге М. Карловича (Karłowicz M. Pamiątki po Chopinie. Warszawa, 1904).

¹ Письмо Ф. Шопена отцу от 11 августа не сохранилось.

² Письмо В. Живного — единственное, из которого мы узнаем о выступлениях Шопена в Душниках, где он дважды играл в благотворительных концертах в пользу детей, оставшихся сиротами. Концерт (первый), о котором упоминается в письме В. Живного, состоялся до 11 августа 1826 г. («Kurier Warszawski» от 22 августа упоминает о двух концертах Шопена без указания дат). Второй концерт, вероятно, состоялся до 19 августа. Сохранился рассказ («Echo Muzyczne i Teatralne», Warszawa, 1892), что Шопен играл в пользу детей чешского рабочего, погибшего от несчастного случая на близлежащем сталелитейном заводе. Дочь рабочего — ровесница Шопена, Либуше, с которой познакомился Фридерик, была раздатчицей минеральной воды у источника. Автор статьи (она подписана литерами — «H. G.») сообщает, что Шопен исполнил несколько этюдов (неясно, какие произведения имеет в виду автор статьи, — известно, что Шопен начал писать этюды лишь в 1829 г.) и Траурный марш (возможно, это был Траурный марш, изданный посмертно под ор. 72; в изда-

нии Брейткопфа и Гертеля указано, что он написан в 1826 г.). Сам Ф. Шопен не рассказывает об этих выступлениях ни в письме к В. Кольбергу, ни в письме к Ю. Эльснеру. В своей книге Людвика Шопен также не упоминает о концертах, зато пишет о чешском мальчике-сироте Олесе, которого путешественники (Шопены) опекают и отсылают в Прагу.

В зале, в котором играл Шопен, — а это было его первое выступление за границей, — ежегодно (с 1946 г.) проводятся Шопеновские фестивали. На здании установлена мемориальная доска.

32. ЮЗЕФУ ЭЛЬСНЕРУ В ВАРШАВУ

Рейнерц, 22 августа 1826

Рейнерц, 22 Августа

Милостивый Государь!

С момента нашего приезда в Рейнерц я питал надежду доставить себе удовольствие написать Вам. Но так как мое время целиком занято лечением, то я до сих пор не имел возможности этого сделать. Только сегодня я смог улучшить минутку и посвятить ее удовольствию побеседовать с Вами и вместе с тем дать Вам отчет в том, как я исполнил поручения, которые Вы сообразовали мне дать. Я постарался исполнить их как можно лучше, — я передал г-ну Латцелю адресованное ему письмо, которое его очень обрадовало; что касается г-на Шнабеля и г-на Бернера, то они получают Ваши письма только при моем возвращении в Бреслау.

Ваша доброта, Ваш живой интерес, проявленный ко мне, заставляют меня предположить, что Вам будет не безразлично узнать о состоянии моего здоровья. Свежий воздух и сыворотка, которую я очень аккуратно пью, настолько мне помогли, что я стал совершенно другим, чем был в Варшаве. —

Великолепные виды прекрасной Силезии восхищают и очаровывают меня, и мне не хватает лишь одного — того, чего не могут заменить все красоты Рейнерца, — это хорошего инструмента. Представьте себе, милостивый государь, здесь нет ни одного порядочного фортепиано, и все те инструменты, которые я здесь видел, вызывают во мне больше досады, чем удовольствия; к счастью, этому мучению скоро настанет конец, время нашего прощания с Рейнерцем приближается, и 11[-го]¹ следующего месяца мы предполагаем отправиться в путь. Но прежде чем я буду иметь удовольствие Вас увидеть, позвольте, милостивый государь, уверить Вас

в совершенном моем уважении

ФФ Шопен.

Мама свидетельствует Вам свое почтение.

Благоволите также напомнить обо мне Вашей супруге.

Оригинал на французском языке. Адрес: «A Monsieur/Monsieur Elsner/à Varsovie»; сбоку: «par bonté».

¹ Шопены выехали из Рейнерца 11 сентября 1826 г. С 13 по 15 сентября — они останавливались во Вроцлаве, где Ф. Шопен встречался с Ю. Шнабелем и Ф. В. Бернером, другом К. М. Вебера.

Людвика Шопен писала о пребывании во Вроцлаве в своем «Путешествии»: «Тут полно людей, как в Варшаве... Сколько домов! Со всех сторон... Мы живем на самом рынке; на нашем постоялом дворе золотое дерево, напротив нас ратуша, грязная серая, а говорят — красивая, — красивей варшавской...» (ор. cit., s. 45 и 52).

33. ЯНУ БЯЛОБЛОЦКОМУ В СОКОЛОВО

Варшава, 2 октября¹ 1826

Варшава, 2 нояб[ря]

Дорогой Ясь!

Не успел я оглянуться, как пролетели эти три месяца; кажется, совсем недавно послал Тебе письмо, а между тем это неправда; сам признаю свою вину, сам сознаю, что с тех пор постарел на четверть года. Вы проявите величайшее милосердие, если соблаговолите простить мне это; Ваше великодушие простирается до облаков!.. Что же касается до моего, то тут дело обстоит иначе. Я возвещаю гнев... гнев ничем неудержимый, разве только листком бумаги, которого я жду, как дурак, до нынешнего дня. Письмо из Соколово было, слава богу, написано 20-го, сегодня второе, а следующего все нет. Разве Ты не знаешь, что меня интересует больше Твоих хлебов, картофеля и лошадей? Поразмысли! Смирись! Прибегни к спасительному средству, указанному выше, и: *petenti veniam dabo**.

Что же касается Бруннера, то нижеследующие строки объяснят Тебе дело: поскольку минул месяц, как хоралион был вполне закончен, а он не имел никаких вестей от Твоего Папы, то он его разобрал, и только теперь, когда я ему сказал, что был бы рад осмотреть его, соберет его снова. Как он говорит, Твой Папа должен быть доволен, что хоралион оставался до сих пор здесь, потому что он изобрел еще некоторые усовершенствования (о которых много мне наговорил) и которые он, по-видимому, туда внесет². Я его еще не видел, поэтому не могу Тебе точно описать, но как только увижу, сообщу Тебе по почте. Что касается причитающихся ему денег, то он напишет об этом по почте Твоему Папе (так как получил письмо от 20-го), сообщит свое мнение.

Следовательно, что же следовательно? Вот то и следовательно, что Ты, следовательно, видишь, что комиссия, *alias* это поручение исполнено наилучшим образом. Спроси же: откуда на меня нашла такая *activitas***? Ответ короткий: из Соколово, так как я в самом деле так разжирел, так обленился, что мне ровно ничего, ничего не хочется делать.

* Просящему дам прощение (лат.).

** Активность (лат.).

Узнай же, жизнь моя, по этому случаю, что я не хожу в Лицей. Ведь глупо было бы ежедневно по принуждению отсиживать шесть часов, в то время как немецкие и немецко-польские доктора велели мне как можно больше ходить; глупо было бы во второй раз слушать то же самое, между тем как за этот год можно научиться чему-нибудь другому. В результате я хожу к Эльснеру на контрапункт строгого стиля, по шесть часов в неделю; слушаю Бродзинского, Бентковского и других, если предметы хоть сколько-нибудь связаны с музыкой³. Ложусь спать в девять. Все чаи, вечера, балы — с этим покончено. Пью по приказанию Мальча эметическую воду⁴ и питаюсь только овсяным отваром, quasi * лошадь. Но здешний воздух не столь полезен мне, как рейнерцкий. Мне твердят, что на следующий год мне придется, хотя бы ради приличия, повторить Lau-brunnen **, однако до этого еще далеко; и кажется, лучше было бы отправиться в Париж, чем на чешскую границу. Барциньский уже в этом году поедет⁵, а я... может быть, лет через пятьдесят.

Что бог даст. Поцелуй меня, дорогой Ясь, с почтой получишь больше.

ФФШопен.

Бумага, на которой Тебе пишу, из Рейнерца.

Пан Живный, пани Декерт, словом, все знакомые Тебе [кланяются].

Папе наши поклоны, а я благодарю за милую приписку.

Супругам Дзевановским, Бялобл[оцким], Циссо[вским] и т. д. [шлю привет].

Панне Констанции от Людвики и всех напишу по почте.

Адрес на обороте: «A. Monsieur/Monsieur Jean Białobłocki/à Sokołowo/pag Płock».

¹ Датировка письма: «Варшава, 2 ноябр.» — вероятно, описка Шопена. На почтовом штемпеле значится: «Warszawa 2 oct.»

² 17 декабря 1826 г. «Gazeta Polska» сообщила: «Вчера в доме по улице Рымарской под номером 437 П[ан] Фр. Шопен, музыкальный талант которого пользуется всеобщей известностью, исполнил с выдающимся мастерством собственные фантазии на инструменте, называемом Хоралион. [...] Этот инструмент изобретен и ныне усовершенствован П[аном] Бруннером...»

³ В 1826 г. Ф. Шопен поступил в Главную школу музыки в класс Ю. Эльснера. Главная школа музыки, готовившая композиторов, входила в состав Варшавского университета (открыт в 1817 г.), консерватория же готовила музыкантов-исполнителей. До 1827 г. оба учебных заведения возглавлял Ю. Эльснер, с 1827 г. директором консерватории стал К. Солива.

⁴ Средство от кашля.

⁵ Антоний Барциньский был послан в качестве государственного стипендиата за границу для продолжения образования.

* Словно (лат.).

** Курс минеральных вод (нем.).

34. ЯНУ БЯЛОБЛОЦКОМУ В СОКОЛОВО

Варшава, 8 января 1827

Варшава, 8

Милостивый Государь Ян!

Ты не стоишь того, Бездельник! — прости, но я принужден, возмущившись, употребить этот заслуженный Тобой эпитет! — Ты не стоишь того, чтобы я протягивал Тебе руку с пером! — Такова-то благодарность за кровавый пот на челе моей милости, за взятые на себя тяжкие труды при покупке Мицкевича¹ или этих билетов? Такова Твоя признательность за поздравления с Новым годом! — Это все так, поразмысли — и Ты признаешь, что я прав, считая, что Ты не стоишь, чтобы я протянул Тебе руку. —

Единственным побуждением написать Тебе нынче является желание оградить себя от недоверия или подозрения, которое могло бы пасть на меня из-за оставшихся у меня денег. Может быть, Ты думаешь, что я во время карнавала употребил их на приятельскую вечеринку или обратил их на достойное сына Аполлона чествование Бах[уса]! — Ложные выводы! Мерзкие мысли! — Кукиш! Так вот, я Тебе купил на них две арии из *Фрейшютца*, которыми Ты останешься доволен. Они, правда, для женского голоса, поют их Курпиньская и Ашпергерова, но я же знаю или, по крайней мере, предполагаю, жизнь моя дорогая, как Ты, небось, тоненько запоешь, когда у Тебя заболит нога (о которой я ничего не знаю), а поэтому они и будут для Тебя хороши. — Транспонируй себе вокальную партию октавой ниже, и будет как раз теноровый голос, каким Ты, насколько я припоминаю, обладаешь. — Они обе стоят два золотых, а значит, сколько же у меня еще осталось? — Нужно произвести арифметическое действие: например, некто (представь себе Тарчиньского на экзамене в первый класс) имел три золотых, из них он истратил два. Сколько у него осталось? — хэ? — Два вычесть из трех, останется один, значит, остался золотый, или 30 гр[ошей], или же 90 шеленгов². —

Я был бы рад купить Тебе на них что-нибудь интересное, и это будет, вероятно, из *Итальянки*³, чтобы и у Тебя было

что-нибудь модное; до сих пор еще не было ничего награвировано, не знаю, что будет завтра, поскольку я уже четыре дня не был у Бжезины, может быть, еще достану и, если удастся, постараюсь, чтобы Пан Дзевановский успел захватить их с собой. Прекрасное намерение! Если оно осуществится, то Ты скоро развернешь ноты; Тебе теперь должно быть так же любопытно прошлое, как мне сейчас будущее! — Кроме того, посылаю Тебе мою *Мазурку*⁴, о которой Ты уже знаешь, другую получишь попозже, а то было бы слишком много удовольствия сразу. Они уже выпущены в свет; а между тем мое *Rondo*⁵, которое я собирался литографировать, — более раннее и поэтому имеющее больше прав на странствования, — задыхается в бумагах. — С ним происходит то же, что и со мною!

Санный путь довольно хороший, уже четыре дня летают по Варшаве с бубенцами, было уже несколько несчастных случаев, обычно сопутствующих этому времени года. Напр[имер], дышло ударило по гслову какую-то даму и убило ее; лошади понесли, сани сломались и тому подобное. В канун Нового года был весьма многолюдный маскарад. Я еще никогда не был на подобном увеселении; поэтому мне и хочется, и я надеюсь, что мы с Барциньским отправимся туда в нынешнем году. — Пани Шимановская дает на этой неделе концерт. Он должен состояться в пятницу, и цены повышены, партер, говорят, полдуката, кресла — дукат и тому подобное. — Я непременно пойду и сообщу Тебе об успехе [концерта] и игре⁶.

Пиши мне! — Поцелуй меня, Жизнь моя.

ФФ. Шопен.

Мама у нас больна; четыре дня лежит; сильно страдает от ревматизма, сейчас ей немного лучше. Надеемся, что, бог даст, будет совсем хорошо.

Наше почт[ение] Твоему Папе.

¹ Речь, видимо, идет о покупке либо первого двухтомного издания «Стихотворений» («Poezje». Wilno, 1822—1823) А. Мицкевича, либо «Сонетов» («Sonety». М., 1826).

² Шеленг — в то время самая мелкая польская монета.

³ «Итальянка в Алжире» (1813), опера Дж. Россини; ее премьера в Варшаве состоялась 7 декабря 1826 г.

⁴ Трудно определить, о какой мазурке Ф. Шопена идет речь; вероятно, В-dur или G-dur, так как только к ним могли относиться слова: «выпущены в свет» (вышли без обозначения опуса в середине 1826 г.); существует предположение, что это издание было основано на сделанной кем-то записи импровизации Шопена «на каком-то частном собрании (кажется у Линде)» (цит. по кн.: Бэлза И. История польской музыкальной культуры, т. 3, с. 27).

⁵ По-видимому, речь идет о *Rondo à la Mazur* op. 5, написанном в 1826 г. и изданном в 1828 г. А. Бжезиной (об этом сообщал «Kurier Warszawski» 22 февраля 1828 г.).

⁶ Концерт М. Шимановской состоялся в понедельник, 15 января. Обещанное письмо Яну Бялоблоскому или не было написано, или не сохранилось.

Варшава, 12 марта 1827¹

Варшава, почедельник, 14 марта

Милый Ясь!

Жив ли Ты? — Или нет? — Уже, слава богу, минуло больше трех месяцев, как Ты мне ни словечка не пишешь. — Прошли мои досточтимые именины², а письма я так и не получил. Все это, по-видимому, подтверждает то, что с плачем и с болью говорят о Тебе в Варшаве. — А знаешь, что говорят? — говорят, что Ты умер! Уже мы все крепко порешили (напрасно), уже Енджеевич написал для «*Kurier [Warszawski]*» панегирик, как вдруг снова грянула весть, что Ты жив! Так и есть — жив! —

Так как радостные вести легче находят доступ к жаждущим утешения сердцам, то последние слухи показались нам более правдоподобными. — Осушив затем распухшие от слез вежды, я взялся за перо, чтобы спросить Тебя жив ли Ты или умер! Если умер — сообщи мне об этом, а я скажу кухарке, потому что она, с тех пор как узнала об этом, непрерывно читает молитвы. — Что значит, однако, стрела Купидона; хотя она и старая баба, наша Юзефа, однако Ты, будучи в Варшаве, так ее очаровал, что она (узнав о Твоей смерти) долгое время все повторяла: «Какой это был панич! красивее всех паничей, какие здесь бывают; ни пан Войцеховский не так красив, ни пан Енджеевич, никто, никто. — Боже мой! как он у меня раз, шутики ради, всю капусту из кастрюли поел!..» Ха, ха, ха, ха, ха! Славные *Трены*³! Жаль, что нет Мицкевича, а то бы он написал балладу *Кухарка*. —

Однако оставим все это и приступим к делу: у нас дома болезнь. Уже четыре недели как Эмилия лежит, кашляет, началось кровохарканье⁴, мама перепугалась. — Мальч велел пустить кровь. Пустили раз... другой; пиявок бесчисленное множество, мушки, горчичники, волчий перец, возня, возня без конца... за все это время она ничего не ела; похудела до неузнаваемости и только теперь начинает понемногу приходить в себя. — Можешь себе представить, что у нас тут творилось. Представь себе сам, так как описать не сумею. Теперь о чем-нибудь другом.

— Карнавал кончился, и это грустно. Старый Беник умер, сам понимаешь, чего это стоило Папе! — Дочь его Клементина, вышедшая замуж за Долбышева, умерла, не прожив с ним и девяти месяцев. — Словом, столь прискорбные события опечалили наш дом. — Последним ударом — на этот раз, видимо, из преисподней, иначе не знаю откуда, — было известие о Твоей смерти, которое стоило мне не только слез, но и денег. — Естественно, узнав об этом (представь себе, что Ты узнаешь о моей смерти), — (nb. — я жив) — у меня от сильного рева заболела

голова, а так как это случилось в восемь часов утра, а в одиннадцатый приходит итальянец⁵, то, следовательно, урок не состоялся. — Вот Тебе уже несколько злотых (Войцеховский, Вельц огорчены); на другой день, чтобы развлечься, мне велено было идти в театр. Опять несколько злотых! — За все это Ты мог бы мне написать — умер ли Ты; я жду письма, потому что сам больше писать не могу, ведь уже четыре часа.

Поцелуй меня, Милый Ясь!

ФФШопен.

Бруннер думает вскоре отослать хоралион Вислой. Напиши, нужно ли удержать его от этого или как ему быть, потому что немец не знает, что делать. Было бы лучше всего, если бы Твой Папа написал ему.

Все Тебя обнимают после [твоего] воскресения.

Папе мое почтение.

¹ Вероятно, описка Ф. Шопена: в 1827 г. понедельник приходился не на 14-е, а на 12 марта.

² Именины Ф. Шопена отмечались 5 марта.

³ «Тепу» («Плачи») — элегии, одно из замечательнейших произведений польской лирической и эпической поэзии, написанные Я. Кохановским на смерть дочери Урсулы.

⁴ Эмилия Шопен умерла 10 апреля 1827 г. Ф. Шопен очень тяжело переживал ее смерть.

⁵ Итальянец — Станислав Ринальди.

36. ЯНУ МАТУШИНЬСКОМУ В ВАРШАВУ

Варшава, зима 1827/28

Варшава

Милый Ясь!

Что случилось, что мы так давно не виделись? — Я жду Тебя каждый день, но вижу, что Ты, как назло, не приходишь, а у меня к Тебе вот такая просьба: поскольку сейчас плохая погода, я хотел бы переписать начисто фортепианную партию *Вариаций*¹. Для этого мне нужен Твой экземпляр, поэтому будь так добр, принеси мне его завтра, а послезавтра Ты получишь и тот и другой.

Твой

ФФШопен.

¹ Речь идет о Вариациях В-dur op. 2 на тему «La ci darem la mano» из оперы В. А. Моцарта «Дон-Жуан». Ф. Хёзик сообщает любопытные подробности о черновом автографе Вариаций (хранится в частной коллекции в Англии): он состоял из 66 нумерованных страниц и 3 нумерованных. На последней странице, снабженной подписью Шопена и датой (1827), рукой композитора написано: «Variations sur le Thème de Mozart». Все обозначения инструментов сделаны по-польски, а не по-итальянски, как тогда было принято. На полях различные замечания Шопена, например: «Красиво, поскольку [звучит] как секундаккорд». На страницах рукописи часто встречаются рисунки Шопена.

37. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИН

Варшава, 9 сентября 1828

Из Варшавы, с[его] 9 сентября 1828

Дражайший Тытус!

Ты не поверишь, с каким нетерпением я ждал вестей о Тебе и Твоей Маме, и поэтому можешь себе представить, как я был рад, получив Твое письмо. Я находился тогда в Санниках у Прушаков. Я провел там все лето. — О тамошних развлечениях ничего Тебе не пишу, так как Ты сам бывал в Санниках. — Я не мог Тебе сразу же ответить, потому что ежедневно собирался ехать домой. Теперь же пишу Тебе, будучи словно сумасшедший, потому что поистине знаю, что со мною происходит.

Нынче еду в Берлин послушать оперу Спонтини; еду, для проверки своих сил, дилижансом. Однако причиной всего этого являются обезьяны из всех европейских [естествоведческих] кабинетов. Следуя примеру съездов в кантонах Швейцарии, а позднее в Мюнхене, прусский король уполномочил свой Университет пригласить самых известных ученых Европы на сессию естествоиспытателей, которая будет происходить под председательством самого Гумбольдта. Яроцкий, как бывший студент берлинской Акад[емии], впоследствии там же защитивший докторскую диссертацию¹, и как зоолог, получил такого рода приглашение. В Берлине приготовлено 200 квартир для приезжающих натуралистов, общий стол и тому подобные немецкие распоряжки; приглашения, отпечатанные на веленовой бумаге, предвещают нечто грандиозное, а также, что Спонтини выступит со своим [Фернандом] Кортесом или Олимпией². Как бы то ни было, а друг и учитель Яроцкого, Лихтенштейн, секретарь этого съезда, был связан тесной дружбой с Вербером, является членом Певческой академии³ и в полной гармонии (как мне говорил Эрнеман) с Цельтером, главой этого музыкального учреждения. Люди, хорошо знающие Берлин, говорили мне, что благодаря знакомству с Лихтенштейном я смогу узнать виднейших музыкантов Берлина, за исключением Спонтини, с которым он как будто не ладит. Был бы рад там застать Рад-

живилла Познаньского (что сомнительно), который со Спонтини запанибрата.

Я пробуду там с Яроцким только две недели, но хорошо хоть раз послушать превосходную оперу; уже и после этого можно иметь представление о настоящем исполнении. Арнольд, Мендельсон и Ханке — тамошние пианисты. Последний — ученик Гуммеля. О том, что увижу, я напишу Тебе, возвратившись; теперь же, согласно Твоему желанию, сообщаю Тебе варшавские новости. 1-го [grimo], пан Колли и пани Туссэн выступали (недели две тому назад) в [Севильском] *Цирюльнике*. Случилось так, что я с Костусем в это время приехал на несколько дней из Санников в Варшаву. Мне было чрезвычайно любопытно послушать этот один акт по-итальянски (потому что исполнялся только первый); весь день я заранее потирал руки. — Но вечером, если бы не п[ани] Туссэн, то я бы исколотил Колли до смерти. Он был такой *arlechino italiano**, так фальшивил, что ужас. Достаточно сказать, что раз, выбегая, он растянулся. Представь себе Колли в коротких панталонах и круглой белой шляпе, лежащим на земле с гитарой в руках. — О ужас! — [Севильский] *Цирюльник* шел мерзко. Лучшее всего Зданович спел *Calunnia***.— Ставили, или должны были поставить, оперу *Телемак*⁴ — новинку, которую я не видел; знаю только, что были репетиции, но я ни на одной не был и поэтому ничего Тебе о ней сообщить не могу. — Мне кажется, что Ты еще не видел *Отелло*⁵, но Ты хвалил Польковского, который в этой опере лучше всех. Майерова поет, как всегда. Циммерман выступает и уже как будто начинает совершенствоваться.

Однако довольно о драматическом [искусстве], узнай также кое-что и об Университете. Оборский (который напугал меня Твоим отъездом, ввалившись в зал, где мы собрались на спевку хоров [к празднику] тела Христова, и с некоторой растерянностью сообщил мне, что Ты велел попрощаться со мной и должен был ночью уехать), Оборский, кажется, в Бадене. — Так мне сказал Гонсё (с которым я был вчера на башне лютеранской церкви⁶, откуда мы с ним глядели на военный парад, происходивший на Воле⁷). Гонсё был в Кракове и многое может порассказать; в дороге его обокрали, и он трогательно описывает это происшествие.

Сегодня встретил Обниского; он здоров и очень расспрашивал о Тебе — куда Ты девался, вернешься ли и когда, и просил Тебя обнять. — Прушак, привезший меня в четверг, вернулся в субботу домой, чтобы в воскресенье отправиться в Гданьск. Пани Прушак выехала днем раньше. Я был с Костусем на Твоей квартире, но инструмента не пробовал, потому что Ко-

* Итальянский шут (итал.).

** «Клевета», ария дона Базилио (итал.).

стусь не знал, где искать от него ключ; по внешнему виду мне не показалось, чтобы с инструментом что-нибудь случилось плохое, выглядит славно. Что касается Твоих вещей, — перевезены ли они или нет, и другие подробности, все узнаешь от Костюся, который, разумеется, Тебе напишет.

В Санниках я переделал *Rondo C-dur* (последнее, если помнишь) для двух фортепиано⁸; сегодня я пробовал его с Эрнеманом у Бухгольца, и, кажется, оно вышло довольно хорошо. Мы собираемся как-нибудь сыграть его в Купеческом собрании. — Что касается моих новых сочинений, то у меня ничего нет, кроме еще не вполне законченного *Трио g-minor*⁹, начатого вскоре после Твоего отъезда. — Первое *Allegro* я пробовал с аккомпанементом перед моим отъездом в Санники; вернувшись, думаю попробовать остальное. Я думаю, что это *Трио* разделит ту же участь, что и моя *Соната*¹⁰ и *Вариации*¹¹. Они уже в Лейпциге, первая, как Ты знаешь, посвящена Эльснеру, а на *Вариациях* (может быть, это слишком смело с моей стороны) я поставил Твое имя¹². (Сердце так желало, дружба не возбраняет, и Ты не сердись.) Скарбек еще не вернулся. Енджеевич еще на год остается в Париже. Он познакомился там с Совиньским, с тем пианистом, который написал мне несколько слов; он пишет, что был бы рад, прежде чем приедет в Варшаву, предварительно познакомиться со мной, обменяться письмами. Так как он имеет отношение к редакции парижского журнала «*Revue Musicale*», publiée par Mr. Fétis*, то ему было бы приятно получить некоторые сведения о состоянии музыки в Польше, об известных в этой области поляках, об их жизни и т. д., словом, о том, во что я не намерен впутываться. Отвечу ему из Берлина, что эти дела меня не касаются, тем более что Курпиньский уже начал отчасти у нас этим заниматься. Впрочем, я еще не обладаю суждениями, достойными парижского журнала, в котором место лишь одной истине; к тому же я еще не слышал ни лучшей, ни худшей оперы. Вот бы я многих восставил против себя! —

Курпиньский сейчас в Кракове, Жилиньский дирижирует оперой. Вчера, говорят, ужасно исполняли *Фрейшютца*. Часть хора пела на четверть позднее другой. — Папа говорит, что я утрачу свое высокое мнение о загранице. Через месяц я смогу сказать Тебе об этом определенно, потому что к концу этого месяца я уже покину Берлин. Пять дней пути дилижансом! Если захвораю, возвращусь домой с экстренной почтой. И об этом я Тебе напишу. — Из новостей забыл сообщить самую важную, что умер Альбрехт. У нас все по-старому; почтенный Живный — душа всех развлечений. В этом году я должен был отправиться с Папой в Вену дилижансом, и, может быть, это и осуществилось бы, если бы мать маленького Незабытовского

* «Музыкальное обозрение», издаваемое г-ном Фетисом (франц.).

не попросила подождать ее, — а сама не приехала. Все вакации Папа провел дома. В прежнее время, то есть два-три месяца тому назад, мне грустно было проходить мимо дома Резлера, а позавчера, направляясь к Бжезине, я вместо проходного подъезда ввалился в дверь к Лафору. — Только вчера я познакомился с с[упруг]ами Кастель. Я нахожу, что она похожа на него. Такого же мнения все в Варшаве. —

Очень сожалею, что время, проведенное Тобой у Матери, не прошло так весело, как в прошлом году. Мы все глубоко переживаем болезнь Твоей уважаемой Матери и все горячо желаем ей скорейшего выздоровления. Тебе, должно быть, сильно икалось, так как не проходило дня, когда бы мы Тебя не вспоминали. Кончаю, так как мой чемодан (работы Хартмана) уже отправлен на почту. Я уже собираюсь туда, где сидят Тейсмер и Лаубер; передам им поклон от Тебя, если хочешь. Теперь же поцелуй Твоего преданнейшего

Ф. Шопена.

Поцелуй от меня ножки и ручки Твоей Маме. Мои Родители и Сестры передают свое почтение и сердечные пожелания скорейшего выздоровления. Тебе [кланяются] все Твои знакомые, как-то: Пан Живный, Жох, Гурский и т. д. — эти лица напоят Тебе наш дом. — Еще раз целую, — целую. Сжался же и напиши иногда словечко или хотя бы полслова, хоть букву, и та мне будет дорога.

Прости, если написал какую-нибудь глупость, но у меня нет времени перечитывать. — Еще раз Adieu.

¹ Установлено, что Ф. Яроцкий защитил докторскую диссертацию не в Берлине, а в Кракове.

² Оперы Г. Спонтини «Фернанд Кортес» (1809) и «Олимпия» (1819).

³ Берлинская Певческая академия — Singakademie (основана в 1792 г.).

⁴ «Телемак на острове Калипсо» (1806) — опера Ф. Буальдье.

⁵ «Отелло, или Венецианский мавр» (1816) — опера Дж. Россини, поставленная в Варшаве в 1828 г.

⁶ В то время самое высокое здание Варшавы.

⁷ Голя — западное предместье Варшавы.

⁸ Опубликовано после смерти Ф. Шопена (ор. 73). Первоначально Rondo C-dur было написано для одного фортепиано.

⁹ Речь идет о Трио g-moll для фортепиано, скрипки и виолончели ор. 8, изданном в 1833 г. у Пробста-Кистнера в Лейпциге.

¹⁰ Соната c-moll ор. 4 (в рукописи была обозначена как ор. 3), посвященная Ю. Эльснеру; издана в Вене Карлом Хаслингером после смерти Ф. Шопена — в 1851 г. В 1829 г. в Вене Шопен поручил ее издание Тобиасу Хаслингеру, отцу Карла.

¹¹ Вариации B-dur ор. 2, посвященные Тытусу Войцеховскому, изданы в 1830 г. в Вене у Т. Хаслингера.

¹² На автографе Вариаций ор. 2 рукой Т. Войцеховского написано: «J'accepte avec plaisir * Т. Войцеховский».

* Принимаю с радостью (франц.).

38. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Берлин, 16 сентября 1828

Берлин, во вторник, 16 сентября 1828

Мои горячо любимые Родители и Сестры!

В воскресенье около трех часов мы прибыли дилижансом в этот слишком большой город. С почты нас проводили прямо в гостиницу *Кронпринц*, где мы и живем до сих пор. Нам здесь хорошо и удобно. В первый же день нашего приезда пан Яроцкий взял меня с собой к Лихтенштейну, где я видел Гумбольдта. Лихтенштейн обещал познакомить меня с первыми мастерами моего искусства; он жалел, что мы не приехали днем раньше, потому что в этот день утром его дочка играла в сопровождении оркестра. Ну, невелика беда, подумал я. Прав ли я? Пока не знаю, так как еще не видел ее, а посему также и не слышал.

В воскресенье, в день моего приезда, давали *Прерванное жертвоприношение* Винтера¹. Визит к пану Лихтенштейну помешал мне побывать на этой опере. Вчера состоялся общий обед оных (кажущихся мне карикатурами) ученых, которых я уже успел подразделить на три категории. Председательствовал не Гумбольдт (он-то хорошо держится), а некий другой Распорядитель пира, фамилии которого я сейчас не припомню, но она у меня записана под его портретом, сделанным мною². Этот обед, тянувшийся бесконечно, помешал мне быть на концерте девятилетнего скрипача Бирбаха, которого здесь довольно-таки хвалят. Сегодня иду на знаменитую оперу Спонтини *Фернанд Кортес*. Поэтому, чтобы опять дело случайно не кончилось карикатурами, я попросил у пана Яроцкого позволения обедать отдельно. Пообедав, я принялся за это письмо, после чего отправляюсь в оперу. Ходят слухи, что сюда должен приехать знаменитый скрипач Паганини³, может быть, они и оправдаются. Радзивилла ждут здесь 20-го числа этого месяца; было бы хорошо, если бы он приехал.

Я до сих пор еще ничего не посмотрел, кроме зоологического музея, но уже знаю большую часть города, потому что эти два дня я только и делал, что шатался по красивейшим улицам и мостам и глазел по сторонам. Я не буду себя затруднять подробным перечислением достопримечательных зданий, лучше расскажу об этом, когда вернусь; вот мое общее впечатление от Берлина: он слишком обширен для немцев — кажется, что еще столько же жителей вполне могло бы в нем разместиться.

Сначала предполагалось, что мы будем жить на *Französische Strasse*, но вышло иначе, чему я очень рад, — потому что это улица чрезвычайно унылая — едва шесть человек можно увидеть на ней одновременно. Вероятно, ее ширина, равная нашей Лешно⁴, тому причиной. Лишь сегодня узнаю, соответствует ли Берлин моим ожиданиям.

Предпочел бы провести это утро у Шлезингера, вместо того чтобы таскаться по тринадцати комнатам зоологического музея. Он, несомненно, изумителен, но вышеназванный музыкальный магазин был бы мне гораздо более полезен. Однако от прибыли голова не болит⁵, побываю и там. Нынче утром я осмотрел также две фортепианные фабрики: Кислинга помещается в конце Friedrichstrasse, но ни одного готового [инструмента] не было, и я напрасно себя утруждал. — Вышло удачно, что здесь, в доме хозяина, есть фортепиано, и я могу на нем играть. Хозяин гостиницы с почтением смотрит на меня, когда я ежедневно навещаю его (или, вернее, его инструмент).

Дорога оказалась не столь трудной, как поначалу могло казаться, и хотя в прусских дилижансах на брусьях чувствуешь себя, как перец в ступе⁶, однако мне это, как вижу, не повредило, потому что я здоров, вполне здоров.

Наша дорожная компания состояла из одного юриста — немца, живущего в Познани и отличавшегося тяжеловесным немецким юмором, и толстого пруссака, агронома, который получил воспитание в дилижансах (так как он много путешествовал). Такой была наша компания до последней станции перед Франкфуртом, где к нам подседа какая-то немецкая Корина⁷, набитая «а хами» и ја'ками*, и пейп'ами**, словом, настоящая романтическая куколка. Но и это нас забавляло, особенно потому, что она всю дорогу сердилась на своего соседа, юриста.

Окрестности Берлина с этой стороны не очень красивы, но все же они восхищают порядком, чистотой, планировкой, словом, особой предусмотрительностью, заметной почти в каждой мелочи. В других частях города я еще не был и сегодня побывать не смогу, может быть завтра. Послезавтра уже начинаются заседания, на которые пан Лихтенштейн обещал дать мне входной билет. В тот же день Гумбольдт будет принимать у себя естествоиспытателей. Пан Яроцкий хотел похлопотать, чтобы и я туда попал, но я его попросил не делать этого, потому что мне это ничего не даст, а кроме того, иные иноземные головы, пожалуй, посмотрят на меня косо, как на профана. Да я, наконец, вовсе не хочу быть не на своем месте. Уже и так за столом мне казалось, что мой сосед косо смотрит на меня. Это был профессор ботаники из Гамбурга, пан Леман. Я позавидовал его огромным пальцам. Я разламывал булку обеими руками, а он одной смял ее в лепешку. У этого лягушонка были лапы медведя. Он через мою голову разговаривал с паном Яроцким и в разговоре настолько забывался и приходил в такой раж, что перебирал своими пальчиками по моей тарелке и сметал с нее крошки. (Это настоящий ученый, так как у него

* Да (нем.).

** Нет (нем.).

к тому же большой и неуклюжий нос.) Я сидел как на иголках во время подметания моей тарелки и потом должен был протереть ее салфеткой.

У Марыльского нет ни на грош вкуса, раз он говорил, что берлинки красивы: это сплошь одни голые челюсти, alias рожи без зубов. Они очень наряжаются, это правда, но жаль великолепного муслина, загубленного для таких замшевых кукол.

Ваш, искренно любящий

Фридерик.

¹ «Прерванное жертвоприношение» (1796) — опера Петера фон Винтера.

² Ф. Шопен обладал незаурядным талантом рисовальщика.

³ Н. Паганини прибыл в Берлин лишь в феврале следующего года, а в мае — июле 1829 г. концертировал в Варшаве. В его записной книжке, в списке лиц, которым он послал (или предполагал послать) билеты на один из своих концертов, значится: «Mr. Chopin, giovine Pianista *».

⁴ Улица в Варшаве.

⁵ Польская поговорка.

⁶ «Дилижансы на брусках...» — дилижансы того времени не имели рессор. Иногда кузов подвешивался на ремнях, что, однако, было довольно дорого, чаще же его опирали на бруска, отчего в дилижансе сильно трясло.

⁷ Коринна — героиня известного романа госпожи де Сталь «Коринна, или Италия» (1807) — женщина необыкновенной чувствительности и утонченности.

39. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Берлин, 20 сентября 1828

Берлин, 20 сентября 1828 г.

Я здоров, и, начиная со вторника, как будто специально для меня, в театре ежедневно дают что-нибудь новое. Главное, я уже слышал *Ораторию* в Singakademie**. Я с удовольствием также прослушал [Фернандо] Кортеса, *Il matrimonio segreto* Чимарозы¹, *Colporteur'a* Онслова². Однако оратория *Säcilienfest* Генделя³ более близка тому идеалу высокой музыки, который я себе составил. Из прославленных певиц сейчас нет ни одной, кроме панны Тибальди (альт) и молодой семнадцатилетней фон Шетцель, которую я слышал сперва в Singakademie, а потом в театре в *Разносчике*. В *Оратории* она мне больше понравилась; возможно, что тогда я был более расположен к слушанию. Все-таки и тут не обошлось без но; уж, верно, только в Париже этого не будет.

У Лихтенштейна с тех пор еще не был, потому что он так занят организацией съезда, что даже пану Яроцкому лишь

* Г-н Шопен, молодой пианист (итал.).

** Певческая академия (нем.).

изредка удается обменяться с ним несколькими словами. Несмотря на это, он все же достал мне входной билет на заседание. Место было отличное, так что я слышал и видел все, что можно было, и даже хорошо разглядел кронпринца⁴. Я видел Спонтини, Цельтера, Мендельсона, но ни с кем из них не говорил, так как сам не решился им представиться. Сегодня должен приехать к[нязь] Радзивилл; после завтрака я пойду справлюсь. В Singakademie я видел княгиню Лигницкую и, заметив, что она разговаривает с кем-то, одетым в ливрею, спросил своего соседа, не королевский ли это камердинер. «Ei, das ist ja Excellenz von Humboldt*», — ответил он. Министерский мундир так изменил его, что я, несмотря на хорошо запечатлевшиеся в памяти черты этого великого *piéton*** (ведь он даже на Чимборасо⁵ взобрался), совершенно не мог узнать его. Он также был на *Colporteur'e* или, как здесь называют, *Hausirer*, а по-нашему, как я думаю, он будет *Разносчик*; в королевской ложе находился принц Карл.

Позавчера мы осматривали библиотеку⁶. Она огромна, но музыкальных произведений в ней мало. Там я видел собственноручное письмо Косцюшко, которое буква за буквой списывал Фалькенштейн, биограф нашего героя. Когда он понял, что мы поляки и бегло читаем письмо, которое он с таким трудом копировал, он попросил пана Яроцкого перевести ему по-немецки содержание, которое и внес под диктовку в свою записную книжку. Это еще довольно молодой человек и занимает должность секретаря в Дрезденской библиотеке. Я видел там также редактора берлинской музыкальной газеты⁷ и обменялся с ним несколькими словами.

Завтра *Freischütz!*.. Его-то мне и надо. Смогу сравнивать с нашими певцами. Сегодня получил билет на парадный обед в *Exerzierhaus****.

Карикатур у меня еще прибавилось.

¹ «Тайный брак» (1792) — опера Д. Чимарозы.

² «Разносчик» («Распространитель слухов»; 1827) — комическая опера Ж. Онслова.

³ «Cäcilienfest» — «Ода св. Цецилии» (1739) — оратория Г. Генделя, аранжированная В. А. Моцартом.

⁴ Прусский наследник трона, позже король Фридрих Вильгельм IV.

⁵ Чимборасо (6250) — потухший вулкан, одна из самых высоких вершин в Андах (Южная Америка), на которую первым поднялся А. Гумбольдт, путешествующий по Южной и Центральной Америке в 1793—1804 гг.

⁶ Речь идет о Королевской библиотеке в Берлине (ныне Немецкая государственная библиотека), основанная в 1659 г.

⁷ Речь идет об Адольфе Бернхарде Марксе.

* Что вы, ведь это его превосходительство фон Гумбольдт (нем.).

** Здесь — путешественник (франц.).

*** Манеж (нем.).

40. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Берлин, сентябрь 1828

<...> Он [Гумбольдт] среднего роста, и черты его лица нельзя назвать красивыми. Несмотря на это, несколько выступающий, красиво очерченный лоб, как и глубокие, пронизательные глаза, свидетельствующие о разносторонней духовной жизни, оживляют лицо этого любезного и умеющего себя держать в обществе ученого. Гумбольдт говорит по-французски столь бегло, словно говорит на своем родном языке. <...>

На русском языке публикуется впервые. Отрывок несохранившегося письма. Hoesick F. Chopin, t. I. s. 135.

41. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Берлин, 27 сентября 1828

Берлин, 27 с[его] м[есяца]

Я здоров и видел все, что только можно было видеть. [Скоро] возвращаюсь к Вам. В понедельник (то есть через неделю, считая от послезавтра) мы обнимем друг друга. Я бью баклуши. Ничего не делаю, только шатаюсь по театрам. Вчера давали: *Das unterbrochene Opferfest**, где несколько хроматических гамм, опущенных панной Шетцель, мысленно перенесли меня в Ваши края¹. Это Ваше² напомнило мне берлинскую карикатуру. Наполеоновский солдат стоит с ружьем на часах и спрашивает: «qui vive?»**, а проходящая мимо толстая немка отвечает: «la vache»***. Она хотела сказать: «die Wäsche»****, но желая выразиться поэлегантнее, чтобы французский солдат ее легче понял, офранцузила свое звание!

К важнейшим событиям моего пребывания здесь я должен причислить и второй обед с господами натуралистами. Во вторник, накануне разезда, состоялся обед с приспособленными специально к этому случаю песнями. Все пели, и всяк сидящий за столом пил и стучал в такт музыке. Цельтер дирижировал; перед ним на кумачовом возвышении стоял высокий золоченый бокал как знак высочайшего музыкального звания. Ели больше, чем обычно, вследствие чего дело приняло такой оборот: господа натуралисты, а в особенности зоологи, занимались главным образом классификацией мяса, соусов, бульонов и т. п. вещей и в итоге сделали за эти несколько дней съезда огромные успехи в еде. В Königstädter Theater***** по этому

* «Прерванное жертвоприношение» (нем.).

** Кто идет? (франц.).

*** Корова (франц.).

**** Прачка (нем.).

***** Королевском городском театре (нем.).

поводу уже подшучивают над учеными. В какой-то комедии (на которой я сам не был, но знаю об этом по рассказам) пьют пиво, и один спрашивает другого: «Почему теперь в Берлине такое хорошее пиво?» — А тот отвечает: «Да потому, что съехались натуралисты».

Однако пора спать, так как завтра мы чуть свет должны быть на почте. В Познани мы остановимся на два дня, *in gratiam** обеда, на который нас пригласил архиепископ Волицкий.

Когда увидимся, то-то будем болтать!³

До свидания...

¹ Намек на варшавских певцов, опускавших или изменявших трудные колоратуры в своих партиях.

² Польское «ваш» — *wasz* — звучит как французское слово *vache* — «корова»; отсюда и ассоциация.

³ На обратном пути из Берлина Ф. Шопен останавливался в Цилихове (Сулехов) и Познани. Сохранился рассказ, как в Цилихове на постоялом дворе в ожидании почтовых лошадей Шопен сел за фортепиано и начал импровизировать; присутствующие, восхищенные его игрой, долго не отпускали его, а затем устроили ему торжественные проводы. М. Карасовский основывал свой рассказ на не дошедшем до нас письме Шопена родным (см.: Hoesick F. Chopin, t. 1, s. 141—144).

В Познани Шопен провел два дня, посетил А. Радзивилла; вечером в его дворце Шопен играл произведения Моцарта, Гайдна, Бетховена, Гуммеля и импровизировал (полагают, что на этом выступлении присутствовал А. Гумбольдт). На здании, где играл Шопен, в 1960 г. установлена мемориальная доска.

42. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИН

Варшава, 27 декабря 1828

Варшава, в субботу с[его] 27 декабря 1828

Дражайший Тытус!

Я ленился до тех пор, пока чувство дружбы не взяло верх над пороком. Желая, чтобы это письмо оказалось у Тебя дома ко дням первого и четвертого января¹, я, хотя и сонный, взялся за перо. Не стану заполнять этот листок множеством любезностей, замысловатыми, подчас банальными пожеланиями, — мы ведь друг друга хорошо знаем; именно в этом ищи причину моего молчания.

Макс на следующий же день после своего приезда в Варшаву дал мне точные сведения о Тебе и о здоровье Твоей матери. По дороге в Университет он забежал ко мне и с восторгом вспоминал грубешовские края. Некоторые его описания превосходны; когда, между прочим, я спросил его о твоём соседе, вернувшемся из Парижа, он ответил коротко и серьезно: «завивается». —

* По случаю (лат.).

У пани Прушак снова собираются ставить комедию; мне дали роль какого-то Педро в *Les projets de mariage* Дювала². После Нового года они отправляются на две свадьбы: одна панны Скаржиньской (из Кракова) с Лушевским, а другая — панны Скаржиньской из Студзеня, самой старшей, — не знаю с кем. Знаю, что в этом месте Ты покачаешь головой и скажешь, что за чепуху несет этот Фрыц, но я уже это написал и не стану вымарывать, потому что мне некогда переписывать. — Вот новость из другой области: Енджеевич в Париже стал членом какого-то общества, кажется географического. — Однако интереснее всего Тебе будет узнать про то, что я, бедный, я как бы должен давать уроки. Причина тут следующая: N. lia fatto infelice la signorina governante, della Casa, nella strada Marszałkowska. La signorina governante, ha uno bambino nell'entre, e la Contessa, sive la padrona, non vuole vedre di' piu il seduttore. Il migliore evento é, che credevano avanti, che tutto e apparito, ch'il seducente son io perche io ch'era più d'un messo a Sanniki, et sempre andava colla governante, camminar nell'giardine. Ma andar'e camminar'e niente di più. Ella non e incantante *. Меня, растяпу, io, non ho avuto alcuno appetito **, к счастью для меня. M a d a m a Прушак уговорила Маму и Папу, и я даю уроки³. — Oleum et operam perdidi ***. Но будь, что будет.

Партитура *Rondo à la Krakowiak* закончена. Интродукция оригинальнее, чем я сам в своем байковом сюртучке. Но *Trio*⁴ еще не окончено. У меня наверху уже есть комната⁵, там мне будет удобно, к ней ведет лестница из гардеробной. Там у меня будет старое фортепиано, старый столик, этот уголок станет моим убежищем. — Осиротелое *Rondo* для двух панталеонов нашло в лице Фонтаны своего отчима⁶ (может, Ты когда-нибудь у меня его видел, он ходит в Университет⁷). Он учил его больше месяца, наконец, все же выучил, и недавно у Бухгольца мы убедились в эффекте, который оно могло бы произвести. Могло бы потому, что не вполне хорошо были построены панталеоны, временами подводило чутье и все те мелочи, которые, как Ты сам знаешь, придают столько оттенков каждой вещи. — За неделю я ничего не написал ни для людей, ни для бога. Бегаю от Понтия к Пилату⁸ и буду сегодня на вечере у [пани] Винцингероде, а оттуда поеду на другой к панне Кицкой⁹. Ты знаешь, как это приятно, когда тебя просят

* Н. сделал несчастной синьорину гувернантку в доме на Маршалковской улице. Синьорина гувернантка возымела во чреве младенца, и графиня, то есть хозяйка, не желает больше видеть соблазнителя. Замечательнее всего, что сначала все думали, будто соблазнителем являюсь я, так как провел больше месяца в Санниках и всегда гулял с гувернанткой в саду. Но я только гулял — не более того. В ней нет очарования (итал.).

** К ней не тянуло (итал.).

*** Напрасный труд (лат.).

импровизировать, а тебе хочется спать. Угоди тут всем! — Редко случается, что мелькнет мысль, подобная тем, что иногда по утрам так легко выливались из-под пальцев на Твоем панталеоне! Куда ни повернешься, всюду жалкие инструменты Лещиньского, и я до сих пор не видел ни одного, который бы по своему звучанию приближался к панталеону твоей Сестры или нашему. —

Польский театр открылся вчера *Прециозой*, а французский — *Ратапланом*. Нынче — *Гельдхаб*, завтра — *Слесарь*¹⁰. Завтра, как в каждое воскресенье, я на обеде у п[ани] Прушак. Костусь говорил мне, что Ты писал ему; не подумай, что я сержусь, что мне Ты не написал; знаю Твою душу, а за бумагой не гонюсь. Если опять я намарал Тебе столько вздору, то единственно затем, чтобы Тебе напомнить, что Ты по-прежнему в моем сердце, а я все тот же Фрыц, что и раньше.

Ф. Шопен.

Ты не любишь, чтобы Тебя целовали. Нынче позволь мне это.

Пожелания наилучшего здоровья Твоей Маме шлет весь наш дом. — Брата обними. Живнй Вам кланяется.

9 сентября в Санниках у Прушаков я переделал *Rondo C-dur* для двух фортепиано (до сих пор еще не изданное). *Trio g minor* еще не закончено.

27 декабря я закончил партитуру *Rondo à la Krakowiak*. *Трио* еще не закончено.

¹ То есть к Новому году и ко дню именин Т. Войцеховского; имеются сведения, что вместе с этим письмом Шопен переслал адресату свой Контраданс (1827?), посвященный в рукописи Т. Войцеховскому.

² «Брачные проекты» — комедия в одном акте А. Пинё, называемого Дювалем, впервые поставлена в Комеди Франсез в 1799 г.

В упоминаемом любительском спектакле Ф. Шопен исполнял роль Педро, молодого и красивого слуги, развязного и плутоватого, — одного из главных действующих лиц. Пьеса шла на французском языке.

³ Вероятно, Александре Прушак, сестре Константы Прушака.

⁴ Речь идет о Трио *g-moll* op. 8.

⁵ Шопены после смерти Эмилии переехали из Казимировского дворца и поселились напротив Лицея в левом флигеле дворца Красиньских (Краковское Предместье, 5); комната в мансарде, которую занимал Фридерик до самого отъезда за границу, была разрушена в 1944 г.

⁶ Ф. Шопен играл Рондо с М. Эрнеманом, который, по-видимому, уехал; его заменил Ю. Фонтана.

⁷ Ю. Фонтана окончил также юридический факультет Варшавского университета.

⁸ Крылатое выражение; служит для обозначения всяческой волокиты, беготни по инстанциям.

⁹ В салоне Т. Кицкой собирались аристократы, артисты и ученые. У нее неоднократно импровизировал Ф. Шопен. О его первом выступлении в салоне Кицкой писал в своих «Воспоминаниях о прошлом...» А. Одынец: «Шопен был еще в гимназическом мундирчике и застенчив, как бабышня; в гостиной вместо фортепиано стоял только Эоли-мелодикон. Хо-

зайка весь вечер просила его, чтобы он что-нибудь сыграл. Шопен в Дрездене со смехом рассказывал, как он при этом волновался: я же явственно помню, какое впечатление он произвел на слушателей. После двух или трех чужих композиций он начал импровизировать на тему последней из них. Проникновенные и торжественные звуки фисгармонии, видимо, привели его в такое состояние вдохновения, что оно, казалось, захватило его целиком. Восторг был всеобщим. Уже не оценивали — слушали. Он играл и играл, все более выразительно, и играл бы еще неизвестно сколько, если бы не почтенный Юльян Урсын [Немцевич], заметив необыкновенные изменения и бледность его лица, не сжалился над ним наконец. Он незаметно подошел и сел рядом с ним, тихонько взял его за руку, говоря: «Хватит, хватит уже, молодой человек! надо отдохнуть». — И только тогда его все окружили. Никто не осмеливался хвалить его вслух, и хозяйка, и гости благодарили его только пожатием руки. Шопен говорил, что впоследствии ни один из самых его блистательных триумфов не доставлял ему такой сладостной душевной радости» (цит. по кн.: Czartkowski A., Jeżewska Z. Chopin, s. 81—82).

¹⁶ «Прециоза» (1820) — пьеса П. А. Вольфа с музыкой К. М. Вебера; автора оперы «Ратаплан» установить не удалось; «Пан Гельдхаб» (1821) — пьеса А. Фредро; «Каменщик и слесарь» (1825) — опера Д. Обера.

1829

43. МИКОЛАЙ ШОПЕН — МИНИСТРУ
СТАНИСЛАВУ ГРАБОВСКОМУ В ВАРШАВУ

Варшава, 13 апреля 1829

Ваше превосходительство, господин министр.

Работая в течение двадцати лет¹ преподавателем в Варшавском лицее и пребывая в убеждении, что исполнял свои обязанности насколько позволяли мне силы, я осмеливаюсь обратиться к господину Министру с покорнейшей просьбой исходатайствовать мне милость у правительства, — которую я сочту для себя величайшей наградой.

У меня сын, врожденные склонности которого к музыке призывают его совершенствоваться в этом роде искусства. Благословенной памяти царь и король Александр всемилостивейше пожаловали ему драгоценный перстень в знак своего удовлетворения, когда мой сын имел честь играть перед его императорским величеством². Его императорское высочество великий князь и главнокомандующий³ милостиво позволяли моему сыну неоднократно являть свой крепнувший дар в его высоком присутствии. Наконец, — целый ряд достойных лиц и знатоков музыки могли бы подтвердить мнение, что мой сын мог бы быть полезным стране в избранной им специальности, если бы он имел возможность довести обучение до необходимо полного развития своего дара.

Он прошел уже все предварительные ступени обучения, в чем я имею честь сослаться на свидетельство ректора Главной школы музыки и профессора Университета — Эльснера. Теперь моему сыну необходимо посетить зарубежные страны, в частности, Германию, Италию и Францию, и в достаточной степени усовершенствоваться, изучая лучшие образцы. —

Однако на такую поездку, которая может продлиться до трех лет, необходимы средства, — мои же скромные доходы, единственным источником которых является мое учительское жалование, недостаточны для этого, и поэтому я покорнейше прошу ваше превосходительство, дабы вы соизволили испросить Административный совет выделить из средств, имеющих в распоряжении наместника, некоторую сумму для заграничной поездки моего сына⁴. —

С глубоким почтением
Его превосходительства господина
министра покорный слуга
Миколай Шопен
Проф[ессор] Вар[шавского] Лицея.

Варшава, сего 13 апреля 1829 г.

¹ М. Шопен был назначен преподавателем низших классов Варшавского лицея 1 октября 1810 г. Таким образом, к моменту написания данного письма он проработал в Лицее девятнадцать лет.

² Ф. Шопен играл в присутствии Александра I в Евангелическом костеле в мае 1825 г. «П[р]есветлый» государь всемилостивейше пожаловал бриллиантовым перстнем [...] пана Фридерика Шопена, ученика Лицея (чей талант игры на фортепиано на публичных концертах уже неоднократно вызывал восхищение» («Kurier Warszawski», 1825, 18 maja).

³ Великий князь Константин Павлович.

⁴ Граф Станислав Гравовский положительно отнесся к просьбе М. Шопена и, поддерживая его прошение о выдаче пособия, на следующий же день (14 апреля 1829 г.) писал Административному совету Царства Польского: «...Имею честь просить, дабы столь обещающему юноше милостиво сообразовали назначить... считая по 5000 злотых в год, предназначенных на заграничную поездку...»

Прошение было послано на резолюцию Т. Мостовскому, который 19 мая 1829 г. ответил: «Сообщенное в отношении заявления его пр[е]восходительства] министра председателя Государственной комиссии духовных дел и народного просвещения от 14 апреля сего года на предмет обеспечения сыну профессора Шоппена [!] 5000 злотых ежегодно для путешествия за границу на два года с целью усовершенствования таланта игры на фортепиано, которым он отличается, Государственная комиссия внутренних дел и полиции имеет честь возратить с замечанием, что она не может разделить мнение, чтобы суммы государственного казначейства были предназначены [в черновике первоначально написано: «расточаемы»] на поощрение артистов такого рода».

На оригинале этой бумаги сверху написано карандашом: «Просителю отказать».

10 июня 1829 г. М. Шопену был дан ответ: «На просьбу пана Миколая Шопена, поданную дня 13 апреля... объявляется, что совет, осведомившись о мнении министра внутренних дел и полиции, не нашел себя склонным согласиться с ходатайством просящего [первоначально было: «что-таковые просьбы о недостатке средств не могут иметь последствий» — потом было исправлено, как выше]». Полный текст этих документов см.: *Pereświet-Sołtan Stanisław. Listy Fryderyka Chopina do Jāna Białobłockiego. Warszawa, 1826, s. 64—66.*

44. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Вена, 1 августа 1829

Вена, 1 августа 1829

Мои горячо любимые Родители и Сестры!

Благополучно, весело, невредимо, великолепно и почти что удобно прибыли мы вчера в Вену¹. От Кракова мы ехали *Separatwagen*²ом² лучше, чем если бы ехали в собственном экипаже. Прекрасные виды Галиции до самого Бельска, затем Верхней Силезии и Моравии делали наше путешествие тем более приятным, что дождь, иногда падавший по ночам, избавлял нас от несносной пыли на *chossée**.

Прежде чем я начну описывать Вену, расскажу, что случилось в Ойцове³. В воскресенье после обеда, наняв за четыре

* Дорога, шоссе (франц.).

талера краковскую телегу, запряженную четверкой, мы щеголяли в ней оригинальнейшим образом. Минював город и прекрасные окрестности Кракова, мы велели нашему вознице ехать прямо в Ойцов, полагая, что там живет п[ан] Индык, крестьянин, у которого обычно все ночуют, где и панна Таньская тоже ночевала. К несчастью оказалось, что пан Индык живет в расстоянии мили от Ойцова, и наш возница, не знавший дороги, заехал в Прондник — речку, или, вернее, прозрачный ручей, — а другой дороги нельзя было найти, потому что и справа и слева были скалы. Около девяти часов вечера нам, кочующим таким образом и не знаящим, что делать, повстречались два человека; сжалившись над нами, они взялись проводить нас к пану Индыку. Нам пришлось идти пешком добрых полмили, по росе, среди множества скал и острых камней. Иногда приходилось переходить речку по круглым бревнам, и все это в ночной темноте. Наконец, с великими трудами и канителью, подталкивая друг друга, мы все же добрались к пану Индыку. В столь поздний час он не ждал гостей. Он предоставил нам комнатку под скалой, в домике, выстроенном специально для туристов. Изабелла!.. Там же, где останавливалась панна Таньская! Итак, каждый из моих спутников раздевается и сушится у огня, разведенного в камине достойной пани Индык. Один лишь я, усевшись в уголке, мокрый до колен, размышляю — должен ли я раздеваться и сушиться или же нет; и тут я вижу, как пани Индык направляется к рядом находящемуся чулану, чтобы принести постельное белье. Влекомый спасительным предчувствием, я следую за ней и вижу множество краковских шерстяных шапок. Это двойные шапки, вроде ночных колпаков. С отчаянья я за золотый покупаю одну, разрываю ее пополам, снимаю башмаки, обертываю ею ноги и, крепко привязав ее веревкой, таким образом спасаюсь от неизбежной простуды. [Затем.] подойдя к камину, я напился вина и вволю посмеялся с моими добрыми товарищами, а тем временем пани Индык постелила нам на полу, где мы отлично выпались...

Продолжение письма М. Карасовский передает в сокращенном пересказе: «Дальше Фридерик описывает Ойцов, Пескову Скалу, Гроты Черный и Королевский, где некогда, в конце XIII века, как гласит народное предание, король Локетек скрывался от своих врагов. Фридерик восхищается всем этим и говорит в восторге: «Что бы там ни было, но ради красоты Ойцова стоило вымокнуть». Конец письма содержит описание Венской картинной галереи, которую Шопен бегло осмотрел, а также и другие подробности, менее интересные для читателя»⁴.

¹ Свою первую поездку в Вену Ф. Шопен совершил в обществе Ромуальда Хубе, Марцелия Целиньского, Игнация Мацеёвского и Альфонса Брандта (до Кракова с ними ехали еще Владыслав Целиньский и Мечислав Потоцкий).

² Скорая почтовая карета на четыре или шесть мест, расписание которой зависело от желания пассажиров.

³ Ойцув — старинный замок в гористой местности нынешнего Краковского воеводства.

⁴ Это письмо, как и все письма Ф. Шопена периода его первой поездки в Вену, дошло до нас в публикации М. Карасовского, который весьма вольно обращался с текстами его писем и в данном случае навсегда лишил нас — пусть беглых, но крайне нам интересных — впечатлений Шопена от посещения Венской картинной галереи (см.: Karasowski M. *Młodość Fryderyka Chopina*. Warszawa, 1862).

45. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Вена, 8 августа 1829

Вена, 8 августа 1829 г.

Я здоров и весел. Не знаю, в чем дело, но немцы удивляются мне, а я, со своей стороны, удивляюсь, что они во мне находят чему удивляться. Письмо пана Эльснера произвело такое впечатление, что Хаслингер положительно не знал, куда меня посадить. Он сейчас же заставил своего сына сыграть мне, показал мне все, что у него было интересного в музыкальном отношении, и извинялся, что не может представить меня своей жене, так как ее не было дома. Тем не менее он все еще не напечатал моих вещей. Я его о них не спрашивал, но он, показывая мне свои самые лучшие издания, сообщил, что мои *Вариации* должны будто бы через неделю выйти в «Одеоне» в таком же издании. Этого я уж совсем не ожидал. — Он уговаривает меня дать концерт. Здесь говорят, что Вена много бы потеряла, если бы я уехал, не дав себя услышать. Всего этого я не могу понять. Шуппанциг, к которому у меня тоже были письма, сказал мне, что хотя сезон окончен и он уже не устраивает квартетных вечеров, но тем не менее постарается устроить хотя бы один за время моего пребывания в Вене.

У Гуссажевских я был [только] раз; старик восхищался моей игрой и пригласил меня на обед. На обеде было много венцев, и все, словно сговорившись, уговаривали меня играть публично. Штейн хотел сейчас же послать один из своих инструментов мне на дом, а затем и на концерт, если бы я такой дал. Графф, у которого инструменты лучше, чем у Штейна, предлагал мне то же самое. Вюрфель утверждает, что если хочешь показать нечто новое и прогоеметь — играть надо непременно. Здешний журналист, п[ан] Блахетка, с которым я познакомился у Хаслингера, также уговаривает меня выступить. *Вариации* им чрезвычайно нравятся.

Граф Галленберг познакомился со мною там же; он управляет театром, где я уже слышал несколько убогих концертов. Хаслингер утверждает, что для моих сочинений было бы очень

полезно, если бы их услышала Вена,— газеты их тотчас расхвоят, за что все ручаются. Словом, всякий, кто только меня слышит, советует мне играть, а Вюрфель еще добавил, что уж раз я в Вене и мои сочинения вскоре должны выйти из печати, то я непременно должен выступить, в противном случае мне пришлось бы, пожалуй, приезжать сюда специально. Он ручается, что сейчас самое подходящее время, так как венцы жаждут новой музыки. Не следует молодому музыканту упускать такую возможность. Наконец, если бы я выступал только как исполнитель, это имело бы гораздо меньшее значение, я же выступаю со своими сочинениями и поэтому смело могу отважиться и т. п. Он хочет, чтобы я играл сначала *Вариации*, затем, чтобы поразить новизной, *Краковское Rondo*, а в конце импровизировать. Выйдет ли из этого что-нибудь? Еще не знаю.

Штейн очень со мной предупредителен и по-дружески расположен; и все же на его инструменте я не смог бы играть, уж скорее на инструменте Граффа; так же думают Хаслингер, Блахетка и Вюрфель. Сегодня решу.

Куда ни повернусь, все морочат мне голову, чтобы я играл. У меня нет недостатка в музыкальных знакомствах; только Черни еще не знаю, но Хаслингер обещал меня с ним познакомиться.— Из опер я слышал три: *Белую даму*, *Золушку* и *Крестоносца* Мейербера¹. Оркестр и хор великолепны. Сегодня — *Иосиф в Египте*².

В Музыкальной академии³ я дважды слышал Майзедера как солиста.— Город красивый, мне нравится; меня уговаривают остаться здесь на зиму.— Сейчас пришел Вюрфель. Чду вместе с ним к Хаслингеру.

Р. S. Я уже решил. Блахетка говорит, что я произведу фурор, так как я виртуоз первого ранга; что меня можно поставить рядом с Мошелесом, Герцем, Калькбреннером. Вюрфель представлял меня сегодня гр[афу] Галленбергу, капельмейстеру Зейфриду и каждому встречному, как юношу, которого он уговорил дать концерт (nota bene: без всякого гонорара), что очень понравилось гр[афу] Галленбергу, потому что дело касается его кармана. Все газетчики таращат на меня глаза; оркестранты почтительно кланяются, потому что пан директор итальянской оперы, которой уже нет, ходит со мной под руку. В сущности, мне все уладил Вюрфель: он будет сам присутствовать на репетиции и от всего сердца помогает подготовить мое выступление. Он и в Варшаве был ко мне добр; Эльснера он вспоминает с большой теплотой.

Здесь удивляются, как Кесслер, Эрнеман и Чапек могут оставаться в Варшаве, когда там нахожусь я. Но я им объяс-

няю, что играю bloss aus Musikliebe* и не даю уроков. Для концерта я выбрал инструмент Граффа и боюсь этим задеть Штейна, но я искренно благодарю его за любезность.

Надеюсь, что бог мне поможет — не тревожьтесь!

¹ «Белая дама» (1825) — опера Ф. Буальдьё; «Золушка» (1817) — опера Дж. Россини; «Крестоносец в Египте» (1824) — опера Дж. Мейера.

² «Иосиф в Египте» (1807) — опера Э. Мегюля.

³ См. письмо 46.

46. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Вена, 12 августа 1829

Среда, 12 августа 1829

Из предыдущего письма Вы, горячо любимые Родители, знаете, что я позволил уговорить себя дать концерт; и вот вчера, то есть во вторник, в семь часов вечера, в императорско-королевском оперном театре я явился в свете!

Такие выступления в театре, как мое вчерашнее, называют здесь eine musikalische Akademie^{1**}. И поскольку я ничего за свое выступление не получил и не старался получить, то граф Галленберг ускорил его срок, составив следующую программу².

Увертюра Бетховена

Мои Вариации

Пение панны Вельтхейм

Мое Rondo

Потом снова пение, после чего небольшой балет для заполнения вечера.

На репетиции оркестр так плохо аккомпанировал, что вместо Rondo я играл *Freie Phantasie****. Когда я появился на сцене, меня встретили аплодисментами, и после исполнения каждой вариации были такие аплодисменты, что я не слышал tutti оркестра. После окончания так аплодировали, что мне пришлось выйти второй раз и поклониться. На долю *Freie Phantasie*, хотя она мне и не особенно удалась, выпал еще больший успех, и я должен был опять выйти на сцену. Она [импровизация] прошла так хорошо потому, что немцы умеют это ценить. Замысел, возникший в субботу, уже во вторник был приведен Вюрфелем в исполнение, за что я ему чрезвычайно благодарен.

В субботу я познакомился с Йировцем, Лахнером, Крейцером, Зейфридом и долго разговаривал с Майзедером. Стоя перед театром, я увидел гр[афа] Галленберга; он подошел ко мне и предложил играть во вторник; я согласился — и не был

* Только из любви к музыке (нем.).

** Музыкальная академия (нем.).

*** Здесь — импровизация (нем.).

освистан! Когда приеду, расскажу все это лучше, чем сумел бы описать. Вы можете быть спокойны и за меня, и за мою славу.

Журналисты меня полюбили; может быть, они и поиздеваются над чем-нибудь, но ведь это необходимо, чтобы оттенить похвалы. Галленбергу понравились мои сочинения. Режиссер театра п[ан] Деммер необычайно предупредителен и добр ко мне. Перед моим выходом на сцену он меня настолько ободрил, настолько поднял мое настроение, что я не очень трусил, особенно потому, что зал не был полон. Мои друзья и товарищи заняли места в разных углах зала, чтобы слышать различные мнения и критические замечания. Целинский может сказать, насколько мало слышно было порицаний; самое серьезное слышал Хубе. Одна дама сказала: «Schade um den Jungen, dass er so wenig Tournüre hat» *. Если я заслужил лишь это порицание, а они клянутся, что слышали одни похвалы и сами н[и] разу не начинали аплодисментов, то выходит, что мне нечего беспокоиться!

Я импровизировал на тему *Белой дамы*, а режиссер, которому на репетиции чрезвычайно понравилось мое *Rondo*, вчера после концерта, крепко пожимая мне руку, сказал: «Ja, das *Rondo* muss hier gespielt werden» **, — и он попросил меня, чтобы я взял еще польскую тему, — я выбрал *Хмель* ³, который наэлектризовал непривычную к таким мотивам публику. Мои партерные шпионы уверяют, что на скамейках прямо подпрыгивали.

Вертхейм, случайно приехавший вчера с женой из Карлсбада, тотчас отправился в театр и никак не мог сообразить, что это играю я; сегодня он уже приходил ко мне с поздравлениями. В Карлсбаде он встретился с Гуммелем и сказал мне, что Гуммель говорил обо мне с ним ⁴ и что сегодня он напишет ему и сообщит о моем выступлении. — Хаслингер печатает мои сочинения; афишу концерта я сохранил.

И все же общее мнение таково, что для здешней публики, привыкшей к пианистам, сокращающим инструменты, я играл слишком тихо, вернее, слишком нежно. Ожидаю этого упрека и в газетах, тем более что дочь одного из редакторов страшно колотит по инструменту ⁵. Но это несколько не повредит, потому что невозможно же не иметь никаких н[от]. Это мне все-таки приятней, чем если бы сказали, что я играю слишком сильно ⁶.

Вчера приходил на сцену гр[аф] Дитрихштейн, лицо близкое к императору, он много говорил со мной по-французски, хвалил меня и советовал подольше остаться в Вене. Оркестранты бранили мои дурно написанные ноты и дулись до самой импровизации, после которой тоже аплодировали и кричали вместе со всей публикой. Вижу, что они на моей стороне; о дру-

* Жаль, что юноше не хватает осанки (нем.).

** Да, Рондо здесь надо сыграть (нем.).

гих музыкантах пока ничего не знаю; но они не должны ко мне враждебно относиться, потому что они ведь знают, что играл я не ради материальной выгоды.

Таким образом, мой дебют был столь же неожиданным, сколь и удачным. Хубе утверждает, что человек, идя обычным путем и по намеченному им самим плану, ничего не достигнет, — надо и на долю судьбы что-нибудь да оставить. Вот, положившись на судьбу, я и дал уговорить себя на это выступление. Если в газетах меня отхлестают так, что я не смогу больше показаться людям на глаза, то я уже принял решение — займусь окраской комнат, потому что водить кистью по трафарету легче всего и при этом все-таки остаешься сыном Аполлона.

Мне интересно, что скажет обо всем этом пан Эльснер; может быть, он будет недоволен тем, что я играл? Но мне так заморочили голову, что я не мог отказаться. Впрочем, мне кажется, что ничего плохого не случилось. Нидецкий был ко мне вчера особенно мил; он просматривал оркестровые голоса, исправлял их и искренно радовался моему успеху⁷. — Я играл на инструменте Граффа.

Сегодня я стал умнее и опытнее по крайней мере на четыре года. Ах! Вы, наверное, удивились, что прошлое письмо я запечатал Мадерой; но я был так рассеян, что взял у кельнера первую оказавшуюся под рукой печатку и наскоро запечатал письмо.

¹ Концерты одного солиста еще не вошли тогда в обычай; чтобы не наскучить публике, считалось необходимым разнообразить программу выступлениями нескольких артистов, причем главный солист выступал дважды (в афишах писали: «Г-н Шопен даст инструментальный и вокальный вечер»). Стоит отметить, что в зале Кернтнертортеатра, в котором выступал Ф. Шопен, часто давались концерты. Так, в этом зале впервые прозвучала IX симфония Бетховена.

² В программу «Akademie» вошли: Увертюра Бетховена из музыки к балету «Творения Прометея» (1801); Вариации ор. 2 (это было их первым исполнением) и Rondo à la Krakowiak ор. 5 Ф. Шопена. В этом концерте Ш. Вельтхейм пела арию из оперы «Bianca e Falliero» («Бьянка и Фальеро», 1819) Дж. Россини и Рондо с вариациями из оперы «Pietro il Grande» («Петр Великий», 1824) Н. Ваккаи. Шопен импровизировал на тему «Белой дамы» А. Буальдьё и на тему польской песни «Хмель».

³ «Хмель» — одна из самых старых польских обрядовых песен, в ритме мазурки. На тему этой песни импровизировал И. Гуммель в Варшаве 2 мая 1828 г.

⁴ Ф. Шопен познакомился с И. Гуммелем во время его концертов в Варшаве в 1828 г.

⁵ Мария Леопольдина Блахетка.

⁶ В этой связи стоит процитировать запись, сделанную много лет спустя Э. Делакура в его «Дневнике»: «Я говорю также о звучности, которую Шопен не считал основным источником впечатлений» (запись от 25 января 1847 г.). Эта мысль повторяется и в другом месте: «Мой милый маленький Шопен очень негодовал на школу, утверждающую, что значительная часть очарования музыки проистекает от ее звучности. Он рассуждал, как пианист» (запись от 16 мая 1857 г. — Делакура Э. Дневник. М., 1961).

⁷ Речь идет о просмотре корректуры Вариаций ор. 2 Ф. Шопена.

47. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Вена, 13 августа 1829

Четверг, 13 августа

Никогда еще мне так не хотелось быть вместе с Вами. Сегодня я познакомился с гр[афом] Лихновским; он не переставал меня расхваливать. Меня к нему привел Вюрфель. Это тот самый, который был лучшим другом Бетховена. Все говорят, что я понравился здешнему свету. Шварценберги, Врбны и т. п. чрезвычайно хвалили нежность и элегантность моей игры; доказательством этому — гр[аф] Дитрихштейн, который пришел ко мне на сцену. Пани Лихновская с дочерью, у которых я был сегодня на чашке чая, бесконечно рады тому, что в следующий вторник я даю второй концерт. Она мне сказала, чтобы я не забыл навестить их, когда поеду через Вену в Париж, потому что они дадут мне письмо к некоей графине, сестре самого Лихновского. Столько любезностей. Черни наговорил мне много лестного. Шуппанциг и Йировец тоже.

Сегодня в Antiken-gabinett* меня заметил какой-то немец; едва я вымолвил слово, как он спрашивает Целинского: не Шопен ли это? стремительно подскакивает ко мне, радуется, что имеет удовольствие ближе познакомиться с таким Künstler^{ом}**, и говорит: «Sie haben mich vorgestern wahrhaft entzückt und begeistert»***. Это был тот самый, что сидел рядом с Мацеевским и страшно восторгался Хмелем.

Я не буду давать третьего концерта; я не дал бы и второго, если бы так не настаивали, а кроме того, мне пришла мысль, что в Варшаве могли бы сказать: «Велика важность, дал один концерт и уехал; возможно, он не имел успеха». Мне обещают хорошие рецензии. Был сегодня у одного журналиста¹: к счастью, я ему понравился. Я не пишу о том, до какой степени добр ко мне Вюрфель, потому что этого и описать невозможно.

И второй раз я тоже играю бесплатно, для завоевания благосклонности господина графа², у которого в кармане пусто (но это по секрету). Буду играть *Rondo* и потом импровизировать.

Впрочем, я здоров и весел, ем и пью хорошо. Вена мне нравится, и поляков здесь достаточно; один есть даже в балете; он во время моего выступления так обо мне заботился, что сам принес мне сахарной воды, ободрял меня и т. п. — Расскажите все это, пожалуйста, пану Эльснеру и попросите у него прощения, что я не пишу, но меня так рвут на части, что я не знаю, куда у меня девается время.

* Кабинет древностей (нем.).

** Артист (нем.).

*** Вы меня позавчера поистине увлекли и очаровали (нем.).

Я очень благодарен пану Скарбку, который особенно уговаривал меня дать концерт, потому что это уже выход в широкий мир.

¹ Вероятно, у Адольфа Бейерле.

² Графа Галленберга.

48. РОМУАЛЬД ХУБЕ — ВАЦЛАВУ ГАНКЕ В ПРАГУ

Вена, 14 августа 1829

Милостивый Государь!

Податель сего письма — мой друг, п[ан] Мацеёвский. Вместе с ним Вас посетят два талантливых молодых человека: п[ан] Шопен и п[ан] Брандт, также мои друзья.

Я осмеливаюсь поручить их Вашему благосклонному вниманию, и делаю это с тем большей смелостью, что сам имел случай убедиться в Вашей благосклонности к моим землякам. Поверьте, что каждую услугу, которую Вы им окажете, они сумеют оценить и преисполнятся к Вам того же высокого уважения, которое испытываю я. Позвольте мне воспользоваться этим благоприятным случаем и осмелиться преподнести Вам экземпляр *Истории Польши* Лелевеля вместе с картами.

Надеюсь увидеть Вас через две недели, когда буду возвращаться через Прагу, и прошу позволения обеспокоить Вас своим визитом.

Остаюсь с глубоким уважением

Р. Хубе.

В Вене, 14 августа 1829 г.

Procházka J. Chopin und Böhmen, S. 68. Письмо Р. Хубе, так же как и упоминаемый им экземпляр «Истории Польши» (полное название: «История Польши, доступно пересказанная Иоахимом Лелевелем, и с приложением 12 видов, им самим написанных». Варшава, 1829) сохранились в собрании В. Ганки, находящемся ныне в пражском Национальном музее.

49. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Вена, 19 августа 1829

Сего 19 августа 1829 г.

Если в первый раз меня принимали хорошо, то вчера еще лучше¹. Когда я появился на сцене, трижды возобновились аплодисменты; публики собралось гораздо больше. Театральный финансист Барон..., уже не помню, как его зовут, благодарил меня за recette*, говоря: «уж если собралось так много публики, то, разумеется, не ради балета, который все хорошо

* Сбор (франц.).

знают». Своим *Rondo* я покори́л всех музыкантов-профессионалов. Начиная с капельмейстера Лахнера и кончая настройщиком фортепиано, все восхищаются красотой сочинения. Я знаю, что понравился дамам и артистам. Йировец, стоявший рядом с Целиньским, аплодировал и кричал браво. Не знаю только, угодил ли я закоренелым немцам. Вчера один из них вернулся из театра, когда я уже сидел за ужином; его спросили, как ему понравилось? «Прекрасный балет», — ответил он. «Ну а как академия [концерт]?» Он, по-видимому, узнал меня, хотя я и сидел к нему спиной, потому что стал говорить о чем-то постороннем. Чувствуя себя обязанным не мешать ему изливать свои чувства, я пошел спать, говоря себе:

Еще тот не родился,
Кто бы всем угодил! ²

Я играл два раза, и во второй раз был принят еще лучше; дело идет *crescendo*, следовательно, так, как я люблю.

Так как я выезжаю сегодня вечером в девять, то должен с утра делать визиты. Шуппанциг говорил вчера, что раз я так скоро покидаю Вену, то мне нужно вскоре снова сюда навестись. Я ответил, что приеду учиться; после чего в разговор вмешался барон, заметив: «в таком случае вам незачем приезжать», — это подтвердили и другие. Это всего лишь комплименты, но все-таки приятно. Здесь никто не считает меня учеником. Блахетка говорил, что его больше всего удивляет, как я этому научился в Варшаве. Я ответил ему, что у Живного и Эльснера даже величайший осел выучился бы. Жаль, что до сих пор не могу переслать Вам ни одного печатного отзыва; мне известно, что в редакции газеты, на которую я подписался и которую в Варшаву будет пересылать редактор пан Бейерле, уже лежит рецензия ³. Не знаю, может быть, они ждали второго выступления. Она [газета] выходит два раза в неделю, по вторникам и субботам; возможно, вы раньше меня прочтете что-нибудь хорошее или плохое обо мне. Знатоков и чутких я расположил к себе. Нам будет о чем поговорить. — Я собирался писать о чем-нибудь другом, — но вчерашний день так засел у меня в голове, что я не в состоянии собраться с мыслями...

С моими финансами пока все обстоит хорошо.

Только что я простился с Шуппанцигом и Черни. У Черни больше чувств, чем во всех его сочинениях. — Я уже уложил свою укладку, остается еще пойти к Хаслингеру, а оттуда в кофейню напротив театра, где я застану Йировца, Лахнера, Крейцера, Зейфрида и др.

Через две ночи и день мы будем в Праге; в девять вечера садимся в *Eilwagen* *; это будет прекрасное путешествие, и компания прекрасная.

* Скорый дилижанс (нем.).

¹ В программу второй «академии», состоявшейся в Кернтнертортеатре 18 августа, входили: Вариации ор. 2 и Рондо-краковяк в исполнении автора, Полонез Й. Майзедера в исполнении скрипача Йозефа Кайля и увертюра к опере «Горный король» Петера Линдпайнтнера, балет Галленберга. Оркестром дирижировал Ф. Лахнер.

² Польская поговорка.

³ Рецензия, о которой упоминает Ф. Шопен, появилась 20 августа 1829 г. в «Wiener Theaterzeitung» и касалась его первого концерта; рецензия о втором концерте Шопена появилась в номере от 1 сентября.

50. ВИЛЕМ ВЮРФЕЛЬ — ДИРЕКТОРУ ШТЕПАНКУ В ПРАГУ

Вена, 19 августа 1829

Многоуважаемый господин директор!

Податель сего письма — весьма одаренный молодой человек, которым я очень интересовался еще в Варшаве. По моему настоянию он дважды с большим успехом выступил в Вене как пианист в театре у Каринтийских ворот. Я прошу Вас сообразоваться, Милостивый государь, оказать ему поддержку в случае, если бы он захотел выступить публично в Праге. Ему важнее честь, чем гонорар, дабы он мог сказать, вернувшись к себе на родину, что повсюду, в Праге, Вене и т. д. он был принят с честью. Я не рекомендовал бы его так настойчиво, если бы он не был этого вполне достоин. [...]

Имя этого молодого человека Фридерик фон [!] Шопен, он любимец двора и публики в Варшаве. [...]

Остаюсь с самым искренним уважением, Вашим, милостивый государь, покорным слугой

Вюрфель.
Капельмейстер.

Вена, сего 19 авг[уста] 1829¹

Отрывок. Адрес: «S[ei]ne[r] D[urch]lauch] Hernn/Hernn v[on] Stiepanek/ /Direktor des Königl. ländischen Theaters etc./Wohfgeboren/zum/Prag».

¹ Письмо В. Вюрфеля сохранилось в бумагах семьи Шопена. Ф. Шопен часто не вручал данных ему рекомендательных писем адресатам.

51. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Прага, 22 августа 1829

Прага, суббота, 22 августа 1829 г.

После трогательного прощания с Веной, поистине трогательного, так как панна Блахетка дала мне на память свои сочинения с дружеской надписью, а ее отец просил меня обнять Папу и Маму и поздравить их с таким сыном. Молодой Штейн плакал. Шуппанциг, Йировец, словом, все музыканты наитрогательнейше прощались со мной. —

Итак, после всего этого и моего обещания вернуться, я сел в Eilwagen *. Нас провожал Нидецкий и еще два других поляка, уезжающих полчасом позднее в Триест. Они задержались на несколько дней в Вене и часто с нами виделись. Один из них, по имени Неголевский, молодой парень из Великопольши¹, едущий на воды со своим гувернером, а вернее, товарищем по путешествию, Копытовским, варшавским студентом. Пани Гуссажевская, у которой я был с прощальным визитом (почтенная и достойная чета), хотела меня задержать на обед, но у меня не было времени, так как я должен был бежать к Хаслингеру. — И он также после сердечных пожеланий возвращения и торжественного обещания, что выпустит мои *Вариации* всего лишь через пять недель², чтобы осенью наводнить ими весь мир, просил кланяться Папе, хоть он и не имеет удовольствия его знать.

Садимся в Eilwagen; вместе с нами какой-то молодой немец. Так как нам предстояло просидеть рядом две ночи и день, то мы познакомились. Это купец из Гданьска. Знает Прушаков, Сераковского из Ваплева, Явурка, Эрнемана, Грессеров и т. д. Два года назад он был в Варшаве, фамилия его Норман. Он оказался прекрасным попутчиком; сейчас он возвращается из Парижа. Мы остановились в одной гостинице и решили, осмотрев Прагу, вместе поехать в Теплиц³ и Дрезден. Было бы глупо не воспользоваться случаем осмотреть Дрезден, благо что финансы позволяют, а вчетвером путешествовать удобно и дешево.

После многих толчков и сильной тряски в Eilwagen'e вчера в полдень мы прибыли в Прагу⁴ и сразу же поспешили к table d'hôte **. После обеда мы отправились к Ганке, к которому пан Хубе дал Мацеевскому рекомендательное письмо. Я пожалел, что мне не пришло в голову написать п[ану] Скарбку с просьбой дать рекомендательное письмо к этому знаменитому ученому. Задержавшись в дворцовом кафедральном соборе⁵, мы не застали Ганку дома. Город в общем красивый, насколько это видно с дворцового холма, — большой, древний и некогда богатый. Перед своим отъездом из Вены я получил шесть писем, пять от Вюрфеля и одно от Блахетки к Пиксису, с просьбой показать мне консерваторию⁶. Они также хотели, чтобы я здесь выступил, но я пробуду тут только три дня; впрочем, мне не хотелось бы испортить то, чего я добился в Вене (потому что даже над Паганини здесь насмехались⁷), и поэтому я это дело оставлю. Пять писем Вюрфеля адресованы директору и капельмейстеру театра и первейшим здешним музыкальным знаменитостям. Я их отдам, раз он меня об этом убедительно просил, но играть не думаю. Славный Вюрфель дал мне также письмо к Кленгелю в Дрезден.

* Скорый дилижанс (нем.).

** Общий стол (франц.).

Кончаю писать, так как пора идти к Ганке. Я представляюсь ему как крестник Скарбка и надеюсь, что [рекомендательного] письма не понадобится.

¹ Великопольша — историческое название западной части Польши.

² Варнации ор. 2 Т. Хаслингер выпустил лишь в 1830 г.

³ Теплиц — город, расположенный в восьмидесяти километрах на северо-запад от Праги, один из известнейших курортов того времени, славившийся своими целебными источниками. Ф. Шопен трижды посещал Теплиц — в 1829, 1835 и 1836 г.

⁴ 23 августа 1829 г. «Prager Zeitung» сообщала: «Прибыли 21 августа... г-н Шопен и г-н Брандт, частные лица из Вены, купец Г-н Норман из Вены... Г-н Мацеёвский, ассессор уголовного суда — из Вены». Ф. Шопен и его спутники остановились в гостинице «У Черного коня», в которой в разное время жили Паганини, Лист, Глинка, Монюшко, Григ.

⁵ Ф. Шопен осмотрел пражские Градчаны (Кремль); кафедральный собор — собор святого Вита в Градчанах.

⁶ Ф. В. Ликсис представил Ф. Шопена директору Пражской консерватории (основана в 1811 г.) Ф. Веберу между 21 и 24 августа.

⁷ Речь идет о выступлениях Н. Паганини в Праге (ноябрь 1828 г.), враждебно встреченных большинством пражских критиков.

52. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Дрезден, 26 августа 1829

Дрезден, 26 августа 1829

Глубокоуважаемому Профессорскому семейству Шопенов В Варшаве и моим Дорогим Родителям, от сына, ныне находящегося в Дрездене.

Я весел и здоровехонек. Неделю тому назад в Вене я еще не знал, что буду в Дрездене. Мы осмотрели Прагу молниеносно, но не без пользы. Ганка был очень рад получить от меня известия о пане Скарбке. Мы должны были расписаться в его книге, предназначенной для посетителей Пражского музея, — особенно для тех, кто разделяет его взгляды¹. Бродзиньский, Моравский и др[угие] уже находятся в их числе. Так что каждому из нас пришлось расплатиться какой-нибудь выдумкой. — Один — стихами, другой — прозой. Швейковский написал торжественное обращение. Что тут было делать музыканту? К счастью, Мацеёвскому пришла мысль сочинить четыре строфы в размере мазурки; я придумал к ним музыку, и мы вместе с моим поэтом постарались все это записать как можно оригинальнее. Ганка был доволен этой *Мазуркой*, обращенной к нему и прославляющей его заслуги перед славянством. Он дал мне для пана Скарбка виды Праги для пополнения его коллекции.

Я не буду распространяться обо всем, куда он нас водил, о прекрасных видах; мне не хватит места для описания великолепного кафедрального собора с серебряным св. Яном Непомуком, прекрасной часовни Вацлава, украшенной аметистами

и другими драгоценными камнями... когда приеду, расскажу обо всем этом. — Письма Блахетки и Вюрфеля к Пиксису снижали мне самый дружеский прием. Пиксис отменил свои уроки, задержал меня у себя и о многом расспрашивал. Взглянув на его письменный стол, я заметил визитную карточку Кленгеля; спрашиваю, не однофамилец ли это знаменитого дрезденца находится в Праге? «Сам Кленгель здесь, — отвечал Пиксис. — Он хотел навестить меня, но не застал дома». Я обрадовался, потому что у меня было письмо из Вены к Кленгелю; когда я упомянул об этом Пиксису, он пригласил меня к себе во вторую половину дня, когда должен был прийти Кленгель. Случайно мы с ним встретились на лестнице у Пиксиса и там впервые познакомились. — Я слушал, как он два часа играл свои *Фуги*. Я не играл, потому что меня об этом не просили. Красиво играет, но я желал бы лучшего (об этом молчок!). —

Кленгель дал мне письмо: «*All Ornatisissimo Signor, Cavaliere Morlacci, primo maestro della Cappella Re[g]ale*» *, в котором, как он мне сказал, просит последнего познакомить меня со всею музыкальной *Wesen* ** Дрездена и представить меня его [Кленгеля] ученице панне Пехвель, по его мнению, первой тамошней пианистке. Он был очень любезен; я провел у него часа два перед своим отъездом. Он едет в Вену и Италию, — нам было о чем поговорить. — Замечательное знакомство, которое я ценю гораздо больше знакомства с беднягой Черни (об этом молчок!).

В Праге мы провели лишь три дня. Я не успел оглянуться, как пролетело это время. Вы знаете, как я рассеян; накануне отъезда, выйдя не застегнутый из кабинета, я попал в чужую комнату, и только когда оказался уже посреди [комнаты], какой-то веселый путешественник сказал мне с удивлением: «*Guten Morgen!*» — «*Verzeihen Sie, ich habe mich in der Nummer des Zimmers geirrt!*» *** — сказал я и как можно скорее бросился прочь.

Мы выехали из Праги *Separatwagen*’ом **** в полдень и вечером прибыли в Теплиц. Наутро в *Badelist’e* ***** я нашел имя Людвика Лемпицкого и сейчас же пошел с ним повидаться; он очень обрадовался и сказал мне, что тут много поляков, среди них Прушак старший, Юзеф Кохлер и Кретковский из Камионны. Они всегда обедают вместе *im deutsche Saale* *****, но сегодня он не будет там обедать, потому что

* Его высокопревосходительству кавалеру Морлакки, главному директору Королевской капеллы (итал.).

** Сливки общества (нем.).

*** «Доброе утро!» — «Прошу прощения, я ошибся номером!» (нем.).

**** Отдельным дилижансом (нем.).

***** Список курортников (нем.).

***** В немецком зале (нем.).

приглашен в Замок, к княжеской чете Клари. Это очень знатный, почти что удельный княжеский род, владеющий огромными поместьями, в том числе и самим городом Теплицем. Княгиня Клари — сестра чешского наместника Хотека. Лемпицкий попросил меня доставить ему удовольствие и пойти с ним вместе на вечер к княжеской чете, так как у них он как дома, и за обедом предупредит их об этом. Поскольку этот день мы посвятили осмотру окрестностей, то я принял приглашение.

Мы повсюду ходили, побывали также в Дуксе², дворце Валленштейнов; там находится кусочек черепа этого великого полководца, алебарда, которой он был убит, и много других достопримечательностей. Вечером, вместо того чтобы пойти в театр, я оделся, надел белые перчатки, оставшиеся от последнего выступления в Вене, и в половине девятого отправился с Лемпицким к князю.

Входим: *kleine aber honnête Compagnie* *. Какой-то австрийский князь, какой-то генерал, фамилию которого я забыл, какой-то английский капитан карабля, несколько молодых франтов, кажется, тоже австрийских князей, и саксонский генерал, по фамилии Лайзер, весь в орденах и со шрамом на лице. — После чая, перед которым я долго разговаривал с самим кн[язем] Клари, его мать попросила меня, чтобы я «соблаговолил» сесть за фортепиано (хороший инструмент, Граффа). Я «соблаговолил», но со своей стороны тоже попросил, чтобы «соблаговолили» дать мне тему для импровизации. Сейчас же среди дам, сидевших вокруг большого стола и занятых вышиванием, вязанием и плетением кружев, стали шептаться: «*un thème*» **. Три очаровательные княжны³ стали совещаться, затем одна из них обратилась к пану Фриче (если не ошибаюсь, гувернеру молодого Клари), и тот, с общего согласия, дал мне тему из *Моисея* Россини⁴. Я импровизировал — и, кажется, так удачно, что генерал Лайзер долго со мною потом разговаривал и, узнав, что я еду в Дрезден, тут же написал следующее письмо барону фон Фризену:

Monsieur Frédéric Chopin est recommandé de la part du Général Leiser à Monsieur le Baron de Friesen, Maître de Cérémonie de S. M. le Roi de Saxe, pour lui être utile pendant son séjour à Dresde, et de lui procurer la connaissance de plusieurs de nos premiers artistes ***. А под этим по-немецки: *Herr Chopin ist selbst einer der vorzüglichsten Pianospiele, die ich bis jetzt kenne* ****. Переписано слово в слово с напи-

* Небольшое, но избранное общество (нем. и франц.).

** Тему (франц.).

*** Генерал Лайзер рекомендует господина Фридерика Шопена господину барону Фризену, церемониймейстеру двора короля Саксонского, с просьбой быть ему полезным во время его пребывания в Дрездене и познакомить его с нашими лучшими артистами (франц.).

**** Господин Шопен является одним из самых выдающихся пианистов, каких я до сих пор знал (нем.).

санной карандашом и незапечатанной записки генерала Лайзера. —

Я играл в этот вечер четыре раза, и княжны выразили желание, чтобы я остался еще в Теплице и на следующий день был у них на обеде. Лемпицкий даже обещал взять меня с собой в Варшаву, лишь бы я остался здесь дольше. Но я, не желая расставаться с товарищами, поблагодарил и отказался.

Итак, тронувшись из Теплица вчера в пять часов утра, с нанятым за два талера извозчиком, мы прибыли в Дрезден в четыре часа пополудни. Здесь я сразу же встретил Левиньского и Лабенцких. Мне очень везет во время этого путешествия; сегодня *Фауст* Гёте, а в субботу, как говорил мне Кленгель, итальянская опера.

Начал это письмо вчера вечером, заканчиваю сегодня утром.

Я одеваюсь и, чтобы не терять времени, иду к барону Фризену и Морлакки. Через неделю мы собираемся тронуться отсюда, но до этого, если позволит погода, посетим Саксонскую Швейцарию. Потом мы пробудем несколько дней во Вроцлаве и уже оттуда домой. Я так спешу к Вам, горячо любимые Родители, что предпочел бы не заезжать к Весёловским. Сколько я Вам расскажу историй, приключений, и каких чудесных, чудесных.

P. S.

«*Maître de Cérémonie*» * барон де Фризен принял меня любезно, спросил, где я остановился; выразил сожаление, что камергера, которому подчинена капелла, сейчас нет в Дрездене, но он узнает, кто его замещает, и, несмотря на кратковременность моего пребывания в этом городе, приложит все старания, чтобы оказаться мне хоть чем-нибудь полезным. Масса любезностей, поклонов. Остальное приберегаю для письма, которое напишу из Вроцлава не раньше, чем через неделю-полторы. Я осмотрел здешнюю картинную галерею, выставку плодов, лучшие сады, отдал визиты, а сейчас иду в театр. Надеюсь, что для одного дня достаточно!

P. S. второй.

Мое письмо пролежало до поздней ночи. Я вернулся с *Фауста* ⁵. С половины пятого пришлось стоять у театра; спектакль продолжался с шести до одиннадцати. Девриент, которого я уже видел в Берлине, играл Фауста. Как раз сегодня праздни-

* Церемониймейстер (франц.).

вали восьмидесятилетие Гёте. Чудовищная, но величественная фантазия. Во время антрактов играли отрывки из одноименной оперы Шпора... Иду спать... Завтра утром жду Морлакки, с которым пойду к панне Пехвель. Не я к нему, а он ко мне приходит! Ха, ха, ха... Спокойной ночи!

Ваш
Фридерик.

¹ Альбом — пять молитвенников, отпечатанных кириллицей в Венеции, в красных ледериновых переплетах, чистые листы которых предназначались Ганкой для автографов посетителей (главным образом из славянских стран) пражского Национального музея. Автограф Моравского, о котором пишет Шопен, принадлежал не генералу Ф. Моравскому, а его неизвестному однофамильцу из Познани. Альбом содержал несколько сот автографов, в том числе К. Бродзиньского, Ф. Бентковского, Ф. Скарбка, К. Липиньского, С. Монюшко и многих других.

1 июля 1829 г. А. Мицкевич вписал в Альбом В. Ганки следующие слова: «Глубоко чтимому славянину на память — один из его почитателей — Адам Мицкевич». Шопен и его спутники прочли слова А. Мицкевича и откликнулись на них. Запись А. Брандта, обращенная к Ганке, следует непосредственно за словами великого поэта: «Ты, о Человек, труды которого вдохновили поэзию хорошо известного Тебе Мицкевича, — в знак глубочайшего почитания, каким исполнен к Тебе — Альфонс Брандт». Ниже Брандт привел по памяти две строфы из «Конрада Валленрода» Мицкевича.

Известно, что Шопен и его спутники брали Альбом Ганки домой, где и внесли свои записи. Ф. Шопен вписал в Альбом В. Ганки так называемую «Праздскую мазурку» G-dur (на слова И. Мацеёвского; опубликована в 1879 г.). После текста Мазурки следует подпись: «Ф. Шопен /В Праге, 23 августа 1829 г.».

² Дукс (Духсов) — барочный замок, родовое поместье Валленштейнов. Владелец замка Фердинанд Эрнст фон Валленштейн позволял «каждому просвещенному иностранцу» осматривать свою библиотеку, сморителем которой в последние годы жизни был Казанова, и замечательную коллекцию картин.

³ Княжны — Эуфимия, Леонтина и Фелиция Клари. В 1954 г. Я. Прохазке удалось найти в архиве родового замка Клари-Альдринген дневник Эуфимии. Она писала (25 августа 1829 г.): «Кузен Мад[ам] Любенской [Людвик Лемпицкий], который живет здесь некоторое время, привел вчера молодого человека, который доставил нам большое удовольствие своей игрой на клавесине. Он играл вариации и фантазии на очаровательные темы, выбранные им: из Моисея, Цирюльника и на польские народные темы. Он играет очень красиво, блестящим образом и с огромной экспрессией [?].» (См.: Procházka J. Chopin und Böhmen, S. 82.).

В замке князей Клари в разное время играли: И. Мошелес, И. Гуммель, З. Тальберг, Ф. Пиксис, Й. Славик и многие другие прославленные музыканты.

⁴ «Монсей в Египте» (1818) — опера Дж. Россини. Ф. Шопен мог знать ее лишь по отрывкам, исполнявшимся в концертах, так как до 1830 г. она в Варшаве не ставилась.

⁵ Это была премьера в Дрезденском королевском театре первой части «Фауста» Гете в обработке Людвиг Тика. Стоит отметить, что 29 августа А. Мицкевич присутствовал вместе с Э. А. Одынцом и Гёте на постановке «Фауста» в Веймаре.

53. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИН

Варшава, 12 сентября 1829

Варшава, 12 сентября [1]829, суббота

Дражайший Тытусь.

Ты бы еще и до сих пор не получил от меня весточки, если бы не Винц[енты] Скаржиньский. — Я встретил его, и он сказал, что Ты будешь в Варшаве только в конце этого месяца; между тем Костусь в Дрездене сказал мне, что пятнадцатого Ты намеревался быть у Сестры. Я думал, что Ты от меня лично узнаешь о моем большом voyage*, что было бы гораздо приятнее, так как я, откровенно говоря, предпочел бы поболтать с Тобой, — но раз так, знай же, милый, что я был в Кракове, Вене, Праге, Дрездене и Вроцлаве.

Первая неделя в Кракове ушла у нас исключительно на прогулки и знакомство с краковскими окрестностями. Ойцув поистине красив, но я не буду Тебе о нем много писать, потому что хотя Ты там и не был, но знаешь по очень верному описанию Таньской, где что находится и что собою представляет. В веселой, хотя и не совсем мне близкой компании, я приехал в Вену, и если уже Краков захватил меня до такой степени, что я почти не вспоминал о доме и о Тебе, то Вена так меня ошеломила, ослепила и очаровала, что, сидя больше двух недель без письма из дому, я все же не тосковал. Представь себе, — в такой короткий промежуток времени меня заставили два раза играть публично в Императорско-Корол[евском] Театре. Это произошло следующим образом.

Хаслингер, мой издатель, обратил мое внимание на то, что для моих сочинений было бы лучше, если бы я выступил в Вене; что имя мое неизвестно, а мои сочинения трудны и неброски; однако тогда, еще не думая выступать, и тем более, что я до этого не играл в течение нескольких недель, я отказался, сказав, что не в состоянии выступить перед такой избранной публикой — на том и порешили. — В это время вошел гр[аф] Галленберг, — тот, что пишет красивые балеты и стоит в Вене во главе Театра, и Хаслингер представил меня ему как труса, который боится выступить. Гр[аф] был настолько любезен, что предоставил [для моего выступления] театр, — а я был так тверд в своей решимости, что, поблагодарив, отказался. На следующий день стучат ко мне в дверь; смотрю, входит Вюрфель и умоляет меня, уверяя, что было бы стыдно моим Родителям, Эльснеру, наконец, мне самому, если б я, имея на то возможность, не дал бы себя услышать в Вене. Потом они так мне заморочили голову, что я дал согласие выступить, а Вюрфель в одну минуту все устроил, и на следующий день уже были афиши. Отступать было уже трудно, а я все еще не знал, что

* Путешествии (франц.).

мне и как играть. — Три instrumentmacher'a* предложили мне поставить в мою комнату панталеон. Поблагодарив, я отказался, так как моя комната была слишком мала, а эти несколько часов игры особенно не могли бы мне помочь, тем более, что выступать я должен был через два дня.

Стало быть, в один день я познакомился с Майзедером, Йировцем, Лахнером, Крейцером, Шуппанцигом, Мерком, Леви — словом, со всеми крупными музыкантами Вены. — Несмотря на это, на репетиции оркестранты были с кислыми лицами. И главным образом потому, что я только что приехал и сразу ни с того, ни с сего играю собственные сочинения. — Итак, я начал репетицию с посвященных Тебе *Вариаций*, которым должно было предшествовать *Краковское Рондо*¹. *Вариации* прошли довольно хорошо. *Рондо* же мне пришлось несколько раз начинать, потому что оркестр ужасно путался, ссылаясь на плохо написанные партии. Весь этот конфуз произошел из-за пауз, написанных по-разному внизу и наверху, хотя я предупреждал, что действительны только верхние цифры. Тут была отчасти и моя вина, но я все же надеялся, что они меня поймут; между тем их сердила моя неаккуратность, потому что там сплошь господа виртуозы и композиторы; словом, они проделали со мной столько фокусов, что я уже приготовился вечером срочно заболеть. Но барон Деммар. Regisseur** театра, сообразив, что тут сказывается сопротивление оркестра, и особенно потому, что собирался дирижировать Вюрфель, которого они почему-то недолюбливают, не знаю уж почему — предложил, чтобы вместо *Рондо* я импровизировал. — Когда он это сказал, оркестр удивленно уставился на меня. — Я так был всем этим раздражен, что в отчаянии согласился, и кто знает, не послужило ли мое плохое настроение и чувствориска стимулом для более удачного выступления вечером.

Вид венской публики как-то не испугал меня, — и поскольку там принято, чтобы оркестр не выходил на сцену, а оставался на своих местах, то я, бледный, уселся рядом с румяным партнером для перевертывания нот (который хвастался, что перевертывал страницы Мошелесу, Гуммелю, Герцу и т. д. и т. д., во время их венских выступлений) — за чудесный, возможно самый лучший тогда в Вене, инструмент работы Граффа. — Поверь мне, играл я с отчаяния. *Вариации* произвели такой эффект, что, помимо аплодисментов после каждой вариации, после окончания я должен был еще раз выйти на сцену. Intermezzo*** пела панна Вельтхейм, придворная певица короля Саксонского. — Наконец, наступило время импровизации; не знаю, как у меня вышло, но оркестр стал аплодировать, и после ухода

* Фабриканты инструментов (нем.).

** Режиссер (франц.).

*** В промежутке (итал.).

меня снова вызвали. — Так закончился первый концерт. Венские газеты щедро меня расхвалили — а «*Kurier [Warszawski]*» я не очень-то высоко ставлю. — Неделю спустя я играл второй раз, так как этого хотели. Я был этому рад, потому что никто не сможет сказать, что я сыграл один раз и удрал. Тем более что я настоял на том, чтобы во втором концерте сыграть это *Rondo Krakowiak*, которым Йировец, Лахнер и другие венские маэстро, даже оркестр (извини, что я так говорю), уже не раз восторгались. После чего меня вызывали уже не один, а два раза. — Во втором концерте я также должен был вторично играть *Вариации*, потому что они страшно понравились дамам и Хаслингеру. Они выйдут в «Одеоне», полагаю, это достаточно почетно. Лихновский, покровитель Бетховена, хотел дать мне для концерта свое фортепиано — что немало значит — так как мое показалось ему слишком слабым. Но ведь такова моя манера игры, которая снова очень понравилась дамам, а особенно панне Блахетке, первой венской пианистке; очевидно, она отнеслась ко мне хорошо, поскольку перед моим отъездом вручила мне на память свои сочинения с собственноручной надписью. (*Nota bene*, ей нет еще двадцати лет, она девушка красивая и даже смышленная, живет у родителей, которые меня очень полюбили и дали мне письмо в Прагу.)

О втором концерте венская газета пишет: «Это молодой человек, идущий собственным путем, на котором он знает, как понравиться; путем, который значительно отличается от обычных форм концертных выступлений»² и т. д. Полагаю, что этого достаточно, тем более что в заключение говорится: «Пан Шопен и на этот раз заслужил всеобщее одобрение». — Прости, что вынужден приводить Тебе подобные суждения о себе, но ведь я пишу это Тебе, а мне они доставляют больше удовольствия, чем всякие «*Kurier*»ы. — С Черни я запанибрата; часто у него играл с ним на двух фортепиано. Хороший человек, но не более того; из всех знакомств с пианистами наибольшую радость доставило мне знакомство с Кленгелем, с которым я встретился в Праге у Пиксиса. Он мне сыграл свои фуги (можно было бы сказать, что это продолжение фуг Баха, у него их 48 и столько же канонов). — Видна разница с Черни. — Кленгель дал мне письмо к Морлакки в Дрезден. Морлакки, первый капельмейстер саксонского короля, очень любезно меня принял, был у меня и повел к панне Пехвель, ученице Кленгеля, которая считается там первой пианисткой. — Хорошо играет. — Мы были в Саксонской Швейцарии. Множество достопримечательностей. Превосходная галерея. Только итальянская опера ускользнула у меня из-под носа. Я уехал в тот самый день, когда шла *Crociato in Egitto*³; я утешал себя только тем, что слышал ее в Вене. —

Пани Прушак, Олеся и Костусь в Дрездене, я встретил их перед самым отъездом: какая радость, пан Фрыцек, пан Фры-

цск; мне это было так приятно, что, будь я один, я бы непременно задержался. — Сам Прушак в Теплице, где я его тоже видел. Они теперь поехали к нему. — Теплиц прекрасен, я провёл там один день и сразу же попал на вечер к кн[яги]не Клари. Жаль, что надо кончать, но и так достаточно Тебе наболтал. Я ожидаю прибытия вашей милости — часто прохожу мимо С[вен]то-Юрской к Брандту⁴, взгляну, и мне хочется писать Тебе.

Сердечно обнимаю Тебя, «в самые уста», позволишь? —

Ф. Ш.

Сегодня встретил Макса. Он сказал мне, что категорически здоров и живет в l'hôtel garni*. В зеленом сюртучке; был настолько милостив, что обещал собственной персоной явиться ко мне с визитом. Вспоминал Тебя, — но кланяться Тебе не велел, так как не знал, что я буду Тебе писать. Утром я и сам этого не знал. — В случае, если придут какие-нибудь мысли, напиши мне несколько слов. Все интересующие Тебя — здоровы⁵. — Знал ли ты Панну Филиппину, кузину Линде, которая была за Бергером? — она умерла. — А зато я, на обратном пути, был на свадьбе у Панны Меласи Брониовской; прелестное дитя, она вышла за Курнатовского. Мы часто Тебя вспоминали, и она просила Тебе кланяться. Ее ровесница, кузина, которая вышла замуж на несколько дней раньше, — еще более очаровательное дитя, обеим очень шли подвенечные платья. Я так расписался, что даже вставать не хочется. Целую Тебя. Пана Кароля обнимаю.

Ф. Ш.

Папа и Мама шлют вам свои приветы и пожелания всего наилучшего, дети тоже.

¹ Rondo à la Krakowiak op. 14.

² Цитируемая Ф. Шопеном рецензия появилась в «Wiener Theaterzeitung» от 1 сентября и была написана А. Бейерле. Приводим точный перевод цитируемого, видимо, по памяти места: «...Это молодой человек, который идет своим путем и достигает успехов на этом пути, несмотря на то, что его приемы и манера игры, так же как и приемы письма, значительно отличаются от общепринятых концертантами форм. Отличие это заключается в том, что стремление создавать музыку заметно преобладает у него над стремлением нравиться...».

³ «Крестоносец в Египте» (1824) — опера Дж. Мейербера.

⁴ Как явствует из писем Шопена, Т. Войцеховский во время своих приездов в Варшаву жил на Медовой улице в доме Ходкевича, мимо которого Фридерик проходил с Краковского Предместья на Свенто-Юрскую улицу и на площадь Новомейского рынка, где жил Ф. Брандт.

⁵ Речь идет об Александре (Олесе) Прушак. Тытус был неравнодушен к ней.

* В меблированных комнатах (франц.).

54. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИН

Варшава, 3 октября 1829

Варшава, с[его] 3 октября [1] 829

Дорогой Тытусь.

Я получил Твое письмо в ту минуту, когда вторично соби-
рался писать Тебе, полагая, что либо мое первое письмо не
дошло, либо я написал что-нибудь страшно глупое. Меня ра-
дует, что Ты, судя по письму, здоров. Об этом я подробнее
узнаю у Кароля. Ты пишешь мне, чтобы я объяснил получше,
что происходит со мной и с лицами, о которых я могу быть
осведомлен. Костусь написал мне в последнем письме, которое
передал через своего отца, уже вернувшегося из Теплица в
день св. Матвея¹ к охотничьей ярмарке, что думает остаться в
Дрездене до рождества и что им будет там весело, так как,
по всей вероятности, пани Соколовская с дочерью проведут
зиму там же; кроме того, панна Ванда так сильно болела вос-
палением почек, что был момент, когда доктора не верили в
счастливый исход; болела она в Мариенбаде и теперь поправ-
ляется в Дрездене. — Костусю я еще не писал... и мне не нуж-
но объяснять Тебе, почему... Ты ведь знаешь мою лень; я еле
собрался нацарапать несколько слов Вюрфелю. — Ты пишешь,
что из двух газет узнал о моих концертах². Если это были
польские [газеты], которые, к сожалению, не только не сумели
перевести, но к тому же умышленно, к моему *desavantage**, ис-
коверкали венские отзывы³, — о чем расскажу подробнее при
встрече — тогда Ты не мог быть удовлетворен. — Хубе (побы-
вавший в Триесте и Венеции и вернувшийся на прошлой не-
деле) привез мне вырезки из венского «*Sammler*»'а и
«*Zeitschrift für Literatur*», где разбирают подробно и
очень лестно (извини, что пишу Тебе это) мою игру и мои со-
чинения и где меня под конец называют «*Selbstkräftiger Vir-
tuos*»**, к тому же богато одаренным природой⁴; если бы эти
вырезки попались Тебе в руки, то мне нечего было бы стыдиться.

Ты хочешь знать, что я думаю предпринять этой зимой?
Знай же, что я не остануть в Варшаве, но вот куда увлекут меня
обстоятельства, я не знаю. — Правда, кн[язь] Радзивилл, а
вернее она [княгиня], крайне любезная, приглашали меня в
Берлин и предлагали даже помещение в своем дворце; но на
что мне это нужно, если мне следует быть там, где я уже
начал, тем более, что я обещал вернуться в Вену, а в одной
из тамошних газет писали, что более длительное пребывание
в Вене было бы полезно для моего успешного вступления в
мир («*Anschlag*»)⁵. Ты, разумеется, и сам понимаешь необхо-
димость моего возвращения в Вену, и не ради панны Блахетки,

* Мне во вред (франц.).

** Самобытным и сильным виртуозом (нем.).

о которой, кажется, я Тебе писал (это молодая красивая пианистка). Ведь у меня, может быть, к несчастью, уже есть свой идеал⁶, которому я, не перемолвившись с ним ни словом, преданно служу уже полгода, о котором мечтаю, и в честь которого возникло *Adagio*⁷ моего концерта, и который сегодня утром вдохновил меня на сочинение посылаемого Тебе вальсика⁸. Обрати внимание на место, обозначенное знаком +. Кроме Тебя об этом никто не знает. Как бы мне было сладостно сыграть его Тебе, мой дражайший Тытус. В *Трио* басовая мелодия должна доминировать вплоть до верхнего *es* в скрипичном ключе в пятом такте, о чем Тебе излишне писать, ибо ты сам чувствуешь. — Музыкальных новостей никаких, кроме того, что каждую пятницу у Кесслера музицируют. — Вчера, между прочим, играли *Otteto* Шпора, чудесный-пречудесный. У Сована был вечер, но не совсем удачный. Там я близко сошелся с Бьянки, который ездит с Киавиньями; он хорошо играет на скрипке, но в общем, как мне показалось, фанфарон. — Солива любезен, спрашивал о Тебе. — Вчера я встретил Оборского. Он спрашивал, не знаю ли я чего-нибудь о Тебе; о себе он сообщил, что служит в Банке, *dans la correspondance** и уже два дня как просматривает огромные пачки писем от разных заграничных банкиров. Он хорошо выглядит. На это место его устроил Ельский. Он все такой же, как был, по-прежнему живет а l'hôtel garni**, подразумевается — к кому пойдет.

Здесьнюю *Золушку* я еще не видел; сегодня идет *Ярмарка невест*⁹. В понедельник открытие французского театра. Бараньский Тебе кланяется, он сейчас в Швейцарии; Енджеевич собирался из Женевы поехать в Италию; Войццкий вернулся из Лондона и преподает в Лицее. Когда в будущем месяце приедешь, то увидишь портреты всей нашей семьи; даже Живной, который часто Тебя вспоминает, сделал мне *surprise****: заказал свой портрет, и Мирошезио так удачно уловил сходство, что он похож изумительно. — Я был, до того как получил Твое письмо, на Медовой улице; и по привычке посмотрел вверх к Ходкевичу¹⁰, но окна комнаты, где Ты жил, пребывают в том же положении, что и вчера, и позавчера. Знай также, что Винценты Скаржиньский возбудил у меня неоправдавшиеся надежды, сообщив мне как самую достоверную новость, что Ты скоро приедешь.

К Бжезине хожу ежедневно. У него нет ничего нового, кроме *Концерта* Пиксиса, который я невысоко ставлю. Лучшее всего, мне кажется, *Rondo*. Ты не поверишь, как печальна для меня сейчас Варшава; если бы родные не скрашивали мне ее, я, право бы, не высидел. — А как грустно, когда нет никого,

* Ведет корреспонденцию (франц.).

** В меблированных комнатах (франц.).

*** Сюрприз (франц.).

к кому можно пойти утром, поделиться горем и радостью; как невыносимо, когда на сердце тяжесть и некуда ее сбросить. Ты знаешь, на что я намекаю¹. Часто то, что я рассказал бы Тебе, я вынужден поведать фортепиано. Костусь обрадуется, когда я сообщу ему, что Ты написал и что приедешь или, по крайней мере, обещал приехать. Намерение прокатиться Ты должен осуществить. — Я был бы вне себя от радости, если бы мог поехать вместе с Тобой; но моя поездка должна быть иной, чем Твоя; из Вены я поеду учиться в Италию, а будущей зимой рассчитываю быть с Хубе в Париже, хотя все это может еще измениться, особенно из-за того, что Папа охотнее всего послал бы меня в Берлин, чего мне вовсе не хочется. — А горю, о Берлине: старый Прушак едет в Гданьск. Паулин Лончиньский, которого я недавно встретил, утверждает, что Прушак без жены до зимы не выдержит. Как бы там ни было, а Пани Прушак свято порешила остаться до рождества в Дрездене. — Если бы я ехал в Вену, то, возможно, поехал бы верхней дорогой на Дрезден и Прагу, чтобы еще раз повидать Кленгеля, Пражскую консерваторию и т. п., и как мне было бы приятно свидеться также и с Костусем. Обниский Тебе кланяется. Гейсмера я тоже встретил позавчера. Я был бы рад увидаться с Тобой еще в Варшаве, так как, вероятно, в ноябре мне удастся удрать, однако это произойдет не раньше конца месяца, а мы ведь даже не простились, потому что последние слова были: «Значит, я пришлю Тебе укладку». — Представь себе, что, возвращаясь со свадьбы Панны Брониковской, я потерял свою дорожную сумку!

Ну, довольно, а то я могу Тебе надоесть своими пустыми новостями, а мне бы никогда не хотелось делать ничего, что не понравилось бы Тебе. Если сможешь, черкни мне несколько слов, и Ты снова обрадуешь меня на несколько недель. Прости, что послал Тебе *Вальс*, за который Ты, пожалуй, на меня рассердишься, но, ей-богу, я хотел им доставить Тебе удовольствие, потому что люблю Тебя без памяти.

Ф. Шопен.

¹ То есть 21 сентября.

² В варшавской прессе как отклик на венские выступления Ф. Шопена были помещены короткие заметки в следующих газетах: «*Kurier Warszawski*» (29 августа), «*Gazeta Polska*» (30 августа и 15 сентября) и «*Dziennik Powszechny Krajowy*» (30 августа и 15 сентября); рецензия в венской газете «*Der Sammler ein unterhaltungsbblatt*» появилась 29 августа, а в «*Wiener Zeitschrift für Kunst, Literatur, Theater und Mode*» в номере от 22 августа.

³ «*Dziennik Powszechny Krajowy*», приводя отрывок рецензии из «*Wiener Theaterzeitung*», следующим образом искажил последнюю фразу (вероятно, в результате неверного перевода): «...Его приемы и манера игры, так же как приемы письма, значительно отличаются от общепринятых концертантами форм. Это отличие заключается в том, что в нем старание понравиться преобладает над стремлением создавать музыку...» (см. коммент. 2 к письму 53).

⁴ Вероятно, в результате ошибки, вызванной обилием рецензий, Шопен цитирует здесь фразу из статьи в лейпцигской газете. Вот как звучит это место в оригинале: «...Поразительная нежность его туше... чистота исполнения и гениальность его композиции — все это позволяет видеть в нем самобытного и богато одаренного природой виртуоза...» (Лейпцигская «Allgemeine Musikalische Zeitung». Цит. по кн.: Hoesick F. Chopin, t. 1, s. 187—188).

⁵ Anschlag — удар, туше. Ф. Шопен имеет в виду следующее место из рецензии в «Wiener Zeitschrift für Kunst...» от 22 августа: «...Более длительное пребывание в Вене было бы полезно как для его туше, так и для умения играть с оркестром...»

⁶ Речь идет о Констанции Гладковской, первом серьезном увлечении Ф. Шопена. Впервые они встретились на концерте, устроенном К. Соливой 20 апреля 1829 г.

Сама Констанция в период знакомства с Шопеном отнюдь не представляла себе всей глубины его отношения к ней. Спустя много лет, ознакомившись с отрывками из писем Шопена к Т. Войцеховскому и Я. Матушиньскому, приведенными в монографии М. Карасовского (1882), К. Гладковская была поражена силой чувства Шопена, впервые открывшегося ей (см.: Hoesick F. Chopin, t. 2, s. 68).

⁷ Adagio — вторая часть f-moll'ного Концерта Шопена, которая в окончательной редакции, предназначенной для печати, получила обозначение Larghetto.

⁸ Речь идет о Вальсе Des-dur, изданном посмертно (1855), под № 36, ор. 70.

⁹ «Ярмарка невест», опера Л. Герольда.

¹⁰ См. коммент. 4 к письму 53.

¹¹ Намек на чувство к Констанции Гладковской.

55. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИН

Варшава, 26 октября 1829

Варшава, 20 окт[ября] 1829

Дражайший Тытус!

Ты, наверное, подумаешь, откуда взялась у меня такая ма-
ния писать письма, что я за столь короткий срок посылаю Тебе
уже третье письмо. Сегодня в семь часов вечера я уезжаю ди-
лижансом к Весёловским в Познаньское княжество¹ и поэтому
пишу Тебе об этом заранее, тем более что не знаю, как долго
мне придется там пробыть, хотя я взял паспорт всего лишь на
месяц. Думаю вернуться недели через две.—

Одной из причин моей поздki является и пребывание Рад-
зивилла в своих владениях за Калишем. От него исходило
предложение, чтобы я поехал в Берлин и поселился в его двор-
це — и всякие тому подобные красивые и милые слова. Я, од-
нако, в этом не вижу никакой пользы, даже если бы это и осу-
ществилось, в чем я сомневаюсь, так как это уже не первая
«господская милость до порога», какую я видел; но Папа не
хочет верить, что это всего лишь belles paroles*; в этом причи-
на моей поездки, о которой, мне кажется, я Тебе уже однажды
писал. Ты знаешь, как я в этом отношении добр: я готов иног-

* Красивые слова (франц.).

да десять раз одно и то же повторить, и всякий раз как новость.—

Вчера была пани Прушак; она сказала, что п[анна] Ванда уже выздоровела, а Костусь скучает в Дрездене, чему мне не хочется верить. [Пани] Солива с детьми уехала на прошлой неделе к своей свекрови в Италию. Эту новость я узнал от Эрнемана, которого встретил на квартетах у Кесслера. Ты, конечно, знаешь, что Кесслер устраивает у себя по пятницам маленькие музыкальные вечера. Все сходятся к нему и играют — ничего заранее назначенного, а так, что в компании повернется, то и играют. Так в позапрошлую пятницу был *cis-moll'*ный Концерт Риса в квартете², было E-dur'ное *Трио* Гуммеля и последнее *Трио* Бетховена³ (я давно не слышал ничего равно великого, в нем Бетховен глумится над всем миром). — *Quatuor* пр[инца] Фердинанда прусского, alias, Дуссека⁴, и, наконец, пение, вернее не пение, а только пародии на пение, и это было в самом деле нечто удивительное. Надо Тебе сказать, что Циммерман, который играет на флейте, умеет добиваться губами, с помощью рук, необыкновенно смешного тембра голоса — не то кошка, не то теленок — что-то в этом роде. У Новаковского тоже оригинальный голос, похожий на звук маленькой фальшивой детской трубы; он извлекает его, как-то плоско сжимая губы. Филипп воспользовался этим и написал дуэт для Циммермана и Новаковского с хором; это страшная чепуха, хотя сделана хорошо, и такая смешная, что ее невозможно было довести до конца. — И хотя это было после *Трио* Бетховена, это все же не смогло изгладить то огромное впечатление, которое оно [*Трио*] на меня произвело, — тем более, что и исполнение было хорошим. Аккомпанировал Сервачиньский, а он аккомпанирует очень хорошо. —

На этой неделе он дает концерт. По-моему, это дело ненужное, но его оправдывают тем, что он хочет здесь остаться (а это было бы неплохо), хочет уроков и надеется, что это — лучший способ получить их. — После моего возвращения, и когда Ты уже будешь в Варшаве, мы несколько раз сыграем *Трио*⁵, что он уже обещал мне, потому что Белявского надо страшно упрашивать, а разница невелика. — В самом деле, [Сервачиньский] великолепно аккомпанирует. — Эльснер хвалит мое *Adagio* из Концерта. Он сказал, что в нем есть что-то новое. О *Rondo*⁶ я пока не хочу слышать ничьих суждений, потому что еще не вполне им доволен. Интересно, закончу ли я его вполне после возвращения или нет. — Мне вчера говорили, что к нам из Петербурга приехала какая-то барышня, забыл, как ее зовут: она очень молода и удивительно играет на скрипке⁷. — В будущее воскресенье возобновляют старую оперу Курпиньского *Дворец Люцифера*⁸. —

С Оборским я вижу, Обниский — магистр с отличием, Масловский ditto*. — Барцинский написал из Женевы, просил

Тебе кланяться; в Шафгаузе он расстался с Енджеевичем; Барцинский поехал назад во Францию, а тот в Мюнхен. — Я Тебе очень благодарен за письмецо, пересланное через брата; оно меня обрадовало — у Тебя есть хотя бы то утешение, что, когда захочешь, Ты можешь развеселить и порадовать людей. Не поверишь, как я был зол утром и как подобрел после обеда, получив Твое письмо. Но довольно уж на сегодня, кончаю, потому что перед отъездом мне надо устроить еще кое-какие дела. —

Обнимаю Тебя сердечно, как обычно пишут в конце писем, хотя сами не знают, что пишут, — но мне Ты должен верить, что я знаю, что написал, потому что я люблю Тебя, как

Ф. Ш.

Я сочинил большой *Exercice en forme* ** в своем собственном стиле; когда увидимся — покажу⁹.

¹ Великое княжество Познаньское входило тогда в состав Пруссии.

² «В квартете» — может означать исполнение оркестрового сопровождения к концерту не полным составом оркестра, а лишь его струнной группой.

³ Трио B-dur op. 97 Бетховена.

⁴ В то время ошибочно полагали, что произведения принца Людвиг Фердинанда написаны его учителем Дуссеком.

⁵ Трио g-moll op. 8 Шопена.

⁶ Речь идет о заканчиваемом в то время Шопеном Концерте f-moll op. 21. 12 февраля 1830 г. «Gazeta Polska» сообщала: «Наш виртуоз Шопен написал новый Концерт для фортепиано, f-minor, репетиция которого с полным составом оркестра состоялась в прошлое воскресенье. Знаатоки восхищаются новым сочинением, которое содержит много новых совершенных музыкальных мыслей и может быть причислено к прекраснейшим новым произведениям. Говорят, что п[ан] Шопен выезжает в Италию, но будем надеяться, не предпримет этого путешествия, не дав публичного концерта в столице Польши, чего ждут почитатели его высокого таланта».

⁷ Леонора Нейман, концертировавшая в Варшаве в 1829 г.

⁸ «Дворец Люцифера» — опера К. Курпиньского, впервые поставленная в Варшаве в 1818 г.

⁹ Это первое упоминание об этюдах Ф. Шопена; их возникновение, возможно, было связано с работой Шопена над Концертом f-moll; невозможно установить, о каком именно этюде тут говорится. Характерно, что Шопен первоначально называет их «упражнениями», хотя уже существовали этюды Крамера, Шимановской и др., и он был с ними знаком.

56. АНТОНИЙ РАДЗИВИЛЛ—Ф. ШОПЕНУ В ВАРШАВУ

Антонин, 4 ноября 1829

Антонин, сего 4 ноября 1829

Мой дорогой Шопен!

Я глубоко благодарен Вам, милостивый государь, за то, что Вы были столь любезны посвятить мне *Трио*¹ Вашего сочинения. Не будете ли

* Тоже (лат.).

** Упражнение в форме (франц.).

Вы также любезны ускорить его печатание, чтобы я смог сыграть его вместе с Вами, когда Вы будете проездом в Познани на пути в Берлин.

Примите еще раз, мой дорогой Шопен, уверения в том глубоком интересе, который внушает мне Ваш талант, как и уверения в глубоком почтении, которое я к Вам питаю².

Кн[язь] Антоний Радзивилл.

¹ Речь идет о Трио g-moll op. 8 (1828—1829). Вышло из печати лишь в 1833 г.

² А. Радзивилл был сам неплохим музыкантом и питал к Ф. Шопену искреннее расположение, высоко ценил его талант. Среди части шопеноведов бытовало мнение, хотя и противоречащее письмам самого Шопена (см., в частности, письмо 55), что А. Радзивилл был его меценатом и давал деньги на его образование (см., например, выходящую на многих языках монографию Ф. Листа «Ф. Шопен»). Теперь эта версия может считаться окончательно опровергнутой. Недавно Крыстине Кобылянской удалось расшифровать черновик письма Изабеллы Барциньской, адресованного М. Карасовскому до опубликования его работы о Шопене (автограф письма хранится в фондах Общества имени Фридрика Шопена в Варшаве). И. Барциньская категорически отрицает меценатство А. Радзивилла и пишет, в частности: «Должна признаться, что я, наверно, слишком чувствительна к той лжи и вздору, какие мне приходится читать в газетах [речь идет о фактах биографии Ф. Шопена]. — Листу захотелось написать о радзивилловском великодушии, — со слов п[ана] Кожуховского. Мне кажется, однако, что такой человек, как Фонтана, бывший его [Шопена] другом и на родине и за границей, уж наверняка знал бы об этом. [...] Тем не менее не только сыну наш отец дал тщательное воспитание, но и три его дочери также получили образование, за которое никто, кроме родителей, не платил. Разве для того трудился наш отец над воспитанием молодежи на родине, чтобы доверить своего единственного возлюбленного сына, к тому же слабого здоровьем, чьей-либо опеке?» (цит. по кн.: Czartkowski A., Jeżewska Z. Chopin, s. 86). Со всей решительностью поддерживает утверждение И. Барциньской и Оскар Кольберг, бывший в то время, как он пишет, «ближайшим свидетелем, почти что членом семьи Шопена» (см.: Chopin w Kraju, s. 193).

57. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИН

Варшава, 14 ноября 1829

Варшава, суббота, с[еро] 14.XI. 1829

Дражайший Тытус!

Твое последнее письмо, в котором Ты велишь себя поцеловать, я получил в Антонине¹ у Радзивилла. Я провел там неделю. Ты не поверишь, как мне было у него хорошо. Я вернулся с последней почтой, — мне с трудом удалось отговориться от дальнейшего пребывания. Что касается меня и моих тамошних занятий, то я бы там оставался, пока бы меня не прогнали; но мои дела, а в особенности мой Концерт², еще не законченный и с нетерпением ожидающий завершения своего финала, заставил меня покинуть этот рай.

Там были две Евы, молодые княжны, необычайно приветливые и добрые, музыкальные, чувствительные создания. Старая княгиня понимает, что не происхождение красит человека.

и так привлекает своим обращением, что нельзя ее не любить. А он, Ты знаешь, как он любит музыку. Он показал мне своего *Фауста*, и я нашел там много вещей, настолько хорошо задуманных, даже гениальных, что этого я никак не мог ожидать от наместника. — Среди прочих есть сцена, в которой Мефистофель искушает Гретхен, играя на гитаре и напевая под ее окном, а одновременно слышится пение хора из близлежащего храма; этот контраст производит большое впечатление в исполнении; в рукописи видно, как искусно сочинена вокальная партия, а еще более — дьявольский аккомпанемент к очень строгому хоралу. Это может Тебе дать представление о его принципах понимания музыки; к тому же он заядлый глюкист. В театре музыка имеет для него значение лишь постольку, поскольку она отображает драматические ситуации или чувства — поэтому даже увертюра не имеет финала, а прямо переходит в интродукцию; оркестр же все время остается за сценой, чтобы не было видно ни движения смычков, ни усилий и напряжения [при игре] на духовых инструментах. —

Я написал у него *alla polacca*³ с виолончелью. В нем лишь олестящие безделушки для салона, для дам, — мне, видишь ли, хотелось, чтобы его разучила к[няж]на Ванда. — Во время моего пребывания я давал ей как бы уроки. Молодое существо, ей лет семнадцать⁴, красива, и, право же, одно удовольствие было ставить ей пальчики. Но шутки в сторону, у нее много подлинного музыкального чутья, так что ей не нужно говорить: здесь *crescendo*, а тут *piano*, здесь скорее, тут медленнее и так далее. — Я не мог отказать им в присылке моего *f-minor*'ного *Полонеза*, который заинтересовал к[няж]ну Элизу; поэтому прошу Тебя прислать мне его ближайшей почтой, так как я не хочу, чтобы меня сочли невежливым, — а по памяти писать не хочу, дорогой мой, потому что мог бы написать иначе, чем оно есть на самом деле. —

О характере к[няж]ны Ты можешь судить по тому, что она заставляла меня каждый день играть ей этот *Полонез*, и ей больше всего нравилось *As-dur*'ное *Трио*.

Они все там хорошие. — На обратном пути я был в Калише на одном вечере, где были пани Лончиньская и панна Бернацкая. Последняя потащила меня танцевать, и мне пришлось танцевать мазурку с еще более красивой панной, чем она, — с панной Паулиной Нешковской, которая отвергает генерала Мыцельского, настойчиво ее домогающегося. — Панна Бернацкая много говорила со мной о Тебе и Твоем брате, и было видно, какие нежные чувства пробудила в ней прошлая зима, проведенная в Варшаве, — весь вечер напролет я с ней проболтал или, вернее, должен был отвечать на вопросы и задавать их; никогда еще она не казалась мне такой милой, как в этот вечер, а в особенности, когда говорила о мягкости характера Пана Кароля. Я не шучу. Я сказал ей, что Ты будешь

знать все об этом вечере, что я буду Тебе жаловаться, что она соблазнила меня танцами, но она не испугалась Тебя. — Я познакомился с ее отцом, у которого вблизи Антонина имение Сулиславице. —

Между прочим, достоин был внимания танец Яксы Марцинковского, который на этом вечере в грязных сапогах вертелся до упаду. В Калише я пробыл всего один день. — Костусь писал мне, но я ему еще не ответил. — К[няги]ня Радзивилл желает, чтобы я в мае был в Берлине, поэтому ничто не мешает мне поехать на зиму в Вену. Думаю, что раньше декабря я не поеду. — Шестого Папины именины, следовательно, я смогу уехать только к концу декабря, поэтому надеюсь увидеться с Тобой, но планов пока не строю; если бы мне случилось уехать до Твоего прибытия, чего, по всей вероятности, произойти не может, то я написал бы Тебе, потому что я ничего так не жажду, как повидать Тебя, — особенно за границей. Не поверишь, как мне теперь чего-то недостает в Варшаве. Мне и двух слов не с кем сказать, некому довериться. — Ты хотел иметь мой портрет, и я, разумеется, послал бы Тебе его, если бы мог украсть один у княжны Элизы; она два раза нарисовала меня в своем альбоме⁵ и, как мне говорили, очень похоже. — У Миросhevского сейчас нет времени. Ты, жизнь моя, так хорош — и поверь мне, что я поистине всегда рядом с Тобой, что я Тебя не покину, и так будет до самой смерти. Твой преданнейший,

Ф. Ш.

Еще раз напоминаю Тебе о *f-minor*’ном *Полонезе*; пришли мне его, жизнь моя, первой почтой.

Я написал несколько *exercises*’ов* — в Твоем присутствии я бы их хорошо сыграл.

Тебе кланяются Папа, Мама, дети, Живной. — Енджеевич написал из Вены, он возвращается. Давали *Дворец Люцифера Курпиньского*, но неудачно.

В прошлую субботу Кесслер играл в Купеческом Собрании *Е-dur*’ный *Концерт* Гуммеля. Сервачиньский тоже играл. — В будущую субботу, может быть, я буду играть, — в этом случае я сыграю твои *Вариации*⁶. — Пани Буржуа-Широли, прекрасный альт, два раза пела на музыкальных вечерах у Соливы; мне говорил об этом Тейхман. Панна Волкова в трауре по матери, а Панна Гладковская с завязанным глазом. Даже Жилиньский пел с Пани Широли, но говорят, что рядом с ней он был похож на крысу. — Вот и все известные мне новости. — Макса я давно не видел, но он, наверное, здоров. — Гашиньский написал для театра «*Rozmaitości*» комедийку в стихах, на которую ломится теперь весь свет. Она называется *Приемная*

* Упражнение, этюд (франц.).

врача. Гонсё здоров, Ринальди всякий раз при встрече со мною спрашивает о Тебе. В будущее воскресенье пойдет маленькая комическая опера Дрехслера *Миллионер* (*Bauer als Millionair*)¹. Не знаю, зачем дают у нас эту немецкую чепуху, разве что ради декораций и разных комических метаморфоз, интересных одним детям. А все-таки будут туда стремиться. — Писать декорации должен был Сакетти. — Вот и все, что мне попало под перо. Мне не хочется писать о новостях, а лишь ласковые слова. — Позволь еще раз Тебя обнять.

Ф. Ш.

¹ Антонин (Неборово) — имение А. Радзивилла, где находился деревянный трехэтажный охотничий замок, окруженный английским парком. А. Радзивилл, страстный охотник, часто приезжал сюда. В замке сохранился инструмент, на котором играл Ф. Шопен.

² Концерт f-moll op. 21.

³ Полонез C-dur op. 3 для фортепиано и виолончели; впоследствии к нему для варшавского виолончелиста Ю. Качиньского была дописана Интродукция-Adagio (Полонез издан в 1833 г. и посвящен венскому виолончелисту Й. Мерку).

⁴ Ф. Шопен ошибался: княжне Ванде Радзивилл, в замужестве Чарторьской, был двадцать один год.

⁵ Оба карандашных портрета Ф. Шопена, сделанных Элизой Радзивилл, сохранились и находятся в Неборове. На одном из них (вероятно, рукой автора) написано: «Frédéric Chopin 4 Novembre/1829». На втором значится: «Frédéric Chopin 1826» (год неверен; видимо, добавлен впоследствии и не автором рисунка).

⁶ Вариации op. 2 Ф. Шопена.

⁷ Комическая опера Й. Дрехслера «Крестьянин-миллионер» (по мелодраме австрийского драматурга и актера Фердинанда Раймунда); пользовалась большим успехом в Варшаве в канун ноябрьского восстания, главным образом, из-за куплетов на злободневные темы. 19 декабря 1829 г. Ф. Шопен, выступая в сборном концерте в Купеческом Собрании — своем первом концерте в Варшаве после возвращения из Вены, импровизировал на тему из этой оперы.

58. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИН

Варшава, 27 марта 1830

Суббота, с[его] 27 марта 1830

Дражайшая жизнь моя!

Никогда еще Ты не был мне так нужен, как сейчас; у меня нет того, кому я мог бы излить свое сердце, — нет Тебя. — Один Твой взгляд после каждого концерта значил бы для меня больше, чем все похвалы газетных писак, Эльснеров, Курпиньских, Солив и т. д.

Сейчас же после получения Твоего письма я хотел описать Тебе мой первый концерт¹, но я был так издерган и занят приготовлениями ко второму, который я дал почти тут же, в понедельник, что, засев [за письмо], не мог собраться с мыслями. Но хотя и сегодня я в таком же состоянии, все же я не буду дожидаться минуты спокойного настроения, минуты столь редкой у меня, — а то уйдет почта.

Итак, первый Концерт², в общем, насколько я понял, на публику впечатления не произвел, хотя было полно и уже за три дня не было ни лож, ни кресел. — Первое *Allegro*, доступное немногим, хотя и вызвало аплодисменты, но, как мне кажется, лишь потому, что надо же было выказать удивление: что это такое! — и прикинуться *connaisseur'*ами*! — *Adagio* и *Rondo* произвели наибольший эффект, тут уж можно было услышать искренние восклицания, — что же касается *Попурри* на польские темы³, то, по-моему, оно совершенно не достигло цели. Аплодировали потому, что надо же ему [концертанту] напоследок дать понять, что не скучали. —

Курпиньский в этот вечер заметил в моем Концерте новые достоинства, а Виман, напротив, сознался, что не понимает, что люди находят в моем *Allegro*. — Эрнеман был очень доволен, а Эльснер жалел, что мой панталеон звучал глухо, так что басовых пассажей не было слышно. Насколько галерка и стоявшие в оркестре остались в этот вечер довольны, настолько партер жаловался на слишком тихий звук⁴, — я хотел бы побы-

* Знатоками (франц.).

вать «У Золушки»⁵, чтобы послушать дебаты, которые должны были там вестись о моей особе. Вот почему Мохнацкий в «*Kurier Polski*»⁶, расхвалив меня до небес, и особенно за *Adagio*, под конец советует побольше энергии. — Я догадался, где сидит эта энергия, и поэтому на втором концерте играл не на своем, а на венском инструменте. Дьяков, русский генерал, был настолько любезен, что дал мне свой инструмент — он лучше того, гуммелевского⁷, — и на этот раз публика, еще более многочисленная, чем на первом концерте, осталась довольна. — Тут уж аплодировали, хвалили, что каждая нотка отделана, как жемчужина, и что во втором концерте я играл лучше, чем в первом, потом, когда я вышел на вызовы, кричали о третьем концерте. *Краковское Rondo* произвело колоссальный эффект, аплодисменты возобновлялись четыре раза. Курпинский жалел, что я играл *Фантазию* не на венском инструменте, этого же требовал днем позже даже Гжимала в «*Kurier Polski*». —

Эльснер сказал, что судить об мне можно только после второго концерта, хотя, откровенно говоря, я бы предпочел играть на своем инструменте. Правда, решительно все говорят, что венский инструмент лучше соответствовал помещению. — Программа первого концерта Тебе известна⁸. — Второй концерт начался симфонией Новаковского (исполняемой *par complaisance* *), за которой следовало первое *Allegro* из [моего] Концерта. Белявский сыграл *Вариации* Берлиоза, затем последовали *Adagio* и *Rondo* [Концерта Шопена]. — Второе отделение я начал *Краковским Rondo*, затем Майерова спела, лучше чем когда-либо, арию Соливы из *Елены и Мальвины*. И в заключение я импровизировал, что очень понравилось ложам первого яруса⁹. —

Сказать Тебе откровенно, импровизировал я не так, как бы мне того хотелось, потому что это не для такой публики. Поэтому я удивляюсь, что *Adagio* произвело на всех такой эффект, что куда бы я ни повернулся, мне повсюду только об *Adagio* и говорят. — У Тебя, вероятно, есть все газеты или, по крайней мере, главные, по ним Ты можешь судить, что остались довольны. — Мориоль прислала мне лавровый венок, а сегодня я к тому же получил от кого-то стихотворение. — Орловский наделал мазурок и вальсов из тем моего Концерта¹⁰. Зеневальд, компаньон Бжезины, просил у меня мой портрет, но я не мог ему этого позволить, так как этого было бы уж слишком много для одного раза, да кроме того мне совсем не хочется, чтобы в меня заворачивали масло, как это случилось с портретом Лелевеля.

Тебе же я пришлю [свой портрет], как только смогу; раз Ты этого хочешь, значит, получишь, но кроме Тебя, моего

* Из любезности (франц.).

портрета ни у кого не будет. Еще только одна особа могла бы его иметь¹¹, — и то никак не раньше Тебя, потому что Ты мне дороже всех. Кроме меня никто не читал Твоего письма. Как всегда, так и теперь, я ношу Твои письма при себе. Каким блаженством будет для меня, — когда в мае я смогу, выйдя за городские стены и думая о предстоящем путешествии, — достать Твое письмо и душой убедиться, что Ты меня любишь, или, по крайней мере, посмотреть на почерк и письмо того, кого только я умею любить. —

Все настаивают, чтобы я дал на будущей неделе еще один концерт, но я не хочу. — Не поверишь, какую муку переживаешь за три дня перед выступлением. Впрочем, еще до праздников я закончу первое *Allegro* моего второго Концерта¹², а с третьим концертом подожду уж до конца праздников; хотя я знаю, что и сейчас мог бы иметь еще больше слушателей, потому что весь большой свет мало еще меня слышал. —

Среди голосов из партера, призывавших меня на последнем концерте дать третий, один голос крикнул: «В Ратуше!»¹³, — так громко, что я его услышал на сцене; сомневаюсь, чтобы я последовал этому совету, и если дам еще один концерт, то, вероятно, в театре. Я не забочусь о доходе, ибо и театр мне не много дал, поскольку кассир, которому все было поручено, делал что хотел. С обоих концертов, за вычетом расходов, не осталось и пяти тысяч [золотых], — хотя Дмушевский и утверждал, что еще ни на одном фортепианном концерте не было столько народу, как на первом и уж тем более на втором. — Но дело в том, что хотя и в Ратуше я [играл] бы с теми же хлопотами и с ненамного бóльшим эффектом, я тоже играл бы все-таки не для всех, а либо для высшего общества, либо для обывателей. —

Сейчас, как никогда раньше, я чувствую, что еще не родился тот, кто смог бы всем угодить. Добжиньский дуется на меня, что я не взял его симфонию, пани Водзиньская сердилась, что я не оставил ей ложи, и т. п. — А ргорос о Водзиньской, которую я третьего дня видел у п[ани] Прушак на именинах (Марьяны), мне вспомнилось, что там же я видел твоего брата, который, как всегда, в хорошем настроении и велел тебе кланяться. Незадолго до именин, кажется, в день святого Юзефа, праздновалось двадцатипятилетие совместной жизни молодых, alias серебряная свадьба. Обед не обошелся, конечно, без молочных блюд¹⁴ и других простецких приправ, — это ей-богу, не для меня. — Вчера я был на обеде у Мориоль и позже на вечере у Дьякова, где видел также Соливу. — Он Тебе кланяется и обещал дать для Тебя какую-то записку. — Мы играли с Качиньскими *La Rubinelle* Гуммеля, и вообще исполнялось довольно много хорошей музыки. Мне не хочется отрываться от бумаги, тем более что, мне кажется, я все еще не написал ничего для Тебя интересного, как мне бы того хотелось. Все при-

берегал к десерту, а между тем у меня нет другого десерта, кроме самых искренних объятий, потому что один Ты у меня

Ф. Шопен.

Папа, Мама и дети нежно Тебе кланяются. Живнѣй [тоже]. — Макса вижу постоянно, и у пани Потоцкой он был на спектакле, и у пани Накваской на музыкальном вечере. — Лончиньского тоже недавно видел на извозчике.

¹ Речь идет о концерте Ф. Шопена, который состоялся в среду 17 марта 1830 г. в Национальном театре в Варшаве; там же в понедельник 22 марта состоялся и его второй концерт. 12 марта «*Kurier Warszawski*» извещал о предстоящем концерте, а 16 марта писал, что «на завтрашний концерт пана Шопена уже куплены все ложи». На первом концерте присутствовало около 800 слушателей, на втором — 900.

² Концерт f-moll op. 21.

³ Фантазия op. 13.

⁴ К. Курпинский записал в своем «Дневнике» (запись от 17 марта): «Среда. С утра была репетиция фортепианного концерта п[ана] Шопена. Вечером многочисленные слушатели (сидели даже в оркестре) восторженно встретили композицию и игру молодого артиста. Инструмент не подходил для столь обширного помещения» (цит. по кн.: Hoесick F. Chopin, t. 1, s. 219).

⁵ «У Золушки» — первая варшавская кофейня, устроенная по парижскому образцу; на ее столиках можно было найти польские и иностранные газеты. Эта кофейня была своеобразным центром общественной и культурной жизни тогдашней Варшавы, где собиралась артистическая и литературная молодежь. Тут встречались М. Мохнацкий, Б. Залеский, А. Э. Одынец, Л. Набеляк, К. Гашинский и др.

⁶ Рецензия, о которой упоминает Ф. Шопен, появилась 18 марта в «*Kurier Polski*». В частности, мы в ней читаем: «Вероятно, ни один пианист не извлекал таких захватывающих звуков из этого мертвого инструмента, лишенного певучести, а следовательно, жизни и души. Это *Adagio* в концерте п[ана] Шопена, это оригинальное произведение необычайного музыкального гения, ставит нашего молодого виртуоза рядом с первейшими артистами Европы». Б. Сыдов считает, что эта рецензия, подписанная криптонимом «А», написана не Мохнацким, а Гжималой (см. t. 1, s. 496).

⁷ Ф. Шопен, вероятно, имеет в виду инструмент, на котором играл И. Гуммель во время своих выступлений в Варшаве.

⁸ Приводим программу первого концерта Ф. Шопена: Ю. Эльснер, Увертюра к опере «Лешек Белый»; Ф. Шопен, *Allegro* Концерта f-moll op. 21; Гёрнер, Дивертисмент для валторны; Шопен, *Adagio* и *Rondo* Концерта f-moll; второе отделение: К. Курпинский, Увертюра к опере «Цецилия Пясецинская»; Ф. Паэр, Вариации «*La Biondina*» (пела Б. Майерова); Шопен, Фантазия на польские темы op. 13 (оркестр под управлением К. Курпинского).

⁹ «*Kurier Warszawski*» в рецензии на второй концерт Ф. Шопена в номере от 23 марта писал: «...В заключение артист импровизировал. Популярные народные песенки *Мир жестокий* и *В городе странные нравы* он разнообразил удивительно приятными вариациями, свидетельствующими о подлинном таланте...»

¹⁰ Вообще, в творчестве А. Орловского заметно влияние Шопена. Его обработка тем Ф. Шопена вышла в издании А. Бжезины в апреле 1830 г. и была озаглавлена: «Мазурка и вальс на мотивы Концерта, Фантазии и Рондо Краковяка Фрида Шопена», написанные для фортепиано А. О.»

¹¹ Констанция Гладковская.

¹² Шопен говорит о Концерте e-moll op. 11, над которым он тогда работал.

¹³ Широкие слои публики ждали концерта в Ратуше, где был более вместительный зал. «Kurier Warszawski», описывая второй концерт Шопена, сообщал, что слушатели кричали: «Смилуйся, дай еще один концерт».

¹⁴ На обеде, по-видимому, должен был присутствовать будущий муж Александры Прушак — Млечко. У Шопена игра слов: по-польски mleczko — молочко.

59. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИН

Варшава, 10 апреля 1830

Варшава, с[его] 10 апреля 1830. Суббота
(Годовщина смерти Эмилии!)

Дражайшая Жизнь моя!

Еще на прошлой неделе мне хотелось написать Тебе, но так вышло, что сам не знаю, куда делось [время]. — Да будет Тебе известно, что наше общество до того страшно размузицировалось, что не пощадило даже Страстную неделю; в этот понедельник был большой вечер у Филиппеуса, где пани Сова н красиво спела дуэт из *Семирамиды*¹, а я должен был, по общему желанию, вторично аккомпанировать дуэт *buffo* из *Турка*², исполненный Соливой и Грессером. О других подробностях я не буду сообщать Тебе, за исключением той, что пани Гладковская спрашивала о Тебе.

Уже готова программа предстоящего вечера у Левицких, где, среди прочих, кн[язь] Голицын будет играть *Квартет Роде*; будет исполнена *La Sentinella* Гуммеля и в заключение мой *Полонез* с виолончелью, к которому я, специально для Качиньского, добавил *Adagio*³, интродукцию. Мы его уже пробовали — сойдет. — Это новости салонные, музыкальные, теперь перехожу к новостям газетным, музыкантским, которые меня касаются не меньше салонных, особенно потому, что отзывы обо мне достаточно благосклонны; я бы хотел послать их Тебе. «*Gazeta Warszawska*» дала статью в пол-листа, в которой, должно быть, содержится немало колкостей по адресу Эльснера, коль скоро Солива мне сказал на обеде у Мориоля, что, если бы его ученикам не предстоял вскоре дебют — из-за чего он боится ввязываться в ссору — он непременно ответил бы сам⁴. Впрочем, он сказал мне, что Ты писал ему; и потому я думаю, что если он Тебе ответил, то не обойдет молчанием и это обстоятельство. —

Трудно вкратце дать Тебе представление обо всем этом; если бы я мог, то послал бы Тебе газеты, чтобы Ты понял суть дела надлежащим образом. Но так как умный с полуслова поймет, то я Тебе лишь слегка намекну, в чем тут дело. — После моих концертов появилось множество рецензий, особенно в

«Kurier Polski» — и хотя они расточали мне преувеличенные похвалы, однако это было еще терпимо. — «Dziennik Urzędowy» также посвятил несколько страниц панегирику в мою честь, но, между прочим, в одном из своих номеров напел, хотя и с лучшими намерениями, таких глупостей, что я был в полном отчаянии до тех пор, пока не прочитал ответ в «Gazeta Polska», в котором совершенно справедливо лишили меня того, что те преувеличенно мне приписали.

А надо Тебе знать, что в этой статье «Dziennik Urzędowy» утверждает, что как немцы Моцартом, так когда-нибудь поляки будут гордиться мною, — явная нелепость⁵. — Но выше в той же статье уверяют, что если бы я попал в руки к какому-нибудь педанту или россинисту (что за глупое определение), то никогда бы не был тем, чем я (якобы) являюсь. Хотя я ничего собой не представляю, но все же он прав: если б я не учился у Эльснера, который помог мне найти свой путь, то я, наверно, умел бы еще меньше, чем сейчас. —

Этот выпад против россинистов рядом с похвалой Эльснеру, который уже (будто бы) выпустил ученика, до такой степени вывел из себя Ты знаешь кого, что в «Gazeta Warszawska», начиная для виду с *Друзей Фредро* и заканчивая *Графом Ори*⁶, в промежутке язвят: за что же благодарность Эльснеру, — ведь не может же он из рукава учеников вытаскивать, и кого же он выставил рядом со мной (надо Тебе сказать, что на моем втором концерте исполнялась *Симфония Новаковско-го*), и что «из песка и черт кнута не сошьет»⁷. Тридцать пять лет тому назад Эльснер написал *Квартет*⁸, на титульном листе которого указано: «dans le meilleur goût polonais»*, приписка, сделанная тогда издателем в связи с польским менюэтом. В рецензии теперь высмеивают этот *Квартет*, не называя, однако, автора. Солива говорит, что он смог бы в тех же выражениях поиздеваться над *Цецилией*⁹, тем более что при всей благосклонности и деликатности, с которыми обо мне говорится в этой статье, мне все же несколько раз дают взбучку и советуют, чтобы я хорошенько присматривался к Россини, а не переписывал его. Этот совет вызван той статьей, где было сказано, что я оригинален, чего, впрочем, «Gazeta Warszawska» и не отрицает. —

Послезавтра я приглашен к Миначовичу на пасху. Там будет и Курпиньский; любопытно, что он мне скажет, потому что Ты не можешь себе представить, как умильно он всегда со мною здоровается. В среду на прошлой неделе я видел его на концерте Леськевича¹⁰. Маленький Леськевич играет очень хорошо, но еще большею частью от локтя¹¹. Из него выйдет, как мне кажется, лучший пианист, чем из Кругульского. Мнение, которое я не решился пока высказать, хотя меня и не раз

* В лучшем польском стиле (франц.).

уже тянули за язык. Но оставим эту музыку. Теперь я пишу не Пану Любителю музыки, а начинаю [писать] к Тытусу Войцеховскому — помещику.

Вчера была Страстная пятница, вся Варшава была у плащаницы; и я с Костусем, который позавчера вернулся из Санников, ездил с одного конца Варшавы на другой. — Кот Тебе кланяется, и à propos с этим сообщаю Тебе следующее. Было это утром после урока, когда мы с панной Александрой сели за завтрак; стали говорить о том, что пани Совиньской передавали о помолвке панны Александры с паном Млечко. На это я сказал, что ничего не слышал об этом; мне ответили, что поскольку уверены в моем расположении к их дому, то могут мне сообщить: пан Млечко после долгих перипетий сделал предложение. — Пани Прушак говорит, что она никогда еще не переживала такого ужасного момента, как тот, когда он с рыданиями упал к ее ногам et caetera. С любопытством ожидая, не скажут ли мне о результате сватовства, я узнаю, что поскольку пану М. уже, пожалуй, пора, но панне А. еще рано, то, стало быть, подождут год, то есть до следующего дня рождения панны А., которая тогда сама сможет решить, принять или отклонить предложение. Однако пан М. был вчера с ними у плащаницы. —

Обниский Тебе кланяется. И Гейсмер Тебе кланяется. Позавчера встретил Лончиньского, он страшно исхудал... и брата Кароля видел, прекрасно выглядит, как пончик. Ага, Briefträger*! и письмо... от Тебя. О, дорогой, как Ты добр! — Ибо то, что я о Тебе думаю — это не удивительно! —

Судя по Твоему письму, Ты читал только «*Kurier Warszawski*»; если можешь, прочти «*Kurier Polski*» и номер 91 «*Gazeta Warszawska*». Твои советы относительно вечеров правильны¹², и поэтому я уже от нескольких отказался, словно предчувствуя, потому что не поверишь, насколько Ты присутствуешь в моих мыслях почти при каждом моем поступке. Не знаю, потому ли это, что подле Тебя я научился чувствовать, но когда я что-либо пишу, то рад был бы знать, нравится ли это Тебе, и мне кажется, что я до тех пор не буду уверен в ценности своего второго, e-moll'ного Концерта, пока Ты его не услышишь.

Сегодня был у меня Бромирский, приглашал меня на четверг, и я ручаюсь, что Ты видишь его уходящим ни с чем. — Что касается Гонсё, то я позавчера его встретил, мы говорили о Тебе; он ходит грустный, жалуется на неблагоприятные для искусства обстоятельства; когда я его увижу, что, надеюсь, случится еще сегодня, то сейчас же скажу ему, что Ты писал мне. — Из своих пустяков у меня нет ничего под рукой, чтобы послать Тебе, да и не стоит. Что касается третьего концерта, которого теперь тут еще больше ждут, — то я его дам не рань-

* Почтальон (нем.).

ше, как перед самым отъездом, и сыграю новый [Концерт]; а этот новый еще не окончен; я бы сыграл *Польскую фантазию*, которую все требуют, и Тебе посвященные *Вариации*, которые я поджидаю. Ведь ярмарка в Лейпциге уже началась, и Бжезина должен получить новую партию нот¹³. — Тот, кто хотел угощать меня шампанским на [моем] втором концерте, этот француз из Петербурга, которого приняли за Филда, оказался учеником Парижской консерв[атории], фамилия его Дунст. Он был у Соливы и, как мне тот говорил, собирался прийти ко мне, но я его еще не видел.

Он давал в Петербурге концерты и имел успех; значит, должен играть хорошо. Тебе, наверно, покажется странным, что он, француз из Петербурга, носит немецкую фамилию. — Только что мимо проехал Кочию¹⁴ с Валерием Скаржинским, а за ними едет Жандр; экипажи катят, издали пестреют дамские шляпы, погода чудесная. — Вот и Целинский, мой прогулочный мучитель; добрая душа, он заботится о моем здоровье. Выйду с ним на улицу; может быть увижу кого-нибудь, кто мне напомнит Тебя; потому, что я люблю только Тебя.

Ф. Шопен.

Мои Родители и сестры шлют поклоны и самые искренние приветы. — И пан Живный, — а не то он бы меня изругал.

А гротос, к комическим новостям относится и то, что Орловский из моих тем понаделал мазурок и галопов; я, однако, просил его их не печатать.

Граф Ори хорош, особенно инструментовка и хоры. Финал первого акта прекрасный.

¹ «Семирамида» (1823) — опера Дж. Россини, не ставившаяся в Варшаве.

² «Турок в Италии» (1814) — опера Дж. Россини, впервые поставленная в Варшаве в 1824 г.

³ Речь идет о виолончельном Полонезе С-фуг ор. 3, написанном в Антонине у А. Радзивилла без интродукции. Вступительное Adagio возникло весной 1830 г.

⁴ В многочисленных рецензиях, появившихся после концерта Ф. Шопена, состоявшегося 22 марта, завязалась полемика между окружением К. Курпиньского (он был прозван «россинистом» за частые постановки опер Дж. Россини) и друзьями Ю. Эльснера. Последним отголоском мартовского концерта явилась статья К. Соливы («Gazeta Warszawska», 1830, 21 апр.), в которой он с большим темпераментом и юмором «расправился» с россинистами.

⁵ Речь идет о статье Ю. Цихоцкого в официальной газете «Powszechny Dziennik Krajowy» (а не «Dziennik Urzędowy», как написал Ф. Шопен) за 25 марта: «Пан Шопен, одаренный высшим гением, может быть сравним только с Моцартом; такая же смелость, такое же обилие новых оригинальных мыслей, такое же разнообразие в стиле каждой пьесы, и даже каждой части, столько же разнообразия в оттенках и гармонии. [...] Судьба наградила поляков паном Шопеном, как немцев — Моцартом».

⁶ «Друзья» (1829) — комедия А. Фредро; «Граф Ори» (1828) — опера Дж. Россини; ее варшавская премьера состоялась 27 марта 1830 г.

⁷ Польская поговорка

⁸ Речь идет о Трех струнных квартетах «du meilleur goût polonais» ор. 1. Ю. Эльснера, изданных в 1798 г. во Львове и Вене.

⁹ «Цецилия Пясечиньская» (1829) — опера К. Курпиньского.

¹⁰ Концерт А. Леськевича состоялся 31 марта 1830 г. в Национальном театре. В этом концерте принял участие А. Орловский.

¹¹ Ф. Шопен, видимо, хочет сказать, что Леськевич играет, пользуясь старой системой пианистической техники, не допускавшей свободных движений.

¹² Т. Войцеховский советовал Ф. Шопену не увлекаться светскими развлечениями.

¹³ Вариации ор. 2. Шопена, изданные в Вене у Т. Хаслингера, были получены в Варшаве лишь в середине июля («Kurier Warszawski» писал 16 июля 1830 г.: «На склад Магнуса прибыл значительный транспорт музыки из Вены. Среди множества прекрасных и новых сочинений находится также всеми любимые Вариации пана Шопена»).

¹⁴ Кочио — уменьшительное от имени Константин; тут — вел. кн. Константин.

60. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИН

Варшава, 17 апреля 1830

Варшава, с[его] 17 апреля 1830. Суббота.
День рождения Папы

Дражайшая жизнь моя!

Получив от Тебя письмо, я чувствую некоторое облегчение от своей невыносимой тоски; именно сегодня я в нем крайне нуждался, потому что скучал сильнее, чем когда-либо. —

Я бы рад был прогнать отравляющие радость мысли, но я испытываю блаженство, лелея их; сам не знаю, чего мне недостает, и, может быть, написав это письмо, я стану спокойнее, потому что Ты знаешь, как приятно писать Тебе. — Ты пишешь, что стал опекуном; это рассмешило меня. Ты сообщаешь о каком-то котильоне, и я догадываюсь, что это работа Валерия; Ты упоминаешь, что, может быть, приедешь, — и это меня очень обрадовало, потому что я тоже останусь на Сейм¹. Ты уже, наверно, знаешь из газет, которые, на мое счастье, получаешь, что Сейм открывается 28 мая и, стало быть, чаемое нами продлится целый месяц, тем более что «Kurier [Warszawski]» извещает о приезде панны Зонтаг.

Дмушевский все тот же, лжет, устраивает себе различные истории. Я его встретил вчера, и он сообщил мне от радную новость, а именно, что помещает в «Kurier [Warszawski]» какой-то сонет в мою честь². Я просил его, бога ради, не делать этой глупости. «Уже напечатано», — ответил он, услужливо улыбаясь, думая, что я должен радоваться оказанной мне чести. О, медвежья услуга! Теперь те, которых я задел, снова будут иметь возможность поиздеваться надо мной. Что же касается мазурок на мои темы, то купеческая страсть к наживе переси-

лила³. Я уже больше не хочу ни читать, что обо мне пишут, ни слушать, что болтают.

В воскресенье мне хотелось послушать рассуждения Курп[иньского] о стат[ье] в «Gazet[a] Warsz[awska]», но, как нарочно, я не мог найти его среди многочисленных ученых особ, собравшихся у Минасовича на пасху. Его не было, а из музыкантов со мной там был лишь Эрнеман. — Желая все же непременно видеть мину, какую он мне состроит, я был у него на пасху, чтобы поздравить его с праздником, но оба раза его не застал. Соливу я видел сегодня. Возможно, что итальянец плут, но он мне показал великолепный ответ, написанный им на ту статью (nota bene, по-французски и для себя, не с целью опубликовать в какой-либо газете); он совершенно справедливо громит их за Эльснера, не называя ни одной фамилии. — В глаза нежен, но это не имеет значения; я тоже вежлив, но вижусь с ним лишь по приглашению и когда это безусловно необходимо. —

Был у меня Эрнеман и объявил мне, что первое *Allo*⁴ в новом Концерте лучше — он пришел ко мне вчера, как раз когда уходил Костусь. Я у них [Прушаков] был сегодня. Так как сейчас Сейм, то и отъезд в Дрезден откладывается; у них новые планы; последний — чтобы Костусь с проф[ессором] Унив[ерситета] Хубе, с которым я ездил в прошлом году, совершил небольшое путешествие по Франции и Италии. У Хубе, как он говорил мне недавно, был проект сначала отправиться прямо в Париж и, проведя там некоторое время — на зиму в Италию и [провести] январь в Неаполе, где я должен был бы с ними увидеться. Костусь сегодня утром отправился к Хубе, чтобы познакомиться с ним поближе и расспросить о его планах. Если они и поедут, то лишь в июне, и то в конце месяца.

Мои *Вариации* еще не получены. Магнус на прошлой неделе поехал в Вену и должен вернуться в конце этого месяца, надеюсь, что не с пустыми руками. Завтра *Волишебная флейта*⁵, а послезавтра — концерт одного слепого флейтиста, пана Грюнберга, о котором я Тебе уже писал. Он хотел, чтобы я играл в его концерте. Но у меня была удачная отговорка, что одному я уже отказал — и было бы неудобно оказать кому-либо предпочтение. Мальсдорф будет играть у него на виолончели. Со стороны Барона это уже много; Шабкевич — на кларнете; а я вчера был снова у Жилиньского, который тоже обещал ему петь. Он [Грюнберг] хотел, чтобы я с ним поехал к Майеровой; знаю, что она сделала бы это для меня и спела бы, но в душе была бы недовольна. Я предпочел поэтому оставить ее в покое — и взял на себя лишь продажу некоторого количества билетов. Пани Прушак взяла десять.

А впрочем, сегодня во время урока, как раз когда под пальцами был *Этюд* Крамера, я узнал от пани Прушак, что Ты

отправил в Гданьск пшеницу и, может быть, приедешь [к нам]; я ответил, что о пшенице (хозяйственная новость от пана Шарля) он [Тытус] ничего мне не писал, потому что такие новости не для меня. И хотя мне кажется несколько диким, что Ты возишься с пшеницей, но я все же этому поверил, потому что знаю, как добросовестно Ты занимаешься тем, за что взялся. Детям было бы очень любопытно прочесть Твои письма, но этому никогда не бывать, потому что я один, — только я один, — ежедневно читаю их потихоньку про себя. — Поэтому Людвика дуется, тем более что я ей сказал, что в них нет для нее поклонов.

Завтра русская пасха, но я не буду нигде на разговенье. Никогда еще на праздники не ел так мало, даже у Прушаков на разговенье в понедельник или воскресенье, уж не помню, где было множество людей и окороков, куличей и т. д., и то не остался обедать. — Намечался большой обед, — каштелян⁶ Левиньский, Альфонс, Млечки, Дзевановский, который мне казался несносным, они все там были. Н. просил меня быть крестным отцом его сына, я не мог ему отказать, тем более что это — желание той несчастной, которая уезжает в Гданьск⁷. Пруская будет моей кумой. Это якобы в секрете от моих родителей, которые будто бы об этом не знают. —

А знаешь ли, что на прошлой неделе я собрался поехать к Тебе на неделю, но из этого ничего не вышло, тем более что меня подгоняет работа; надо писать сломя голову⁸. Если Ты будешь во время Сейма в Варшаве, то наверняка попадешь на мой концерт. У меня такое предчувствие — а если еще и сон увижу, то вполне поверю, потому что часто вижу Тебя во сне. Как часто я обращаю ночь в день, а день в ночь; как часто я живу как во сне и сплю наяву, — но это хуже, чем если бы я спал, потому что продолжаю все чувствовать и вместо того, чтобы в этом одурманенном состоянии, как во сне, набираться сил, я только мучаюсь и слабею, — люби меня, пожалуйста.

Ф. Шопен.

Родители Тебе сердечно кланяются, раколин [?] и дети, и Живнйй. —

¹ Последняя сессия сейма Королевства Польского открылась 28 мая 1830 г. в присутствии Николая I. В связи с работой сейма в Варшаве значительно оживилась концертная деятельность.

² «Сонет Фридрику Шопену, исполняющему концерт на фортепиано», написанный поэтом Леоном Ульрихом, появился в апрельском номере журнала «Pamiętnik dla Pci Pięknej», 1830, t. 2, s. 59—60) и был перепечатан газетой «Kurier Warszawski» в номере 17 апреля 1830 г. Музыка Шопена в Сонете характеризовалась как «гордая песнь, которая спящие сердца будит». Отметим, что этот Сонет был первым произведением Л. Ульриха, появившимся в печати.

³ Намек на А. Орловского (см. коммент. 10 к письму 58).

⁴ Allegro Концерта е-moll op. 11 Шопена.

⁵ «Волшебная флейта» (1791) — опера В. А. Моцарта.

⁶ Каштелян — в феодальной Польше должностное лицо, облеченное судебной и военной властью.

⁷ См. письмо 42.

⁸ Ф. Шопен заканчивал свой Концерт е-moll op. 11.

61. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИН

Варшава, 15 мая 1830

Варшава, 15 мая, в субботу

Дражайшая жизнь моя!

Ты, наверное, удивился, что Фрыц не соблаговолил тотчас же ответить на Твое письмо, но я не мог ответить, не зная того, о чем Ты меня спрашивал в том письме, и потому был вынужден помедлить с ответом. Итак, знай же, душа моя, что панна Зонтаг непременно придет в июне, а может быть, и в конце мая. Знай же, что панны Г[ладковская] и В[олкова] в силу приказа, изданного его превосходительством министром Мостовским, непременно выступят во время сессий Сейма, одна в *Агнешке Паэра*¹, другая, то есть В[олкова], в *Турке* [в *Италии*]. Каким Тебе кажется выбор этих опер? —

Я был вчера на вечере у Соливы, где, кроме Сованов и Грессеров, почти никого не было. Г[ладковская] пела арию, специально для нее присочиненную Соливой в оперу, которая будет ее коронным номером; в ней есть действительно красивые места, где он сумел приноровиться к ее голосу. В *Турке* В[олкова] тоже будет петь одну вставную арию, подходящую для ее голоса; эта ария написана Россини для одной из знаменитейших певиц, выступавших в этой опере. Она поет ее хорошо. Когда приедешь, Ты сам в этом убедишься. —

Я также думаю, что Ты не пропустишь возможности услышать п[анну] Зонтаг. — Как я благодарен этой панне Зонтаг! — Она уже, должно быть, в Гданьске, а оттуда едет к нам. — Тут у нас намечается масса музыки. И пан Вёрлицер, пианист его величества кор[оля] прусского, находится здесь уже две недели. Мальчик играет очень хорошо. Это еврейчик, а потому от природы очень смысленный, он хорошо выучил несколько вещей, которые сыграл нам. Он был у меня. Это еще совсем ребенок, ему шестнадцать лет. Его *fort** — *Вариации* Мошелеса на марш Александра². Он играет их превосходно и не оставляет, кажется, желать ничего лучшего. Он дважды выступал публично и оба раза играл эти *Вариации*. Когда Ты его услышишь, останешься доволен его игрой, хотя, между нами будь сказано, ему еще многого недостает для звания, которое он носит. —

* Конек (франц.).

Есть тут и другой — француз, некий Я[сновельможный] пан Стандт, который хотел дать концерт; он был у меня и решил отказаться от своего намерения. — Одна из приятных музыкальных новостей та, что пан Блахетка, отец той пианистки, написал мне из Вены, что приедет к нам, если я ему посоветую приехать на Сейм. Деликатное дело. Немцу хочется денег, а если случайно его надежды не осуществятся, то он будет на меня обижен; поэтому я незамедлительно ответил ему, «что меня уже давно спрашивают, не собирается ли он предпринять это путешествие, и что многие, а в особенности весь музыкальный мир, желал бы этого». Но вместе с этим я все же деликатно дал ему понять, что будет панна Зонтаг, что приедет Липиньский, что [в городе] только один театр, где расходы превышают сто талеров, что предполагаются балы, что приближается троица, что много гуляний и т. д., чтобы я не мог себя ни в чем упрекнуть. — Возможно, что он и приедет. Я был бы рад этому и со своей стороны сделаю все для нее [панна Блахетки], даже если бы пришлось играть [с ней] на двух панталеонах, потому что Ты не поверишь, как этот немец был ко мне добр в Вене. —

Костусь с Матерью в Ченстохове, они возвращаются на будущей неделе, и первого июня он сразу же отправится с Хубе через Берлин в Париж; там они пробудут два с половиной или три с половиной месяца и через Швейцарию поедут в Италию. — Я до сих пор не знаю, что будет с моей поездкой. Мне кажется, что в этом году вместо заграницы я дождусь лихорадки и на этом все кончится. Просижу июнь, просижу июль, и мне даже не захочется уезжать из-за... Ты уж, конечно, догадываешься, что ни из-за чего другого, а только из-за жары; в Вене итальянская опера начинается только в сентябре, как мне сказал вчера Хеннеберг, поэтому незачем и спешить, тем более что *Rondo* для нового *Концерта* еще не закончено, — а для этого необходимо вдохновение; я даже не спешу с ним, так как имея первое *Allegro*, об остальном не забочусь.

Я могу снова дать концерт, потому что еще не играл своих *Вариаций*, а они, как сообщил мне в письме Блахетка, недавно вышли, и Хаслингер с ними поехал на пасхальную ярмарку в Лейпциг. Надеюсь, что Магнус привезет их мне, возвращаясь из Вены (он поехал в Галицию по своим делам и должен был оттуда отправиться в Вену). *Adagio* нового *Концерта* в E-dur. Оно не мощное, а скорее романтическое, спокойное, меланхолическое и должно производить впечатление ласкового взора, устремленного туда, откуда всплывают в душе тысячи приятных воспоминаний. — Это словно грезы в прекрасную весеннюю пору, но при луне. Поэтому я ввел в аккомпанемент сурдины, то есть скрипки, приглушенные чем-то вроде гребешков, которые, охватывая струны, придают им какой-то носовой, серебристый тембр. — Может быть, это и плохо, — но к чему сты-

даться, если пишешь плохо помимо своего ведома? — Только исполнение покажет ошибку. — В этом Ты, наверное, усмотришь мою склонность делать дурно помимо моей воли. Так же, как помимо моей воли запало мне что-то через глаза в голову³, и я люблю себя этим тешить, может быть совершенно напрасно. Ты меня, конечно, поймешь. —

Я крестил вместе с пани Прусской сыночка N., который усыновлен; ты не поверишь, какой это красивый парень. — Сегодня в семь час[ов] утра панна Дюпон вышла замуж за пана Цеховского, брата пани Скродской⁴. — Доктор Биксель, тот старый шестидесятитрехлетний доктор, женился на семнадцатилетней девушке, племяннице своей покойной жены. Весь костел был полон любопытства, а Невеста удивлялась, что ее так жалеют. — Я знаю об этом со слов ее дружки, панны Мориоль, к которой сейчас, как только отнесу это письмо на почту, отправляюсь с визитом, потому что она [за мной] присылала; Ты знаешь, что это те амуры, в которых я очень охотно признаюсь, а следовательно, надо быть послушным и уважать покровы тайных чувств⁵. —

Знаешь, я не предполагал, что могу быть таким скрытным, каким оказался, коль скоро у меня нехватило духу доверить Тебе то, что меня огорчает. — Сегодня я в театре. Я [сновельможный] п[ан] Смоховский, новый трагик из Львова, выступит в роли Веровского⁶ в Терезе, сироте женевской⁷. Особых надежд на его игру я не возлагаю; посмотрю, что там будет. — Говорят, что приедет Паста, но я в это не верю. — Более достоверны слухи о приезде знаменитой (правда, уже отчасти в прошлом) певицы пани Мильдер-Хауптман, Ромберга, как говорят, тоже ждут. Пусть себе приезжают, я думаю только о Тебе и льщу себя надеждой, что на этот раз Ты будешь на моем концерте. Думаю, что в конце мая, то есть через две недели, я попробую дома первое *Allegro*. Выступаю я в начале июня, чтобы отделаться от этого до начала общих увеселений, объявленных в «Kurier [Warszawski]».

Итак, пиши мне, когда Ты наверняка будешь в Варшаве, потому что я был бы еще более огорчен, чем в первый раз, если бы мое выступление состоялось без Тебя. Нет, Ты не знаешь, как я люблю Тебя, этого я ничем не могу доказать, — а уж как давно я хочу, чтобы Ты знал об этом. Ах, чего бы я только не отдал за возможность пожать Твою руку. Не угадаешь... половину жалкой жизни.

Ф. Шопен.

Программу концерта я не сообщаю Тебе, так как сам еще ее не знаю. Постараюсь заполучить Тейхмана. Еще в моем втором концерте он должен был с Мейер петь дуэт из *Армиды*⁸, потому что он боится выступать соло; но, к сожалению,

неделей раньше этот дуэт пели [пани] Циммерман с Польковским, поэтому Курпиньский и не хотел, чтобы они [пели] то же самое, словно желая показать, что смогут спеть лучше. Я уже так много Тебе написал, а хотелось бы еще больше. Хотел было — так, для развлечения — послать Тебе новый вальс, но Ты его получишь только на будущей неделе.

Родители и дети сердечно кланяются. В том числе считается и пан Живный.

¹ Премьера оперы Ф. Паэра «Агнесса» в Варшаве состоялась 24 июля 1830 г. Шопен называл ее в письмах то «Агнешка», то «Анеля».

² Речь идет о фортепианных Вариациях И. Мошелеса на «Александров марш», пользовавшийся в те годы большой популярностью (Raisereinzugmarsch, исполнявшийся при вступлении союзных войск в Париж в 1815 г.).

³ Намек на чувство к Констанции Гладковской.

⁴ Сознательно искаженное по цензурным соображениям имя Адольфа Диховского, польского революционера, недавнего царского узника.

⁵ Встречи Ф. Шопена с А. де Мориоль позволяли ему скрыть свои чувства к К. Гладковской.

⁶ То есть в роли, которую постоянно исполнял Игнаций Веровский.

⁷ «Тереза, или Женевская сирота» (1820) — мелодрама М. Виктора.

⁸ «Армида» (1777) — опера Глюка.

62. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИН

Варшава, 5 июня 1830

Суббота, с[его] 5 июня 1830 г.

Дражайшая жизнь моя!

Ты пропустил пять концертов панны Зонтаг! — Но не расстраивайся, потому что Ты ее еще наслушаешься, если правда, что Ты приедешь тринадцатого. Тринадцатое приходится, кажется, на воскресенье, и Ты приедешь как раз к тому времени, когда я буду дома пробовать первое *Allegro* второго Концерта, воспользовавшись отсутствием панны Зонтаг, которая вчера сама сказала мне своим очаровательным ротиком, что уезжает в Фишбах по приглашению его величества короля прусского.

Ты не поверишь, какое удовольствие мне доставило более близкое знакомство с ней, то есть в комнате на диване, потому что Ты знаешь, что дальше мы не заходим с этой посланницей небес, как ее справедливо называли некоторые здешние почитатели. — К[ня]зь Радзивилл отрекомендовал меня ей с наилучшей стороны, за что я ему искреннейше благодарен. — Однако за время ее недельного пребывания у нас я не слишком много пользовался моим знакомством, поскольку видел, как ужасно она была замучена удивительно скучными визитами Каштелянов, Сенаторов, Воевод, Генералов и Адъютантов, которые сидели у нее только затем, чтобы заглянуть ей в глаза и поболтать о погоде. Она их всех принимает самым любез-

ным образом, потому что у нее такая добрая душа, что она не в состоянии быть нелюбезной. Однако вчера она, отправляясь в театр на репетицию, была даже вынуждена запереться в комнате, чтобы там надеть шляпу, потому что лакей в передней все время докладывал о новых посетителях. —

Я не попал бы к ней ни разу, если бы она не пожелала меня видеть по поводу одной песни, которую аранжировал для нее Радзивилл, а меня просил расписать ее. Это вариации на украинскую думку; тема и финал красивы, но средняя часть мне не нравится, так же, впрочем, как и панне Зонтаг; я ее немного изменил, но она все же звучит неважно. — Я доволен, что она уезжает после сегодняшнего концерта, так как я избавляюсь от этой заботы, а тем временем, быть может, придет к концу Сейма Радзивилл и откажется от своих вариаций¹. — Панна Зонтаг некрасива, но в высшей степени хороша. Она всех очаровала своим голосом, который хотя и не очень большого диапазона, так как она обычно берет:

но чрезвычайно отработан; ее *diminuendo* — *non plus ultra**, ее *portamento* — прелестны, а гаммы, особенно восходящие хроматические, более чем великолепны. Она нам спела арию МеркадANTE очень, очень, очень хорошо, *Вариации* Роде — превосходно, особенно последнюю с руладами; вариации на швейцарские темы так понравились, что на вызовы она в знак признательности, вместо глубоких реверансов, спела их еще раз! Неописуемая доброта!

Вчера с *Вариацией* Роде было то же самое. Она спела нам каватину из [Севильского] *Цирюльника*, ту знаменитую, и из *Сороки* [-воровки]; Ты можешь догадаться, как это отличается от всего, что Ты до сих пор слышал. Она пела арию из *Фрейшютца*, ту, что Ты знаешь, — сверхчудесно. — Я был у нее однажды и застал Соливу с паннами — они пели ей при мне тот его [Соливы] дуэт, который нечто *barbara sorte***, а в конце мажор, Ты, наверно, знаешь; панна Зонтаг сказала им, что их голоса надорваны и что их метода хороша, но звук нужно извлекать иным способом, если они не хотят совсем потерять голоса через два года. —

При мне она в глаза сказала Волковой, что у нее много легкости, много хороших приемов, но «une voix trop aigüe»***, и очень просила их чаще бывать у нее, обещав, по возможности, показать свои приемы. — Это — сверхъестествен-

* Верх совершенства (лат.).

** В варварском духе (франц.).

*** Слишком резкий голос (франц.).

ная любезность, это — кокетство, доведенное до такой степени, что оно уже переходит в естественность, потому что невозможно предположить, чтобы человек мог остаться столь естественным, не зная всех ресурсов кокетства. — В утреннем платье она в миллион раз красивее и привлекательнее, чем в парадном вечернем наряде, хотя ею очарованы и те, которые не видели ее утром. —

Вернувшись, она будет давать концерты до 22-го, после чего, как я слышал от нее самой, она думает отправиться в С[анк]т-Петербург. — Поэтому поспеши и приезжай, чтобы не потерять больше, чем те пять концертов, которые она уже дала. — Много говорят о том, что придет и Паста. Они будут петь вместе. — Здесь также некая француженка панна Бельвиль. Она очень хорошо играет на фортепиано, чрезвычайно легко, элегантно, в десять раз лучше Вёрлицера; в среду она дает концерт. Она принимала участие в том знаменитом музыкальном вечере при дворе, где была панна Зонтаг. Обе панны выступали. Был и Вёрлицер, но он там не так понравился, о чем я знаю от Курпиньского, который при дворе аккомпанировал панне Зонтаг. Удивлялись, почему я там не был, — я же не удивлялся². —

Сегодня в четыре часа пополудни Кочио Прушак уезжает с Хубе. Их провожают пани Прушак с Олесей и остальными до самого Ловича; оттуда на собственных лошадях они едут до Калиша, а далее с экстренной почтой. — Но еще немного о Зонтаг. — Есть у нее некоторые приемы *broderie** совершенно нового рода, которыми она производит огромное впечатление, но все же не такое, как Паганини³. Может быть, потому, что этот род [искусства] мельче. Кажется, что она веет на партер ароматом свежайших цветов, и чарует, и нежно ласкает, но редко волнует до слез. —

Радзивилл рассказывал, что она так поет и играет последнюю сцену Дездемоны в *Отелло*, что никто не может удержаться от слез. Недавно я спросил ее, не споет ли она нам эту сцену в костюме⁴ (потому что она, говорят, к тому же прекрасная актриса), она мне ответила, что, действительно, она часто видела слезы на глазах у зрителей, но игра на сцене ей так мучительна, что она дала себе слово выступать в ролях как можно реже. — Приезжай же отдохнуть от сельской страды на лоне дружбы; панна Зонтаг споет Тебе, и таким образом Ты наберешься новых сил для своей работы. Какая жалость, что вместо письма я не могу Тебе послать самого себя. Тебе я, может быть, и не нужен, но Ты мне нужен, и я жду Тебя со сбритыми усами.

Ф. Шопен.

Сегодня панна Зонтаг поет что-то из *Семирамиды*. Ее концерты коротки: обычно она поет четыре раза, и в промежутках

* Здесь — колоратурные украшения (франц.).

никто не выступает, кроме оркестра; и, действительно, после ее пения необходим отдых, так оно захватывает. — Панна из Консерв[атории] в этом месяце не выступают.

Панна Бельвиль играла мои *Вари[ации]*, изданные в Вене, и одну из них она даже знает наизусть⁵. Жаль, что уже негде писать, потому что мне не хочется отрываться от письма, расставаться с Тобой, — любишь ли Ты меня тоже?

Так как бумага просвечивает, то я вынужден сделать конверт.

Папа, Мама, дети, Живный и все [шлют привет].

Гонсё говорит, что когда Ты приедешь, он скажет Тебе то, что собирался написать.

¹ Вместо Вариации на тему украинской Думки Радзивилла Зонтаг пела специально для нее написанные Вариации на польские народные темы К. Курпиньского.

² К этому времени относится сближение Ф. Шопена с группой молодых польских революционных деятелей (М. Мохнацким, С. Гошиньским и др.), поэтому он стал гораздо реже появляться при дворе.

³ В дни коронации Николая I Н. Паганини дал в Варшаве десять концертов (с 23 мая по 19 июля, в Национальном театре). Ф. Шопен был на этих концертах, которые произвели на него большое впечатление (Шопен, впрочем, был знаком с произведениями Паганини за несколько лет до его приезда в Варшаву). К этому времени, возможно, относится написание его «*Souvenir de Paganini*» (Воспоминания о Паганини) *A-dur* (Вариации на тему неаполитанской песни «Венецианский карнавал»; написаны в 1829 г. [?]; изданы в 1881).

⁴ Арии из опер в то время нередко исполнялись на концертной эстраде в костюме и гриме.

⁵ Фортепианные произведения в сопровождении оркестра игрались в то время по нотам, поэтому Ф. Шопен подчеркивает, что А. Бельвиль могла играть одну из его Вариаций ор. 2 наизусть.

63. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИН

Варшава, 21 августа 1830

Варшава, суббота, 21 августа [1]830

Противный Лицемер!

Вот уже второе письмо, что я пишу Тебе. Ты не согласишься этому и скажешь, что Фрыц лжет, но на этот раз я говорю правду. —

Благополучно вернувшись с Бароном¹ в Варшаву, я сейчас же написал Тебе, но так как мои Родители были в Желязовой Воле², то вполне естественно, что и я лишь ненадолго задержался в Варшаве, оставив адресованное Тебе письмо, которое должно было быть отправлено на почту. Во вторник, вернувшись вторично, уже с Родителями, я нашел написанное Тебе письмо благополучно лежащим на том же самом месте рядом с чашками, где я его оставил, уезжая. Кароль, бывший у нас во время моего отсутствия, говорил мне, что видел это письмо лежащим на чашках. Но нет худа без добра. Может, в этом

письме я не стану Тебя так бранить, как в том, первом, когда в памяти были свежи Твои потужинские приключения.

Скажу Тебе откровенно, что мне приятно все это вспоминать — смутную тоску оставили во мне Твои поля, — и эта безреза под окном не выходит у меня из памяти³. А арбалет! — как это романтично! Как я помню этот арбалет. Ты меня столько из-за него терзал, — терзал за все мои прегрешения. — Но все же надо дать Тебе отчет за истекшее время, надо сообщить Тебе, когда я наверняка уеду, и написать Тебе о многих более важных вещах. —

Прежде всего, в Варшаве меня заинтересовала *Анеля*⁴. Я был на премьере. Гладковской немного недостает. На сцене она лучше, чем в [концертном] зале. Я уж не говорю о ее игре, — трагической, превосходной, так как тут нечего сказать, — что же касается пения, то если бы не подчас эти [неудачные] высокие *fis* и *g* — нам не надо было бы в этом роде ничего лучшего. Ты бы наслаждался ее фразировкой; она нюансирует великолепно, и хотя вначале при выходе голос у нее вибрировал, но потом она пела очень уверенно. Оперу сократили. Быть может, поэтому я не нашел в ней скучных длиннот. Наибольший эффект производит [вставная] ария Соливы во втором акте, хотя я и знал, что она может произвести эффект, но столь большого я не ожидал. Романсы, которые она поет во втором акте под аккомпанемент арфы (Эрнеман за кулисами, не нарушая впечатления, играл вместо арфы на фортепиано), в последний раз она спела очень хорошо. Я остался доволен. В конце *Анелю* вызывали и наградили щедрыми рукоплесканиями. Через неделю состоится ее дебют в роли *Фиовилии* в *Турке* [в *Италии*]. Волкова нравится больше. Надо Тебе сказать, что *Анеля* имеет ужасно много противников, которые сами не знают, за что бранят ее музыку. — Не спорю, итальянец⁵ мог бы выбрать для Гладковской что-нибудь получше. *Весталка*⁶, например, принесла бы ей, может быть, больше удачи, но и эта хороша, в ней много удивительных и трудных мест, превосходно переданных дебютанткой.

Щуровский ужасен; он подражает то *Тальма*, то *Кэмблю*, то *Девриенту*, то *Жулковскому*; просто не знаешь, что это такое, но он совершенно сумасшедший. — *Зданович*, по мнению Соливы, — *non plus ultra* *. *Саломонович* неудачна, *Невроцкая* манерничает, а *Жилиньский* на сцене мямлит. — Еще вчера на репетиции *Турка* [в *Италии*] он меня злил хладнокровием, с каким отсчитывал палочные удары турку. — Волкова пела хорошо, играет она тоже очень хорошо — это роль, которую она безусловно, сумела бы верно сыграть. Может быть, на публику она производит большее впечатление глазами, чем голосом. Она несколько раз поднималась до высокого *d* очень чисто и уве-

* Верх совершенства (лат.).

ренно. Я не сомневаюсь, что она нравится больше Гладковской. — Квнтет шел великолепно. Генерал⁷ был доволен.

Костусь с Кинцелем во Франкфурте, они возвращаются через Милан, Триест, Вену. Хубе еще остается и только пятнадцатого следующего месяца будет в Риме. А я что делаю? — В будущем месяце я уезжаю, — день пока неизвестен, — но сначала я должен попробовать свой *Концерт*, потому что *Rondo* уже окончено. Завтра у меня будут Качиньский и Белявский. В десять часов утра в присутствии Эльснера, Эрнемана, Живного и Линовского я буду инкогнито пробовать свой *Полонез* с виолончелью и *Трио*. Будем играть не на живот, а на смерть. По этой причине я никого не пригласил, кроме названных выше и Матушиньского, который один только и остался мне постоянно верен и не такой неискренний Лицемер, Шельма, Негодяй, как — догадайся кто! —

Костусь передал мне привет через панн Пальчевских. [Панни] Прушак в Мариенбаде — поехала туда пить воды, и Млечко тоже. Мой любимец Петрусь Дзев[ановский] остался по дороге в Рейнерце и пьет там сыворотку. — Оборского я видел в [театре] «*Rozmaitości*» — он был хорош. — Валерий с бриллиантовыми пуговицами, с видом банкира фланирует по улицам. Винценты все такой же хороший, как всегда, все тот же превосходный чиновник. Лончиньского, который, наверно, все еще сидит у Тебя, что и я бы сделал на его месте, я видел на другой же день по приезде в Варшаву, о чем он, вероятно, Тебе говорил. Барон отсиживает сессию, он живет у Конти, и после его возвращения я видел его только раз; знаю от него, что его мать все еще больна. Каштеляна видел вчера; мы говорили с ним о Тебе. — Кароль уже, наверное, уехал, он должен был вернуться в свое имение. —

Сегодня *Гамлет*, я иду на него. Вчера Панна *Риволи*, новая Корова, выступила в роли (Олеси Прушак) в *Les premires amours*⁸, переведенной Гашиньским. Твою роль Нивиньский играет хорошо, роль Кочиа Ясиньский играет лучше, чем он, мою — играет Шимановский почти так же, как я, но страшно далеко от Героха, а Кратцер за всю жизнь не мог выдумать лучшего средства для изгнания крыс. Кухарский, напротив, *c'est du Cherubini**. —

Спешу, так как сам отнесу письмо на почту, чтобы оно, бедненькое, не осталось, как его брат, дома. На будущей неделе я снова не смогу удержаться, чтобы не выбрать Тебя за то, что пришлось написать сегодня, а засим довольно. — Я не хочу от Тебя ничего, даже рукопожатия; Ты мне уже навеки опротивел, исчадие ада. Поцелуй меня.

Ф. Шопен.

* Врде Керубини (франц.).

Если для меня есть какие-нибудь письма, то отошли их retro *. — Извини меня за написанное, сегодня я еще глупее, чем обычно. Папа и Мама, и сестрички — все Тебе сердечно кланяются.

¹ Барон Мальсдорф.

² У Шопенов в Желязовой Воле кроме Скарбков были еще какие-то родственники, у которых они, случалось, останавливались.

Житель Желязовой Воли, ровесник Ф. Шопена, крестьянин Антоний Крысяк много лет спустя вспоминал, что в летние дни из дома выносили инструмент и люди сбегались, чтобы послушать играющего Шопена: «...В саду раздавалась музыка, так что люди прибегали даже из соседних деревень, чтобы послушать гостя из Варшавы» (см.: Chopin w kraju, s. 68).

³ В июле Ф. Шопен отдыхал у Тытуса Войцеховского; он вернулся в Варшаву к дебюту К. Гладковской. Инструмент, на котором Шопен играл в Потужине, погиб во время Первой мировой войны.

⁴ См. коммент. 1 к письму 61.

⁵ Итальянец — К. Солива.

⁶ «Весталка» (1805) — опера Г. Спонтини, впервые поставленная в Варшаве в 1821 г.

⁷ Александр Рожнецкий.

⁸ «Первая любовь» — комическая опера Кухарского по водевилю Э. Скриба.

64. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИН

Варшава, 31 августа 1830

Пока еще Варшава, во вторник 31/VIII,
[18]30

Дражайший Тычѐ!

Твое письмо уже потому мне было нужно, что, получив его, я избавился от насморка. Если бы и мои письма могли иметь столь же целебные последствия! Если бы после их прочтения исчезли фальшь и лицемерие, — как бы меня это обрадовало. Что же касается настоящего письма, то я уверен, оно не приведет к подобному результату, а, как мне думается, наоборот, вызовет новые проступки и пробудит гнев в этом львином сердце; хорошо еще, что я нахожусь на расстоянии сорока миль, а то, быть может, жестокая месть тотчас же обрушилась бы на меня. Прегрешение велико, но все же мило сердцу провинившегося; я все еще сижу в Варшаве, — и ей-богу — ничто меня не тянет за границу.

Можешь мне верить, что на будущей неделе, то есть в сентябре (так как завтра — первое), я уеду, — но уеду по требованию своего призвания и рассудка (который, видимо, очень мал, если он бессилен преодолеть все остальное в моей голове). — Отъезд приближается, и вот почему я хочу уже на этой неделе пробовать с квартетом весь Концерт¹ так, чтобы квартет

* Обратно (лат.).

успел со мной сговориться, — и немножко освоиться, без чего, как говорит Эльснер, репетиции с оркестром не пойдут сразу на лад. Линовский впопыхах переписывает, и уже начал *Rondo*. В прошлое воскресенье я пробовал *Трио*; не знаю, быть может, потому что я давно его не слышал, но я остался почти доволен собою (счастливый человек!). Мне, однако, пришла при этом в голову мысль, чтобы вместо скрипки употребить альт, потому что у скрипки ярче всего звучит квинта, которая у меня очень мало использована. Альт будет звучать сильнее по отношению к виолончели, партия которой написана в свойственном ей регистре; так и следует печатать². Это обо мне.

Теперь о других музыкантах, — Ты скажешь, что и тут я придерживаюсь правил эгоизма, внушенных мне Тобою. В прошлую субботу Солива выпустил панну Волкову, которая своим кокетством, хорошей игрой и очень красивыми глазками и зубками очаровала все кресла и партер. Она была так красива, как ни одна из наших актрис; в первом акте я не узнал ее голоса. Она, роскошно одетая, вышла, словно прогуливаясь по берегу моря... с лорнеткой в руке, стреляя глазками... она двигалась по сцене с таким вкусом, что никто бы не поверил, что это дебютантка. Но, несмотря на шумные аплодисменты и вызовы, она так испугалась, что я узнал ее лишь во втором акте в арии, спетой все же не так хорошо, как позавчера на втором представлении, когда уже и первый акт прошел хорошо. В отношении пения Гладковская стоит несравненно выше³. Я не предполагал, сколь велика разница, до того как увидел Волкову на сцене.

Мы с Эрнеманом решили, что она [Волкова], в отношении чистоты и интонации и того высокого чувства, которое владеет ею на сцене, не будет второй Гладковской. Волковой иногда случается детонировать, между тем как та, которую я также два раза слышал в *Анеле*, не взяла ни одной сомнительной нотки. Когда я третьего дня [их] видел, я передал им Твои поздравления, за которые они просили Тебя очень поблагодарить. Волкову, как мне говорил Целинский, принимали блестяще, куда лучше, чем другую, и это, по-видимому, небезразлично итальянцу, так как вчера он сказал мне, что ему не хотелось бы, чтобы эта нравилась больше той, но, тем не менее, он видит, что так случится. Однако это следует отнести за счет *Турка [в Италии]*, а вернее, Россини, который производит на нашу публику (очарованную к тому же туалетом молодой девушки и тем, что под туалетом) более сильное впечатление, чем жалобы несчастной дочери и все прекраснейшие экстазы Пазра. Гладковская вскоре должна выступить в *Сороке [-Воровке]*⁴. Это «вскоре» наступит, верно, тогда, когда я уже буду за укреплениями⁵. Может быть, Ты в это время окажешься в Варшаве и тогда сообщишь мне свое мнение. Третья ее роль будет в *Весталке*. Что будет играть Волкова, не знаю.

Недавно я был также вторично в лагере у ген[ерала] Шембека. Надо Тебе сказать, что он постоянно живет в Сохачеве и сговорился с Михалом, что тот привезет меня к нему. Когда же из этого, однако, ничего не получилось, он прислал за мной своего адъютанта Чайковского, брата той панны Чайковской, которая играет и млеет, и тот привез меня к нему. Шембек очень музыкален, хорошо играет на скрипке, когда-то учился у Роде, заядлый паганинист и, следовательно, относится к числу хороших музыкантов. Он велел выступить своему оркестру, который упражняется все утро, и я услышал удивительные вещи. Все это на трубах, называемых бюгель [горнами]⁶; кто бы мог подумать, что они исполняют хроматические гаммы, так быстро, как только можно, делая при этом *diminuendo* вниз. Нельзя было не похвалить солиста; бедняга, видимо, уже недолго сможет служить, потому что у него вид чахоточного, хотя он еще довольно молод.

Я был очень удивлен, услышав каватину из *Немой* [из *Портичи*], исполненную на этих трубах весьма аккуратно и со всеми оттенками. У него в лагере фортепиано, и не знаю как, но, ей-богу, он меня понял, а не притворялся. Наибольшее впечатление на него произвело *Adagio*; он так занимал меня, что я даже опоздал на *Турка* [в *Италии*]. А *propos*, в одной берлинской газете есть очень длинная статья о музыке в Варшаве. Сначала речь идет об *Анеле*, которую справедливо хвалят как за пение и чувства, так и за игру, а потом дальше говорится: «Эта молодая артистка вышла из института, основанного под руководством п[ана] Эльснера и п[ана] Соливы. Первый из них, профессор композиции, воспитал нескольких учеников, и среди них п[ана] Орловского, п[ана] Шопена и других, которые со временем могут способствовать» и т. д. и т. д. Черт побери такого товарища. «*On vous a joliment collé*»*, — сказал мне нараспев красноглазый Буке, а Эрнеман добавил, что я должен почесть за счастье фигурировать на втором месте. Об этих учениках в статье больше ничего не говорится, и затем она кончается так: «Оценку трудов Я[сновельможных] п[анов] Эльснера, п[ана] Соливы и п[ана] Курпиньского откладываем до другого раза». Поразительная глупость какого-то варшавского умника.

Я чуть было не забыл о Ринальди — ради бога, пришли мне эту книжку или с Лончиньским или как-нибудь иначе, а то итальянец не дает мне покоя; черт меня догадал забыть эту книжку, уезжая из Потужинского Царства. Костусь, как сказал мне старый Прушак, в будущем месяце будет с Кинцелем в Вене, потом встретится с матерью в Дрездене и вернется [с ней] в Варшаву, а Хубе тем временем будет порхать по Италии. — У меня даже голова начинает болеть, когда я подумаю об Италии, мне кажется, что...

* А вас здорово прохватали (франц.).

Но довольно глупостей; прости, милый, что я, как всегда, написал Тебе сам не знаю что, но у Тебя достаточно дохода с гречки, чтобы заплатить за письмо⁷, даже в том случае, когда оно не содержит ничего другого, кроме кусочка бумаги из моих рук, и моей подписи, а этой подписью я всегда готов скрепить за Тебя адский договор. Вчера я долго беседовал с Вин[центы] Скаржиньским. Он любит Тебя и много расспрашивал о Тебе. Все мне говорят об Олесе и никто о некоей особе⁸. А меня радует, что в моем сердце погребена тайна и что во мне конец того, начало чего находится в Тебе. Радуйся, что я для Тебя как бездна, в которую Ты можешь бросать все без опасения, как бы в свое второе «я», потому что Твой дух давно покоится там на самом дне. Я храню Твои письма, как ленточку от возлюбленной. У меня есть ленточка⁹; напиши мне, через неделю я буду снова с Тобой нежничать

Твой навсегда
Ф. Шопен.

Родители и сестры шлют самые искренние приветы. Людвика благодарит Тебя за поздравление, которые я ей прочитал¹⁰. Живный велел Тебя обнять, знакомые, как Макс, Солива и т. д., шлют поклоны.

Мне еще жаль расставаться с письмом. Представь себе, панна Ф. непременно хочет, чтобы я занялся ею, учил играть на фортепиано, да ну ее к черту. Папа не возражает и несколько раз отправлял меня к ней; она бывает у меня, но меня к ней не тянет. Бедная девушка должна играть в концертах, а ничего не умеет; я ей советовал Эрнемана, а Эрнеман не захотел и посоветовал Добжиньского — говорит, что она из Литвы и тот из Литвы — сговорятся. Это все чепуха.

¹ Концерт е-moll ор. 11.

² Речь идет о Трио g-moll ор. 8, изданном в 1833 г. как Трио для скрипки, виолончели и фортепиано. Намерение Шопена заменить скрипку альтом не было осуществлено.

³ Данное суждение Ф. Шопена полностью совпадает с оценкой этих певцов, данной К. Курпиньским в его «Дневнике» (см.: Hoesick F. Chopin, t. 1, s. 299).

⁴ «Сорока-воровка» (1817) — опера Дж. Россини.

⁵ То есть вне Варшавы.

⁶ Бюгельгорн — инструмент, близкий к валторне.

⁷ В ту пору письма и прочие почтовые отправления оплачивались не отправителем, а адресатом. Оплата была сложной, — она зависела и от расстояния, и от числа листов.

⁸ Намек на панну Полетылло, в которую был влюблен Тытус Войцеховский; впоследствии — жена Т. Войцеховского.

⁹ Ленточка, полученная от Констанции Гладковской.

¹⁰ Поздравление по случаю именин (25 августа).

65. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИН

Варшава, 4 сентября 1830

Суббота, кажется 4-е

Дражайший Тычѣ!

Говорю Тебе, лицемер, что на меня уже находят приступы ярости более сильные, чем обычно. — Я все еще тут, — нет у меня сил назначить день [отъезда]; мне представляется, что я уезжаю, чтобы навсегда забыть о доме; мне представляется, что уезжаю, чтобы умереть, — а как, должно быть, горько умирать на чужбине, не там, где жил. Как ужасно мне будет видеть у смертного ложа вместо родных равнодушного врача или слугу. — Поверь, — уже не раз я бы наведалься к Ходкевичу, чтобы возле Тебя искать успокоения¹; а так — выхожу из дома, иду по улице, тоскую и снова возвращаюсь домой, — зачем? для того, чтобы хандрить. Концерта² я еще не пробовал; что бы ни было, а до Михайлова дня³ покину все свои сокровища и буду в Вене, осужденный на вечные вздохи. Что это за наваждение? — Ты, который так хорошо знаешь его силу, растолкуй мне, почему это человеку кажется, что завтра будет лучше, чем сегодня? Не дури, вот и весь ответ, какой я сам себе могу дать, — если у Тебя есть другой, сообщи мне его.

Орловский в Париже; Норблин обещал ему к Новому году достать место при театре des Varietés. Лесюэр принял его хорошо и обещал подумать о его музыкальном образовании. Коллега, если захочет, далеко пойдет. Мои планы на зиму таковы: пробуду два месяца в Вене, потом в Италию, чтобы просидеть зиму в Милане. Письма мне будут пересылать. Панна Мориоль позавчера вернулась с вод. Людвик Рембелиньский в Варшаве; я видел его у Lourse'a⁴, где вместе с Эрнеманом попал на диспут о Турке [в Италии] и Агнешке, об итальянце и поляке⁵. Солива все дирижирует операми, в которых выступают его панны; увидишь, как мало-помалу он оседляет Курпиньского; одна нога у него уже в стремени, а поддерживает его бравый уса́тый кавале́рист⁶. Осиньский тоже на его стороне.

Пальстет видел Раставецкую за несколько дней до ее смерти и говорил, что она сознавала свое положение. [Пани] Пальстет просила Тебе передать, что она сердится на Тебя за то, что Ты не привез меня силой в Телятин. Это бабьи поддразнивания, которые, чем старше женщина, тем становятся несноснее для того, кто любит пикироваться только с кем-нибудь одним.

Сегодня в театре альпийские певцы⁷ — вроде тех тирольцев, что были два года назад. — Ты, вероятно, помнишь. Грессер сказал мне, что они хуже, а «Kurier Warszawski» говорит, что они лучше. Сегодня туда не пойду; я предпочитаю послушать их в среду в Ресурсе в Мнишковском дворце. Будет большой

вечер, и они там будут петь в саду. Вин[центы] Скаржиньский сказал мне, что они проиграли процесс, возникший между двумя стопами Ресурсы⁸; то есть между Зейдлером, Закжевским и др., — и — Штейнкеллером, Желязовским и др.; его партия проиграла, но будет апеллировать. Их называют медовыми потому, что они живут на Медовой улице, а штейнкеллеровцев называют мнишковскими. Это разъяснение было необходимо, чтобы объяснить Тебе, что проиграли медовые, хоть и несправедливо.

Бухгольц закончил свой инструмент à la Штрейхер⁹, на нем хорошо играть, и он лучше, чем его «венские», однако ему еще далеко до настоящего венского инструмента. Сегодня я закончу свое письмо ничем, даже хуже чем ничем, потому что тем, что здесь написано; и это оттого, что уже половина двенадцатого, а я сижу не одетый и пишу, в то время как меня ждет Мориолька, а затем надо к Целинскому на обед, а позже я обещал быть у Магнушевского. Таким образом, я не успел бы вернуться до четырех и заполнить до конца эту четвертушку, пустота которой заставляет меня болеть и страдать, но не могу с этим ничего поделать. Что бы я ни писал Тебе, полагаю, что все же хорошо, что пишу.

В нынешнем письме я не должен увлекаться, так как если бы я дал себе волю, то Мориолька так бы меня сегодня и не дождалась, а я как-никак люблю доставлять удовольствие и другим достойным людям, когда уверен в их расположении. После возвращения я еще не был [у нее] и признаюсь Тебе, что не раз сваливал на нее причину своей печали¹⁰, во что, по-видимому, верят, а внешне я спокоен. Отец рассмеется, в то время как ему хочется плакать, — и я рассмеюсь, но тоже для вида.

Мой милый, мы едем в Италию; через месяц, считая с сегодняшнего дня, Ты не получишь письма из Варшавы, а может быть, и ниоткуда не получишь; и до тех пор ничего обо мне не узнаешь, пока мы не увидимся. — Вот подобные чепуха и вздор — единственное, на что я способен, но [неспособен] тронуться из города — и с Тобою было бы то же самое. Я Тебя дождусь. Я буду получать письма: «теперь заканчиваю мельницу, вот винокуренный завод строю, — тут шерсть, там ягнята, наконец, наступает пора второго сева», а на самом деле Тебя будут задерживать не мельница, не винокуренный завод, не шерсть, а... нечто совсем другое. Человек редко бывает доволен; может быть, в этой жизни ему суждено радоваться только несколько мгновений, так зачем же лишать себя иллюзий, которые и без того недолговечны. — Насколько, с одной стороны, я признаю общественные взаимоотношения священными, настолько, с другой, я утверждаю, что они — дьявольское измышление и было бы лучше, если б люди не знали ни денег, ни шпорожных, ни башмаков, ни шляп, ни бифштеков, ни блинчи-

ков и т. д. так, как это знают на этом свете. Это уже самое печальное из моих размышлений; я знаю, что Ты придержи- ваешься того же мнения и предпочел бы вовсе не знать [всего этого].

Иду умываться, — не целуй меня сейчас, потому что я еще не умывался. — Ты? Даже если бы я умастился византийскими благовониями, то и тогда Ты меня не поцелуешь, если бы я не принудил Тебя к этому магнетическим внушением. В природе есть некая сила. Сегодня Тебе приснится, что Ты меня целу- ешь. Я должен отплатить тебе за отвратительный сон, какой Ты на меня наслал сегодня ночью.

Ф. Шопен,

остаюсь навеки поклонником олицетворенного Лицемерия. А pporos: напиши мне и не забудь Ринальди; вот и все.

Мама и Папа шлют Тебе сердечные поклоны. Дети даже сошли вниз, чтобы я [о них] не забыл, а Ты, пожалуйста, на- пиши, что я забыл Тебе передать от них поклон. Живный всегда напоминает мне о своем поклоне. Итальянец Солива спрашивал меня, когда Ты будешь в Варшаве, и низко кла- няется Тебе. [Пани] Линде в Гданьске. Твоей сестры я в Вар- шаве не видел. [Пани] Плятер вернулась.

¹ Ф. Шопен хочет сказать: навестил бы Т. Войцеховского, который в Варшаве обычно жил в доме Ходкевича.

² Концерт e-moll op. 11.

³ То есть 29 сентября.

⁴ Lourse (по имени владельца Лаврентия Лурса) — кофейня и кон- дитерская на Краковском Предместье; Лурс выписывал много французских газет.

⁵ Итальянец — К. Солива; поляк — К. Курпиньский.

⁶ А. Рожнецкий.

⁷ Речь идет о странствующем музыкальном ансамбле, неоднократно концертировавшем в Польше и выступавшем 8 сентября 1830 г. в зале Купеческого собрания.

⁸ Ресурса — Купеческое Собрание. Организовано по инициативе купца Зейдлера на Медовой улице: в январе 1830 г., ввиду раскола, возникло второе Купеческое собрание, разместившееся в Мнишковском дворце на Сенатской улице.

⁹ Инструмент — по образцу венской фортепианной фабрики Штрейхе- ра. В своих последних концертах в Варшаве Ф. Шопен играл на инстру- ментах Бухгольца.

¹⁰ См. коммент. 5 к письму 61.

66. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИН

Варшава, 18 сентября 1830

Варшава, с[его] 18 сентября 1830

Дражайшая жизнь моя! Противный лицемер! Омерзитель- ный, отвратительный Граф Ори! Абеляр и т. д.

Не знаю уж почему, но только мне хорошо, и Отец с Ма- терью довольны этим. Я получил через П[олетылло] и письмо

и книгу; Ты не мог сделать лучше, чем прислать эту книгу, а то итальянец на улице всякий раз морочил мне голову.

В прошлую среду я с квартетом пробовал свой *Концерт*. Я остался доволен, но не слишком.— Говорят, что последняя часть самая красивая (потому что самая понятная). О том, как выйдет с оркестром, напишу Тебе на будущей неделе, потому что я буду пробовать его в эту среду. Завтра хочу еще раз проиграть с квартетом.— После репетиции я уеду, но куда? — меня как-то ничто никуда не тянет. В Варшаве я все же оставаться не думаю, и если у Тебя возникают по этому поводу какие-нибудь романические подозрения, впрочем, как и у многих в Варшаве, то отбрось их и убедись, что я сумел бы стать выше всего там, где дело касается моего я, и если бы я был влюблен, то еще в течение нескольких лет смог бы скрывать свою бессильную и жалкую страсть. Суди как хочешь, но письмо, которое я передаю Тебе через графа, — я позавчера встретил его на Подвале¹, и он обещал до своего отъезда осчастливить наш порог своей толстенькой персоной, — лучше всего объяснит Тебе положение вещей.

Я не хотел бы ехать вместе с Тобой. Я не преувеличиваю, но при всей моей любви к Тебе, то прекрасное мгновение, когда мы с Тобой в первый раз обнялись бы за границей, исчезло бы среди тысячи однообразно проведенных дней. Я уже не мог бы Тебя поджидать, не мог встретить, не мог болтать с Тобой так, как это бывает, когда радость преграждает доступ всем холодным, натянутым словам и сердце говорит с другим сердцем на некоем божественном языке. Божественные языки! Что за неудачное выражение, вроде божественных пупков или божественных печенок; это ужасно, материально-безобразно. — Но вернемся к той минуте, когда я Тебя там увижу. Тогда я, пожалуй, не выдержу больше и проболтаюсь о том, о чем всегда грежу, что у меня всегда перед глазами, что я, не переставая, слышу и что доставляет мне самую большую на свете радость и глубочайшую печаль. Не думай, однако, что я влюблен, — это я приберегаю себе на потом.

Я начал *Полонез* с оркестром²; но он едва начат, — почин есть, но нет начала. — О Каменьском я думаю теперь иначе, чем судил о нем в деревне. И об этом Ты узнаешь подробнее от П[олетылло]. Сегодня пишу Тебе поэтому *anticipando**, чтобы Тебя успокоить, что я не уеду раньше Михайлова дня. Это единственное, что ясно. Вижу, как Ты швыряешь мое письмо и краснеешь от злости. [Живем,] братец, не так, как хотим, а как можем. Не думай также, что я задерживаюсь по карманным причинам. И хотя это аргументы не слишком важные, потому что в той мере, в какой они имеют значение, чтобы могли на что-нибудь пригодиться, они [деньги], по милости

* Заранее (итал.).

божьей, есть — и нечего о том беспокоиться. Итак, трудно предохранить себя от места, отведенного мне берлинской газетой³. К счастью, венская [газета] в рецензии на мои *Вариации* написала обо мне иначе. Коротко, но так содержательно, возвышенно, глубоко и притом философски, что этого нельзя перевести. Заканчивают словами, что эти *Вариации*, кроме внешнего изящества, обладают внутренними достоинствами, которые останутся навсегда⁴. — Немец написал мне комплимент; когда увижу, поблагодарю его. Впрочем, там нет никаких преувеличений, написано так, как я сам этого желаю, — потому что там признается моя самостоятельность. — Другому я не стал бы так распространяться о себе, но так как Ты меня интересуешь, то и я хотел бы Тебя интересовать, вот и расхваливаю себя, как купец, навязывающий свой товар. —

Второе место после Орловского для меня ни много, ни мало. Нынче в первый раз дают его новый балет с громадными машинами пана Лебень⁵. Предсказывают, что это будет необыкновенно. — Вчера я был на именинах этого толстяка Цихоцкого. Я играл *Quintetto* Шпора для фортеп[иано], клар[нета], фаг[ота], валторны и флейты. Прелестный. Но для пальцев ужасен. Все, что он специально хотел написать для фортепиано в виде виртуозных номеров, невыносимо трудно, и часто невозможно найти аппликатуру. Этот *Квинтет* должен был исполняться в семь часов, а мы его начали только в одиннадцать. Ты удивляешься, как я не заснул! Но там была такая хорошенькая панна; она очень напоминала мне мой идеал. Представь себе, я там сидел до трех. *Квинтет* оттого начался так поздно, что репетиция балета продолжалась до одиннадцати. Отсюда можешь заключить, какой это огромный балет. Сегодня им придется попрыгать.

Вчера написал Бартку в Лондон. Антось Водзиньский вернулся из Вены. Я поеду туда непременно, но не могу Тебе пока сообщить день [отъезда]. Совсем уже было собрался ровно через неделю тронуться краковским дилижансом, но раздумал. Я знаю, что Ты считаешь меня совершенно твердым в этом отношении. Пожалуйста, будь уверен, что и я тоже думаю о своей пользе, и, ей-богу, пожертвую ради нее всем, что делается для людей. Для людей! То есть для людских глаз, чтобы общественное мнение, которое у нас много значит, никогда не содействовало бы моему внутреннему несчастью, а только внешнему. Потому что люди часто называют несчастьем дырявый сюртук, старую шляпу и подобные вещи. —

Когда мне нечего будет есть, Тебе придется взять меня писцом в Потужин; я буду там жить около конюшни, и рядом с Тобой мне будет ничем не хуже, чем в этом году у Тебя в господском доме. Было бы здоровье, — я буду работать всю жизнь. Я уже не однажды раздумывал о том, неужели же я действительно лентяй, или же я должен работать больше, чем

позволяют мне мои физические силы. — Не шутя, я убедился, что я еще не из самых последних бездельников и смогу, когда нужда заставит, работать вдвое больше, чем теперь. Ты согласишься, что ничто не обличает меня так, как то, что я оправдываюсь. Напрасно, я знаю, что я Тебя люблю, и хотел бы, чтобы и Ты меня любил всегда, и все больше и больше, поэтому я и намарал столько. Часто, желая сделать лучше, делаешь себе хуже. Но я думаю, что для Тебя я не могу быть ни хуже, ни лучше, чем я есть. —

Симпатия, которую я к Тебе питаю, сверхъестественным образом принуждает твое сердце к такому же чувству симпатии [по отношению ко мне]. Ты не господин своих мыслей, я же господин моих и не позволю бросить меня, как деревья позволяют лишиться себя той зелени, которая составляет признак их свежести и жизни. У меня и зимой будет зелень. Молодо-зелено в голове; в сердце же, ей-богу, — величайший жар, так что и не удивительно, что все столь буйно распускается. Довольно! Напоследок поцелуй меня. Навсегда Твой

Ф. Шопен.

Только сейчас вижу, сколько вздору я Тебе наплел. Видно, вчерашние впечатления и то, что я не выспался, оказывают свое воздействие; прости мне и мою усталость, ведь я вчера танцевал мазурку.

Мама и Папа крепко Тебя обнимают. Дети тоже; Людвика прихварывает, будем надеяться, что скоро поправится.

Встретил председателя, который радуется приезду графа и передает Тебе через него письма, или посылочки, или еще что-то из Гданьска. Валерий — все тот же Валерий. У него умерла соседка, Панна Колубакина. Винценты здоров, очарователен. Костусь, кажется, вместе со всеми в Дрездене.

Приехала Соколовская. Она все хворает. Твои письма у меня на сердце, рядом с ленточкой — и хотя они незнакомы друг с другом, но (эти мертвые вещи) чувствуют, что получены из знакомых рук.

¹ Улица в Варшаве, в Старом городе.

² Полонез (Большой блестящий) Es-dur op. 22; издан с Andante spianato в 1836 г.

³ См. письмо 64.

⁴ Рецензия о Вариациях op. 2 появилась в № 32 венского «Allgemeine Musikalische Anzeiger» (7 июля 1830 г.). Ф. Шопен, по-видимому, имеет в виду следующее место из этой рецензии: «Это оригинальное произведение мы слышали в исполнении его талантливого автора. Удовольствие, полученное от мимолетного знакомства, настолько усиливается при более глубоком ознакомлении, что мы приходим к выводу, что молодой композитор, не пренебрегая блестящей внешней формой, серьезно стремится к тому, чтобы придать своим композициям черты подлинной и глубокой оригинальности и благодаря этому обеспечить им длительную ценность, по крайней мере, в глазах знатоков...»

⁵ Балет А. Орловского «Młoda bohaterka, czyli oblężenie twierdzy» («Молодая героиня, или Осада крепости») в инсценировке француза Лебенье; в постановочный реквизит входили осадные машины.

67. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИН

Варшава, 22 сентября 1830

Варшава, в среду утром, 22/9 [1] 830

Дражайшая жизнь моя!

С оказией¹ мне легче объяснить Тебе, почему я все еще здесь. Отец действительно не хотел, чтобы я уехал недели две назад, ввиду беспорядков, происходивших по всей Германии, не считая прирейнских провинций, Саксонии, где у них уже новый король, Брауншвейга, Касселя, Дармштадта и т. д.² Ходили слухи, что в Вене из-за мук³ начались волнения, в которых участвовало несколько тысяч человек. Причем тут мука, не знаю, но знаю, что что-то было. В Тироле тоже были беспорядки. В Италии брожение, и, как говорил мне Мориолло, оттуда каждую минуту ждут новых известий подобного рода.

Я еще не хлопотал о паспорте, но говорят, что мне бы дали только в Австрию и Пруссию³, а об Италии и Франции нечего и думать. Я знаю, что нескольким лицам вообще отказали в паспорте, чего со мной, вероятно, не случилось бы. Итак, наверно, через несколько недель я поеду через Краков в Вену, потому что там снова обо мне вспомнили, и, значит, надо этим воспользоваться⁴. Не удивляйся поэтому ни мне, ни Родителям. Вот и вся история. —

Вчера у меня был П[олетылло]; завтра рано утром он уезжает, и так как я пробую сегодня второй Концерт с полным, за исключением труб и литавр, оркестром, то, чтобы доставить Тебе удовольствие, я пригласил его; пусть он Тебе тоже расскажет. Я знаю, что в этом вопросе Тебя интересуют мельчайшие подробности. Жаль, что Тебя нет и что я должен буду судить о Концерте по эрнемановским отзывам. Будут и Курпиньский, и Солива, и весь избранный музыкальный мир, но этим господам, за исключением Эльснера, я не очень-то верю. Мне любопытно, как посмотрит Итальянец на Капельмейстера⁵, Чапек на Кесслера, Филипп на Добжиньского, Мальсдорф на Качиньского, Леду на Соливу и п[ан] П[олетылло] на всех остальных. Еще не приходилось видеть всех этих господ собранными в одном месте. У меня это удастся сделать, и я это делаю ради диковинки.

Из дипломатических новостей самая свежая та, что пан Дюран, бывший французский консул, протестовавший против Филиппа и хотевший поступить на русскую службу, отозван назад во Францию, а на его место вчера уже приехал новый трехцветный консул, фамилии которого еще не знают даже дипломаты⁶. —

Есть здесь также новый бас, Пан Бондасевич, который уже два раза в *Турке* [*в Италии*] и в [*Севильском*] *Цирюльнике* неудачно заменял *Щуровского* и показал себя дураком. Кроме имеющегося *sourçon** на голос, у него нет ни малейших достоинств. Он поет довольно чисто, пожалуй, только это одно и побудило капельмейстера выпустить его на первую польскую сцену. Надо Тебе сказать, что сей пан Бондасевич, которого наша публика переименовала уже в Бринда, Банда и Бомбасевича, когда-то в провинции приводил слушателей в восторг. Но у нас он до того плох, что приходится замедлять все темпы, а то он не поспевает. Может быть, он еще разовьется, потому что он не стар. *Щуровский* болел, поэтому он и заменял его. Хорошо, что он уже выздоровел и сможет в воскресенье выступить в *Сороке*[-воровке], в которой панна Гладковская под управлением Курпиньского будет петь Анусю (или там кого-то еще). Это не помешает Итальянцу через несколько лет занять место капельмейстера, потому что Курпиньсё хлопочет о месте в Петербурге (сообщено мне по секрету)⁷. После выступления панны Глад[ковской] в *Сороке*[-воровке] панна Волкова выступит в [*Севильском*] *Цирюльнике*, чего я, вероятно, уже не услышу. Знал ли Ты Войцицкого? — нет, не знал, поэтому я Тебе ничего о нем не напишу.

Я уже закончил второй *Концерт*, а все такой же *hebes***, как до первого знакомства с клавишами. Это уж чересчур оригинально, в конце концов я уже буду не в состоянии научиться. Жаль, что мне пришлось писать в такой день, когда я не могу собраться с мыслями. Когда подумаю о себе, мне становится так грустно оттого, что я часто бываю словно в забытьи. Если у меня перед глазами что-нибудь, что интересует меня, то меня и лошади могут раздавить, а я этого не замечу, — что третьего дня на улице чуть было не случилось со мною; в воскресенье в костеле, пораженный неожиданно брошенным на меня взглядом, как раз в момент такого приятного оцепенения, я поспешил выйти и с четверть часа не сознавал, что со мною происходит; встретив доктора Париса и не зная, как ему объяснить свое замешательство, я был вынужден свалить все на собаку, которая будто бы подвернулась мне под ноги и я оступился. — Я делаюсь порой таким сумасшедшим, что прямо страшно. —

Я бы хотел послать Тебе несколько моих пустяков, но не знаю, будет ли у меня сегодня время переписать их. Итальянец Ринальди доволен и благодарит Тебя за присылку книги. Он говорил мне, что Безобразов берет у него уроки, но ничего не учит, а только платит; я ручаюсь, что это первый шаг к панне Волковой. Новый балет Островского в смысле музыки действительно очень хорош, в нем много красивых мест. Механизмы огромные и потому не всегда удачно действуют. Первый раз бы-

* Намека (франц.).

** Олух (лат.).

ло прескверно, второй раз получше, о третьем ничего не знаю, но так как присутствовал князь⁸, то должно было идти хорошо. Последние декорации самые лучшие. Но слишком много шаркают ногами. Страшно длинно. Кончается в половине одиннадцатого. За мое сегодняшнее письмо сердечно прошу у Тебя прощения, но ничего другого Ты получить от меня не можешь — нынче у меня праздник. Сегодня к тому же начало занятий в университете и мне надо еще бежать, чтобы обеспечить себе присутствие Эльснера, Белявского, найти пульта и сурдины, о которых я вчера начисто позабыл; без сурдин *Adagio*, успех которого, как мне кажется, и так не может быть велик, провалилось бы совершенно. *Rondo* эффектное, *Allegro* мощное.

О, проклятое самолюбие! Но если уж кто-нибудь и виноват в моем самомнении, так это Ты, эгоист. С кем поведешься, от того и наберешься. В одном я пока не уподобился Тебе: в быстром принятии решений, — но у меня самое искреннее намерение уехать украдкой, никому не говоря ни слова, через неделю, считая от субботы; и это без жалости, невзирая на мольбы, слезы, упреки и припадания к моим ногам. Ноты в узелок, ленточку на сердце, сердце в руки — и в дилижанс. Слезы покатыся как горох со всех сторон города вдоль и поперек, от [памятника] Коперника до Здроев, от [дворца] Бланка до [памятника] короля Зыгмунта. Я же буду холоден и бесчувствен, как камень, и буду смеяться над бедными детьми, которые столь трогательно будут прощаться со мною.

Я слишком часто употребляю вспомогательный глагол; но это лишь нынче так, потому что, ей-богу, если бы... не то, что Ты далеко-далеко где-то там за Грубешовым, я бы велел Тебе приехать сюда, и я знаю, что Ты любишь (хотя бы только во искупление других своих великих прегрешений) доставить радость людям, даже если Ты их терпеть не можешь. Если бы я мог чем-нибудь Тебя порадовать, то я бы это сделал, но поверь мне, от всего этого здесь нет лекарства, — а только в Вене. Ты живешь, чувствуешь, тобой живут, другие чувствуют тебя, и поэтому, стало быть, ты несчастливо счастлив. Я понимаю Тебя, проникаю в Твою душу, и... обнимем друг друга, так как больше уже говорить невозможно.

Ф. Шопен.

Родители обнимают Тебя. Сестры и братья Тебя обнимают. Поцелуй меня еще.

Нехорошо запечаталось. — Поэтому надо вложить в конверт. Извини, что я такая свинья, *entre nous soit dit**, — но, ради бога, прости.

Только уж Ты не сердись. Сегодня еще узнал, что в Берлине новые беспорядки⁹.

* Между нами будь сказано (франц.).

¹ Известие об Июльской революции во Франции было получено в Варшаве в начале августа («Уже несколько дней в Варшаве говорят только о парижской революции, с большим интересом ищут в газетах новостей о революции...») — доносил 8 августа осведомитель вел. кн. Константина Генрик Маркот; царское правительство запретило варшавским газетам публиковать какие-либо сообщения о Революции и, опасаясь выступления варшавян, усилило с августа полицейский террор и тайный надзор над населением; этим и объясняется то, что Ф. Шопен, опасаясь перлюстрации своих писем, не доверял почте и дожидался «оказии», чтобы сообщить Т. Войцеховскому политические новости.

² Речь идет о революционном движении в Европе, явившемся следствием июльской революции.

³ То есть в страны Священного союза.

⁴ Ф. Шопен имеет в виду рецензию на вышедшие из печати Вариации ор. 2.

⁵ Итальянец — К. Солива; капельмейстер — К. Курпиньский.

⁶ Это сообщение не соответствовало действительности: французский консул Дюран после Июльской революции остался на службе у новой монархии. Трехцветный — то есть признающий правительство Луи Филиппа, заменившее прежний белый французский флаг трехцветным.

⁷ Старания К. Курпиньского получить назначение в Петербург не увенчались успехом, он возглавлял Варшавскую оперу до 1842 г.

⁸ Великий князь Константин.

⁹ Речь идет о так называемой «революции портных» — продолжавшихся несколько дней уличных волнениях в Берлине (август 1830), в которых главным образом участвовали ремесленники и подмастерья.

68. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИН

Варшава, 5 октября 1830

Вторник, 5 октября

Дражайшая жизнь моя!

Мне нужно было твое письмо, чтобы я мог спокойно жить, — не поверишь, как мне надоела эта проклятая, хотя и естественная волокита. После оркестровой репетиции второго *Концерта*¹ было решено сыграть его публично, и в будущий понедельник, то есть одиннадцатого текущего месяца, я с ним выступаю. Насколько, с одной стороны, я не рад этому, настолько, с другой, мне любопытно, какой в целом он произведет эффект. *Rondo* я думаю, не произведет впечатление на всех. Об этом *Rondo* Солива сказал мне: «il vous fait beaucoup d'honneur»^{*}; Курпиньский рассуждал об оригинальности, Эльснер о ритме. Однако, чтобы избежать (потому что я могу устроить по-настоящему прекрасный вечер) этих несчастных кларнетов или фаготов между [отдельными номерами] фортепиано, то посему в первом отделении будет петь Гладковская, а во втором Волкова. В качестве увертюры я дам *Вильгельма Телля*, а не обычно исполняемые [увертюры] к *Лешку* [Белому] и *Лоуиске*².

Ты не поверишь, сколько у меня, бедного, было хлопот, пока эти панны получили разрешение петь. Итальянец согла-

* Оно делает вам честь (франц.).

силса очень скоро, но выше мне сказали, что надо обратиться к самому Мостовскому, который охотно дал разрешение (потому, что ему все это совершенно безразлично). — Что они будут петь, я еще не знаю; итальянец сказал мне только, что к одной из арий потребуется хор. *Сорока[-воровка]* пока исполнялась только два раза. На первом представлении Гладковская немного робела и не так хорошо спела первую каватину, как на втором. Она восхитительна, когда поет:

она это делает не так коротко, как Майерова, а протяжно:

так, что это не быстрое *gruppetto*, а хорошо пропетые восемь нот. В последний акт, после траурного марша, прибавлена, а вернее вставлена молитва из *Магомета* Россини, которая очень подходит к ее голосу, тогда как та, что была в *Сороке[-воровке]*, слишком высока. Вот и отчет об опере. Сейчас Волкова учит [*Севильского*] *Цирюльника*, а потом [пойдет] *Итальянская опера в пути*³, где обе должны петь дуэт, поэтому Солива и не хотел, чтобы они пели дуэт в моем концерте. —

Играть я буду на инструменте, который мне не хотела тогда дать Бельвиль. Не позже чем через неделю после концерта меня уже не будет в Варшаве. Дорожный сундучок уже куплен, все приданое готово, [оркестровые] партии исправлены, носовые платки подрублены, брюки сшиты. — Остается только прощание, а это всего грустнее. Оно причинит горе моим близким. Моим родителям и детям тоже; милые дети, давно их ничто так не радовало, как Твои братские приветы, которые Ты им передал в своем письме. — Сегодня напишу Тебе кратко, потому что я должен еще утром сходить к Эрнеману и за хоровыми партиями для Кратцера, если только он захочет ради меня выучить, так как я знаю, что он терпеть меня не может.

Новость: старый Горский, «гм, гм», женился на панне Понговской, но так, что никто из [его] семьи об этом не знал; — представь себе, сын был у него, когда тот отправлялся венчаться в Беляны, и просил, чтобы [отец] взял его с собой на прогулку, не подозревая, что отец садится в экипаж en *qualité** жениха. — Отец отделался от него, дав ему билет в кресла на *Прециозу*, а сам в это время поехал посвящать себя в ро-

* В качестве (франц.).

носцы. На следующий день были у него Владзё [сын] с Винценты Скаржиньским, чтобы поздравить его с именинами; им показалось странным, что отец как-то смущен и каждую минуту поглядывает в окно, — поскольку в той же гостинице остановился и старый Понговский, а Горский собирался уже садиться в экипаж, то сын подумал, что тот [Понговский] переселяется в гостиницу на его место, и не удивился, когда, выходя, он встретил на пороге комнаты входящую панну Понговскую (уже свою мачеху) с Матерью. Оттуда, попрощавшись с отцом, который, все еще смущенный, быстро его спровадил, он пошел к приехавшему ночью Дзеконьскому. Войдя, он здоровается с отчимом, который начинает с того, что не выспался. — «А почему?» — «А потому, что твой отец, черт возьми, позабирал на свадьбу все матрацы». — «Как так?» — «Но ведь ты же идешь от него?» — «Именно поэтому быть того не может, чтобы он мне ничего не сказал». — «Тогда спроси лакея, который оставался у брички [во время бракосочетания]». — Опечаленный сын вернулся обратно, узнав, как гадко поступил «гм, гм». Дзеконьская ничего об этом не знает. Ты эту панну Понговскую знаешь. Ты встречал ее у [пани] Прушак — она маленькая и довольно хорошенькая; ее всегда дразнили молодым Горским, и отец, наверно, женился на ней вместо сына. Венчал кс[ендз] Декерт (Ты его знаешь).

Хубе [поехал] в Италию. Новаковский в Белостоке, чтобы поразнюхать, что там делается, так как там для него подвертывалось место; я надеюсь, что он не вернется. Актер Новаковский приглашен в Краков. Жаль. Но мне говорил Дмушевский, что они не могли его оставить, потому что он поставил ужасные условия. Первое: чтобы играла его жена, а она ничего не умеет. — Сейчас, еще раньше чем к Эрн[еману], пойду к старому Прушаку, — у меня к нему очень важное дело, только их касающееся; писать Тебе об этом я не могу, но дело особенное — не молочное, а скорее мешковатое⁴. Я знаю, что он хорошо меня примет.

Поцелуй меня, милый и дорогой, — я уверен, что Ты еще меня любишь, а все-таки я Тебя всегда боюсь, словно какого-то своего тирана, — не знаю почему, но я Тебя боюсь. Ей-богу, только Ты один имеешь власть надо мной. Ты и... никто больше. — Может быть это последнее письмо, которое пишу Тебе. До смерти Твой —

Ф. Шопен.

Дети, Родители, Живный [кланяются].

Скаржиньский всегда спрашивает у меня о Тебе. А propos, les demoiselle du Conservatoire* уже давно велели Тебе

* Кстати, панны из Консерватории (франц.).

кланяться. Глад[ковская] и Волкова останутся еще год под [началом] Соливы, — они мне признались, что им уже надоело.

Вторник, 5-го октяб[ря]

¹ Об этой репетиции «Powszechny Dziennik Krajowy» (24 сентября 1830 г.) писал: «...Спешим сообщить друзьям музыки и отечественных талантов радостную... новость: Фридерик Шопен написал второй большой Концерт. Позавчера у себя на квартире перед своими близкими, а также крупнейшими мастерами и знатоками, какие имеются в нашей столице, он впервые пробовал его с оркестром... Это — произведение гения. Оригинальность, благородство мыслей, богатство фантазии, талант инструментки, наконец, мастерство исполнителя — восхитили слушателей. Гений Шопена наверняка обеспечит ему исключительную и длительную славу... Скоро — как утверждают, меньше чем через месяц — он едет за границу... П[ан] Шопен лишил бы варшавскую публику подлинного удовольствия, если бы уехал, не дав услышать своего второго Концерта».

² Речь идет об опере Ю. Эльснера «Лешек Белый, или Колдуньи с Лысой горы» (поставлена в Варшаве 2 декабря 1809 г.) и опере Л. Керубини «Лодонска, или Татары» (1791).

³ «Итальянская опера в пути» (1817) — опера В. Фьораванти.

⁴ Ф. Шопен хочет сказать Т. Войцеховскому, что речь будет идти не о Млечко (см. коммент. 14 к письму 58).

69. КЛЕМЕНТИНА ГОФМАНОВА-ТАНЬСКАЯ — СЕСТРАМ Ф. ШОПЕНА В ВАРШАВУ

Варшава, начало октября 1830

Если еще можно получить ложу партера на интересный концерт Вашего брата, — я буду бесконечно признательна, если Вы мне ее уступите.

Клем. Таньская-Гофманова

Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 1, p. 207.

Комментируемая записка была написана за несколько дней до последнего концерта Ф. Шопена в Варшаве, состоявшегося 11 октября 1830 г.

70. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИН

Варшава, 12 октября 1830

Вторник, 12 окт[ября] 1830

Дражайшая жизнь моя!

Вчерашний концерт мне удался — спешу донести об этом. Сообщаю Вашей милости, что я совсем, совсем не боялся и играл так, как будто я один, — и получилось изрядно.

Был полный зал. Началось Симфонией Гёрнера. Затем моя милость с *Allegro e-moll*, которое на штрейхеровском фортепиано прошло как по маслу. Шумные аплодисменты. Солива доволен; дирижировал он¹ по случаю исполнения его арии с хором, которую хорошо спела панна Волкова, одетая в голубое, как

ангелочек. После этой арии следовали *Adagio* и *Rondo*, а за ними антракт между первым и вторым отделением. — Когда вернулись из буфета и ушли со сцены, куда многие приходили сообщить мне благоприятные сведения о произведенном эффекте, — началось увертюрой к *Вильгельму Теллю* второе отделение. Солива хорошо ею дирижировал, и она произвела большое впечатление. На этот раз итальянец действительно оказал мне столько любезности, что я, право, в долгу перед ним; — потом он дирижировал арией панны Гладковской, которая была очаровательно и к лицу одета в белое, с розами на голове, и так спела каватину с речитативом из *La donna del Lago*², как еще ничего до сих пор не пела, кроме арии из *Агнешки*. Знаешь, это: «*Oh quante lagrime per te versai*»*. Она так произнесла *tutto detesto*** , до нижнего *h*, что Зелиньский уверял, что одно это *h* стоит тысячу дукатов. Надо тебе сказать, что эта ария была транспонирована для ее голоса, отчего он сильно выиграл. Проводив со сцены панну Гладковскую, мы принялись за *Попурри* на *Месяц* поднялся³ и т. д. На этот раз и я себя понимал, и оркестр себя понимал, и партер разобрался. На этот раз дождались последней мазурки, после которой раздались большие овации, и затем (обычная учтивость) — меня вызывали. — Ни разу не шикнули, и у меня было время четыре раза поклониться. Но уже как следует, ибо меня научил Брандт. Если бы Солива не взял моих партитур домой, не просмотрел их и не дирижировал так, чтобы я не мог мчаться сломя голову, то не знаю, как было бы вчера. Но он так сумел нас всех все время сдерживать, что никогда, говорю Тебе, еще мне не случилось играть с оркестром так спокойно. Фортепиано очень понравилось, а панна Волкова еще больше; со сцены она прелестна. Теперь она выступит в [*Севильском*] *Цирюльнике*; это будет в субботу, если не в четверг. —

Я же ни о чем больше не думаю — только об укладке вещей и либо в субботу, либо в среду отправлюсь в путь через Краков. Вчера я узнал, что Винценты, может быть, тоже поедет в Краков; я должен точнее об этом разузнать, так как мы могли бы ехать вместе с ним, если он уезжает не слишком поздно. На этих днях я видел в Варшаве Кароля; он здоров, весел и живо расспрашивал, когда вы должны встретиться в Люблине. Он рассчитывал, что, вернувшись, найдет дома письма от Тебя. Что касается Костуса, то [его] Отец сказал мне, что он сейчас был с Северином и Кинцлем на коронации⁴, следовательно, он еще не в Париже; однако они думают все же вернуться в Париж и, вероятно, уже находятся в дороге.

* О, сколько слез я пролила из-за тебя (итал.).

** Все ненавижу (итал.).

Я кончаю, жизнь моя, потому что меня ждет п[ан] Лясоцкий, чтобы я поехал с ним к Эрнеману пригласить того давать уроки его дочери. После [приложусь] к каше, а пока — к Твоим устам

Преданнейший
Ф. Шопен.

Дети, Мама, Папа, Живной, все — здоровы и обнимают Тебя.

¹ К. Курпиньский записал в своем «Дневнике»: «Пан Шопен извинился передо мной за то, что Солива сделал ему предложение дирижировать его концертом — тем лучше, я буду спокойно слушать...» (запись от 9 октября). «На сцене состоялась оркестровая репетиция концерта пана Шопена. Вечером концерт, составленный из замечательных деталей, был превосходно исполнен. В частности, понравилась новая композиция: второй Концерт пана Шопена» (запись от 11 октября. Цит. по кн.: Hoesick F. Chopin, t. 1, s. 219—220). Единственная рецензия на этот концерт появилась в «Kurier Warszawski» от 12 октября: «Вчерашний вечер был необыкновенно приятным для любителей музыки. Присутствовало около 700 человек. Новый Концерт *e-moll*, сочиненный и исполненный впервые публично Я[сновельможным] паном Шопеном, знатоки считают выдающимся музыкальным произведением. Особенно *Adagio* и *Rondo* вызвали всеобщее удовольствие. Автора и Виртуоза приветствовали горячими аплодисментами; аплодисменты возобновлялись после каждого соло, и в конце его вызывали. Присутствующие были также удовлетворены ариями, исполненными нашими молодыми артистками Я[сновельможными] паннами Гладковской и Волковой...»

² «Женщина озера» (1819) — опера Дж. Россини.

³ Речь идет о Фантазии на польские темы A-dur op. 13 Ф. Шопена; одна из тем Фантазии — популярная в те годы песенка «Лаура и Филон» на слова идиалли польского поэта Ф. Карпиньского; «Месяц поднялся над чащей лесною...» — первые слова этой песни. Заключительный фрагмент Фантазии Шопен называет «мазуркой», — на самом же деле это кувяк. Этот кувяк — одна из немногих у Шопена цитат из народной музыки. Впоследствии эта мелодия была записана О. Кольбергом в Служеве (см.: Kolberg O. Lud. t IV. Warszawa, № 130).

⁴ 28 сентября 1830 г. император Австрии Франц I короновал своего сына, будущего императора Австрии Фердинанда, королем Венгрии.

71. КОНСТАНЦИЯ ГЛАДКОВСКАЯ — В «АЛЬБОМЕ-ДНЕВНИКЕ»¹ Ф. ШОПЕНА

Варшава, 25 октября 1830

Судьбы своей следуй тропой —
Пред волей мы рока смиренны,
Но знай же, что в Польше родной
Ты будешь всегда незабвенным

К. Г.

С[его] — $\frac{25}{10}$ — 1830

Чтобы покрыть себя славой бессмертной и пышной,
 Ты оставил друзей и пустился в дорогу.
 Будут там на чужбине ценить тебя выше,
 Но любить столь же крепко, поверь нам,
 не смогут².

К. Г.

C[ergo] — $\frac{25}{10}$ — 1830

Chopin w Kraju, s. 204—205.

¹ «Альбом» Ф. Шопена, в котором он, как тогда было принято, собирал автографы своих друзей, служил ему также и дневником: он заносил туда и личные записи. «Альбом» хранился до 1939 г. в варшавской Национальной библиотеке. После захвата Варшавы немцы перевезли его в библиотеку Красиньских, где он в 1944 г. сгорел вместе с целым рядом других шопеновских документов из частных и государственных собраний. К счастью, сохранилась фотокопия «Альбома». Этот «Альбом» (биографы Шопена называют его то «Альбомом», то «Альбомом-дневником», то «Записной книжкой Ф. Шопена») представлял собой простой, небольших размеров альбом, переплетенный в темно-синий картон. На первой странице рукой Шопена было написано: «Альбом Фр. Шопена в Варшаве 1829». Нумерованных страниц в «Альбоме-дневнике» было двадцать четыре. Первая запись относится к 24 октября 1830 г. — Марцелий Целиньский написал: «Живи счастливо»; 2 ноября того же года в нем расписался В. Живный.

Оба стихотворения Констанции Гладковской занимают, соответственно, девятую и двенадцатую страницы «Альбома-дневника». Запись произведена за восемь дней до отъезда Шопена из Варшавы.

² Впоследствии Ф. Шопен в конце второго стихотворения приписал: «Смогут —».

72. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Вроцлав, 9 ноября 1830

Вроцлав, вторник, 9 ноября 1830

Мои горячо любимые Родители и Сестры!

В субботу¹ в шесть часов вечера мы прибыли сюда самым удобным образом и при отличной погоде. Мы остановились «Zur Goldenes Gans»*. И сразу же отправились в театр, где давали *Альпийского короля*², которого у нас только еще собираются ставить. Партер любовался новыми декорациями, но мы считали, что хвалить их не за что. Артисты играли неплохо. Позавчера здесь давали оперу *Каменщик и слесарь* Обера — плохо. Сегодня — *Прерванное жертвоприношение* Винтера; мне любопытно, как пойдет. Певцы у них неважные; театр, впрочем, очень дешевый, место в партере стоит два зл[отых] п[ольских]. Вроцлав на этот раз мне больше понравился.

Письмо Совиньскому я передал; только один раз мне удалось с ним увидеться; он был у нас вчера, но не застал. Мы

* «У Золотого гуся» (нем.).

были как раз в здешнем Купеческом Собрании, куда меня пригласил капельмейстер Шнабель на репетицию назначенного на вечер концерта. Такие концерты устраивают здесь три раза в неделю. Я застал там, как обычно, небольшой собравшийся на репетицию оркестр, фортепиано и какого-то юриста-любителя по фамилии Хельвиг, который собирался сыграть первый Es-dur'ный Концерт Мошелеса. Не успел он сесть за инструмент, как Шнабель, не слышавший меня четыре года, попросил меня попробовать фортепиано. Трудно было отказаться; я сел и сыграл несколько вариаций.

Шнабель безмерно обрадовался, пан Хельвиг струсил, а остальные стали просить меня, чтобы я выступил вечером. Особенно Шнабель так искренне настаивал, что я не посмел отказать старику. Он большой друг пана Эльснера; однако я сказал ему, что сделаю это только для него, так как, во-первых, я несколько недель не играл, а во-вторых, вовсе не собирался выступать публично во Вроцлаве. На это старик мне ответил, что все это ему известно и еще вчера, увидев меня в костеле, он хотел просить меня об этом, но не осмелился. Я тогда поехал с его сыном за нотами и сыграл им *Romance* и *Rondo* из второго Концерта.

На репетиции немцы удивлялись моей игре: «*Was für ein leichtes spiel hat er*»*, — говорили они, а о сочинении ни слова. Тытус даже слышал, как один говорил: «играть может, но не сочинять». *Nota bene*, третьего дня à table d'hôte** напротив нас сидел какой-то человек очень приятной наружности. Вступив с ним в разговор, я узнал, что он знакомый Штольца из Варшавы и друг тех господ, к которым он дал мне письма. Это был купец, по фамилии Шарф, чрезвычайно любезный; он водил нас по всему Вроцлаву; сам нанял фиакр и возил по самым красивым местам. На следующий день он записал нас в Клуб, наконец, достал нам на вчерашний концерт *Fremdenkarten**** и прислал их перед репетицией. Каково же должно было быть его удивление и удивление тех господ, которые доставали мне билет, когда этот *Fremder***** оказался главным лицом музыкального вечера. Кроме *Rondo* я еще импровизировал для знатоков на тему из *Немой из Португи*³. В заключение сыграли увертюру, после чего начались танцы. Шнабель хотел угостить меня ужином, но я ничего, кроме бульона, не ел.

Я, разумеется, познакомился с местным *Oberorganist*'ом***** паном Кёлером; сегодня он обещал мне показать орган. Я познакомился также с каким-то бароном или черт

* Какая у него легкая игра (нем.).

** За общим столом (франц.).

*** Гостевые билеты (нем.).

**** Гость (нем.).

***** Главным органистом (нем.).

знает кем, по фамилии Нессе или Нейссе, учеником Шпора, который, говорят, замечательно играет на скрипке. Другой здешний знаток и музыкант, объездивший всю Германию, по фамилии Хессе, тоже говорил мне комплименты, однако за исключением Шнабеля, который проявлял подлинную радость и поминутно брал меня за подбородок и гладил, никто из немцев не знал, как им быть. Титус потешался, глядя на них. Так как у меня еще нет установившейся репутации, то они и изумлялись и в то же время боялись изумляться, не зная, действительно ли хороша композиция или им это только так кажется. Один из здешних знатоков подошел ко мне и похвалил новизну формы, сказав, что ему еще не приходилось слышать ничего подобного по форме. Не знаю, кто это был, но он, кажется, лучше всех меня понял. Шнабель, преисполненный величайшей любезности, даже предложил мне экипаж, но мы после девяти, когда начались танцы, отправились домой.

Я рад, что доставил старику удовольствие.

Какая-то дама, которой после концерта меня представил директор, как первой здешней пианистке, очень меня благодарил за приятный сюрприз и жалела, что я не выступаю публично. Юрист для собственного утешения весьма убого пел арию Фигаро из [Севильского] Цирюльника.

Вчера много говорили об Эльснере и очень хвалили какие-то его *Вариации* для оркестра с Эхом; я сказал, что только послушав его коронационную *Мессу*⁴, можно сказать, что это за композитор. — Здешние немцы ужасны, по крайней мере вчерашнее общество; наш пан Шарф — исключение.

Завтра в два выезжаем в Дрезден.

Целую! Целую! Целую!

Панам: Живному, Эльснеру, Матушиньскому, Кольбергу, Марыльскому, Витвицкому шлю сердечный привет.

¹ Выехав из Варшавы в понедельник 2 ноября 1830 г., Ф. Шопен в Калише встретился с Титусом Войцеховским и вместе с ним поехал в Вену; во Вроцлав они приехали в субботу 6 ноября.

² «Альпийский король» — фантастическая комедия Ф. Раймунда.

³ «Немая из Портичи» (премьера в Париже в 1828 г.) — опера Д. Обера на сюжет из истории борьбы итальянского народа за свое освобождение (XVII в.). Оперы Д. Обера были вообще очень популярны в XIX в. в Польше, а «Немая из Портичи» стала благодаря своему революционному содержанию «оперой Ноябрьского восстания» (ее варшавская премьера состоялась 15 января 1831 г.).

⁴ Вероятно, речь идет о Торжественной мессе C-dur op. 51 (1826—1829) Ю. Эльснера, посвященной Николаю I.

73. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Дрезден, 14 ноября 1830

Дрезден, 14 ноября 1830

Едва мог выбрать минутку, чтобы сообщить Вам несколько слов о себе. Я только что вернулся с польского обеда, то есть такого, на котором присутствовали одни поляки. Они еще оста-

лись, а я вернулся написать Вам, так как почта уходит в семь, а мне хочется сегодня еще раз послушать *Немую из Портичи*.

Нам очень не хотелось уезжать из Вроцлава; более близкое знакомство с теми людьми, к которым Шольц дал мне письма, сделало приятным наше пребывание в этом городе.

Мой первый визит здесь был к панне Пехвель. В пятницу она играла в здешнем Купеческом Собрании и ввела меня туда. В тот же вечер в театре давали *Немую [из Портичи]*. Выбор был труден, но поскольку панне непременно следовало польстить, то я и отправился на вечер. Второй важной причиной, которая повела меня туда, было известие, что там выступит лучшая здешняя певица, родом итальянка, по фамилии Палаццези. Итак, одевшись как можно лучше, я послал за портшезом, уселся в этот диковинный ящик и велел отнести себя в дом Крейссига¹, где должен был состояться этот музыкальный вечер. Дорогой, когда меня несли носильщики в ливреях, я подсмеивался над собой; мне очень хотелось пробить дно [портшеза], но все же я удержался от этого. В этом экипаже меня даже внесли на лестницу. Я вылез и велел доложить о себе панне Пехвель; ко мне с поклонами, великими любезностями, множеством комплиментов вышел хозяин дома и провел меня в зал, где я увидел множество дам, сидевших по обе стороны восьми огромных столов. Не столько бриллианты, украшавшие дам, сколько вязальные спицы замелькали у меня в глазах. Шутки в сторону, число дам и спиц было так велико, что можно было опасаться какого-нибудь бунта, направленного против мужчин, которым пришлось бы подавлять его разве только очками и лысынами: действительно, множество стекол и то и дело — лысины. —

Стук спиц и чайных чашек вдруг прервался раздавшейся в другом конце зала музыкой. Сначала сыграли увертюру из *Фра-Дьяволо*², после чего неплохо пела та итальянка. Я вступил с ней в разговор; позже познакомился также с ее аккомпаниатором, п[аном] Растрелли, вторым директором здешней оперы, и с паном Рубини, братом известного певца, с которым я надеюсь встретиться в Милане. — Учтивый итальянец обещал мне письмо к брату; больше мне ничего и не нужно. Он был настолько предупредителен, что вчера повел меня на репетицию *Вечерни Морлакки*, здешнего придворного капельмейстера. Пользуясь случаем, я напомнил последнему о себе. Он сейчас же посадил меня рядом с собой и долго со мной разговаривал.

Эту *Вечерню* пели сегодня знаменитые неаполитанские сопранисты³ по фамилии Сассаролли и Тарквинио, а на скрипке *obligato** известный здешний концертмейстер Ролла, к которому у меня была записка от Соливы. — Я познакомился с ним, и он обещал мне письмо к своему отцу, директору миланской

* Здесь — солировал (итал.).

оперы. Но вернемся к вечеру. — Панна Пехвель играла на фортепиано, а я, поболтав кое с кем, отправился на *Немую* [из *Портичи*]. Не могу о ней судить, так как не слышал ее целиком. Только нынче вечером буду в состоянии сказать о ней что-нибудь определенное.

Утром, направляясь к Кленгелю, я встретил его перед домом; он сразу узнал меня и был так приветлив, что даже растрогал меня. Я его очень уважаю. Он просил (однако, предварительно осведомившись, где я остановился) навестить его завтра утром. Он уговаривал меня выступить публично, но к этому я глух. Я не могу терять времени, а Дрезден не даст мне ни славы, ни денег.

Генерал Князевич, которого я видел у пани Прушак, тоже говорил о концерте, но предупреждал, что концерт мне немного даст.

Вчера я был на итальянской опере, которая оказалась плохой; если бы не solo Ролла и не пение панны Хэнель из венского театра, дебютировавшей вчера в роли Танкреда⁴, то нечего было бы слушать. Король, в окружении всего двора, был в театре, так же как и нынче на большой мессе в храме. Исполнялась Месса барона Мильтица, одного из здешних аристократов, под управлением Морлакки. Больше всего мне понравились голоса Сассаролли, Мускетти, Мабвига и Зеи⁵. Само же сочинение отнюдь не значительно. У Дотцауэра и Куммера, знаменитых здешних виолончелистов, было несколько прекрасно исполненных соло; в общем, ничего особенного. Кроме моего Кленгеля, перед которым мне завтра, наверно, придется играть, — здесь нет ничего достойного внимания. Я люблю с ним разговаривать, потому что у него можно кое-чему научиться.

Кроме картинной галереи, я в Дрездене ничего вторично не осматривал: Grunes Gewölbe⁶ довольно видеть один раз; но картинную галерею я вторично осмотрел с большим интересом. Если бы я тут жил, то ходил бы туда каждую неделю, потому что когда я смотрю на некоторые картины, то кажется, что слышу музыку. На сегодня — прощайте.

Ваш

Фридерик.

¹ По всей вероятности, речь идет о Фридрихе Людвиге Крейсиге.

² «Фра-Дьяволо» (1830) — опера Д. Обера.

³ Сопранисты — особая категория певцов (певцы-кастраты), выступавших в католических церквях и на оперных сценах.

⁴ Танкред — заглавная роль в одноименной опере Дж. Россини; в Варшаве «Танкред» (1813) шел в 1818 г. и был возобновлен в 1824 г.

⁵ Вероятно, М. Цесси.

⁶ «Зеленый свод» — музей, помещавшийся в Королевском замке в Дрездене, богатое собрание произведений искусства XVI—XVIII вв.

Прага, 21 ноября 1830¹

Прага, 21 ноября 1830

В Дрездене у меня так пролетела неделя, что я этого и не заметил. Уходя утром из дома, я возвращался только к ночи. Кленгель, когда я с ним ближе познакомился, то есть когда сыграл ему свои концерты, сказал, что моя игра напоминает ему Филда и что у меня редкостное туше, что он, конечно, много обо мне слышал, но все же никогда не ожидал, что я такой виртуоз. Это не были пустые комплименты, потому что он признался мне, что не любит ни льстить кому бы то ни было, ни принуждать себя к похвалам. И вот, как только я от него ушел (а сидел я у Кленгеля все утро до двенадцати), он пошел к Морлакки и к Люттихау, Generaldirektor'у* театра, узнать, нельзя ли мне выступить публично в течение тех четырех дней, которые я еще пробуду в этом городе. Он говорил мне потом, что делал это не для меня, а для Дрездена, и что был бы рад принудить меня дать концерт, если бы его устройство не потребовало слишком много времени.

На следующий день утром он пришел ко мне и заявил, что он сам был везде и тем не менее до воскресенья (а было это в среду) нет ни одного свободного вечера, так как в пятницу должны были дать здесь в первый раз *Фра-Дьяволо*, а в субботу, то есть вчера, *La donna del Lago*** Россини, по-итальянски. Я отнесся к Кленгелю так, как мало к кому в моей жизни: я действительно полюбил его, как если бы знал его уже лет тридцать. Со своей стороны, и он выказывает мне большую симпатию. Он попросил у меня партитуры моих Концертов и повел меня на вечер к пани Несёловской. В этот же день был прием у пани Щербининой, но я так долго задержался у Несёловских, что когда Кленгель проводил меня к пани Щербининой, все приглашенное общество уже разъехалось. Зато на следующий день мне пришлось быть там на обеде. Меня всюду ловили, как собаку.

В тот же день я был также у пани Добжицкой, которая пригласила меня к себе на следующий день, по случаю своего дня рождения. Я застал там саксонских принцесс, дочерей покойного короля, то есть сестру ныне правящего короля и супругу его брата². Я играл в их присутствии, они обещали мне письма в Италию; однако всех писем я еще не имею, только от одной из них мне прислали в гостиницу перед самым отъездом два письма, остальные я надеюсь получить в Вене, через пани Добжицкую, так как она знает, как меня там найти. Эти письма адресованы королеве Обеих Сицилий в Неаполь

* Главному директору (нем.).

** «Женщина озера» (итал.).

и к какой-то княгине Улясино³, урожденной при[нцессе] саксонской, — в Рим. Обещаны мне также письма к правящей гер[цогине] Лукки и к вице-королеве миланской. Отправкой этих писем займется Крашевский, которому я пишу сегодня специально по этому поводу. — В Дрездене я был еще на обеде у Комаров⁴. Кленгель дал мне письмо в Вену, куда он позднее также приедет; у пани Несёловской он пил шампанское за мой успех, а сама она за мной ухаживала и прямо не знала, куда меня посадить, и непременно хотела называть меня Шопским⁵.

Ролла — выдающийся скрипач. Об остальном — из Вены, где мы будем во вторник в девять утра. — Я очень понравился генералу Князевичу; он сказал мне, что еще ни один пианист не производил на него такого приятного впечатления.

¹ Шопен и Т. Войцеховский выехали из Дрездена в пятницу, 19 ноября. 23 ноября 1830 г. «Prager Zeitung» в рубрике «О прибывших» извещала о приезде Ф. Шопена в Прагу 20 ноября («Г-н Войцеховский, помещик из Люблина, в [гостинице] «Черный конь»... Г-н Шопен, частное лицо из Варшавы»). В том же номере сообщалось, что 21 ноября они покинули город.

² Покойный король — Фридрих Август I; ныне правящий король — брат покойного, Антоний Клеменс, страстный любитель музыки; жена брата — Мария Луиза Бурбон, была женой принца Максимилиана Саксонского и племянницей брата короля.

³ Неверно написанное имя княгини Кристины Массимо.

⁴ Речь идет о доме Станислава Комара. Существуют предположения, что в это время у родителей гостила Дельфина Потockая, только что разошедшаяся с мужем, Мечиславом Потockим, и что Ф. Шопен познакомился с ней именно на этом обеде (см.: Hoesick F. Chopin, t. 1, s. 289).

⁵ Шопский — переделка фамилии Ф. Шопена на польский лад.

75. ЯНУ МАТУШИНЬСКОМУ В ВАРШАВУ

Вена, 24¹ ноября 1830

Вена, 22 ноября

Дорогой Ясь.

Сообщи мне номер Твоего дома². — Ты осведомлен о моих делах. Как я доволен, что я в Вене, что заведу столько интересных и очень нужных знакомств и, может быть, даже влюблюсь. — О Вас я не думаю. Иногда только погляжу на колечко из волос³, сплетенное Людвигой, которое мне тем милее, чем дальше я от них удаляюсь. — Я и Тебя сейчас здесь больше люблю, чем в Варшаве. Но любят ли меня? Эскулап⁴, если Ты еще не написал мне письма, то пусть Тебя унесут черти, пусть в Радом ударит молния и у Тебя оторвется пуговка на шапке!

В Праге я распорядился переслать мне все письма в Вену, но тут еще нет ни одного. — Не повредили ли Тебе дожди? Предчувствую, что Ты захворал. — Ради бога, не бравируй, мы ведь оба из одной глины, а Ты знаешь, сколько раз я уже

расползался. — На этот раз моя глина не расплзается от этого дождя, потому что внутри у меня 90 градус[ов] по Реомюру. Можно — ах, нет, нет, нельзя! — из моей глины сделать, пожалуй что только домик для кошки. — Ах, Ты негодник! — Ты был в театре! — Одних лорнировал — с другими кокетничал! — Стрелял глазами по эполетам... Если так, то разрази Тебя гром, — Ты не стоишь моей привязанности. — Тытус знает и доволен, потому что он кое-что предчувствовал и всегда уважал, — если я Тебе пишу, то делаю это для себя, так как Ты этого не стоишь. —

Панна Гейнефеттер⁵ была вчера хороша в *Отелло*⁶ и прекрасно пела. Позже я буду Тебе писать обо всем, но мне нужно знать номер [дома]. Целую Тебя, обними за меня ко[ллегу] Альфонса, Марцелию я написал. Всех товарищей. Целую, целую.

Ф. Шопен.

Перо как лопата и, вдобавок, выпадает у меня из рук. Поэтому не удивляйся, что я так мараю. — Написал бы побольше, но не могу собрать мыслей и боюсь⁷.

[На обратной стороне:]

Моему Придворному
Врачу Яну Матушиньскому
[кавалеру ордена] 1-й степени св. Яцка
с пирогами в его Дворце, когда он придет к Вам.
Через курьера Людвигу, Изабеллу или Зузю. —

[Приписка]

Приказано не быть любопытными бабами. — К этому присоединяю пачку поцелуев из отборной дюжины моим добрым коллегам. — Печать просят не ломать. —

¹ Письмо датировано Шопеном: «Вена, 22 ноября». Однако в письме из Праги (воскресенье 21 ноября) Ф. Шопен писал: «Об остальном из Вены, где мы будем во вторник в девять часов утра». А 22 ноября 1830 г. приходилось на понедельник, следовательно, по всей видимости, Шопен неверно датировал письмо, тем более что в нем он сообщает, что ему еще не переслали письма из Праги, и что накануне он присутствовал на выступлении певицы Гейнефеттер. Музыковед Франц Загиба в своей книге «Шопен и Вена» полагает, что это письмо написано не ранее 28 ноября, но установить день выступления Гейнефеттер в «Отелло» ему не удалось (см. Zagiba F. Chopin und Wien. Wien, 1951, S. 44).

² Тогдашняя Варшава не имела нумерации домов по каждой улице, а общую нумерацию для всего города.

³ Это было колючко, сплетенное из прядей волос всех членов семьи Шопена.

⁴ Эскулап — Ян Матушиньский был врачом.

⁵ О какой из сестер-певиц Гейнефеттер: Кларе или Сабине идет речь — установить не удалось.

⁶ «Отелло, или Венецианский мавр» (1816) — опера Дж. Россини.

«...не могу собрать мыслей и боюсь.» — Эта фраза позволяет предполагать, что недомолвки письма касались политической ситуации. Ф. Хезик, однако, комментирует письмо в целом как отражение опасений Ф. Шопена за постоянство Констанции Гладковской; тогда недоговоренности должны были скрыть это от семьи Шопена, если бы кто-нибудь прочел письмо (см.: Hoesick F. Chopin, t. 1, s. 294).

76. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Вена, 1 декабря 1830

Вена, 1 декабря 1830

Обрадовалось мое сердечко, когда я в первый раз за четыре недели, то есть с тех пор, как простился с вами, получил письмо. Обедал с большим удовольствием. «Дикий человек» (именно так называется отличная харчевня, в которой мы стоим)¹ получил с меня за съеденный с аппетитом струдель целый гульден и несколько крейцеров.

Радость была всеобщая, потому что и Тытус получил письма от своих. Целиньского благодарю за присланную записку; она перенесла меня в вашу среду. Я представил себе, что сижу за фортепиано; Целиньский стоит напротив меня и смотрит на пана Живного, который потчует Линовского табачком. Для полноты картины не хватает только Матушиньского; я думаю, что у него все еще лихорадка... Но довольно лирики; и меня не минует эта болезнь, потому что здесь много красивеньких немок, — доберется, но когда, когда!..

Представьте себе, что панна Блахетка с родителями в Штутгарте; к зиме они, может быть, вернутся. Эти сведения я получил от Хаслингера, который принял меня любезнейшим образом, но поэтому не напечатал ни *Сонаты*², ни вторых *Вариаций*³. Уж я ему насолю, как только у нас с Тытусом будет квартира.

Мы наняли на главной улице, на Kohlmarkt'e три комнаты⁴, правда, на третьем этаже, но прелестные, великолепно, элегантно меблированные, на месяц и недорого. На мою долю придется двадцать пять гульденов. — В них еще живет какой-то генерал-адмирал, англичанин, но он уедет сегодня или завтра. Адмирал! а меня будут адмирировать⁵, так что квартира ничего не потеряет*, тем более что хозяйка, или, вернее, владелица этого жилища, — овдовевшая, хорошенькая и довольно молодая баронесса, долго жившая в Польше, как она нам говорила, и уже слышавшая обо мне в Варшаве. Она знает Скаржиньских, вращалась в высшем свете; и спрашивала Тытуса, не знает ли он молодую, красивую пани Рембелинскую и т. п. —

* Это письмо не читать всем, чтобы не подумали, что я загордился.
[Примеч. Ф. Шопена.]

Если даже и нет ничего большего, то такая благородная дама стоит двадцати пяти гульденов, тем более что она любит поляков, к австрийцам неблагосклонна, сама — пруссачка и очень рассудительная женщина. — Как только мы туда переберемся, фабрикант фортепиано Графф пришлет нам на дом инструмент. Вюрфель, едва меня увидел, сейчас же заговорил об устройстве концерта. Он очень болен, не выходит и дает уроки только дома; он харкал кровью, отчего очень ослабел. Но о концерте болтает непрерывно и сказал мне, что здешние газеты много писали о моем Концерте *f-moll*, а что именно, я не знаю, и не настолько меня это интересует, чтобы разузнавать⁶.

Концерт дам, но когда, где, как, что, — пока ничего не знаю.

Мой распухший нос до сих пор не позволил мне ни представиться в посольство⁷, ни быть у пани Жевуской, у которой бывает весь свет; а живет она рядом с Гуссажевским, у которого я, не стесняясь [своего носа], уже был несколько раз. Так же как и Вюрфель, он не советует мне играть даром.

Мальфатти принял меня сверхчудесно и любезно, как родного. Едва он успел прочитать мою фамилию, как обнял меня и сказал, что Владыслав Островский уже писал ему об этом; и что он сделает все, чем только сможет мне быть полезным. Он еще прибавил, что сообщит обо мне пани Татищевой, жене посла, доставит мне все нужные знакомства и постарается мне быть полезным даже при дворе, хотя он сомневается, чтобы в настоящее время удалось что-либо сделать, так как двор сейчас в трауре по королю Неаполитанскому⁸. Он обещал также познакомить меня с бароном Дюнуа, главой местного музыкального *Verein*'а*; это, вероятно, будет самым лучшим знакомством.

Другое, быть может, столь же полезное знакомство, с паном Миттагом, я приобрел благодаря письму Кленгеля. Этот человек смотрит на вещи так, как мне нужно, и, кажется, из всех господ музыкантов будет мне наиболее полезен. Черни, у которого я уже был (заискивающий, как всегда и со всяким), спросил меня «*hat fleissig studiert?*»**. Он опять переложил какую-то увертюру для восьми фортепиано и шестнадцати человек — и доволен. Вообще же я не видел еще ни одного из здешних пианистов. — У пани Вейберхейм, сестры [пани] Вольф, я был уже два раза и приглашен туда завтра на вечер: *un petit cercle des amateurs****, откуда отправлюсь с визитом к Розалии Жевуской, которая принимает между девятью и десятью часами и уже уведомлена Гуссажевским о моем прибытии. Там я должен познакомиться с той знаменитой пани Чибини, для которой Мошелес написал четырехручную Сонату. —

* Общества (нем.).

** Прилежно ли вы занимались? (нем.).

*** Маленький кружок любителей (франц.).

**** Контора (франц.).

Позавчера я был в *comptoire* **** Штамеца, где меня с моими письмами приняли точь-в-точь как каждого, кто приходит за деньгами; они дали мне поручительство для полиции, для получения вида на жительство и — конец. Потом, может быть, будет иначе. Позавчера я был также у пана Геймюллера, потому что там у Тытуса находятся его шесть тысяч. Пан Геймюллер, прочитав мое имя и фамилию и не читая всего остального, сказал «что ему очень приятно узнать такого *Künstler's* а*, как я, но что он не советует мне выступать, потому что здесь столько хороших пианистов и надо иметь широкую известность, чтобы чего-нибудь добиться». В заключение он прибавил, «что он ни в чем не может мне помочь, так как времена тяжелые» и т. п. Все это мне пришлось проглотить с вытаращенными глазами, но, как только он закончил свою тираду, я возразил ему, что я и в самом деле не знаю, стоит ли давать концерт, так как я еще не был ни у кого из здешних влиятельных лиц, даже у посла, к которому имею рекомендательное письмо от в[еликого] князя из Варшавы и т. п. После этого у него изменилось выражение лица, я же простился, извинившись, что оторвал его от дел. Уж погодите, п[рохвосты], жиды!

У Лахнера, руководителя оркестра, я не был, потому что мне еще нигде принимать визиты. Из «*Stadt London*» **, где было чересчур дорого, мы переселились к Ламу⁹ на *Leopoldstadt* и здесь временно разбили бивуак, до тех пор, покуда уберется от баронессы англичанин с усами, худой, истощенный, зелено-фиолетово-желтый моряк. В этой квартире «на широкую ногу» (выражение Тытуса, который непременно хочет из меня сделать какого-то зазнайку) буду наконец играть и думать о концерте, однако не даровом. Впрочем увидим.

Я не был ни у пани Шашек, ни у пани Элькан, ни у Ротшильда, ни у супругов Войгтов, ни у многих других лиц. Сегодня иду в посольство; там должен быть барон Мейендорф, к которому мне советовал обратиться Гуссажевский, а он мне скажет, когда легче всего застать Татищева. Деньги, полученные позавчера у банкира, я еще не трогал. Надеюсь, что сумею их сберечь, несмотря на это, я просил бы, чтобы в конце месяца я мог получить кое-что на дорогу в Италию, на случай, если мои концерты ничего не дадут.

Больше всего у меня уходит на театр, но я не жалею [об этом], потому что почти всегда поют панна Гейнфеттер и пан Вильд. За эту неделю я слышал три совершенно новые оперы. Вчера давали *Фра-Дьяволо*; *Немая* [из *Портичи*] — лучше; перед этим — [Милосердие] *Тита* Моцарта; сегодня — *Вильгельм Телль*. Я не завидую Орловскому, что он аккомпанирует

* Артиста (нем.).

** «Города Лондона» (нем.).

Лафону; может быть, придет время, и Лафон будет аккомпанировать мне. Не чересчур ли смело? Но, ей-богу, это возможно. Нидецкий думает провести здесь всю зиму.

Вся эта неделя ушла у меня на лечение носа, на театр и на Граффа, у которого я ежедневно после обеда играю, чтобы немного размять одеревеневшие за дорогу пальцы. Вчера я представил Нидецкого Граффу.

Я, право, не знаю, как пролетела эта неделя, мы и оглянуться не успели, а я все еще не предпринял никаких решительных шагов для концерта. *Quaestia**? Какой Концерт играть: *F* или *E*? Вюрфель утверждает, что *F* красивее *Asdur'*ного [Концерта] Гуммеля, который сейчас вышел у Хаслингера. Хаслингер умен, он хочет от меня вежливо и дешево отделаться, чтобы я давал ему свои сочинения задаром. Кленгель удивился, что он ничего не заплатил мне за *Вариации*. Он, может быть, думает, что если он сделает вид, будто ставит мои вещи невысоко, то я приму это всерьез и отдам их ему даром? Но даровщинка уже кончилась, теперь *bezahl*** — бестия! — Графф советует мне выступить в *Land-ständisches Saal*¹⁰, где бываю *Spirituel*-концерты¹¹, то есть в красивейшем и самом лучшем помещении. Но для этого необходимо разрешение Дитрихштейна; это мне не трудно будет сделать через Мальфатти.

Находят, что я пополнел... У меня все идет хорошо. Уповаю на бога и Мальфатти (великолепного Мальфатти), что впредь будет еще лучше.

¹ В этой харчевне часто обедал с друзьями Бетховен.

² Соната *c-moll* op. 4 (в рукописи была обозначена как op. 3), изданная К. Хаслингером лишь в мае 1851 г.

³ Вероятно, *Вариации C-dur* на тему немецко-швейцарской песенки «*Der Schweizerbub*»; точная дата создания неизвестна — исследователи указывают разные годы возникновения этого произведения: от 1824 до 1830 г.; мы склонны придерживаться последней даты и полагать, что *Вариации* возникли после (или во время) концертов Г. Зонтаг в Варшаве; во всяком случае именно эти *Вариации* были опубликованы К. Хаслингером в мае 1851 г.

⁴ Пятиэтажный дом на улице *Kollmarkt*, 1151, в самом центре города.

⁵ В оригинале игра слов: *admiral* (польск.) — адмирал и *admirer* (франц.) — любоваться, восхищаться.

⁶ После концертов Ф. Шопена в Вене в 1829 г. появились рецензии в следующих венских газетах: «*Allgemeine Theaterzeitung*» (две рецензии: 20 августа и 1 сентября), «*Der Summler ein unterhaltungsblatt*» (29 августа), «*Wiener Zeitschrift für Kunst, Litteratur, Theater und Mode*» (две рецензии: 22 и 29 августа) и в «*Die Allgemeine Musikalische Zeitung*» (18 августа).

⁷ Русскому послу в Вене Д. П. Татищеву и его жене, к которым у Ф. Шопена были рекомендательные письма, в том числе и от вед. кн. Константина.

⁸ Франц II, скончавшийся 8 ноября 1830 г.

⁹ Венская гостиница «*Goldenes Lamm*» («Золотой ягненок»).

* Вопрос (лат.).

** Плати (нем.).

¹⁰ Зал заседаний парламента Нижней Австрии.

¹¹ «Spirituel-концерты» — концерты духовной музыки, которые устраивались в Вене и отличались серьезными программами и высоким исполнительским уровнем.

77. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Вена, 22 декабря 1830

(Вена, среда,
перед рождеством,
у меня нет календаря, поэтому
не знаю, какого числа)

Мои горячо любимые Родители и Сестры!

Вчера минуло семь недель, как я Вас покинул. Зачем?.. Уже так случилось! Как раз вчера, во вторник, в тот самый час, когда меня тогда провожали к Воле¹, я был на танцевальном вечере у супругов Вейберхейм.

Там было много красивой и совсем не старомодной молодежи. Хотели, чтобы я танцевал, насильно выбирали меня в котильоне; я повертелся несколько раз и пошел к себе. Сама хозяйка и ее милые дочки пригласили на этот вечер многих интересующихся музыкой, но я не играл, — не было настроения. Она мне представила пана Ликта, которого знает Людвика; добродушный, вежливый, честный немец; он считает меня крупной величиной, и чтобы не разрушать этого представления, я не играл. Там я познакомился также с племянником Лампи, которого в свсю очередь знает Папа; красивый и милый юноша, превосходный живописец. А прогос о живописи; вчера утром был у меня Гуммель с сыном, — который заканчивает мой портрет, до того похожий, что лучше некуда. Я в халате, сижу на стуле, с вдохновенным, не знаю уж почему, видом. [Нарисованный] карандашом, или, вернее, мелком, в четвертую долю листа, он производит впечатление гравюры². Старый Гуммель исключительно любезен. Так как он хорош с Дюпором, некогда известным танцовщиком, а теперь антрепренером Кернтнертеатра, то вчера он представил меня ему. Говорят, пан Дюпор — скряга; он принял меня очень мило, может быть потому, что думал, что я буду играть даром, но он ошибается. Между нами был легкий *avant-propos**, касающийся моей игры, но когда, что и как, об этом пока ни слова. Если он предложит мне слишком мало, тогда я дам концерт в большом зале Купеческого Собранин.

Вюрфель поправляется; на прошлой неделе я познакомился и со Славиком, знаменитым скрипачом, еще молодым человеком, лет двадцати шести самое большое. Он мне очень понравился. Когда мы вместе уходили, он спросил меня, иду ли я

* Предварительный разговор (франц.).

домой? — Домой, ответил я. — «Тогда пойдемте лучше со мной к вашей соотечественнице, пани Байер». А именно к ней прислал Крашевский письмо из Дрездена, вместе с письмом к миланской вице-королеве; до сих пор я не мог отдать этого письма, потому что не знал ее адреса, а Байеров в Вене тысячи. — «Хорошо, — ответил я Славику, — я только зайду за письмом».

Действительно, это оказалась та самая дама. Ее муж — поляк из-под Одессы, сосед Хоментовского. Его супруга, которая будто бы уже много обо мне слышала, пригласила нас на следующий день, то есть в воскресенье, на обед, на котором Славик так играл, так мне понравился, как никто еще после Паганини. Моя милость ему тоже понравилась, и мы решили вместе написать дуэт для скрипки и фортепиано — мысль, которая возникла у меня еще в Варшаве.

Это — большой и поистине гениальный скрипач. Как только я познакомлюсь с Мерком, мы лихо сыграем *Трио*, а я могу познакомиться с ним в любой день у Мекетти. Вчера Черни был со мной у Диабелли, который звал меня в будущий понедельник на вечер, где соберутся одни музыканты. В воскресенье вечер у Ликта, где будет высший музыкальный свет и увертюра в восемь рук, а в субботу будет исполняться скрипичная церковная музыка у придворного советника Кизеветтера, автора труда о музыке³.

Знайте, что я теперь живу на четвертом этаже. Какие-то англичане, разузнав у моего *antecessor'a** о моей прекрасной квартире, затеяли переснять одну комнату; но, явившись под предлогом осмотра одной, они обозрели все три, и они им так понравились, что они сейчас же предложили мне за них восемьдесят гульденов в месяц, лишь бы я им их тут же уступил, — чему я безмерно обрадовался. У пани баронессы Лахманович, невестки Ушаковой, а теперь моей молодой и доброй хозяйки, была также квартира на четвертом этаже, похожая на мою; мне ее показали, я ее нанял и живу сейчас за десять гульденов в месяц так, как если бы платил семьдесят. Вы, наверно, думаете: бедняга сидит под самым чердаком! Вовсе нет, так как надо мной еще пятый этаж и лишь над ним крыша, а что шестьдесят гульденов в кармане, так в кармане. Люди навещают меня, и пану гр[афу] Гуссажевскому приходится взбираться так высоко. К тому же задаром хорошее местоположение — в центре города и от всего близко. Внизу самое прекрасное место для прогулок. Артариа⁴ налево, Мекетти и Хаслингер направо, сзади театр, чего же еще надо?

Пану Эльснеру еще не пишу, но у Черни я был; квартет [Эльснера] пока еще не вышел.

* Предшественник (англ.).

Мальфатти выругал меня за то, что, пообещав прийти к па-ни Шашек на обед к двум часам, я пришел в четыре; в эту субботу я снова должен встретиться с ним на обеде, а если я опять опоздаю, то Мальфатти обещал сделать мне какую-то очень болезненную операцию; я не пишу, какую именно, потому что она гадкая. Я уже вижу, как Папа сердится на мою рассеянность и невоспитанность по отношению к людям; но это все наладится, потому что Мальфатти меня любит, чему я очень рад.

Нидецкий бывает у меня каждое утро и играет. Когда я напишу *Концерт* для двух фортепиано⁵, то мы вместе сыграем его публично; но сначала мне нужно выступить соло. Хаслингер вежлив как всегда, но отмалчивается.

Не знаю, ехать ли мне немедленно в Италию или как? Напишите мне об этом, прошу Вас. Мама довольна, что меня нет, но я-то недоволен. Так уж произошло...⁶. Обнимите за меня Титуса и попросите его, чтобы он мне, ради бога, писал... Нет! Нет! Вы даже не можете себе представить того удовольствия, какое мне доставляют Ваши письма. Почему это почта идет так долго! Ведь Вы же не сердитесь на меня, что я о вас беспокоюсь...

Я познакомился здесь с очень милым юношей, Лейденфростом, другом Кесслера; он часто бывает у меня, хотя я был у него всего только раз. Если я не приглашен куда-нибудь на обед, то обедаю с ним в городе. Он знает всю Вену, и если где-нибудь только есть что-либо интересное для осмотра, то он сейчас же ведет меня туда. Вчера, например, мы совершили великолепную прогулку по *Bastei**; эрцгерцоги в сюртуках, знать, словом, вся Вена. Там я встретил Славика, с которым мы сговорились сегодня увидеться, чтобы выбрать бетховенскую тему для вариаций. С одной стороны, я доволен, что нахожусь здесь, но с другой!..

Как хорошо мне здесь, в [моей] комнате! Напротив крыша, а внизу пигмеи. Я выше их. Лучшее всего мне, когда наигравшись на чудесном граффовском фортепиано, я иду спать с Вашими письмами в руке. И поэтому-то даже во сне я вижу только Вас.—

Вчера у Байеров танцевали мазурки. Славик, как баран, лежал на полу, а какая-то старая немецкая *contessa*** с большим носом и рябой физиономией, грациозно держась (по старинному обычаю) двумя пальчиками за платице, выделявала своими длинными и худыми ногами какие-то странные па вальса,—повернув голову к партнеру так напряженно, что даже кости на нее выступили, как только могли. Впрочем, это достойная особа, серьезная, ученая и обладает *usage du monde****.

* Укрепления, валы (нем.).

** Графиня (итал.).

*** Знанием света (франц.).

Среди многочисленных венских развлечений славятся вечера в кабачках, где за ужином Штраус или Ланнер (это здешние Свешевские) играют вальсы. После каждого вальса раздаются шумные аплодисменты; а если играют *quodlibet**, то есть мешанину из опер, песен и танцев, то слушатели так довольны, что не находят себе места от радости. Это свидетельствует об испорченном вкусе венской публики.

Хотел послать Вам сочиненный мною Вальс, но уже поздно; Вы его все равно получите. *Мазурок* тоже не посылаю, потому что я еще не переписал; [они] не для танца?

Мне не хочется с Вами расставаться, рад был бы писать еще. Когда увидите Фонтану, скажите ему, что я собираюсь ему писать. Матушиньский если не сегодня, то со следующей почтой получит огромное письмо.

¹ О проводах Ф. Шопена «*Kurier Warszawski*» писал 3 ноября 1830 г.: «...Многочисленные друзья артиста, во главе которых находился Ректор Эльснер, проводили его до Воли, где при прощании учащиеся Школы музыки исполнили следующую песнь [«Кантата для мужского хора в сопровождении гитары», музыка Ю. Эльснера, слова Л. Дмушевского]:

Рожденный в польском крае,
Пусть твой талант прославится повсюду.

..... : : : : :
Хотя покидаешь наш край,
Но сердце твое среди нас остается».

² Этот портрет Ф. Шопена не сохранился.

³ Ф. Шопен, вероятно, имеет в виду работу Г. Кизеветтера «*Die Verdienste der Niederländer um die Tonkunst*» («Музыкальные достижения Нидерландов». Wien, 1828).

⁴ Артариа — одна из главных нотопечательских фирм Вены: в это время во главе фирмы стоял Доменико Артариа.

⁵ Нет никаких сведений о подобном сочинении Ф. Шопена. Эскизы к этому сочинению по-видимому были впоследствии использованы Шопеном в *Allegro de Concert op. 46*.

⁶ Намек на политическое положение в Польше: в ночь с 29-го на 30 ноября вооруженным нападением подхорунжих, студентов и ремесленников на Бельведер — резиденцию вел. кн. Константина (которого решено было убить), началось восстание. Константину, однако, удалось бежать под прикрытием польских войск.

Т. Войцеховский, узнав о начале восстания, решил вернуться на родину и в первой половине декабря покинул Вену. Имеются сведения, впрочем, не вполне достоверные, что Ф. Шопен поехал за ним, но, не догнав его, вернулся в Вену (см.: Hoesick F. Chopin, t. 1, s. 298). В воспоминаниях Э. Скродского (Велислава) упоминается о письме Шопена родителям, написанном вскоре после начала восстания (письмо это не сохранилось и, возможно, было уничтожено по соображениям конспирации); в нем выражалось горячее желание вернуться на родину. Это желание Фридриха было, конечно, вполне естественным: буквально все его друзья и товарищи сражались в рядах повстанцев. По словам Э. Скродского, Миколаю Шопену стоило большого труда убедить сына, что он принесет больше пользы отчизне своим музыкальным талантом (см.: «*Bluszcz*», 1882, № 36, s. 282).

По цензурным соображениям Шопен позволяет себе лишь туманные намеки на политическую ситуацию; к тому же многие письма Шопена это-

* Всякую всячину (*итал.*).

го времени дошли до нас только в публикации М. Карасовского, который издавал их в период жестокой царской цензуры и порой сильно искажал их или даже попросту опускал, по словам Ф. Хезика, «все наиболее характерные, дышащие патриотизмом отрывки».

⁷ О каких вальсах и мазурках идет речь — установить не удалось. К этим годам относится создание вальсов e-moll и Es-dur op. 18 и мазурок, вошедших впоследствии в op. 6 и 7.

78. ЯНУ МАТУШИНЬСКОМУ В ВАРШАВУ

Вена, 26—29 декабря 1830

Вена. День рождества Христова.
Воскресенье утром. В прошлом году
в это время я был у бернардинов.
Сегодня сижу один в халате, грызу
колючку и пишу.

Горячо любимый Ясь.

Я как раз возвращался от Славика (известного скрипача, с которым подружился; после Паганини не слышал ничего подобного — девяносто шесть нот staccato берет на один смычок и т. д., просто невероятно); у него мне пришла мысль, вернувшись домой, погрузить за фортепиано и выплакать *adagio* к *Вариациям* на тему Бетховена¹, которые мы вместе с ним пишем; но то, что я заскочил на почту, которую, проходя мимо, никогда не пропускаю, придало моим чувствам иное направление.

Слезы, которые должны были упасть на клавиши, оросили Твое письмо; я жаждал письма от Тебя. Знаешь почему? Да, Ты знаешь. Но не только, [чтобы узнать] относительно моего ангела покоя², клянусь ее любовью, если бы я мог, то разбудил бы все звуки, какие бы только внушило мне слепое, бешеное, неистовое чувство, чтобы хоть отчасти угадать те песни, которые пело войско Яна³ и рассеянные отзвуки которых до сих пор еще где-то блуждают по берегам Дуная. Посоветуешь мне — выбрать поэта? Ты ведь знаешь, что я самое что ни на есть нерешительное существо на свете и только раз в жизни сумел сделать правильный выбор⁴. Боже мой, и она и сестры хоть корпией⁵ могут помочь, а я... Если бы не то, что отцу и без того тяжело, я бы немедленно вернулся. Я проклинаю час своего отъезда, и Ты, зная мои дела, должен согласиться, что с отъездом Тытуса слишком много сразу свалилось на меня.

Все эти обеды, вечера, концерты, танцы, которыми я сыт по горло, надоели мне: так мне тут тоскливо, глухо, мрачно. Я это люблю, но не при таких жестоких обстоятельствах. Я не могу поступить, как мне хочется, а должен наряжаться, завиваться, обуваться; в гостиных притворяюсь спокойным, а вернувшись домой, бушую на фортепиано. Никто мне не близок, со всеми я вынужден быть любезным. Есть люди, которые

меня как будто любят, рисуют меня, заигрывают со мной, угрожают мне. Но что мне в том, если не дано мне покоя, — разве что достану все ваши письма, открою картинку с видом на короля Зыг[мунта]⁶, посмотрю на колечко.

Прости, Ясь, что я Тебе так жалуясь, но мне кажется, что так мне вполовину легче, что так я спокойнее; с Тобой я всегда делился своими чувствами. Получил ли Ты записочку? Наверно, мои письма Тебе ни к чему, потому что Ты дома; я же читаю и перечитываю Твое письмо без конца. Фрейер был у меня несколько раз (хотя я у него не мог быть еще ни разу); он узнал у Шуха, что я в Вене. Он живет вместе с Ростовским (мне кажется, так зовут того посланного правительством молодого человека, у которого был процесс с Ролиньским). Он [Фрейер] рассказал мне множество интересных подробностей о событиях последнего времени, радовался Твоему письму, которое я дал ему прочитать до определенного места. Это место сильно меня огорчило.

Правда ли, что произошла хоть небольшая перемена? Не захворала ли? Я легко допускаю нечто подобное у столь нежного создания. А не показалось ли это Тебе? Может быть, испуг 29-го⁷? Не дай бог, чтобы я был причиной этого. Успокой [ее], скажи, что пока сил хватит... что до смерти... что и после смерти прах мой будет стлаться [ей] под ноги. Но того, что Ты сможешь ей сказать, слишком мало... я напишу. Я бы уже давно написал, не мучился бы так долго; но люди! — если бы мое письмо случайно попало в чужие руки, это могло бы повредить ее доброму имени, — поэтому лучше Ты будь моим толмачом, говори за меня, *et j'en conviendrai**. Эти Твои французские выражения меня доконали. — Немец, который шел со мной по улице, в то время как я читал Твое письмо, едва удержал меня под руки и никак не мог понять, что со мной случилось. Мне хотелось хватать и целовать всех прохожих, — у меня еще никогда так не было на душе, ведь это было первое письмо от Тебя! Я надоедаю Тебе, Ясь, своим глупым восторгом, но мне трудно прийти в себя и написать о чем-нибудь постороннем...

Третьего дня я был на обеде у одной дамы, польки, по фамилии Байер, по имени Констанция. Я люблю там бывать из-за реминисценций; все ноты, носовые платки, салфетки помечены ее именем; обыкновенно мы ходим туда вместе со Славиком, к которому она равнодушна. Третьего дня мы играли все время до и после обеда, и так как это был Сочельник и прекрасная (совершенно весенняя) погода, то мы вышли от Байеров ночью. Попрощавшись со Славиком, который должен был идти в Император[скую] часовню, я один в двенадцать медленным шагом направился к св[ятому] Стефану⁸.

* И я с этим соглашусь (франц.).

Пришел: никого еще не было. Не ради богослужения, а для того, чтобы в этот час поглядеть на это гигантское здание, я стал в самом темном углу у подножия готической колонны. Невозможно описать все великолепие, все величие этих грандиозных сводов — было тихо — только иногда шаги прислужника, зажигавшего в глубине храма светильники, нарушали мое забытие. За мною гробница, подо мною гробница... Только надо мною недоставало гробницы. Мрачная звучала во мне гармония... Больше чем когда-либо чувствовал я свою осиротелость; я упивался этим величественным зрелищем до тех пор, пока люди и огни не стали прибывать. Тогда, подняв воротник плаща, как не раз бывало, помнишь? через Краковское Предместье, — я отправился на музыку в Императорскую часовню. По дороге, уже не один, а среди множества компаниями идущих веселых людей, я пробежал по самым прекрасным улицам Вены до самого Замка, где прослушал три номера неважно, заспанно исполненной мессы, после часа ночи вернулся домой спать. Снились мне Ты, вы, они — мои милые дети.

На следующий день меня разбудили приглашением на обед к пани Элькан, польке, банкирше. Я встал, грустно поиграл себе, ко мне пришли Нидецкий, Лейденфрост, Штейнкеллер, мы попрощались, и я отправился на обед к Мальфатти; Шанасё, ныне истый поляк, поедал зразы с капустой, как, ручаясь, никто у Кармелитов⁹. Я не отставал от него; Ты должен знать, что док[тор] Мальфатти, этот редкий человек (в полном смысле слова человек), — так обо всем помнит, что всякий раз, когда мы у него обедаем, потчует нас польскими блюдами. После обеда пришел Вильд, известный, лучший, пожалуй, в настоящее время, немецкий тенор. Я проаккомпанировал ему наизусть арию из *Отелло*, которую он мастерски спел. На нем и на Гейнефеттер держится вся здешняя опера, а все остальное так убого, что совершенно недостойно Вены.

У панны Гейнефеттер почти полностью отсутствует эмоциональность. Подобный голос мне вряд ли скоро удастся услышать, — все великолепно спето, каждая нота выдержана безупречно, чистота, гибкость, portamento, — но все так холодно, что я чуть было не отморозил себе нос, сидя в первом ряду кресел, вблизи от сцены. Со сцены она хороша, особенно в мужском наряде. В *Отелло* она лучше, чем в [*Севильском*] *Цирюльнике*, где вместо невинной, живой, влюбленной девушки изображает многоопытную кокетку; в моцартовском [*Милосердии*] *Тита* она хороша в роли Сексты, а также и в *Крестовосце* [*в Египте*]. Скоро она выступит в *Сороке*[-воровке]; мне очень любопытно. Волкова понимала [*Севильского*] *Цирюльника* лучше, только ей не хватает горла панны Гейнефеттер. Она, несомненно, одна из первых певиц, но все же не первая.

Я собирался поехать слушать Пасту¹⁰. Ты ведь знаешь, что у меня есть письма от саксонского двора к вице-королеве Ми-

ланской. — Но как же ехать? Родители велят мне делать то, что я хочу, а я этого не люблю. В Париж? Здесь мне советуют еще подождать. Вернуться? — Остаться здесь? — Покончить с собой¹¹? — Не писать Тебе? Ты мне посоветуй, что мне делать. Спроси у тех людей, которые мной управляют, и напиши [их] мнение, и пусть так и будет. Будущий месяц еще пробуду здесь. Итак, пиши, прежде чем отправишься на северо-восток¹² (но я надеюсь, что Тебе не надо будет уезжать). Стало быть, напиши мне прежде чем уедешь (*poste restante*, в Вену), побывай у Родителей, прежде чем выедешь, у Конс[танции]... Замени им меня, пока Ты там. Бывай часто, пусть сестры видят Тебя, пусть думают, что Ты приходишь ко мне, а я в другой комнате; сядь рядом и пусть думают, что я сижу сзади. Иди в театр, и я туда приду.

Я внимательно читаю [здесьние] журналы: мне обещаны польские газеты. — О концерте не думаю. — Здесь Алоиз Шмидт, пианист из Франкфурта, известный своими очень хорошими Этюдами, человек лет сорока с лишним. Я познакомился с ним, он обещал меня навестить. Собирается дать концерт, надо уступить первенство; он мне кажется человеком дельным, и я надеюсь, что мы как музыканты пойдем друг друга. Потому что Тальберг отлично играет, но человек он не в моем вкусе. Он моложе меня, нравится дамам, из Немой [из Портичи] делает по пурри¹³, *piano* — педалью, а не рукой, децимы берет, как я октавы, на сорочках у него бриллиантовые пуговицы, Мошелес не поражает его, и поэтому не диво, что ему понравились только *tutti* из моего Концерта. Он тоже пишет концерты.

Дописываю Тебе письмо три дня спустя. Перечитал тот вздор, который намарал Тебе; прости, Ясь, что Тебе придется за него платить¹⁴. Как раз сегодня за обедом в итальянском кабачке я услышал: «*Der liebe Gott hat eine Fehler gemacht, dass die Polen geschaffen hat **», поэтому не удивляйся, что я не в состоянии хорошо написать то, что чувствую. И новостей Ты тоже не жди от поляка, потому что другой прибавил: «*In Polen ist nichts zu holen ***». — Мерзавцы! Между тем на деле они радуются [нашим несчастьям], хотя и не хотят этого показать.

Сюда приехал француз колбасник, перед его элегантной лавкой уже около месяца собирается пропасть народу, и они постоянно открывают в этом французе что-то новое; одни думают, что это последствие французской революции, и с состраданием взирают на ввешенные на полотнах кишки; другие возмущены тем, что французскому мятежнику разрешили от-

* Господь бог сделал ошибку, сотворив поляков (нем.).

** С Польши взятки гладки (нем.).

крыть колбасную лавку, в то время как они в собственной стране сами имеют достаточно свиней. Куда ни повернись, всюду говорят о французе и боятся, что если бы что-нибудь произошло, то как бы не началось это от француза¹⁵...

Кончаю, Ясь, потому что должен кончать. Обними от меня всех дорогих товарищей. Поцелуй меня. Я перестану Тебя любить только вместе с жизнью, с Родителями, перестану любить разве только вместе с нею. Дорогой мой, пиши мне. Даже покажи [ей] это письмо, если найдешь возможным, потому что у меня уже нет времени его перечитать. Нынче еще на вечер к Мальфатти, а перед этим сам [отнесу] на почту. — Как только случится минута времени, снова Тебе напишу. Родители, может быть, знают, что я Тебе пишу; скажи им, но письмо не показывай.

Все еще не могу оторваться от милого Яся! Ступай, Паскудик! Если Ватсон Тебя любит так же, как я, то, верно, радуется революции. Не повесили ли ее мать? Жаль, однако, что Усач (ты меня понимаешь), усач, плакса, — что этот гнусный музыкальный папа не звонит¹⁶. Как бы хорош был такой охраняющий звон, напр[имер], в финале Сороки[-воровки]... Конст... (не могу даже имени написать, моя рука недостойна). Ах! Я рву на себе волосы, когда подумаю, что обо мне могут забыть. Грессеры! Безобразов! Писажевский! Сколько их! Сегодня я — Отелло¹⁷.

Я хотел сложить это письмо и запечатать без конверта, забыв, что у Вас умеют читать по-польски. И так как у меня еще осталась бумага, позволь мне описать Тебе мою здешнюю жизнь. Живу я на четвертом этаже, правда, на прекраснейшей улице, но мне пришлось бы порядком высунуться из окна, если бы я захотел увидеть, что творится внизу. Моя комната (которую ты увидишь нарисованной молодым Гуммелем в моем новом альбоме, когда я вернусь к вам) удобная, просторная, в три окна. Кровать стоит напротив окон; справа (чудный) панталеон, с левой стороны диван. Между окнами зеркала, посередине великолепный круглый стол красного дерева; паркет натертый. Тихо.

После обеда Барин не принимает, и поэтому я могу всецело перенестись мыслями к Вам. Утром меня будит невыносимо глупый слуга, я встаю, мне приносят кофе, я играю, и часто завтрак оказывается простывшим. Потом около девяти приходит учитель немецкого языка; затем я чаще всего играю, после чего — как было до сих пор — меня рисовал Гуммель, а Нидецкий учил мой Концерт. Все это в халате до двенадцати; тут только приходит очень достойный немчик, Лейденфрост, немчик, работающий в тюрьме, с которым, если погода хороша, мы идём на прогулку вокруг города по glacis¹⁸. После чего я отправляюсь на обед, если куда-нибудь приглашен, если же нет, мы идём вместе туда, где обедает вся здешняя студенче-

ская молодежь, то есть «Zur Boemischen Köchin»*. После обеда пьем черный кофе в самой красивой Kaffenhause** (такая здесь мода, даже Шанасё бывает; после чего я делаю визиты, а в сумерках возвращаюсь домой, завиваюсь, обуваясь — и на вечер. Около десяти, одиннадцати, иногда двенадцати (никогда не позже) возвращаюсь [домой], — играю, плачу, читаю, смотрю, смеюсь, иду спать, гашу свечу, и вы мне всегда снится.

Твое письмо должно было уйти в среду, но было слишком поздно, — значит, пойдет в субботу. Поцелуй Эльснера.

Я начал писать чисто, а кончил так, что, может быть, и не прочтешь. Поцелуй Магнуса, Альфонса, Рейншмидтка¹⁹. Если можно будет, попроси кого-нибудь из них сделать приписку к Твоему письму.

Мой портрет, о котором должны знать только Ты и я, — малюсенький²⁰; если ты думаешь, что он мог бы доставить [Констанции] хоть немножко удовольствия, то я пришлю Тебе его через Шуха, который может выехать с Фрейером около пятнадцатого буд[ущего месяца], если обстоя[тельства] того потребуют.

В Вене много разговоров о Клопики, жалеют Потоки, и какие-то Волики говорили с кн[яз]ем²¹. Мне смешно: то, как они искажают наши имена, превосходит всякое воображение.

Без крайней необходимости не отдавай записочку. Не знаю, что написал. Можешь прочитать первую и, может быть, последнюю²².

III.

Комментируемое письмо Ф. Шопен послал вместе с письмом к родителям, — по-видимому, он все еще не знал номера дома, в котором жил Я. Матушиньский.

¹ Это сочинение Ф. Шопена не сохранилось.

² Констанция Гладковская.

³ Имеется в виду войско Яна III Собеского, нанесшее под Веной, в Каленберге в 1683 г. сокрушительное поражение численно превосходившему его турецкому войску под предводительством везира Кара Мустафы.

⁴ Речь идет о Констанции Гладковской.

⁵ Корпия — перевязочный материал, употреблявшийся в то время вместо ваты.

⁶ Памятник-колонна польскому королю Зыгмунту III Вазе — своего рода символ Варшавы; сооружен в 1644 г. на Дворцовой площади — (мраморная колонна, увенчанная статуей короля, держащего саблю и крест в руках). У Ф. Шопена в его «Альбоме-дневнике» было изображение этого памятника.

⁷ День начала восстания.

⁸ Св. Стефан — замечательный готический собор в Вене (1144 г.).

⁹ Варшавская харчевня.

¹⁰ То есть ехать в Италию.

¹¹ Как известно, такие настроения владели и другими представителями революционно настроенной польской интеллигенции. А. Мицкевич, впо-

* «У Богемской поварихи» (нем.).

** Кофейне (нем.).

следствии вспоминая переживания этого времени, писал: «Меня охватило желание покончить с собой».

¹² Навстречу приближающейся русской армии.

¹³ То есть импровизирует на темы из оперы Д. Обера «Немая из Портичи».

¹⁴ См. коммент. 7 к письму 64.

¹⁵ Венские аристократические и правительственные круги, опасаясь влияния Июльской революции на Германию и Италию, с тревогой следили за революционными событиями во Франции и Польше. Отсюда и попытки вызвать в массах антифранцузские настроения. В кругах же либеральной буржуазии и в немощных слоях населения эти события вызвали скрытое удовлетворение и надежду, что и в Вене «что-нибудь произойдет».

¹⁶ Усач — генерал Александр Рожнецкий, объект всеобщей ненависти из-за своего угодничества перед царизмом; Ф. Шопен выражает сожаление, что он «не звонит» — не болтается, как язык колокола, то есть, что его не повесили.

¹⁷ Ревность к Констанции Гладковской.

¹⁸ Бывший пояс укреплений, с валами, окружавшими Вену. В описываемый период на месте укреплений был разбит парк, служивший излюбленным местом гуляний горожан.

¹⁹ У Юзефа Рейншмидта перед отъездом Ф. Шопена из Варшавы был устроен прощальный обед. Впоследствии Ю. Рейншмидт писал об этих проводах: «Приближалось время отъезда Шопена за границу. Ближайшие его друзья решили устроить ему прощальный обед. Я и Доминик Магнушевский были хозяевами. Кроме товарищей, были приглашены: отец Фридерика — Миколай, почтенный старик, более 70 лет [на самом деле ему было 59 лет], и доктор Людвик Келлер, друг семьи Шопена... Из друзей Константы Гашиньский, Фонтана (очень хорошо играющий на фортепиано), Тытус Войцеховский, Виктор Хелмицкий и ряд товарищей Шопена и наших... Первым взял слово Д-р Келлер и от имени Варшавы пожелал Шопену не только успеха и славы за границей, но также чтобы он никогда не вычеркнул из памяти Родину и друзей, которых покидает. В том же духе говорили и другие — горячо и сердечно. После обеда, когда мы перешли в гостиную, Юльян Фонтана сел за фортепиано и так прелестно играл мазурки и всевозможные отрывки, что заставил всех петь. Воцарилось общее веселье. Начались экспромты, и стихи посыпались как из мешка. Тут первенство принадлежало Магнушевскому и Гашиньскому. Воодушевленный этим, Шопен сел за фортепиано, и из под его пальцев полилось столько чудесных народных мелодий, что минутами мы вникали им с дрожью сердце и слезами на глазах. В этот вечер он сочинил музыку к песенке «Шинкарочка, шафарочка — бойся бога, стой!» [«Гулянка», слова С. Витвицкого; ор. 74 № 4], которую мы потом все несколько раз пропели хором...» (см.: Chopin w Kraju, s. 268). Ф. Хёжик сообщает, что на этом вечере Шопену был преподнесен серебряный кубок («с соответствующей надписью»), наполненный родной землей, и Фридерик, растроганный этим символическим подарком, расплакался. Эта земля в 1849 г. была высыпана в могилу Ф. Шопена на Пер-Лашез (см.: Hoessick F. Chopin, t. 1, s. 280).

²⁰ По мнению М. Идзиковского и Б. Э. Сыдова, миниатюра неизвестного венского художника была послана Ф. Шопеном Я. Матушиньскому, который и вручил ее К. Гладковской. За несколько дней до смерти, (20 декабря 1889 г.) она сожгла ее вместе со всем, что хранилось у нее всю жизнь как память о Шопене (см.: Portret Fryderyka Chopina. Kraków, 1952, s. XII).

²¹ Константы Волицкий вел с вел. кн. Константином политические переговоры в Сечехове 5 декабря 1830 г.

²² Ф. Шопен одновременно отправил Я. Матушиньскому два или три письма, предлагая ему решить, показать ли их и какое именно, К. Гладковской (см. письма 79 и 80).

79. ЯНУ МАТУШИНЬСКОМУ В ВАРШАВУ

[I вариант:]

Вена, 1 января 1831

В день Нового года

Дражайшее создание!

Вот тебе то, что ты хотел. Получил ли ты письмо? Отдал ли его?.. Сейчас я сожалею о том, что сделал. Я заронил луч надежды там, где сам вижу сплошной мрак и отчаяние. Может быть, она ответит издевкой, может, обратит в шутку!.. Может быть...

Такие мысли приходят мне в голову в то время, когда в моей комнате ведут веселые разговоры твои прежние товарищи: Ростковский, Шух, Фрейер, Киёвский, Хубе и т. д. И я тоже смеюсь, а в душе, когда пишу эти строки, меня терзает какое-то ужасное предчувствие. Мне кажется, что это сон, что это наваждение, что я у вас, а все то, что слышу, — мне снится. Эти голоса, к которым моя душа не привыкла, производят на меня не большее впечатление, чем стук карет на улице или прочий шум, к которому я равнодушен. Голос твой или Тытуса заставил бы меня очнуться от этого мертвого оцепенения. Жить, умереть — сегодня мне кажется безразличным.

От Тебя нет писем. Родителям скажи, что я весел, ни в чем не нуждаюсь, великолепно провожу время и никогда не бываю один. Ей скажи то же самое, если будет насмехаться. Если же нет, то скажи ей, чтобы она не сомневалась во мне, что я повсюду тоскую. Я нездоров, [но] родителям об этом не пишу. Все спрашивают, что со мной? Состояние плохое. Хубе ухаживает за мной. У меня насморк. Впрочем, Ты лучше знаешь, что со мною!

Бедные родители наши! Что делают мои друзья?

Почему я ныне так покинут, почему только вам дано находиться всем вместе в эти ужасные минуты. Твоей флейте² будет о чем стенать, но пусть сначала стелает фортепиано.

Возможно, что через месяц я выеду в Париж, если там будет тихо.

Тут нет недостатка в развлечениях, но охоты развлекаться я в Вене еще не испытывал. Мерк, первый здешний виолончелист, обещал мне свой виолончельный визит. — Сегодня Новый год; как же он грустно для меня начинается. Обними меня, я вас люблю больше жизни — пиши как можно больше. В Радоме ли она³. Вы рыли... [укрепления]. Ты пишешь, что выстушаешь с полком, как же тогда отдашь записку? Не пересылай — осторожно... может, родители... может, осудят! Еще раз обними меня... Ты идешь воевать, вернись полковником. Да сопутствует вам... Почему я не могу быть с вами, почему не могу быть барабанщиком!!!

Прости за сбивчивость этого письма, но я пишу как пьяный.

Твой
Фридерик.

[II вариант:]

Дражайшее Создание!

Вот тебе то, что ты хотел. Получил ли ты письмо? Отдал ли его? Сейчас я сожалею о том, что сделал. Я заронил луч надежды там, где сам вижу сплошной мрак и отчаяние. Может быть, она ответит издевкой, может, обратит в шутку. Может быть!..

Такие мысли приходят мне в голову в то время, когда в моей комнате ведут веселые разговоры твои прежние товарищи: Ростковский, Шух, Фрейер, Киёвский, Хубе и т. д. — и я тоже смеюсь; смеюсь, а в душе, когда пишу эти строки, меня терзает какое-то ужасное предчувствие. Мне кажется, что это сон, что это наваждение, что я у Вас, а все то, что слышу, — мне снится. Эти голоса, к которым моя душа не привыкла, производят на меня не большее впечатление, чем стук карет на улице или прочий шум, к которому я равнодушен. Голос Твой и Тытуса заставил бы меня очнуться от этого омертвления и равнодушия.

Жить, умереть, — сегодня мне это кажется все равно, я не получил от Тебя письма! Родителям скажи, что я весел, ни в чем не нуждаюсь, великолепно провожу время и никогда не бываю один. Ей скажи то же самое, если будет насмехаться. — Если же нет, то скажи ей, чтобы не сомневалась во мне, что я повсюду тоскую, Я нездоров, [но] родителям об этом не пишу. Все спрашивают, что со мной. Состояние плохое. Хубе ухаживает за мной. У меня насморк. А впрочем, ты знаешь, что со мной.

Вильд превосходный певец, [это] не Польковский. Я хорошо с ним знаком. Славик великолепен, мы часто играем вместе; завтра будем вместе на обеде. С Леви, здешним первым валторнистом, тоже играем, он бывает у меня. Теперь Мерк обещал мне свой виолончельный визит. Ни одной песни послать

Тебе не могу. Обними товарищей. Магнуся поцелуй, Альфонса [Брандта]. Рейншмидтка, Домуся, Вилюся. Марцелию пишу. Пиши мне, Ясь! Когда же мы наговоримся. Люблю Тебя, и Ты меня люби. Пишу как пьяный.

Адрес: Ясю

верю, даже не запечатываю. Дети! ⁴

Всем знакомым, Твоей сестре и отцу [шлю привет].

¹ 1 января 1831 г. Ф. Шопен написал Я. Матушиньскому два письма, причем первое из них (письмо 79) в двух вариантах, отличающихся друг от друга лишь в деталях. Второе письмо (письмо 80), близкое к ним по содержанию, является ответом на несохранившееся письмо Я. Матушиньского от 22 декабря 1830 г. Эти письма (письмо 79 в двух вариантах и письмо 80) были посланы в Варшаву на адрес родителей Шопена; они были написаны на отдельных листах, так, чтобы Матушиньский мог располагать ими по своему усмотрению и согласно обстоятельствам; первое письмо (письмо 79 в двух вариантах) Матушиньскому вручено не было, так как оно было найдено в бумагах семьи Шопена, второе же (письмо 80) было ему вручено — оно обнаружено в собрании семьи Матушиньских. Отправка этих почти идентичных писем свидетельствует о душевной тревоге и смятении Шопена.

² Я. Матушиньский играл на флейте и даже выступал в концертах как солист.

³ Радом был родным городом К. Гладковский; по сообщению Ф. Хёзика, семья Гладковской в это время «если уже не переехала в Радом, то была намерена это сделать в ближайшее время» (Hoesick F. Chopin. t. 1, s. 327).

⁴ Этим восклицанием Ф. Шопен просит сестер сохранить тайну. Имеются сведения (М. Карасовский), что к адресу Шопеном была сделана приписка, тоже обращенная к сестрам: «Просят печать не ломать и рекомендуют не быть любопытными, как старые бабы».

80. ЯНУ МАТУШИНЬСКОМУ В ВАРШАВУ

Вена, 1 января 1831

Получил Твое письмо от 22-го.

Лучший на свете Друг, ты получаешь то, что хотел. Не знаю, что со мной творится. Люблю Вас больше жизни. Пиши мне. Ты в армии! Не в Радоме ли она? Вы рыли укрепления? Бедные родители наши! Что делают мои друзья? Я с Вами. Умер бы за Тебя, за Вас. Почему же я ныне так покинут? Разве только вам дано быть вместе с такую ужасную минуту. —

Твоей флейте будет о чем плакать, но пусть раньше выплачется панталеон. Ты пишешь, что отправляетесь. Как же отдашь [записку]? Не пересылай. Осторожнее. Мои родители! Возможно, подумают плохо. А ей-богу, это искренне. Поцелуй меня. Через месяц, может быть, уеду в Париж, если там будет тихо. Люби меня всегда так, как сейчас. Фрейер Тебя любит; тоже сожалеет, что не с Вами.

Иду на обед [к] Мальфатти. Завтра я у Штейнкеллера.

Не развлечений недостает, но охоты развлекаться — в Вене я еще не веселился. Сегодня Новый год, как грустно я его начинаю! Может быть, я его не закончу.

Обними меня. Ты идешь на войну. Вернись полковником. Желаю Вам удачи. Отчего я не могу хотя бы барабанить!

III.

81. ИЗ «АЛЬБОМА-ДНЕВНИКА» Ф. ШОПЕНА

Вена, начало 1831

Сегодня у меня только один дванцигер в жилетке, а мне кажется, что я богаче, чем Артур Потоцкий, которого я встретил несколько часов назад в огромной шляпе и в экипаже.

* *
*

Да будет мне позволена честь записаться в круг Ваших друзей.

Шопен.

* *
*

Приятная минута, когда я могу объявить ему свою дружбу.

Конторщик-Шопен

* *
*

Ах, Милостивый Государь Мой, я просто сам вне себя от радости при мысли, что я вступаю в круг его подлинных друзей.—

Шопен-голодранец.

На русском языке публикуется впервые. Mirska Maria. Szlakiem Chopina. Warszawa, 1949, s. 75. Эти записи занимали соответственно семнадцатую, восемнадцатую и девятнадцатую страницы «Альбома-дневника» Ф. Шопена.

82. ЮЗЕФУ ЭЛЬСНЕРУ В ВАРШАВУ

Вена, 29 января 1831

Вена, 29 января 1831

Милостивый Пан Эльснер!

Мне стыдно, что Ваша доброта, столько доказательств которой я получил еще перед отъездом, и на этот раз опередила

исполнение мною моего долга: мне следовало написать Вам сразу же по прибытии моем в Вену. Но я все медлил, отчасти потому, что был уверен, что мои родители не преминут сообщить Вам малоинтересные сведения обо мне, а также потому, что ждал, когда буду в состоянии сообщить вам о себе что-либо определенное.

Однако, с того дня, как я узнал о событиях 29 нояб[ря], и до настоящего времени я не испытывал ничего, кроме щемящей тревоги и тоски; и Мальфатти напрасно старается меня убедить, что каждый артист — космополит. Если даже это так, то как артист я еще в колыбели, а как поляк уже начал третий десяток; поэтому надеюсь, что Вы, зная меня, не осудите, что во мне берут верх более старые чувства и что я до сих пор не думал об устройстве концерта. Потому что теперь мне во всех отношениях предстоят гораздо большие трудности.—

Не только непрерывный ряд скверных фортепианных концертов, искажающих этот род музыки и отпугивающих здешнюю публику, но, кроме того, события в Варшаве, быть может, настолько изменили в неблагоприятную сторону мое положение, насколько в Париже они могли бы ему содействовать¹.

Тем не менее надеюсь, что все как-нибудь образуется и еще во время карнавала мне удастся исполнить любимый Вюрфелем мой первый *Концерт*². Славный Вюрфель все хворает; я часто его вижу; он всегда с удовольствием вспоминает Вас.— Если бы не интересные знакомства со здешними первоклассными талантами, как Славик, Мерк, Боклет и т. д., немногим бы я здесь мог воспользоваться. Опера действительно хороша; Вильд и Гейнефеттер заинтересовали здешнюю публику; жаль только, что Дюпор ставит мало новых вещей и больше думает о своем кармане, чем об опере. Abbé* Штадлер скорбит об этом и говорит, что теперь Вена уже не та, что в прежнее время. Он печатает у Мекетти *Псалмы*, произведение, которое я видел в рукописи и восхищался им.

Что касается Вашего *Квартета*, то Йозеф Черни торжественно обещал мне, что он будет готов ко дню св. Иосифа.— Он говорит, что не мог заняться им до сих пор, потому что печатал произведения Шуберта, многие из которых еще ждут издания; это, вероятно, задержит выход в свет другой Вашей рукописи. Однако, насколько я мог до сих пор понять, Черни не принадлежит к числу богатых здешних издателей и поэтому не может смело вкладывать средства в такие произведения, которых нельзя играть у Шперля или «Zum Römischen Kaiser»**. Они здесь вальсы называют сочинениями! а Штрауса и Ланнера, которые играют им для танцев, — капельмейстерами. Из этого все же не следует, что все тут так думают: на-

* Аббат (франц.).

** «У Римского императора» (нем.).

против, почти все над этим смеются, но все-таки печатают только вальсы. Мне кажется, Мекетти более *entreprenant** и с ним легко будет договориться о ваших мессах⁴, так как он задумал издавать партитуры наиболее значительных духовных сочинений. Его бухгалтер — любезный и просвещенный саксонец; когда я напомнил ему о ваших чудесных мессах, он несколько не был против этого, а ведь он всем заправляет в деле.

Я сегодня обедаю с Мекетти, поговорю с ним серьезно и вскоре Вам напишу. Хаслингер теперь издает последнюю мессу Гуммеля. Он только Гуммелем и живет; однако последние его вещи, за которые он, должно быть, дорого ему заплатил, плохо раскупаются. Поэтому он задерживает все рукописи и печатает только Штрауса. Как сейчас каждая шарманка играет Штрауса, так, может быть, через несколько месяцев будет играть Нидецкого, только в другом смысле. Вчера я был с ним у Штейн-келлера, который заказал ему оперу. Он сильно на нее рассчитывает. В ней выступит знаменитый комик Шустер. А Нидецкий может этим создать себе имя. Надеюсь, что Вас это обрадует. Заказ от комиссии он получил, а деньги — нет.

Вы мне пишете о моем втором Концерте⁵, который учил Нидецкий, — это было по его собственному желанию. Зная, что перед отъездом из Вены ему следовало бы выступить публично, он решил дать концерт — но, не имея собственного [Концерта], а только красивые вариации, он попросил у меня рукопись. Но все уже изменилось, и выступит он не как виртуоз, а как композитор. Вероятно, он Вас сам об этом уведомит. Я постараюсь, чтобы на моем концерте была исполнена его увертюра. Уж мы Вас порадуем! (если не доставим стыда, потому что Алоиз Шмидт, пианист из Франкфурта, сильно тут получил по носу, хотя ему больше сорока лет, а музыку сочиняет восьмидесятилетнюю).

Выражая почтение всему дому, прошу принять уверения в преклонении, с которым навсегда остаюсь

вашим благодарным и преданным учеником

ФФ. Шопен.

Знакомым и коллегам поклоны.

Адрес: «A Monsieur Monsieur J. Elsner/Recteur au Conservatoire de Musique a Varsovie (en Pologne) na Krakowskim Przedmieściu na rogu Mariensztatu/w Konservatorium Muzycznym».

¹ То несколько холодное отношение, с которым встретился Ф. Шопен во время своего второго пребывания в Вене, объясняется изменением политической ситуации. Реакционные монархические круги Вены и богатое бюргерство враждебно относились к полякам, восставшим против царизма

* Предприимчив (франц.).

(нельзя забывать, что меттерниховская Вена была одним из центров европейской реакции и что Австрия угнетала ряд национальных меньшинств, в том числе и поляков). Концерт польского артиста и бурные проявления симпатии к нему могли носить политическую окраску. Предположение о том, что в Париже он будет встречен хорошо, основывалось на широко известной симпатии революционной Франции к полякам и их свободолюбивым устремлениям. В произведениях многих виднейших представителей французской литературы того времени (например, В. Гюго, К. Делавиня, Ж. Беранже) прославлялись отвага и героическая борьба польского народа. Газеты и журналы постоянно печатали полонофильские статьи, удачам поляков радовались, а их поражения воспринимались как собственные.

² Речь идет о Концерте f-moll, теперь известном как Второй концерт Ф. Шопена.

³ Модные венские кафе.

⁴ Ю. Эльснер был автором 29 месс.

⁵ Концерт e-moll, теперь известный как Первый концерт Ф. Шопена.

83. РОМУАЛЬД ХУБЕ — В «АЛЬБОМЕ-ДНЕВНИКЕ» Ф. ШОПЕНА

Вена, 26 марта 1831 г.

Перед отъездом в Санкт-Петербург¹.

Ромуальд Хубе

Вена, 26 марта 1831 г.

The Book of the First International Musicological Congress devoted to the Works of F. Chopin, s. 668.

Эта запись находилась на седьмой странице «Альбома-дневника» Ф. Шопена.

¹ Сразу после начала восстания Р. Хубе хотел вернуться в Польшу, но был задержан австрийскими властями. 26 марта 1831 г. он с несколькими товарищами тайно покинул Вену и пробрался в Польшу. В Варшаве он посетил родителей Ф. Шопена и сообщил о самочувствии и планах их сына.

Зиму 1830—1831 гг. Хубе прожил в том же доме, что и Шопен (3-й этаж, Kohlmarkt, 1151). Впоследствии он писал: «Шопен постоянно упражнялся на фортепиано, причем он исполнял [?] и импровизировал, а я посещал Императорскую библиотеку, приводя в порядок научный материал, собранный в Италии и Франции» (Ibidem, s. 667). Впоследствии Шопен встретился с Хубе в Париже (1843) и подарил ему свой портрет (работы Фабьяна Сарнецкого).

84. НОРБЕРТ АЛЬФОНС КУМЕЛЬСКИЙ — В «АЛЬБОМЕ-ДНЕВНИКЕ» Ф. ШОПЕНА

Вена, 26 марта 1831

Фридрику Шопену — его подлинный друг.

Норберт Альфонс Кумельский

вписывает на память о пребывании в Вене.

Сего 26 марта 1831 года

Kań owicz M. Pamiątki po Chopinie, s. 378.

Вена, апрель 1831

Газеты и афиши уже оповестили о моем концерте¹, который должен состояться через два дня, а меня это так мало трогает — словно он никогда не состоится. Не слышу [сверху исправлено «слушаю»] лестных отзывов, которые мне кажутся все более глупыми — [несколько фраз зачеркнуто] — мне хочется смерти — и снова хотел бы видеть родителей. — Ее образ у меня перед глазами — мне кажется, что я не люблю ее, а ведь не выходит из головы. —

Все, что я до сих пор видел за границей, кажется мне давно известным, невыносимым и лишь заставляет тосковать по дому, по тем блаженным часам, которых я не умел ценить. То, что прежде казалось мне великим, сегодня [кажется] обыденным, а то, что раньше [казалось] обыденным, сегодня [кажется] невероятным — удивительным — слишком великим — слишком высоким. —

Здесь люди мне чужды, они хороши, но [зачеркнуто: «невероятно хороши»] хороши по привычке, и они все делают слишком правильно — [два слова зачеркнуто] — плоско — посредственно [вычеркнуто: «а это-то»] что меня убивает. — Не хочу даже капли посредственности

н—

Апрель 1831

Запись занимала тринадцатую страницу «Альбома-дневника» Ф. Шопена. По всей видимости, она сделана 2 апреля 1831 г. Подпись — «н» — вероятно, последняя буква имени Шопена.

¹ Концерт, о котором упоминает Ф. Шопен, состоялся 4 апреля 1831 г. 2 апреля 1831 г. «Allgemeine Theaterzeitung und Originalblatt für Kunst, Mode und Geselliges Leben» (№ 40) писала: «4 апреля, в пасхальный понедельник, в королевско-императорском редутном зале ... состоится давно объявленный, и по ряду причин откладывавшийся, большой вокальный и инструментальный концерт Гарсиа-Вестрис, — тем более замечательный, что в нем, кроме нее, примут участие Сабина и Клара Гейнефеттер, господа: Вильд (тенор), Шопен (пианист), Бём (скрипач-виртуоз), Гельмесбергер (скрипач, ученик Бёма), Мерк (виолончелист) и братья Леви (валторнисты)». Второе и последнее выступление Шопена в Вене состоялось 11 июня 1831 г. — он играл свой Концерт е-moll на музыкальной академии в Кернтнертор-театре, в бенефис дирижера М. Д. Матиса (программу этого концерта см.: Zagiba F. Chopin und Wien).

86. ЙОЗЕФ Л. БЛАХЕТКА — Ф. ШОПЕНУ В ВЕНУ

Вена, 11 апреля 1831

[Изложение несохранившегося письма:] «Й. Л. Блахетка сообщает Ф. Шопену, что концерт его дочери отложен и не состоится 18 апреля. Он просит Шопена посетить их».

Karłowicz M. Pamiętki po Chopinie, s. 284.

87. ИЗ «АЛЬБОМА-ДНЕВНИКА» Ф. ШОПЕНА

Вена, 1 мая 1831

Странно мне, грустно мне, — не знаю, что делать — почему же я один!

1 мая 1831, Вена —

Нынче замечательно было в Пратере¹ — пропасть людей — которые меня совершенно не интересуют — мне мила эта зелень, — весенний аромат — эта невинность природы напомнила мне детские мои ощущения — собиралась гроза — я вернулся — гроза разошлась, а меня охватила грусть — отчего? — Даже и музыка меня сегодня не радует — уже поздняя ночь, а спать не хочется — не знаю, чего мне не хватает — а ведь мне пошел уж третий десяток.

Эта запись занимала шестнадцатую страницу «Альбома-дневника» Ф. Шопена.

¹Пратер — парк в Вене, место народных гуляний.

88. АЛОИЗ ФУКС — В «АЛЬБОМЕ-ДНЕВНИКЕ» Ф. ШОПЕНА

Вена, 1 мая 1831

Ракоходный канон Иоган[на] Себ[астьяна] Баха¹

Алоиз Фукс.

Вена, сего 1 мая 1831

Rgocházka I. Chopin und Böhmen, S. 108.

¹Ниже А. Фукс вписал восемнадцать тактов из «Музыкального приношения» (1747) И. С. Баха. В ответ Ф. Шопен вписал в альбом А. Фукса Мазурку f-moll op. 7 № 3 (20 июня 1831 г.).

89. ЙОЗЕФ СЛАВИК — В «АЛЬБОМЕ-ДНЕВНИКЕ» Ф. ШОПЕНА

Вена, 2 мая 1831

Помните своего друга.

Славик.

2 мая, [1]831, Вена

Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 1, p. 255.

Вена, 14 мая 1831

Вена, 14 мая 1831

Мои горячо любимые Родители и Сестры!

Эту неделю я в отношении писем сидел на строгой диете. Я объяснял себе это тем, что получу их на следующей, и спокойно ожидал, надеясь, что вы здоровы как в деревне, так и в городе. Что касается меня, то я здоров и чувствую, что в несчастии это большое утешение. — Если бы мое здоровье, против ожидания, не было так хорошо, не знаю, что бы я тут делал. Возможно, это мальфаттиевские супчики вливали в мои жилы какой-то бальзам, уничтожающий всякую склонность к болезни? Если это так, то я жалею, что эти наши периодические пиршества кончились в прошлую субботу, так как Мальфатти с детьми уехал в деревню. —

Вы не можете себе представить, в какой красивой местности он живет; неделю назад я был у него с Гуммелем. Водя нас по своей усадьбе, он постепенно показывал ее красоты, а когда мы взойшли на самую вершину горы, то нам не хотелось слезать обратно. Ежегодно двор удостаивает его своим посещением, а его соседка, герцогиня Ангальтская¹, наверно, завидует его саду. С одной стороны под ногами видна Вена, так что создается впечатление, будто она сливается с Шёнбруном²; с другой — высокие горы и разбросанные по ним деревушки и монастыри заставляют забывать о роскоши и суете шумного города.

Вчера я был с Кандлером в императорской библиотеке. Надо вам сказать, что я давно собирался познакомиться с самым, быть может, богатым здешним собранием старинных музыкальных рукописей, но все как-то не удавалось. Не знаю, содержится ли в более систематическом порядке библиотека в Болонье; но представьте себе мое изумление, когда среди новых рукописей вижу книгу в футляре с надписью: *Шопен*. Что-то довольно толстое и в красивом переплете. Я подумал, что никогда не слышал о другом Шопене. Был какой-то Шампен — вот я и подумал, что это, вероятно, перепутали его фамилию или что-нибудь в этом роде. Вынимаю, смотрю — моя рука: это Хаслингер отдал в Библиотеку рукопись моих *Вариаций*. Думаю себе: «Д[ураки], нашли, что хранить».

В прошлое воскресенье предполагался большой фейерверк, но он не удался из-за дождя. Странное дело, почти всегда в день фейерверка бывает плохая погода. Расскажу Вам по этому поводу анекдот: У некоего человека был отличный коричневый фрак, но всякий раз, как он его надевал, шел дождь. Хотя он его и редко надевал, но почти никогда не возвращался домой в сухом фраке. Тогда он пошел к портному, рассказал ему об этом и спросил его, что может быть тому причиной? Портной

удивился, покачал головой и попросил этого пана оставить ему этот фрак на несколько дней на испытание, так как он не мог ручаться, не связан ли этот фатум со шляпой, башмаками или жилетом. Какое там! Стоило портному, надев фрак, выйти на улицу, а дождь как хлынет, — пришлось бедняге нанять фиакр, чтобы вернуться домой, потому что он забыл взять с собой зонтик или (что более похоже на правду, как утверждают многие) жена портного ушла с зонтиком к своей кухне или приятельнице пить кофе. Как бы то ни было, портной промок, и фрак был сырой; пришлось ждать, пока он просохнет, ибо в противном случае он так бы и не просох.

Во время этого ожидания портному приходит в голову мысль распороть фрак и посмотреть, нет ли там в конце концов какой-нибудь чертовщины, привлекающей тучи. Блестящая идея! Он порет рукава — ничего нет. Распарывает полы — ничего. Он распарывает грудь — и что же? Так вот: под подкладкой находится кусок афиши о фейерверке! Он все понял; вынул афишу, и с тех пор фрак уже больше не мок!

Простите, что не могу сообщить о себе ничего утешительного; может быть, позднее еще порадую вас; ничего так не желаю, как поступать согласно вашим желаниям; до сих пор, однако, не мог.

¹ Ангальт — немецкое княжество.

² Шёнбрунн — императорский замок под Веной, летняя резиденция с великолепным парком, построенная в 1750 г.

91. ВАЦЛАВУ ГАНКЕ В ПРАГУ

Вена, 15 мая 1831

Вена, с[его] 15 мая 1831 г.

Милостивый государь!

Пан профессор В. А. Мацеёвский возложил на меня приятную обязанность напомнить Вам, Милостивый Государь, о том пакетике, который пан Ромуальд Хубе должен был получить от Вас¹. Но так как пан Ромуальд уже находится дома, поэтому я вынужден покорнейше просить Вас, чтобы Вы сообразовали переслать этот пакетик или прямо пану Мацеёвскому, или же мне в Вену, Kohlmark[t] № 1151, 3 Stock, переслать, пб, если можно, до 1-го Июня, потому что это крайний срок, до которого я намерен остаться в Вене.—

Получив же его, я, не мешкая, перешлю его профессору, с нетерпением ожидающему материалов для начатой им работы.—

Прошу извинить меня, Милостивый Государь, если я своим письмом затруднил Вас, но я с радостью воспользовался слу-

чаем, для того чтобы уверить Вас, Милостивый Государь, в
полнейшем своем уважении,
с которым и остаюсь

Ваш искренний и преданный слуга
ФФ. Шопен.

¹ Речь идет о материалах, необходимых Магеевскому для работы над
«Historia prawodawstw slowiańskich» («История славянских узаконений»).
Издана в четырех томах в 1832—1835 гг.

92. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Вена, 28 мая 1831

Вена, 28 мая 1831

Только что вернулся с почты, но ничего не пришло. В среду я получил письмо от пани Яроцкой с припиской дорогого Папочки, который, однако же, поспешил на столь дорогие для меня строки. Из них я все же вижу, что дома все здоровы. Что касается Марцелия и Яся, то я их заклинаю, чтобы они писали мне, раз они такие негодяи, что я не могу у них допроситься нескольких букв! Я так зол, что отослал бы им их письма обратно, даже не распечатывая. Они будут отговариваться недостатком времени, а у меня разве есть время писать вам каждую неделю такие длинные письма? Ох, это время, как оно летит! — Уже конец мая, а я все еще в Вене; начнется июнь, а я все еще буду тут сидеть, потому что у Кумельского рецидив и бедняга снова лежит.

Вижу, что намечается скучное письмо, но не думайте, что это следствие какого-нибудь болезненного состояния, вовсе нет, я здоров и прекрасно провожу время. Сегодня, рано встав, я играл до двух часов, после чего пошел обедать и застал там славного Кандлера, который, как вы знаете, обещал мне письма к Керубини и Паэру. — Навестив больного, думаю пойти в театр, потому что там будет концерт, в котором участвуют: Герц, тот молодой еврей-скрипач, которого чуть не освистали у нас в Варшаве на концерте панны Зонтаг, и пианист Дёлер, играющий сочинения Черни. В заключение концерта Герц сыграет собственные *Вариации* на польские темы. Бедные польские темы! Вы не представляете себе, какими маюфесами¹ вас наспигуют, называя это для привлечения публики польской музыкой. Защищай тут после этого польскую музыку, только выскажи свое мнение о ней, и тебя примут за сумасшедшего, тем более что Черни, этот венский оракул по части фабрикаций всяческих музыкальных приправ, еще не варьировал ни одной польской темы.

Вчера после обеда я пошел вместе с Тальбергом в евангелическую церковь, где Хессе, молодой органист из Вроцлава, выступил перед избранной венской публикой; там собрался весь цимес², начиная со Штадлера, Кизеветтера, Мозеля, Зайфрида, Иировца и т. п. и кончая церковным привратником. Парень талантлив и умеет обращаться с органом. Хессе оставил мне листок из своего альбома, но я не знаю, что ему туда написать — ничего не приходит в голову. — В среду я со Славиком пробыл у Байеров до двух часов ночи. Это один из здешних артистов, который мне приятен и с кем мы подружились. В этот вечер он играл как второй Паганини, но Паганини более юный, который со временем превзойдет первого. Я бы этому не поверил, если бы не слушал его так часто. Я только жалею, ах, как жалею, что Тытус с ним не познакомился. Он завораживает слушающих, заставляет людей плакать, более того, — тигров заставляет плакать! ибо князь Г. и Искр.³ уехали растроганные.

Но что же, однако, с вами делается?! Снитесь вы мне и снитесь! Будет ли конец кровопролитию?⁴ Я знаю, что вы мне скажете: «Терпение!» Этим я только и утешаю себя.

В четверг был вечер у Фукса, где Лиммер, один из лучших здешних музыкантов, выступил со своими композициями для четырех виолончелей. Мерк, по своему обыкновению, сделал их более привлекательными, чем они, в сущности, являются. Сидели до двенадцати, так как Мерку захотелось сыграть со мной свои *Вариации*. Мерк говорит мне, что любит со мной играть, и я с ним также люблю, и поэтому у нас должно хорошо получаться. Это первый виолончелист, которым я восхищаюсь; не знаю, как мне понравится Норблин; только не забудьте о письме к нему.

¹ Еврейские праздничные песни.

² Здесь — сливки общества (евр.).

³ Вероятно, русские сановники.

⁴ Возможно, речь идет об известной битве при Остроленке (14 мая 1831 г.), в котором И. И. Дибич, настигнув дивизию Лубинского, опрокинул ее, приступом взял Остроленку, и, перейдя реку Нарев, нанес главнокомандующему польскими войсками Яну Скининецкому сокрушительное поражение. Польские потери составили до 8000 человек.

93. ВИЛЕМ ВЮРФЕЛЬ — В «АЛЬБОМЕ-ДНЕВНИКЕ» Ф. ШОПЕНА

Вена, 12 июня 1831

Твой старый друг¹.

Помни обо мне².

Вена, 12 июня 1831

Вюрфель.

В. Вюрфель.

¹ Выше В. Бюрфель вписал восемь тактов из своего Концерта F-dur для фортепиано с оркестром.

² Выше В. Бюрфель вписал восемь тактов из своей оперы «Roth-mantel».

94. ЛЕОПОЛЬД ЭУСТАХИЙ ЧАПЕК — В «АЛЬБОМЕ-ДНЕВНИКЕ» Ф. ШОПЕНА

Вена, июнь 1831

Одна тоска, одно желание владели нашими сердцами¹: мой Фрицлерс, мой милый, не забывайте меня. —

Вена, июнь 1831

Л. Э. Чапек².

¹ Имеется в виду пожелание успеха польскому национально-освободительному восстанию.

² Ниже Л. Э. Чапек вписал маленькую композицию для фортепиано — Реминисценцию b-moll.

95. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Вена, 25 июня 1831

Вена, 25 июня 1831

Я здоров, и это единственное, что меня утешает, потому что с отъездом моим дело удивительно не ладится. Ничего подобного я еще не испытывал. Вы знаете, как я не умею принимать решения, а тут препятствия на каждом шагу.

Каждый день мне обещают паспорт, и каждый день я таскаюсь от Понтия к Пилату за получением того, что я оставил на хранение в полиции. Сегодня выяснилось нечто новое — мой паспорт куда-то затеряли, так что его не только не отыщут, но необходимо, чтобы я подал прошение о выдаче мне нового. Нас всех теперь постигает удивительная участь; и хоть я готов уехать, но все же не могу. Я последовал совету Байера и прошу завизировать мне паспорт в Англию, а поеду в Париж. Мальфатти дает мне письмо к своему другу Паэру. Кандлер уже написал обо мне в лейпцигскую музыкальную газету¹.

Вчера, поскольку был день св. Яна, а стало быть именины Мальфатти, я вернулся домой в двенадцать. — Макетти сделал ему сюрприз, а Вильд, Чичимара, панны: Эммерлинг, Лутцер и моя милость потчевали его далеко не заурядной музыкой. Лучшего исполнения квартета из *Моисея*² я еще не слышал; но Oh, quante lagrime * панна Гладковская на моем прощальном концерте в Варшаве пела несравненно лучше. Вильд был в го-

* О, сколько слез (итал.).

лосе, а я, так сказать, исполнял роль капельмейстера. [Приписка:] Чичимара сказал мне, что в Вене нет никого, кто бы так аккомпанировал, как я. Я подумал: прекрасно это знаю. (Но умолчим!) [Конец приписки].

Огромное число посторонних слушало этот концерт с террасы. — Волшебна светила луна, били фонтаны, чудесный аромат выставленных наружу оранжерейных растений наполнял воздух; словом, великолепнейшая ночь, чарующее место. Вы не можете себе представить, как красива архитектура залы, в которой пели; громадные, сверху донизу раскрытые окна выходят на террасу, с которой видна вся Вена; повсюду зеркала, а света мало. Кабинет, примыкающий слева к длинной прихожей, придает помещению какие-то необыкновенные размеры. Сердечность и приветливость хозяина, эlegantность и богатство, веселое общество, царящее там остроумие и превосходный ужин задержали нас очень надолго. Только около полуночи мы сели в экипажи и разъехались по домам.

С расходами держусь, как могу, берегу каждый крейцер, как тот перстень³ в Варшаве. Если хотите, можете его продать; я уж и так Вам достаточно стою, на мое несчастье.

Третьего дня мы были на Леопольдсберге и Каленберге с Кумельским и Чапеком, моим ежедневным гостем, выказывающим мне величайшие знаки дружбы, вплоть до предложения, если мне потребуется, денег на дорогу. День был чудесный. Такой прекрасной прогулки я еще никогда не совершал. С Леопольдсберга видна вся Вена, Ваграм, Ашперн, Пресбург, монастырь Нейбург — замок, в котором сидел в заточении Ричард Львиное Сердце, — и вся верхняя часть Дуная. После завтрака мы отправились в Каленберг, где был лагерь короля Собеского (посылаю Изабелле оттуда листик [с дерева]). —

Там есть костел, принадлежавший некогда камедулам, где он перед наступлением турок посвящал в рыцари своего сына Якуба и сам прислуживал во время мессы. Оттуда мы к вечеру отправились в Крапфенвальд, очень приятную долинку, где наблюдали любопытный уличный обычай: мальчишки с ног до головы наряжаются в листву и в таком костюме, похожие на движущиеся и танцующие кусты, ходят от одного гостя к другому. Такой бутуз, весь покрытый листьями, с ветками на голове, называется Pfingstkönig*. Так тут празднуют троицу. Оригинальная глупость!

Несколько дней тому назад я был на вечере у Фукса; он показал мне свое собрание, состоящее из четырехсот автографов, среди которых находится мое уже переплетенное *Rondo*⁴ для двух фортепиано. Там было несколько лиц, которые хотели со мной познакомиться. Фукс подарил мне листок с автографом Бетховена⁵.

* Троицын король (нем.).

Последнее Ваше письмо очень меня обрадовало, потому что самые для меня милые соединились на одном листке. Поэтому целую за него ножки и ручки, равных которым нет в целой Вене.

¹ Франц Кандлер в отчете о музыкальной жизни Вены за первое полугодие 1831 г. писал („Allgemeine Musikalische Zeitung“ за 21 сентября 1831 г.; № 38): «В Вене выступил также г-н Шопен, который уже во время своего прошлогоднего пребывания показал себя первоклассным пианистом. Его исполнение своего нового Концерта e-moll, написанного в серьезном стиле, не дает никакого повода, чтобы изменить то, что мы уже раньше о нем писали. Кто столь благородно воспринимает и трактует подлинное искусство, тот заслуживает и подлинного уважения». О концертах Ф. Шопена в Вене в 1831 г. появился и ряд других рецензий, которые были им пересланы семье и вызвали удовлетворение Ю. Эльснера (см. письмо 91). Эти рецензии, к сожалению, до нас не дошли.

² Квартет из оперы Дж. Россини «Моисей в Египте» (1818).

³ Перстень, пожалованный Ф. Шопену Александром I в 1825 г.

⁴ Автограф Рондо C-dur op. 73 (версия для одного фортепиано) сохранился в архиве венского „Gesellschaft der Musikfreunde“. Ф. Шопен, вручая этот подарок А. Фуксу, написал на рукописи: «Г-ну Фуксу /Ф. Ф. Шопен». Фукс же, передавая его в дар Обществу друзей музыки, написал на автографе: «Получено в дар от самого композитора и Алоизом Фуксом преподнесено в собрание автографов здешнего музыкального общества. Вена в нояб[ре] 1840».

⁵ А. Фукс преподнес Ф. Шопену музыкальный автограф Бетховена (ныне находится в Париже в частном собрании). На автографе дарственная надпись А. Фукса: «Господину Фр. Шопену от его почитателя и друга. Алоиз Фукс. Вена в июне [1831]».

96. МИКОЛАЙ ШОПЕН — Ф. ШОПЕНУ В МЮНХЕН

Варшава, 29 июня 1831

Варшава, сего 29 июня 1831

Мое дорогое дитя.

Я только что получил письмо¹, которое Г-н Шольц лично сам любезно мне доставил. Я очень обрадовался, что твое здоровье не помешает твоему отъезду и от всего сердца желаю, чтобы небо сохранило тебе его в дальнейшем.

Так как из твоих писем я заключил, что ты уже начал тратить деньги, предназначенные для дальнейшего твоего путешествия, то вместе с настоящим письмом пересылаю тебе небольшое подкрепление, более говорящее о наших возможностях, чем о наших желаниях. Ты упоминаешь, что получил от господина Штайна 450 рейнских фл[оринов], что равняется 1800 польских зл[отых]. Добавляю к этому 1200 зл[отых], что в сумме составит 3000 польских зл[отых]. Таким образом ты получишь триста рейнских фл[оринов] без всяких затрат, ибо я внес всю сумму в серебряных рублях, и даже 223 польских зл[отых] на покрытие банковских издержек, согласно подсчету господина Штольца, который уверял меня, что пересылать деньги за границу трудно.

Итак, мое дорогое дитя, так как твои ресурсы невелики, то постарайся не задерживаться долго в Мюнхене, чтобы не истратить там то небольшое, чем располагаешь. Я рассчитываю на твое благоразумие. Сообщи нам как можно скорее, сможешь ли ты поехать повидать Романа и есть ли у тебя знакомые там, где сейчас находишься. Я очень рад, что господин Кумельский совершит это путешествие вместе с тобой, по крайней мере, ты не будешь один. Будь экономным, насколько это возможно, сердце у меня обливается кровью, что не могу сделать для тебя больше.

Обнимаю тебя от всего сердца.

III.

Адрес: «Monsieur Monsieur/Frédéric Chopin/ á Munich».

¹ Это письмо Ф. Шопена не сохранилось.

97. СТЕФАН ВИТВИЦКИЙ — Ф. ШОПЕНУ В ВЕНУ

Варшава, 6 июля 1831

6 июля 1831, Варшава

Дорогой Пан Фридерик.

Позволь мне напомнить о себе и поблагодарить Тебя за Твои прекрасные песенки¹. И не только от себя лично, но и от имени всех, которые их слышали — они безмерно нравятся. И ты сам нашел бы их прекрасными, если бы услышал, как их поет Твоя сестра².

Ты непременно должен стать творцом польской оперы; я глубочайше убежден, что ты сможешь им стать и что как польский национальный композитор ты откроешь для своего таланта неизмеримо богатое поле деятельности, на котором покроешь себя неуываеомой славой. Только постоянно помни: народность, народность и еще раз народность; это слово почти ничего не говорит дюжинным авторам, но это не так для такого таланта, как Твой. Существует родная мелодия, точно так же, как и родная природа. Горы, леса, воды и луга обладают своим внутренним, родным голосом, хотя и не каждому сердцу дано его услышать. Я убежден, что славянская опера, вызванная к жизни истинным талантом — композитором мыслящим и чувствующим, засверкает когда-нибудь в музыкальном мире подобно новому солнцу и, быть может, даже вознесется выше всех других. У нее будет столько же напевности, сколько у итальянской, но еще больше чувства и несравненно больше мыслей.

Каждый раз, когда я думаю об этом, дорогой пан Фридерик, я всегда лелею сладкую надежду, что Ты будешь первым, которому суждено почерпнуть из неисчерпаемой сокровищницы славянских мелодий. Если Ты не пойдешь этим путем, то добровольно откажешься от прекраснейших лавров. Подражание оставь другим — пусть им забавляется посредственность. Ты же будь самобытным, национальным. Быть может, сначала и не все

поймут тебя, но упорство на избранном однажды поприще обеспечит Тебе память потомков. Кто хочет возвыситься, стать подлинным мастером в каком-либо роде искусства, тот должен иметь перед собой великие цели.

Прости, что я пишу Тебе это. Верь мне, что эти советы и пожелания рождены искренним расположением и уважением, которое я питаю к Твоему таланту.

Если поедешь в Италию, то было бы хорошо, если бы ты провел некоторое время в Далмации и Иллирии³ для ознакомления с песнями братского нам народа, — а также в Моравии и Чехии. Иди славянские национальные мелодии, как минералог ищет камни и руды — в горах и полях. Может быть, ты даже сочтешь уместным записывать некоторые напевы. Такое собрание было бы для Тебя необыкновенно полезным, — на это не надо жалеть времени. Еще раз прошу извинить меня за эти непрошенные строки — и я оставляю эту тему.

Твои родители и сестры здоровы. Я имею удовольствие иногда видеть их. Мы тут все живем как в горячке. Я, из-за своего здоровья, был столь несчастлив, что до сих пор не смог отправиться на поле брани. И когда другие тешат себя пулями, я тешу себя пилюлями, но все же состою в артиллерии Национ[альной] гвардии. Я слышал, что ты там тоскуешь и печалишься. Я понимаю Твое положение: сейчас, когда дело идет о жизни или смерти родины, ни один поляк не может быть спокоен. Однако желательно, чтобы Ты, дорогой друг, помнил впредь, что ты уехал не для того, чтобы тосковать, а для того, чтобы усовершенствоваться в своем искусстве и стать гордостью и славой своей семьи и родины. Этот совет я осмеливаюсь передать Тебе с разрешения Твоей уважаемой матери. И действительно, чтобы успешно работать, нужно иметь свободную голову, не тосковать и не огорчаться.

Я прощаюсь с Тобой, дорогой пан Фридерик, и от всего сердца желаю счастья и всего наилучшего.

Твой друг

Витвицкий.

Если тебе захочется написать музыку еще к какой-нибудь песенке, объединяя две строфы вместе, как в *Вестнице*, то не обращай внимания на то, что количество строк нечетное, — я всегда могу дописать строфу.

Adieu.

Адрес: «A Monsieur/Monsieur Frédéric Chopin/ à Vienne».

¹ Из-за отсутствия точной хронологии песен Ф. Шопена трудно определить, какие именно песни имеет в виду С. Витвицкий. Это могли быть: «Желание», «Где милый» (1829), «Вестница», «Воин», «Гулянка» (1830). И. Ф. Бэлза предполагает, что речь идет о новых песнях Шопена, написанных в Вене и пересланных в Варшаву: «Печальная река», «Жених» и «Литовская песенка» (1831) (см.: Бэлза И. Шопен. М., 1960, с. 208).

² Вероятно, Людвика Шопен.

³ В Иллирии во времена Наполеона размещались части польского легиона.

Вена, 16 июля 1831

Вена, 1831 г., июль, суббота

Из вашего последнего письма я вижу, что вы освоились с несчастьем; поверьте, что и меня далеко не все уже может задеть. Надежда, дорогая надежда!

Наконец-то я получил паспорт. Но с отъездом в понедельник ничего уже не выйдет; только в среду¹ отправимся в Зальцбург, а оттуда в Мюнхен. Надо Вам сказать, что я велел визировать себе паспорт в Лондон². Полиция завизировала, но в русском посольстве продержали два дня и вернули его мне с разрешением выезда, но не в Лондон, а в Мюнхен. Неважно, подумал я, лишь бы подписал французский посол господин Мезон.—

Кроме указанных затруднений, прибавилось еще одно: для выезда в Баварию надо иметь *Gesundheitspass* * от холеры, без которого не пускают в пределы баварского государства. Из-за этого мы с Кумельским бегали целых полдня; после обеда это должно кончиться. Утешаюсь тем, что, [бегая] по стольким казенным лестницам, мы по крайней мере находились в хорошей компании, так как если судить по польскому виду, прекрасному выговору и паспорту, то вместе с нами ходил и сам Александр Фредро за подобным же свидетельством для своих слуг³.

Здесь страшно боятся холеры, даже смех берет. Продают печатные молитвы от холеры, не едят фруктов, и большинство удирает из города. Мекетти я оставляю *Полонез*⁴ для виолончели. Людвика пишет мне⁵, что пан Эльснер был доволен рецензией; не знаю, что он скажет про вторую⁶, — ведь это он обучал меня композиции.

Мне ничего не нужно, только побольше сил, больше душевной бодрости; я устал, но временами так же весел как дома. В грустные минуты отправляюсь к пани Шашек; там я обычно застаю несколько милых полек, чьи сердечные, полные надежды слова так меня всегда ободряют, что я сейчас же начинаю изображать здешних генералов⁷. Это только что мной изобретенное новое дурачество; вы его еще не видели, а те, кто на это смотрят, помирают со смеху. Но бывают и такие дни, когда из меня и двух слов не вытянешь, ни до чего со мной не договоришься, тогда я еду за 30 крейцеров в Гитцинг или куда-нибудь в окрестности Вены, чтобы развлечься.

Был у меня Захаркевич из Варшавы; она [его жена], увидев меня у Шашков, все удивлялась, что я стал таким солидным мужчиной. Я отпустил с правой стороны бакенбарду, и — довольно густую. С левой она — ни к чему, так как к публикесидишь только с правой⁸.

* Медицинское свидетельство (нем.).

Нынче я обедаю у Шашков. Я ношу пуговицы с польскими орлами и платок с косиньерами⁹. Я написал Полонез. Портрет нашего командующего Скжинецкого я получил, но в ужасном виде, — продырявленный из-за холеры¹⁰.

Третьего дня был у меня милейший Вюрфель; потом пришли также Чапек, Кумельский и многие другие, и мы поехали к св. Вейту. — Это красивое место, чего я не скажу про здешнее так называемое Тиволи, где имеется что-то вроде карусели или катанья на тележках, как они это называют — *Rutschbahn**. Это страшная глупость. И все же множество людей катается на этих тележках сверху вниз без всякой цели; даже смотреть не хочется. Только позже, так как нас было восемь человек (и к тому же самых добрых приятелей), мы стали спускаться наперегонки, кто долетит скорее, помогая себе ногами; появилась цель — соревнование, — и я из яростного противника этого глупого венского развлечения стал его ревностным прозелитом, пока снова рассудок не взял верх и мне не пришла мысль, что этим развлекают здоровых и сильных людей, сбивая с толку способные умы, и это в такое время, когда именно таких [людей] все человечество зовет на свою защиту. Черт бы их побрал!..

Здесь в театре очень хорошо была исполнена *Осада Коринфа*¹¹ Россини. Я доволен, что мне удалось дожидаться этой оперы. Выступали, и очень хорошо, Вильд, Гейнефеттер, Биндер, Форти, словом, все что есть лучшего в Вене. Я был на этой опере вместе с Чапек, а после нее мы ужинали там, где всегда выпивал Бетховен.

Да, чтобы не забыть: вероятно, мне придется взять у банкира Петера несколько больше денег, чем назначил мне Папа; устраиваюсь как могу, но, ей-богу, не могу иначе, а то мне пришлось бы пуститься в дорогу со слишком легким кошельком. А если, сохрани бог, болезнь или что-нибудь случится, то Вы могли бы меня упрекнуть, почему я не взял больше. Простите, но ведь на эти деньги я уже здесь живу май, июнь и июль, и за обеды я плачу теперь больше, чем зимой. Я делаю это не только по собственному желанию, а скорее по советам других. Мне больно, что я вынужден просить Вас об этом. Папочка уже немало потратил на меня; я знаю, как придется мучиться из-за каждого гроша, а нынче даже мучения не помогут, — а только надежда. Мне тяжелее просить, чем Вам дать, однако мне легче взять, чем вернуть Вам. Но смиловится же бог — *punctum***!

В октябре будет год, как мне выдали паспорт; его, наверное, нужно будет продлить; как мне это сделать? Напишите — мо-

* Горка для катания (нем.).

** Точка (лат.).

жете ли вы прислать мне новый — и каким образом. Может быть, это невозможно!..¹²

Часто на улице я бегу за каким-нибудь Ясем или Тытусом. Вчера я поклялся бы, что со спины это Тытус, а это, черт побери, какой-то пруссак. Пусть эти эпитеты не дают Вам дурного представления о моем венском воспитании; правда, у них здесь нет ни особой вежливости, ни изысканных выражений в разговоре, за исключением *Gehorsamer Diener** в конце [каждой фразы]; но я не учусь здесь ничему типично венскому. Ни одного вальса, например, не умею танцевать как следует, а уж этого довольно! Мое фортепиано слышало только мазурки¹³...

Дай Вам бог здоровья! Да не погибнет больше никто из знакомых. Жаль Гуче!.. Ваши письма прокалывают и снабжают огромной санитарной печатью, так боятся: панический страх!

Ваш преданнейший
Фридерик.

¹ Ф. Шопен покинул Вену в среду, 20 июля 1831 г.

² В Лондоне находились тогда дипломатические представители польского повстанческого правительства. Виза на паспорте Шопена гласила: «Проездом через Париж в Лондон». Впоследствии, в Париже, Ф. Шопен шутил, что он здесь только проездом.

³ Александр Фредро в 1831 г. сотрудничал с Галицийским комитетом, оказывавшим помощь восстанию; «слуги», которым он брал паспорта в Париж, вероятно, были политическими эмиссарами или эмигрантами.

⁴ Интродукция и Полонез C-dur для фортепиано и виолончели op. 3, изданный П. Мекетти в 1833 г.

М. Карасовский сообщает, что Ф. Шопен оставил В. Вюрфелю Полонез (речь, по-видимому, идет о не дошедшем до нас произведении Шопена).

⁵ Это письмо не сохранилось.

⁶ Рецензии о двух выступлениях Ф. Шопена в Вене в 1831 г.; до нас они не дошли.

⁷ «Генералы» — вероятно, знаменитости венского артистического мира.

Ф. Шопен обладал ярко выраженным мимическим и актерским даром. Характеристику его таланта, со слов М. Чарторыской, приводит С. Тарновский: «Нам рассказывала кн. Марцелина Чарторыская, что Шопен был одним из самых совершенных и занимательных мимов. Без переодевания, без всяких актерских аксессуаров, он в миг изменял лицо, осанку, походку столь совершенным образом, что даже самые близкие его знакомые не могли его узнать. Такие выдающиеся актеры, как Бокаж, г-жа Дорваль, уверяли, что не часто встречали такой подражательный дар и такое врожденное комическое дарование». Об этом же писал Л. Водзиньский: «[Шопен] обладал превосходной мимикой и даром подражать голосу различных людей до такой степени, что если он изображал разговор между тремя знакомыми вам лицами, находясь в другой комнате, то создавалась полнейшая иллюзия, что эти три человека в самом деле находились там и вели между собой беседу; диалог этот бывал столь забавным, что мы все смеялись» (Hoesick F. *Preludia Chopina*. — «Echo Muzyczne, Theatralne i Artystyczne», 1900, №№ 8, 9, 13).

Многие известные современники высоко ценили это дарование Шопена. Так, А. Мицкевич сравнивал его с талантом прославленного английского актера Давида Гаррика; О. Бальзак писал об одном из своих героев:

* Покорный слуга (нем.).

«...И одаренный тем же характером копировать людей, каким в высокой степени обладал пианист Шопен» (Бальзак О. Собр. соч., в 24 тт., т. 2. М., 1960, с. 484).

⁸ Следующие далее строки, выделенные курсивом, приведены только у М. Карасовского.

⁹ Платок с изображением косиньеров — ратников, вооруженных косами, насаженными параллельно древку, наподобие пики.

¹⁰ В 1830—1831 гг. после русско-турецкой и русско-польской войн в России, Польше и других странах Западной Европы началась вторая эпидемия холеры. (Именно от холеры 15 июня 1831 г. скончался в Витебске вел. кн. Константин.) Поэтому письма из Польши прокалывали и окуривали для дезинфекции.

¹¹ Опера «Магомет II» (1820), переработанная для парижской сцены (1826) и получившая название «Осада Коринфа».

¹² Ф. Шопен так больше и не продлил русского паспорта. Несмотря на неоднократные уговоры отца не порывать с русским подданством, что было бы Шопену нетрудно, так как он не принимал прямого участия в восстании — Шопен до конца жизни остался добровольным изгнанником. Стоит отметить, что в Вене он не воспользовался рекомендательными письмами к русскому послу Д. П. Татищеву (от вел. кн. Константина), ни к его жене, польке по происхождению.

¹³ Так, например, первая страница автографа Мазурки f-moll (ор. 7 № 3) датирована Шопеном: «Вена, 20.6. 1831», а последняя: «Вена. 20. 7. 1831».

99. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Вена, 20 июля 1831

[Изложение несохранившегося письма:] «Фридерик сообщает родителям, что уже садится [в экипаж] и вместе с Кумельским отправляется через Линц и Зальцбург в Мюнхен. Он пишет, что здоров и что Штейнкеллер снабдил его деньгами; но, опасаясь, что ему их не хватит, он просит прислать ему деньги в Мюнхен»¹.

Это последнее письмо Ф. Шопена из Вены известно только в пересказе М. Карасовского (Karasowski M. Fryderyk Chopin, t. 1. Warszawa, 1882, s. 259).

¹ В Париж Ф. Шопен ехал через Линц, Зальцбург и Мюнхен, где провел август, ожидая денег от отца, знакомясь с местными музыкантами и играя в частных домах. 28 августа в зале Филармонического общества в дневном концерте состоялось его публичное выступление в Мюнхене. Ф. Шопен исполнил Концерт e-moll и Фантазию на польские темы ор. 13. Рецензия на этот концерт появилась в мюнхенском журнале «Flora» за 28 августа 1831 г. (№ 87).

100. НОРБЕРТ АЛЬФОНС КУМЕЛЬСКИЙ — РОДНЫМ

Зальцбург, конец июля — начало августа 1831

По пути из Вены в Мюнхен мы прибыли в старинный город Зальцбург. Прибыли как раз тогда, когда на башне бывшей резиденции правящих этим княжеством архиепископов пробили шесть часов вечера куранты, насчитывающие уже свыше полутора веков и звучащие три раза в день. В то время они играли прекрасный дуэт из сцены замуровывания из оперы *Каменщик*¹, столь подходящей для колокольной музыки.

Услышав это, Шопен, сам будучи композитором и великим музыкантом, выразил в своих заметках удивление по поводу столь современного стиля старинной музыки и, естественно, стал отрицать авторство Обера.

Однако несколько дней спустя, когда мы поднялись на башню, чтобы познакомиться с механизмом курантов, Оберу были возвращены его права, ибо мы узнали от хранителя башенных часов, что механизм ежемесячно настраивается на другую музыкальную пьесу из сочинений современных авторов. [...].

Отрывок. Hoesik F. Chopin, t. 1, s. 340.

¹ Опера Д. Обера (1825).

101. ИЗ «АЛЬБОМА-ДНЕВНИКА» Ф. ШОПЕНА

Штутгарт, начало сентября 1831

Штутгарт.— Странное дело! Эта кровать, в которую предстоит мне лечь, может быть, служила уже не одному умирающему, а мне это сейчас не внушает отвращения! Может быть, не один труп лежал — и долго лежал — на ней? — А чем труп хуже меня? — Труп тоже ничего не знает об отце, о матери, о сестрах, о Тытусе! — У трупа тоже нет возлюбленной! — Он не может поговорить с окружающими на родном языке! —

Труп так же бледен, как я. Труп так же холоден, как и я теперь ко всему. — Труп уже перестал жить — и я уже досыта жил. — Досыта? — А разве труп сыт жизнью? — Если бы он был сыт, он хорошо бы выглядел, а он такой жалкий — разве жизнь оставляет такой сильный отпечаток на чертах, на выражении лица, на внешности человека? Отчего мы живем такой жалкой жизнью, которая нас пожирает и дана нам на то, чтобы превращаться в трупы! —

Часы на башнях Штутгарта отбивают ночной час. Ах, сколько трупов прибавилось на свете в это мгновение! У детей погибли матери, у матерей дети — сколько рухнувших надежд, сколько горя из-за трупов в эту минуту и сколько утешений. — Сколько бесчестных опекунов — сколько угнетенных созданий [стало] трупами. — Злой и добрый — трупы! — Доблесть и злодеяние — одно! — Они братья, когда [становятся] трупами.

Стало быть — смерть — наилучший поступок человека — а что же будет тогда худшим? — Появление на свет! как прямая противоположность наилучшему поступку. Значит, у меня есть основания сетовать, что я появился на свет! — почему же мне нельзя оставаться на свете [слово зачеркнуто] бездейственным! — Ведь я и так бездействен! — Что толку в моем существовании! — Я не пригожусь людям, так как не обладаю ни [крепкими] икрами, ни глоткой! — А пусть они и были бы у меня, зато тогда не было бы ничего больше! — И что ж в

том, что был бы с икрами, без икр ведь нельзя и быть! — А есть ли у трупа икры? — У трупа, как и у меня, тоже нет икр; вот и еще одна черта, увеличивающая наше сходство. Следовательно, мне немногого недостает до окончательного поворотания со смертью. Сегодня я ее не желаю — разве что вам плохо, дети. Разве что и вы ничего лучшего, чем смерть, не желаете себе! — Если нет, я еще жажду вас увидеть — не ради моего личного счастья, а ради [вычеркнуто: «своего»] счастья взаимного, потому что я знаю, как вы меня любите. Она только притворялась. Или притворяется. Ах, отгадать это — вот в чем загадка! — Да — нет, да — нет, нет — да, палец в палец... соскользнул!.. Любит меня? Вправду любит? — Пусть делает, как хочет. Сегодня на душе у меня высокое чувство, более высокое, чем... любопытство. [Две строки вычеркнуты.] Можно вспоминать добром — [зачеркнута строчка].

Отец, Мать, дети. Все то, что мне дороже всего, где вы? — Быть может, трупы? — Быть может, москаль подшутил надо мной! — О, подожди! — Жди... А слезы? — Давно уж не лились? — Откуда это? — Ведь мной уж давно овладела бесслезная печаль. Ах — как давно я не мог плакать. Как мне хорошо... тоскливо! Тоскливо и хорошо! — Что это за чувство? Хорошо и тоскливо, но ведь когда тоскливо, то не может быть хорошо, а все-таки мне это по сердцу! — Это странное состояние. Но и трупу так же. Плохо и хорошо ему в одну и ту же минуту. Он переносится в лучший мир — и ему хорошо, но ему жаль расставаться с прошлым — и он тоскует. Трупу это должно быть также, как было мне в тот момент, когда я перестал плакать.

Это была, по всей видимости, некая мгновенная смерть моих чувств — на миг я умер для сердца! Или, скорее, на миг сердце умерло для меня. — Почему же не навсегда? — Может, мне было бы легче. — Один, один — [три строки зачеркнуты.] Ах, нельзя описать мое горе. Едва есть силы воспринимать его. Едва не разрывается сердце от тех радостей и огромных восторгов, что выпали в этом году на мою долю. В будущем месяце у меня кончается паспорт — не смогу жить за границей или, по крайней мере, не смогу жить официально. Этим я буду еще больше похож на Труп. —

Штутгарт, после 8 сентября 1831¹

Штутгарт. Я писал предыдущие страницы, ничего не зная о том — что враг в доме — [Вычеркнутая строчка.] Предмestья разрушены — сожжены — Ясь! — Вилюсь, наверно, погиб на стенах — Марцелия я вижу в неволе — Совиньский, благородная душа, в руках этих мерзавцев! — О боже, и ты существуешь! — Существоешь и не мстишь! — Или тебе еще мало московских злодеяний — или — или ты сам москаль! —

Мой бедный Отец! — Мой благородный, быть может, голоден, и ему не на что купить матери хлеба! — Быть может, мои сестры подверглись ярости разнузданного московского сброда! Паскевич, этакая могилевская собачонка, завладевает резиденцией первых монархов Европы?! Москаль — владыкой мира? [Два вычеркнутых слова] —

О, Отец, такова отрада твоей старости! — Мама, страдальца, нежная мать, ты пережила дочь, чтобы увидеть, как москаль по ее костям ворвется терзать [вычеркнуто: «Тебя»] вас. Ах, Повонзки²! Пощадили ли ее могилу? Растоптали — тысячи трупов завалили могилу. Сожгли город!! — Ах, почему я не мог убить хотя бы одного москаля! О Тытус — Тытус!³

* * *

Штутгарт. — Что с ней? — Где она? — Бедная! — Может быть попала в московские руки! — Москаль тащит ее — душит — терзает, убивает! — Ах, Жизнь моя, я один здесь — приди ко мне — я осушу твои слезы, залечу раны настоящего, напоминая тебе о прошлом. — О временах, когда еще не было москалей. — О временах, когда лишь несколько москалей страстно хотели тебе понравиться, а ты смеялась над ними, потому что там был я — [вычеркнуто слово] я, а не Граб⁴...! —

Есть ли у Тебя Мать? — И такая злая! — А у меня такая добрая! — А может, у меня уже нет больше матери. Может быть, ее убил москаль... замучил — сестры без чувств, не даются — нет — Отец в отчаянии, не знает, что делать, и некому поддержать Мать. —

А я здесь ничем не могу помочь, а я здесь безоружный, иногда лишь вою, изливаю боль на фортепиано, отчаиваюсь — и что же дальше? — Боже, боже. Разверзни землю, да поглотит она людей сего века. Пусть жесточайшие мучения терзают французов, которые не пришли нам на помощь⁵.

Так называемый «Штутгартский дневник» Ф. Шопена — поразительное и единственное в своем роде свидетельство, бросающее яркий свет на его эмоциональную жизнь.

В эти одинокие штутгартские дни в Шопене совершился некий духовный сдвиг. После этих дней, этих переживаний перед нами словно другой человек — более сдержанный, достаточно замкнутый, повзрослевший. Тут кончилась его юность. В дальнейшем он позволял себе высказываться до конца только в искусстве.

«Штутгартский дневник» занимал страницы с четырнадцатой по двадцатую в «Альбоме-дневнике» Шопена.

¹ Второй отрывок из «Альбома-дневника» Ф. Шопена является откликом на известие о взятии Варшавы (8 сентября 1831 г.) и сожжение царскими войсками Воли (западное предместье города, наиболее укрепленное). Только в Париже Шопен узнал, что его семья и друзья не пострадали при взятии Варшавы.

² Умершая в 1827 г. Эмилия Шопен была похоронена на варшавском кладбище Повонзки (на этом же кладбище похоронены родители Шопена, три его сестры, В. Живный, Ю. Эльснер).

³ Можно предполагать, что восклицание Ф. Шопена «О Тытус — Тытус!», следующее за словами: «Ах, почему я не мог убить хотя бы одного москаля», — содержит намек на совет, данный в Вене Шопену Т. Войцеховским: не возвращаться в Польшу во время восстания.

⁴ Юзеф Грабовский — будущий муж Констанции Гладковской.

⁵ Помощь революционной Франции (и других европейских держав), где восставшая Польша вызывала огромное сочувствие, в сущности, свелась к нескольким дипломатическим демаршам. Под давлением общественного мнения французское правительство вело переговоры с дипломатическими представителями повстанцев, выражая им свои симпатии и организуя сбор средств в кассу повстанческого комитета в Париже, однако оно не решилось ни на какие активные действия, а после 25 января 1831 г., когда повстанцы объявили Николая I низложенным, даже отказалось от посредничества между поляками и Николаем I.

Вопрос о военной поддержке восстания неоднократно обсуждался во французской Палате депутатов, но в решительный момент французское правительство отказалось от этого намерения.

102. РОБЕРТ ШУМАН — ГОТФРИДУ ФИНКУ В ЛЕЙПЦИГ

Лейпциг, 10 ноября 1831

Лейпциг, 10 ноября [18]31

[...] Господин Фридрих Вик недавно писал мне, что послал рецензию о Шопене для Вашей газеты г-ну гофрату Рохлицу. Если Ваше благородие отдаст ей предпочтение перед моей¹ (как бы нежелательно это ни было для меня, ибо мне очень хотелось бы быть первым рецензентом этого замечательного произведения), то Вы очень обязали бы меня, если б прислали листы обратно, так как Хаслингер, которому я об этом писал и который просил меня о спешном напечатании рецензии в Вашей газете, хочет поместить ее в своем «Musikal[ischer] Anzeiger». [...]

Отрывок. Шуман Р. Письма, с. 149.

¹ Речь идет о дебюте Р. Шумана как музыкального критика — его статье «Сочинение II» («Ein Werk II») о Вариациях ор. 2 Ф. Шопена; задуманная еще в мае, статья появилась на страницах «Allgemeine Musikalische Zeitung» от 7 декабря 1831 г. (№ 49) и была подписана: «K. [I] Шуман». В ней впервые на сцену выходят персонажи Давидсбунда (они же и излюбленные псевдонимы Шумана): Флорестан, Эвсебий, Майстер Паро.

В том же номере газеты помещен анонимный отзыв на это же произведение Шопена (первый, согласно редакционному примечанию, принадлежал перу «молодого человека, питомца нового времени», второй — «уважаемому и достойному представителю старой школы»). Анонимный автор характеризует шопеновские Вариации как заурядную «бравурно-вариационную тему».

103. НОРБЕРТУ АЛЬФОНСУ КУМЕЛЬСКОМУ В БЕРЛИН

Париж, 18 ноября 1831

Париж, 18/9 [novembre] 1831

Дорогая жизнь моя!

Ты сообщаем мне, что болел — почему же меня не было с тобой! я не допустил бы этого, и странно мне, как тебя не

удержал от этого танец косого. — Потому что вообще на этом свете не стоит задумываться; если бы ты был здесь, то проникся бы этим принципом — каждый француз скачет, орет, даже если он гол. —

Я добрался сюда довольно благополучно (но дорого) — и доволен тем, что нашел; у меня здесь первые в мире музыканты и первая в мире опера. — Я знаком с Россини, Керубини, Паэром и т. д., и т. д. и, может быть, останусь здесь дольше, чем думал. — И не потому, чтобы мне тут было особенно хорошо, а потому, что постепенно мне может стать хорошо. — Ты, однако, счастливее — ты направляешься к своим; а я своих — может быть, никогда не увижу. — Ты не поверишь, как здесь много поляков. Из тех, [два слова неразборчиво] живут не собой и себя не ищут, но Ты и в Берлине сможешь их много встретить.

Фрейманчик, с которым мы каким-то чудом встретились на итальянской опере, живет здесь, вернувшись из Англии, от которой он в восторге. — Отец же его с семьей в Берлине, он просил сообщить тебе об этом, тебе, наверно, приятно будет с ним увидеться, особенно если ты страдаешь от этой столь распространенной у нас повсюду карманной чахотки. — Кроме того, там должен быть и Ромуальд, об этом ты можешь справиться у Альфонса Брандта, сына этого доктора из моего родного города. —

Альфонс изучает медицину — о нем легко навести справки. — Если разыщешь — поцелуй его, ведь это один из моих самых близких друзей. — Ромуальд всю жизнь провел в их доме. — Он тебе сможет рассказать о многих других знакомых, которые там находятся. — Бенедикт уверял меня здесь, он знает наверняка, что Кароль (коновал) дома, это Тебя, наверно, успокоит относительно твоих родных. О том, что делает Северын, знаю столько же, сколько об Антонии и Влодзе. —

О Байерах, однако, надеюсь что-нибудь узнать, потому что я сегодня с Радзивиллом (которого застал здесь) и с Валенты, старшим братом того, который женился на Стецкой, — буду на обеде у Комаров, с которыми, как я знаю, Байер переписывается. Вчера обедал у пани Потоцкой, красивой жены Мечислава. Потихоньку вхожу в свет, но в кармане у меня всего лишь дукат! — И все же мне лучше, чем тебе!

Однако я ничего Тебе не написал о впечатлении, которое произвел на меня после Штутгарта и Страсбурга этот большой город. — Здесь величайшая роскошь, величайшее свинство, величайшая добродетель, величайшая порочность, на каждом шагу объявления о вен. болезнях — крика, гама, грохота и грязи больше, чем можешь себе вообразить. — В этом муравейнике теряешься, и это удобно в том смысле, что никто не интересуется тем, как кто живет.

Можно ходить зимой по улице оборванцем и в то же время

бывать в лучшем обществе — сегодня ты съешь сытнейший обед за тридцать два sous* в зеркальном ресторане, блистающем золотом и освещенном газом — а завтра можешь пойти завтракать туда, где тебе подадут словно птичке, а заплатишь втрое дороже; так поначалу бывало и со мной, пока я не уплатил надлежащего штрафа за простофильство. — Сколько благосклонных девушек! — бегают за мужчинами, хотя в то же время вовсе нет недостатка в дюжих Аздрубалах¹; жаль, что воспоминание о Терезе², несмотря на страдания Бенедикта, который, однако [вычеркнуто слово], считает мою беду чем-то слишком мелким, не позволяет мне отведать запретного плода. А я уже познакомился с несколькими певичками, — а певички здесь хотели бы дуэтов еще больше, чем те тирольские. —

Порою на своем пятом этаже (а живу я на Boulevard Poissonnière № 27³, ты не поверишь, как хорошо я устроился, у меня комнатка, прекрасно обставленная мебелью красного дерева, с балконом, выходящим на бульвары, с которого открывается вид от Монмартра до Пантеона, на весь прекрасный мир; многие завидуют моему виду, но никто — лестнице). Так вот, иногда, когда я просматриваю вечером письма — или вписываю что-нибудь в тот альбом и заглядываю в свои нудные записи, — все эти воспоминания мне начинают казаться сном, я не верю в то, что было в действительности, — особенно невозможной мне кажется вылазка на Шварцбах — эти американцы! — Ах! это ни с чем не сравнимо. —

Когда же мы вспомним это с глазу на глаз! — Я тут думаю просидеть три года. — Очень близко сошелся с Калькбреннером, первым пианистом Европы, которого ты бы, наверно, полюбил. (Он единственный, у которого я недостойн развязать ремень обуви⁴. Всякие Герцы и т. п. — скажу Тебе — только фанфароны и лучше играть никогда не будут). Так вот, сидя здесь три года, может быть дождусь Безендзя⁵ — может быть, снова поцелую его и сыграю Stumme⁶.

Будь бодр духом — и пусть исполнятся все твои желания. — Надеюсь, что так и будет; бери пример с Незазендзя, который потерял многих друзей на поле брани, имеет старых родителей и вместо того, чтобы им помочь, еще сидит у них на шее; который безнадежно влюблен, который сейчас осиротел без друзей и должен вздыхать о тех, кто находится в Берлине!

Навсегда твой
Фруц.

Филинг с Карвовским, бывшим прозектором при нашем Университете, отправились на месяц в Лондон. Станасё брал займы, пока у меня было; шатается в Palais Royal⁷ — вот и

* Су (франц.).

весь смысл его приезда сюда. Он надеется — в качестве заслуженного путешествующего австрийца⁸ на правительственное жалование — таких тут пропасть! [далее зачеркнутые слова].

Прости меня за спешку, если эта бумажка написана слишком бестолково. Ведь ты знаешь, что я предпочитаю играть, а не писать. — Пос... болен — вот и твой «Крест святой превыше всего» [зачеркнуто].

Передай Альфонсу, что у меня вчера был поручик Кондратович; скажи ему, чтобы он тоже писал.

О смерти Деболя ты мне сообщил очень à propos, потому что я смог вполне — вполне успокоить нескольких его здесь живущих друзей — удивлявшихся, почему нет от него известий. — Пиши же мне, не ленись! — [последняя строка отрезана].

¹ Аздрубал — это имя носили несколько знаменитых карфагенских военачальников, а так как Карфаген славился распушенностью нравов, то Ф. Шопен, по-видимому, употребляет это имя для обозначения людей с неустойчивой моралью.

² Намек на какое-то романтическое венское приключение.

³ Считается, что Ф. Шопен поселился в этом доме 18 ноября 1831 г. На фасаде этого дома в 1960 г. установлена мемориальная доска.

⁴ Шопен ссылается на Евангелие (от Луки, 3, 16).

⁵ Имена, которыми Ф. Шопен называет себя и Кумельского, взяты из сказки И. Красицкого «Голуби». Героями сказки были два голубя, Безендех и Невазендех, причем первый отличался жадной приключений и беспокойным нравом, второй же был тихим домоседом.

⁶ Вернее, «Die Stumme von Portici» — немецкое название оперы Д. Обера «Немая из Портити». Во Вроцлаве Ф. Шопен импровизировал на темы из этой оперы.

⁷ Пале-Рояль — дворец в Париже, бывшая резиденция герцогов Орлеанских, построен в начале XVII в.; во время Ф. Шопена во дворце и в его пристройках помещались игорные дома, увеселительные заведения, кафе, модные магазины. Пале-Рояль был излюбленным местом любовных свиданий.

⁸ В 1831 г. многие галицийские помещики, не желавшие участвовать в восстании, уезжали за границу. Там перед австрийским посольством они ставили себе это «путешествие» в заслугу.

104. МИКОЛАЙ ШОПЕН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, 27 ноября 1831

Мое дорогое дитя!

Из твоего последнего письма¹ я с радостью узнал, что твое пребывание в Париже будет для тебя плодотворнее пребывания в Вене, и притом, несомненно во многих отношениях; ибо я глубоко убежден, что ты не упустить ни одного случая для усовершенствования в искусстве, которому себя посвящал.

Знакомство со знаменитыми артистами, беседы с ними, возможность услышать их произведения в их собственном исполнении, а также их опыт не могут не принести самой большой пользы молодому человеку, желающему пробить себе дорогу. Дружеские чувства, которые тебе выражает г-н

Калькбреннер, лестны для тебя и я, как отец, искренне ему обязан.

Однако, мой дорогой друг, я не могу понять, как при тех способностях, которые он, по его словам, у тебя находит, он полагает, что потребуются три года под его наблюдением, чтобы сделать из тебя артиста и приобрести школу. Я не в состоянии понять это последнее выражение, хотя и справлялся о его значении у Эльснера, твоего подлинного друга, к письму которого тебя и отсылаю.

Ты знаешь, что я сделал все, что от меня зависело, чтобы содействовать твоим способностям и развить твой талант, что я ни в чем не стоял на твоём пути; ты знаешь также, как мало времени ты посвящал технике игры и что твой ум был занят больше, чем твои пальцы. Если другие проводили целые дни за клавиатурой, то ты редко проводил и час, исполняя чужие сочинения. Если учесть все это, — трехлетний срок превышает мое понимание.

Однако, не желая ни в чем стеснять тебя, — я был бы тебе обязан, если бы ты отложил свое решение до поры, когда все внимательно выслушаешь, взвесишь и обдумаешь.

Ты только что приехал и сам говоришь, что не можешь еще поднять головы и показать, на что способен; так что выжди еще немного. Гений может сразу обратить на себя внимание знатоков, но и они могут не разглядеть, какой высоты он способен достичь, — так что дай им время лучше узнать тебя, и не бери на себя обязательств, которые могли бы превратиться в препятствие.

Не буду больше распространяться по этому поводу. Надеюсь, что ты уже получил скромное подкрепление, которое я послал тебе на имя г-на Ж. Лафитта.

Целую тебя от всего сердца и советую не слишком доверяться вновь прибывшим. Твоя мать прижимает тебя к своему сердцу.

III.

[Приписка Изабеллы Шопен:]

Мой дорогой Фриц.

Ты не можешь себе представить, какое сильное впечатление произвело на нас Твое письмо.

Мы обе с Людвикой от радости не могли заснуть. Так безудержно разыгралось наше воображение. Каждое слово мы перечитывали по нескольку раз и нам казалось, что мы видим в Твоем Опекуне, который сам Тебе предложил свою опеку, человека необыкновенного; мы радовались, что Ты попадаешь к нему; но всякая мнимая радость, не имеющая оснований, которых ничто не может разрушить, должна рухнуть, — так и наша минула.

Эти слова: «Братом и Отцом», «моральное превосходство» — так меня захватили, Ты не можешь себе вообразить. Я представляла себе этого человека Твоим Отцом, не таким как Папа, но таким, который, давая Тебе советы, руководил бы Твоей будущей судьбой; я видела, а скорее понимала, что, находясь на одной ступени развития, он будет скорее Братом. Но эти надежды, хотя меня и радовали, всегда вызывали сомнения, когда дело касалось этих трех несчастных лет.

Чтобы познать и оценить талант, подобный Твоему, надо быть намного значительнее; ты пишешь о разделяющей вас разнице, я в это верю, хотя и не сомневаюсь, что ты сумел бы ее преодолеть и без трех лет. — Но то, что я пишу, — это вовсе не предостережение; ибо я никогда не хотела бы Тебя предостерегать, а лишь хочу сообщить Тебе, какое воздействие оказало Твое письмо на наши мысли.

Мой дорогой, мы здоровы, а еще больше радуемся, что ты здоров, что написал, потому что теперь чаще, чем раньше, тоскуем о Твоих письмах. Не знаю, писала ли Тебе Людвика, что Мама просит Тебя назначить срок, как часто ты будешь писать нам, чтобы не обольщаться так, а вернее — не обманываться. Хотя я сомневаюсь, чтобы это хоть в чем-нибудь помогло, так как если ты будешь писать нам каждые две недели, то Мама за неделю вперед будет ожидать письма.

Моя музыка теперь уже прекратилась. У меня от холода так распухли руки, что не могу играть. На моем месте — молодой Лясоцкий, потому что хотя у него и есть свой панталеон, но он еще не настроен и поэтому он играет на Твоем, а вернее читает за ним Школу Курпиньского², которую пан Живный велел внимательно проработать.

Был тут вчера п[ан] Фронкиевич, по делу к Папе как Биб[лиотекарю]. Я уже закончила Папину работу. Ожидаем к Его именинам Твоего письма и уже заранее радуемся.

Люби меня

Иза.

Ендж[еевич] и Бар[циньский] приехали, встретились у нас; первый кажется, словно не знаком со вторым. С тех пор молодой не приходил, а это было в субботу.

[Приписка Людвика Шопен:]

С[его] 27 ноября 1831

Дражайший Фрыцек.

Я прекрасно понимаю, что мое сегодняшнее письмо, из-за высказанного в нем мнения, несколько отличающегося от Твоего, причинит Тебе некоторое огорчение. И мне жаль Тебя, потому что у Тебя возникнут из-за этого разные затруднения.

Сначала, после получения Твоего письма, Калькбреннер нас так обрадовал, и мы были до такой степени довольны, что, хотя уже было больше девяти часов, когда мы закончили чтение, я сразу же села писать Тебе, чтобы сообщить с восторгом о том, что никто из нас не имеет ничего против и мы единодушно посылаем Тебе столь желанное да; и я даже удивлялась, как Ты мог подумать, что мы можем ответить Тебе отказом. Калькбреннер восхитил меня; в воображении я уже видела в нем такого человека, каким, дай бог, чтобы были все; я видела благородство, высокие моральные качества, словом (если бы это зависело от меня), я бы заложила ему свою душу и даже Твою; Тебя, мой дорогой, я бы, не колеблясь, отдала в его руки.

Но на следующий день мы отправились к почтенному Эльснеру, который не только любит Тебя, но и, возможно, больше чем кто-либо другой

печется о Твоей славе, глубоких знаниях etc (может, я неловко выразилась, но ты уж прости меня, мой дорогой).

Он же, прослушав письмо, вовсе не был настолько доволен этим предложением, как мы, и, показав головой, воскликнул: «Это уже зависть: три года». Я высказала ему свое удивление по поводу того, что он вдруг встает на точку зрения, почти противоположную нашей, и, превознося достоинства Калькбр[еннера] и его любовь к искусству, я несколько раз прочла ему выдержки из твоего письма о том, что он при этом не руководствуется никакими корыстными побуждениями etc. Однако все это не помогло. Эльснер нахмурился и, сказав, что сам напишет Тебе, добавил: «Я знаю Фридерика, — он добрый, не знает самолюбия, [у него] мало желания выдвигаться; они легко им овладеют; я напишу ему, как я все это понимаю».

И действительно, сегодня утром он принес письмо³, которое я Тебе пересылаю, и продолжил разговор с нами об этом. Мы, судя о людях в простоте душевной, не могли себе представить, что Калькбр[еннер] мог быть чем-либо иным, кроме как достойнейшим человеком. Эльс[нер] же не совсем придерживается этого мнения. И сегодня он сказал нам: «Они поняли, что Фрид[ерик] — гений, и их уже беспокоит, как бы он не возвысился над ними, поэтому-то они и хотят держать его три года в своих руках, чтобы хоть несколько задержать то, что развила бы сама природа». Калькбр[еннер] [два слова неразборчивы] итальянец не из лучших.

Пани Шима[новская] сказала о Калькбреннере: *que c'est un filou**, так что это какая-то интрига по отношению к Фридерiku, — и еще самой невинной была бы та, если бы он просто хотел называть его своим учеником. — Но там присутствует, вопреки любви к искусству, намерение стеснить Твою гениальность. Эльснер сказал, что он не понимает, какого рода «школу» он требует, а потом добавил: «Если даже сам он [Калькбреннер] и обладает этой школой, то — если речь идет об исполнительстве — Ты сам без трехлетнего обучения, если сочтешь нужным, сумеешь все это понять и усвоить. Эльснер как раз не хочет, чтобы Ты подражал, и он хорошо об этом выразился: «Всякое подражание не то, что оригинальность». Если Ты станешь подражать, то ты уже не будешь оригинальным, и хотя ты моложе, но замыслы Твои могут быть лучше, чем у иных опытных; ты обладаешь врожденной гениальностью, и Твои творения лучше и свежее. У Тебя игра Филда, хоть ты и занимался у Жив[ного]. —

Что это доказывает? П[ан] Эльснер не хочет видеть Тебя только концертным виртуозом, фортепианным композитором и знаменитым исполнителем, так как это легче и менее значительно, чем сочинять оперы. Он хочет, чтобы Ты сделался тем, к чему ведет Тебя природа и к чему она Тебя предназначила. Твое [неразборчиво] место рядом с Россини, Моцартом и т. д. Твой гений не должен ограничиваться фортепиано и концертами. Ты должен обессмертить себя операми. Он говорит, что так сформировавшись, как Ты сейчас, Ты, может быть, уже выше всех ныне известных композиторов, когда они были в твоем возрасте, и что ты должен стремиться туда, куда поведет тебя Твой гений, а не следовать за кем бы то ни было. Сначала (как сказал он) и над Моцартом смеялись и не хотели играть его

* Это мошенник (франц.).

композиции, а признавали лишь его предшественников. И только впоследствии его оценили. Все движется, и новый гений не может быть подобен старому.

Будь внимателен к тому, что пишет Тебе Эльснер, вдумайся в это; кажется, он прав. Он утверждает, что все это — фразы, которые ослепляют, и, несмотря на свою кажущуюся искренность, они неискренни (боже, почему существуют такие люди!). Ты сам чувствуешь, что хорошо, и, слышав игру стольких исполнителей, всегда умел оценить по достоинству каждого из них. Уже одно то, что ты умеешь [правильно] оценить, доказывает Твое превосходство.

Эльснер утверждает, что в этом [в предложении Калькбреннера] нет большой любви к искусству, а только любовь к себе да к собственному карману. Это, кажется, очень дальний расчет, но он себя выдает: почему же Лист, Лист, которому так далеко до Тебя, не захотел принять этого предложения, если оно такое хорошее? Почему он [Калькбреннер] не нашел кого-нибудь иного с талантом, кому он имел бы заслугу помочь подняться на более высокую ступень в исполнительстве. Он предоставляет в Твое распоряжение свой концертный зал, а между тем Ты должен в течение четырех месяцев путешествовать, потому что в это время он не намерен давать концерты, так как будет не сезон⁴. Тебя это как будто и не стесняло бы, но сама его complaisance * заставила бы Тебя быть его должником.

Таким образом Ты всегда был бы подручным, тогда как на деле мог бы превзойти и его и многих других. Он [Эльснер] также сказал: а что, если бы Рейха (он удивлен, что ты до сих пор не знаком с ним), также желая Тебе добра, претендовал бы на подобное же, — на этот раз в композиции, и тоже хотел бы записать Тебя к себе на три года? Его ужасно рассердили эти, как он выразился, дерзость и нахальство [Калькбреннера]; эта просьба подать карандаш, чтобы вычеркнуть пассаж из *Концерта*, лишь бегло просмотрев его партитуру и ни разу не прослушав его в оркестре со всеми эффектами. Он сказал, что если бы он [Калькбреннер] посоветовал Тебе, чтобы Ты, когда будешь писать новый [*Концерт*], постарался сделать *Allegro* покороче, — это было бы совсем другое дело. Но вычеркивать из уже готового, — этого он простить не может. Он сравнил это вот с чем: кому-то показалось, что в уже вполне законченном сооружении одна колонна лишняя, а он, удалив ее, хочет изменить целое, а в итоге — разрушает то, что показалось ему не вполне хорошим.

Эльснер уверяет, что уже один этот поступок говорит о том, что он [Калькбреннер] хочет оттолкнуть Тебя и дать Тебе издали почувствовать, сколь Ты еще несовершенен. И тут же он добавил: «А разве концерты Калькбр[еннера] не длинные? Хотя они и не столь очаровательны». С кем же он Тебя сравнивал? Он ставил Тебе в пример Герца, Листа, Совинь [ского]. Мне кажется, Эльснер прав, утверждая, что для того, чтобы возвыситься, надо не только превзойти самого учителя, но и современников. Можно, конечно, превзойти их, подражая им, но тогда Ты будешь только шагать по их следам. А он категорически утверждает, что Ты сейчас, умея

* Любезность (франц.).

отличить лучшее от хорошего, должен сам прокладывать себе дорогу; Тебя будет вести Твой гений. Он еще добавил: «Фридерик обладает той оригинальностью, тем ритмом или, как это говорится, той национальной самобытностью, которые при его возвышенных мыслях являются его характерной оригинальной чертой».

Он бы хотел, чтобы эти качества у Тебя сохранились. Лишь в операх они выявятся с полной силой, и каждый поймет тогда, кто ты, и это сразу привлечет к Тебе немало сторонников. Особенно теперь, когда там так много наших, — Ты больше, чем кто-либо другой, можешь произвести впечатление своей музыкой. Эльснер советует Тебе, в случае если кто-нибудь напишет вещь о тех временах, когда мы были в разлуке, чтобы ты потихоньку занялся сочинением музыки к ней и чтобы Ты ни в коем случае не отклонял подобных предложений⁵.

Эльснер хочет, чтобы ты прославился и своими концертами, но говорит, что не это цель Твоих устремлений, потому что Ты — гений. Твои оперы, а не только фортепианные сочинения сделают Тебя первым. О, мой дорогой Фрыцек! Бедный Ты! Ибо я предвижу, что у Тебя будет немало неприятностей, если Ты решишься отказаться от этого. Но пан Эльснер полагает, что Ты, вероятно, сначала напишешь нам, не уменьшит ли тебе Калькбр[еннер] срока, и разъяснишь, что он подразумевает под этой «печатью европейского артиста», под этой «школой», чего п[ан] Эль[снер] не понимает. Ведь если [дело только] в исполнении, то ты поймешь это и применишь к своему методу скорее, чем за три года. Дорогой мой Фрыцек, мы, ничего не понимая в этом деле, не советуем Тебе ни так, ни этак, мы лишь посылаем Тебе свои замечания. Главное, не торопись с ответом. Ты еще успеешь написать, что думаешь об этом и что сказал Калькб[реннер] о письме Эльснера (ибо он сказал, что ты можешь его ему показать). Эльснер даст Тебе дружеский совет, потому что тут дело идет о том, чтобы Тебя не задержали в Твоем развитии.

Эльснер утверждает, что если бы это предложение было сделано иначе, то в нем нельзя было бы сразу разобраться, а так — видна ловушка. Ты не согласишься, как я от этого страдаю. Был прав тот, кто некогда бывал у Тебя и предостерегал от зависти, предметом которой ты будешь, приехав в П[ариж]. Твой отказ, даже в самой мягкой форме, все же непременно произведет неприятное впечатление, и я опасаясь злобы. А согласиться и сделать другим хорошо, а себе во вред, особенно в таком деле, — просто ужасно. В самом деле, ведь нет ничего лучше, чем учиться. В этом мы совершенно того же мнения, что и Ты, — человек никогда не знает достаточно. Но учиться под руководством того, кто искренне желает нашего успеха. А в данном случае не всем кажется, что он думает о Твоем успехе. Иначе все это было бы пустяками, и нельзя же отбросить это предложение из-за того, чтобы не ходить «в учениках», словно стыдно учиться. Оставим дуракам ложно понятое самолюбие и стыд. Ни Ты, ни мы не видим в ученье шага назад, но в данном случае Эль[снер] опасается, как бы эти три года, во время которых ты смог бы сделать огромные успехи, не послужили тебе препятствием к ним.

Я ничего, мой дорогой, Тебе не советую, пусть Тебе подскажет Твой инстинкт, — Ты сам лучше всех все понимаешь. Эль[снер] считает, что про-

читав его письмо, Ты, может быть, немного изменишь свои суждения и свои намерения. Что же касается Твоего трехлетнего там пребывания, то мы хоть сейчас можем написать Тебе — да, так как мы и без этого готовы к тому, что не увидим Тебя раньше такого срока. И если ты захочешь затруднить себя визитом к нам, то мы, не желая, чтобы ты перенес столь трудное путешествие дилижансом, готовы, чтобы обнять Тебя, сделать полдороги Тебе навстречу.

Дай Тебе бог только здоровья и настолько благоприятных обстоятельств, чтобы вокруг все были расположены к Тебе. Почему я не могу быть с Тобой! Я не многим бы Тебе пригодилась, но все же иногда оказалась бы и не лишней. Марцелий писал из Кра[кова]. Он в отчаянии, что ничего о Тебе не знает, так как Ты ему не ответил. Он просит сжалиться над ним и сообщить ему, как Твои дела. В будущем году вы будете вместе.

А Фонтану ты увидишь через несколько недель, потому что позавчера к нам заходил его дядя и спрашивался о Твоем адресе. Гофмейстер писал Зеневальду, прося его прислать все Твое, что у него есть для печати или уже напечатанное. Заходил Новаковский; он хотел, чтобы мы дали ему те Рондо, которые Ты велел отгравировать для Мориоль⁶. Но Папа не дал. Может, велишь? Тогда дадим. Ты ничего не пишешь об Александрине — в самом ли деле она не заслуживает Твоего расположения? Письмо Эль [снера] можешь показать Лесюэру, — даже должен.

Мой дорогой Фрыцек, мы все здоровы. [Папа] теперь не будет так уставать и не должен будет столько говорить, потому что в ли[цее] он ведет каллиграфию, и только половину часов немецкого [языка]; это хорошо! Пани Сов[иньская] всякий раз сердечно про Тебя спрашивает. Беренд нашел, что Твой бюст больше похож, чем портрет⁷, и Бар [цинский], который позавчера приехал, того же мнения. — П[ан] Хоге, который его [портрет] привез, обрадовал нас, сообщив о Тебе, когда мы стали спрашивать его, что Ты там подделываешь и здоров ли: «О, здоров, и вы можете о нем не беспокоиться, он не растеряется». «Хорош же ты, — подумала я, — верно, один ты такой добрый на всем белом свете».

Мой дорогой Фрыцек, может быть, там к Тебе обратится некий Шиманьский. Возьми его на первое время под свою опеку, то есть посоветуй, если он попросит совета, что ему делать. Дай ему денег, если они ему будут нужны. Его мать живет в одном доме с нами. Она очень просит об этом, а ты знаешь, как на чужбине приятно в первую минуту встретить если и не друга, то хотя бы знакомого; Твое же доброе сердце будет для него тем, чего бы хотела его бедная мать. Это велела написать Тебе Мама. — Это [пани Шиманьская] — хороший человек. Деньги ты, наверное, уже получил; мы искренне обрадованы тем, что предугадали Твое желание. — Вижу, что настроение у тебя лучше, но опасуюсь, как бы эти затруднения снова его Тебе не испортили, хотя бы на короткое время. Но так как ты встретил столько хороших знакомых, то они уж сумеют Тебя развеселить. Впрочем, люди не всегда могут развеселить: порой хотелось бы быть от них подальше.

Прочтя Твою приписку, мы сразу же зачеркнули ее; стариков это несколько огорчило, но секрета они так и не узнали. А так как я не умею

из [ворачиваться], то и призналась, что это дело моих рук и с какой целью я это сделала. Пан Фрыц, глупенький, какая чепуха. Ты не можешь себе представить, что происходит, когда самоуверенность и предубеждения проникают в человека и к каким глупостям они приводят. Ты не поверишь, с каким состраданием я отношусь к людям! — Вчера и позавчера к нам заходила Элео[нора] Вольская. Они настолько любезны, что непременно хотят нам доверить своего племянника, но для него нет места. [Она] красива, но не так, какой обещала быть. Нашла Тебя на портрете настолько похожим, что вспомнила, как Ты когда-то танцевал казачка. Если Ши[маньский] попросит денег, то можешь дать ему до ста франков; его мать просила об этом Маму. Получил ли Ты уже письмо от Лорки?

[Письмо повреждено] Монтебелло мы послали Тебе записку от Дзе[вановского]. — [Пани] Прушак уже вернулась. Олеся все еще в барышнях, но, говорят, уже не надолго. Насколько Твое письмо содержало много шуток и столь интересных нам новостей, настолько наше лишено этого. Но нет худя без добра: оно легче и скорее долетит до Тебя. П[ан] Фридерик — несколько болен; у него есть время хворать. Пан Михал в деревне и здоров. Графиня № 1 сдохла; он жалел, что не № 2⁸.

Зуся должна скоро приехать; не знаю, как она решится, бедняжка. Пани Цихо[вская] поехала в Дрезден: grand personnage*, так как у нее уже сын. Жена брата делает из этого великое cas**. Она поехала к мужу, нам пишет; беспокоится, что мы не отвечаем. Странное однако же дело, почему-то ко всем письма доходят, а к ним наши письма не доходят, как будто мы известны насквозь и на подозрении, — но ведь это неправда. Скродский еще жив, но ему уже немного осталось.

Будь здоров, мой дорогой Фрыцек. Целую Тебя миллион раз. Поступай так, чтобы ты сам был доволен и сейчас и потом. — Что касается писем, то мы не будем Тебя стеснять назначением срока. Пиши, когда захочется, когда будут настроение и время. Пиши много. Люби нас, потому что мы [любим] Тебя больше жизни.

Л. Ш.

Все знакомые обнимают Тебя от всего сердца: Жив[ный], Бар[циньский], Енд[жеевич], Коль[берги], Витв[ицкий] и т. д.

Адрес: «A Monsieur/Monsieur Frédéric Chopin/à Paris/Boulevard Poissonnière, N 27». Почтовые штемпеля: «Warszawa 1.12»; «Berlin 4.12» «Paris 17 dec. 1831».

¹ Речь идет о не дошедшем до нас письме Шопена, в котором он общал родным о сделанном ему Ф. Калькбреннером предложении учиться у него в течение трех лет. Предложение это было несколько болезненно встречено родными и близкими Шопена, увидевшими в этом враждебные намерения, чего на самом деле не было. Ближе познакомившись с Шопеном, Калькбреннер отказался от своего намерения, в чем, возможно, сыграл известную роль состоявшийся вскоре первый парижский концерт Шопена (по словам Ф. Хиллера, после этого концерта «не было уже речи о каких бы то ни было недостатках техники»). Впоследствии Шопена и Калькбреннера связывали самые дружеские чувства.

* Важная особа (франц.).

** Событие (франц.).

² По-видимому, «Szkola fortepianowa» («Школа фортепианной игры», 1823) К. Курпиньского или его же «Wykład systematyczny zasad muzyki na klawikord» («Систематическое изложение основ клавикордной музыки»; 1819).

³ См. письмо 105.

⁴ По-видимому, речь идет о совместных выступлениях Ф. Шопена с Калькбреннером.

⁵ Это совет Ю. Эльснера Ф. Шопену написать оперу на сюжет о восстании 1830—1831 гг., высказанный по цензурным соображениям в завуалированной форме. Имеются сведения (М. Карасовский), что Шопен одно время думал о создании оперы на национальные темы: он просил С. Козьмяна написать либретто на сюжет из польской истории.

⁶ Графине Александрине де Мориоль посвящено Rondo à la Mazur op 5; непонятно, почему Людвика пишет о нем во множественном числе; в 1831 г. А. де Мориоль вернулась из Польши в Париж вместе с родителями.

⁷ Бюст и портрет Ф. Шопена, о которых тут упоминается, неизвестны; они были, вероятно, выполнены в 1830—1831 гг. во время пребывания Шопена в Вене (см.: Portret Fryderyka Chopina, s. XII—XIII).

⁸ Речь идет о лошадях или собаках.

105. ЮЗЕФ ЭЛЬСНЕР — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, 27 ноября 1831

Варшава, 27 ноября 1831

Любезный друг!

Я с большой радостью узнал, что (как ты пишешь) первый пианист Калькбреннер так хорошо принял тебя; (я хорошо знал его отца в 1805 г [оду] в Париже, и уже в то время еще молодой его сын слыл одним из первых пианистов). Меня особенно радует в этом его обещание открыть тебе тайны своего искусства.

Однако вместе с тем меня удивляет, что он назначил тебе для их постижения трехлетний срок! И то, что он смог, с первого взгляда и едва прослушав тебя, понять, что тебе потребуется столько времени, чтобы понять его методу? и то, что ты должен посвятить свой музыкальный гений исключительно клавикордам и все свои художественные устремления направить лишь на этот род композиции? Я надеюсь, что после дальнейшего и более близкого знакомства с тобой он изменит свое решение. Если бы он захотел своими артистическими познаниями оказать в твоём лице услугу нашему искусству в целом, если он будет твоим другом, то будь благодарен ему, как ученик.

Про себя я могу сказать, что охотно имел бы в качестве ученика твоего приятеля Линовского. У него горячая любовь к музыке и достаточно таланта для композиции. Но ему приходится почти целыми днями работать, для того чтобы заработать на жизнь и отложить пару золотых на будущее. Что касается тебя и даже Нидецкого, то я никогда не помышлял о том, чтобы сделать из вас своих учеников. Я говорю об этом с гордостью и поздравляю себя с тем, что преподавал вам гармонию и композицию.

При обучении композиции не следует давать, особенно ученикам, способности которых очевидны, готовых рецептов. Пусть они сами найдут их,

чтобы когда-нибудь они смогли превзойти самих себя и чтобы у них были средства найти то, что еще никем не найдено. В механизме искусства, в продвижении даже на исполнительском поприще требуется не только то, чтобы ученик сравнялся с учителем своим и превзошел его, но и то, чтобы он имел нечто свое, чем бы мог также блистать.

Игра на каком-нибудь инструменте, даже самая совершенная, как, напр[имер], Паганини на скрипке или Калькбреннера на фортепиано, вместе со всем, чем она чарует, будь то истинным характером инструмента, будь то оригинальностью композиции, использованной для выявления и поднятия достоинств инструмента, — игра эта, сама по себе, — это только средство в сфере музыки как языка чувств. Слава, которой некогда пользовались Моцарт, а потом Бетховен, как пианисты, давно уже померкла, а их фортепианные сочинения, несмотря на содержащиеся в них черты классического благородства, должны уступить современному вкусу. Зато другие их произведения, не предназначенные лишь для одного инструмента — их оперы¹, песни, симфонии, живут еще среди нас и существуют наряду с новыми произведениями искусства. Sapienti pauca*.

Нельзя советовать ученику слишком долго заниматься по одной методе и манере, во вкусе одного народа и т. д. То, что правдиво и прекрасно, должно быть не подражательным, но должно быть испробовано на собственном опыте, по законам своим и высшим. Образцом (в качестве *non plus ultra***) не должны служить ни какой-нибудь человек, ни какой-либо из народов, — только вечная и необъятная природа содержит его в себе и сама является им. Люди и народы дают только более или менее удачные примеры. Итак, одним словом: то, чем артист (всегда извлекающий пользу из всего, что его окружает и учит) удивляет своих современников, он может почерпнуть только в себе и совершенствуя себя самого. Ибо причина этого и его истинно заслуженной славы, как у современников, так и у потомков, есть не что иное, как его гениальная индивидуальность, живущая в произведениях его искусства.

Меня позабавил эпизод с красным карандашом, потому что он мне напомнил, как Я[сновельможная] Пани Шимановская, вернувшись из Англии (где она познакомилась с Калькбреннером) и давая у нас концерт, у себя на репетиции раздала красные карандаши, предлагая вычеркивать там и сям такты из h-minor'ного Концерта Гуммеля, хотя она его уже предварительно сократила. Больше того, в вариациях, автора которых я не помню, но которые подверглись той же участи, что и бедный Гуммель, она поместила какое-то *andante* Филда².

Это злоупотребление! Мы были вынуждены слушать только пани Шимановскую и любоваться только ее пальцами. Осознание целостности произведения является уделом лишь подлинного артиста. Ремесленник ставит камень на камень, кладет бревно на бревно. Именно эта способность понять [целое], подкрепленная верой в непрестанное движение искусства вперед, и подлинная любовь к произведениям искусства, ведущая к дружескому поощрению, подобна стремлению к прекрасной цели. Это

* Понимающему достаточно (лат.).

** Идеала (лат.).

чувство не позволит, чтобы из произведений прежних мастеров без серьезного размышления что-либо вычеркивали или разрешали вычеркивать. Поэтому я рад, что он [Калькбреннер] предоставил тебе в этом отношении полную свободу, свободу вычеркивать то, что ему и его слушателям могло показаться длинным.

Об остальном потом.

Соизволь передать мое почтение гр[афу] Плятеру, Вой[теху] Гжимале, Гофману и т. д. Нижайшие поклоны — Лесюэру, Паэру, Калькбреннеру, Надерману, Норблину, Орловского прошу обнять.

Будь здоров и счастлив, как этого желает тебе твой настоящий друг

Юзеф Эльснер.

¹ В то время считалось, что опера является венцом музыкального творчества, полагали, что лишь операми и симфониями можно войти в историю, «завоевать бессмертие». Высказывания Ю. Эльснера диктовались и сознанием необходимости создания польской национальной оперы и ее значением для национальной культуры. К тому же Эльснер опасался, как бы Ф. Шопен в Париже не ограничился карьерой пианиста-виртуоза. К совету писать оперу Эльснер возвращался неоднократно (см., например, его письмо от 14 декабря 1834 г.).

Подобное пожелание впоследствии высказал Шопену А. Мицкевич.

² Это упоминание о М. Шимановской находится в связи с сообщением Ф. Шопена в его недошедшем до нас письме к родным о том, как Ф. Калькбреннер вычеркнул или предложил вычеркнуть какой-то пассаж из его е-молл'ного Концерта. Подобные изменения, которые, как явствует из письма Ю. Эльснера, делала даже такая выдающаяся артистка, как Шимановская, были вообще характерны для того времени.

106. ФЕРДИНАНДО ПАЭР — С. П. СОТТУ В ПАРИЖ

Париж, 1 декабря 1831

Милостивый государь!

Г-н Шопен, приехавший из Вены, пианист, просит рекомендовать его Вам. Так как этот молодой человек был мне настоятельно рекомендован несколькими лицами из Вены (в Австрии), особенно г-ном Мальфатти, лейб-медиком императора — я с радостью исполняю его желание и прошу Вас помочь ему. Он — поляк, который уехал из Варшавы во время революции и находился в Вене, где пользовался любовью и уважением самого лучшего общества. Он очень одарен и получил превосходное образование, следовательно, он заслуживает Вашей поддержки.

Мне очень давно не удавалось встретиться с Вами, впрочем, это вполне естественно: мы заняты в разных сферах; однако это не мешает мне любить и уважать Вас. Мне бы хотелось иметь случай доказать Вам это. В ожидании этого случая примите выражение моей самой горячей привязанности и уважения, с которыми имею честь оставаться

Ваш, милостивый государь,
преданный слуга и друг

Паэр.

Дир[ектор] концертов Короля

Париж, сего первого декабря 1831

Г-н Шопен родился в Варшаве от отца-француза. Он просит разрешения жить в Париже, чтобы заниматься своим искусством. Он рекомендован мне г-ном Паэром, директором концертов Короля. Имею ч[есть] просить господина Префекта соизволить сообщить мне свои намерения.

С. П. Сотт.

[На полях резолюция префекта:]

Г-ну [имя неразборчиво.] Начальнику Паспортного отдела.

Разрешить с правом отмены.

[Подпись неразборчива]

Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 2, p. 18.

107. ЛЮДВИК ПЕТР НОРБЛИН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 8 декабря 1831

Любезный пан Шопен.

Завтра утром в восемь приду к Вам.

Норблин¹

8 декабря 1831

¹ По свидетельству Ф. Хёзика и Норблин, и Шопен, несмотря на свои французские фамилии, были пламенными поляками. Ничто не могло их так обидеть, как если кто-нибудь по неведению, исходя только из фамилии и безукоризненного знания французского языка, принимал их за французов.

108. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИН

Париж, 12 декабря 1831

Париж, сего 12 дек[абря] 1831

Дражайшая жизнь моя!

Я ожил, получив Твое письмо. Твоя контузия! Разные вести доходили до меня, по-разному я толковал себе некоторые выражения в письмах из дому, а Кот, который мне писал, так странно выразился, что я боялся преследовавших меня мыслей. Но мы еще встретимся в этой жизни!

Сколько перемен, сколько бедствий — кто бы мог это когда-нибудь предвидеть. — Помнишь в Вене ночное совещание накануне твоего отъезда! Меня ветер занес сюда; — тут дышится сладко, — но, может быть, и вздыхается больше, оттого что легко.

Париж — это все, что хочешь: можешь веселиться, скучать, смеяться, плакать, делать все, что Тебе угодно, и никто на Тебя не взглянет, потому что здесь тысячи делающих то же, что Ты, — и каждый по-своему. Я не знаю, есть ли где-нибудь больше пианистов, чем в Париже, — не знаю, есть ли где-нибудь больше ослов и больше виртуозов, чем тут. Надо Тебе сказать, что я приехал сюда с очень небольшим числом рекомендаций. Мальфатти дал мне письмо к Паэру, несколько писем из Вены у меня было к издателям — и это все. Лишь в Штутгарте, где до меня дошла весть о взятии Варшавы, только там я окончательно решил отправиться в этот мир иной. Через Паэра, который здесь придворным капельмейстером, я познакомился с Россини, Керубини и т. д., с Байо и т. д. Через него также познакомился с Калькбреннером. Ты не поверишь, как мне были любопытны Герц, Лист, Хиллер и т. д. — но все это нули по сравнению с Калькбреннером.

Признаюсь Тебе, что я играл, как Герц, а хотел бы играть, как Калькбреннер. Если Паганини — совершенство, то Калькбреннер — параллель ему, но только совсем в другом роде¹. Трудно описать Тебе его *calme**, его чарующее туше, — неслыханную плавность и мастерство, проявляющееся в каждой его ноте; — это — гигант, попирающий Герцев, Черни и т. п., а вместе с ними и меня. — Что же происходит? — После знакомства Калькбреннер просит, чтобы я ему что-нибудь сыграл. Волей-неволей, не слыхав его раньше и зная, как играет Герц, я, подавив в себе спесь, сажусь. Я сыграл ему свой *e-moll* ный [Концерт], который без устали расхваливали прирейнские Линдпайнтеры, Берги, Штунце, Шунке и вся Бавария. Я удивил пана Калькб[реннера], который тотчас же спросил меня, не ученик ли я Филда, и сказал, что игра у меня Крамера, а туше — Филда. — В душе это меня обрадовало, а еще больше то, что, сев за фортепиано, Калькбр[еннер], желая передо мной показаться, сбился и должен был остановиться! Но надо было слышать, как он сыграл репризу; я не ожидал ничего подобного.

С тех пор мы видимся ежедневно, — или он у меня, или я у него, — а узнав меня ближе, он сделал мне предложение поучиться у него три года, а уж он сделает из меня нечто весьма, весьма. Я сказал ему, что знаю, сколь многого мне не хватает, но что я не хочу ему подражать, а три года — это слишком. Между тем он убедил меня, что я могу играть прекрасно, когда найдет вдохновение, и плохо, когда его нет, — чего с ним никогда не случается. Присмотревшись ко мне, он сказал, что у меня нет школы — что я на прекрасном пути, но могу с него *derouter* **. — Что после его смерти или когда он совсем пере-

* Спокойствие (франц.).

** Сбиться (франц.).

станет играть, не останется больше представителей высокой фортепианной школы. Что я не смогу, даже если бы захотел, создать новой школы, не зная старой, — словом, что я еще не являюсь совершенной машиной и тем самым стесняю бег своих мыслей. Что в моих сочинениях есть своеобразие и было бы жаль, если бы я не стал тем, чем обещаю, и т. д., и т. д.

Если бы Ты был здесь, ты сам сказал бы: учись, хлопче, пока есть время. Однако многие мне отсоветовали — полагая, что я смогу играть ничем не хуже, чем он, и что он поступает так из тщеславия, чтобы потом называть меня своим учеником и т. д. и т. д. Все это чепуха. Надо сказать, насколько здесь все, решительно все, высоко ценят талант Калькб[реннера], настолько же не терпят его особы, — потому что он не панибратствует со всяким дураком, и, право, в нем есть нечто, его возвышающее над всеми, кого я слышал. Я писал об этом Родителям. — Они до некоторой степени соглашались, но Эльснеру это кажется завистью.

Кроме того (надо Тебе сказать, что у меня уже здесь большое имя среди музыкантов), я даю концерт 25 декабря². Участвует Байо — тот славный соперник Паганини, Бродт, знаменитый гобоист; я играю свой *f-moll'*ный [Концерт], *Вариации В-дур*, на которые несколько дней назад я получил рецензию в десять листов от одного немца³ из Касселя, пришедшего от этих *Вариаций* в пламенный восторг. В ней, после огромных предисловий, он приступает к их разбору и, объясняя их такт за тактом, — говорит, что это вовсе не вариации, как всякие другие, а какие-то фантастические *tableaux**. — Про вторую *Вариацию* он говорит, что это бегают Дон-Жуан и Лепорелло, про третью — что он [Дон-Жуан] обнимает Церлинку, а Мазетто⁴ в левой руке сердится на это, — а про пятый такт *Adagio* говорит, что Дон-Жуан целует Церлинку в *Des-dur* и т. д. Плятер спрашивал меня вчера, где у нее эта *Des-dur* и т. п. Умереть можно от воображения немца, который настаивает, чтобы его зять передал это Фетису для «*Revue Musicale*», от чего меня едва спас славный Хиллер, юноша с огромным талантом (бывший ученик Гуммеля; *Концерт* и *Симфония* его произвели недавно большой эффект, — это человек вроде Бетховена, но полный поэзии, огня и вдохновения), он сказал этому пану Зятю, что это вовсе не умно, а очень глупо.

Но вернемся к концерту. Кроме того, я играю с Калькбреннером на двух фортепиано, с аккомпанементом четырех других его *Марш suivie d'une Polonaise***.

Это безумная идея. Один [из инструментов] — огромный панталеон — предназначенный Калькбреннеру, другой, маленький, монохордный, но звучный, как звоночек — жирафик⁵ предназначен мне, а остальные четы-

* Картины (франц.).

** Сопровождаемый полонезом (франц.).

ре сильные, как оркестр. На них будут играть Хиллер, Осборн, Стамати и Совиньский. Последнему далеко до покойного Алекса[ндра] (с ученицей которого я тут познакомился). Умом не блещет, только что статный и сердце доброе. Мне сопутствуют Норблин, Видаль и знаменитый Уран — альтист — какого я еще никогда не слышал. Билеты распространяются. Труднее всего было достать певицу. Россини позволил бы мне взять какую-нибудь из оперы, если бы он мог это сделать сам без пана Робера, второго директора, который опасается навлечь на себя двести или триста подобных же просьб.

Однако я Тебе до сих пор еще ничего не написал об опере. Такого [Севильского] *Цирюльника*, как на прошлой неделе в исполнении Лаблаша, Рубини и Малибран (Гарсиа), я еще никогда не слышал. Никогда еще не слышал такого *Отелло*, как с Рубини, Паста и Лаблашем; — *Итальянки [в Алжире]* с Рубини, Лаблашем и М-ме Рембо. Теперь больше чем когда-либо я имею в Париже все. Ты не представляешь себе, что такое Лаблаш! Говорят, что Паста много утратила, но я еще ничего более возвышенного не видел. Малибран поражает своим чудесным голосом и поет, как никто! Чудо! Чудо! Рубини совершенный тенор, поет настоящим [голосом], а не фальцетом и иногда два часа делает рулады (правда, иногда его фиоритуры слишком длинны, он умышленно вибрирует голосом и, кроме того, без конца делает тремоли, что, однако, вызывает наиболее сильные аплодисменты). Его *mezza voce* несравненно.

Здесь Шрёдер-Девриент — но она не производит такого фурора, как в Германии. Пани Малибран играет роль *Отелло*, а она — *Дездемону*. Малибран маленькая, а немка огромна; казалось, что немка задушит *Отелло*. Это был дорогой спектакль, ни много ни мало двадцать четыре франка за место, — и это за то, чтобы посмотреть Малибран черной и неважно играющей эту роль. Собираются ставить *Пирата* и *Сомнамбулу* и т. д. Паста уже уехала — говорят, она больше не будет петь. Оркестр чудесный, но не может сравниться с настоящей французской оперой (*l'Academie Royale*). —

Если когда-нибудь в театре бывала роскошь, то не знаю, достигала ли она такой пышности, как в *Robert le diable**, новехонькой пятиактной опере Мейербера, автора *Crociato***. Это шедевр новой школы, — где дьяволы (огромные хоры) поют при поддержке туб, где души встают из гробов, но не так, как в *Шарлатане*⁶, а группами, по пятьдесят, шестьдесят человек, где в театре [сооружена] диорама⁷, где в конце виден *interieur**** храма, и весь храм, как на рождество или пасху, сияет огнями, с монахами и со всей публикой на скамьях, с кадильницами, более того: с органом, звуки которого на сцене

* «Роберте-дьяволе» (франц.).

** «Крестоносца» (франц.).

*** Внутренний вид (франц.)

чаруют и изумляют и почти покрывают весь оркестр. — Нигде не смогут поставить ничего подобного. — Мейербер обессмертил себя! Но зато и просидел три года в Париже, прежде чем ее поставил, и, как говорят, истратил 20000 франков на артистов.

Пани Цинти-Даморо тоже поет так, что лучше петь невозможно, — ее пение я предпочитаю пению Малибран. Малибран поражает, Цинти пленяет, — и хроматические гаммы она исполняет лучше, чем знаменитый Тюлон на флейте. Невозможно обладать голосом, отработанным более совершенно, а ей притом это так мало стоит, что кажется, будто она просто дует на публику. Нурри, французский тенор, изумляет своей эмоциональностью. — А Шоле в *Opéra Comique*, где играют *Фра-дьяволо*, *La Fiancée*⁸ и *Цампу* (новая прекрасная опера Герольда), — он у них тут первый любовник, *séducteur** — волнующий — чудесный гений, с настоящим романтическим голосом. Он создал свою собственную манеру.

В *Opéra Comique* дают теперь *Marquise de Brinvillière*⁹, это баба, которая травила людей во времена Людовика XIV или XV. Музыку к ней делали восьмером: Керубини, Паэр, Бертон, Герольд, Обер, Батон, Блангини и Карафа. — Полагаю, что лучшую компанию трудно найти! Напиши мне, что Ты обо всем этом думаешь; однако знай при этом, что я не одурел — и не намерен быть одураченным. — Пиксис¹⁰ относится ко мне с большим уважением — или потому что я играю, или потому что ревнует ко мне свою девицу¹¹, которая охотнее смотрит на меня, чем на него! — Пиши мне, ради бога, — или приезжай; твой до смерти, может быть, недалекой

Ф. Шопен.

Старый Потье превосходен! Молодой здесь с Герве. И Эвра, и Тьерри, и Филе [тоже тут], но я их не видел. Я живу на Boulevard Poissonnière, № 27, ты же не дал мне своего адреса, и мне пришлось узнавать его у Водзиньского.

Плейелевские фортепиано — *non plus ultra* **. — Из поляков встречаю Кунасика, Моравского, Немоё [вского], Лелевея, Плихту и, впрочем, целое множество дураков. У панны Ячорек часто собираются, но ничего больше. Она красива. Олещиньский намеревается гравировать мой портрет. Я был с Брыкчиньским третьего дня с визитом у [пани] Тышкевич, а Понятовского еще нет; сегодня иду к Монтебелло. Если бы не Водзиньские, я не знал бы твоего адреса, растяпа. Водзиньские надеются Тебя здесь увидеть, и мне иногда хочется видеть Тебя, особенно когда идет дождь, потому что тогда я едва не схожу с ума от тоски.

* Соблазнитель (франц.).

** Верх совершенства (лат.).

Панна Гладковская вышла за Грабовского¹², но это не мешает платоническим чувствам. Сию минуту пришел Байо. Запечатываю письмо. Люби меня.

Р. S. — В моем доме, этажом выше меня, живет молодая женщина, муж которой отсутствует с раннего утра и до поздней ночи. Моя соседка очень красива и не раз приглашала меня утешить ее в ее одиночестве. У нее в камине горит жаркий огонь, у которого было бы так приятно посидеть, — и она приглашает меня занять место подле него, предполагая, что в один прекрасный день я поддамся искушению. Но у меня нет никакого желания искать приключений. К тому же это могло бы привести меня к знакомству с палкой ее супруга¹³.

Не могу удержаться, чтобы не описать Тебе моего приключеньица с Пиксисом. Представь себе, что у него живет очень красивая пятнадцатилетняя девушка, на которой (как он говорит) он собирается жениться и с которой я познакомился, бывая у него в Штутгарте. — Приехав сюда, Пиксис пригласил меня к себе, ни слова не сказав (тогда, может быть, я пришел бы к нему раньше) о том, что с ним приехала его девица, о которой я уже позабыл. Он просит меня его навестить; через неделю я пошел к нему. Уже на лестнице меня очень радостно встречает его молодая питомица, приглашает меня к себе, говоря, что это ничего, что пана Пиксиса нет дома — чтобы я присел — что он сейчас придет и т. д. (Какая-то дрожь пробирает нас обоих.) —

Я, зная, что старик ревнив, извиняюсь и говорю, что зайду в другой раз и т. д. В то время как мы так нежно, в невинности сердца, с умилением разговариваем на лестнице, лезет Пиксище, смотрит (наподобие Соливы) сквозь толстые очки, кто там наверху разговаривает с его красоткой — и, прибавив шаг, бедняга останавливается передо мной и brusquement* говорит: «Bonjour»**, а ей: «Qu'est-ce que vous faites ici ***?» — и раздражается длиннейшей иеремиадой немецких чертыханий за то, что она осмеливается в его отсутствие принимать молодых людей. Я с улыбкой также поддакиваю Пиксису (не чувствуя себя ни в чем виноватым) и упрекаю ее, что она, так легко одетая (в одном шелковом платице), выходит из комнаты и т. д.

Но старик, наконец, спохватился, — остыл, взял меня под руку, провёл в гостиную и не знал со страху, куда меня посадить (чтоб я, рассердившись, не выкинул над ним какой-нибудь шутки или, скорей всего, не обманул бы его воспитанницу, когда его не будет дома). Провожая меня потом по лестнице и

* Резко (франц.).

** Здравствуйте (франц.).

*** Что вы тут делаете? (франц.).

видя, что я все как-то посмеиваюсь в душе (я не мог скрыть удовольствия, которое испытал впервые от того, что меня могли счесть сарable* на нечто подобное) — я видел, как он вошел к привратнице, чтобы узнать, давно ли я поднялся по лестнице и т. п. С тех пор Пиксис не перестает расхваливать мой талант перед всеми издателями, и в особенности перед Шлезингером, предложившим мне написать что-нибудь на тему из Роберта[-дьявола]¹³, которого он купил у Мейербера за 24 000 франков! —

Как Тебе это понравится? Из меня — séducteur! **.

¹ Г. Гейне писал о нем: «Вообще, с тех пор как техника игры доведена Калькбреннером до высшего совершенства, пианистам не следовало бы гордиться своими техническими навыками».

² Этот концерт состоялся лишь 26 февраля 1832 г. в зале Плейеля. В концерте пели: певец Луи Буланже и певицы Изаंबर и Эрминия Томеони.

³ Шопен несомненно имеет в виду рецензию Р. Шумана (см. коммент. 1 к письму 102), которая была, видимо, показана ему в Париже каким-то соотечественником Шумана и которую он цитирует по памяти. «Огромные предисловия...» — как известно, вторая половина шумановской рецензии, содержащая деловой разбор Вариации ор. 2, не была опубликована и впоследствии затерялась.

⁴ Дон-Жуан, Лепорелло, Церлина, Мазетто — персонажи оперы В. А. Моцарта «Дон-Жуан» (1787), на тему которой написаны Вариации ор. 2 Шопена.

⁵ Жирафик — один из типов фортепиано.

⁶ «Шарлатан» — опера К. Курпийнского, впервые поставленная в Варшаве в 1814 г.

⁷ Диорама — сценические декорации больших размеров, сделанные по принципу панорамы, в которых при помощи света добивались эффектов меняющегося в течение дня освещения. Изобретена французским живописцем Дагерром; впервые установлена в 1822 г. в Париже.

⁸ «La Fiancée de Brigand» («Die Rauberbaut») — «Невеста разбойника», опера Ф. Риса.

⁹ «Маркиза де Бренвильер» — опера по лирической драме Э. Скриба и Кастиль-Блаза, сюжетом которой послужила история маркизы Марии Мадлен де Бренвильер, урожденной д'Обре, отравившей из корыстных целей своего отца, двух братьев и сестер; сожжена на костре в 1676 г. Музыка к опере писали девять композиторов, Шопен не называет Буальдьё.

¹⁰ Можно предполагать, что у Ф. Шопена было рекомендательное письмо к И. П. Пиксису от Й. Славика.

¹¹ Речь идет о Францилле Пиксис-Герингер — сироте, приемной дочери И. Пиксиса, певице, успешно выступавшей в Мюнхенской опере.

¹² В момент написания комментируемого письма Констанция Гладковская еще не вышла замуж, а была лишь обручена.

¹³ Текст, выделенный курсивом, взят у М. Карасовского, который первый ознакомился с оригиналом этого письма и опубликовал его (Karasowski M. Fr. Chopin, sein Leben und seine Briefe. Berlin, 1877). В польском издании переписки Ф. Шопена эти строки опущены, видимо, по недосмотру.

* Способным (франц.).

** Соблазнитель (франц.).

¹⁴ Речь идет о Большом концертном дуэте А-дур на темы из оперы Дж. Мейербергера «Роберт-дьявол», написанном совместно Ф. Шопеном и О. Франкоммом (партия фортепиано в автографе написана рукой Шопена, виолончели — Франкомма). Это сочинение вышло у М. Шлезингера в июле 1833 г.

109. ЮЗЕФУ ЭЛЬСНЕРУ В ВАРШАВУ

Париж, 14 декабря 1831

Париж с[его] 14 decembr[e] 1831

Милостивый Пан Эльснер!

Ваше письмо было для меня новым доказательством той отеческой заботливости, той подлинно искренней доброжелательности, которые Вы сообразовали сохранить к [Вашему] преданнейшему ученику.

В 1830 году, хотя я и видел, сколь многого мне недостает и как я далек от того, чтобы приблизиться к какому-нибудь из Ваших образцов, если бы и решил на это покуситься, я, однако, дерзнул подумать: приближусь хотя немного к нему, и если не Локетек, то может быть, какой-нибудь Ласконогий¹ выйдет из моей головы.

Теперь же, видя, что все надежды подобного рода рухнули, я вынужден думать о том, чтобы проложить себе дорогу в мире в качестве пианиста, откладывая лишь на некоторое время высшие артистические перспективы, справедливо указанные мне Вами в Вашем письме. Чтобы быть великим композитором, нужен огромный опыт, который, как Вы меня учили, приобретается не только слушанием чужих, но еще более слушанием собственных работ.

Десятка полтора даровитой молодежи, учеников Парижской консерватории, сложа руки дожидаются постановки своих опер, симфоний, кантат, которые видели на бумаге только Керубини и Лесюэр (я уж не говорю здесь о маленьких театриках, в которые столь трудно пролезть, а пролезши, как, напр[имер], Томаш в Леопольдштадт[ский театр], все равно не приобретаешь никакой артистической весомости, иногда даже несмотря на большие достоинства). Мейербер, в течение десяти лет известный с лучшей стороны как оперный композитор, трудился три года, тратил деньги и сидел в Париже, пока, наконец (когда уже стало слишком много Обера), дождался постановки своего произведения *Роберт-дьявол*, вызывающего в Париже фурор.

Что же касается проявления себя в музыкальном мире, то, по-моему, счастлив тот, кто может быть композитором и исполнителем одновременно. Меня как пианиста знают уже кое-где в Германии; некоторые музыкальные газеты вспоминали о моих концертах, выражая надежду вскоре увидеть меня среди первых виртуозов моего инструмента (что значит: *disce*,

puer [egote], faciam te mości panie *²⁾). Сейчас мне представляет-ся единственный случай осуществить врожденное призвание: как же мне за него не ухватиться? В Германии я бы никому не дал учить себя фортепианной игре, потому что хотя многие и чувствовали, что мне чего-то еще недостает, но никто не знал — чего именно. Я же не видел в своем глазу того бревна, которое теперь мешает мне смотреть выше.

Три года — это много! Даже слишком много, как признал, лучше ко мне приглядевшись, и сам Калькбреннер (это должно Вас вполне убедить, что истинный, с вполне заслуженной славой виртуоз не знает зависти). Однако я бы согласился и на три года, если бы только мог таким образом сделать большой шаг в своих начинаниях. У меня достаточно здравого смысла, чтобы не стать копией Калькбреннера: он не сможет заглушить слишком смелые, быть может, но благородные желания и мысли: создать себе новый мир; и если я буду работать, то для того, чтобы крепче стать на ноги. Рису, уже известному пианисту, легче было пожинать лавры в Берлине и Франкфурте за свою *Невесту [разбойника]*; а Шпор долго считался скрипачом, прежде чем написал *Иессонду*, *Фауста* и т. д. Надеюсь, что Вы не откажете мне в своем благословении, зная, на каких основаниях и с каким намерением я так поступаю.

Родители, наверно, сказали Вам о том, что мой концерт отложен на 25-е³⁾. У меня много хлопот с его устройством, и если бы не Паэр, Калькбреннер и в особенности Норблин (который Вам низко кланяется), то я не смог бы его устроить за такой короткий срок (они считают, что для Парижа два месяца это мало). — Байо очень учтив и любезен — играет *Квintет* Бетховена⁴⁾, Калькбреннер — со мною duo с аккомпанементом четырех фортепиано. Рейху я знаю только по виду — Вы знаете, как я интересовался этим человеком; — здесь я познакомился с несколькими [его] учениками, которые дали мне о нем несколько иное представление. —

Он не любит музыки, — не бывает даже на концертах Консерватории, о музыке не хочет ни с кем говорить; на своих уроках только и смотрит на часы и т. п. Точно так же и Керубини, — он только болтает о холере и революции. — Эти господа — мумии, на них можно лишь взирать с почтением и учиться по их произведениям. Фетис же, с которым я познакомился и от которого, в свою очередь, действительно можно многому научиться, опять живет за городом и в Париже бывает только на уроках — так как иначе давно сидел бы в Сент-Пелажи⁵⁾ за долги, которых у него больше, чем дает ему «*Revue Musicale*». Надо знать, что по закону в Париже можно арестовать должника только à domicile**, поэтому он

* Учись, мальчик, сделаю из тебя человека (лат. и польск.).

** На дому (франц.).

и не сидит в Париже в своем *domicile*, а выезжает за город и становится на известное время недосыгаемым для закона. —

Такое множество, скопление интересных людей во всех областях музыкального искусства — поражает. Три оркестра: Академии, Итальянцев и *Fédeau*⁶ — совершенны; Россини — [сам] режиссер своей оперы, постановка которой является наилучшей в Европе. Лаблаш, Рубини, Паста (сейчас уехавшая), Малибран, Девриент-Шрёдер, Сантини и т. д. три раза в неделю покоряют избранную публику. Нурри, Левассер, Деривис, М-те Цинти-Даморо, М-лле Дорю составляют опору Большой оперы. — Шоле, М-лле Казимир, Прево — кумиры Комической оперы; словом, только здесь можно узнать, что такое пение. Сейчас, несомненно, не Паста первая в Европе, а Малибран (Гарсиа) — чудо! Валенты Радзивилл был от нее вне себя, и мы не раз представляли себе Вас — как бы Вы ею восхищались! —

Лесюэр сердечно Вас благодарит за память и просит передать Вам миллион поклонов — он тепло вспоминает о Вас и каждый раз при встрече спрашивает меня: «*Et que fait notre bon Monsieur Elesenere, racontez moi des ses nouvelles* *» — и сейчас же переходит к Вашему *Реквиему*⁷, который Вы ему прислали. —

Мы все здесь Вас любим и почитаем, начиная с меня и кончая вашим крестным сыном, Антонием Орлов[ским], которому, по-видимому, не так-то скоро удастся поставить свою оперетку, потому что *sujet* ** не из лучших, а кроме того, театр закрыт до Нового года. Король не сорит деньгами, и артисты вообще живут скудно — платят только англичане.

Писал бы до завтра, но уж довольно надоедать. Соболаговолите принять заверения в моей благодарности и уважении, с которыми остаюсь до смерти

преданнейшим учеником

ФФ. Шопен.

Пани и панне Эльснер целую ручку и желаю всего хорошего на новый год. —

Адрес: «*A Monsieur/Monsieur Elsner/ à Varsovie*».

¹ Речь идет об операх Ю. Эльснера «Король Локетек, или Висьличанки» (1818) и «Король Ласконогий». «Локетек» — король Владыслав IV, прозванный так за свой маленький рост (локоток, карлик); «Ласконогий» — Владыслав III, король Польши, прозванный тонконогим. Ф. Шопен, играя прозвищами этих королей, хочет сказать, что его опера была бы «карликовой» и «тонконогой».

² Шопен приводит слова, сказанные польским королем Стефаном Баторием молодому Каролю Ходкевичу, будущему гетману.

* Что поделявает наш славный господин Эльснер, расскажите мне о нем какие-нибудь новости (франц.).

** Здесь — либретто (франц.).

³ Этот концерт Ф. Шопена состоялся 26 февраля 1832 г.

⁴ Струнный квинтет C-dur Бетховена op. 29.

⁵ Тюрьма, помещавшаяся в здании бывшего монастыря Сент-Пелажи (Sainte-Pelagie; отсюда и название); с 1797 г. — место заключения несостоятельных должников.

⁶ «Три оркестра...» — Королевской академии музыки — (Academie royale de musique — т. е. Большой оперы), Итальянской оперы — и театра Фейдо (Feydeau — т. е. Комической оперы — тогдашней третьей оперной сцены Парижа).

⁷ Возможно, речь идет о Реквиеме c-moll op. 42 (1826) Ю. Эльснера.

110. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИН

Париж, 25 декабря 1831

Париж, 25 Decemb[re] 1831

Дражайшая жизнь моя!

Уже второй год, как мне приходится за тридевять земель поздравлять Тебя с именинами. Вероятно, один взгляд наяву лучше запечатлел бы Тебя в моем сердце, чем десять писем. Поэтому оставим эту тему, ex abrupto* писать не хочу, а книжечку с различными поздравлениями, которые девчонки и мальчишки с криками продают на улицах всего по два sous**, — я себе не купил. —

Удивительный это народ, — едва наступает вечер — только и слышишь выкрики заглавий новых летучих книжонок и иногда за одно sous можно купить три, четыре листа печатной глупости. Тут и «L'art de faire des amants et de les conserver ensuite»***, «Les amours des prêtres»****, «L'archevêque de Paris avec M-me la Duchesse du Barry»***** и тысячи подобных сальностей, порой очень остроумно написанных. Право, надо удивляться, к каким средствам тут прибегают, чтобы заработать грош.

Знай: здесь теперь большая нужда, в обращении мало денег, встречаешь множество людей в лохмотьях с многозначительными физиономиями и не раз слышишь угрожающие разговоры о дураке Филиппе¹, который еле держится еще на министерстве. Низший класс уже совершенно разъярен² — и все время думает, как изменить свое бедственное положение, но правительство, к несчастью, относится к этому со слишком большой осторожностью, и малейшие скопления народа на улице разгоняет конной жандармерией.

Знаешь, я живу на четвертом этаже, но в отличнейшем месте, а именно — на бульварах; у меня отдельный балкон, очень изящный, железный, выходящий на улицу, — я могу ви-

* Без подготовки (лат.).

** Су (франц.).

*** «Искусство заводить любовников и сохранять их» (франц.).

**** «Любовные похождения священников» (франц.).

***** «Архиепископ Парижский и Герцогиня дю Барри» (франц.).

доть очень далеко и вправо и влево. Напротив меня, через улицу, поселился Раморино в так называемом *Cité Bergère*, где есть большой проходной двор. — Тебе, наверно, известно, как его принимали повсюду немцы, как в Страсбурге французы, впрягшись вместо лошадей, везли его, — словом, Тебе известен энтузиазм народа к нашему генералу. Париж в этом отношении не захотел отставать. — Медицинская школа — молодежь, так называемая «*jeune France*» * (которая носит бородки и по-особому завязывает шейные платки) — а надо Тебе сказать, что здесь каждая политическая партия одевается по-своему — разумеется наиболее пылкие. — Карлисты³ носят зеленые жилеты, республиканцы и наполеонисты, то есть именно эта «*jeune France*» — красные; сен-симонисты⁴, иначе говоря, новые христиане, создающие религию и имеющие огромное число прозелитов, которые также выступают за равенство, — носят голубые и т. д. и т. д.

Так вот, до тысячи человек такой антиправительственной молодежи прошло с трехцветным знаменем через весь город к Раморино, чтобы приветствовать его. И хотя он был дома, но не желая подвергать себя неприятностям со стороны правительства (ну и дурак), он не показался, несмотря на крики и возгласы: «*Vive les Polonais*» ** и т. д. Его адъютант (кажется, Дзялыньский) вышел и сказал, что генерал просит их в другой день. —

А тем временем на следующий день он перебрался оттуда. Дня через два огромная толпа уже не только молодежи, но и простого люда, собравшись у Пантеона, валит к Раморино на другой конец Парижа. — Толпа, как снежный ком, чем больше проходила улиц, тем становилась огромнее, пока у моста (*Pont Neuf*) ее не начала рассеивать конница; многих покалечили, но несмотря на это множество людей собралось на бульварах, под моими окнами, чтобы соединиться с идущими с другой стороны города. — Полиция была бессильна против столпившегося народа: пришел отряд пехоты — гусары, плац-адъютанты ездили по тротуарам на конях; гвардия не менее рьяно расталкивала все более гневную и ропшущую толпу — хватают — арестовывают свободный народ — паника — закрывают лавки, на всех углах по бульварам кучки народа — свист — галопирующие курьеры, окна полны зрителей (как некогда у нас в большой праздник) — и это продолжалось с одиннадцати часов утра до одиннадцати ночи.

Я уже радовался, что, может быть, что-нибудь и выйдет, но около одиннадцати ночи все это завершилось пением, огромным хором «*Allons enfants de la patrie*»⁵. Какое впечатление произвели на меня эти грозные голоса недовольного народа —

* Молодая Франция (франц.).

** Да здравствуют поляки (франц.).

можешь вообразить! — На другой день ожидали продолжения этого émeute *, как они это здесь называют — но дурни и доныне сидят тихо. Только Гренобль пошел по следам Лиона ⁶, и черт знает, что еще будет на свете.

В театре «Франкони», где обычно дают только драмы и tableaux ** с лошадьми — сейчас показывают всю нашу историю последнего времени ⁷. Люди как шальные стремятся посмотреть все эти костюмы — панну Плятер, тоже выступающую там вместе с личностями, которым дают имена вроде Лодоиски, Фаниски — а одна называется даже Флореской ⁸. — Генерал Гигуль ⁹ оказывается братом [панной] Плятер и т. п. Но ничто меня так не позабавило, как объявление в одном из маленьких театров, что во время антрактов будет исполнена La mazurka Dobruski «ieszore polska mirgineta» ¹⁰. Ей богу, не шучу, у меня есть свидетели, которые вместе со мною удивлялись тому, что французы такие дураки!

А ргорос, о моем концерте, то он отложен на пятнадцатое из-за певички, в которой мне отказал директор оперы пан Верон. Сегодня же в итальянской опере большой концерт, в котором участвуют Малибран, Рубини, Лаблаш, Сантини, М-ме Рембо, М-ме Шредер, М-ме Кавадори — притом играют Герц и (что меня больше всего интересует), Берियो, тот скрипач, в которого влюблена пани Малибран. Как бы я хотел, чтобы Ты был здесь, — не поверишь, как мне грустно, что не с кем отвести душу. Ты знаешь, как легко я завожу знакомых, знаешь, как я люблю с ними поболтать о воздушных замках — вот таких знакомств у меня по уши, но вместе повздыхаться не с кем. —

Что касается моих чувств, то я всегда синкопирую [с чувствами] других. Поэтому-то я и мучаюсь, и Ты не поверишь, как я жду какой-нибудь паузы, чтобы никто ко мне целый день не заглянул, никто со мной не заговорил. Когда я пишу Тебе, я не выношу, если раздастся звонок — и влезает нечто с усиками, огромное, рослое, толстое — садится за фортепиано и начинает импровизировать сам не знает что, стучит, бессмысленно колотит, дергается, перебрасывает руки, пять минут подряд грохочет по одной клавише огромным пальцем, который предназначен держать кнут и вожжи, управляя имением где-нибудь на Украине. Вот тебе портрет Совиньского, который не имеет других mérite ***, кроме хорошей фигуры и доброго к себе сердца.

Если раньше я и мог себе представить шарлатанство или глупость в искусстве, то все же не в таком законченном виде, как теперь, когда умываясь и расхаживая по комнате, я часто вынужден его слушать. Уши у меня краснеют, — выставил бы

* Бунта (франц.).

** Пантомимы (франц.).

*** Достоинств (франц.).

его за дверь, а должен *ménager** и даже обмениваться любезностями. Ты даже не в состоянии представить себе подобное. — Но поскольку они (они — это те, которые разбираются только в галстуках) считают его здесь кем-то, то приходится с ним дружить. — А больше всего он мне портит кровь своим собранием кабацких, бессмысленных, с отвратительным аккомпанементом, переложенных без малейшего знания гармонии и просодии песенок, с контрадансовыми концовками, — и это он называет собранием польских песен.

Ты знаешь, как я стремился почувствовать нашу народную музыку и отчасти достиг этого, — поэтому пойми, как мне приятно, — когда он иногда то тут, то там схватит что-нибудь мое, [вся] красота чего часто зависит от аккомпанемента, — и сыграет в кабацком, шарманочно-гогочущем, церковно-приходском вкусе; и ничего нельзя сказать, так как больше того, что он сам «схватил», он не поймет. Это — Новаковский наизнанку. А разглагольствует! — Обо всем, а в особенности о Варшаве, в которой никогда не был. — Из поляков общаюсь больше всего с Водзиньскими, Брыкчиньскими, превосходными малыми. Водзиньскé все спрашивает меня, почему Ты не приедешь? Они Тебя ждут, потому что не знают Тебя. — Мне же кажется, что я Тебя знаю, и мне известно, куда ты поедешь раньше. В тот момент, когда я собирался описать тебе один бал, на котором меня пленило некое божество с розой в черных волосах, — я получаю Твое письмо. — И все *moderne*** вылетает у меня из головы — я еще больше переносюсь к Тебе, беру Тебя за руку и плачу. —

Я получил Твое письмо из Львова — тем позже увидимся, а может быть, и вовсе не увидимся, потому что, говоря серьезно, мое здоровье неважно; внешне я весел, в особенности среди своих (своими я называю поляков), но внутри что-то меня мучит — какие-то предчувствия, беспокойства, сны или бессонница — тоска — равнодушие — жажда жизни, и через минуту жажда смерти, — какой-то сладостный покой, какое-то оцепенение, умственная рассеянность, а по временам меня мучают слишком ясные воспоминания. Мне и кисло, и горько, и солоно, я мечусь в какой-то гнусной мешанине чувств! Я глупее, чем когда-либо. Прости мне, моя жизнь. — Ну, довольно. А теперь я оденусь и пойду, а вернее, поеду на обед, который сегодня дают в честь Раморино и Лангерманна, — будет сотни две [народу] в огромнейшем ресторане «*Au Raucher de Cancale*». — Несколько дней назад Кунастик с милейшим Бернацким принесли мне приглашение.

Итак, Кароль *décidément**** не будет его зятем. Твое нынешнее письмо принесло мне много новостей¹¹. Ты подарил мне

* Быть обходительным (франц.).

** Теперешнее (франц.).

*** Решительно (франц.).

четыре страницы и тридцать семь строк, никогда в жизни этого не было, никогда в жизни ты не был так щедр, — а я так нуждался в этом — очень нуждался. То, что ты пишешь о [моем] пути, это сущая правда, в которой я сам убежден. Не думай, милый, плохо об этом; я еду собственным экипажем, только нанял кучера для лошадей.

Прости, жизнь моя, несвязности моего письма. — Кончаю, потому что иначе не успел бы отнести его на почту. А ведь я сам себе пан, сам и слуга. Пиши, смилуйся. Обнимаю Тебя, твой до смерти

Фрыц.

Это письмо посылаю, уповаю на Твое милосердие.

¹ Речь идет о представителе младшей линии династии Бурбонов герцоге Орлеанском, короле Луи Филиппе, возведенном на французский престол Июльской революцией 1830 г. Его правление характеризовалось исключительно влиянием финансовой буржуазии. Как писал Стендаль, «Июльская монархия во главе Франции поставила банк». В марте 1831 г. Луи Филипп назначил главой правительства финансиста Казимира Перье, подавившего республиканские выступления; особенно жестоко расправился он с участниками Лионского восстания (ноябрь 1831 г.). Усилие реакции и острый экономический кризис привели осенью 1831 г. к многочисленным уличным выступлениям.

² Г. Гейне писал 28 декабря 1831 г. в своей парижской корреспонденции в аугсбургской «Allgemeine Zeitung»: «Между тем, положение низших классов в Париже, как говорят, настолько безотраднo, что при малейшем поводе извне может вспыхнуть более грозное, чем когда-либо, восстание...»

³ Карлисты — сторонники свергнутого в 1830 г. Карла X.

⁴ Сен-Симонисты — ученики и последователи Анри Сен-Симона. Одна из книг Сен-Симона, в которой он описывал грядущее общество, называлась «Nouveau Christianisme» — «Новое христианство» (1825).

⁵ «Вперед, сыны отчизны» — первые слова «Марсельезы».

⁶ Речь идет об известном восстании тридцати тысяч лионских рабочих-текстильщиков в ноябре 1831 г., направленном против капиталистической эксплуатации и жестоко подавленном войсками. В Гренобле 18 декабря 1831 г. произошло выступление рабочих и студентов против сборщиков налогов.

⁷ Зимой 1831—1932 гг. в парижском Théâtre Franconi (Cirque Olympique), где обычно ставились феерии и батальные представления, была поставлена пьеса Проспера на тему ноябрьского восстания в Польше: «Les Polonais, événement historique en 4 actes et 12 tableaux»; ее премьера состоялась 22 декабря 1831 г.

Ю. Словацкий писал (24 января 1832 г.) матери: «Одна из величайших новостей сейчас во Франции — представление в «Cirque Olympique»: это романтическая история нашей кузины [т. е. Польши]. Я был на этом спектакле и нахожу его преглупым. Вы представить себе не можете, до чего глупы французы» (Словацкий Ю. Избранные сочинения, т. 2. М., 1960, с. 557).

⁸ Имена, претендующие на сходство с польскими. «Фаниска» и «Лондонска» — название опер Керубини.

⁹ Искаженное имя польского генерала Антония Гельгуда. Очевидно, что он не был братом Эмилии Плятер.

* «Поляки», историческое действо в 4 актах и 12 картинах (франц.).

¹⁰ «...jeszcze Polska nie zginęła...» — «Еще Польша не погибла...» (1797) — первые слова так называемой «Мазурки (Марша) Домбровского», боевой песни польских легионов (получила название по имени генерала Яна Генрика Домбровского). Ныне — гимн Польской народной республики. Ф. Шопен приводит первые слова этой песни, сильно искаженные французами.

¹¹ Письма Тытуса Войцеховского к Шопену не сохранились.

111. РОБЕРТ ШУМАН — ГОТФРИДУ ФИНКУ В ЛЕЙПЦИГ

Лейпциг, 27 декабря 1831

Лейп[циг], 27 декабря [18]31

Могу ли просить Ваше благородие об одном или двух номерах с шопеновской рецензией¹ или — если у Вас самих нет ни одного — дружески походатайствовать об этом перед Брейткопфом, так как они не хотят давать отдельных листов? [...]

Отрывок. Шуман Р. Письма, т. 1, с. 149.

¹ См. коммент. 1 к письму 102.

112. РОБЕРТ ШУМАН — ФРИДРИХУ ВИКУ ВО ФРАНКФУРТЕ-НА-МАЙНЕ

Лейпциг, 11—12 января 1832

Лейпциг, 11 января 1832

[...] Действительно, как ни забывчив свет, он не проходит мимо выдающегося; вот почему я сравнил бы его со стадом коров, которые поднимают голову, когда сверкнет молния, а затем снова продолжают спокойно щипать траву; такими молниями были Шуберт, Паганини, Шопен, теперь — Клара¹. [...]

Первый опус² Шопена (я думаю, что это наверняка десятый) у меня в руках. Какая-нибудь дама сказал бы: это очень мило, очень пикантно, почти в духе Мошелеса. Я все же полагаю, что Вы дадите Кларе разучивать его, — в нем бездна ума и мало трудностей. Но что между ним и опусом два лежат по меньшей мере два года и двадцать произведений, это я готов утверждать³.

12 января

[...] К[норр], как Вам известно, играл недавно вариации Шопена⁴. Это ни хорошо, ни плохо, ни чисто, ни нечисто, ни возвышенно, ни мелко, но это именно К[норр] играл вариации Шопена. Поэтому они и понравились мало; мой сосед в концерте тихо шепнул мне на ухо: «Сочинение как будто довольно жалкое». [...]

Отрывок. Шуман Р. Письма, т. 1, с. 151—152.

¹ Клара Жозефина Вик, в замужестве Шуман.

² Имеется в виду Рондо с-moll op. 1 Шопена (написано в 1825 г.).

³ Вариации op. 2 Шопена созданы в 1827 г. За два года, отделяющие возникновение Рондо op. 1 и Вариации op. 2 Шопен написал двадцать одно произведение (правда, не все закончил, некоторые из них утеряны).

⁴ Вариации op. 2 Шопена Ю. Кнорр играл 27 ноября 1831 г. в зале лейпцигского Гевандхауза — это было первым исполнением названного сочинения в Германии.

113. ФЕЛИКС МЕНДЕЛЬСОН-БАРТОЛЬДИ — РОДНЫМ

Париж, 14 января 1832

Париж, 14 января 1832

[...] На следующей неделе состоится концерт одного поляка; в нем я должен играть произведение для шести фортепиано вместе с Калькбреннером, Хиллером и К^о; поэтому не удивляйтесь, если увидите где-нибудь мое имя исковерканным¹ [...]

Отрывок. Hoesick F. Chopin, t. 2, s. 46.

¹ В первом парижском концерте Ф. Шопена Ф. Мендельсон не участвовал (его заменил К. М. Стамати). Однако в программе концерта его имя значилось: «Второе отделение. 1^о Большой Полонез, предшествуемый Интродукцией и Маршем, сочиненный для шести фортепиано г-ном Калькбреннером и исполняемый господами Калькбреннером, Мендельсоном-Бартольди, Хиллером, Осборном, Совиньским и Шопеном».

114. МИКОЛАЙ ШОПЕН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, 24 февраля 1832

24 февраля 1832¹

Мое дорогое Дитя.

Препятствия, о которых ты упоминаешь и трудности, с которыми тебе пришлось столкнуться при подготовке концерта, огорчают меня тем более, что досаждают тебе постоянной беготней и не дают возможности отдохнуть. С другой стороны, это влечет за собой издержки, которые должны тебя стеснять.

Меня это беспокоит и потому, что ты ничего не упоминаешь об уроках, которые тебе должен был устроить г-н Кальк[бреннер]. Знакомства, которые ты завязываешь, бывая каждый день в большом свете, я не сомневаюсь, пригодятся тебе и дадут возможность познакомиться с твоим талантом; однако поверь мне, что если, к несчастью, ты окажешься в нужде, твои мысли станут менее свободными, — от чего зачахнет твое искусство.

Не скрываю, меня это беспокоит, и я был бы очень рад, если бы ты рассеял мои опасения. Из твоего последнего письма я заключаю, что твой концерт должен состояться 26 т[екущего] м[есяца]. Дай бог, чтобы это тебе удалось, но признаюсь тебе, у меня возникли опасения, как бы в результате всех этих отяжек твои усилия не пропали даром. Но так как этот день почти совпадает с днем твоего праздника, шлю тебе по этому случаю наилучшие пожелания и от всего сердца обнимаю, — возможно, что этот день окажется поэтому более благоприятным, чем другие.

Что же касается нашего положения, то нам хватает на жизнь и мы держимся, будучи достаточно здоровыми; в отношении твоего здоровья — рад, что, как находят, ты выглядишь лучше, чем прежде.

Еще раз, твоя мать и я, от всего сердца обнимаем тебя.

Ш.

[Приписка Людвика Шопен:]

[...] ² в случае необходимости, вложи для меня отдельный листок... Не все могут, догадываясь, понять одинаково и будет лучше, если хоть кто-то будет знать правду.

У Тебя, верно, снова трудности с концертом; нам не кажется, что он сможет состояться раньше 26-го; мне искренне Тебя жаль; хотелось бы, чтобы Ты наконец отделался от этой неприятности и чтобы мнение о Калькбренне у Папы и у Эльснера улучшилось; им кажется, что он с Тобой неискренен, и я уже порой злюсь, так как, хотя Ты и молод, у Тебя достаточно разума, чтобы не дать себя надуть.

Пусть Тебя это, однако, не сердит, — все это вызвано огромной привязанностью к Тебе. Представь себе, что пани Весёловская приехала в Желязову Волю и пан Михал прислал за нами; но так как у Мамы тогда болел желудок, и мороз был жестокий, а Папе как раз некогда было ходить за паспортом ³, — чтобы получить его на день, столь близко расположенный, — никто из нас не поехал.

Нам в самом деле было досадно, а пани Ве[селовская], была уж совсем огорчена, что не повидала нас. Нам же обычно везет в проектах и в исполнении наших подлинных желаний и, видно, сейчас действительную невозможность они приняли за отговорку. Впрочем, это не имеет значения. Раз люди такие глупые, что их интересуют малейшие пустяки, а дела серьезные они не понимают, то не стоит на них обращать внимания; они не стоят того.

Нам очень жаль пана Фридриха, ибо ему везет, как еврею на пашне, и все выходит не так, как он того заслуживает; подчас бывает, что рок ожесточится на кого-нибудь, и сумеет ему насолить.

Было бы слишком долго писать Тебе обо всем этом; оставим до встречи с Тобой.

¹ Дата написана неизвестной рукой.

² Из писем сестер Ф. Шопена сохранились преимущественно те отрывки, которые были написаны на оборотной стороне писем их родителей, — так как после смерти Шопена и при перевозке его архива в Варшаву они сохранили лишь письма отца и матери, а свои уничтожили.

³ После Ноябрьского восстания для выезда из Варшавы (даже в пределах русской части Польши) требовался паспорт русских властей.

115. РОБЕРТ ШУМАН — ИГНАЦУ КАСТЕЛЛИ В ВЕНУ

Лейпциг, 28 апреля 1832.

28 апреля [18]32

[...] Еще одно обстоятельство является предметом этого письма. Ваше благородие найдет в печатном приложении мою рецензию на прекрасные шопеновские вариации на Дон-Жуана.

По недосмотру, напечатанное составляет лишь половину целого, а здешний редактор ¹, который счел рецензию законченной, просил меня взять другую половину обратно. Быть может, интересы господина Хаслингера не пострадают, если он даст возможность всему в целом появиться под моим именем в «Musikalischer Anzeiger» (может быть, в приложении), так как это произведение, кажется, еще не обсуждалось.

Я прошу, Ваше благородие, дать мне знать о Вашем решении относительно этого предложения, а также приписать его единственно моему преклонению перед талантом Шопена и принципиальному желанию не давать лишь половину статьи. [...]

Отрывок: Шуман Р. Письма, т. 1, с. 157—158.

¹ Редактор лейпцигской «Allgemeine musikalische Zeitung» Г. В. Финк.

116. АНТОНИЙ ОРЛОВСКИЙ — РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Париж, 9 марта 1832

9 марта 1832

[...] Наш дорогой Фридерик дал концерт, который принес ему великую славу и мало денег. Всех здешних пианистов он сразил насмерть, весь Париж остолбенел¹. Я впрочем, предрекал ему это, как только он приехал. [...] Фридерик останется тут на некоторое время, и поэтому в будущем году мы вместе выедем из Парижа, чтобы повидать Вас, и сразу вернемся обратно в Париж. [...]

Отрывок. Hoesick F. Chopin, t. 2, s. 47.

¹ А. Орловский писал уже после появления восторженной рецензии об этом концерте Ф. Фетиса в его «Revue Musicale» (от 3 марта 1832 г.).

117. КОМИТЕТУ ОБЩЕСТВА КОНСЕРВАТОРСКИХ КОНЦЕРТОВ В ПАРИЖЕ

Париж, 13 марта 1832

Гг. Членам Комитета Общества Консерваторских Концертов.

Милостивые государи.

Я крайне желал бы удостоиться чести выступить в одном из ваших замечательных концертов, о чем и прошу настоящим письмом.

Не обладая никаким званием, позволяющим претендовать на это, я полагаюсь на ваше благожелательство по отношению к артистам и питаю надежду, что просьба моя будет принята благосклонно.

Имею честь, Милостивые государи, быть вашим нижайшим и покорнейшим слугой.

Ф. Шопен.

Париж, 13 марта 1832

Оригинал на французском языке. На полях помета: «Прошение поступило слишком поздно. — Отв[ечено]».

¹ Как явствует из содержания комментируемого письма, Ф. Шопен почти непосредственно после своего первого концерта в Париже (26 февраля 1832 г.) предпринимал шаги для выступления с оркестром Общества консерваторских концертов.

Париж, 15 апреля 1832

Париж, сего 15 апр[еля] 1832

Дорогой Новакося!

Ты спрашиваешь меня о том, чему я был бы рад до глубины сердца. Ты не поверишь, как бы я хотел тебя увидеть здесь — и вместе играть — вместе вздыхать, мечтать, развлекаться. — Только не пускайся в дорогу (этого, будучи твоим искренним и откровенным другом, я утаить не могу), не пускайся, повторяю, без денег, чтобы, по крайней мере, хоть некоторое время у тебя было чем продержаться¹. Здесь очень трудно достать уроки, а давать концерты еще труднее.

Даже Байо, Герц, Блахетка не дали объявленных на этот год концертов, хотя эпидемия в городе в то время, когда должны были состояться их вечера, еще не появилась². Люди здесь потеряли охоту ко всему, им все надоело по разным причинам, главным же образом политическим, парализовавшим всю страну³, — сверх того, целая толпа ослов и шарлатанов, которых здесь пребывает больше, чем где-либо в другом месте, препятствует пробиться подлинному таланту. И поскольку все привыкли иметь дело с шарлатанами, то сначала никто не поверит, что ты умеешь играть, а подумают, что главное твое достоинство — твоя фамилия, оканчивающаяся на ский.

Стало быть, если можешь приехать и хоть некоторое время никого не просить о поддержке, — то я встречу тебя отличным завтраком или обедом. Мы напьемся по случаю нашей встречи. *Nota bene*: не приезжай весной — иначе ты не услышишь ни итальянской, ни французской оперы. Россини уезжает. Рубини, Лаблаш тоже, Малибран в Брюсселе, Девриент в Лондоне; французы же — Нурри, Левассер, Цинти с Мейербером едут туда ставить Роберта [-дьявола]. Что касается пианистов, то Герц едет в Англию, Мендельсон ditto*. Пиксис — в Германию, Лист — в Швейцарию. Калькбреннер так напуган холерой, что не знает, что делать; Хиллер во Франкфурте. — Остаются, стало быть, Бертини и Шунке, которые ничто по сравнению с Листом и Калькбреннером.

Вот почему я Тебе советую отложить [поездку] по крайней мере до мая — хотя бы до возвращения французской оперы из Лондона. В противном случае ты не увидишь ни Роберта [-дьявола], ни Вильгельма [Телля], ни Моисея. Было бы хорошо, если бы ты владел, что, вероятно, так и есть, французским — легче будет обходиться, и в этом случае ручаюсь, что ты приятно проведешь время в Париже. Я познакомлю тебя с первыми талантами Европы; ты узнаешь вблизи эти дива, которые тем меньше, чем сам ты ближе к ним. —

* Тоже (лат.).

Сегодня я с удовольствием уступил бы тебе свой билет на концерт в Консерватории. Это единственное, что превзошло бы твои ожидания. Оркестр *pop plus ultra* *. Сегодня дают симфонию Бетховена с хорами и один из его квартетов, исполняемый всеми скрипками, альтами и виолончелями оркестра Консерватории; ни более ни менее, как пятьдесят скрипачей; — этот квартет они повторяют по желанию [публики]. Его исполняли в предыдущем концерте, — можно было подумать, что слышишь только четыре инструмента, но скрипку — величиной в замок, альт — как банк, а виолончель — с лютеранскую церковь.

Люби меня. Я жду Тебя.

ФФ. Шопен.

Автограф письма хранится в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

¹ Ф. Шопен не мог оказать финансовой поддержки другу: его материальное положение в то время было крайне тяжелым. И хотя концерт Шопена (26 апреля 1832 г.) имел огромный успех, он не улучшил его материального положения. Одно время Шопен даже думал уехать в Америку и подчас бывал вынужден прибегать к финансовой помощи родителей.

² Имеется в виду свирепствовавшая в те годы в Европе эпидемия холеры (достигла Парижа в конце марта 1832 г.).

³ Речь идет о глубоком недовольстве средней и мелкой буржуазии и рабочих масс политикой Июльской монархии. Историческая литература того времени свидетельствует, что режим Луи Филиппа, в особенности после прихода к власти К. Перье, вызвал глубокое негодование всей нации, за исключением верхушки буржуазии.

119. ФЕЛИКС МЕНДЕЛЬСОН-БАРТОЛЬДИ — В «АЛЬБОМЕ-ДНЕВНИКЕ» Ф. ШОПЕНА

Contrabasso libro composto da Scispino **. Басовый аккомпанемент ваш ¹.

Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 2, p. 69.

¹ Под этими словами Ф. Мендельсон написал трехголосный канон, два первых такта которого являются басовым аккомпанементом одного из произведений Ф. Шопена.

120. АНТОНИЙ ОРЛОВСКИЙ — РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Париж, весна 1832

[...] Дорогой Шопен сердечно обнимает вас. Вот уже несколько дней, как он настолько грустен, что подчас, когда я захожу к нему, нам недо-

* Наивысшего качества (лат.).

** Свободный бас принадлежит Шиспино [т. е. Шопену] (итал.).

стает мужества обменяться хотя бы словом. Это действие ностальгии. Но я прошу вас не говорить об этом его родителям, чтобы не огорчать их.

Положение у нас здесь в Париже тяжелое, среди артистов царит нужда. Холера выгнала всех состоятельных людей в провинцию. А что самое ужасное, так это то, что ни одному музыканту не угрожает смерть, хотя их тут как собак нерезаных. Если бы половина поумирала, снова бы вернулись хорошие времена, но еще может быть, что этим и кончится. [...]

Отрывок. Hoesick F. Chopin, t. 2, s. 49.

121. МИКОЛАЙ ШОПЕН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, 28 июня 1832

Сего 28 июня 1832¹

Я с радостью вижу, мое дорогое дитя, из твоего последнего письма от 6 [-го], что тебя, к счастью, не коснулись беспорядки, которые имели место и были вызваны чудовищами. В некоторых газетах сообщалось, что пол[яки] принимали в них участие и тем самым нарушили оказанное им гостеприимство; не насытились ли они еще глупостями? Они достаточно натворили их здесь. Я убежден, что число их не может быть значительным, ибо было бы безумием разделять их разрушительные идеи. Какое счастье, что здоровая часть нации взяла верх и спокойствие восстановлено².

Ты, как артист, видимо, временно остался без средств, которые давал тебе твой талант, но это не продлится долго; искусство всегда оживает, лишь только возвращается спокойствие. Сообщи мне о твоём положении и твоих ресурсах. Сдержал ли слово твой любимец и заплатил ли тебе за твои произведения³?

Говори, что хочешь, но я не одобряю твоего отвращения к некоторым лицам и не знаю, что тебя могло настроить против них, а [слово] gno u* мне совсем не нравится. Но в конце-концов, ты уже в таком возрасте, когда человек сам должен уметь размышлять и взвешивать, а не поступать согласно swoy albo drugich widzimisie**. Советую тебе экономить, насколько возможно, чтобы не остаться без гроша, особенно если ты намерен посетить другие страны.

Твоя мать и я обнимаем тебя от всего сердца.

[Приписка Людвика Шопен:]

[...] не только до сих пор, но, вероятно, так будет и дальше. Очки еще не прибыли; не забудь написать нам, с кем Ты их посылаешь и к кому мы должны за ними обратиться.

Твое полотно было бы нам весьма кстати для обертывания некоторых ран, на вид незначительных, но весьма болезненных; ожидаю, что когда Твое милостивое сердце окончательно смягчится, я, несмотря на Твое обещание самому привезти его, — получу его каким-либо другим способом. Однако я знаю, что помимо милосердия для этого необходимы и время, и расположение; ах, как я это хорошо понимаю, ибо сама часто нахожусь

* Дрянь (искаж. польск.).

** Своей прихоти или прихоти других (искаж. польск.).

в подобных затруднениях, и сейчас у меня несколько писем, на которые надо ответить, и мне надо сбросить эту тяжесть с головы и сердца, а заниматься этим не хочется.

Возможно, мы поедем к п[ану] Михалу на вакации. К п[ану] Фриду [ерику] нельзя, потому что он уже продал Орлы, а к другому п[ану] Фридриху слишком далеко.

Самый легкий способ испортить человека — это чтобы ему везло. По мере того как увеличивается количество драгоценного металла, сердце твердеет и мало-помалу тоже превращается в минерал или камень. Однако не знаю, смогли ли бы нас изменить даже миллионы. Я бы предпочла отказаться от них, чем на глазах становиться все более гадкой [...].

¹ Дата проставлена рукой Людвиги Шопен.

² Речь, по-видимому, идет о республиканском восстании в Париже, (5—6 июня), направленном против Июльской монархии; кроваво подавлено властями.

³ М. Шопен, по всей вероятности, подразумевает М. Шлезингера, выпустившего большое число произведений Ф. Шопена; они начали выходить с 1833 г.

122. ФЕРДИНАНДУ ХИЛЛЕРУ ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Париж, 2 августа 1832

Париж, 2 августа 1832

Ваши *Трио*, мой Дорогой, уже давно готовы, и, благодаря моей прозорливости, я поспешил включить ваши рукописи в свой репертуар. — Ваш *Концерт* будет исполнен в этом месяце на конкурсе Консерватории учениками Адана — M-lle Лион играет его очень хорошо.

Искушение, опера-балет Галеви и Жида, не ввела в искушение никого из тех, кто обладает хорошим вкусом, потому что она столь же мало интересна, сколь мало соответствует духу нашего времени ваш германский сейм¹.

Морис, вернувшись из Лондона, куда он ездил для постановки *Роберта [-дьявола]* (который не имел успеха), уверял нас, что Мошелес и Филд приедут на зиму в Париж, — вот новости, которые я могу вам сообщить... — Осборн уже два месяца как в Лондоне. Пиксис в Булони. — Калькбреннер в Медоне, Россини в Бордо.

Все, кто вас знают, ждут вас с распростертыми объятиями. Лист ниже скажет вам два слова.

Прощайте, дорогой друг.

Всем сердцем ваш

Ф. Шопен.

[Ниже следовала приписка Ф. Листа, текст которой не сохранился.]
Оригинал на французском языке.

¹ Сейм союза германских государств (называемый также «Межсоюзный сейм», «Франкфуртский сейм», «бундестаг») — орган Германского союза немецких государств (тридцать восемь) и вольных городов, образованный в Вене (10 июня 1815 г.) и заседавший во Франкфурте-на-Майне. После Июльской революции во Франции занял крайне враждебную позицию к революционному движению в Германии.

123. ОГЮСТУ ФРАНКОММУ В ТУР

Тур, лето 1832

Г-на Франкомма просят навестить его друга Бодье, урожденного Кап (в La Boule d'Or).

Оригинал на французском языке.

Этой запиской О. Франкомм, в семье которого Ф. Шопен провел лето 1832 г., приглашался прийти в ресторан гостиницы «La Boule d'Or» — «Золотой шар» в Туре, на Королевской улице, славившийся своей кухней.

124. ЮЛЬЮШ СЛОВАЦКИЙ — МАТЕРИ¹ В КРЕМЕНЕЦ

Париж, 7 августа 1832

Париж, с[его] 7 августа 1832 г.

Несколько дней назад приехал Мицкевич. Ни один из нас не хотел первый искать встречи. Но он говорил нескольким знакомым, что хотел бы меня видеть, и они старались нас где-нибудь свести и познакомить. Сегодня мы встретились на парадном обеде². Мицкевич импровизировал, но довольно неудачно. После обеда, когда гости гуляли по саду, Мицкевич подошел ко мне, и мы стали состязаться в комплиментах друг другу. [...]

На этом обеде Цезары подбегал ко всем и приглашал к себе на артистический вечер, — это было собрание, состоящее из одних мужчин. Играл знаменитый пианист Шопен, потом мы читали стихи, — словом, время провели хорошо. Среди гостей было много наших земляков с Волыни, и мы выпили изрядное количество шампанского.

Вечер у Цезары — подражание преинтересным встречам, которые здесь устраивают французские артисты: выступают лучшие музыканты, за столиками художники рисуют карикатуры, путешественники рассказывают о своих путешествиях, ученые — о своих открытиях и т. д. [...]

Отрывок.

¹ Саломея Бекю.

² Обед в честь генерала Юзефа Дверницкого.

125. ЮЛЬЮШ СЛОВАЦКИЙ — МАТЕРИ В КРЕМЕНЕЦ

Париж, 3 сентября 1832

Париж, 3 сентября 1832

[...] Несколько дней спустя такой же вечер устроил у себя Страшевич, но так как обычно из долгих приготовлений ничего не выходит, то мы скучали от десяти до двух часов ночи, — только под конец Шопен напился и стал чудесно импровизировать на фортепиано [...]

Отрывок.

126. ЖОРЖ ОНСЛОВ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 9 сентября 1832

[Изложение несохранившегося письма:] «Ж. Онслов пишет несколько слов на листочке в квартире Шопена, выражая сожаление, что не застал его, и сообщает, что вынужден вернуть билет на концерт Шопена, которым не может воспользоваться».

Karłowicz M. Pamiętki po Chopinie, s. 312.

127. ЛЮДВИК ПЕТР НОРБЛИН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 9 сентября 1832

Дорогой Соотечественник Шопен.

Эта панна Сеньн приехала сюда из Люона, еще ничего здесь не слышала, а мне она рекомендована. Бедняжка! Сыграй ей мазурку или что тебе захочется, и премного обяжешь того, кто приветствует Тебя.

Соотечественник и друг
Норблин.

9 septembra 1832

128. КАЛАСАНТЫ ЕНДЖЕЕВИЧУ В ВАРШАВУ

Париж, 10 сентября 1832

Отдать в руки панне Людвике Ш[опен], которая, вероятно, догадается, кому вручить [это письмо]. В любом случае узнать о нем у пани Ш[опен].

Дражайшая жизнь моя!

Прости меня, что в ответ на Твое столь милое письмо¹ ты получаешь эту бумажонку, но Ты уже дал мне право обращаться к Тебе с большей, чем когда-либо, откровенностью; поэтому я знаю, что ты не будешь обращать внимание на бумагу.

Ты сообщил мне о желанном событии²! Я всегда Тебя любил; ты имел во мне друга и будь уверен, что и теперь ты найдешь во мне такого парня, на какого рассчитываешь. Я бы охотно отдал полжизни за то, чтобы обнять Вас как шафер в день свадьбы и увидеть вас перед алтарем; но из этого ничего не выйдет. Я пришлю Вам только, согласно Твоему желанию, полонез и мазурку³, чтобы Вы поплясали и повеселились по настоящему, потому что души Ваши могут радоваться. Я не буду распространяться ни о Твоем, ни о Ее сердце, потому что это не подобает брату, но вы не поверите, как меня тревожило, что до сих пор это все откладывалось, и как меня радует, что это наконец свершится.

Пусть все самое лучшее достанется на Вашу долю. Ваше счастье будет счастьем всей нашей семьи. Это начало счастливых лет после длинной полосы несчастий.

Дай руку и поцелуй. — Люби меня.

Искренне Твой
Фрэнц.

Париж. С[ergo] 10 Septemb [re] 1832

Жизнь моя, еще раз прости, Милый, что не пишу Тебе длинного письма. Возможно, я совершаю грех, надеясь на милосердие, но ведь мы с тобой узнали друг друга не сегодня и не вчера.

Еще раз: люби меня, как я Тебя.

¹ Упомянутое письмо не сохранилось.

² Имеется в виду сообщение о предстоящей свадьбе Людвиги Шопен с Каласанты Енджеевичем; их бракосочетание состоялось в Желязовой Воле 22 ноября 1832 г.

³ Неизвестно, послал ли Ф. Шопен в качестве свадебного подарка Енджеевичам «полонез и мазурку» и какие именно. Среди его опубликованных произведений нет ни одного, посвященного членам его семьи; единственное исключение — Ноктюрн *cis-moll* (*Lento con gran espressione*), который Шопен переслал своей сестре со следующей надписью (но без посвящения): «Сестре Людвиге для упражнения, прежде чем она возьмется за мой второй Концерт». Есть сведения, что этим сочинением (которое издавалось под разными названиями: Ноктюрн, Адажио, Реминисценция) Шопен особенно дорожил. Впоследствии Людвика Енджеевич писала: «*Lento* мне было прислано из Вены в 1830 г. *Lento à la Ноктюрн*».

129. МИКОЛАЙ ШОПЕН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, сентябрь 1832

Я вижу из твоего последнего письма, мой добрый друг, что ты наконец познакомился со всеми крупнейшими мастерами твоего рода искусства и что ты можешь соревноваться с ними. Зная твою прилежность, я не сомневался в этом. Меня также радует, что ты живешь с ними в полнейшей гармонии и, не вызывая их ревности, тем не менее заставляешь их отдать тебе должное. Продолжай подобным образом и впредь, мое дитя, и тебя будут ценить как за твой характер, так и за твой талант.

Ты подробно рассказал нам о своем положении и о том, что произошло со времени твоего последнего письма¹; я тебе благодарен за это, так как все, что касается тебя, нас живо интересует. Удивление Мейсербера должно было доставить тебе удовольствие, так же как одобрение Филда, с которым ты так хотел познакомиться. Я очень одобряю шаги, которые ты предпринял для издания своих сочинений — многие слышат о тебе, не имея возможности познакомиться с твоими композициями, а они, говоря правду, должны были бы опережать тебя повсюду, куда бы ты ни собрался

поехать. К тому же доход, который это принесет, позволит тебе создать небольшой запасец, что даст возможность осуществить проект поездки в Англию будущей весной, где твои произведения уже будут знать.

Не сомневаюсь, что ты воспользуешься расположением своих почитателей, чтобы дать концерт, который, быть может, будет иметь блестящий успех, и одновременно окажется выгодным; надо ковать железо, пока оно горячо и пока ты на это способен. Дитя мое, говорю тебе откровенно, старайся иметь немного денег про запас, особенно в такое время, в какое мы живем. Ты знаешь, что у меня было место, доход от которого был достаточен для приличной жизни, сегодня же после более чем двадцатилетней службы обществу мне грозит потеря второго места. Я уже в том возрасте, когда нельзя таскаться по улицам и бегать по урокам, но я не перестаю благодарить провидение, что оно дало мне детей, которые, надеюсь, сумеют обеспечить себя и заслужить уважение.

Твоя сестра выходит замуж; когда ты получишь это письмо, свадьба, без сомнения, уже будет сыграна. Дай бог ей счастья! Твоя мать, ты знаешь ее чувствительность, делает все, что в наших силах, чтобы твоя сестра была обеспечена всем, что необходимо в подобных обстоятельствах. Свадьба состоится там, где тебя крестили, мне это очень приятно, хотя, в сущности, это маленькое путешествие в нынешнее время года не очень меня устраивает, но оно, по крайней мере, избавит твою мать от массы хлопот, ибо тут, чтобы никого не обидеть, пришлось бы пригласить много знакомых, которых ведь нельзя угостить стаканом воды.

Итак, мое дитя, вот вы и разлетелись. Только Изабелла остается с нами, но все вы будете навсегда соединены в отцовском и материнском сердце. Твоя мать и я сердечно обнимаем тебя; передай наши приветы г-ну Мери². Я должен был тебе написать и дать твой адрес г-ну Грегуару, но я был у него несколько раз и не мог его застать. Сейчас он должен находиться в Париже. Он несомненно повидается с г-ном Норблином, и я полагаю, что если бы ты захотел переслать своим сестрам какие-нибудь небольшие пьески, — он, вероятно, сможет исполнить это поручение. Тебе надо будет справиться у г-на Норблина. Когда у тебя выпадет минутка свободного времени, ты хорошо поступишь, если ответишь словечком своим друзьям в Берлин. Ты знаешь, насколько Дзевановские являются нашими друзьями и как они расположены к тебе. Это письмо должно было отправиться вчера, но дела не позволили мне во время попасть на почту. —

Будь здоров и не засиживайся поздно вечером, так как это ухудшает работоспособность, а из твоего письма я вижу, насколько ты занят. Когда ты даешь концерты, было бы неплохо, если бы кто-нибудь из твоих друзей дал о нем отчет в газетах, что повысило бы интерес к твоим сочинениям.

[Приписка Каласанты Енджеевича:]

Днем осуществления нашего счастья является 26 с[его] м[есяца]. Брохув и Желязова Воля будут памятными местами нашей жизни. Пани Енджеевич опишет подробности этого торжества, и если она позволит, я сделаю приписку к ее письму.

Сердечно целую Тебя, и прошу, чтобы ты теперь любил меня хоть немножко, как панну Л[юдвигу].

Искренне привязанный
Ендж[севич].

¹ Письма Ф. Шопена этого периода не сохранились.

² Так в семье Шопена называли Стефана Витвицкого. Не смешивать с французским поэтом и романистом Жозефом Мери.

130. АННА ЛИСТ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 20 октября 1832

Милостивый государь!

Мне бы хотелось пригласить Вас, если это сможет доставить Вам удовольствие, вместе с моим сыном, на представление *Клотильды*¹ во Французском театре. Мой сын будет сопровождать Вас. Он будет ждать Вас у себя без четверти шесть. В случае, если Вы иначе распорядились своим вечером, прошу Вас сообщить ему об этом до пяти. Прощайте.

До приятной встречи.

Анна Лист.

Сего 20 октября

Адрес: «Monsieur Monsieur Schoppin [!]».

¹ «Клотильда» — драма в 5 актах Ф. Сулье и А. Боссажа; ее премьера состоялась во Французском театре (Комеди Франсез) 11 сентября 1832 г. В пьесе с огромным успехом играла Mlle Марс.

131. ЮЗЕФ ЭЛЬСНЕР — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, 13 ноября 1832

Варшава, 13 ноября 1832

Любезный Фридерик и дорогой Друг!

Я не пишу для того, чтобы напомнить о себе, ибо не нуждаюсь в этом, так как всегда вижу из Твоих писем к родителям Твою дорогую для меня память. Я не пишу, чтобы убедить Тебя в том, что я постоянно — хотя и не непосредственно своими глазами — вижу Тебя перед собой и беседую с Тобой о Музыке, о ее развитии в целом и о том, что может быть, предназначение ее — стать когда-нибудь языком чувств и т. п. — Наконец, я не пишу Тебе то, что нашему Фридерiku и так хорошо известно, что я его крайне уважаю и очень, очень люблю, ибо это подобает ему от всех, которые сумели его распознать, — как Человеку-гению; я пишу потому, что этого требовал Твой Приятель Новаковский¹, а мне, по правде говоря, надо написать Тебе столько, что не знаю, с чего и начать, так много, что это скорее вызвало бы у меня недовольство, потому что *otne nimium vestitur in vicium* *.

* Всякое излишество ведет ко злу (лат.).

Однако не могу умолчать, что мое произведение о Метричности и Ритмике польского языка в трех томах (в котором помещаются и мои, частично Тебе известные, рассуждения о Мелодии) уже закончено. И все же, сейчас оно не может быть издано, так как в нем помимо музыки наиглавнейшую роль играет (само собой разумеется) национальный дух, который (пусть в самом скромном и непритязательном виде, он всегда прекрасен) из-за его искусительной силы нельзя, даже завуалированно, выставить для публичного обозрения. Содержанием третьего тома является строгое соответствие поэзии и музыки и, чтобы Тебя убедить, — *sapienti paucis** — что разработка моих мыслей в этом отношении могла бы пригодиться не только композиторам польской, но также немецкой, французской и итальянской оперы, привожу лишь один короткий отрывок из предисловия: «...взвесив все это, надо признать, что Опера как зрелище, особенно в эстетическом отношении, ожидая своего усовершенствования, еще не стоит на уровне своей подлинной высоты. Поднять ее на эту ступень могут лишь поэты и композиторы всех цивилизованных народов своими общими усилиями...»

Жаль, что с Тобой, или подобными [тебе], а также Мицкевичами не могу беседовать — и совещаться! Вот, — не мог писать и не было о чем, а ведь уже большая часть бумаги заполнена. И всегда так будет, — кто с кем поведется, от того и наберется. — Так и Ты из нескольких нот замысла дьявольского Хора, словно против воли (правда, тебя просили об этом прекрасные глаза) создал ангельские песнопения. Уже достаточно, должен заканчивать, ибо только упомянул имя поэта, — Мицкевича, как сразу же Ад с его ужасами, и Небо с его надеждами, возникают перед моими глазами, так что мне могло бы показаться, что я вовсе не на земле, если бы не был в Варшаве.

Будь здоров и верь, что за исключением Твоих родных — не зная еще того человека, с которым ты соединишься через дорогую Людвигу — поэтому о нем еще ничего не могу сказать — никто не может больше любить и уважать Тебя, чем Твой

друг

Юзеф Эльснер.

А Monsieur Лесюэру,
Калькбреннеру,
Норблину, — [мои приветы].
Ольшевскому желаю успехов.

Получил ли Орловский изданную музыку?

Может, он еще не вернулся в Париж?

Всем моим знакомым мое почтение...

Моя жена — вместе с дочерью моей Эмилией, урожденной Эльснер, теперь уже Нидецкой, пересылают искренние приветы.

А мой родственник Людвик (ты его знаешь) — свое почтение.

Адрес: «A /Monsieur Monsieur /Frédéric Chopin/ Compositeur/
à Paris».

* Понимающему достаточно (лат.).

¹ Некоторые косвенные сведения дают возможность предполагать, что Ю. Новаковский посетил Ф. Шопена в Париже летом 1833 г. Во всяком случае, именно этим временем датировано несколько дарственных надписей Шопена: 1) «Дорогому Юзефу /Ф Ф Шопен/ Париж 6/6 [18]33»; 2) «Дорогому Юзефу /Фрыц/ Париж 9/6 [18]33». Сохранилась и третья дарственная надпись Шопена (на первом издании Концерта e-moll op. 11; издан М. Шлезингером в 1833 г.; хранится в Центральном государственном музее музыкальной культуры им. М. М. Глинки): «Юзефу Новаковскому /преданнейший/ ФФШопен».

К этому же времени относятся и две дарственные надписи Ф. Шопена Ю. Эльснеру (возможно, пересланные в Варшаву с Ю. Новаковским): «Дорогому Пану Эльснеру /благодарный и преданный ученик/ ФФ. Шопен /Париж 24/8 1833» (на заглавной странице книги: «F. Fétis. «Etudes de Beethoven», Paris, 1833) и на листке с напечатанными лирой и тремя звездочками: «Дорогому Пану Эльснеру /неразборчиво/ Париж 1833 Шопен».

132. АНТОНИЙ ОРЛОВСКИЙ — РОДНЫМ В ПОЛЬШУ

Париж, 29 ноября 1832

[...] Шопен здоров и крепок; он кружит головы всем женщинам, а в мужчинах возбуждает ревность. Я ему это сразу предсказал. Он теперь в моде и вскоре вы увидите перчатки à la Chopin. [...] Но его мучает тоска по дому. [...] Мы любим друг друга как братья, даже ухаживаем оба за одной женщиной, и что самое странное, ни одного из нас это не печалит. [...] ¹

Отрывок. Hoesick F. Chopin. t. 2, s. 67.

¹ Ф. Хёзик сообщал о приписке Ф. Шопена к этому письму, в которой он настоятельно просил «не верить в наше соперничество».

133. ЮЗЕФ ЗАЛЕСКИЙ — ЛЮДВИКУ НАБЕЛЯКУ

Париж, 4 декабря 1832

[...] Только что ко мне пришел наш знаменитый Кароль Ружицкий; сейчас мы вместе идем к Мицкевичу, и вместе с Мицкевичем — к знаменитому пианисту Шопену [...]

Отрывок. Zaleski Józef. Korespondencja. — «Przewodnik naukowy i literacki», 1899, s. 205.

134. МИНИСТРУ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ В ПАРИЖЕ

Париж, 31 декабря 1832

Господин министр.

Поляк, который не мог дольше выносить горестную судьбу своей родины и вот уже около года находится в Париже, — вот все титулы, которыми я могу отрекомендоваться Вашему

превосходительству, — обращается к Вам с покорной просьбой предоставить ему для концерта на 20 января зал Консерватории¹.

Я имел счастье заслужить одобрение господ композиторов Германии и Парижа и хотел бы дать возможность парижской публике услышать мои произведения. Я был бы счастлив, если бы ее одобрение дало мне право на Вашу благосклонность.

Надеясь, что Вы соизволите удовлетворить мою просьбу, я имею честь быть Вашим, Господин министр, покорным слугой.

Ф. Шопен.

Cité et Hôtel Bérghère

Париж, 31 декабря 183[2]

«Muzyka», 1958, № 1—2, Warszawa. Оригинал на французском языке.

¹ Неизвестно, состоялся ли этот концерт Ф. Шопена.

135. РОБЕРТ ШУМАН — ФРИДРИХУ ВИКУ В ЛЕЙПЦИГ

*Цвиккау, 10 января 1833**Цвиккау, 10 января 1833*

[...] Новым произведениям Шопена я радуюсь как дитя. [Что он дает в печать сразу так много новых вещей¹, мне не нравится, ибо это не очень умно. Ведь слава идет черепашным шагом и ее нельзя торопить; правда, иногда она летит на крыльях бури, как у Клары]² [...]

Отрывок. Ш у м а н Р. Письма, т. 1, с. 177.

¹ В конце 1832 г. вышли из печати четыре Мазурки ор. 6 и пять Мазурок ор. 7. Шопена.

² Строки, заключенные в квадратные скобки, в оригинале зачеркнуты.

136. ФЕРДИНАНД ХИЛЛЕР — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, вероятно, начало 1833

Мой дорогой друг!

Наш совместный обед в будущую среду состоится лишь в воскресенье из-за Байо, который вынужден играть в Тюильри¹. Я надеюсь, что вы не преминете быть в этот день; но то, что доставило бы мне огромную радость,

— это если бы ты захотел прийти отобедать с нами завтра, будут одни свои, — я рассчитываю на этот последний знак твоей дружбы, а не то я повешусь завтра вечером, не имея возможности сегодня пойти в оперу.

Прощай, моя жемчужина, мое сокровище, обожаемый предмет моего сердца².

Твой

Фердинанд Хиллер.

Понедельник утром

¹ В резиденции короля Луи Филиппа.

² Много лет спустя, вспоминая годы своей парижской дружбы с Ф. Шопеном, Ф. Хиллер писал: «[...] Я мог бы сказать, что Шопен любил меня, но я был в него влюблен. Во всяком случае, не знаю, как иначе назвать то чувство, которое владело мною. Его присутствие делало меня счастливым, никогда я не мог досыта наслушаться его; если я долго не видел его, то начинал скучать; утром я торопился выйти из дому, чтобы повидать его, прежде чем он приступит к своим урокам.

Капелька нежности непременно присоединялась к привязанности тех, которые находились с ним в близких отношениях. Эти бледные черты, эта более чем хрупкая фигура вызывали чувство, какое может испытывать страстный собиратель венецианского стекла или старинного саксонского фарфора. При этом он был гибким как уж, а его движения были исполнены врожденного обаяния и пленительной грациозности. Звучание его голоса было крайне нежным и приятным. Польским языком он, должно быть, владел в совершенстве, но французский и немецкий языки, которыми мы попеременно пользовались, он понимал, правда, в самых тонких нюансах, но говорил на них недостаточно свободно, скорее подыскивая, чем сразу находя выражения для своих замечательных и острых наблюдений. А когда, разговаривая по-немецки, он по моей улыбке угадывал, что я понял его, он всегда говорил в таких случаях: ты понимаешь, что я хотел сказать. В общем он был веселым, подчас даже озорным и шаловливым, но в глубине души он не был безмятежным. Он был нездоров, а пребывание на чужбине, вызванное несчастным польским восстанием, очень угнетало его, несмотря на все, чем он дарил Париж, и в особенности, чем последний одаривал его.

Он не мог жить без общества и редко пребывал в одиночестве. Утром он мог провести часок в одиночестве за инструментом, но даже когда играл — как бы мне это назвать? — для упражнения, или когда вечерами проводил целые часы за излюбленным фортепиано, он непременно должен был иметь кого-либо из друзей рядом с собой. [...] В нем не было ни капли высокомерия, спеси, зазнайства, со всеми он был одинаков, любезен, весел, добродушен. [...]

Отдавая себе отчет в значении своем как артиста, он вместе с тем знал точные границы, которые очертил ему его гений. Он считал себя лирическим поэтом — «Нечто вроде вашего Уланда», — сказал он мне однажды. «Если бы я остался на родине, — говорил он, — я, вероятно, много работал бы в вокальном жанре». Но сочинять для иного языка, а не для любимого польского, было для него немислимо. Он стал народным поэтом своей страны без помощи слов и не нуждался в переводах для того, чтобы его поэмы в звуках завоевали признание повсюду [...].

Не могу не сказать о его чудесной игре, которую не забуду до последнего дыхания. Те, кто его хорошо знал, могли почувствовать, что в разговоре он редко раскрывался, и то лишь перед самыми близкими. Зато за фортепиано он делал это с исключительной полнотой, здесь он раскрывал свое подлинное «я» так, что всякие воспоминания о чем-либо ранее слышанном исчезали сразу. Никто так не прикасался к клавишам, никто не извлекал из них таких бесчисленных оттенков. Ритмическая точность так сочеталась у него со свободным ведением мелодии, что возникало ощущение импровизации. То, что у других являлось изысканным украшением, у него напоминало окраску цветка; то, что у других было техническим совершенством, у него напоминало полет ласточки. Разбор отдельных достоинств его игры, — ее оригинальности, обаяния, совершенства, вдохновения — отпадал; был, соответственно, только Шопен. Даже отсутствие импонирующей силы звука, присущей, напр[имер], Листу, Тальбергу и другим, усиливало его обаяние. [...] Самое глубокое проникновение в его сочинения, полнейшее погружение в них не даст ощутить всей поэзии, заключенной в его игре. Всякая мысль об этой игре как о чем-то телесном была невозможна. Это было словно сверканье чудесного метеора, который восхищает нас своей таинственной непостижимостью» (Chopin na obczyźnie, s. 69).

«Никогда не забуду те вечера, которые Шопен и Беллини проводили в маленьком избранном кружке у г-жи Фреппа. Француженка по происхождению, родившаяся в Неаполе, очень образованная и в высшей степени музыкальная, г-жа Фреппа в Париже занималась преподаванием пения, главным образом, в высшем обществе. Кроме превосходной методики, она обладала хотя и небольшим, но очень звучным голосом, так что восхищала даже постоянных посетителей итальянской оперы, особенно, когда пела итальянские народные песни, очень ей удававшиеся, или безыскусные песни старинных композиторов. Мы были преисполнены по отношению к ней самой искренней симпатии и время от времени посещали ее всей компанией в ее квартире на конце Faubourg St.-Germain, где она занимала вместе с матерью красивую квартирку на III этаже, поднятую над шумом и грохотом парижских улиц. Там говорили о музыке, играли и пели, после чего снова пели, играли и говорили о музыке. Шопен и г-жа Фреппа попеременно садились за фортепиано, я также делал то, на что был способен. Беллини, аккомпанируя себе, исполнял какую-либо из своих кантиен, делая замечания, — скорее для того, чтобы объяснить свои произведения, чем чтобы щегольнуть ими [...]» (Chopin na obczyźnie, s. 71).

137. ДОМИНИКУ ДЗЕВАНОВСКОМУ В БЕРЛИН

Париж, середина января 1833

Милый Домус!

Если бы у меня был друг (друг с большим кривым носом, потому что о других тут нет речи), который несколько лет тому назад бил баклуши со мной в Шафарне и всегда меня преданно любил, и моего отца и тетку любил, и испытывал к ним признательность, и если бы он, покинув родину, не писал мне ни слова, я бы думал о нем очень плохо, и, хотя бы он потом плакал и просил прощения, я не простил бы его, — а у меня, Фрыца, еще хватает наглости защищать свою *pégligance**, и я после долгого молчания откликаюсь, как выпь, которая высовывает голову из воды тогда, когда ее об этом никто не просит.

Однако ж я не стану выдумывать объяснений, а предпочитаю признать свою вину, которая издавека, быть может, кажется большей, чем вблизи, потому что меня со всех сторон рвут на части. Я вошел в высшее общество, вращаюсь среди послов, князей, министров; и даже не знаю, каким чудом это случилось, потому что сам я туда не лез. Но сейчас для меня это самое нужное, ибо там якобы средоточение хорошего вкуса; у тебя сразу же оказывается большой талант, если тебя слышали в английском или австрийском посольстве; ты сразу же играешь лучше, если Тебе протезировала княгиня Водемон. Я не могу написать — протезирует, потому что баба

* Небрежность (франц.).

умерла неделю назад¹; это была дама вроде покойной Зелонковой или каштелянши Поланецкой², у которой бывал двор, она делала очень много добра и прятала многих аристократов во время первой революции. После Июльских дней³ [она] первой из дам явилась при дворе и была последней из древнего рода Монморанси (обладательница множества белых и черных сучек, канареек, попугаев и владелица самой забавной в здешнем большом свете обезьяны, которая у нее на вечерах кусала других графинь).

Среди артистов я пользуюсь и дружбой, и уважением; я не стал бы писать этого раньше, чем спустя, по крайней мере, год после моего приезда сюда. Доказательством уважения является то, что люди с большим именем посвящают мне свои сочинения прежде, чем я им; так Пиксис свои последние *Вариации* с военным оркестром посвятил мне; во-вторых, пишут вариации на мои темы, — так, Калькбреннер сварьировал мою мазурку⁴. Ученики Консерватории, ученики Мошелеса, Герца, Калькбреннера, словом, законченные артисты берут у меня уроки, ставят мое имя рядом с именем Филда — словом, если бы я был еще глупее, то думал бы, что достиг вершины своей карьеры; а между тем я вижу, как много мне еще не достает, и вижу это особенно ясно, потому что общаюсь с первоклассными артистами и знаю, чего недостает каждому из них.

Однако мне стыдно, что я тебе написал столько чепухи; расхвастался, как ребенок или тот, на ком шапка горит и он сам заранее начинает оправдываться; я бы это все зачеркнул, но у меня нет времени писать другое письмо; а, впрочем, ты, верно, не забыл еще моего характера и поэтому вспомнишь того, кто и сейчас совершенно такой же, каким был вчера, с той лишь разницей, что с одной бакенбардой, а другая так и не хочет расти. —

Мне надо дать сегодня пять уроков; ты, наверное, подумаешь, что я составляю себе состояние. Кабриолет и белые перчатки, которых здесь требует хороший тон, стоят дороже. — Люблю карлистов, не терплю филиппистов, сам революционер, поэтому деньги не ставлю ни во что, а ценю лишь дружбу, о которой прошу тебя и молю.

Ф. Ф. Шопен.

¹ Некролог княгини Луизы де Водемон появился в «Le Moniteur Universel» от 6 января 1833 г. (это дало основание для датировки письма).

² У обоих названных аристократок были известные салоны, в которых строго соблюдались светские обычаи (имеются в виду Мария Зелонкова и Марьяна Поланецкая-Ландкороньская).

³ То есть после Июльской революции 1830 г.

⁴ Речь идет о Блестящих вариациях для фортепиано на тему мазурки Шопена [ор. 7 № 1] Ф. Калькбреннера ор. 120. Тут также возможна игра слов: *zwargjował* — «сварьировал» и «сошел с ума».

Париж, без даты

Я виночата, Милостивый государь, что не сказала вам о радости, которую доставил мне ваш вполне заслуженный успех, но если уж быть откровенной до конца — я со дня на день надеялась на ваш визит и я благодарю вас за то, что вы исполните данное мне обещание.

Я непременно буду дома в воскресенье от 5 до 6 ч[асов] или целиком весь вечер и с восхищением приму вас, как человека, который, надеюсь, пожелает сохранить для меня местечко в своей памяти.

Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 2, p. 85.

139. ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПОЛЬСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЩЕСТВА¹ В ПАРИЖЕ*Париж, 16 января 1833*

Извещение о принятии меня в свои члены, которым соблаговолило удостоить меня Литературное общество, я получил 15 т[екущего] м[есяца].

Покорнейше прошу Вас, Господин председатель, передать мою благодарность соотечественникам, которые доставили мне столь яркое свидетельство их одобрения и снисходительности. Эта высокая честь вдохновит меня к новым трудам, отвечающим целям общества, которому я готов служить, отдавая все силы.

Остаюсь с глубоким уважением

покорным слугой

ФФ.Шопен,

родившийся 1 марта 1810 г.² в деревне
Желязова Воля в Мазовецком воеводстве.

С[его] 16 янв[аря] 1833

¹ Основанное в 1832 г. в Париже под председательством Адама Чарторьского Польское литературное общество (с 1854 г. — Литературно-историческое общество) было первым обществом, организованным польскими эмигрантами после Ноябрьского восстания. И хотя Литературное общество объединяло главным образом правые элементы эмиграции, его членами были многие выдающиеся деятели польской эмиграции, такие как Ю. Немцевич, С. Витвицкий, Л. Плятер, А. Плихта, В. Гжимала и др. Деятельность Ф. Шопена в Литературном обществе, вероятно, ограничивалась участием в торжественных заседаниях, проводимых 3 мая и 29 ноября, в день начала восстания.

² Точная дата рождения Ф. Шопена до сих пор остается невыясненной. В метрических книгах Бреховского прихода записано: 22 февраля

1810 г. С другой стороны, ряд данных говорит в пользу 1 марта 1810 г. (подобные ошибки в метрических книгах были вообще в то время явлением довольно частым). Сам Шопен неоднократно называет днем своего рождения 1 марта, этот же день упоминается и в письмах родных, поздравлявших Шопена с днем рождения. Мать композитора, Юстина Шопен, в письме сыну (конец февраля 1837 г.) также указывает на день 1 марта. Дж. Стирлинг писала Людвиге Енджеевич (1 марта 1851 г.) о том, что посетила могилу композитора и отмечала, как мало людей знает настоящую дату рождения Шопена; она подчеркивала, что и сам он называл ей 1 марта днем своего рождения. «Только моя мать, — вспоминала Дж. Стирлинг слова Шопена, — то есть моя семья, хозяйка пансиона, и вы — знаете день моего рождения». Слова «хозяйка пансиона» («la maitresse de pension») — долго смущали биографов Шопена. И лишь недавно М. Глинский высказал предположение, как нам кажется, основательное, что Шопен в данном случае имел в виду Жорж Санд, которую часто называл «хозяйкой», «хозяйкой дома», и что Дж. Стирлинг попросту неправильно поняла его, однако же, видимо, не решилась переспросить.

Тем не менее, официальной датой рождения Ф. Шопена и донныне считается 22 февраля.

140. МАРИ Д'АГУ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, начало 1833

Господин Шопен.

Было бы очень любезно с вашей стороны, Милостивый государь, — если вы будете свободны ровно в шесть часов — прийти отобедать с нами. Моя мать, которой я много говорила о вас, крайне желает познакомиться с вами; что касается меня, то вам известно, какое удовольствие я неизменно испытываю, когда вижу и слышу вас; если бы вы смогли прийти завтра, — это было бы крайне любезно; я болела, да и сейчас не совсем поправилась; мне кажется, что один из ваших ноктюрнов полностью вылечит меня. Надеюсь, вы не откажете мне.

Графиня д'Агу.

Четверг

Р. S. Если вы не сможете прийти завтра, то в субботу, если не в субботу — в воскресенье, и т. д.

141. АНРИ ГЕРЦ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, март 1833

Мой любезный друг.

Постарайтесь зайти ко мне на минуту сегодня между 4 и 5 [часами], чтобы укомплектовать наши восемь рук.

Буду вам очень обязан.

Искренне преданный

А. Герц.

Воскресенье

Данная записка является приглашением на одну из репетиций перед концертом братьев Герц с участием Ф. Шопена и Ф. Листа, который состоялся 3 апреля 1833 г.

142. МИКОЛАЙ ШОПЕН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, 13 апреля 1833

13 Апреля 1833

Я очень рад, мое дорогое Дитя, что ты уже освободился от своего концерта, но в то же время я вижу, что ты не сможешь на это рассчитывать, в случае необходимости, как на источник дохода, так как расходы поглощают сбор; но раз ты доволен, то и мы тоже довольны. Однако я не перестану повторять тебе, что до тех пор, пока ты не постарайся отложить несколько тысяч франков, я буду считать твое положение заслуживающим сожаления, — несмотря на твой талант и лестные слова, которыми тебя окружают, — они лишь дым и не поддержат тебя в случае нужды. В случае, если, не дай бог, недомогание или болезнь прервут твои уроки, тебе будет угрожать бедность в чужой стране. Эта мысль, признаюсь тебе, часто терзает меня, так как я вижу, что ты живешь со дня на день и не в состоянии на свои средства совершить хотя бы небольшое путешествие даже по стране, в которой ты находишься.

Ты говоришь о поездке в Англию. На что ты сможешь совершить ее? В эту страну исключительной дороговизны! Если так будет продолжаться, я думаю, ты навсегда останешься парижанином. Не подумай, что я хочу, чтобы ты стал скупым, отнюдь нет, — лишь менее равнодушным к своему будущему. Что же касается того, что газеты не пишут о твоих успехах, то, уверяю тебя, мое дорогое дитя, мое тщеславие не идет так далеко; твое благополучие — вот что мне важно, — а двуличность Каль[кбрэннера], которая очевидна, огорчает меня из-за тебя, ибо вижу, что подчас от нее у тебя должна болеть голова. Мне кажется, что ты проявил изрядное благодушие, посвящая ему что бы то ни было. Не скажу, чтобы я чересчур желал его увидеть, но если бы он сюда приехал, я сумею ничем не проявить нашего к нему отношения.

Твои *Ноктюрны* и *Мазурки*¹, вновь изданные в Лейпциге, были распроданы тут в несколько дней. Явурек сказал мне, что он опоздал. Я слышал от кузенов г-на Вавельского², что он должен приехать; если это случится, воспользуйся этим случаем и перешли нам экземпляр своего Концерта³, если он уже издан. Изабелла постарается сыграть нам некоторые отрывки. У Людвики еще нет фортепиано, ибо я до сих пор не в состоянии пойти на подобный расход; печально, что приходится отказывать себе в этом, но, в сущности, это еще не несчастье.

Что касается нашего здоровья, то, слава богу, мы чувствуем себя сравнительно хорошо. Средства наши теперь очень скромны, но, к счастью, мы умеем довольствоваться малым и нам достает того, что мы зарабатываем. Изабелла с нами и повсюду [неразборчивые слова] о тебе и твоей сестре, она во всем предупреждает наши желания, что украшает нашу одинокую жизнь, и благодаря этому нам кажется, что мы еще все вместе, хотя тебя и нет среди нас.

Я высказал то, что я думаю и чувствую; если ты увидишь тут нечто, не совпадающее с твоим образом жизни и мыслей, то отнеси это к слишком большой заботливости нежно любящего тебя отца.

III.

Твоя мать нежно обнимает тебя.

[Приписка Антония Барциньского:]

Дорогой Фрыцу,

мне милей всего почтить Тебя этим именем, ибо оно напоминает мне те минуты, когда я играл с Тобой, радуясь Твоему веселию. Ныне, лишенный наслаждения слушать божественную и восхитительную музыку, живу одними только воспоминаниями. Ты дал мне почувствовать гармонию и красоту звуков, которые чудесным образом возникали под твоими пальцами, для того, чтобы я сильней страдал от разлуки с Тобой.

Надежда, это соблазнительное блюдо, приходящееся по вкусу всем без исключения людям на свете, питает и меня, и велит ожидать, что мы еще увидимся. Твой старый друг любит Тебя, любит нежно и с некоторым родом уважения и почитания, которых заслуживает Твой гений.

Так что помни о себе, как ты помнишь о других, по крайней мере, некоторое время; эта максима не из самых благородных, но совершенно необходима для обеспечения собственного счастья; без нее мы бы порой жестоко страдали. Не могу закончить. Заклинаю Тебя, выказывай презрение подлому, низкому мошеннику, каким является Бравих [?]; человек этот должен быть навсегда вычеркнут из рядов общества.

Будь здоров и люби меня.

Антоний.

Адрес: «Monsieur Monsieur Frédéric Chopin /à Paris/ Cité-Bérgerе, № 4». Почтовые штемпеля: «Warszawa, 17.4»; «Berlin, 20.4» и «Paris, 27 avril 1833».

¹ Вероятно, речь идет о Ноктюрнах ор. 9 и Мазурках ор. 6 и 7, изданных в 1832 и 1833 гг. у Пробста-Кистнера в Лейпциге.

² Ф. А. Валевский, который здесь упоминается, никогда больше не возвращался на родину.

³ Концерт е-moll ор. 11 Шопена, посвященный Ф. Калькбреннеру, был издан в сентябре 1833 г.

143. Ф. ЛИСТ, Ф. ШОПЕН И О. ФРАНКОММ — Ф. ХИЛЛЕРУ ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Париж, 20 июня 1833

Вот уж не менее чем в двадцатый раз назначаем друг другу свидание, то у меня, то здесь, с намерением написать вам, и каждый раз нам неожиданно мешает то какой-нибудь визит, то иное непредвиденное препятствие. Я не знаю, будет ли Шопен в силах извиниться перед вами; что касается меня, то мне кажется, что извинения уже непозволительны и невозможны.

Мы глубоко сочувствуем вашему горю¹ и еще сильнее желали бы быть рядом с вами, чтобы, насколько возможно, смягчить вашу скорбь.

Он так хорошо высказал все, что мне нечего прибавить, чтобы лично извиниться за мою небрежность, или леность, или грипп, или рассеянность, или, или, или — — — вы знаете, что я лучше выражаюсь устно, и когда осенью я буду ночью бульварами провожать вас к вашей матушке, я постараюсь заслужить Ваше прощение.

Я пишу, не зная, что марают мое перо, потому что в это время Лист играет мои *Этюды* и отвлекает меня от моих благих намерений. Я хотел бы похитить у него манеру исполнения моих собственных *Этюд*ов. Что касается ваших друзей, оставшихся в Париже, то этой зимой и весной я часто видел семейство Лео и всех, кто ему сопутствует. Бывали вечера у неких Посланниц, — и ни разу не случилось, чтобы не вспомнили того, кто остался во Франкфурте. Госпожа Эйхталь передает вам тысячу приветов. Плятеры, вся семья, были очень огорчены вашим отъездом и поручили мне выразить вам соболезнования.

Госпожа д'Аппоньи была очень недовольна тем, что я не привез вас к ней перед вашим отъездом: она надеется, что, возвратясь, вы вспомните про обещание, которое вы мне дали. То же самое скажу вам и о некоей Даме, которая не является посланницей.

Знаете ли вы чудесные *Этюды Шопена*?.. Они восхитительны! — и, однако, они будут существовать лишь до момента, когда появятся ваши — это всего лишь Авторская скромность!!! Это всего лишь бесцеременность со стороны учителя — так как, чтобы вам легче было понять, он исправляет мои орфографические ошибки, по методу Господина Марле.

Вы к нам вернетесь в сентябре, не правда ли? постарайтесь предупредить нас о дне, так как мы решили приготовить вам серенаду (или кошачий концерт).

Собрание самых выдающихся артистов столицы — Г-н Франкомм (присутствует), госпожа Петцольд и аббат Барден, корифеи с улицы d'Amboise (и мои соседи), Морис Шлезингер, дяди, тети, племянники, племянницы, зятя, невестки и пр. и пр. — на третьем плане и т. д.

Ответственные редакторы

Ф. Лист, Ф. Шопен, Ог. Франкомм.

Кстати, я вчера встретил Гейне, который просил меня вас grüssen herzlich und herzlich*.

Еще раз «кстати», извини за все эти «вы», — я прошу тебя

* Сердечно, сердечно приветствовать (нем.).

простить их мне. Если найдешь минутку, сообщи нам новости о себе, это для нас очень важно. Париж, улица de la Chaussée d'Antin, № 5. Сейчас я занимаю квартиру Франка, — он уехал в Лондон и Берлин. Я чувствую себя превосходно в комнатах, бывших столь часто местом наших собраний. Берлиоз обнимает тебя.

Что касается папаши Байо, то он в Швейцарии, в Женеве, и поэтому ты догадываешься, что я не могу послать тебе *Концерта Баха*.

Оригинал на французском языке. Письмо Ф. Хиллеру написано совместно Ф. Шопеном и Ф. Листом (О. Франкомм лишь подписался в качестве одного из «ответственных редакторов»). Курсивом дан текст, принадлежащий Ф. Листу.

¹ Ф. Хиллер в 1833 г. потерял отца.

144. МАРИ Д'АГУ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Круасси, весна 1833

Милостивый государь, я узнала от Листа, что вы тяжело болели, и поэтому хочу вам напомнить, что Круасси¹ был бы превосходной лечебницей: если бы вы захотели провести там некоторое время, то вы дышали бы превосходным воздухом. Обещаю замечательное молоко и музыку соловьев, которые утомят вас меньше, чем фортепиано.

Позвольте же, однако, сказать вам, что я преклоняюсь перед вашими *Этюдами*, — они изумительны и я уже давно не слышала ничего столь прекрасного. Прощайте, Милостивый государь, и, надеюсь, до скорого свидания; прошу верить в мое искреннее расположение.

Графиня д'Агу.

Адрес: «Monsieur Chopin /Rue de la Chaussée d'Antin/Paris».

¹ Замок к северо-востоку от Парижа на Марне. Шарль д'Агу приобрел его в 1830 г.

145. МИКОЛАЙ ШОПЕН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, лето 1833

Мое дорогое дитя,

мы получили твое письмо от 27 [-го] прошлого [месяца], и оно доставило нам не меньше удовольствия, чем прежние, потому что ничто нас так не радует, как ты.

Все, что ты нам пишешь о том, как проводишь время, успокаивает нас относительно твоих нужд, но, мой дорогой, копеечку на черный

день [une poire pour la soif] — я не перестану тебе это советовать — это успокоило бы нас вдвойне. Что касается твоего здоровья, то я надеюсь, что ты достаточно понимаешь его ценность и избегаешь всего, что могло бы ему повредить. Я уверяю тебя, что слишком долгие вечерние приемы становятся с течением времени утомительными, особенно для тех, кто трудится головою, и ты, вероятно, заметил, что утром бываешь менее расположен к композиции, а ведь это были, как я помню, твои любимые часы. Я превосходно понимаю, что хороший прием, который тебе оказывают, приятен и позволяет тебе ежедневно завязывать новые знакомства среди выдающихся людей, но поверь мне, ты прежде всего должен заботиться о своем здоровье.

Дитя мое, единственное, что позволяет нам с большим терпением переносить твое отсутствие — это то, что, слава богу, парижский воздух тебе на пользу. Я с радостью вижу, что ты всерьез взялся за устройство концерта и предвидишь, что он будет более выгодным, чем прошлогодний. Но я также вижу, что, несмотря на размеры города, вам — музыкантам — нелегко найти в Париже помещение, раз ты вынужден взять тот же зал, что и в прошлом году. Лишь бы ты встретил меньше препятствий, так как, признаюсь тебе, я опасюсь ревности Каль[кбренера], для которого, я думаю, соперничество несколько неожиданно. Всегда щади его.

Что касается нас, мое дитя, мы чувствуем себя, слава богу, достаточно хорошо; мы держимся как можем. У нас по-прежнему несколько пансионеров, но так как они учатся дома, а преподаватели обходятся дорого, то едва остается на жизнь. Так как мои занятия напротив нас¹ еще не возобновлены, то я не выхожу из дому и поэтому чувствую себя намного лучше, но, с другой стороны, я располагаю лишь половиной того, чем располагал раньше; это меня не расстраивает, наши нужды невелики, а наши дети чувствуют себя хорошо, они могут себя обеспечить, и если я ничего не оставляю им, то они знают, что это не потому, что я мало работал.

Итак, мое дорогое дитя, я, а скорее мы довольны и питаем надежду когда-нибудь увидеть тебя. Эта надежда очень приятна, а желание наше крайне сильное; в ожидании, что оно когда-нибудь осуществится, мы очень нежно тебя обнимаем, твоя добрая мать и я.

III.

Передай привет Новаковскому и постарайся быть ему полезным, насколько сможешь. Тысяча приветов г-ну Мери. Кстати, ты не написал нам, закончил ли ты свой третий Концерт²; признаюсь тебе, что я в этом сомневаюсь, но я не огорчен, так как это требует слишком большого умственного напряжения, а когда мало спишь, бываешь к этому менее расположен, как я уже писал тебе. Так как у тебя не было рекомендации к некоторым лицам, как в Вене, ты никогда не упоминаешь о них; не встречаешь ли ты кого-нибудь из этого дома в домах, которые посещаешь?

[Приписка Изабеллы Шопен:]

[...] Мое настроение невыносимо мне самой. Сажу дома, утром занимаюсь с детьми; их у меня — четыре мальчика, самого меньшего из них учу

играть. Как Ты на это смотришь? Он убежден, что я многому могу его научить, так как много знаю; вот Тебе доказательство: он спросил меня, играешь ли Ты лучше, чем я, и никоим образом не хотел признать Твое превосходство, а в конце концов сказал, что не понимает, как же Ты должен это играть. Славный мальчик!

Ты пишешь, что надеешься, что я должна неплохо играть второй *Ноктюрн*³, а когда пришло это письмо, я их еще не видела, ибо [пани] Л. говорит, что Ты их ей подарил, но все же была так добра, что несколько дней назад одолжила их нам по нашей просьбе. Так что я их играю каждый день с огромным наслаждением; но что с того, что я сыграю каждую нотку, если в этом не будет той души, с какой Ты их создавал! — Сегодня концерт панны Вейперт. Поет панна Орловская. — Но почтенный Сипосё [?] на почве любви лишился разума. От спешного лечения он пришел в себя; уже здоров, но можно опасаться, что это ненадолго. — Вчера здесь была Лорка [...]

¹ То есть в Варшавском лицее, закрытом после восстания 1830—1831 гг.

² «...Третий Концерт...» — вероятно, впоследствии *Allegro de Concert A-dur* op. 46 (написано в 1840—1841 гг., опубликовано в 1841 г.).

³ По-видимому, *Ноктюрн Es-dur* op. 9 № 2. *Ноктюрны* op. 9 вышли из печати в январе 1833 г.

146. ОГЮСТУ ФРАНКОММУ В КОТО¹

Париж, 14—18 сентября 1833

Начато в субботу 14-го и окончено в среду
18-го с[его] м[есяца]

Любезный друг!

Было бы бесполезно извиняться за мое молчание. Если бы мои мысли могли перенестись на почту сами, без участия бумаги! — Кроме того, ты слишком хорошо знаешь, что я, к несчастью, никогда не делаю того, что должен. — Я доехал очень удобно (за исключением маленького неприятного эпизода, вызванного одним чрезвычайно пахучим господином, ехавшим до Шартра, — он подсел ко мне ночью).

В Париже я нашел больше дел, чем оставил, что, без сомнения, лишит меня возможности приехать к тебе в Кото! — Кото! Ах, Кото! — Скажи, дитя мое, всему дому в Кото, что я никогда не забуду своего пребывания в Турени, — что такая доброта вызывает вечную благодарность. — Находят, что я пополнил и хорошо выгляжу — и я прекрасно себя чувствую, благодаря соседкам по столу, которые окружали меня поистине материнскими заботами.

Когда я об этом думаю, все это кажется мне столь сладостным сном, что я хотел бы, чтобы он продолжался и дальше... А крестьянки из Порника и мука²! или скорее твой изящный нос... который тебе пришлось погрузить в...

Очень интересный визит прервал мое письмо, начатое три дня тому назад и оканчиваемое только сегодня.

Хиллер тебя обнимает. Также Морис и все. Твою записку я отнес твоему брату, которого не застал дома. Па эр, которого я видел несколько дней тому назад, говорил мне о твоём возвращении. — Возвращайся толстым и здоровым, как я.

Передай множество сердечных приветов семейству Форэ. У меня нет ни слов, ни возможности выразить все, что я испытываю к ним. — Прости меня. — Пожми мне руку, — а я хлопну тебя по плечу, — обнимаю тебя — целую.

Мой друг — до свидания.

Ф. Ш.

Гофман — толстый Гофман и стройный Смитковский тоже тебя обнимают.

Адрес: «à Monsieur /Monsieur Aug. Franchomme/1-er violoncelle de la Chambre du Roi /à Tours/ cher M. Forest (avocat)».

¹ Местечко близ Тура, собственность семьи Форэ — родственников О. Франкомма, у которых Ф. Шопен отдыхал летом 1833 г.

² Вероятно, шутовское наименование участниц развлечений в Кото, а не подлинных жительниц деревни Порник, находящейся на побережье Атлантики, в 200 километрах от Кото; по рассказу Адели Ловержа, урожденной Форэ (ученицы Ф. Шопена), эта игра заключалась в следующем: на тарелку насыпали горку муки, а сверху клали кольцо, которое участник игры должен был снять губами, не запачкав при этом нос мукой.

147. МИКОЛАЙ ШОПЕН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, 7 декабря 1833

Мое дорогое дитя.

Твое письмо от 24[-го] явилось для меня приятным сюрпризом: я получил его в день моих именин, когда я выходил крестить твоего племянника. Я благодарен тебе за внимание; я много думал о тебе и о тех временах, когда в этот день видел вас всех собравшимися вокруг меня. Если я лишен этой радости, то могу утешать себя тем, что все вы исполнили мое желание, то есть идете по пути добродетели и в состоянии себя обеспечить; лишь бы вы были счастливы!

Репутация, которую ты стараешься себе снискать, бесспорно, обеспечит тебе наилучшее расположение общества и уважение знатоков. Из твоих писем я вижу, что ты очень занят; в твоём возрасте занятия необходимы, а бездействие бывает подчас пагубным; однако не нужно, чтобы работа обременяла тебя, ибо ты должен, наконец, подумать и о своём здоровье, а к тому же твои занятия ведь не механические. Я не осуждаю тебя за то, что ты развлекаешься, бывая в большом свете, и лишь опасаясь, чтобы эти вечера не затягивались слишком долго, ведь тебе необходим отдых.

Я тысячу раз благодарю провидение, что оно до сих пор хранило

твое здоровье, пусть и всегда оно опекает тебя. Ты писал нам о путешествии, — что ж, надо пользоваться прекрасными летними днями или придерживаться пословицы, которую ты привел в своем последнем письме. Много людей должны были бы придерживаться ее, как для своей пользы, так и для пользы других. Но человеку кажется, что хорошо лишь там, где его нет; я говорю это не о тебе, ибо ты должен сознавать преимущества твоего положения — и в отношении твоего искусства, и в отношении тех средств, которые имеются для занятий им. Здесь бесконечное множество учителей, дающих уроки, и я недавно видел в музыкальном магазине, что вальсы и полонезы имеют большой успех и пользуются спросом; и чем они короче, тем более в моде. Однако многие хотели бы иметь твои сочинения, не знаю, играют ли они их; в общем, здесь ты не найдешь ничего, что могло бы соответствовать твоим ожиданиям.

Я оставляю эту тему, чтобы сказать тебе, что мы, слава богу, чувствуем себя довольно хорошо, что мы держимся как можем, до сих пор не знаем нужды и довольны нашими скромными условиями, ибо наши потребности весьма умеренны. Тытус тут, вчера я его видел; он обещал мне написать тебе, но так как ты давно не получал известий от нас, то я не хочу пропускать эту почту, опасаясь, чтобы ты не стал о нас беспокоиться.

Твоя мать и я целуем тебя и прижимаем к сердцу.

Шопен.

Тысяча и тысяча приветов г-ну Гофману; как я рад, что вы вместе. Кстати, Марцелий не поедет в Париж.

[Приписка Изабеллы Шопен:]

Мой дорогой Фридерик.

Твое письмо мы получили вчера, как раз в день Именин; Ты нас очень обрадовал собой, хотя черты не столько схожи, как на миниатюре, которую писал Жак¹. Людвика еще этого не видела, хотя мы все были у них вчера на крестинах маленького Генрика, которого Папа с [пани] Прушак и Тамбецкий, и [пани] Кжиштофович во второй паре, держали у купели. Красивый ребенок; в их маленькой квартире было много гостей, был Тытус с братом; оба в Варшаве. Тытус пробудет подольше, так как его сестра тоже приехала провести зиму в городе. [Пани] Млечко кланяется Тебе, и хотя она и радовалась третьего дня Тебе «написанному» (она заходила к нам, как обычно, в канун именин² с мужем и матерью), но велели Тебе передать, что предпочли бы Тебя самого, чтобы Ты приехал. Ее маленькая Марыня — красивый ребенок.

Людвика выглядит все лучше. Она сделала свой портрет с малышом к Папиным именинам; похожа, но, как мне кажется, не очень, хотя Папа находит большое сходство. Ее писал Земенцкий, он сам предложил. Они дружат, так что нельзя было отказать. Эту записку отдам собственноручно, но ответ через нас уж не получишь, и прошу Тебя, не бери этого впредь на себя, они ведь даже не смогут быть на Тебя в обиде. Сию

минуту пришел Нов[аковский] и тоже находит Тебя неудачным; хотя он тебя и узнал, но находит похожим на Рейхшталя.

Мой дорогой, сегодня ты не получишь письма от Людвики, ибо ей это было бы трудно после вчерашнего вечера; но мы не хотим дольше задерживаться, чтобы Ты не стал беспокоиться, хотя, в сущности, тревожиться о нас нечего. Не думай, однако, что мы тут веселимся; нет, мой дорогой, это лишь редкий случай. Мой дорогой, я не знаю, что писать: Нов[аковский] ждет с уроком, а почта уходит. Пан Михал приехал по случаю вчерашнего дня.

О! Мой дорогой Фрыц, я разучиваю Этюды и первое соло из Концерта, что Ты скажешь об этом? Это уж чересчур большая смелость, правда? Но это все в надежде, что как Ты панне Ламбер в награду сыграл Концерт, или слушал ее, так и меня это ждет. Надо быть глупой, чтобы создавать себе подобные иллюзии, но чем без них было бы наше существование! А я, правду сказать, постоянно вздыхаю, вздыхаю о нашей прежней совместной жизни; но это тщетно, мы лишь частицей можем быть постоянно вместе! Пусть даже не под одной крышей, а хотя бы жить в одном городе, не в таком постоянном и томительном ожидании, как сейчас!

Будь здоров, иду на урок. Все знакомые целуют. П[ан] Михал пишет к письму. Поцелуй любящую Тебя

Изабеллу.

Мой дорогой, я снова возвращаюсь к письму. Ты пишешь о том, что Твои амуры здесь. Пока ты молчал, — и я тоже; но я о них знаю и верю, и вместе с Тобой поражусь, как можно быть столь бесчувственной. Видно, дворец³ представлял большой соблазн, но видно также, что и Ты ввязался в неудачное дело; но хороший вкус, чувство! Ах! чувство! Видно, что [оно] лишь в пении, вот Тебе доказательство. Поцелуй, уже спешу.

[Приписка Антония Барциньского:]

Здоровья и успехов желает Тебе Твой очень преданный

Бартек.

[Приписка Михала Скарбка:]

Я рад, что попал как раз в момент, когда Тебе пишут, и что я имею возможность обнять Тебя и напомнить о себе. Пан Михал все тот же, все так же искренне любит Тебя и всю Твою семью. Когда мы свидимся и обнимемся, мы вознаградим себя за все время Твоего отсутствия в Варшаве. Всякий раз, что я приезжаю сюда, я смотрю на Твою миниатюру и здороваюсь с ней, словно с самим Тобой.

Сердечно обнимаю Тебя.

М.

¹ Упоминаемый портрет Ф. Шопена, как и миниатюра работы Жака, — неизвестны.

² Именины Николая Шопена отмечались 6 декабря.

³ Намек на брак К. Гладковской с Ю. Грабовским; их свадьба состоялась 31 января 1832 г.

148. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Париж, конец 1833

Моя Жизнь!

Посылаю Тебе приглашение Шунке — и при этом пользуюсь случаем, чтобы спросить, не Тебе ли я одолжил *Песенки Витвицкого*¹. Не могу их найти. Спрашиваю Тебя на всякий случай. Сегодня.

t. a v. *

Ф. Ф. Шопен.

Адрес: «Mr. Fontana/10, Rue d'Antin».

¹ Возможно, речь идет о сборнике стихов «*Piosenki sielskie*» — «Сельские песни» (1830) С. Витвицкого.

149. ГЕКТОР БЕРЛИОЗ — СЕСТРЕ

Париж, 26 декабря 1833

[...] По вечерам у меня бывают друзья; на прошлой неделе в нашем маленьком собрании присутствовал г-н Жозеф Роше; часто приходит Альфонс, А. де Виньи, Легуве, Бризё, Лист, Шопен и т. д. [...]

Отрывок. Hoesick F. Chopin, t. 4, s. 320.

150. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Париж, конец 1833

Мусье

Мусье Фонтана

Ситэ дантен труа у катр¹.

Посылаю Тебе вчерашнюю записку Нат[алии] Комар. — Если захочешь, то я жду Тебя вечером около 8½ у себя; если же нет, напиши словечко, чтобы я знал, ждать ли Тебя.

Твой
Ф. Ф. Ш.

Nb. Если Тебе придет мысль, что Тебя приг[лашают] играть, то отбрось ее. — Ргімо, сомневаюсь, чтобы им с позавчерашнего дня (ибо я их видел) захотелось танцевать. —

* Всегда твой (франц.).

Secundo, буду я, Елов[ицкий] (наверное) и Потоцкая,— и ты сможешь повеселиться, если и в Твою лысую без парика голову не вселился какой-либо сплин.— Во всяком случае, ни в одной гостинной не станут стрелять из пушек— к тому же Тебе еще рано становиться угрюмым, хоть Ты и старше меня на десять лет².

Неси в душе и силу свою и слабость, но пусть ноша твоя никому не будет заметна.

¹ Адрес: «Monsieur Monsieur Fontana Cité d'Antin, trois ou quatre» — в шутку написан Ф. Шопеном фонетически.

² Ф. Шопен и Ю. Фонтана были ровесниками.

1834

151. ФРАНСУА ФЕТИС — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, январь 1834

Милостивый государь.

«Revue Musicale» вступает в восьмой год своего издания. Несмотря на успех, о котором свидетельствует столь продолжительное существование, я полагаю, что мне предстоит еще многое сделать, чтобы еще более увеличить ее популярность. Поэтому я прошу о любезности помочь мне, сообщив список людей из вашего окружения, которым, по вашему мнению, доставило бы удовольствие чтение «Revue [Musicale]», чтобы я мог переслать им несколько пробных номеров.

Прошу принять выражение моего глубочайшего почтения.

Ф. Ж. Фетис.

152. МАРИ Д'АГУ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 23 января 1834 [?]]

Неужели же вы, Милостивый государь, меня совсем позабыли? Я не хочу в это верить, и очень хочу надеяться, что уверенность в том, что вы доставите мне огромное удовольствие, позволит вам когда-нибудь вечером найти четверть часа, чтобы подарить его мне. Я никогда не выхожу вечерами и буду вам благодарна, если благая мысль остановит вас у номера 38 по улице Годо, в один из тех часов, когда не приходится дорожить каждой минутой.

Прощайте, Милостивый государь, до свидания — надеюсь, скорого.

Графиня д'Агу.

Адрес: «Monsieur Chopin/5, rue de la Chaussée d'Antin».

153. АДАМ КРЕМЬЕ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 13 февраля 1834

Париж, сего 13 февраля 1834

Не изволите ли вы, Милостивый государь, пожаловать к нам в ближайший четверг, 20 февраля, на скромный семейный обед, который, наконец, позволит нам ближе познакомиться с вами и провести с вами не-

сколько часов? Мой друг Лист берется передать вам эту записку; от вашего имени он обещает мне, что вы придете с ним. Я надеюсь, что мы с супругою не будем лишены удовольствия, которое будет для нас подлинным праздником.

Ваш покорный слуга,

Ад. Кремьё.

Адрес: «à Monsieur Chopin».

154. МИКОЛАЙ ШОПЕН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, начало 1834

Мое дорогое Дитя.

Я уже начинал беспокоиться о тебе, ибо твое письмо от 7[-го] было получено нами лишь 18[-го], но мне легко понять, что твои занятия не позволили тебе написать раньше. Не знаю, отчего ты решил, что я болен? Нет, мой добрый друг, мне кажется, я писал тебе, что наше здоровье хорошо настолько, насколько это может быть в нашем возрасте, и мы не теряем сладостной надежды когда-нибудь вновь увидеть тебя; только береги себя, не перегружай работой, светскими визитами и поздними вечерними приемами.

Знаю, что все это ты делаешь ради своего имени, а также, чтобы развлечься. Искренне сожалею, что рядом с тобой нет настоящего друга, ибо судя по тому, что ты нам сообщаешь, это было не то, что нужно тебе — ведь не можешь же ты всех принимать в продымленной комнате, особенно, когда ты сам не куришь. Между тем, грустно, когда дома некому слова сказать. То, что ты пишешь о своих принципах, доставляет мне удовольствие. Да, мое дорогое дитя, молодой человек легко может сбиться с пути, если не будет соблюдать осторожности. Может статься, что твой талант и твоя приветливость произведут на кого-нибудь впечатление; в твоём возрасте тебе следует избегать ложного шага, не давать втянуть себя в какую-нибудь интригу, — это могло бы причинить тебе много неприятностей. Наконец, будь всегда осторожен и не давай повода для сплетен; ведь ты знаешь, что этот так называемый большой свет, если взглянуть на него вблизи, оказывается очень маленьким, но нужно молча принимать его таким, каков он есть. —

Поговорим о другом; твоя старшая [сестра] довольна и счастлива, прелестный ребенок скрепляет их союз. Младшая, возможно, уже ненадолго останется с нами. Твой друг Барц[иньский] просил ее руки и получил наше согласие. Лишь бы она, дорогое дитя, тоже была счастлива, как она этого заслуживает и как мы того желаем. — А как, мое дитя, идут твои дела? Можешь ли ты отложить несколько грошей (это моя обычная песенка)? Не пренебрегай никаким случаем, поверь мне, и создай себе, мало-помалу, небольшой фонд, причем я посоветовал бы тебе обратить его в бумаги, которые ты сможешь реализовать, когда это тебе потребуется.

Что ты намерен делать летом? Не намерен ли совершить небольшое путешествие в Германию, как тебе советовали, или останешься спокойно в Париже, если у тебя нет недостатка в уроках? В самом деле, чтобы дать пищу немецким критикам, было бы совсем неплохо, если бы они могли услышать твои произведения в твоём исполнении, и, возможно, таким образом ты бы вернул дорожные расходы. Я ничего не советую тебе на этот счет. У тебя достаточно разума, чтобы поступить правильно.

Брыкчиньский еще не получил свои книги и ничего о них не знает, — постарайся что-нибудь разузнать о них. Мой добрый друг, не жалей почтовых расходов, старайся скрасить нам твое отсутствие столь часто, как только можешь; когда ты говоришь о себе, нам кажется, что мы беседуем с тобой, а мелкие подробности, которыми ты делишься с нами, доставляют удовольствие нам, как и всем, кто желает тебе добра. Твой друг Тытус у себя в деревне, кажется, я переслал тебе его адрес. Старый Явурек опасно болен; Эльснер, проработав всю жизнь, теперь дает уроки¹.

Намерения Людвики прекрасны. Однако очень трудно осуществить их за столь краткий срок, как ей бы того хотелось. Но все же это должно показать тебе, что мы о тебе думаем и любим тебя от всего сердца.

Твоя любящая мать и я со всей нежностью обнимаем тебя.

III.

Так как ты один, то, если решишь с кем-либо разделить свою квартиру, — выбирай хорошенько и будь уверен в его поведении, ибо повсюду встречаются волки в овечьей шкуре, особенно в век, в который мы живем.

¹ После разгрома Ноябрьского восстания в Варшаве был закрыт Университет, а с ним и Главная школа музыки.

155. МИКОЛАЙ ШОПЕН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, 26 апреля 1834

Варшава, сего 26 апреля 1834

Мое дорогое Дитя.

Мы только что получили твое письмо, датированное 13[-м], которого мы ожидали с нетерпением, ибо по сравнению с прежними оно запаздывало. Не буду говорить тебе, какую радость ты нам доставил, сообщая, что ты здоров и продолжаешь работать над созданием себе имени; ты легко себе это представишь, зная, как мы тебя любим.

Ты упоминаешь о проекте совершить небольшое путешествие, чтобы немного развлечься¹; я одобряю это намерение, ибо ты найдешь возможность дать себя услышать и завоевать для своих сочинений большую популярность в местах, где фортепиано является наиболее распространенным инструментом; а так как подобное путешествие потребует некоторых расходов, а ты [неразборчиво] уроки, то концерт покрыл бы путевые издержки.

Так как ты признаешься сам, что порой бываешь рассеян, то, возможно, будет излишним, если я напомню тебе, чтобы ты не пренебрегал необходимыми паспортными формальностями, дабы не столкнуться с какой-нибудь неприятностью, хотя твое имя уже пользуется известностью, ибо немецкие газеты, так же как и другие, писали о тебе; среди них — один берлинский журнал, в котором пишут о тебе и хорошо и плохо². Меня очень радует, что ты случайно познакомился с другом твоего яростного критика, который намерен писать и оспаривать то, что говорили о тебе и твоих сочинениях³; утверждали даже, что ты ответил письмом, написанным очень плохим немецким языком и с деликатностью, равной стилю⁴; кажется, эти господа не знают, что ты получил тщательное образование и занимался не только чтением нот. Я совершенно убежден, что ты обойдешь это дело молчанием, ведь твои произведения говорят достаточно громко, коль скоро тебе уже хотят подражать, несмотря на рутину, к которой привыкли, — а это много. Старайся, мой добрый друг, довести этих Зоилов до крайности, доказывая им, что искусство не знает границ.

Кстати, на этих днях мне сказали, что г-жа Герен вскоре едет в Париж; я повидал ее, и мы говорили о тебе; ты можешь легко себе представить, что этот разговор был мне весьма приятен; она сообщит тебе, что видела меня настолько здоровым, насколько это возможно в моем возрасте; твоя добрая мать, слава богу, также чувствует себя довольно хорошо; твои сестры и их близкие не имеют причин жаловаться, так что для нас всех настоящий праздник, когда мы получаем известия от тебя.

Тороплюсь писать тебе, чтобы ты получил это письмо до своего отъезда и смог нам ответить еще из Парижа; когда ты будешь у цели своего путешествия, то, не откладывая, напиши нам о себе; это единственное, что нас интересует и помогает переносить разлуку с тобой. Мы обнимаем тебя очень нежно и советуем тебе понемногу отдыхать во время твоего путешествия, останавливаясь на несколько дней в каких-либо крупных городах.

Еще раз обнимаем тебя и просим, чтобы ты берег себя

III.

[Приписка Изабеллы Шопен:]

После больших волнений из-за того, что Фридерик не пишет, что нет письма, мы, наконец, вчера получили его — и с какими криками радости. Ты это легко поймешь, зная, как мы Тебя любим. О, мой дорогой, твои письма поистине оживляют весь дом: Папа доволен, Мама более спокойна, мы веселее, отсюда и хорошее настроение и радость (вещь редкая у нас).

Итак, ты собираешься совершить путешествие; на него потребуется столько же миль и столько же времени, сколько бы потребовалось, [чтобы доехать] до нас; но мы так далеко, хотя и всегда рядом с Тобой. Мы непрестанно думаем о том, чтобы увидеться с Тобой, — или, по крайней мере, если бы ты мог где-нибудь встретиться с Родителями. Для них это было бы, действительно, невероятным счастьем! На свете нет ничего невозможного, так что и это может сбыться, но когда?

Я читала ответ Калерта на рецензию Рельштаба; очень мне понравился. Он описывает Тебя с самого детства так, словно превосходно знал

все твои обстоятельства; он ничего не искажил, с заслуженной похвалой пишет о [твоем] характере; приписывает Твой талант нравственному воспитанию и разуму и т. д. В конце добавляет приписку, что читал Твой ответ в «Iris» и ручается, что это писал не Ты; ибо в противном случае он сожалел бы — не о том, что выступил в Твою защиту, а о том, что сказал о Твоем характере. Меня радует, что немцы взирают на талант уже с подобных позиций. Калерт, видимо, человек широко образованный, понимает Тебя, понимает дух века. Если ты этого не читал, то постарайся [прочесть], стоит того. Однако, что ж я пишу Тебе об этом, когда у Тебя столько другого чтения, которое нам недоступно.

Я тут все время разучиваю Твои сочинения. Играла *Дуэт с виолончелью*⁵; нам понравился, но это просто так. Нов[аковский] привел того Германа, которого Ты, возможно, помнишь по [дому] Мориоль, и он, довольный, что это Твое, разучил, и мы пробовали. Мы еще раз устроим себе такой бал, и хотя это всего лишь жалкое подобие того, что должно быть, порадуемся! Nb, никто этого не слышит, только мы, любящие Тебя; ибо я не для кого-нибудь, или, вернее, не напоказ разучиваю Твои вещи, а лишь потому, что ты мой брат и нет ничего столь близкого моей душе, как Ты. Теперь разучиваю *Вариации из Людовика* для панны Хорсфорд⁶, очень мне нравятся.

Ты не можешь себе представить, мой дорогой, как нам забавно покупать Твои сочинения, а вернее спрашивать про них в магазине. У Людвики есть три других *Ноктюрна*⁷, очаровательные, чудесные. Ну, а Твой гравированный портрет продается у нас по 10 зл[отых]. Вчера маленькому Генрику привили оспу. Сегодня Людовика должна прислать записку, а если и не сделает этого, не беспокойся, ибо Мама была вчера у нее, и здоровы — и она и маленький; только, естественно, могла не располагать временем, тем более, что малыша не балуют...

Левочки здоровы, кланяются пану Стефану, и мы тоже; первые пересылают приветы Пызынам.

¹ Речь идет о поездке на музыкальный фестиваль в Аахен.

² Музыка Ф. Шопена, как всякое новаторское искусство, встретила на своем пути и сопротивление, и резкие нападки. Особенно усердствовал в этом отношении Людвиг Рельштаб в издаваемом им в Берлине музыкальном журнале: «Iris im Gebiete der Tonkunst» (1830—1841).

Так, *Вариации* ор. 2 он назвал «вандализмом, совершенным над Моцартом особой, происходящей из неотесанного славянского племени».

После выхода в свет *Мазурок* ор. 7 Шопена он писал в своем журнале: «...В поисках терзающих слух диссонансов, вымученных переходов, омерзительных искажений мелодий и ритма, он, можно сказать, неистощим... Автор удовлетворяет свой вкус писать аффектированно и выходя из нормы — с гнусным излишеством... Если бы г-н Шопен показал эти сочинения какому-нибудь мастеру, тот, несомненно, порвал бы их и швырнул ему под ноги, что мы символически и делаем». («Iris...», 1833, 12 июля).

Об *Этюдах* ор. 10: «Все обладатели вывихнутых пальцев могли бы их привести в нормальное состояние, если бы поработали над этими этюдами, но все люди с нормальными пальцами должны остерегаться их, если поблизости нет хирургов, которые могут спасти их руки» («Iris...», 1835, 12 янв.).

Подобные рецензии появились в журнале и о целом ряде других сочинений Шопена. Однако в 1837 и 1838 году, несмотря на публикацию в этот период ряда произведений Шопена, не появилось ни одной рецензии Рельштаба, а в 1839 г. он уже писал: «...То ли мы изменились, или изменился композитор, или же изменилось время...», — так что следует признать, что со временем Рельштаб был вынужден пересмотреть свое отношение к музыке Шопена.

³ См. ниже об ответе К. Калерта на рецензию Л. Рельштаба.

⁴ В журнале «Iris...» (1835, 31 янв.) появилось письмо (из Лейпцига), якобы написанное Ф. Шопеном (подписанное его именем) — ответ критику, смехотворный как по содержанию, так и по стилю («...прусский король давно должен был бы посадить вас в крепость... враг людей, который подавится собственной кровью... пристрастный рецензентский пес...»). Характерно, что даже Л. Рельштаб не приписывал авторства этого письма Шопену, что видно из комментария к этому письму в журнале. Как сообщает Ф. Хезик, имелись мнения, что автором письма был Ф. Вик.

⁵ Grand Duo cocesant для фортепиано и виолончели A-dur на темы из «Роберта-дьявола» Дж. Мейербергера.

⁶ Вариации B-dur op. 12 на тему популярной песенки из комической оперы Герольда и Галеви «Людовик», посвященные Эмме Хорсфорд.

⁷ Ноктюрны op. 15; вышли из печати в январе 1834 г.

156. ГЕКТОР БЕРЛИОЗ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, до 5 мая 1834

Chopinetto * mio!

Устраивается вылазка к нам, на Монмартр, улица St. Denis, 10; надеюсь, что Хиллер, Лист и Девиньи¹ придут в сопровождении Шопена.

¹ Альфред де Виньи.

157. ГЕКТОР БЕРЛИОЗ — СЕСТРЕ

Париж, 12 мая 1834

[...] В прошлый понедельник состоялось нечто вроде вылазки к нам. Мои друзья приехали, чтобы провести у меня половину дня. Присутствовали музыкальные и поэтические знаменитости: гг. Альфред де Виньи, Антуан Дешан, Лист, Хиллер и Шопен.

Мы болтали, спорили, а темами были искусство, поэзия, идеи, музыка и драма. [...]

Отрывок. Hoesick F. Chopin, t. 4, s. 320.

158. ФЕЛИКС МЕНДЕЛЬСОН-БАРТОЛЬДИ — МАТЕРИ

Кельн, 23 мая 1834

Кельн, 23 мая 1834

[...] Сверху в первом ряду сидел какой-то мужчина и следил за исполнением с партитурой в руке, и, когда после репетиции он стал спускаться в гардероб, а я поднимался вверх, мы встретились за кулисами; это был

* Уменьшительная форма от Chopin (итал.).

Фердинанд Хиллер, который бросился в мои объятия и от радости чуть не задушил меня. Он приехал из Парижа послушать *Ораторию*¹, а Шопен оставив свои уроки, вместе с ним. Таким образом, мы снова встретились. По этой причине я потерял интерес к фестивалю, ибо с этой минуты мы все время проводили втроем; мы получили в театре, в котором проходил фестиваль, общую ложу, — и, ясное дело, на следующее утро засели, — к моему великому удовлетворению, за фортепиано.

Шопен и Хиллер значительно усовершенствовали свою технику. Шопен в настоящее время является первейшим из всех пианистов. В его игре столько же неожиданно нового, сколько в игре Паганини на скрипке. [...] Но и Хиллер стал превосходным, полным обаяния виртуозом. Однако оба они страдают парижской манией — меланхолией и некоторой преувеличенностью чувств, так что на такт и ритмическую точность в музыке обращают мало внимания. Я же, напротив, чересчур строго соблюдаю это, и, таким образом, мы превосходно дополняем друг друга и, я полагаю, все трое друг у друга учимся, причем я несколько смахиваю на школьного учителя, они же на щеголей и франтов.

После окончания музыкальных торжеств мы вместе поехали в Дюссельдорф². Мы провели там необыкновенно славный день, играя и споря, а потом я проводил их до Кельна, откуда они пароходом должны поехать сегодня утром в Кобленц — я же обратно домой, увозя приятные воспоминания об этой поездке.

Отрывок. Czartkowski A., Jeżewska Z. Chopin, s. 249—260.

¹ Речь идет о Нижнерейнском музыкальном генделевском фестивале в Аахене, на котором исполнялась оратория Г. Генделя «Дебора» (1733), переинструментированная Ф. Хиллером, симфония «Юпитер» В. А. Моцарта и отрывки из IX симфонии Л. Бетховена.

² Ф. Мендельсон-Бартольди возглавлял в это время дюссельдорфский оркестр. Впоследствии Ф. Хиллер, вспоминая день, проведенный в Дюссельдорфе, писал о веселой загородной вылазке, с игрой в кегли, в которой принял также участие известный художник, создатель так называемой «Дюссельдорфской школы», директор Академии искусств В. Шадов. После прогулки Шадов пригласил всех к себе. «Там мы встретили нескольких молодых талантливых художников. Вскоре разговор оживился, но Шопен оставался, к сожалению, сдержанным, и его почти не замечали. Однако и Мендельсон и я — мы знали, что он возьмет реванш, и эта мысль нас радовала. Наконец, фортепиано было открыто; я начал, Мендельсон продолжил; затем мы просим играть Шопена, а присутствующие в это время окидывают его недоверчивыми взглядами. Но стоило ему сыграть несколько тактов, как взоры всех, а в особенности Шадова, устремились на него. Они никогда не слышали ничего подобного, они были очарованы и умоляли его продолжать играть» (Hoesick F. Chopin, t. 2, s. 111).

159. РЕГИНЕ ХИЛЛЕР В ПАРИЖ¹

24 или 25 мая 1834

Милостивая государыня.

Я сегодня подобен пару нашего парохода, — я растворяюсь в воздухе и чувствую, как одна часть моего «я» уносится на

мою Родину, к моим, а другая в Париж, к Вам. Она шествует, исполненная высокого уважения, застанет Вас в Вашем кабинете и приносит мои изысканные приветствия.

Фердинанд здоров, замечательно выглядит, — и жаль, что кончается листок и я не могу написать все то, что буду иметь честь Вам рассказать.

Ваш слуга.

Оригинал — единственное из известных писем Ф. Шопена на немецком языке. Почтовый штемпель: «Paris 30.V. 1834».

¹ Это — приписка Ф. Шопена к несохранившемуся письму Ф. Хиллера его матери, написанному во время плавания пароходом по Рейну.

160. ФЕЛИКСУ ВОДЗИНЬСКОМУ В ЖЕНЕВУ

Париж, 18 июля 1834

Париж, с[его] 18 июля 1834

Милый Фелюсю!

Ты, наверно, подумал, что Фрыц приуныл, раз он не ответил ни тебе, ни Марысе. Но ты, конечно, помнишь, что я всегда делал все слишком поздно. И слишком поздно я пошел к панне Фанш. И потому я вынужден был ждать до отъезда славного Вольфа. Если бы не то, что я только что вернулся с Рейна и у меня работа, от которой я не могу освободиться, я бы сию минуту поехал в Женеву, чтобы поблагодарить Твою Уважаемую мать и принять ее приглашение. Но судьба жестока, — словом, это невозможно.

Твоя сестра была настолько любезна, что прислала мне свою композицию. Это меня несказанно обрадовало, и в тот же вечер я импровизировал в одном из здешних салонов на миленькую тему той Марыни, с которой мы в давние времена бегали по комнатам в доме Пшенного¹... А ныне! Je prends la liberté d'envoyer a mon estimable collegue M-lle Marie une petite valse que je viens de publier². Пусть он доставит ей хотя бы сотую долю того удовольствия, какое я испытал, получив ее вариации.

В заключение еще раз сердечно благодарю Твою Мать за то, что она по-дружески вспомнила о своем преданном слуге, в жилах которого также течет немного куявской крови³.

Обнимаю милого Антка, Казя, если сумеешь, задуши tendresse' ами**, а перед панной Марией склонись почтительно и изящно. Изумись и про себя промолви: «Боже мой, как выросла!»...

Ф. Шопен.

* Я беру на себя смелость послать моему уважаемому коллеге М-ль Марии маленький вальс, только что мною опубликованный (франц.).

** Нежностями (франц.).

¹ Дом Пшенного находился в Варшаве на Медовой улице. Водзинские останавливались в этом доме, и Ф. Шопен часто бывал у них.

² Речь идет о Большом блестящем вальсе *Es-dur op. 18* Шопена, который он переслал Марии Водзинской со следующей дарительной надписью на обложке: «*Hommage à Mlle Marie Wodzińska de la part de son ancien professeur */F. F. Chopin/Paris. 18 Juin 1834*».

³ Мать Шопена родилась в деревне Длугой, расположенной в Куявии; Куявия — историческое название области Польши, лежащей между реками Вислой и Натечью.

161. МИКОЛАЙ ШОПЕН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, 7 сентября 1834

Мое дорогое дитя.

Твое письмо от 20 августа мы получили и прочли с той же радостью, какую испытываем всегда, всякий раз, когда получаем от тебя известия; ибо что может быть милее для нас, для твоей нежной матери и меня, как знать, что вам хорошо и что вы заслуживаете уважение достойных людей? Итак, у тебя уже собственная мебель и, кажется, довольно роскошная, однако я понимаю, что ты не мог поступить иначе, так как даешь уроки у себя, а сейчас, как и во все времена — судят по внешнему виду. Однако, мой друг, хорошо лишь то, что в меру; постарайся лучше воспользоваться предложением трех банкиров, о котором ты упоминаешь, я вижу из него, что они желают тебе добра.

Очень радуюсь, что Ясь с тобой, я всегда его любил, и его поведение свидетельствует, что это мужественный юноша, ибо несмотря на обстоятельства, он добился почетного положения; я благодарен ему за то, что он вспомнил о нас среди удовольствий вечера, который ты устроил у себя. Я прочел стихотворение, которое тебе преподнесли, и разбор твоего *Вальса*¹, и мне, который не пишет стихов, и даже никогда не пытался этого делать, пришли на ум следующие слова:

«Когда ты в возрасте счастливом, судьба дарит тебе улыбки,

Будь осторожным, терпеливым, не доверяй надеждам зыбким.

Твои желанья и мечты пускай рассудок умеряет,

И от превратностей судьбы в пути пусть разум охраняет».

Так как, мне кажется, ты еще некоторое время останешься за границей, сообщаю тебе, мое дитя, что во французских газетах за 11 июня оповещалось, что каждый поляк должен испросить продления своего паспорта. Ввиду того, что ты выехал до беспорядков и не принимал в них никакого участия, я был бы рад, если бы ты навел на этот счет справки, что легко сделать в посольстве. Признаюсь, я не хотел бы, чтобы ты по небрежности оказался зачисленным в эмигранты². Не пренебрегай этим, прошу тебя, и извести меня о результатах; тебе, при твоей известности, будет легко сделать это.

Что касается Михала, то он вел себя недостойно по отношению к своей семье и нам³. Он не заслуживает ни малейшего сожаления. По заве-

* Досточтимой мадмуазель Марии Водзинской от ее бывшего наставника (франц.).

щению он оставил все некоему молодому бездельнику, не вспомнив ни о своей бедной сестре, ни о нас, которые сделали ему столько добра и одолжили все, что только могли. Фридерик очень задет этим ударом и осознает наши затруднения. Правда и то, что после оплаты всех долгов, если они не будут оспорены, мало что достанется этому чудовищу, сумевшему прокрасться в разум человека, который своей смертью стал недостойн сожаления. Я принял все меры, которые счел необходимыми, хотя и не знаю, что из этого получится; в любом случае некоторые потери неизбежны, ибо у меня нет документов на всю данную займы сумму. Жестоким уроком, свидетельствующим, что, к несчастью, никому нельзя доверять.

Не подумай, мой добрый друг, что это огорчает меня до такой степени, чтобы могло пострадать здоровье; нет, я хочу его сохранить, чтобы как можно дольше услаждаться созерцанием моих преуспевающих детей и получать столь нежные доказательства их привязанности. На днях к нам заходил дедушка Люси⁴, чтобы справиться, не говорил ли ты о ней в своем последнем письме, и не намерена ли она вернуться. Он сказал, что написал ей с одной француженкой, которая поехала за своей дочерью в Париж, и она, если отец позволит, могла бы воспользоваться этой возможностью. Постарайся повидать ее и напиши об этом несколько слов, чтобы мы могли передать их ее дедушке, который, кажется, очень любит внучку. М-ль Малгожата тоже недавно заходила к нам. Г-н доктор Лебрэн сказал нам, что, по его сведениям, его брат, который провел некоторое время в Италии, совершенствуясь в живописи, скоро будет в Париже; возможно, он уже там. Поскольку же у тебя обширные знакомства среди самых выдающихся артистов, ты оказал бы ему услугу, если бы смог представить его им. Мы посылали к матери Гофмана; она ненадолго поехала в деревню. Ему бы следовало написать матери, которая не получила письма и очень беспокоится, о чем недавно говорила; мы не преминем сообщить то, что ты написал, как только она вернется.

Мы обнимаем тебя от всего сердца.

Ш.

[Приписка Людвики Енджеевич:]

Дражайший Фрыц.

Так радостно видеть, что люди любят Тебя; пусть мне укажут второго такого в твоём возрасте. Лишь был бы Ты здоров, больше Тебе и пожелать нечего. Твои планы повидаться с родителями в будущем году прекрасны, в самом деле, стоило бы доставить им эту радость, если бы это было возможно и удалось.

Петр Лебрэн едет в Париж, возможно, он уже там; он, наверно, зайдет к Тебе, ибо Томаш с женой послали ему Твой адрес. Хотя излишне рекомендовать Тебе быть любезным, однако помни, что кроме хорошего приема, который ты уж привык оказывать, его надо, если он захочет, сводить куда-нибудь и т. д. Впрочем, ты понимаешь, мне бы хотелось, чтобы он снова написал им сюда письмо с громкими похвалами Тебе.

[Пани] Млечко опечалена, — у нее умер маленький; страшное горе для всей семьи. Малыш умер в Дрездене, но тело привезли сюда. Ох, а пан

Михал! Кончил не так, как мы о нем думали. Вся жизнь его была честной; хоть и глупой, но честной; казалось, что он был нашим другом, а оказалось иначе, хотя можно предполагать и безумие. Он написал завещание и глупейшие на свете рассуждения, в которых нет ни смысла, ни связи,— больше чем глупость,— и мне больно, что это стало достоянием людей: он заслуживал иного мнения о себе. Стало быть, завещал все какому-то совершенно чужому, ни словечка о брате, сестре, о долге Папе, который равен 20 000, даже больше. Отец терзается, мы все истерзались; главное, такой глупый конец, а во-вторых,— такая неблагодарность. Впрочем, Изабелла напишет Тебе подробнее; кажется, существуют какие-то оговорки в отношении задолженности. Ох, никогда мы не ожидали ничего подобного: настолько, казалось, был привязан к нам, как ребенок, и — хоть бы вспомнил.

Adieu, мой дорогой, сердечно обнимаю Тебя. Мой мальчик здоров. Как дела у Мери? Говорят, он женится; мне сказал Леводкий, что [неразборчиво] очень давно ничего от него не получали. Adieu, будь здоров.

Преданнейшая

Л. Е.

[Приписка Изабеллы Шопен:]

Уже Папа и Людвика написали, а вот и я, пользуясь свободным местом, — хотя формат и неудобный, — пишу моему братцу, которого люблю больше жизни. И как его не любить. Все Тебя любят; но я, люблю Тебя не потому только, что ты есть на свете [...]. Я по-настоящему счастлива, что у меня такие брат и сестра; по одному, но очень уж стоящие. Жалею, неизменно жалею, что Ты не знаешь сейчас Людвигу, как женщину, уже наделенную определенной функцией в обществе, то есть жены и матери; Твоя привязанность к ней несомненно увеличилась бы, ибо трудно знать ее и не любить с каждым днем крепче, не ценить ее душу!

Пани Л. спрашивала меня: «не получил ли пан Фри[дерик] письма из Кракова, а второго из Зальцбрунна, и если панна Дюма жива (ибо мы вынуждены в этом сомневаться, — уже четыре месяца она не подает признака жизни), — то пусть зайдет к братьям Малё⁵ и хотя бы сообщит нам, что была у них», — я в точности передаю эти слова.

Спасибо Тебе за cadeau*, который едет ко мне; я очень благодарна Тебе за память. В будущем месяце, не знаю еще какого числа, переселюсь аж на Электоральную улицу, так далеко от Родителей...⁶

¹ Речь, вероятно, идет о рецензии на Вальс Es-dur op. 18 Шопена, появившейся в № 32 «Gazette Musicale de Paris», 1834, 10 août.

² В 1832—1834 гг. царское посольство в Париже неоднократно помещало в газетах сообщение о том, что русские подданные, выехавшие за границу до 1831 г. и не принимавшие участия в восстании, должны явиться в посольство: либо для получения разрешения вернуться на родину, либо для продления своего паспорта; в противном случае, они будут отнесены к числу эмигрантов, что повлечет за собой конфискацию имуще-

* Подарок (франц.).

ства. Как известно, Ф. Шопен не последовал советам отца и остался в Париже в качестве эмигранта.

³ В августе 1834 г. Михал Скарбек покончил с собой, завещав все свое достояние никому не известному молодому человеку и не вернув своему воспитателю, Миколаю Шопену, взятые у него взаймы 20 000 польских złotych.

⁴ Люция Волицкая в 1834 г. находилась со своим отцом в Париже, где встречалась с Ф. Шопеном.

⁵ Имеется в виду банкирский дом братьев Марлэ в Париже.

⁶ Речь идет о свадьбе Изабеллы Шопен с Антонием Барциньским: она состоялась 8 ноября 1834 г.

162. ЮЗЕФ ЭЛЬСНЕР — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, 14 сентября 1834

Варшава, сего 14 сентября 1834

Дорогой Друг!

Все, что я читаю, что слышу о нашем любимом Фридерике, преисполняет мое сердце радостью, но, прости за мою откровенность, — для меня всего этого недостаточно, для меня, который имел мало заслуг, но большое счастье быть Твоим учителем гармонии и контрапункта, который всегда останется Твоим подлинным другом и почитателем. Странствуя еще *in hac lachrymarum valle**, я хотел бы дожидаться оперы Твоего сочинения, — не только для умножения Твоей славы, но также и ради той пользы, которую Твоя композиция могла бы принести музыкальному искусству в целом, в особенности, если сюжет твоей оперы будет взят из истории подлинно польской†.

Не буду многословным, — во-первых, ты знаешь меня, — я не умею льстить, а, во-вторых, знаю (помимо Твоего Гения) особенности Твоего таланта, отмеченные критиком Твоих *Мазурок*. Только в опере предстанут они миру в истинном свете и обретут бессмертие. *Ein Thonstück auf dem Clavier (sagt Urban) verhält sich gegen ein solches für dem Gesang, oder andere Instrumente wie der Kupferstich zu dem Gemälde***.

Это мнение всегда останется верным, хотя некоторые фортепианные сочинения, — а в особенности Твои, — в Твоем исполнении, могут рассматриваться как гравюра, исполненная в цвете.

Жаль, что не могу повидаться с Тобой, что мы не можем побеседовать друг с другом — много, очень много хотел бы еще сказать. И, наконец, — чтобы я мог лично поблагодарить за твой дар², для меня вдвойне ценный — мне бы хотелось сейчас быть птицей, чтобы увидеть Тебя в Твоей олимпийской квартире, — которую парижане называют ласточкиным гнездом — и я думаю, это верно, ибо они любят Тебя, как мы. Будь здоров и люби меня, как я Тебя. Я же всегда есть и буду

Твоим подлинным и расп[оложенным к Тебе] другом

Юзеф Эльснер

* В этой юдоли слез (лат.).

** Пьеса для фортепиано (говорит Урбан), по отношению к таковой для пения или других инструментов, является тем же, что гравюра на меди по отношению к живописи (нем.).

¹ Говоря о «подлинно польской истории», Ю. Эльснер, вероятно, имеет в виду события 1830—1831 гг.

² Речь идет о портрете Ф. Шопена, выпущенном парижской литографией Готфрида Энгельмана по портрету Пьера Роша Виньерона. Эта литография (1833) стала одним из самых популярных изображений Шопена. На литографии Шопен написал следующую дарственную надпись: «Дорогому Пану Эльснеру/преданный ученик Ф. Ф. Шопен./Париж 1834».

163. ФРИДРИХ КАЛЬКБРЕННЕР — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 28 сентября 1834

Мой дорогой Шопен.

Мы почти совсем не видимся — бесчисленные развлечения и удовольствия Парижа заставляют вас забывать старых друзей. Приходите-ка к нам завтра обедать, вы увидите Листа и нескольких других друзей, которые будут, так же как и мы, очень рады повидаться с вами. Addio.

Фрид. Калькбреннер.

Воскресенье утром, сего 28 сент[ября]

Адрес: «Monsieur Chopin, N 5, rue de la Chaussée d'Antin Paris».

164. ФРАНЦ ЛИСТ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 1834

All amico Chopino *.

Caro Chopino **.

Мне физически, морально и абсолютно невозможно выйти сегодня утром из дому. Сходи к Нурри, которого я уже вчера предупредил, и извинись за меня перед ними.

Addio, caro ***!

Ф. Л.

165. ЯН МАТУШИНЬСКИЙ — РОДСТВЕННИКАМ В ПОЛЬШУ

Париж, 1834

[...] Моим первым делом было пойти к Шопену. Я не в состоянии передать Тебе, как мы были счастливы встретиться после пятилетней разлуки. Он пополнил, вырос, я с трудом узнал его. Шопен — первый

* Другу Шопену (итал.).

*** Дорогой Шопен (итал.).

*** Прощай, дорогой (итал.).

художник фортепиано; он дает много уроков, и все по двадцать франков. Он много сочинил, и его произведения пользуются большой популярностью. Я живу с ним на улице *Chaussée d'Antin*, № 5. Это довольно далеко от *l'Ecole de Médecine* и от больницы, но у меня есть веские основания, чтобы быть вместе с ним — он для меня все. По вечерам мы ходим в театр или в гости, а если нет — сидим дома [...].

Отрывок. *Correspondance de Frédéric Chopin*, vol. 2, p. 130—131.

166. ГЕКТОР БЕРЛИОЗ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, вероятно, 1834

Мой дорогой Шопен.

Извинитесь за меня перед Листом и перед этими господами; я не смогу присутствовать сегодня на вашем обеде; у меня слишком много работы.

Я надеюсь увидеть Вас, так же как и Листа, послезавтра утром.

Искренне Ваш

Гектор Берлиоз.

167. МИКОЛАЙ ШОПЕН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, 24 ноября 1834

Мое дорогое дитя.

Я не знаю, что и думать о тебе. Прошло уже больше двух недель с тех пор, как мы должны были получить твое письмо, и мы крайне обеспокоены, тем более, что ты не сообщал нам ни о какой поездке или ином препятствии, которое могло бы помешать тебе написать в срок. Подумай, мой добрый друг, насколько твоя мать и я сейчас одиноки; твои сестры вышли замуж, и пусть они живут в том же городе, но они уже не с нами, хотя мы и видим их почти каждый день — наш дом опустел. Так что ты можешь себе представить, как много мы думаем о тебе и как интересуют нас сообщения о твоём здоровье.

Признаюсь тебе, что я буду крайне беспокоиться до тех пор, пока не получу письма. Заклинаю тебя, мое дорогое дитя, не заставляй нас долго ждать, это слишком тягостно в нашем возрасте и для сердец, которые так нежно любят тебя. Если у тебя порою нет времени взять в руки перо, подле тебя есть хороший друг¹, поручи же ему написать, а сам лишь подпиши письмо: и что бы с тобой ни случилось, какую бы потерю ты ни понес, ничего не скрывай от нас, ибо твое молчание совершенно лишает нас спокойствия.

Мы много думали о тебе в день свадьбы Изабеллы, — как нам хотелось бы видеть тебя среди нас. Именно в этот день истекал срок, необходимый тебе для ответа на наше последнее письмо. С этого дня мы с нетерпением ожидали каждую почту, но тщетно.

Кончаю и обнимаю тебя от всего сердца. Твоя мать прижимает тебя к своей груди.

Ш.

Вчера я встретил Леду, он передает тебе приветы. Кстати, обнимаю Яся, передай ему тысячу приветов от меня; не щади его, пусть пишет, когда у тебя нет времени; я полагаю, что он с радостью возьмет на себя это поручение, а если, к несчастью, болезнь будет причиной молчания, я заклинаю его не покидать тебя ни на миг. Посылаю также приветы Гофману, твоему славному соседу.

Почтовые штемпеля: «Warszawa 24 XI»; «Berlin 27 XI» и «[Paris] 4 déc. 1834».

¹ Ян Матушиньский.

168. ОГУСТ ФРАНКОММ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 1834

Очень, очень, очень спешное.

Любезный друг.

Абсолютно необходимо, чтобы ты зашел сегодня к дамам Форэ, которых ты застанешь весь день, до 6 ч[асов], в гостинице de Boulogne, rue Poissonnière.

М-ль Адель считает, что ты не хочешь давать ей уроков, и они поговаривают о немедленном возвращении в Тур; а поскольку целью их путешествия был исключительно ты, — не захочешь же ты причинить им столь жестокую обиду и лишить того, который тебя любит, счастья увидеть в условленный срок эту славную семью.

Я рассчитываю на твою дружбу, как ты можешь рассчитывать на дружбу твоего

Огюста Франкомма.

Вторник. 7 часов утра

Адрес: «Monsieur/Monsieur Frédéric Chopin/Rue du Mont-Blanc, 5, Paris».

169. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Париж, 1834

Прошу Тебя, перепиши мне, если можешь, *Прел[юдию] As¹*, как как я хотел бы дать ее Пертюи. Он уезжает завтра, а ты когда? Если хочешь меня видеть, то сегодня около 8—9.

Написано на визитной карточке с адресом: «38, rue de la Chaussée d'Antin».

¹ Прелюдия As-dur, не вошедшая в цикл оп. 28, датирована 10 июля 1834 г. и посвящена: «À mon ami Pierre Wolff» — «Моему другу Пьеру Вольфу»; найдена и опубликована в 1918 г.

170. МИКОЛАЙ ШОПЕН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, 9 февраля 1835

Я не писал тебе, мое дорогое дитя, так как знал, что Бар[цциньские] сообщили тебе новости о нас. Твое последнее письмо, которое мы неделю назад читали всей семьей (а надо тебе знать, что по праздникам и по воскресеньям мы собираемся все вместе) — итак, твоё последнее письмо доставило нам радость, которую ты легко можешь себе представить, зная, как мы любим тебя.

Газетная вырезка, присланная тобой, очень лестна — и у нас достаточно самолюбия, чтобы поверить, что в ней нет ни капли преувеличения; таким образом ты можешь надеяться, что если дашь концерт, у тебя будет много слушателей. Я очень благодарен твоему доброму другу, которого очень люблю и уважаю за то, что он иногда удерживает тебя по вечерам дома; по крайней мере, это для тебя минутка отдыха после работы.

Однако я вижу из твоего письма, что ты жалуешься на своих издателей; я знаю тебя: они используют твоё доверие, они знают, что ты не умеешь отказать, а коль скоро им удалось заручиться твоим словом, они мучают тебя, так как им выгодно покупать твои сочинения за бесценок, а у тебя недостаточно твердости, чтобы торговаться. Я полагаю, что лучший способ не зависеть от их милостей, это — не вступая ни в какие соглашения, прежде чем твоя рукопись не будет исправлена и начисто переписана, сыграть им отрывки, для возбуждения их алчности — тем более, что они будут опасаться, не отправишь ли ты свои произведения в Лейпциг, где их ждут, как мне сказал твой приятель, который писал тебе об этом; видно, немцам нравятся твои композиции; сказать по правде, лишь ты один даешь им работу и нечто новое; достаточно на эту тему, добавлю только, что я был поистине удивлен твоим восторгом по поводу того, что я играю на скрипке, а твой карапуз-племянник отбивает такт; тебе отлично известно, что это всего лишь возврат к старым временам, когда я играл тебе на флейте, которую ты мне испортил после того, как я ее дал тебе в качестве игрушки.

Но оставим это; как твои дела? Верно, как всегда у тебя много пивок¹⁾ Я полагаю, что у тебя нет в них недостатка, но помни и о моем вечном припеве — копейчку на черный день; мне кажется, что

ты бы хорошо сделал, если бы каждый месяц откладывал кое-что из своих сбережений у гг. Эйхталь, этих славных людей, о которых ты нам пишешь столько хорошего. Незаметно у тебя собрался бы некий фонд, а к тому же, не имея ничего при себе, ты легко мог бы отказывать; тут твоя единственная возможность для этого, и если ты не воспользуешься ею, мое дорогое дитя, ты будешь и дальше жить со дня на день, а человек не вечно остается молодым.

Кстати, я видел Длугоша и мы говорили о его инструменте, что ты об этом думаешь? Есть ли что-нибудь подобное у парижских фабрикантов фортепиано? Сообщи мне свое мнение, ибо только ты хорошо его знаешь и умеешь им пользоваться; было бы совсем нетрудно заказать такой инструмент и летом переслать его. У Барцзиньского есть корреспонденты в Дандиге и Гамбурге, — а у тех, в свою очередь, в Гавре и Париже. Эта мысль пришла мне и Новаковскому. Новинка всегда по вкусу, но надо, чтобы она принесла и какой-то доход. Я лишь опасаясь, чтобы это не слишком привлекло любопытных и не отняло у тебя много времени.

Что касается нас, то скажу тебе, мой добрый друг, что мы, слава богу, чувствуем себя достаточно хорошо для нашего возраста. У меня все еще несколько мальчуганов, которые часто выводят меня из терпения, но что поделаешь? Надо жить и работать, это предназначение человека, и того, кто не имел возможности в молодости что-нибудь отложить, конечно, нельзя упрекнуть, однако ему приходится владеть свою ношу. — Счастливы еще тот, у кого есть дети (как есть они у нас), на которых можно радоваться. Я еще не знаю, как мы проведем вакации, позже я напишу тебе об этом, а пока от всего сердца обнимаю тебя, и твоя добрая мать также.

Передай твоему доброму другу, что я благодарен ему за добрую память и за труд, который он взял на себя, написав нам. История с табакеркой не удивила ни нас, ни Эльснера, которому мы ее рассказали; эта особа чересчур известна — это достойный сын своей нации, который не заботится ни о чем, за исключением денег. Анекдот из Кайен нас крайне позабавил, он очень остроумно рассказан. Ты ничего не пишешь нам о Мориоль², потерял ли ты их из вида? Это нехорошо с твоей стороны, они желали тебе добра.

[Приписка Людвики Енджеевич:]

Мой дражайший Фрыц.

Из папиного письма ты можешь догадаться, что он здоров и по временам у него бывает хорошее настроение; стоит подумать о Тебе, как светлеет его лицо, утомленное от возни с воспитанниками; они, слава богу, имеются, но их лень, шалости, их неотвязные приятели, — всего этого в избытке, что не может веселить наших Родителей. По крайней мере, они здоровы, и мне кажется, что ты не нашел бы их изменившимися. Я откровенно признаюсь, — Ты задел самолюбие Папы, удивившись тому, что он играет на скрипке; это проскальзывает в его письме, и он не только просил нас упрекнуть Тебя за Твое удивление, но и сам не сумел удержаться, чтобы не высказать свое огорчение. Порой посмеемся, хотя и редко. Хотелось бы, чтобы Ты был свидетелем наших концертов, в кото-

рых приму на фортепиано играет Живный, иногда импровизируя веселые танцы; затем Папа — первая скрипка, Бар[ц]иньский — вторая, Бабушка напевает, малыш головкой и рукой отбивает такт, вторя *Мальбрука*³ на терцию ниже. [...]

Рецензии прекрасны; когда сюда приходят лейпцигские издания нот, видно, как Тебя раскупают. Твою *Мазурку*⁴, ту, что в третьей части Бамбумбум (nb, мне кажется, она тут производит фурор, особенно исполняемая в театре «Rozmaitości» всем оркестром), играли у Замойских на балу весь вечер, и Бар[ц]иньский, который слышал ее там собственными ушами, говорит, что все необыкновенно рады ее танцевать. Как Ты относишься к тому, что Тебя так профанируют; ведь эта мазурка, собственно, больше для слушания. Когда на балу у Замойских многие дамы выразили желание иметь эту *Мазурку*, Тымковский взял ее у оркестра и передал Клуковскому⁵, чтобы он перепечатал ее, и теперь ее можно услышать повсюду; она — *favorit* *. Что Ты скажешь на то, что я однажды вечером, будучи у четы Лебрен, вынуждена была Тебя профанировать. [Приписка:] А рггггг, Ты, по-видимому, еще не приглашал п[ана] Петра на обед, ибо ничего не написал нам о нем, а намерение было красивое, в правильном духе. [Продолжение письма:] Они спрашивали меня, не играю ли я Твою замечательную *Мазурку*, и будучи мысленно с Тобой, живо представляя, как Ты машешь лапками от неудовольствия (ибо мне кажется, что Ты написал ее для слушания), я играла ее для танцующих при их общем одобрении. Мой дорогой, скажи мне и напиши, в глубине души писал ли Ты ее для танцев; возможно, мы Тебя плохо поняли — это та, что Ты прислал еще тогда, когда Мери был здесь. Что он подделывает? Клянись ему от нас. [...] П[ан] Фри[дерик Скарбек] вечно один, любит читать Твои письма или слушать их и называет Тебя счастливым. Вельц женится на панне Хелмицкой, отец которой живет еще дальше, чем Костусь Луси. Панна молода и красива. Свадьба 18-го [текущего] месяца, как раз в тот день, когда нашему бутузу исполнится полтора года. [...]

Всякий раз, когда я думаю о Тебе, то злюсь, что только так мы и можем разговаривать с Тобой! Не могу себе представить, что будет, когда мы свидимся — это будет как самый сильный приступ безумия, больше чем самая невероятная радость. Лишь бы дождаться этого! [...] А как же приняла Матушка присланные Тобой подарки? Мамино кольцо прелестное; мы объяснили ей, что бриллиант — это Ты, а мы обе — по бокам.

Сейчас играют в вист: Папа, Жи[вный], Бар[ц]иньский и Ен[джевич]. — Мат[ушиньскому] передай привет; пусть не забывает использовать свое время и возможности для того, чтобы по возвращении отличаться от здешних коновалов. Не буду писать на другой стороне, чтобы оставить место Изабелле. Будь здоров, люби нас и будь счастлив! Муж обнимает Тебя от всей души, от сердца.

[Вторая половина листа, с письмом Изабеллы, отрезана.]

¹ Шопен славился своей щедрой помощью польским эмигрантам (к тому же, к этому времени его материальное положение в Париже, благодаря его обширной педагогической деятельности, упрочилось).

* Излюбленная (франц.).

² В семье Мориоль давно знали Шопена. В одном из писем ему (вероятно, 1834 г.) Александрина де Мориоль писала: «Для гения, который обрел свое величие, мы сохраним ту же дружбу, которую питали к семилетнему виртуозу».

³ Имеется в виду французская песенка XVIII века, известная в то время и в Польше — «Мальбрук в поход собрался»; ее героем был английский генерал Джон Черчилл Мальборо.

⁴ Мазурка B-dur op. 17 № 1.

⁵ Эта мазурка сразу была напечатана у Клуковского под названием: «Ulubiony Mazur skomponowany na fortepian. Grywany w Teatrze Rozmaitości i na wieczorach Tanecznych w Obydwu Ressursach w Warszawie w Składzie Ignacego Klukowskiego s. s» [Op. 7, N 1].

171. ЮЗЕФ БЕМ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 27 февраля 1835

Париж, сего 27 февраля 1835

Дорогой Шопенчик!

Вчера Твой портрет был у княгини Чарторыской, где было много народу. Очень понравился. А нашему Куровскому для начала его работы Княгиня первая даст себя написать.

Но по причине того, что Твой портрет необходимо сначала окантовать, прежде чем доверить его чужим рукам, — ибо даже вчера его чуть не повалили, — сегодня я возвращаю его Тебе, но буду просить Тебя разрешить то же самое, как только он будет окантован, так как Княгиня хочет показать его при дворе.

Сердечно Тебя обнимаю

Ю. Бем.

172. ТЕРЕЗА ВОДЗИНЬСКАЯ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Женева, 28 февраля 1835

28 февраля 1835, Женева

Милостивый Пан Фридерик!

Позволь мне напомнить о себе. Фелюсь и Марыня уже обращались к Тебе, я же, сберегая Твое драгоценное время и получая от них милые известия о Тебе, ничего не писала. Но сегодня, имея через нашего п[ана] Даровского столь удачную оказию, обращаюсь к Тебе с просьбой известить нас о себе и своих, ибо, вероятно, часто получаешь весточки с родины. Что поделявают Твои родители? Сестры? Дзевановский, будучи здесь прошлым летом, сообщил нам некоторые подробности о них. Не ждет ли нас радость увидеть здесь п[ана] Фридерика? Сама не знаю, сколько я тут еще пробуду, однако полагаю, что прежде чем покинуть эти края, я посетую Париж, и в нем тех лиц, которые меня интересуют.

Прости меня, Любезный пан Фридерик, но я попрошу Тебя собрать какие-нибудь автографы известных лиц, с которыми Ты (*comme de raison*)*

* Само собой разумеется (франц.).

знаком. Поляк, француз, немец и т. д. все равно, хотя бы, как говорят в наших краях, бородатый еврей, лишь бы стоял того, — собери и перешли, а я буду Тебе несказанно благодарна¹; но превыше всего сохрани нам свою дружбу, — нашей же Ты давно обладаешь.

Водзиньская.

Адрес: «Monsieur Monsieur Frédéric Chopin /à Paris/ Chaussée d'Antin № 5».

¹ Стоит отметить, что все без исключения письма Терезы Водзиньской неизменно заключают в себе деловой момент заинтересованности и связаны с какой-либо ее просьбой к Ф. Шопену.

173. АСТОЛЬФ ДЕ КЮСТИН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 4 марта 1835

Дорогой Шопинэ.

Однажды вы обещали мне день; и я бы очень хотел, чтобы вы пришли ко мне на обед в шесть часов, через неделю, считая с завтрашнего дня, то есть в первый четверг великого поста. В этот вечер я буду читать отрывки из моего путешествия Виктору Гюго и Ламартину; соберется еще несколько человек, всего десять или двенадцать, и если вы хотите меня послушать, при условии, что в конце вечера и я смогу услышать вас, — я буду очень счастлив, ибо я не могу утешиться, не видя вас, беспрестанно думаю о вас, а между тем никогда вас не слышу.

Это чтение, возможно, заинтересует вас меньше первого: однако это интересный сюжет — я отыскал в Берлине дипломатическую переписку моего отца, 1792 года, и в связи с этим рассказываю о его смерти, а также о некоторых поразительных страницах жизни моей матери. Я надеюсь, ничто не помешает вам оказаться в этой дружеской аудитории; вам, принадлежащему к числу любимых друзей, что я прошу отметить.

Прощайте, передайте мне свое «да» или «нет», однако, чтобы я знал, на что рассчитывать.

Тысяча приветов из тех, которые предназначаются для друзей, которых любишь.

А. де Кюстин.

Среда вечером

174. ЙОЗЕФА ТУН-ХОХЕНШТЕЙН¹ — ФРИДРИХУ ТУН-ХОХЕНШТЕЙНУ В ПАРИЖ

Ницца, 8 марта 1835

Ницца, 8 марта 1835

[...] О, если бы с нами здесь были Шопен и Паэр! Но Шопен — только в том случае, если бы и Ты приехал с ним. Когда приедешь, Ты должен непременно рассказать нам о шопеновских уроках; Ты должен

особенно учиться у него исполнению его *Мазурок*; мне кажется, что ~~из~~ надо играть по его методе [...].

Отрывок. Kański J. Niedokończony festiwal i czeskie Chopiniana.— «Ruch Muzyczny», 1968, N 20, s. 16.

¹ В октябре 1834 г. граф Франц Тун-Хохенштейн со своей семьей приехал в Париж. Вскоре они познакомились с Ф. Шопеном. Йозеф Александр фон Хельферт (семейный хроникер Тунов) писал об этом: «За обедом у г-на Альбрехта, бывшего секретаря саксонского посольства, они познакомились с Шопеном, личность которого произвела на них настолько же благоприятное впечатление, сколь восхитила их его игра» (Procházka J. Chopin und Böhmen, S. 118). Отношения их быстро превратились в дружеские, и дети Тунов стали брать у Шопена уроки музыки.

У Шопена занимались: старший сын, тезка и ровесник Шопена, Фридрих Тун (Фриц), младшая дочь, Йозефа Тун (Южа), испытывавшая глубокое преклонение перед личностью своего учителя и его искусством. Особенно близко сошелся Шопен с Леопольдом Туном (Лео), любимым учеником В. Ганки (был ему рекомендован А. Мицкевичем) и В. Я. Томашка, впоследствии видным чешским общественным деятелем и публицистом. Ученицей Шопена была и старшая дочь Анна Мария Тун, занимавшаяся также в Париже пением у Ф. Паэра.

В ноябре 1834 г. семья Тун-Хохенштейн поехала на юг — в Ниццу и Италию. До апреля 1835 г. в Париже оставались лишь Леопольд и Фридрих Туны.

Шопен и в дальнейшем продолжал следить за музыкальным развитием своих учениц, посылал им ноты. В архиве венского Общества друзей музыки сохранился листок с записанным рукой Шопена заданием своим ученицам: «H. Herz: La dernière pensée de Veber. Variation en la b min. — Csse Juža. — Beethoven. Sonate en ut mineur — Csse Anna (Andante et le Scherzo)».

175. ЛЕОПОЛЬД ТУН-ХОХЕНШТЕЙН — ЛУИ КЛЕЙНВЕХТЕРУ ИЛИ КАРЛУ ХЕЛЬМИНГЕРУ- МЛАДШЕМУ В ПРАГУ

Париж, 28 марта 1835

Париж, сего 28 марта 1835

Любезный друг!

Я вручаю это письмо одному из тех немногих людей, благодаря которым у меня навсегда останутся самые приятные воспоминания о моем пребывании в Париже. Г-н Шопен, поляк, который находится здесь со времени Революции, является в отношении техники игры (будучи его другом, я хочу выразиться сдержанно) — одним из первых художников фортепиано в этом городе; и все же в пальцах заключена лишь ничтожная часть его дарования. Вам было бы лучше узнать самому из его сочинений ту поэтическую душу, которая очаровывает, когда исполняются плоды его фантазии; поэтому я ничего больше не скажу о нем, за исключением того, что я нашел в нем сердечного человека, который чтит в музыке Искусство; и поэтому он не подчиняется рабски мнению толпы, но стремится вести ее. В письме, вручаемом через него, мне меловко говорить о ценности личного общения с ним; однако и сказанного уже более чем

достаточно для того, чтобы ему был оказан вами дружественный прием. До сих пор я надеялся, что буду сам в Праге, когда Шопен посетит нашу родину; однако я не хочу отказать себе в том, чтобы с помощью этих строк обеспечить вам знакомство с ним на тот случай, если мне лично все же не выпадет это удовольствие.

От всего сердца

Ваш

Л. Тун.

Адрес: «Louis Kleinwächter, sämtl. Rechte Doctor/Altstadt, Lange Gasse im Ballabene'schem Hause/od[er]

Carl Helmingер jun., sämtl. Rechte Doctor/Altstadt, Seltener Gast in goldenen Baume [zu] Prag».

Procházka J. Chopin und Böhmen, S. 118—119.

Как видно из комментируемого письма, зимой 1834—1835 г. Ф. Шопен уже принял решение встретиться с родителями в Чехии, а также планировал летом 1835 г. посетить Прагу.

176. МИКОЛАЙ ШОПЕН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, 11 апреля 1835

Мое дорогое Дитя.

Я не стал дожидаться твоего письма, которое, надеюсь, придет в срок, и пишу тебе несколько слов. У нас все по-прежнему, то есть мы все чувствуем себя довольно хорошо, и я очень рад, что ты провел карнавал без недомоганий. Мое дитя, береги свое здоровье, не делай ничего за счет необходимого отдыха; я уверен, что никакие эксцессы не могут тебе повредить, ибо ты не позволяешь их себе, — я ведь достаточно хорошо тебя знаю. Твой славный друг, которого я от всего сердца обнимаю, поступает совершенно правильно, удерживая тебя дома, и ты также поступишь правильно, не перегружая себя уроками и развивая свой талант новыми сочинениями, которые будут все больше и больше знакомить с твоей методой и выделять тебя среди других композиторов. Ты еще не написал нам, закончил ли ты свой третий Концерт и издал ли первый, — мне кажется, что этот [первый] наверняка будет иметь успех, если ты его напечатаешь; первичное посвящение, полагаю, из-за интриг, отпадет — так что для кого ты его приберегаешь? Меня удивляет, что ты до сих пор не имел случая zbliżyć się do gruszek¹, вероятно, кто-нибудь препятствует тебе. Не можешь ли ты справиться с таким препятствием? Хотя ты и не придаешь этому значения, такие вещи всегда существенны для положения. —

Итак, Каль[кбреннер] едет в Вену, я очень доволен, что он узнает, какой ты там пользуешься известностью; немецкие газеты извещают, что он придет и к нам: я буду в восторге повидать его, а возможно, даже услышать. Я не [...] ² слышал г-на Лафона, ибо нога моя не ступала в театр с момента твоего последнего концерта [...] то, что там происходит, меня мало интересует. Читая описание навязанного тебе вечера [...], я по-

думал, что это поглотило твои доходы за порядочный срок, но [что поделаешь], когда сваливаются на голову; приходится делать хорошую мину, и я благодарен тебе, ибо это вызывает толки, которые расходятся широко — и когда с одной какой-нибудь стороны являешься одним из первых, то нельзя, чего бы это ни стоило, показать себя иначе с другой.

Твои сестры пишут тебе; полагаю, что они счастливы, и дай бог, чтобы так было всегда. Они говорят тебе о малыше; мне в самом деле, еще никогда не приходилось видеть ребенка, трепещущего, как он, при виде скрипки, и когда он получает ее, то потом невозможно взять ее обратно без страшных криков; среди моих пансионеров он выделяет и ласкает тех, что играют на этом инструменте.

Кстати, мы еще не отказались от наших планов поехать на [воды], однако мои занятия и роды Людвики не позволяют нам, если мы и получим разрешение, выехать раньше последних дней июля месяца³. А что ты собираешься делать до этого времени, в какие края направишься? Передай врачу Потоцкого, чтобы он написал своей матери; родные Яся здоровы; Альфонс вернулся из Берлина, похоже, что он останется здесь. Дворачек обнимает тебя. Отец Люси и она сама поживают очень хорошо. Явурек, Эльснер, Живный передают тебе привет, а мы обнимаем тебя от всего сердца.

Адрес: «Monsieur Monsieur Frédéric Chopin /à Paris/ Chaussée d'Antin, № 5». Почтовые штемпеля: «Warszawa 11.4»; «Berlin 14.4» и «Paris, 21 avril».

¹ «...Приблизиться к груше...» (польск.). Обычно эти слова толкуют как совет экономить, опираясь на французское выражение — «une poir pour la soif», буквально означающее — «иметь грушу на случай жажды». Нам однако представляется гораздо более вероятным (и согласующимся с контекстом), что тут М. Шопен намекает на Луи Филиппа, которого современные карикатуристы неизменно изображали в виде груши.

² Текст письма поврежден.

³ Паспорт был выдан Миколаю Шопену в Варшаве 15 июля 1835 г., а разрешение на выезд было им получено 30 июля.

177. ВОЙЧЕХ ЖИВНЫЙ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, 12 июня 1835

Дражайший Господин Ф. Шопен.

Желая Вам самого лучшего здоровья, имею честь переслать Вам письмо с господином Эдвардом Вольфом. Поручаю его Вашей драгоценной дружбе. Вся Ваша семья и я имели удовольствие слышать Его на его концерте¹, — а одновременно услышать *Adagio* и *Rondo* из Вашего Концерта, и это произведение у нас пробудило самые милые воспоминания о Вас. Пусть providение дарует Вам всевозможные блага.

Мы все здоровы и хотели бы еще раз повидать Вас, а пока пересылаю Вам с господином Эдвардом Вольфом самый сердечный поцелуй и вверяю себя Вашей дорогой дружбе, оставаясь Вашим верным слугой

Варш[ава], сего 12 июня 1835

Войчех Живный.

Nb, купец г-н Кирков и его сын Ежи, который был у Рейншмидта на Ваших торжественных проводах, кланяются и желают доброго здоровья.
Adieu.

Адрес: «Моему лучшему другу /Господину Фридерiku Шопену/ *par* *bonté*/ в Париж».

¹ Речь идет о концерте П. Э. Вольфа 22 апреля 1835 г. в варшавском Большом театре, на котором он исполнял Концерт e-moll, op. 11 Шопена.

178. ФИРМЕ «БРЕЙТКОПФ И ГЕРТЕЛЬ» В ЛЕЙПЦИГ

Париж, 30 июня 1835

Следуя просьбе моего друга Г-на Пробста, я предлагаю Г-дам Брейткопфу и Гертелю в Лейпциге исключительное право собственности для Германии на нижепоименованные произведения:

Фр[анков] 500	Полонез с Интродукцией для форт[епиано] с оркестром op. 22
Фр[анков] 400	Баллада для фортепиано соло op. 23
Фр[анков] 300	4 Мазурки для фортепиано соло op. 24
Фр[анков] 300	2 меланх[олических] Полонеза соло op. 26
Фр[анков] 1000	12 Этюдов соло op. 25
Фр[анков] 300	2 Ноктюрна op. 27
Фр[анков] 700	Соната в 4 руки op. 28 ¹

за означенную на полях цену, всего в сумме трех тысяч пяти-сот франков.

ФФ. Шопен..

Париж, сего 30 июня 1835

Концерт д[ля] фортепиано являетсяopusом 21.

На русском публикуется впервые. Оригинал на французском языке. Chopin na obczyźnie, s. 174.

¹ Среди известных нам произведений Ф. Шопена нет Сонаты в четыре руки; впоследствии под op. 28 были изданы Прелюдии.

179. ЭДВАРД ВОЛЬФ — ЮЗЕФУ НОВАКОВСКОМУ В ВАРШАВУ

Вена, 8 августа 1835

Вена, 8 Августа 1835

[...] Шопен тут уже известен и любим. Nb., здесь Филд, и знакомство было неизбежным. Я был, как обычно, у Граффа и играл свой Концерт¹: в это время входит Филд, — я сразу догадался, что это он, ибо

Графф предупредил меня, что его ждут с минуты на минуту. Я, разумеется, немедленно встал, но он попросил поиграть ему: конечно, я не хотел играть и извинился, ибо сначала хотел услышать его; он начал играть. Вы с Шопеном правы, он играет как начинающий; никакой беглости, никакой элегантности, преодолеть какие бы то ни было трудности он не в состоянии, словом, пианист жалкий. Однако и у него есть достоинства; размеренная немецкая игра, медленная, *ein, zwei, drei**, трели медленные, но всеми четырьмя пальцами. Он играл Концерт b^2 , играл чисто, уверенно и ровно.

Таков Филд, и не удивляйся, что он нигде не понравился. Очень ругает Париж и Италию. Шопена, Калькбреннера, Мошелеса и особенно Гуммеля — хвалит, а Герца и Листа всячески хулит. Сегодня он дает концерт в театре, а я у него сегодня обедаю. Очень любезный и славный человек. В конце он попросил меня что-либо сыграть ему. Я слегка приободрился и единым духом сыграл ему *Allegro* и *Rondo*, которые здесь написал и отдал. Ему очень понравилось, а в заключение я сыграл ему Этюды Шопена и свои *Мазурки*. Он сказал по французски: «Эта молодежь поистине дьявольская». Пассажи из *Rondo* я должен был сыграть ему несколько раз.

Я сделал несколько мазурок à la Шопен, все более причудливых [...].

Отрывок.

¹ Концерт *b-moll* op. 39 Э. П. Вольфа.

² Концерт *B-dur* Дж. Филда.

180. МИКОЛАЙ ШОПЕН — КАЛАСАНТЫ ЕНДЖЕЕВИЧУ В ВАРШАВУ

Карлсбад, 16 августа 1835

Карлсбад, сего 16 Августа

Дорогие дети!

После многих трудностей мы, наконец, благополучно добрались сюда, и случаю было угодно, чтобы, проезжая вчера по городу в поисках постоянного двора, мы увидали экипаж, готовый к отъезду. Это был экипаж г-на Данельского. Мы остановились и немедленно заняли покинутое им помещение, а они были столь добры, что познакомили нас со здешними условиями. Они прекрасно себя чувствуют и отправились в Теплиц.

Приехав сюда, мы спросили список курортников, чтобы посмотреть, нет ли там кого-нибудь из наших знакомых. Я нашел там между прочими г-на Завадского, его супругу и г-жу Гофман. Я собирался навестить их утром, но в четыре часа, когда мы еще не встали, кто-то постучал в нашу дверь. Это был г-н Завадский, который пришел нам сообщить, что еще вчера они с Фридериком нас повсюду искали¹. Вы можете легко себе представить, что я тут же оделся, и мы вместе пошли разбудить нашего славного мальчика, который, узнав из моих писем, что я собираюсь ехать

* Раз, два, три (нем.).

в Карлсбад, захотел сделать нам этот самый радостный сюрприз; бросив свои дела в Париже, он провел несколько ночей в дороге, чтобы прибыть сюда раньше нас.

Он ни капли не изменился, настолько, что кажется нам точно таким же, как в минуту своего отъезда. Сколь драгоценно для нас это внимание — вы ведь знаете наши чувства. Мы пролили слезы радости.

Я не начал еще курса лечения, доктор должен прийти сегодня утром; посмотрю, что он скажет. Не хочу пропустить почту; поэтому кончаю, обнимаю вас.

Ваша мать также обнимает вас.

III.

Адрес: «A Monsieur/Monsieur Joseph Jędrzejewicz/ à Varsovie/ Ulica Podwale, N 256/ Par Breslau». Почтовые штемпеля: «Carlsbad» и «Michalowice 23.8».

¹ Проведя начало лета у А. де Кюстина в Энгьен-ле-Бен, Ф. Шопен 1 августа 1835 г. получил в Парижской префектуре заграничный паспорт, 4 августа там же получил разрешение на выезд. Можно предполагать, что в тот же день он выехал из Парижа, и более десяти дней непрерывно находился в пути. Саксонско-австрийскую границу он пересек 15 августа в Хиршенштанде (Елени). 16 августа, в воскресенье, произошла его встреча с родителями в Карлсбаде, с которыми он вместе поселился в гостинице «У золотой розы». Эта встреча была единственной с момента его отъезда из Варшавы.

Приведем запись в карлсбадской полицейской регистрационной книге:

№ 2333 16 августа Николай Шопен с Супругой Станислав Надольский	Профессор, рожденный в Нанси во Франции, приехал из Варшавы. Слуга, приехал из Варшавы.
--	---

№ 2334 16 августа Фридерик Шопен	Профессор из Парижа во Фран- ции. [Место рождения:] Париж [!] Приехал из Парижа во Фран- ции. [Куда направляется:] Через Теплиц в Дрезден.
----------------------------------	--

проживают «У золотой розы».

Врач курорта, Жан де Карро, издававший «Almanach de Carlsbad» (1831—1856) записал: «Г-н Шопен из Парижа, профессор музыки, перво-классный пианист и композитор».

181. КАЛАСАНТЫ ЕНДЖЕЕВИЧУ В ВАРШАВУ¹

Карлсбад, 16 августа 1835

Любимые мои Дети!

Вы получаете первое письмо, написанное мной и Папой. Наша радость неопишима! Мы обнимаемся и обнимаемся — и что же можно еще? Жаль только, что мы не все вместе. Малыш чудесен!² Как бог милостив к нам! Пишу бестолково, но лучше сегодня ни о чем не думать: наслаждаться счастьем, которого мы дождались. Нынче я весь в этом.

Родители те же, все те же, только немножко постарели. Мы вместе ходим, ведем Мамочку под руку, говорим о Вас, изображаем несносных племянников, рассказываем, как часто вспоминали друг о друге. Вместе пьем и едим. Ласкаемся и покрикиваем друг на друга. Я *au comble de mon bonheur**. Те же привычки, та же манера движений, среди которых я вырос, та же самая рука, которую я так давно не целовал. Ну, Дети мои, обнимаю Вас, и простите, что я не в состоянии собраться с мыслями и писать о чем-либо ином, кроме того, насколько мы счастливы в данный момент; об этом я всегда только мечтал, — и вот оно осуществилось, это счастье, счастье и счастье.

От радости я задушу Вас вместе с зятями — самых моих любимых на этом свете.

III.

П[ану] Живному тысячу поцелуев за музыку, а п[ану] Весёловскому, который на несколько десятков миль приблизил ко мне счастье³, миллион поклонов. Пану Фрид[ерику] Скарбку ditto**.

[Приписка Миколая Шопена:]

Соблагоизвольте передать наши самые искренние приветы всем нашим знакомым. Не забудьте г-жу Лутыньскую.

¹ Настоящее письмо Ф. Шопена является припиской к письму Миколая Шопена (№ 180).

² Вероятно, речь идет о портрете Генрика, сына Енджеевичей.

³ Известно, что родители Шопена по дороге в Карлсбад заезжали к Весёловским и от их имени Стишова ехали в принадлежащей им карете. Впрочем, возможно, что благодарность Весёловским, как и Ф. Скарбку, означает, что они возместили Миколаю Шопену часть долга Михала Скарбка (Анна Весёловская была урожденной Скарбек), чем сделали возможной поездку родителей Шопена.

182. ФРАНЦ ТУН-ХОХЕНШТЕЙН — ЖЕНЕ В ТЕТЧИН

Карлсбад, 16 августа 1836

[...] И кого он¹ там встретил? Этого *Lumpacius Vagabunda*² Шопена, приехавшего сюда накануне, ибо у него тут *rendes-vous**** с его достопочтенными родителями; он намерен провести здесь некоторое время, затем вернется в Париж. [...]

Отрывок. Kański J. Op. cit., s. 16.

* На вершине блаженства (франц.).

** Тоже (лат.).

*** Свидание (франц.).

¹ Имеется в виду Фридрих (Фриц) Тун, по совету И. Мальфатти приехавший вместе с отцом для лечения в Карлсбад. Накануне Ф. Тун писал жене, что Фридрих провел середину дня у К. Перейра, где «превосходно провел время, ибо там был и музицировал друг Шопена, композитор Дессауэр». В тот же день вечером Фридрих Тун был снова вызван к Перейра, в связи с прибытием неожиданного гостя — Ф. Шопена.

² Главный герой «волшебного фарса» «Der Böse Geist Lumpaci-vagabundus...» («Злой дух Люмпацивагабундус...», 1833) И. Нестроя.

Люмпациус Вагабундус — «злой дух», всех склоняющий к безудержному веселию, беззаботности и развлечениям. В немецком языке используется для шуточного обозначения человека непоседливого, бродяги.

183. ФРАНЦ ТУН-ХОХЕНШТЕЙН — ЖЕНЕ В ТЕТЧИН

Карлсбад, 18 августа 1835

[...] Он [Шопен] передает через меня тысячу приветов своей милой ученице¹ и заверяет, что посетит нас в Тетчине. [...] ².

Отрывок. Procházka J. Chopin und Böhmen, S. 150.

¹ Йозефе (Юже) Тун-Хохенштейн.

² Переписка семьи Тун-Хохенштейнов содержит множество подробностей о пребывании Ф. Шопена в Карлсбаде, ранее неизвестных биографам композитора. Так, мы узнаем из нее, что:

17 августа — Шопен и И. Дессауэр посетили обер-бургграфа Хотека в его резиденции в доме «У золотого щита» и играли ему; в середине дня посетили местный фарфоровый завод; в тот же день состоялся музыкальный вечер у К. Перейра, где Шопен играл почти три часа.

18 августа — званый обед в зале Дружбы (присутствовали Шопен и Франц Тун-Хохенштейн).

19 августа — званый обед на четырнадцать персон в Саксонском зале (присутствуют — Шопен, Дессауэр, отец и сын Туны, К. Перейра, князь Левенштейн).

21 августа — вечер у К. Перейра, на котором играет Шопен.

22 августа — пикник в Саксонском зале.

184. ФРИДРИХ ТУН-ХОХЕНШТЕЙН — МАТЕРИ В ТЕТЧИН

Карлсбад, 25 августа 1835

[...] Он [Дессауэр] пишет нечто, предназначенное в альбом сестрам, в котором пока лишь композиция Керубини, сочиненная специально для них. Шопен уже закончил свое [сочинение]¹ и пришлет еще кое-что из Парижа, например, от Мейербергера, который ему это обещал. [...] По утрам бываю у Дессауэра, где также зачастую бывает и играет Шопен. [...] Он действительно превосходный парень, и я убежден, что он по-настоящему сердечно привязан к нам; он заранее радуется пребыванию в Тетчине, куда прибудет в любом случае, по крайней мере, на несколько дней. [...]

Отрывок. Procházka J. Chopin und Böhmen, S. 150.

¹ Это первое упоминание о так называемом «Тетчинском вальсе» Ф. Шопена, который он 15 сентября вписал в альбом сестер Тун-Хохенштейн, посвятив его Йозефе: «A Mlle la Csse J. de Thun/15 Sept. 1835/ФФ. Шопен». Впоследствии в сильно переработанном виде издан под № 1 оп. 34.

185. ФРАНЦ ТУН-ХОХЕНШТЕЙН — ЖЕНЕ В ТЕТЧИН

Карлсбад, 25 августа 1835

[...] Шопен играл поистине восхитительно. Он подхватил только что написанную и спетую Дессауэром песню и создавал на нее вариации столь восхитительно, что уже более половины одиннадцатого, а я тебе, мое сокровище, не успел еще написать ни словечка. [...]

Отрывок. Kański J. Op. cit., s. 16.

186. ТЕРЕЗА ТУН-ХОХЕНШТЕЙН — МУЖУ В КАРЛСБАД

Тетчин, 28 августа 1835

[...] Это действительно счастливый случай, что Шопен именно в этом году приехал в Карлсбад. Мы все радуемся; Южа уже на седьмом небе от счастья. [...]

Отрывок. Procházká J. Chopin und Böhmen, S. 151.

187. ФРАНЦ ТУН-ХОХЕНШТЕЙН — ЖЕНЕ В ТЕТЧИН

Карлсбад, 29 августа 1835

[...] Я предложил сегодня родителям Шопена, обратный путь которых, вероятно, лежит через Тетчин, отдохнуть у нас несколько дней с сыном. Полагаю, что эта любезность произведет впечатление и принесет плоды, приведя к нам самого дорогого для Южи¹, и задержит его у нас подольше. [...]

Отрывок. Kański J. Op. cit., s. 16.

¹ 1 сентября Т. Тун писала мужу: «Южа пишет то же самое [что тоскует по отцу]. Но она охотнее увидела бы здесь Шопена, чем тебя» (Ibidem).

188. ФРАНЦ ТУН-ХОХЕНШТЕЙН — ЖЕНЕ В ТЕТЧИН

Карлсбад, 3 сентября 1835

[...] Не похоже, чтобы юноша [Шопен] собирался надолго задержаться в Тетчине [...]. Он говорит о трехдневном пребывании там, но он, мне кажется, не очень тверд в своих намерениях, и если ему понравится, что иначе и не может быть при столь обожающей его ученице, то мне кажется, что он задержится. [...] Он проведет с родителями еще две недели, а в конце месяца намерен быть в Париже¹.

Отрывок. Procházka J. Chopin und Böhmen, S. 152.

¹ Далее в этом же письме Ф. Тун упоминает о подарке, который его семья намерена была сделать Ф. Шопену, — о нем должны были позаботиться его жена и дочери. Речь шла о каком-то изделии из чешского хрусталя.

189. ТЕРЕЗА ТУН-ХОХЕНШТЕЙН — МУЖУ В КАРЛСБАД

Тетчин, 4 сентября 1835

[...] Это уж до того хорошо и славно, что ты пригласил родителей Шопена, — я двадцать раз думала предложить тебе это, но всякий раз забывала. [...]

Отрывок. Procházka J. Chopin und Böhmen, S. 151.

190. СООБЩЕНИЕ В «TYGODNIK EMIGRACJI POLSKIEJ»

Париж, 7 сентября 1835

Нам пишут из Карлсбада, что во время пребывания там нашего талантливого земляка Шопена наши соотечественники захотели почтить его талант, устроив праздничный обед. Сначала записались около двадцати человек, однако на следующий день двенадцать из них отказались от своего участия в этом мероприятии из боязни скомпрометировать себя, проявив сочувствие к художнику, прибывшему из Парижа. Во главе этой оппозиции находится Казимир Велецкий*, который явно действовал по поручению; а также генерал Млокосевич¹, который во всеуслышание заявил, что у него в Империи имения и дети, и потому он боится есть с парижанином.

[Примечание редакции к месту обозначенному звездочкой:]

Этот Казимир околачивается во всех курортах, выведывая, сколько там поляков и с кем и как они живут².

Procházka J. Chopin und Böhmen, S. 137. Это сообщение было помещено в «Еженедельнике польской эмиграции», выходившем в Парнже, в номере от 7 сентября 1835 г.

¹ Ф. Млокосевич находился в Карлсбаде с женой, сыновьями и дочерью Анной. Последней перед отъездом из Карлсбада Шопен посвятил Мазурку C-dur (op. 67 № 1): «A M-II Młokosiewicz».

² Карлсбад был местом встреч поляков из разных частей Польши, а также и польских эмигрантов, и потому привлекал пристальное внимание как русской, так и австрийской полиции.

191. МИКОЛАЙ ШОПЕН — Ф. ШОПЕНУ В ДРЕЗДЕН

Румбург, 14 сентября 1835

Мы остановились в шесть [часов] и останемся тут на ночь, ибо следующий перегон двойной и станет темно, как в печке; дорога, говорят, тоже местами неприятная, а так как льет, все черно. Не хотим рисковать жизнью.

Мы успокоились, и слезы разлуки осушает надежда, что бог позволит нам еще вкусить радость встречи. Мы спокойны, зная, что ты любим, и у тебя есть друзья. С радостью узнаем из Твоего письма, которого ждем из Лейпцига, как ты проводишь время с тех пор, как мы расстались. —

Прощай, мы обнимаем тебя от всего сердца. Сблаговолит передать наше почтение г-ну Графу и г-же Графине¹ и всей их любезной семье, присоединяя нашу искреннюю благодарность.

Ш.

Сего 14 сентября

Твоя мать поручает тебе извиниться за нее перед г-жой Графиней за то, что она не смогла проститься и поблагодарить ее. Она также просит тебя не волноваться и думать о себе. Возможно, ты получишь от нас известия из Бреслау, до востребования, в Дрездене².

¹ Супругам Тун-Хохенштейн.

² Пробыв с родителями в Карлсбаде 23 дня, Ф. Шопен вместе с ними 6 сентября 1835 г. выехал из Карлсбада в Теплиц, куда они прибыли в тот же день (в это время в Теплице находились также И. Дессауэр и К. Перейра).

13 сентября Шопены покинули Теплиц и к вечеру приехали в Тетчин, где родители Шопена провели только одну ночь. На следующий день после обеда они регулярной почтовой каретой выехали в направлении Герлиц-Вроцлав. Заночевали в Румбурге.

В замке Тунов Ф. Шопен навсегда простился со своими родителями (сведений о том, в какой комнате жил Шопен, на каком из имеющихся в замке фортепиано он играл, и существовали ли другие реликвии, кроме упоминавшегося автографа «Тетчинского вальса», — не сохранилось).

В Тетчине он прогостил еще несколько дней. 19 сентября в сопровождении Фридриха Туна он выехал в Дрезден, куда они прибыли в тот же день и остановились в гостинице «Город Гота». 20 сентября «Dresdener Anzeiger» извещал, в рубрике о прибывших: «г-н граф Тун-Хохенштейн из Тетчина; г-н Шопен, профессор из Парижа».

192. ТЕРЕЗА ТУН-ХОХЕНШТЕЙН — МАТЕРИ¹ В ДРЕЗДЕН

Тетчин, 15 сентября 1835

[...] Супруга Хотека вообще не приехала, а вместо них позавчера приехал молодой и знаменитый пианист Шопен, учитель фортепианной игры наших детей в Париже, вместе со своими родителями. Он поляк. Его бедные родители, живущие в Варшаве, где его отец — учитель французского языка, были с ним в Карлсбаде, и Франц, встретив их, пригласил остановиться у нас, поскольку их сын собирался нас навестить, а их кратчайший путь пролегал через эти места.

Они уехали вчера после обеда. Самое хорошее впечатление произвела на меня бедная мать; во время всего обеда она еле сдерживала слезы, а сын был тоже настолько расстроен, что провел весь остаток дня в своей комнате, не будучи в состоянии выйти к нам. Как хорошо я могу понять обонх. [...] ².

Отрывок. Procházka J. Снопин und Böhmen, S. 156.

¹ Мария Анна Брюль-Шафготш.

² Княжна Анна Тун записала в своем дневнике о пребывании Шопена в Тетчине (запись от 26 сентября 1835): «...Я пережила много счастливых часов во время визита Шопена. Он поистине очаровал нас своей великолепной, подлинно чудесной игрой на фортепиано и своей богатейшей фантазией. Он пробыл здесь пять дней. В первый день он был довольно молчалив, будучи крайне опечален отъездом своих родителей, которые отсюда отправились домой, в Варшаву; именно это понравилось нам, и мы находили вполне естественным его желание остаться наедине со своим горем. В последующие дни он возместил нам это, и мы без конца заслушивались его игрой. Невозможно исполнять эти пальцеломные композиции с большей легкостью, с большим чувством, и с более мощным forte, чем это делает он. Подлинное наслаждение внимать его импровизациям. Он предлагает задавать ему всевозможные темы, а затем играет, случается и полчаса, с такою легкостью, как будто для этого не требуется никакого искусства. Каким же прославленным суждено стать имени Шопена, если уже теперь все художники ставят его столь высоко. К тому же Шопен несказанно милый, скромный и веселый человек. Он вызывал у нас громкий смех своим поразительным талантом имитатора, — когда он изображал англичанина, говорящего на ломаном французском языке. Когда он играл, мы все в восхищении окружали фортепиано и в радостном возбуждении взирали друг на друга, — я бы сказала, очарованные его дивным искусством» (Procházka J. Chopin und Böhmen, S. 162).

Контакты Шопена с семьей Тун не прервались на этом. Так, в будущем, 1836 г. Тереза Тун-Хохенштейн приглашала Шопена вновь посетить их замок, а также просила приобрести для них фортепиано от Плейеля (соответствующее письмо сохранилось в пересказе М. Карловича). В том же изложении сохранилось письмо Ф. Туна (от 8 мая 1845 г.) из Праги, где он рекомендует Шопену подателя письма, молодого графа Альбрехта фон Вальштейна, направлявшегося в Париж и желающего стать учеником Шопена.

193. МАРИЯ ВОДЗИНЬСКАЯ — Ф. ШОПЕНУ В. ПАРИЖ

Дрезден¹, 4—5 октября 1835

Хоть вы не любите ни получать, ни писать писем, я все же хочу воспользоваться отъездом г-на Циховского, чтобы сообщить вам, что произошло в Дрездене со времени вашего отъезда.

Итак, я снова буду вам надоедать (но теперь уже не игрой). В субботу, когда вы нас покинули, все бродило грустные, с глазами, полными слез, по той гостинной, где всего несколько минут назад вы еще были среди нас. Вскоре вернулся отец и сокрушался, что не смог с вами проститься. Моя мать в слезах каждую минуту припоминала какую-нибудь подробность из жизни с нами «своего четвертого сына, Фридерика» (как она мне говорит). У Феликса был совершенно подавленный вид; Казимеж пытался, как обычно, шутить, но на сей раз это ему не удавалось, ибо он строил из себя паяца, сам чуть ли не плача. Отец подшучивал над нами и смеялся, лишь для того, чтобы не плакать. В одиннадцать часов явился учитель пения; урок прошел очень плохо, мы не могли петь. Вы были предметом всех разговоров. Феликс все время просил у меня Вальс² (последнюю вещь, которую мы получили и слышали в вашем исполнении). Мы находили в этом удовольствие: они — слушая, а я — играя его, ибо он напоминает нам брата, только что нас покинувшего. Я отнесла его в окантовку; немец сделал большие глаза, увидев всего лишь один лист (этот немец не понимал, кем он был написан). Никто не мог обедать; мы все время поглядывали на ваше обычное место за столом, а затем также и на уголок Фрыцка. Стульчик стоит на своем месте и так, верно, будет всегда, пока мы останемся в этой квартире. Вечером нас повели к тетке, чтобы избежать печали этого первого вечера, когда вас уже не было с нами. Отец пришел вслед за нами, заявив, что для него, как и для нас, невысказанно оставаться в этот день дома. Мы ощутили огромное облегчение, покидая место, которое слишком напоминало нам нашу печаль.

Мама говорит со мной только о вас и об Антосе. Когда мой брат будет в Париже, подумайте хоть немного о нем, я вас умоляю. Если бы вы знали, какого преданного друга вы имеете в нем! Друга, подобного ему, трудно найти. У Антония чудесное сердце, даже чересчур, ибо его всегда одурачивают; а так как он беззаботен до предела, то он никогда не думает ни о чем, или, по крайней мере, думает редко. Мы уже столько раз зывали к его рассудку, но полагаю, что исходя от вас, такой призыв подействует гораздо лучше. Я знаю, как он вас любит и убеждена, что ваши слова будут для него решающими. Ради бога, не будьте к нему равнодушны. Как он будет счастлив найти вдали от своей семьи дружеское сердце, которое поймет его. Больше ничего не пишу вам. Вы хорошо знаете Антония и узнаете его еще лучше. Потом вы скажете о нем, что он хочет казаться хуже, чем он есть.

Если вам чудом захочется написать: *Как поживаете?* Я здоров. У меня нет времени писать больше — прошу лишь добавить да или нет в ответ на вопрос, который я вам задаю: вы ли сочинили «Если б я сол-

нышком на небе сияла, то для тебя, мой друг, только бы блистала»³, — которую я получила несколько дней назад. Однако не осмеливаюсь ее петь, опасаясь, если это ваша, совсем исказить ее, как, напр[имер], *Воина*⁴.

Мы не перестаем сожалеть, что вы не носите имени Шопиньский⁵, либо что нет другого признака, что вы поляк, ибо благодаря этому французы могут оспаривать у нас честь именоваться вашими соотечественниками. Но я пишу слишком много, ваше же время столь ценно, что было бы настоящим преступлением отнимать его на чтение моих каракуль. Впрочем, вы их, наверняка, не станете читать до конца. Письмо маленькой Марыни отправится в угол после того, как вы прочтете несколько слов. Стало быть, у меня нет причин упрекать себя, что я краду ваше время.

С богом (совсем попросту). Для друга детства не нужно фраз. Мама вас нежно обнимает. Отец и братья обнимают самым сердечным (нет, это мало) самым-самым... уж и не знаю как сказать, — образом. Юзя, которая не смогла проститься с вами, поручает мне передать сожаления по этому поводу. Я спросила у Терезы: «Что сказать от тебя Фридерик?»⁶, а она мне ответила: «Крепко его обнять и передать от меня привет».

Да хранит вас бог!

Мария.

Р. S. Когда вы сажались в экипаж, вы забыли на фортепиано карандаш из вашего бумажника. Вам было, должно быть, очень неудобно без него в дороге; а мы его тут храним — почтительно, как реликвию. Еще раз громадное спасибо за леечку. М-лле Водзиньская пришла ко мне сегодня утром и закричала: «Сестра Мария, я знаю (сказала она мне), как произносится «Шопен» по-польски: «Шопена».

Адрес: «Monsieur Chopin /Paris/ Chaussée d'Antin N 5».

¹ После Ноябрьского восстания Винценты Водзиньский вывез свою семью за границу. С 1832 г. его жена и дети (кроме старшего сына Антония) жили в Женеве, где Тереза Водзиньская активно участвовала в жизни местной польской колонии.

Посетив в Дрездене А. Кленгеля и А. Циховского, Ф. Шопен случайно встретил приехавших туда на лето Водзиньских, у которых и стал проводить большую часть времени. Есть сведения, что во время пребывания Шопена в Дрездене принцесса Мария Луиза шесть раз писала ему, приглашая выступить при дворе, но Шопен неизменно отказывался (см.: Volkman H. Chopin in Dresden. Dresden, 1933, S. 19).

² Перед отъездом из Дрездена Ф. Шопен преподнес Марии автограф только что написанного для нее Вальса As-dur (ор. 69 № 1) с посвящением: «Pour M-lle Marie/ Dresno Sept. 1835». «В день отъезда, состоявшегося в полдень, он подарил моей сестре только что написанный для нее фаминорный (?) Вальс, — вспоминала сестра Марии Юзефа, по мужу Костельская, — который нам и сыграл перед тем, как сесть в diligencs. В этом Вальсе, одновременно пылком и сентиментальном, третья часть была написана так, что двенадцатикратное повторение звука ре-бемоль в правой руке напоминает мерный бой часов на Фрауенкирхе, а средняя часть с ритмическим crescendo, переходящим в appassionatu, передает зловеющий грохот подъехавшего к дому экипажа» (Hoesick F. Chopin, t. 2, s. 158).

³ Песня Ф. Шопена на слова С. Витвицкого «Желание» (1829; ор. 74 № 1), ставшая очень популярной в Польше сразу после своего возник-

новения. В ответ на вопрос Марии Шопен переслал ей автограф этой песни, — так, эта песня, вдохновленная чувством к К. Гладковской, обязана своей окончательной редакцией чувству к М. Водзиньской.

⁴ «Воин» — песня Ф. Шопена на слова С. Витвицкого (1830; ор. 74 № 10). Во время пребывания Шопена в Дрездене Мария спела в его присутствии эту песню; автор раскритиковал исполнение.

⁵ Французская и к тому же «неблагородная» фамилия Ф. Шопена раздражала польских аристократов; Водзиньские жалеют, что Шопен не называется «Шопиньским», а пани Весёловская непременно хотела называть его «Шопским» (см. письмо от 21 ноября 1830 г.).

194. ФРИДРИХ ВИК — ГУСТАВУ НАУЭНБУРГУ В ГАЛЛЕ

Лейпциг, конец сентября — начало октября 1835

[...] Завтра или послезавтра¹ приезжает из Дрездена Шопен, однако, по всей вероятности, он не выступит здесь с концертом, ибо он великий лодырь. Он мог бы пробыть тут несколько дольше, если бы его не отговаривали от знакомства с музыкальным Лейпцигом разные мнимые друзья, а именно — одна польская собака. Во всяком случае Мендельсон, который уже очень подружился с Шуманом и мною, будет протестовать против этого. Говорят, что Шопен будто бы заявил в Дрездене в кругу коллег, что он не верит, чтобы в Германии могла найтись женщина, которая смогла бы хорошо играть его сочинения. Посмотрим, однако, что сможет Клара! [...]

Отрывок. Hoesick F. Chopin, t. 2, s. 116—117.

¹ Ф. Шопен выехал из Дрездена в субботу 3 октября и 4 октября прибыл в Лейпциг, где посетил Ф. Мендельсона, только что назначенного капельмейстером Гевандхауза. В доме Ф. Вика Шопен встретился с Р. Шуманом и его будущей женой К. Вик. В присутствии трех учеников Ф. Вика он слушал игру К. Вик (исполнялась еще не изданная Соната fis-moll Р. Шумана, два этюда Шопена и ее собственное сочинение), потом играл сам (Ноктюрн Es-dur ор. 9 № 2 и начало одного из маршей Ф. Шуберта). О пребывании Шопена в Лейпциге Р. Шуман писал 6 октября в редактируемом им «Neue Zeitschrift für Musik»: «Тут был Шопен. Он провел лишь несколько часов в узком кругу. Он играет так же, как сочиняет, то есть и здесь он единственный в своем роде».

195. ФЕЛИКС МЕНДЕЛЬСОН-БАРТОЛЬДИ — ФАННИ ХЕНЗЕЛЬ

Лейпциг, 6 октября 1835

Лейпциг, сего 6 октября 1835

[...] В тот самый день, когда я проводил Хензелей в Делич, тут был Шопен. Он не хотел задерживаться дольше чем на один день, так что мы провели его не расставаясь, — и музицировали. Не стану скрывать от Тебя, дорогая Фанни, недавно я пришел к выводу, что Ты несправедлива в своих суждениях о нем. Возможно, в тот раз, когда Ты его слы-

шала, он не был расположен играть, что с ним, наверняка, часто случается, — меня же его игра вновь восхитила, и я убежден, что если бы Ты, а также [мой] отец прослушали какие-нибудь из его лучших вещей такими, какими он сыграл их мне, то вы сказали бы то же самое.

Его фортепианная игра содержит в себе что-то столь глубоко самобытное, и одновременно с этим в ней столько мастерства, что его по праву можно назвать совершенным виртуозом. А так как всякое совершенство дорого мне и радостно, то этот день был для меня в высшей степени приятным, хотя он ничем не походил на те дни, которые я перед этим провел с вами, с Хенделями!

Мне было весьма приятно снова общаться с настоящим музыкантом, не из этих полувиртуозов и полуклассиков, которые хотели бы сочетать в музыке *les honneurs de la vertu et les plaisirs du vice*¹, но с таким, у которого свое собственное, вполне выработанное направление. И хотя его направление в корне отличается от моего, — с ним я прекрасно могу договориться, но только не с этими полулюдьми.

Этот прекрасный вечер был поистине примечательным. По его просьбе я сыграл свою *Ораторию*, и в это время несколько любопытных лейпцигцев потихоньку пробралось в комнату, чтобы увидеть Шопена. А когда между первой и второй частями [*Оратории*] он в молниеносном темпе сыграл изумленным лейпцигцам свои новые *Этюды* и свой новый *Концерт*¹, а потом я продолжал играть своего *Paulus'a*², то это выглядело, словно встретились и беседовали друг с другом ирокез с кафром.

У него также прекрасный новый *Ноктюрн*³, из которого я постарался как можно больше запомнить, чтобы потом сыграть его Паулю и тем доставить ему удовольствие. Мы так весело провели этот день, что он вполне серьезно обещал мне выбраться сюда снова в течение зимы, если я сочиню новую симфонию и исполню ее в честь его приезда. Мы обменялись этими обещаниями в присутствии трех свидетелей и посмотрим, сдержим ли это слово.

Еще до его отъезда мне прислали произведения Генделя⁴, которые доставили Шопену подлинно детскую радость; они, правда, столь прекрасны, что и я просто не мог на них нарадоваться [...].

Отрывок.

¹ Вероятно, этюды из оп. 25 и *Allegro de Concert* op. 46. Играя его в Париже по рукописи А. Гофману, Ф. Шопен, высоко ценивший это произведение, сказал: «Так вот, это будет первая пьеса, которую я, вернувшись на родину, в свободной Варшаве, сыграю на моем первом концерте». После выхода его из печати Шопен переслал находившемуся тогда в Силезии А. Гофману оттиск с надписью: «Силезскому мастеровому — музыкант-самоучка».

² «Paulus» («Павел»; 1836, op. 36) — оратория Ф. Мендельсона, впервые исполненная в 1836 г. Мендельсон также сыграл Шопену свои «Песни без слов» op. 30 (1834).

³ По-видимому, *Ноктюрн cis-moll* или *Des-dur* из op. 27.

⁴ Речь идет о тридцатидвухтомном собрании сочинений Г. Генделя.

* Почести, воздаваемые добродетели, с наслаждениями, доставляемыми пороком (франц.).

196. БАРОНЕССА ДИЛЛЕР — Ф. ШОПЕНУ В ЛЕЙПЦИГ

Гейдельберг, 14 октября 1835

Гейдельберг, 14 октября

[Изложение несохранившегося письма:] «Баронесса Диллер пишет Шопену, что при его возвращении из Лейпцига он не слишком уклонился бы от дороги, если бы заехал в Гейдельберг. Она просит, чтобы он пришел утешить их обоих и доставил хоть минутку радости бедной Катерине. Далее пишет К. Диллер-Перейра, которая присоединяется к просьбе матери и добавляет, что мысль увидеть его является ее единственным утешением в эти дни, полные горести и тоски, ибо ее свекор находится при смерти».

Karłowicz M. Pamiątki po Chopinie, s. 284.

197. БАРОНЕССА ДИЛЛЕР — Ф. ШОПЕНУ В ЛЕЙПЦИГ

Гейдельберг, середина октября 1835

[Изложение несохранившегося письма:] «Г-жа Диллер извещает Шопена, что обе они с дочерью в Гейдельберге, и не будучи уверены, получил ли Шопен посланные ранее письма, вновь умоляют его провести хотя бы два дня, или один даже день, в Гейдельберге ради бедной Катерины».

Karłowicz M. Pamiątki po Chopinie, s. 284.

198. БАРОНЕССА ДИЛЛЕР — Ф. ШОПЕНУ В ГЕЙДЕЛЬБЕРГ

Гейдельберг¹, середина октября 1835

[Изложение несохранившегося письма:] «Г-жа Диллер сердечно приветствует Шопена и приглашает на завтрак, если он уже успел отдохнуть с дороги. Если же он еще не отдохнул, она просит его сообщить, когда они смогут его увидеть». Подписано: «Катерина Перейра и старая сестра Диллер».

Karłowicz M. Pamiątki po Chopinie, s. 284.

¹ На обратном пути в Париж Ф. Шопен остановился на несколько дней в Гейдельберге, где тяжело заболел. За ним преданно ухаживали К. Диллер-Перейра и ее мать. В Гейдельберге Шопен также посетил родителей своего ученика А. Гутмана, где, по словам сестры Гутмана, их отец принял его «не как короля, а как существо, стоящее значительно выше». Затем он через Страсбург вернулся в Париж.

199. АНТОНИЙ ВОДЗИНСКИЙ — ТЕРЕЗЕ ВОДЗИНСКОЙ В СЛУЖЕВО

Париж, конец октября 1835

Дорогая Мама!

Я уже три дня в Париже. Сразу по приезде, выходя из кареты у гостиницы, я встретил Фридерика, расспрашивающего там обо мне. Мы провели весь вечер вместе. Мама была права, когда говорила, что он не изменился, а только похорошел. Мы видимся каждый день, и даже сейчас я пишу это письмо у него, иногда прерываясь, чтобы слушать играющего Фридерика...

Не могу еще писать о Париже, ибо до сих пор слишком мало познакомился с ним, но таких пассажей, таких улиц, такой оперы, таких певцов, как Лаблаш, Рубини, Тамбурины, вероятно, нигде нельзя ни увидеть, ни услышать. В первый же вечер я был с Фридериком в опере. [...] Давали *Пуритан*¹. Не буду ничего говорить ни о Рубини, ни о Лаблаше, ни о Тамбурины, ни о Гризи. Их надо слышать! [...] В театре — все что есть самого изысканного и модного в парижском свете; а Фредерик (но не наш Фридерик Шопен) в *Робере Макере*², а пани Дежазе (*la sublime* * Дежазе, как ее называет Бернар), — как поведать об этом Маме? [...]

Кажется, Фридерик написал Марыне в альбом какой-то вальс: пусть она бережет его как реликвию и никому не позволяет переписывать, дабы он не стал распространенным.

После отъезда Мамы я провел в Женеве еще несколько месяцев. Видел и слышал Листа; он давал концерт с Бельжайозо в пользу польских и итальянских изгнанников. Его игра непередаваема: он играл свои вариации на фортепиано, которое стояло в комнате Марыни. [...]

Фридерик встает из-за фортепиано и говорит: «Передай им, что я их всех страшно, да, страшно люблю».

Я тоже.

Антоний Водзинский.

Отрывок. На бумаге с инициалами Ф. Шопена.

¹ «Пуритане» — опера В. Беллини, впервые поставленная в Париже в январе 1835 г.

² Фредерик Леметр — сценическое имя Антуана Леметра. Тут речь идет об одной из самых известных его ролей — Робера Макера в одноименной социальной сатире, одним из авторов которой был сам Леметр (1834). Бальзак назвал эту пьесу «единственной большой пьесой современности».

200. АЛЕКСАНДР ЕЛОВИЦКИЙ — КСАВЕРЫНЕ ХОДКЕВИЧ В ПОЛЬШУ

Париж, 2 ноября 1835

Париж, 2 ноября 1835

[...] В эти дни я вращаюсь исключительно в музыкальном мире. Меня втянуло туда пребывание Липиньского, которого я слегка опекаю; он

* Возвышенная (франц.).

должен провести зиму в Париже. Мы ожидаем, что он добьется полного признания, — его концерты начинаются примерно через две недели; я не премину сообщить тебе о его успехах; [...] у меня теперь несколько большая квартира, очень опрятная, выходящая прямо на юг, с видом на сад, на втором этаже; в том же доме, где находится мой [книжный] магазин; [...] с нами питаются наши поэты и наши артисты, иногда и наши великие люди; в понедельник по вечерам у нас собирается очень много народа и тогда звучит хорошая музыка: Шопен, Липиньский, Рубини и т. д. Все это выдержано в лучшем тоне, и в то же время очень скромно. [...]

Отрывок. The First International Musicological Congress Devoted to the Works of Frederic Chopin, p. 665.

201. МИКОЛАЙ ШОПЕН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, 15 декабря 1835

Варшава, сего 15 декабря 1835

Мое дорогое Дитя.

Письмо от 2го ноября, законченное 19го, мы получили, и оно застало нас всех в добром здоровье. Маленькое путешествие, которое мы совершили, было нам необходимо. Твои сестры и их мужья очень сожалеют, что не смогли принять в нем участие, чтобы разделить радость и удовольствие, которое оно нам доставило после столь долгой разлуки. Все здесь восхищаются вниманием, которое ты проявил, сделав нам столь приятный сюрприз и присоединившись к нам в Карлсбаде, — это место, которое мы никогда не забудем, так как само его название приводит на память столько приятных воспоминаний!

Мы довольны, что ты возобновил занятия и обеспечил себя теплой комнатой; ибо несмотря на все стремление к работе, человек не расположен к ней, когда пальцы стынут от холода. Очень одобряю твое решение больше, чем в прошлые годы, оставаться дома, но не считаю полезным, чтобы ты вовсе удалился из общества. Вечерние приемы, когда они не затягиваются слишком долго, являются для тебя настоящей разрядкой, необходимой для оживления твоего таланта, и даже могут подсказать тебе новые мысли.

Не в меньшей степени одобряю твои намерения кое-что отложить и лучше выбирать тех, кому ты оказываешь помощь. Я был огорчен, узнав, как тебе отплатили за твое доброе сердце; при виде этого человека, я совсем не ожидал бы от него этого, — должно быть, он читал Ж. Ж. Руссо и почерпнул оттуда уроки неблагодарности. Но, в любом случае, ты сделал доброе дело, дав человеку кусок хлеба, и это утешение. Он довольно часто заходил повидать нас, но вот уже около трех недель мы его больше не видим, возможно, кто-либо из ему подобных предостерег его, что ты знаешь о его недостойном поведении. Как-никак, это урок. Ты пишешь мне об Антосе; как бы пребывание в Париже не пошло ему во вред; опасаясь, что он не сумеет ограничить свои расходы, и ты не давай ему понять, что сможешь дать ему займы, — это вовсе не было бы призна-

ком дружбы, ибо ему следует научиться жить экономно; ведь даже самые обильные источники иссякают.

Как я вижу из твоих писем, пребывание в Дрездене было тебе приятно, раз ты намерен поехать туда в будущем году, но надо бы сделать так, чтобы подобное путешествие не поглотило плодов твоей работы, с трудом собранных за зиму. Концертное турне могло бы, мне кажется, покрыть путевые издержки, тем более, что в Германии интересуются твоими произведениями и каждому будет интересно тебя услышать. Мы еще вернемся к этому проекту.

Ты хорошо поступил, постаравшись ввести Липиньского всюду, куда только мог. Г-н Тейхман отправляется отсюда в Париж, бросив свои уроки. В такой период, когда он собирает самую обильную жатву¹, — это большая жертва из любви к искусству. Я дал ему записку, которую ты, верно, уже получил, ибо я предполагаю, что он повидал тебя раньше, чем ты получишь это письмо.

Поскольку ваши занятия совсем различны, можно предполагать, что он не причинит тебе неудобств, я даже думаю, что тебе не придется куда-либо его вводить; его талант проложит ему дорогу; иначе я бы не стал писать тебе, ибо не хочу доставить тебе хлопоты или отнимать время, предназначенное тобой для чего-нибудь другого. Ты не занимаешься пением, так что он у тебя ничему не научится, хотя он, как говорят, обладает даром пропеть все, что услышит, — сам я недостаточно его знаю, чтобы утверждать это.

Мы, как обычно, проводим праздники и воскресенья, собравшись все вместе у нас; мы не забываем тебя и рады, что — как нам сообщил Ясь — путешествие пошло на пользу твоему здоровью, а что касается кармана, то он при этом пострадал; впрочем, это неважно, ибо при желании у тебя найдутся возможности помочь этому. —

Твоя мать и я обнимаем тебя очень нежно.

III.

[Приписка Изабеллы Барциньской:]

Мой дорогой Фридерик.

Приближается десять вечера, воскресенье, а я пишу тебе уже уходя; мы все здоровы, я всегда люблю Тебя, спасибо за Яся. Насчет цепочек мы не поняли друг друга. Я не хочу карлсбадских, а только таких, как Ты прислал мужу; он Тебе благодарен и т. д., но тут один из его товарищей во что бы то ни стало просит у него такую же.

Поцелуй меня. Муж сегодня на свадьбе у приятеля, стало быть, даже не знает, что я пишу Тебе. Будь здоров, люби нас, как мы Тебя. При оказии получишь нашу законченную работу, жалею, что нельзя отправить сейчас².

Изабелла.

[Приписка Людвики Енджеевич:]

[...] Когда я сказала жене Линде, что, возможно, Ты поедешь в следующем году в Дрезден, она ответила мне: «Да, если там будут некото-

рые лица. О, Мария пленила его сердечко; но вы, Мадам, и я, которые его знали...», — и снова повторяла то, что рассказывает нам при каждой встрече: о концерте, о Ходкевиче: «боже мой, он ел шпинат, когда я велела его позвать; мои бедные лошади ждали, а он не шел... Но Г-жа В[одзиньская] удерживала его, как могла, она всегда сажала его между собой и Марией; эта молодая особа, которая весьма хороша собой, стесняла его [...]»

¹ Антоний Тейхман во время поездки по Европе собрал в своем альбоме свыше семидесяти музыкальных автографов крупнейших композиторов эпохи; среди них — Шопена, Листа, Липиньского, Эльснера (до последнего времени его альбом хранился у Артура Хэдли).

Сохранилось в пересказе письмо А. Тейхмана к Ф. Шопену, написанное после отъезда из Парижа (из Вены, 1 марта 1836 г.). В нем он пишет, что Шопен, как человек и артист, вызывает у него чувства глубокого уважения и восхищения. Он также передает ему приветы от венских знакомых Шопена: И. Мальфатти, К. Диллер-Перейра, графа Воловского (см.: Karłowicz M. Pamiętki po Chopinie, s. 318).

² По-видимому, говорится о какой-то совместной литературной работе сестер Шопена.

202. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Париж, 1835/36

Посылаю Тебе кресло на Мюзара, но, будь добр, не садись на него, так как мне его дали мои знакомые, с которыми я обещал быть, а быть не смогу.

Любящий Тебя
Ф. Ш

203. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Париж, 1836 (?)

Приходи сам и силой приведи ко мне вечером венгерца¹. Будет петь Фреппа, и, может быть, попляшем.

Поймай там Садовского за [зад], но чтобы был непременно. Сходи в клуб² и завербуй генерала Скаржиньского.

¹ Речь идет о Ф. Листе.

² Польское Общество (клуб) было основано в 1836 г. в Париже польскими эмигрантами; помещалось на улице Godot de Mauroy, № 18. Председателем клуба был А. Плятер.

204. МИКОЛАЙ ШОПЕН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

*Варшава, 9 января 1836**Варшава, сего 9 января 1836*

Дорогое Дитя мое, мой добрый Друг.

Ни одно письмо никогда еще не было столь желанным и не ожидалось с таким нетерпением, как то, которое мы только что получили! Причина была следующая: более трех недель назад тут разнесся слух, что ты опасно болен¹; все спрашивали нас, имеем ли мы от тебя известия, а мы и не знали, что это означает. Наконец, перед самым праздником, и до нас случайно дошла эта злосчастная весть. Ты можешь вообразить себе наше положение, наше смертельное беспокойство. Госпожа Завадская, которая совсем недавно получила письмо из Парижа, старалась нас успокоить, цитируя нам еще другое письмо, в котором говорилось, что ты дал для г-на Липиньского музыкальный вечер и что г-жа Мицкевич присутствовала на нем, и славная г-жа Фонтана пришла сказать нам, что ее сын писал 12 Дек[абря] и много говорил о тебе. Все это едва ли могло нас успокоить — но тут в прошлый понедельник твой настоящий друг, милый Зелиньский (Ян), прочел в «Journal des Débats» за 24[-е], что ты должен был импровизировать на вечере на улице Chaussée d'Antin, № 3, и прибежал к Енджеевичам, чтобы сообщить им об этом.

По счастливой случайности, я был у них. Мы сразу же поспешили к Lougse'u, и я собственными глазами прочел эту заметку. Этого было

достаточно, чтобы успокоить многих, но сердца твоих еще сомневались... и, к несчастью, истекал срок, когда мы обычно получаем твои письма; из-за этого наше беспокойство становилось еще более мучительным. Наконец, наши опасения рассеялись, ты здоров, все забыто. Жаль, что в своем прошлом письме ты не упомянул о своей болезни; мы бы отнесли все эти слухи к другому времени. Какое счастье, что providение дало тебе встретить этих двух ангелов-хранителей, которые окружили тебя столькими заботами и которые, как ты говоришь, столь часто справляются о твоём здоровье. Знаю, что ты не любишь писать, однако полагаю, мое дорогое дитя, что словечко, написанное твоей рукой, доставит им большую радость.

Я вижу из твоего письма, что ты очень занят как своими уроками, так и сочинениями, но также с сожалением вижу, что ты мало отдыхаешь; эти долгие вечера, хотя, по твоим словам, они и необходимы, не могут не быть тебе вредными, особенно в пору, когда так легко простыть. Я знаю, что эти большие приемы доставляют тебе новые весьма ценные знания, но здоровье?

Как я замечаю, Дрезден стал для тебя очень интересным местом, которое, кажется, привлекает тебя. В твоём возрасте не всегда владеешь собой и можно испытать впечатления, которые нелегко стираются. Но кто может помешать тебе будущей весной совершить небольшое путешествие и увидеть то, что ты еще не видел? Надо лишь по возможности экономить, так как я смог бы предоставить тебе спутника по путешествию в Берлин или Дрезден, но за твой счет. Я поделился этим проектом с твоей нежной матерью, а во время вакации Барцинь[ский], его жена и я поехали бы за ней. Что ты об этом думаешь? Ты скажешь, что это прекрасный воздушный замок. Пусть так, мы все же его возводим. Полагаю, что если удастся осуществить этот проект, никто не сможет лучше заботиться о тебе, чем твоя мать, когда она будет с тобой. Подобную временную разлуку я смог бы перенести, если учесть вызвавшие ее мотивы. Однако необходимы и здоровье, и средства, и ты должен подумать как о первом, так и о втором — это единственная возможность, чтобы вновь увидеть Дрезден и то, что тебя в нем может интересовать, если к этому времени впечатления не поблекнут².

Г-н Водзиньский был тут перед праздником; он заходил к нам, но без сыновей. По той торопливости, с какой он справлялся о тебе, мы потом поняли, что он знал об этих слухах и под предлогом ожидания почты, с которой могли быть сведения от тебя об Антосе, он на два дня отложил свой отъезд. Мне было приятно услышать, что ты доволен Антосем, что ты находишь его славным; его беззаботность и рассеянность, знакомые мне, вызывали у меня опасения, и я рад, что ты успокоил меня. Видишь, мое дорогое дитя, чего нам стоило твое почти двухнедельное запоздание; если ты из-за отсутствия времени не можешь написать нам, то поручи это Ясю, а сам добавь лишь несколько слов; и хотя, чем твои письма длиннее, тем большую радость они нам доставляют, мы удовлетворимся и немногим.

Г-жа Линде не перестает восторженно говорить о тебе, — это твой настоящий друг. Она писала тебе с г-ном Дюраном; если ты получил ее

письмо, постарайся ответить ей словечком, — либо отдельно, либо в письме к нам. Она не щадила усилий, чтобы рассеять наше беспокойство. Из того, что ты говоришь нам о взглядах и методе Тейх[мана], можно заключить, что он станет одним из первых, поэтому ему может прийти фантазия остаться среди вас дольше, чем он предполагал. Вы от этого, несомненно, выиграете, но мы потеряем. Что подельывает Вольфик? Неужели он не находит, чему поучиться? Не намерен ли Кальк[бреннер] сделать из него ученика старой школы? Досадно, что Липинь[ский] не сумел понравиться, что не добился успеха. Вкусы бывают разными.

[Приписка Яну Матушиньскому:]

Для Яся.

Я Вам бесконечно обязан, мой дорогой друг, за чувства, которые Вы к нам сохранили, и за то, что Вы взяли на себя труд писать нам о нашем дорогом Фридрике. Если бы Вы знали, как мы страдали в течение этих двух с лишним недель! Когда ваши занятия оставят Вам свободную минутку, а у Фридрика не найдется времени, возьмите в руки перо и напишите нам, а его заставьте добавить несколько слов к Вашему письму, — этого будет достаточно, чтобы нас успокоить.

После волнений, которые мы испытали, всякая задержка будет нас беспокоить, особенно в это время года, когда так легко простудиться. Я Вам бесконечно благодарен за то, что Вы заставили его носить обувь, более соответствующую этому сезону, чем та, которую он привык носить. Мне бы также хотелось, чтобы Вы уговорили его не бывать так часто на званых вечерах. Ложиться в два, может быть, хорошо автоматам, но никак не тем, кто думает и у кого много работает мозг. Я понимаю, что у Фридрика есть отношения, которыми он не может и не должен пренебрегать, но я бы хотел, чтобы он не столь оживленно их поддерживал. Я очень рад, что он сделал себе камин, который лучше греет, потому что очень неприятно работать с застывшими пальцами. Вы увидите из письма Фридрику, какие мы строим планы на будущее лето. Это все же приятные мечты, даже если им и не суждено осуществиться³. Но Вы прекрасно понимаете, что тут — при наличии денег и здоровья — нет ничего невозможного, так что необходимо, чтобы он позаботился и о том, и о другом.

Пребывание в Карлсбаде было очень приятным, — но почему же оказались столь печальными последствия в Гейдельберге? Фридрику необходимо путешествовать с большими удобствами, проводить несколько дней без сна ему вредно. И в дальнейшем, если он предпримет какое-нибудь путешествие, то было бы лучше, ради его здоровья (которое, не будучи плохим, все же очень нежное), чтобы он дольше находился в дороге и при этом пользовался большими удобствами. Духовная сторона преобладает у него над физической, поэтому-то эта последняя должна быть окружена заботами. Даже если бы вам пришлось из-за этого с ним поссориться — настаивайте на том, что Вы считаете полезным, а у Фридрика достаточно здравого смысла, чтобы признать Вашу правоту [...]. Обнимаю Вас от всего сердца.

III.

Посылаю рецензию за рецензией. Фридерик знает авторов.

[Приписка Ф. Шопену:]

Заканчиваю, мое дорогое дитя, обнимаю тебя от всего сердца; наше здоровье, слава богу, довольно хорошо. Твоя нежная мать, которая прижимает тебя к своему сердцу, смеется над моим проектом — но что думаешь об этом ты? Еще раз обнимаю тебя.

¹ Возвращаясь в Париж после пребывания в Карлсбаде и Дрездене, Ф. Шопен серьезно заболел и был вынужден некоторое время пролежать в Гейдельберге. Не желая тревожить близких, Шопен скрыл от них свою болезнь. Слухи о смерти Шопена, распространившиеся в Варшаве, были столь упорными, что «*Kurier Warszawski*» 8 января 1836 г. выступил с их опровержением.

² Речь идет о встрече с Марией Водзиньской.

³ Намечавшееся на лето 1836 г. свидание с родителями не состоялось; Ф. Шопен поехал в Мариенбад для встречи с М. Водзиньской.

205. ТЕРЕЗА ВОДЗИНЬСКАЯ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Дрезден, 5 февраля 1836

Мой дорогой Фридерик!

Как же мне начать, чтобы Ты простил мне злоупотребление Твоей добротой, а также отнятое у Тебя время. Ты, верно, подумал: зачем делаешь, раз извиняешься; поэтому сразу сообщу Тебе причину.

Антось просил переслать ему небольшую сумму, а я по разным причинам не могла направить ее прямо к нему. И мне пришла счастливая мысль, что самое лучшее — это обратиться к тому, кто постоянно дает нам столько свидетельств своего расположения. Сблагороди же теперь исполнить мою просьбу и вручить моему Олуху при сем прилагаемое. Мой дорогой Фрыцек, не отказывай ему в Твоих дружеских советах, уговори его заняться чем-нибудь, ибо безделье является причиной многих несчастий. Бог во сто крат воздаст Тебе. Ты не поверишь, сколько слез я пролила, беспокоясь о нем. Ты, будучи сам таким хорошим сыном, сумеешь это понять. Если он когда-либо окажется в нужде, выручи его, а меня как можно скорее извести об этом; я верю его Тебе; знаю, как дорого Твое время, но знаю и Твое доброе сердце и уверена, что в таком положении Ты найдешь для меня минутку.

Я тут получила известия о твоих родителях и сестрах, — здесь был п[ан] Леопольд, брат п[ана] Прушака; он рассказывал, что все совершенно здоровы. Мария, как и Юзя, пересылают Тебе нежные приветы; первая, узнав, что получит от Тебя ноты¹, не находит себе места от радости. [...]

Когда же мы увидим Тебя? Ты бы написал хоть несколько слов и сказал, правда ли, что Ты должен здесь быть этим летом; ибо Клара Вик, а вернее Кавалер Кунтцель, нас уверяют в этом; Кунтцелек также сказал, что Ты плакал, слушая в Лейпциге п[анну] Вик; я, к моему

стыду, не плакала на ее концерте, но мне очень понравилась ее игра — и весь ее милый, славный вид.

Сейчас тут молодой Вольф из Женевы, который едет в Петербург с лани Нессельроде и проведет там три года.

Прощай, мой славный Фрицек, мы тут постоянно вспоминаем Тебя, ибо искренне Тебя любим. Обнимаю Тебя, мой дорогой Фрыцек, вместе с Антком и благословляю Вас обоих.

Т. Водзиньская.

Дрезден, 5 февраля 1836

Отрывок. Адрес: «Paris/Chaussée d'Antin № 5 /recommandirt/ Monsieur Frédéric Chopin». Почтовые штемпеля: «Dresden 6 Feb. 1836» и «[Paris] 13 Février 1836».

¹ Возможно, речь идет о Мазурках ор. 24, о которых известно, что в 1836 г. Ф. Шопен переслал их М. Водзиньской с дарственной надписью: «à Mlle Marie Wodzińska. FF. Chopin».

206. КАМИЛЛУ ПЛЕЙЕЛЮ В ПАРИЖ

Париж, начало 1836 (?)

Не соблаговолит ли Ваше Величество
прислать на завтрашний вечер фортепиано к Г-же Потоц-
кой (тетке)?

Кроме меня, на нем никто не будет играть.

Искренне преданный вам

Ш.

Гр[афиня] Потоцкая
Rue de Berlin № 2
(рядом с rue de Londres).

Оригинал на французском языке. Адрес: «Monsieur /C. Pleyel/ Rue de Rochecouart № 20». На полях помета, вероятно, рукой К. Плейеля: «Послано. Цена № 6819 2400 Фр[анков]. 1317».

207. АНТОНИУ БАРЦИНЬСКОМУ В ВАРШАВУ

Париж, 14 марта 1836

Париж, 14 марта 1836

Я здоров — и квиты!—
Отличная весть эта
С поцелуем летит
К детям.

ФФ. Шопен.

[Приписка Яна Матушиньского:]

Другая вестъ летит
К уважаемымъ детямъ —
Что Фрыцъ полетитъ
К Вамъ будущимъ летомъ.

208. АСТОЛЬФ ДЕ КЮСТИН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 18 марта 1836

Вы любите гравюры, и я посылаю вам, Милостивый государь, самые красивые, какие я только смог найти. В первую же свободную минуту я зайду к вам предложить один проект, касающийся вашего пребывания в Сен-Грасиене¹, куда, как я надеюсь, вы приедете. Мы бы хотели посвятить некоторые из тех дней, что вы нам подарите, осмотру окрестностей Парижа, чтобы увидеть Эрменонвиль, Мортфонтен, Шантийи, и мы полагаем, что эта поездка будет столь же благотворной для вашего здоровья, насколько для нас будет приятно совершить ее с вами.

Я горячо желаю, чтобы этот проект так же понравился вам, как и мне, и в ожидании хорошей погоды соблаговолите еще раз принять благодарность за доставленное мне удовольствие, а также уверения в моем самом высоком почтении.

А. де Кюстин.

Cerc 18 марта

Rue de la Rochefoucauld N 6

Адрес: «Monsieur /Monsieur Chopin/ Rue du Mont-Blanc, N 5».

¹ Сен-Грасиен — имение А. де Кюстина близ Парижа в живописной местности, около Монморанси и курорта Энгин-ле-Бен. Ф. Шопен неоднократно бывал в Сен-Грасиене.

209. ФРАНСУА ФЕТИС — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Брюссель, 25 марта 1836

Брюссель, 25 марта 1836

Мой дорогой Господин Шопен.

Когда я имел удовольствие видиться с Вами во время моей последней поездки в Париж, я упоминал, что хочу просить вас сообщить несколько фактов для биографической статьи, которую я посвящаю вам в моем *Историческом словаре Музыкантов*. Сейчас эти данные мне необходимы, ибо как раз печатают лист, в котором должно находиться ваше имя. Итак, я вас попросил бы без промедления заполнить посылаемый вам листок¹; он содержит различные вопросы, на которые я бы хотел, чтобы вы ответили. Будьте любезны, если возможно, переслать мне этот листок с обратной почтой.

Ваш преданный

Ф. Фетис.

Rue Bodenbrouk, 15
à Bruxelles

¹ Аналогичный листок-вопросник Ф. Фетис разослал всем выдающимся музыкантам в связи с выпускаемой им «Biographie Universelles des Musiciens» — «Всеобщей биографией музыкантов», изданной им в 1833—1844 гг.; о месте и дате рождения Ф. Шопен сообщил: «Родился в Польше, 1 марта 1810 г.».

В своей биографической статье Ф. Фетис писал о Ф. Шопене: «Патриотизм, сближающий его с соотечественниками, оказал мощное воздействие на его талант; направление, которое принял его гений, служит этому ярким свидетельством. Беспреданно, словно без его ведома, его привлекали характерные танцевальные мелодии его страны, и он избирал их темой тех своих произведений, в которых оригинальность его таланта проявилась наиболее ярко».

210. ФРАНСУА ФЕТИСУ В БРЮССЕЛЬ

Париж, 27 марта 1836

Милостивый государь.

Я спешу вернуть вам с обратной почтой листок, заполненный согласно вашему желанию.

Соблаговолите принять уверения в моей полнейшей преданности.

ФФ. Шопен.

Передайте мои поклоны Госпоже Фетис.

Париж, воскресенье утром

Оригинал на французском языке. Адрес: «Monsieur Monsieur Fetis /à Bruxelles/ rue Bodenbrouk N 15».

211. ФЕЛИКС МЕНДЕЛЬСОН-БАРТОЛЬДИ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Лейпциг, 28 марта 1836

Мой дорогой друг.

Это должно служить приглашением для Вас, хотя я не написал симфонии¹, а также и не связал чулок. Сказать правду, я не сделал ни того, ни другого, заботясь о Вас, чтобы не заставить Вас среди зимы приезжать в Лейпциг, ибо я уверен, что Вы сделали бы это незамедлительно, если бы я, как мы договорились, вязал либо сочинял.

Я пишу Вам, чтобы узнать, позволят ли Вам Ваши занятия прибыть на Нижнерейнский музыкальный фестиваль, который состоится на Троицу в Дюссельдорфе. Некоторые из здешних музыкантов, которые собираются туда поехать, просили меня послать Вам приглашение, — они верят в возможность Вашего согласия. И хотя я, признаться, сомневаюсь в этом и опасаясь, что тот музыкальный фестиваль², на котором Вы присутствовали, не вызвал в Вас особого желания еще раз посвятить этому свое

время и проделать столь длинное путешествие, все же сама возможность повидаться с Вами и провести несколько дней вместе была бы для меня столь приятна, что я решаюсь написать Вам, даже рискуя подвергнуться Вашим насмешкам.

На фестивале будут исполнять *Девятую симфонию* Бетховена с хорами, псалом Генделя, увертюру Бетховена (до сих пор не исполнявшуюся, третью, которую он написал к *Фиделио*), мою *Ораторию* (из которой Вы слышали у меня несколько отрывков) и множество других вещей. Очень прошу Вас приехать, это была бы для меня самая большая радость; если Вы не сможете, то все же прошу Вас не издеваться над моим приглашением, которое я бы не осмелился послать Вам, если бы не горячее желание всех, которые там будут и которые жаждут видеть и слышать Вас больше, чем во время последнего Вашего пребывания у нас³.

Прошу извинить французский язык этого письма, который — я не льщу себе — кажется мне чудовищным; я не говорил [по-французски] со времени нашей последней встречи.

Если бы Вы захотели ответить мне словечком — Вы бы мне доставили этим огромное удовольствие; и хотя я знаю, что Вы никогда не отвечаете, на этот раз я прошу Вас об этом; сообщите мне также, что Вы сейчас пишете, что поделывает Хиллер, имеете ли Вы известия от Листа и т. п. Прошу передать им всем привет и не забывать о преданном Вам жителе болот⁴ (каковым Вы, верно, считаете Германию). Прощайте, прошу извинить стиль Вашего

Феликса Мендельсона-Бартольди.

Лейпциг, сего 28 марта 1836

Само собой разумеется, что если Вы хотите получить торжественное приглашение, я пришлю Вам письмо бургомистра, подписанное комитетом и снабженное столькими подписями, сколько Вашей душе угодно. Однако мне кажется, что это не произведет на Вас большого впечатления.

[Приписка Роберта Шумана:]

Тысяча приветов и пожеланий, а также настоятельная просьба приехать на Рейн, если есть хоть малейшая возможность.

С любовью и уважением

Роберт Шуман.

Мендельсон покорнейше просит Вас ответить несколькими словами, письменно или устно, Панюшке, приедете ли Вы. Мы крепко уповаем на это.

Адрес: «Mr. Mr. Fréd. Chopin /à Paris/ rue du Mont-Blanc № 53 par bonté».

¹ См. письмо 195.

² В Аахене в 1834 г.

³ В Лейпциге в октябре 1835 г.

⁴ «Широкое болото» — такой, по определению Г. Гейне, поляки считают Германию (см.: Гейне Г. О Польше. — Собр. соч., т. 5. М., 1958, с. 98).

212. МИКОЛАЙ ШОПЕН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, 9 мая 1836

Варшава, сего 9 мая 1836

[...] Мое дорогое Дитя, вот уж седьмая неделя, как мы не получаем от тебя писем. Ни разу со времени твоего отъезда ты не заставляла нас так долго ждать, и, хоть я и представляю себе, сколь ты занят, я не могу не беспокоиться. Мне, правда, говорили, что сюда дошло известие, будто у тебя собирались на Пасху, но ведь уже больше месяца, как прошел этот праздник, а письма все нет. Я далек от того, чтобы обвинять тебя в небрежности, однако страдаю от этого не меньше, ибо эти длинные вечера, эта работа днем — отнюдь не укрепляют твоего здоровья, и самая сильная натура может от этого пострадать. Итак, войди хоть на миг в наше положение; привязанность, которую ты всегда к нам питал, позволит тебе легко понять, что в нас происходит. Мне сказали, что г-н Штейнкеллер должен приехать, и я с нетерпением ожидаю его, будучи уверен, что он повидает тебя перед своим отъездом и сообщит нам достаточно свежие новости, поскольку от Тейхмана мне известно, что ты с ним встречался в Париже.

О нас мне почти нечего тебе сообщить; наша жизнь очень однообразна и единственным развлечением, очень для нас приятным, является то, что мы собираемся каждое воскресенье; как ты можешь догадаться, мы говорим о тебе; здоровье твоей матери и мое терпимо, и мы, слава богу, не страдаем никакими серьезными недомоганиями; однако я замечаю, что с каждым днем все труднее работать, память у меня заметно слабеет, а также и мое зрение. Недавно я встретил Эльснера — он теперь дает уроки, а к тому же его жена постоянно больна. Когда я смотрю вокруг, я еще доволен нашей судьбой, а так как сердце неизменно хранит свои чувства, мы, твоя мать и я, нежно обнимаем тебя.

III.

Передай от нас тысячу приветов Ясю, его близкие чувствуют себя хорошо.

[Приписка Людвика Енджеевич:]

Сего 8 мая 1836

[...] Если бы Ты собрал вместе с этим письмом все, которые до сих пор получил от нас, и захотел выжать их содержание, то что бы Ты нашел, кроме того, что мы любим Тебя больше жизни, живем Тобой, порой даже чересчур докучаем Тебе этой привязанностью, хотя желали бы делать Тебе одно лишь приятное; и в этом мы не изменимся, разве что совершится полная перемена в нас и во всей нашей жизни.

На следующей неделе к Тебе собирается п[ани] Накваская (жена Анатолия). Это вызывает у нас зависть, и нет надежды на то, что причины зависти исчезнут, хотя мы все здоровы; только железная дорога пока еще не закончена. Но зато, когда закончат, то каждый месяц на один

день мы все — к пану Фридрику, как сейчас каждое воскресенье и праздники — к родителям. Я бы уж согласилась и на один [день] в жизни, лишь бы он когда-нибудь наступил. [...]

Мой дорогой, что делается с этими детьми, с Казно и Фельчем, какие это уже парни! Один женится, второй тоже вот-вот созреет. Стали страшно похожи на ... впрочем, что это я, — забыла, что Ты их видел. А каким уж, наверно, взрослым стал Антось! Пани Водзиньская едет на воды и лишь затем вернется сюда. [...] Отец Люси, который на этих днях посетил родителей, также много говорил с ними о Тебе, вспоминал, как славно проводил с Тобой время. [...] Млечко, будучи у нас, велел Тебя сердечно обнять и сказать, чтобы Ты это принял с открытым сердцем, добавив: «я [не] очень-то пользовался его благорасположением; прежде, чем я стал добиваться руки Олеси, было еще кое-как, но когда я женился, он очень на меня сердился и не любил меня, ибо хотел видеть Олесю за Тытусом. А я его всегда любил и теперь, когда уже трудно вернуться к прежнему, пусть примет искреннее дружеское объятие, не сердится и любит нас обоих, как мы его». И Олесь, и [ее] Мать, и все очень просили передать Тебе от них поцелуй. [...] Пани Диллер написала Маме. Славные, ничего не упомянули о Твоей болезни; а мы, поскольку еще не обсудили, пока ничего им не ответили, отчего Ты, верно, злорадствуешь. [...]

А. Е.

[..] Вошел Теофил Весёловский, который тоже шлет Тебе привет; но нет Живного, ибо у него на ноге рожа. Лечит себя сам. Ясное дело, что он на лекарства тратит немного, но ему уже лучше. Сидит на диване с ногами, на одной из которых этот цветок¹, — и доволен. Полагаю, что в следующее воскресенье он уже увеличит число играющих в вист. — Еще раз прощай, и обнимаю от всей души.

[Приписка Миколая Шопена:]

Должна была писать Изабелла, но кто-то пришел, так что я принял на себя поручение передать тебе поцелуй и от нее и мужа. — Кстати, ты не можешь себе представить, сколько лиц спрашивало твое мнение о концертах Лип[иньского]; львовские газеты пишут о нем с восторгом, но твоего мнения я не разглашал; если же у вас появятся какие-нибудь отзывы, ты обяжешь меня, сообщив мне об этом. Нам также говорят о Зыг[мунте] и его успехах. Сообщи нам также, что ты намерен делать летом; останешься ли ты в Париже? Мы, по всей вероятности, не тронемся с места, но я не забуду Карлсбад. Отсюда многие должны поехать туда, в том числе и Завадский, а его жена, которая зимой хворала, поедет в Оберзальцбрунн. —

Твой Концерт² уже прибыл сюда. Эрн[еман] сказал мне, что приобрел его, многие другие его тоже купили, в том числе и твои сестры. Нов[аковский] пытается его сыграть, он постоянно восхищается тобой, и все наши знатоки и любители горячо желают тебя вновь увидеть и слышать. Но это не даст хлеба. Госпожа Накваская, которая вскоре едет, любезно согласилась взять твою шкатулку, которую Генрих чудесно от-

реставрировал; здесь ее оценивают в 80 эл[отых]; для тебя это будет приятным воспоминанием о детстве. Постарайся наполнить ее, у нее хорошие замки и лун[дорам] не стыдно будет собираться и поселиться там. Постарайся, чтобы она не оказалась пустой, когда появится у тебя.

Отрывок. Адрес: «Monsieur /Monsieur Frédéric Chopin/ à Paris /Chaussée d'Antin № 5». Почтовые штемпеля: «Warszawa 9.5»; «Berlin 12.5» и «[Paris], 19 Mai 1836».

¹ По-польски «рожа» (болезнь) и «роза» (цветок) — звучат одинаково.

² Концерт f-moll op. 21, опубликован в Лейпциге у Брейткопфа и Гертеля в апреле 1836 г.

213. АННА ЛИСТ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 12 мая 1836

Дорогой Гос[подин] Шопен!

Сегодня утром я получила письмо от моего сына, в котором он сообщает, что прибудет сюда 14[-го], и просит, чтобы я Вас известила об этом. Его пребывание не продлится более четырех, самое большее пяти дней; он хочет повидать самых лучших своих друзей, среди которых Вы числитесь самым первым.

Прощайте, целую Вас от всего сердца.

А. Лист.

Сего 12 мая 1836

Адрес: «Monsieur/Monsieur Chopin à Paris».

214. ФЕРЕНЦ ЛИСТ — МАРИ Д'АГУ В ЖЕНЕВУ

Париж, 14 мая 1836

Париж, 14 мая 1836

[...] Шопен, которого я видел сегодня утром, любит меня с исключительной нежностью. Манера, с которой он со мной говорил сегодня, доставила мне необыкновенное удовольствие. Он настроен критически по отношению к Тальбергу и в особенности не допускает каких бы то ни было сравнений между ним и мною. [...]

Отрывок. Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 2, p. 189.

215. ФЕРЕНЦ ЛИСТ — МАРИ Д'АГУ В ЖЕНЕВУ

Париж, 21 мая 1836

Париж, 21 мая 1836, суббота, в полночь

[...] Я дал сегодня у Провинциальных братьев большой обед, на котором присутствовали: Балланш, д'Экштейн, Монталамбер, Мейербер, Адольф

Нурри, Фердинанд Дени, Лерэ, Теофиль, Шопен, Делакрыа (живописец), Буланже, Барро и т. д. и т. д... после обеда мы собрались у Эрара, где долго болтали. [...]

Отрывок. Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 2, p. 190.

216. ФЕРДИНАНД ХИЛЛЕР — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Франкфурт, 30 мая 1836

Франкфурт, сего 30 мая 1836.

Мой дорогой друг!

Хоть я и убежден, что и на это письмо ты мне не ответишь, точно так же как и на все написанные тебе ранее, — я не смог дольше удерживаться от того, чтобы поболтать с тобой хоть немного. Вчера я получил известия о тебе от Водзиньского, которого встретил совершенно случайно (я как раз приехал из Дюссельдорфа) и которого постарался немного развлечь. —

Вчера вечером он снова выехал в Веймар и т. д. Рассказал мне, между прочим, что встретил у тебя Листа, — если бы это не звучало смешно, я просил бы тебя мне что-нибудь рассказать об этом. — Не прошло еще и четырех недель, как я покинул Париж, а я уже столько видел, и таких людей, что мне кажется, будто я грежу. — В Веймаре я снова встретился с Гуммелем. — В Дюссельдорфе — с Мендельсоном: если хочешь узнать подробности о празднествах, сходи к Лео, которому я как раз написал длинное письмо на эту тему. — В конечном итоге, все прошло превосходно. Меня очень радует, что Феликс приедет на этих днях сюда на срок от шести недель до двух месяцев. — Будут кровавые схватки; но так как мы, в сущности, понимаем друг друга, мир быстро воцарится. — Можем ли мы еще питать надежду увидеть тебя этим летом? Это было бы крайне приятно. У нас тут красивая квартира, мое фортепиано прибыло в целости и сохранности, и хотя мне многого недостает, я верю, что проведу это лето вполне сносно. —

Бедный Шельбе, о котором я так часто тебе говорил, к сожалению, тяжело болен. Нервное истощение или бог знает что? Это может помешать ему вновь возглавить руководство, от чего зависит благополучие нашей здешней прекрасной академии. — Рис устраивает в будущую среду большой концерт из произведений Бетховена; доход пойдет на памятник нашему Наполеону музыки в Бонне. — Он сам [Рис] будет на нем играть *Концерт с-moll*. — Вчера вечером [слово неразборчиво] так себе. Я сам не знаю, открыл ли я фортепиано хотя бы три раза с тех пор, как покинул Париж. Прощай, дорогой друг, ступай к Керубини, передай ему множество приветов от нас и скажи, что их письмо доставило нам огромную радость — скоро я снова напишу. Поклонись господину и госпоже д'Эсте¹ — а также передай тысячекратный привет Матушиньскому и Штокгаузену. Алькану и т. д. — почтительные приветы уважаемой семье Плятеров. — Напомни обо мне тем, которые забыли меня, и поблаговари тех, кто меня помнит. —

Прощай, мое дитя, старайся быть довольным и счастливым и всегда, всегда знай, что я

твой искренний друг

Фердинанд Хиллер.

Множество приветов от моей матери и от меня дорогой семье Эйх-таль. Кстати, я получил письмо от Дессауэра — не пишет ничего важного. — Прощай.

Нет нужды говорить тебе, что моя мать обожает тебя всегда и носит твое кольцо, словно ты ее жених. — Прощай.

¹ С именем д'Эсте связана история Фантазии-экспромта Шопена: в мае 1960 г. Артуру Рубинштейну удалось купить в Париже с аукциона автограф чистового и окончательного варианта этого произведения Ф. Шопена, находившийся до тех пор в альбоме г-жи д'Эсте. А. Рубинштейн предполагает, что это сочинение было продано Шопеном г-же д'Эсте, что, впрочем, говорило бы о его хорошем к ней отношении, ибо в это время Шопен уже не испытывал острой нужды в деньгах. Предположение А. Рубинштейна в какой-то мере подтверждается и посвящением: «Composé pour la Baronne d'Este/F. Chopin». Автограф датирован: «Paris, Vendredi, 1835».

Фантазия-экспромт была издана Ю. Фонтаной как оп. 66 по черновику, найденному в бумагах Шопена после его смерти и датированному 1834 годом. Появившаяся более поздняя версия тщательно отредактирована композитором, в нее внесен целый ряд изменений по сравнению с черновым вариантом.

Впрочем, возможно, что Шопен решил не издавать Фантазию-экспромт из-за существующего в ней сходства с Экспромтом оп. 89 И. Мошелеса, на что обратил внимание А. Хэдли.

217. АСТОЛЬФ ДЕ КЮСТИН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Сен-Грасиен, 29 июня 1836

Милостивый Государь.

Вы единственный, кому я даю разрешение приезжать в Сен-Грасиен, когда вам заблагорассудится и не предупреждая меня об этом. Вот все, что я хотел вам сказать, присоединяя тысячу приветов.

А. де Кюстин.

Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 2, p. 193. Адрес: «Monsieur Chopin/rue du Mont-Blanc № 5». Почтовый штемпель: «30 VI 1836».

218. ИЗ ДНЕВНИКА Ю. У. НЕМЦЕВИЧА

Монморанси, июнь 1836

[...] Обед у генерала Князевича, на котором присутствовали Мицкевич и Шопен, один из лучших пианистов Европы, веселый, остроумный, умеющий передразнить любого, он превосходно нас развеселил. [...]

German F. Chopin i Mickiewicz. Rocznik Chopinowski, t. 1. [Kraków]. 1956, s. 231.

Лейпциг, 28 августа 1836

Лейпциг, 28 августа 1836

Дорогие Эдуард и Тереза.

[...] Только что я написал Шопену¹, который должен быть в Мариенбаде², чтобы узнать, действительно ли он там. Во всяком случае, я все равно осенью еще раз приеду к Вам. Но если Шопен напишет мне теперь же, я выберусь раньше и поеду через Карлсбад и Мариенбад. Тереза, как это было бы хорошо! Ты должна поехать со мною! Прочтешь сначала ответ Шопена, и тогда подробно поговорим о другом. [...]

Отрывок. Шуман Р. Письма, т. 1, с. 263.

¹ Это письмо Р. Шумана не сохранилось; Ф. Шопен не ответил на него, и 8 сентября Шуман отправил Шопену письмо в Дрезден (см. письмо 220).

² По предложению Ф. Никса, Р. Шуман знал о пребывании Ф. Шопена в Мариенбаде из его не дошедшего до нас письма.

Шопен в это время действительно находился в Мариенбаде, где встретился с Водзинскими. Из Парижа он выехал 19 июля, в Мариенбад приехал 28 июля и остановился в той же гостинице, что и Водзинские — «У белого лебедя» (в полицейской регистрационной книге значится: «№ 848. Фр. Шопен. Помещик из Парижа»). По свидетельству Ю. Костельской, Шопен в Мариенбаде «очень часто играл, несмотря на то, что каждый раз, когда вставал из-за инструмента, он бывал так бледен, что не в состоянии был хоть словечком ответить на восторженные похвалы и вряд ли слышал, что говорят ему; ему нужно было длительное время, чтобы успокоиться и обрести утраченное равновесие. Вообще, он был очень болезненным и нервным, так что при его виде каждый чувствовал, что он принадлежит к тем избранным, которых Бог рано призывает к себе». Впрочем, та же Ю. Костельская говорит «о неизменно хорошем настроении [Шопена]... плутовских проделках... [о том, что он] играл всем пришедшим, особенно часто из второй тетради этюдов (особенно два первых)» (Hoesick F. Chopin, t. 2, s. 173—174).

В Мариенбаде, в гостинице «У белого лебедя» Марией Водзинской написан известный, многократно репродуцировавшийся акварельный портрет Шопена.

Не сохранилось ни одного письма Шопена, написанного в Мариенбаде, а они несомненно существовали. В своих воспоминаниях Костельская упоминает о письме Шопена Я. Матушиньскому, которое касалось переезда на новую квартиру. Шопен подробно инструктировал Матушиньского, где и что разместить. Письмо было написано в стихах и выдержано в комическом тоне. Шопен, по словам Костельской, прежде чем написать очередное четверостишие, зачитывал его вслух, и слушатели покатывались со смеху.

После Второй мировой войны в Мариенбаде ежегодно проводятся шопеновские фестивали, а гостиница «У белого лебедя» с построенным концертным залом подарена правительством ЧССР обществу Фридерика Шопена.

220. РОБЕРТ ШУМАН — Ф. ШОПЕНУ В ДРЕЗДЕН

Лейпциг, 8 сентября 1836

Мой дорогой и уважаемый господин.

Вы могли бы написать мне одно лишь «да» или сообщить, вправду ли вы, как я слышал, находитесь в Дрездене. У меня есть намерение поехать к себе на родину через Дрезден, и я бы считал непростительным находиться вблизи Возвышенного, не высказав ему своего почтения и любви.

Итак, еще раз горячо прошу: сообщите «да» и Ваш адрес¹.

Преданный Вам

Роберт Шуман.

Мендельсон вернется сюда через неделю.

Адрес: «Empholen Monsieur M. Frédéric Chopin (de Paris) (Durch Herrn Musiklehrer C. Krägen)/Dresden. Если не удастся найти адрес, просят уваж[аемую] почту незамедлительно вернуть письмо по адр[есу]: Роберт Шуман, в Лейпциге». Помета карандашом: «N. Berlin». Письмо, как указано в адресе, было отправлено через Карла Крёгена.

¹ Проведя вместе месяц в Мариенбаде, Шопен и Водзиньские выехали оттуда и прибыли в Дрезден 29 августа (возможно, по дороге они останавливались на несколько дней в Карлсбаде или Теплице). 30 августа: «Dresdener Anzeiger» сообщал в рубрике о прибывших: «29 августа... Г-н Шопен, профессор из Парижа».

Ф. Шопен и на этот раз не ответил Шуману; впрочем, в этом не было необходимости, ибо 29 сентября он уже был в Лейпциге, где состоялась их вторая встреча (см. письмо 221).

221. РОБЕРТ ШУМАН — ГЕНРИХУ ДОРНУ В РИГУ

Лейпциг, 14 сентября 1836

Лейпциг, 14 сентября [18]36

Мой дорогой господин.

Позавчера, когда я получил Ваше письмо, на которое хотел тут же ответить, вошел — кто бы Вы думали? — Шопен! Велика была радость. Мы провели замечательный день, которому я еще и вчера продолжал радоваться...¹

От Шопена я получил новую *Балладу*². Она представляется мне наиболее близким его гению (а не просто гениальным) произведением, и я сказал ему, что из всего, созданного им, она мне больше всего пришлась по сердцу. После довольно продолжительного раздумья он ответил мне очень убежденно: «Это меня радует, я тоже люблю ее больше всего, она мне дороже всех». Затем он сыграл мне множество этюдов, мазурок и ноктюрнов — все несравненно. Один его вид за фортепиано умиляет. Вы бы наверняка полюбили его. Однако Клара — еще больший виртуоз, и она

придает его композициям чуть ли не больше выражения, чем он сам. Представьте себе — он воплощение совершенства, мастерства, и, кажется, сам не отдает себе отчета в этом! [...]»³.

С глубочайшей искренней дружбой Ваш

Р. Шуман.

Отрывок.

¹ В Лейпциге Шопен слушал игру К. Вик и подарил ей свой музыкальный автограф с дарственной надписью: «Лейпциг 1836 с[его] 12 сентября /M-lle Кларе Вик/ ее почитатель ФФШопен». О пребывании Шопена в Лейпциге Шуман писал в «Neue Zeitschrift für Musik» в номере от 16 сентября 1836 г. Об этом же он сделал запись в своем дневнике: «12 утром Шопен [...] Его баллада мне милее всего. Очень приятно, очень приятно [ответ Шопена]. Неохотно слушает, когда говорят о его произведениях. Всепроникающая теплота. Трогательное зрелище — Шопен за инструментом. Новые этюды в *c-moll*, в *As-dur*, в *f-moll*, старые мазурки в *B*, две новые баллады, ноктюрны в е... Подношу ему мою сонату и этюд, он мне — свою балладу. Укладка. Почта. Проводил мастера к Элеоноре [Генриетте Фойгт]. Сыграл [у Фойгт] ноктюрн и этюд из одних арпеджий. Прощание. Ушел. Ушел» (Шуман Р. Письма, т. 1, с. 618).

О пребывании Шопена в Лейпциге писала в своем дневнике и Генриетта Фойгт: «Вчера [12 сентября 1836 г.] меня посетил Шопен и на моем фортепиано около получаса играл новую *Фантазию* [вероятно, Баллада *g-moll*] и несколько новых этюдов. Интересный человек; а еще более интересна его манера игры. Она произвела на меня очень большое впечатление. Я, затаив дыхание, старалась не упустить ничего из той истинно фантастической манеры, с какой он трактует свое искусство. Достойна изумления легкость его бархатистых пальцев, передвигающихся, летающих, если так можно сказать, по клавиатуре. Признаюсь, я не предполагала, что кто-нибудь может очаровать меня до такой степени. Что меня больше всего радует — это почти детская его наивность и естественность как в его игре, так и во всем его поведении» («Neue Musik Zeitung», 1839). После отъезда Шопена Г. Фойгт тут же послала в нотный магазин Кистнера и велела приобрести все имеющиеся сочинения Шопена.

² Баллада *g-moll* ор. 23, изданная у Брейткопфа и Гертеля в июне 1836 г.

³ Это была последняя встреча Шопена с Шуманом, который и в дальнейшем живо интересовался жизнью и творчеством Шопена, справлялся о нем у своих корреспондентов. Шуман еще несколько раз писал Шопену, о чем свидетельствуют записи в его так называемой *Briefbuch* — книге писем; так, под 20 августа 1837 г. значится: «Шопену в Париж. Через д-ра Гюнца. С экземпляром *Карнавала*»; 26 марта 1838 г.: «Шопену в Париж». Ответные письма Шопена неизвестны.

222. ТЕРЕЗА ВОДЗИНЬСКАЯ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Дрезден, 14 сентября 1836

14 сентября 1836

Дорогой Фридерик!

Согласно нашему уговору, пересылаю Тебе письмо для Пани Накваской; я бы уже два дня назад сделала это, если бы не зуб, который я велела вырвать после Твоего отъезда, и очень из-за него мучилась.

Не могу утешиться, что Ты уехал в субботу; в этот день я болела и не могла достаточно заняться Сумерками¹, и мы лишь кратко поговорили об этом. На следующий день смогли бы больше. П[ани] Жирарден говорит: «Во всяком случае, завтрашний день — великое дело, ведь он еще весь у нас впереди». Не думай, будто я отказываюсь от того, что говорила, нет; но надо было обсудить путь, по которому предстоит идти. А пока я попрошу Тебя хранить молчание; будь здоров, — все зависит от этого. Казю приехал в воскресенье. Как он изменился со времени своего отъезда! И если в Чехии воздух наполнен опнумом², то там несомненно цикут ой³. Какая это перспектива для Марии! Кто знает, какой она будет через год. Юзя останется здесь с панной Маллэ, а я приеду весной и снова отправлюсь на воды. Таковы мои планы, и даст бог, они осуществятся. Если Антось, бог даст, вернется здоровым, уговаривай его взяться за работу, пусть учится, сколько может, ибо братья его мало что умеют, а было бы стыдно, чтобы женщина была выше всех своих собратьев. Сейчас ничего не могу послать ему, ибо (как говорит Казю), Отец самый богатый во всей провинции, — и мы должны жить соответственно этому; это хорошо, но, по-моему, плохо, если из-за этого ребенок должен умирать с голоду.

Как только прибуду в Варшаву — перешлю в Твои руки для Антоса, сколько смогу, а сейчас прошу Тебя, если располагаешь какими-либо новостями о нем, поделись ими со мной. Я пробуду здесь — считая с сегодняшнего дня — еще две недели, а к 15 октября уже буду в Варшаве, потому что в этот день должна состояться свадьба. Я увижу Твоих родителей и Твоих сестер; я скажу им, что Ты здоров и весел, хотя о Сумерках умолчу. Будь, однако, уверен в моем благосклонном расположении; для исполнения моего желания и испытания ваших чувств эта предосторожность безусловно необходима. Прощай! Ложись спать в одиннадцать, до 7 января принимай в виде напитка L'eau de gomme⁴. П[ан] Матушинский согласится со мной, и ты попадешь в Мариенбад или Франценбрунн, как Скужевский⁵.

Будь здоров, дорогой Фрыцку, благословляю Тебя от всей души, как любящая Тебя м[ать].

Т. В.

Мария посылает с п[ани] Германи туфли. Они немного велики, но она добавляет, чтобы Ты носил шерстяные чулки; так решил Парис, и я полагаю, что Ты будешь слушаться, как обещал. Наконец, учти и то, что это время испытания.

Адрес: «Monsieur/Frédéric Chopin/à Paris/N 5, Chaussée d'Antin». Почтовые штемпеля: «Dresden, 15 Sept. 36» и «[Paris,] 22 Sept. 1836».

¹ Накануне своего отъезда из Дрездена (10 сентября) Шопен просил руки Марии Водзиньской, получил ее согласие и согласие ее матери (правда, опасаясь препятствий со стороны мужа, Тереза Водзиньская потребовала, чтобы предложение Шопена пока оставалось в тайне). Предложение было сделано под вечер — отсюда повторяющиеся в письмах Водзиньских намеки на «сумерки».

В Дрездене Шопен вписал в альбом Марии Водзинской песню «Колечко» (датирована: «Drezno 8 7bre 1836») и песню «Прочь с моих глаз» (1830).

² Возможно, намек на опиум, который врачи давали в Мариенбаде Ф. Шопену в связи с его болезнью.

³ В оригинале игра слов: «szalei» — «цикута» и «безумие», «сумасшествие»; речь идет о Польше, куда ехали Водзинские.

⁴ Камедь аравийская — затвердевший сок из трещин коры *Acacia Senegal*; в то время камедь широко применялась как лечебное средство (в виде сиропа, желе, в шоколаде и т. д.).

⁵ Лео Скужевский лечился в Мариенбаде от ожирения.

223. КАЗИМЕЖ ВОДЗИНСКИЙ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Дрезден, 15 сентября 1836

Дрезден, сего 15 сентября 1836

Дорогой Фрыцу!

Ты легко можешь себе представить, как я огорчился, когда узнал от матери, что ты выехал за двадцать четыре часа до моего приезда в Дрезден. Сколько прекрасных мгновений утрачено мной. Ах, с каким сожалением я вспоминаю пребывание в Мариенбаде; но сожаления уже тщетны, и будет лучше и интереснее для Тебя, если я сообщу Тебе о Твоих родителях и сестрах, которых я видел в Варшаве перед отъездом. Твой отец совершенно не изменился; он выглядит хорошо, так же как в те времена, когда ругал нас, ставил на колени и иногда задавал порку. Твоя мать чувствует себя совсем хорошо, если не считать глаз, на которые она иногда жалуется. Пани Енджеевич, как всегда, хороша, мила, добра, именно так надо сказать.

Мне вспомнились те добрые времена, когда я приходил отвечать заданный урок и был таким сорванцом. Дети¹ красивые и здоровые, мальчик ездит на деревянной лошадке и собирается к своему дяде г-ну Фридрику Шопену в Париж. Пани Барциньская также здорова; он² же по своему характеру страшно переменялся: тихий, хмурый, молчаливый, совсем не тот, что был раньше. Наконец, будучи у них в четверг, когда все были вместе, я совсем представил, будто я еще в пансионе; я рассказывал о своем путешествии г-же Енджеевич, словно отвечал урок; я дрожал, разговаривая с Барциньским, и очень испугался, когда меня позвал твой отец. [...]

К. Водзинь[ский].

[...] N. b. Живнй здоров и совсем не поседел; всегда доказывает, что первые шаги в учении — это главное. [...]

[Приписка Марии Водзинской:]

С вашего отъезда мы безутешны; три истекших дня показались нам веками; и вам также? Скучаете ли вы хоть немного о ваших друзьях? Да, отвечаю я за вас и надеюсь, что не ошибаюсь: по крайней мере, мне необходимо в это верить. Я говорю себе, что это да исходит от вас (не правда ли, вы его произносите?).

Туфли закончены, посылаю их. Меня огорчает, что они велики [...]. Доктор Парис меня утешает, говоря, что это хорошо для вас, так как зимой вы должны носить теплые шерстяные чулки.

Маме вырвали зуб; она очень ослабела от этого. До сих пор была вынуждена лежать в постели. Через две недели едем в Польшу. Я увижу ваших родителей: какое это для меня счастье; а славная Людвика — узнает ли она меня? Прощайте, mio carissimo maestro*, не забывайте сейчас Дрезден, а вскоре Польшу. Прощайте, до свидания! Ах! если бы это случилось как можно скорее!

Мария.

Казио говорил мне, что служевское фортепиано так разбито, что на нем нельзя играть. Так что подумайте о Плейеле. В более счастливые (для нас) времена, чем нынешние, я надеюсь услышать вас играющим на этом фортепиано³; до свидания, до свидания, до свидания! На это надо надеяться.

Отрывок. Адрес: «Monsieur/Frédéric Chopin/ Paris».

¹ Дети Енджеевичей, племянники Ф. Шопена.

² Антоний Барциньский.

³ Инструмент фирмы Плейеля был выбран Ф. Шопеном и в начале 1837 г. отправлен в Служево.

224. ТЕРЕЗЕ ВОДЗИНЬСКОЙ В ДРЕЗДЕН

Париж, 23 сентября 1836

Париж, 23 7^b [septembre]

Милостивейшая Пани!

Орен, приехавший с ген[ералом] Бернелем из Пампел[уны], сказал мне, что Антось здоров, но только им кроме риса почти нечего есть — что после последних событий в Мадр[иде] они бездействуют — и что самое лучшее: нынешний генерал Пани Лебо очень к ним расположен. Как только узнаю что-либо новое, сразу же сообщу — но вот хотелось бы знать, куда адресовать.

Ваше письмо получил вчера¹; — как жаль, что Вы так мучились зубами! — приказ выполняю свято — записку для Пани Накв[аской], которой я уже успел соврать, что она у меня дома, отдам. — Жалею, что не дождался Казя — я доехал, как говорится, счастливо — на границе кланялись моему хрусталу и коврам. Если бы Пани знала, насколько все это теперь кажется еще прекрасней! — не смогу описать. —

Пани Осс[олинская] не выезжала из Парижа, она страдает сильным катаром — душевно расспрашивала о здоровье Вашего семейства, об отступничестве Феликса — не собирается

* Мой дражайший маэстро (итал.).

ли Панна Мария замуж? — не жаль ли [расставаться] с Женевой? — возвращается ли пани и т. д. и т. п. Я отдал письмо панне Ванд[зе], которая так славно подрастает. — Кн[яги]ня знала о смерти пани Людв[ики], она с волнением прочла несколько слов, что я ей отвез — так же как пани Гофм[анова]. Пана Луц[евского] я не застал: он выехал куда-то в провинцию, однако, вероятно, поручение выполнил. — У Пляте-ров радость по случаю приезда дрезденского гостя; — я снова оказался среди своих добрых друзей — одни находят меня изменившимся — и этим я не верю, другие — что я такой же, как два месяца назад — а этих я не очень люблю — третьи же говорят мне, что я поправился и эти-то меня больше всего радуют, ибо сулят мне участь Скужевского — дело важное. —

Моя работа уже начинается — завтра переезжаю и приступаю к зиме. Люди говорят, что она будет еще более тягостной, чем прошлогодняя. — Панне Марии [прошу передать, что] у меня не хватает слов [благодарности] за Германи² — мадемуазель иль³ не представляет себе, как я ему буду рад. — Посылаю несколько автог[рафов], которые подвернулись мне под руку — если Пани позволит, следующий раз пришлю больше. — Пока что там несколько слов Мицк[евича], Берлиоза, отрывок переписки Листа, привезенный Антосем из Женевы — и * вчерашняя приписка Гейне к одному старому письму, не знаю уж какой из Саксонских Принцесс к Корол[еве] Обеих Сицилий, которое мне дали в [18]30-м году, когда я проезжал через Дрезден и должен был ехать в Неаполь. — Но где ж мой Неаполь? — переселился в Альбом. — Вас ожидают радости — балы — дни свадьбы! — Дай только бог здоровья. Карюс, наверно, исцелил Ваши мигрень и боль в боку — Служево, верно, пойдет на пользу — и я счастливо увижу весной Вас и Панну Юзефу.

Ф. Шопен.

Мое почтение пану Водз[иньскому] — Феликсу и жене — всего наилучшего — Казя обнимаю — панне Юзефе и п[анне] Маллэ желаю веселых пирожков — Терезку целую от всей души. — Моей матери [скажите] — что я здоров — что я весел.

[Приписка к месту, обозначенному звездочкой:]

Распечатал — потому что забыл, что пишу в Дрезден — и посылаю высмеиваемое письмо к саксонскому двору — опасаясь, как бы эти несколько слов — не задержали вручения [письма] — перешлю их потом — на другой адрес.

На русском публикуется впервые. Chopin na obczyznie, s. 152—153.

¹ См. письмо 222.

² То есть за туфли, пересланные с Германи.

³ Фонетическая запись французского текста: «Mademoiselle il» — «Мадмуазель он»; так прозвала Ф. Шопена маленькая Тереза Водзиньская.

225. ТЕРЕЗА ВОДЗИНЬСКАЯ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Дрезден, 2 октября 1836

Мой дорогой Фрыцек!

Я благодарна Тебе за сообщение об Антосе. Вчера я получила Твое письмо и, признаюсь, только его и ждала. Послезавтра выезжаю, через две недели буду в Варшаве и за Тебя обниму Твоих родителей и сестер. Пиши нам, как только Тебе позволит время; [...] Меня просили, чтобы я порекомендовала Тебе Бычковского, живописца, которому было приказано отсюда выехать. Я его мало знаю, но насколько знаю, — мне кажется, что это добрый человек, и что больше всего говорит в его пользу — несчастный.

Вижу из Твоего письма, что Ты только клянешься свято исполнять мои приказания, а между тем лжешь, ибо ничего не пишешь ни о том, что будешь носить шерстяные чулки к туфлям, ни о том, что будешь ложиться до одиннадцати; да вот и пани Накваской соврал подобно Кунцелю; кстати, Кунцель уже вернулся; он дуется, что Ты не был у Каскелей, и вообще из-за Тебя многие на меня криво смотрят; так и кредит из-за Тебя потеряю. Вот так-то на этом свете. Мария очень просит, чтобы Ты носил туфли каждый день [...]. Напишу Тебе из Варшавы, а теперь повторяю, чтобы берег себя, а в остальном все хорошо. [...]

Твой портрет¹ находят очень схожим, и Мария сказала, что это утвердит ее артистическую репутацию. С тех пор она сделала портрет Мачевой² и Чиккарелли, ибо последний об этом очень просил; в два сеанса, и похож необыкновенно. [...] П[анна] Маллэ, Юзя, Мария мило Тебе кланяются — и все, все: Казё, Парис, а я нежно Тебя обнимаю.

2 октября
С умерки

[Приписка Марии Водзиньской:]

Благодарю за автографы и прошу прислать еще (это мне велела написать Мама). Мы теперь как можно скорее едем в Варшаву. Как я рада снова увидеть всю вашу семью, а в будущем году Вас. Казё очень много говорит о Лусе и (несмотря на все, что вы сможете сказать, придерживаясь противоположного мнения), находит, что она похожа на меня. Это мне очень льстит, так как говорят, что она очень хороша.

Прощайте, до мая или июня, или позже. Поручаю вашей памяти вашего верного секретаря.

Мария.

Адрес: «Monsieur Frédéric Chopin /Paris/ № 38, Rue de Chaussée d'Antin». Почтовые штемпеля: «Dresden, 3 Oct. 36» и «[Paris.] 10 Oct. 36».

¹ Акварельный портрет Ф. Шопена, сделанный М. Водзиньской в Мариенбаде (ныне хранится в варшавском Национальном музее; авторская копия — в музее во Львове). В Дрездене М. Водзиньская сделала с него литографию. Один из оттисков она преподнесла в Варшаве родителям

Шопена с дарственной надписью: «Его родителям — благодарная за Их милостивое к нам расположение. *Мария Водзиньская*». Ту же литографию она преподнесла и сестрам Шопена «в знак искренней привязанности».

² Портрет жены воеводы Мачея Водзиньского; ныне в варшавском Национальном музее.

226. ТЕРЕЗЕ ВОДЗИНЬСКОЙ В СЛУЖЕВО

Париж, 1 ноября 1836

Париж, [его] 1 nov[embre] 1836

Я[сновельможная] и Милостивейшая Пани!

Посылаю письмо из Пампелуны¹, подписанное Антосем. Я воспользовался способом пани Диллер, который мне как-то счастливо удался. Содержание этого письма, как мне кажется, ускорило его написание², а из приписки Винцента³ Вы можете видеть, что Антось все такой же, что его любят и о нем помнят, что ему хорошо, насколько может быть хорошо — и что он не один.

Я с нетерпением ожидал этого письма, а тем временем Вы были заняты благословениями, так как Феликс, вероятно, уже обвенчался, а свадьба была веселая и пышная, и, конечно, танцевали и пили за здоровье, несколько дней отдавали и принимали визиты и т. п. Почему не существует в действительности этих волшебных зеркал, этих перстней, переносящих туда, куда уносится мысль... и [я бы увидел] моих родителей, расспрашивающих обо мне...

Пана Бычков[ского] еще нет; но я приму его самым лучшим образом.

Я счастлив, что сегодняшнее письмо — только конверт для письма Антося; один я немного бы сумел Вам сказать, по крайней мере, что касается количества. Никаких новостей не могу нынче выжать из своего пера. Однако меня спасают автограф[ы] всех святых, Антося и пани Анатольевой. Я не посылаю других Секретарю⁴, так как боюсь перегрузить письмо: к зиме перешлю их вместе с нотами. Пани Зофья по-прежнему всех Вас любит и вспоминает с искренним удовольствием. Цихоло, мой теперешний сосед, часто расспрашивает о Вас.

Зачем уже двенадцать? В двенадцать надо на уроки, и так до шести, а потом на обед, а с обеда на вечер в свет (до одиннадцати). Клянусь честью, я не лгу, думаю только о туфлях и играю в сумерках.

Будьте добры, черкните мне словечко по почте — дошло ли письмо Антося?

Наипреданнейший

Ф. Шопен.

Покорнейше прошу передать мое почтение пану Водзиньскому.

Секретарю же, что я несказанно рад, что он не забыл написать, и надеюсь, что и впредь не забудет, а кроме того, не будет поддерживать знакомства с Хайдлером. Что касается Феликса, то ему теперь, наверно, не до воспоминаний о ком бы то ни было. Казя обнимаю, а Терезе целую ручки, и пусть панна Мария будет так добра и передаст ей, что *Мадмуазель* или по ней тоскует и, увидев маленького ребенка, грустно восклицает: *нон па са, па са, у э ле пти Терез ки э си жан тий*⁵¹

Всем Вашим в Служево, в окрестностях, а также и в Дрездене желаю здоровья. Мой поклон Пани Глиньской, если она меня помнит,—и панне Терезе.

¹ Антоний Водзиньский, как и многие другие польские эмигранты, сражался добровольцем в полку польских улан, участвовавших в гражданской войне в Испании на стороне королевы-регентши Марии Кристины против претендента на престол дона Карлоса.

² По-видимому, Антоний Водзиньский просил прислать ему денег.

³ Винценцы Скаржиньский перешел из французского иностранного легиона в полк польских улан в Испании.

⁴ Речь идет о Марии Водзиньской, которая так иногда подписывалась в письмах к Ф. Шопену.

⁵ Фонетическая запись французского текста: «*Non pas ça, pas ça, ou est le petit Thérèse, qui est si gentille*» — «Нет, не то, не то, где маленький Терез, которая такая миленькая!»

227. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Париж, конец 1836

Жизнь моя, где живет Бжовский...

На визитной карточке: «*Frédéric Chopin [посередине], 38, rue de la Chaussée d'Antin [в правом нижнем углу]*». Адрес: «*M^r. Fontana, 3, Cité d'Antin*».

228. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Париж, без даты

Жизнь моя, пришли мне с моим старичком¹ — пачиниевского² Листа; через несколько часов я Тебе его верну.

¹ Старичок — слуга Ф. Шопена.

² Ф. Шопен просит Ю. Фонтану прислать ему одно из произведений Ф. Листа, изданных А. Пачини.

229. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Париж, конец 1836

[...] Я познакомился с большой знаменитостью — г-жой Дюдеван, известной под именем Жорж Санд¹, но ее лицо не-симпатично, и она мне совсем не понравилась. В ней есть даже что-то отталкивающее. [...]

Оригинал погиб в 1863 г. в Варшаве. Приведенный отрывок из письма Ф. Шопена родным цитирует М. Карасовский (см.: Karasowski M. Friedrich Chopin. Sein Leben und seine Briefe. Berlin, 1877).

¹ Это первое упоминание в письмах Шопена о Жорж Санд.

230. ИЗ ДНЕВНИКА¹ ЮЗЕФА БЖОВСКОГО

Париж, 4—13 декабря 1836

[...] Следующее утро [4 декабря] я посвятил посещению Шопена. На улице Mont Blanc, то есть Rue de la Chaussée d'Antin номер 38, в необыкновенно чистом и роскошном доме жил тогда этот выдающийся артист-композитор, подлинный преобразователь [музыки] — Коперник фортепиано, поэт и певец чувств и достойная частица славы страны нашей.

Когда я пришел и легко тронул звонок, сразу же выбежал слуга [...]; я понял, что Шопен пьет кофе и у него урок. Я хотел подождать, пока кончатся оба эти занятия, но Шопен, услышав, что кто-то пришел, прервал свои занятия, вышел, взглянул и сразу же узнал меня. Изумление и радость попеременно охватывали нас... Он не позволил мне уйти и провел меня в гостиную, ибо урок как раз кончился, а завтрак только что принесли.

— Заходи, — сказал он, — увидишь красивую графиню, мою ученицу.

И в самом деле, она была очень хороша; она только что встала из-за фортепиано, подошла к своей гувернантке, и обе собирались уходить.

После того как они удалились, я вручил Шопену письмо от его семьи и медаль Моцарта от артиста Тейхмана. Мы вместе пили кофе, разговор был оживленным, а между тем подошел его друг Франккомм, виолончелист, а позже еще несколько знакомых. В кругу столь избранных гостей хорошее настроение виртуоза, к моей великой радости, привело к тому, что он легко и любезно согласился сесть за фортепиано. Он будет играть... Я его услышу!.. Я знал раньше его талант, но как он должен был развиваться, думалось мне, с тех пор, как он приобрел блеск европейской славы!..

Сначала он сыграл несколько новых этюдов. [...]

Шопен был в этот день особенно щедр; он играл бесконечно — то мазурки, то баллады, потом скерцо, ноктюрны, и все это приводило нас в состояние блаженного восторга... [...]

Столь прекрасное утро продолжалось до часа дня. [...]

Дома я нашел записку Шопена² [...] Я с охотой поспешил на это собрание, весьма для меня привлекательное, ибо приглашенные, по боль-

шей части, были из лиц, ярко выделявшихся в литературе и искусстве. Там были: маркиз Кюстин, Эжен Сю, Лист, Шельхер, Нурри, Пиксис, Берье, Владыслав и Бернард Потоцкие, Альберт Гжимала, доктор Матушинский.

Среди них находились всего две дамы, — пани Жорж Санд и графиня д'Агу (известная в литературе под псевдонимом Даниэль Стерн) [...]

Однако в конце концов все эти беседы, споры и шуточные перебранки людей, блистающих на горизонте современного Парижа, начали мне казаться слишком длинными, ибо мне страстно хотелось узнать некоторых в их главном качестве — артистическом: а именно и прежде всего Листа, которого я до сих пор не слышал. Наущаемый мною, Шопен пригласил его сыграть в четыре руки *Сонату* Мошелеса.

Уселись за фортепиано: Лист — на *primo*, Шопен — на *secundo*. Я находился в состоянии почти лихорадочного нетерпения; когда же начали играть — неведомое мне ранее мастерство Листа, порывистость фразировки и его удивительная способность вдохнуть жизнь в композицию и в инструмент заставляли замирать мое дыхание. Пиксис, переворачивающий им ноты, видимо, разделял мой восторг, поскольку то и дело бросал мне полные восхищения взгляды. Остальные слушали в спокойствии, сознавая величие таланта обоих пианистов, и по окончании пьесы выразили им свое восхищение и преклонение.

После *Сонаты* Шопен предложил гостям мороженое; затем был подан чай, приготовлением которого занялась графиня, продолжая непринужденный разговор с другими гостями. Жорж Санд, прикованная к кушетке, не расставалась с сигарой; свой взгляд она обращала к тому, кто с ней разговаривал, а еще чаще к весело плававшему огню в камине.

Затем несравненный Нурри, отчасти для друга хозяина, а отчасти и для всех собравшихся, начал петь. Он исполнил несколько произведений Шуберта, которыми страстно увлекался; в числе прочего спел *Erlkönig* и *La belle religieuse*³, — Лист аккомпанировал ему на фортепиано. В конце все ждали, что будет играть Лист, но он отказался и начал нескончаемый философский спор с Бернардом Потоцким. [...]

Czartkowski A., Jeżewska Z. F. Chopin, s. 211—216.

¹ Как явствует из содержания и стиля отрывка, запись сделана Ю. Бжовским некоторое время спустя после описываемых событий.

На следующих страницах своего *Дневника* Бжовский описывает бал у графини Мостовской: «Вечер этот носил скорее семейный, нежели светский характер — не было оркестра, который заменяло фортепиано, а среди желающих сопровождать танцы был и Шопен, игравший вальсы своего сочинения». Услышал Бжовский и сольное выступление Ф. Листа: «...В заключение, в 11-м и 12-м *Этюдах* Шопена, он совершенно превзошел мое воображение о возможностях их исполнения». На другом концерте Лист играл два *этюда* Шопена (*As-dur* и *f-moll*); он играл по рукописи: часа за два до концерта ноты еще находились у Бжовского. Вместе с Ф. Шопеном Бжовский был на музыкальном утреннике у Тремона, где Лист играл *этюд* *c-moll* Шопена, а автор сидел рядом с инструментом.

Перед отъездом из Франции (Бжовский находился в Париже до лета 1837 г.) Шопен пригласил его провести день в Сен-Грасиене у А. де Кюстина, где должны были петь Дюпре и его жена. «Дорога среди деревьев напоминала нам окрестности Варшавы, вызывала воспоминания о ней, кото-

рые для Шопена были во сто крат более волнующими, так как картины Родины были для него более отдаленными, чем для меня...». Они позавтракали в корчме хлебом и молоком и, сев на ослы, отправились «в лес Монморанси осмотреть так называемый Эрмитаж, место, прославленное пребыванием здесь Руссо и Гретри... Сначала мы вошли в маленькую комнату, памятную тем, что в ней обычно работал Руссо. Посредине стоял вполне сохранившийся столик, на котором он писал свою *Новую Элоизу*. У стены находилось старое, сильно подпорченное фортепиано, память о Гретри, за которым этот некогда прославленный композитор создавал свои произведения. Кабинет украшали стихи и бюсты этих двух великих мужей...». После обеда Шопен и Бжовский направились, наконец, в Сен-Грасиен. Среди приглашенных были Ж. А. Дюпре с женой, Берлиоз с женой, Софи Гэ... Шопен играл «свой новый *Этюд As-dur*, начало *Второй Баллады*». Затем он импровизировал. После ужина певца Мерлен, креолка, под кастаньеты исполняла испанские песни. «Маркиз [де Кюстин] и остальные гости просили Шопена, чтобы он ответил на испанскую тему... Чудесная импровизация гениального артиста была последним звеном этого драгоценного ожерелья, искусно собранного из музыкальных талантов».

«Два дня, предшествовавшие моему отъезду из Парижа, я имел удовольствие обедать с Шопеном [...]. Мы застали виртуоза за уроком, который он давал молодому немцу, Гутману — по его мнению, лучшему своему ученику. После прихода нас, а через минуту — и Эдварда Вольфа, Шопен пожелал щегольнуть перед нами своим учеником и попросил его сыграть несколько своих этюдов, затем *Фантазию* Гуммеля и несколько вещей Листа: фантазию из *Жидовки* и на арию Пачини. Все было исполнено очень искусно, и можно было увидеть в нем [Гутмане] механизм, хорошо отлаженный Шопеном, но мы не заметили ни одного отблеска от искры гениального Ментора». Перед самым отъездом, пишет Ю. Бжовский, «зайдя к Фридерiku, я застал его, как уже не раз, за уроком. Я хотел отнять у него всего лишь минуту, но он задержал меня. Он передал мне поручения для своих родителей и семьи, и просил также передать поклонны ряду известных артистов в Варшаве...». («Echo Muzyczne, Teatralne i Artystyczne», 1900, №9, 13, 15, 16).

² См. письмо 231.

³ Песни Ф. Шуберта «Лесной царь» (слова Гёте; 1815) и «Молодая монахиня» (слова Крайгера; 1825).

231. ЮЗЕФУ БЖОВСКОМУ В ПАРИЖ

Париж, 13 декабря 1836

Сегодня у меня соберется несколько человек, среди них пани Санд, причем Лист будет играть, Нурри петь. Если это может доставить удовольствие пану Бжовскому, то я жду его вечером.

Визитная карточка Ф. Шопена. Датировано на основании записи в Дневнике Ю. Бжовского.

232. ИЗ ДНЕВНИКА ЭУСТАХИЯ ЯНУШКЕВИЧА

Париж, 24 декабря 1836

[...] Поскольку это был день [именин] Адама [Мицкевича], Еловицкий и я устроили вечер для всех литераторов под председательством Ю. У. Нем-

цевича. Он поднял тост: за отца поэм *Дяды, Гражина*, [Конрад] *Валленрод*, а особенно несравненной Марии. За это добавление и ухватился Адам в ответном похвальном слове, обращенном к Урсыну [Немцевичу], признавая, что единственно только в этом сумел превзойти нашего Нестора. Старый Юльян так развеселился, что, хотя обычно он остается только до одиннадцати, а затем идет отдыхать, просидел до часу ночи, рассказывая нам, детям, о временах Четырехлетнего сейма. Несравненный Шопен играл, пел, импровизировал, и все были так увлечены [его] игрой и сердечным веселием, что никто не заметил северного сияния, которое светило нам полчаса.

Hoesick F. Chopin, t. 2, s. 140.

233. ЮЗЕФУ БЖОВСКОМУ В ПАРИЖ

Париж, конец 1836

К несчастью, сегодня к семи я не смогу закончить своих занятий: мы не смогли бы ни поестъ, ни поговорить; поэтому приглашаю пана Бжовского оказать мне любезность в другое — и ему и мне более удобное — время.

ФФШ.

На визитной карточке Шопена.

234. ЭРНЕСТ ЛЕГУВЭ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, до 1837

Вы нам доставили столько удовольствия, Милостивый государь, вы нас растрогали до глубины сердца так, что мы еще и сегодня полны этими впечатлениями, и я испытываю потребность написать вам, что вчерашний вечер был для нас одним из самых восхитительных — даже не только из тех, которые мы провели, но и из тех, о которых лишь грезили.

Ваш, исполненный благодарности

Э. Легувэ.

235. ТЕРЕЗА ВОДЗИНЬСКАЯ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Служево, 25 января 1837

25 января 1837

Мой дорогой Фрыцек!

Мы давно, и очень давно получили Твое письмо, а вскоре затем и посылку с нотами, за которые я не буду благодарить, а побраню. Как же можно было пересылать keepsake¹? Также и о фортепиано Ты не написал, сколько Тебе переслать, а тут надо знать заранее, чтобы собирать на это. [...] У нас очень грустно; со времени нашего возвращения из Варшавы мы шагу никуда не ступили, да и у нас также никого не было. Молодежь, то есть мой муж, Феликс с женой и Казё ездят и веселятся, ибо прошу верить, что и в нашей округе имеются балы, концерты и театры.

Только мы—старики, то есть я, Мария и Тереса, проводим одинокие дни в замке, и бой часов раздается сильнее, чем когда-либо, напоминая о часах отдыха или еды, так как у нас нет других занятий из-за отсутствия фортепиано, карандашей и книг и т. д. Кстати, о карандашах,—Тереса посылает рисунок своей работы и поручает передать самые лучшие пожелания. [...] Автогр[афы] удивительны, приписка Гейне и д'Арленкура мне очень приятна, как и записка Кюстина. [...] П[ани] Глиньская все еще в Дрездене. Юзя также ожидает меня там, а я не знаю, когда смогу выбраться.

Прощай, мой дорогой Фрыцек,—искренне Тебя любящая.

Т. В.

О нашем голубчике² теперь надо разузнавать еще более осторожно.

[Приписка Марии Водзиньской:]

Мама вас побранила, а я благодарна, очень благодарна, а когда встретимся—поблагодарю еще красивей. Видно, я очень ленюсь писать, ибо, откладывая до встречи, я себя освобождаю от многих слов сейчас.

Мама описала нашу здешнюю жизнь так, что ничего нового я не могу сообщить; разве о том, что оттепель,—великая новость, не правда ли? Та спокойная жизнь, которую мы здесь ведем—именно то, что мне необходимо, и потому сейчас я ее люблю; но, разумеется, я не хотела бы,

чтобы так оставалось всегда. Следует принимать свою участь такую, какова она есть — раз уж она не может быть иной.

Занимаюсь чем попало, чтобы убить время. Сейчас у меня Германия Гейне, которая меня бесконечно занимает. Но надо заканчивать и поручить вас милосердию божьему. Надеюсь, что нет необходимости повторять уверения в чувствах Вашего преданного секретаря.

Мария.

Отрывок. Адрес: «Monsieur Frédéric Chopin /Paris/ 38, Chaussée d'Antin». Почтовые штемпеля: «Thorn, 25» и «Paris, 3 Févr. 1837».

¹ Keepsake — альбом, подарок на память (англ.). Популярны в те годы названия разного рода альманахов, новогодних сборников с соответствующими гравюрами.

² По-видимому, имеется в виду Антоний Водзиньский.

236. ЮСТЫНА ШОПЕН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, конец февраля 1837

Дорогой Фридерик!

Приближается день первого и пятого марта¹, а я не могу Тебя обнять. Нет такого счастья на земле, которого я бы Тебе не пожелала, дорогой Фрыцио. Сердце мое переполнено чувствами, поэтому я не знаю, с чего начать и что пожелать Тебе; буду лишь просить бога хранить Тебя и одарить всеми благами. —

Пани Водзиньская говорила мне, что Ты обещал ей рано ложиться спать, чему я очень рада, так как это необходимо для Твоего здоровья; однако ты не сдержал данного ей слова. Это особенно важно сейчас, когда свирепствует такой сильный грипп, а простуда и утомление — главные причины, содействующие этой болезни! остерегайся их, дорогое дитя, а главное — не простуживайся. Пиши нам часто, ибо поверь мне, что как только проходит месяц, а от Тебя нет письма, то каждый из нас начинает обманывать других, выискивая причины, объясняющие Твое молчание, и успокаивая друг друга, а про себя думая другое. Как хорошо, что эта богиня будущего², наверно, всем предсказывает счастье. Я думаю, Тебе любопытно было ее увидеть, но было бы излишней храбростью слушать ее прорицания, ибо при всем Твоем здравомыслии, если бы она сказала что-нибудь для Тебя неприятное — это бы Тебя беспокоило какое-то время. Дай же мне слово, любимый Фрыцек, что Ты больше не будешь ее посещать.

Мне нечего рассказать Тебе, так как все, что может Тебя интересовать, Тебе сообщают сестры³. С нетерпением ожидаем Твоего письма, мой самый дорогой Фрыцио. Не беспокойся за нас, береги свое здоровье — оно важнее всего для нашего счастья.

От души обнимаю Тебя, бесконечно привязанная

Мать.

¹ «...день первого и пятого марта...» — день рождения и именин Ф. Шопена.

² Имеется в виду М-ле Мария Ленорман.

³ Приписка сестер Ф. Шопена не сохранилась.

237. ЖОРЖ САНД — Ф. ЛИСТУ В ПАРИЖ

Ноан, 28 марта 1837

Ноан, 28 марта 1837

[...] Приезжайте как можно скорее навестить меня. Любовь, расположение и дружба зовут вас в Ноан. Любовь (Мари)¹ слегка нездорова; расположение (Морис и Пельтан) — здоровы; дружба (я) — здорова и полнотела.

Мари сказала мне, что можно ожидать [приезда] Шопена; скажите ему, что я прошу его сопровождать вас, что Мари не может без него жить, и что я его обожаю.

Я напишу Гжимале и уговорю его, чтобы он тоже нас посетил. [...]

Ж. С.

Отрывок.

¹ Мари д'Агу.

238. МАРИЯ ВОДЗИНЬСКАЯ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ¹

Служево, 1837

Я могу написать вам лишь несколько строк, чтобы поблагодарить за прекрасную тетрадь, которую вы мне прислали². Я не стану пытаться описать вам, какую радость я испытала, получив ее, это было бы тщетно.

Примите, прошу вас, уверения в чувствах глубокой признательности к вам. Верьте в привязанность, которую неизменно питает к вам вся наша семья, — и в особенности ваша самая плохая ученица и друг детства. Прощайте, Мама вас нежно обнимает. Тереза поминутно говорит о своем Шопене.

Прощайте, не забывайте нас.

Мария.

Адрес: «Pour Frédéric Chopin».

¹ Это последнее из известных писем Марии Водзиньской Ф. Шопену.

² Речь идет, по-видимому, о так называемом «Альбоме» Марии Водзиньской. В конце 1836 — начале 1837 г. Ф. Шопен через своих родных переслал М. Водзиньской музыкальный альбом, переплетенный в красную кожу с вытисненной золотой надписью: «Marie». В Варшаве, перед отсылкой альбома Марии, сестра Шопена Людвика Енджеевич вписала в него восемь песен Шопена и его *Lento con gran espressione*.

Этот Альбом был в свое время издан фирмой «Брейткопф и Гертель» (публикация Корнелии Лёвенхер-Парнас), — тогда полагали, что нотные тексты в Альбоме являются автографами Шопена («Maria», Ein Liebesidyllin Tönen, herausg. v. Kornelia Parnas. Leipzig, 1910).

239. ТЕРЕЗЕ ВОДЗИНЬСКОЙ В СЛУЖЕВО

Париж, 2 апреля 1837

Париж, 2 апреля 1837

Я пользуюсь разрешением пани Накваской приписать несколько слов. От Антония я надеюсь получить собственноручное сообщение. Я незамедлительно переписью его Вам, пусть даже оно будет еще обширнее, чем то, в котором была приписка Винцента. Прошу Вас успокоиться на его счет. До сих пор [они] все находятся в городе. Никаких подробностей мы не знаем, так как каждый пишет лишь о себе. Мое письмо, отправленное в том месяце, уже, верно, в Служево и, насколько возможно, успокоило Вас относительно этого Испанца, который должен же, должен написать мне пару слов.

Не стану говорить много о том, как опечалило меня известие о кончине Вашей Матери — не из-за нее, так как я ее не знал — а из-за Вас всех, — кого я знаю. (Это последовательно!) Должен Вам признаться, что я впал в состояние, подобное тому, в каком оказался в Мариенбаде над книжкой П[анни] Марии, на которой я и за сто лет ничего бы не смог написать. Бывают дни, когда я совсем выбит из колеи. Сегодня я предпочел бы быть в Служево, чем писать в Служево. Сказать я бы сумел больше, нежели могу написать.

Мое почтение Пану Водзиньскому, Панне Марии, Казю, Терезе, Феликсу — преданный

Ф. Ш.

Приписка к несохранившемуся письму Накваской.

240. ЖОРЖ САНД — МАРИ Д'АГУ В ПАРИЖ

Ноан, 5 апреля 1837

[...] Скажите Мицк... (вот некомпрометирующий способ написания польских имен), что мое перо и мой дом к его услугам, и будут счастливы служить ему. Гж... прошу сказать, что я его обожаю. Шопену же, — что боготворю его, и всем, кого вы любите, что я их люблю и что если вы привезете их, они будут желанными гостями [...]

Ж. С.

Отрывок.

241. ЖОРЖ САНД — МАРИ Д'АГУ В ПАРИЖ

Ноан, 10 апреля 1837

[...] Я хочу les fellows^{1*}, хочу их как можно скорее и насколько возможно дольше. Желая их смертельно. Хочу также Шопена и

* Парни (англ.).

всех на свете Мицкевичей и Гжимал. Если вы этого пожелаете, хочу даже Сю. Чего бы я, впрочем, не захотела, явись на это ваша фантазия? Всегда — за исключением любовника. [...]

Отрывок. Hoesick F. Chopin, t. 2, s. 142.

¹ Прозвище Ф. Листа и М. д'Агу.

242. ЖОРЖ САНД — МАРИ Д'АГУ В ПАРИЖ

Ноан, 29 апреля 1837

[...] Никому не было дозволено дышать воздухом вашей комнаты с тех пор, как вы ее покинули. Устроимся так, чтобы разместить всех, кого вы пожелаете привезти с собой. Рассчитываю на маэстро¹, на Шопена [...] и на кого угодно по вашему выбору [...]

Отрывок. Hoesick F. Chopin, t. 2, s. 142.

¹ Ф. Лист.

243. ТЕРЕЗЕ ВОДЗИНЬСКОЙ В СЛУЖЕВО

Париж, 14 мая 1837

Париж, 14 Мая 1837

Милостивейшая Пани.

Вот и несколько слов от Антона, — спешу переслать Вам это доказательство его здоровья и хорошего настроения. — Согласно его желанию, я ему сейчас же отвечу, не дожидаясь ответа из Служева — я не буду упоминать о семейной утрате — и, вероятно, получу подробное письмо — как — где и что он собирается делать (которое снова перешлю, как и это). —

Я не пишу ничего больше, потому что не хотел бы пропустить почту — впрочем, все поблекло бы рядом с запиской Антония. —

Преданнейший
Ф. Ш.

Пану Водз[иньскому] мое почтение. П[анне] Марии напоминаю, чтобы она написала несколько слов брату — Казя и Терезу обнимаю. Поклон Феликсу и его супруге.

38, Rue d. la Chaussée d'Antin.

244. АНТОНИУ ВОДЗИНЬСКОМУ В САРАГОССУ

Париж, 14—15 мая 1837

Моя дорогая жизнь!

Ты ранен¹ — далеко от нас — а я в настоящую минуту ничего не могу послать Тебе... Твои только о Тебе думают и думают... Ради бога, только выздоравливай и возвращайся. Газеты пишут, что Ваш легион совершенно [уничтожен]. Не вступай в испанскую армию... [Помни,] что Твоя кровь может послужить лучшей цели...

Тытус писал мне, чтобы мы с ним съехались где-нибудь в Германии. Зимой я опять болел гриппом, и меня посылают в Эмс. Пока я еще об этом не думал, потому что не могу двинуться [с места]. Пишу и привожу в порядок рукопись. Думаю о Тебе больше, чем это Тебе может показаться, и люблю Тебя, как всегда.

Ф. Ш.

[На полях:]

Верь мне, что я помню о Тебе, как и о Тытусе... Может быть, я поеду на несколько дней к Жорж Санд², но это не задержит пересылку Твоих денег, так как на эти три дня я оставлю инструкцию Ясю.

Это письмо известно лишь по публикации М. Шульца (Szulc M. A. *Gdyby Chopin i jego utwory muzyczne. Rozpisał, 1873*), который, однако, не воспроизвел его полностью. «Остальная часть письма, — писал он, — содержит подробности, касающиеся находящихся в Париже польских семейств, и описание текущих событий, полное шутилых замечаний и остроумнейших наблюдений».

¹ Антоний Водзиньский был ранен в ногу в сражении под Уэской.

² Ф. Шопен впервые посетил Ноан лишь два года спустя (в 1839 г. после возвращения с Майорки), — видно, что в это время он не вполне ясно представлял себе расстояние от Парижа до Ноана (более 300 километров), поскольку собирался за три дня поехать туда и вернуться.

245. АСТОЛЬФ ДЕ КЮСТИН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Сен-Грасиен, весна 1837

Дорогой Шопен!

Когда я говорю вам, что люблю вас ради вас самих, скорее нежели ради себя, — верьте этому, хотя может казаться, что это и не так; пусть доказательством этому будет то, что я снова не боюсь вам надоесть; но

это, в самом деле, последний раз, когда я буду настаивать, чтобы вы последовали моим советам.

Вы больны; что хуже—вы можете заболеть серьезно. Ваши душевные и физические силы готовы иссякнуть, а когда страдания сердца превращаются в болезни—мы гибнем; я хочу, чтобы вы избежали этого. Я не пытаюсь вас утешить, я уважаю ваши чувства, о которых я к тому же лишь смутно догадываюсь¹; но я хочу, чтобы они так и остались чувствами и не превратились в физические недомогания. Человек обязан жить, когда он обладает источником жизни и поэзии, каким обладаете вы; не теряйте этого сокровища и не гневите бога, пренебрегая его самыми ценными дарами. Это было бы непростительным преступлением, так как даже сам бог не сумел бы вернуть вам добровольно утраченного вами прошлого.

Чтобы уберечь это прошлое, столь полное будущим, вы должны принять лишь одно решение: позволить обращаться с собой, как с ребенком и как с больным! Убедить себя, что у вас есть только одно дело: ваше здоровье; остальное придет само собой. Моя дружба к вам дает мне право говорить откровенно: это деньги удерживают вас в Париже?

Если дело в деньгах, то я могу вам их одолжить, вы мне их вернете впоследствии,—зато вы отдохнете три месяца!!! Если вам недостает любви—примите, по крайней мере, дружбу; живите для себя, для нас; разбогатеть вы еще успеете.

Трех месяцев отдыха и разумного образа жизни будет достаточно, чтобы предотвратить болезнь; но это необходимо! Душевное беспокойство будет преследовать вас и в одиночестве—это правда, но физический отдых в конце концов укрепит и душу, а крылья таланта унесут вас в иной мир, который позволит забыть этот. Освободитесь от уклада вашей парижской жизни: у меня вы найдете редкую возможность провести месяц в деревне в благоприятных условиях; а затем—путешествие к берегам Рейна. Игнацы поедет на моих лошадях до самого Страсбурга; если этот способ путешествовать покажется вам слишком медленным, мы найдем другой; но, достигнув Рейна, вы уже будете, можно считать, в Эмсе, а оттуда—куда угодно, ибо хорошо использованное пребывание в Эмсе—это здоровье!..

Я уже обо всем говорил с вами, но моя дружба к вам вынуждает меня повторить это еще раз. Отвечайте мне лишь в том случае, если во вторник или в среду на будущей неделе вы поселитесь в Сен-Грасиене, где будете столь же свободны, как я, и еще более, ибо вам не придется даже исполнять мелких обязанностей хозяина дома. Последний раз докучаю вам, но эта докучливость не требует оправданий, не правда ли? Г-жа Мерлен вернулась, чтобы вас услышать; но она догадывается о причине вашего отъезда и сожалеет о ней.

А. де Кюстин

¹ Летом 1837 г. Шопен надеялся на встречу с Водзиньскими, которой не суждено было осуществиться. Это тяжело сказывалось на душевном и физическом состоянии Шопена, что внушало тревогу его друзьям.

246. ГЕНРИХ ГЕЙНЕ — АВГУСТУ ЛЕВАЛЬДУ

Окрестности Парижа, май 1837

[...] Было бы несправедливо, если бы я не упомянул здесь о пианисте, который после Листа пользуется наибольшей славой. Это — Шопен, который не только блистает техническим совершенством как виртуоз, но создает величайшие произведения как композитор. Это человек первостепенный. Шопен — любимец¹ тех избранных, которые в музыке ищут высочайших умственных наслаждений. Слава его — аристократического характера, она благоухает от похвал хорошего общества, она аристократична, как и его личность.

Шопен родился в Польше от французских родителей и одно время воспитывался в Германии. Это влияние трех национальностей делает из его личности явление в высшей степени замечательное; ведь он усвоил лучшее, что отличает эти три народа: Польша дала ему свой рыцарский характер и свою историческую скорбь, Франция дала ему свою легкую прелесть, свою грацию, Германия дала ему свое романтическое глубоко-мыслие... А природа дала ему изящную, стройную, слегка болезненную фигуру, благороднейшее сердце и гений. Да, Шопена следует признать гением в полном значении слова; он не только виртуоз, он также и поэт, он может сделать для нас зримой ту поэзию, что живет в его душе, он композитор, и ничто не сравнится с тем наслаждением, которое он дает нам, садясь за фортепиано и импровизируя. Тогда он ни поляк, ни француз, ни немец, в нем сказывается происхождение гораздо более высокое, тогда замечаешь, что он родом из страны Моцарта, Рафаэля, Гете, его истинная родина — волшебное царство поэзии. Когда он сидит за фортепиано и импровизирует, мне чудится, будто меня навещил земляк из любимой отчизны и рассказывает мне забавнейшие истории, случившиеся там в мое отсутствие. Порой мне хочется перебить его вопросом: а как поживает прекрасная русалка, которая так кокетливо умела повязать серебряной вуалью свои зеленые кудри? Преследует ли ее по-прежнему своей дурацкой любовью белобородый морской бог? По-прежнему ли розы у нас так пламенно горды? Все по-прежнему прекрасен напев наших деревьев в лунных лучах?.. [...]

Отрывок. Гейне Генрих. О французской сцене. Дружеские письма Августу Левальду. — Полн. собр. соч., т. 6. М., 1936, с. 370—371. Это письмо Г. Гейне было перепечатано в феврале 1838 г. в «Revue et Gazette Musicale de Paris».

¹ В другом издании разночтение; от слов — «это — Шопен» до слов — «любимец»: «Это Шопен, который вместе с тем может служить примером того, как человек исключительный не довольствуется возможностью благодаря своему техническому совершенству соперничать с лучшими представителями своего искусства. Шопен не удовлетворяется тем, что мастерству его рук аплодируют другие руки: он стремится к высшим лаврам, его пальцы — только слуги его души, и ей аплодируют люди, которые слушают не только ушами, но и сердцем. Поэтому он любимец».

Париж, 18 июня 1837

Париж, 18 июня 1837

Милостивейшая Пани!

Антось в Сарагоссе; он здоров¹ и на днях писал мне, заклиная, чтобы я Вам о нем напомнил. — Их легион после стычки под Уэской совершенно дезорганизован; многие возвращаются, и он сейчас больше, чем когда-либо, нуждается в Вашей спешной помощи. В прошлом месяце я, насколько мог, пошел навстречу его желаниям (сразу же после получения его письма перед Уэской, которое и переслал Вам); но это капля в море. Винценты и Маурыцы также в Сарагоссе; опекуны последнего советуют им возвращаться: было бы хорошо, если бы и он [Антоний] мог вернуться с ними, как с ними и отправился туда.

В то время как по соседству горе и смятение², здесь об этом не беспокоятся: свадьбы, балы и празднества³. Веселятся так, что душат и топчут друг друга: во время фейерверка на Марсовом Поле несколько десятков человек в давке поплались жизнью за свое любопытство, вследствие чего был отложен бал à l'hôtel de ville*, на который было роздано свыше 15 000 билетов. Новая герцогиня всем нравится; хвалят не красоту ее, а ум; она не совершает никаких *gaucherie*** и держится непринужденно, словно выросла среди подобных празднеств (а не в Людвигсбурге⁴ на бутербродах). — Я нигде не был: даже в Версале⁵, о котором рассказывают чудеса сторонники не только Филиппа, но и прошлой династии⁶. Это превзошло ожидания всех. Погода благоприятствовала церемонии; на версальском обеде удалось все, за исключением супа, ждать которого *maître d'hôtel**** заставил короля. Опасались, как бы повар не последовал примеру Вателя. Парижан ждет еще бал национальной гвардии в Опере и празднество, которое Ротшильд устраивает в честь молодой герцогской четы, в à Fergîège, своей очень красивой усадьбе в окрестностях Парижа.

Хорошее ли лето в Служево? Много ли тени? Можно ли сесть под деревьями и рисовать? Есть ли у Терезы удобное местечко для изготовления куличиков? Не недостает ли ей для этого занятия панны Юзефы или панны Маллэ? Не собираетесь ли Вы вскоре увидеться с ними?⁷ Я задал бы тысячу вопросов. Меня интересует все, только не эти празднества. Во время въезда Герцогини я был в имении, на Энгиенском озере. Мне уже трудно усидеть в Париже. Мой доктор посылает меня в Эмс, но я еще не знаю, куда и когда поеду.

* В ратуше (франц.).

** Неловкостей (франц.).

*** Метрдотель (франц.).

Как-то вечером на днях у меня были пани Зофья с княгиней Зайончек и сердечно о Вас расспрашивали. Не звенело ли у вас в ушах? Вчера — пани Анат[ольева] с Плятерами; она слегка жалуется на нервы, но тем не менее, полнеет, а Леося прекрасно растет. Герман не может забыть Терезу и всякий раз, как видит или слышит мою крестную доченьку (а надо Вам сказать, что я здесь уже давно крестный папа), в своих восторгах неизменно возвращается к *мадмуазель иль* *.

Понравилось ли фортепиано? Дай-то бог! Если нет, то прошу меня лучше поколотить, но не сердиться.

Напоминаю Вам еще раз, что Антось ждет (при этом и мне перепадает несколько слов).

Наипреданнейший
Ф. Шопен.

Мое почтение пану Водзиньскому. Панне Марии, Казю, Терезе, Феликсу — кому что полагается.

38, Rue de la Chaussée d'Antin

¹ Ф. Шопен, не желая тревожить родителей Антония Водзиньского, не сообщил им, что тот был ранен.

² Ф. Шопен, очевидно, имеет в виду события в Испании, связанные с карлистской войной; в этой войне погибло много поляков.

³ Празднество по случаю бракосочетания наследника французского престола Фердинанда Филиппа с герцогиней Элен Мекленбург-Шверинской (состоялось 30 марта 1837 г.).

⁴ Ф. Шопен по ошибке написал Людвигбург; должно быть — Людвиг-слуст (резиденция герцогов Мекленбургских).

⁵ Версаль, бывший дворец Людовика XIV, пустовавший со времен революции 1789 г., был в 1837 г. открыт как музей, посвященный «Всем славным деяниям Франции».

⁶ Речь идет о сторонниках свергнутого Июльской революцией короля Карла X.

⁷ Ф. Шопен спрашивает, не намерены ли Водзиньские поехать за границу, где они могли бы встретиться.

248. АСТОЛЬФ ДЕ КЮСТИН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Сен-Грасиен, 18 июня 1837

Вы были в Энгиене, и меня уверяют, что вы вернетесь туда: я надеюсь, что вы не нанесете мне оскорбления, поселившись не у меня. Вы можете пить воды в Сен-Грасиене с теми же удобствами, что и в Энгие-не, — я велю отвозить вас к источнику каждое утро; он в четверти часа

* Мадмуазель он (франц.).

от меня. Кроме того, мне хочется поведать вам множество вещей о Лондоне, которые, полагаю, будут вам интересны¹. [...]

А. де Кюстин

Сен-Грасиен, сего 18 июня

Отрывок.

¹ Видимо, в связи с намечавшейся поездкой Ф. Шопена в Англию.

249. АСТОЛЬФ ДЕ КЮСТИН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Сен-Грасиен, 2 или 9 июля 1837

Вы знаете, что один лишь вы можете явиться сюда когда угодно в полной уверенности, что всегда доставите радость своим прибытием. [...] Под вашим влиянием возникла одна сцена в моей книге [...]. Сыграйте нам то, что вы создали нового и симпровизируйте то, что вы создадите в будущем.

С дружбой

А. де К.

Сен-Грасиен, в воскресенье

Отрывок.

250. ЮЛЬЯН ФОНТАНА — СТАНИСЛАВУ КОЗЬМЯНУ В ЛОНДОН

Париж, начало июля 1837

Дорогой Станислав!

Пишу тебе относительно Шопена, который собирается уезжать. Это почти то же самое, как если бы ехал я, так как мы оба пакуем чемоданы и готовимся к отъезду — я в [неразборчиво], а он в твой край. Он передаст тебе это письмо. Я уверен, что ты будешь рад получше узнать его. [...] Я обещал ему, что он найдет в тебе приятного спутника и превосходного советчика во всем, что касается Лондона. Я знаю, что ты окажешь ему любую дружескую услугу, если хоть в чем-либо сможешь ему помочь. Ты уже давно знаешь, как я отношусь к нему, — этого достаточно. Он приедет ненадолго, — на неделю или дней десять глотнуть английского воздуха. Он не хочет никого видеть, поэтому прошу тебя держать его приезд в тайне, иначе за ним начнут гоняться все музыканты, во главе с этим ведущим скрипачом или скрипачкой Паганини [?]. Если тебе известна какая-либо хорошая гостиница поблизости от себя, — дай Шопену ее адрес. Я рекомендовал ему *Sablottière*, поскольку не припомню никаких других.

Сердечно тебя обнимаю

Юльян.

Chopin na obczyźnie, s. 142. Адрес: «Monsieur/Monsieur St. Koźmian/Londres/ 28, Sherand Street /Golden Square». Помета неизвестной рукой: «Шопен заходил и просил, чтобы пан Козьмян был столь любезен подождать его».

251. ЗАГРАНИЧНЫЙ ПАСПОРТ ФРИДЕРИКА ШОПЕНА

Париж, 7 июля 1837

Главное управление полиции Франции

Заграничный паспорт
Срок действия — один год
Департамент Сены
реестр 36
№ 3346

Приметы

Возраст — 26 лет, рост —
один метр 70 сантиметров
волосы белокурые
лоб средний
брови белокурые
глаза серо-голубые
нос средний
рот средний
борода белокурая
подбородок круглый
лицо овальное
цвет кожи светлый
Особые приметы

Подпись подателя
Ф. Шопен

Именем Короля

Мы, префект полиции, ходатайствуем перед гражданскими и военными властями Королевства и просим гражданские и военные власти дружественных и союзных государств свободно пропускать господина Шопена Фридерика, профессора фортепиано, рожденного в Варшаве от родителей французов, проживающего в Париже, по улице Мон-Блан, 38, и направляющегося в Англию, — и оказывать ему в случае необходимости всяческую помощь и защиту. Настоящий паспорт годен в течение... Для выезда из Королевства.

Дано в Париже, 7 июля 1837.

Префект полиции

За префекта Начальник [неразборчиво]

Генеральный секретарь

[неразборчиво]

Заграничный паспорт был выдан Ф. Шопену французскими властями для поездки в Англию с К. Плейелем летом 1837 г.

¹ Указанное описание примет Ф. Шопена представляет особый интерес, поскольку в ряде случаев свидетельства современников о внешности Шопена расходятся. Так, у Ф. Листа упоминается «голубой взор Шопена», тогда как Э. Легува писал о его «карих глазах» и т. п.

252. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Лондон¹, середина июля 1837

Жизнь моя!

Спасибо Тебе за Козьмяна — не знаю, что бы я делал без него в Лондоне. — Спасибо Тебе за письма — без них я вздыхал и вздыхал бы, не переставая — но черт Тебя побери со здешней грязью, которая Тебе казалась сухой. — Она серая, здешняя грязь. — Потом расскажу Тебе, сколько приятных мыслей и неприятных ощущений нагнало на меня море — потом расскажу и о влиянии этого темного от сажи итальянского неба на мой нос, плохо переносящий подобные столбы тяжелого воздуха.

Остальное оставляю на потом, а сейчас скажу Тебе только, что меня это весьма солидно забавляет, и можешь сказать Ясю, что здесь, если Ты ненадолго, можно без труда осторожно развлечься. — Это не шутки!! — Огромные ночные горшки. — Но, несмотря на это, негде помочиться. — Но англичанки, но лошади, но деревья, но все вообще, начиная с мыла и кончая бритвами, все необыкновенно — все однообразно, все воспитанно, все вымыто, а между тем черно, как дворянская ж...!!! — Целую Тебя в лицо.

Ф. Ш.

Козьмян добавляет, что тут на вывесках вынычаны Дуппы²!!! Хвали после этого Лондон.

¹ Это первое посещение Ф. Шопеном Англии, куда он был намерен поехать еще в 1833 г. (см. письмо Миколая Шопена от сентября 1832 г.). Шопен вместе с К. Плейелем провел две недели (приехал 7 июля, уехал 24 или 25 июля) в Лондоне и его окрестностях (Хэмптон Корт, Ричмонд, Блекпул, Брайтон, Арендоу и др.). Сохранился рассказ о том, что хотя Шопен ездил в Англию инкогнито (он именовался господином Фрицем), но в салоне Бродвуда, где Плейель уговорил его играть, его инкогнито было раскрыто после первых же тактов (см.: Szulc M. A. Fryderyk Chopin i jego utwory muzyczne. М. Шульц писал со слов С. Козьмяна). Об этом вечере писал 23 февраля 1838 г. лондонский «Musical World» (статья без подписи, впрочем, как можно предполагать, принадлежащая перу главного редактора Дж. Дэвисона).

² В те годы в Лондоне существовала фирма «Durrer et Co»; это слово по написанию близко к польскому слову — «задница».

253. СТАНИСЛАВ КОЗЬМЯН — ЯНУ КОЗЬМЯНУ В ВАРШАВУ

Лондон, 21 июля — Брайтон, 25 июля 1837

[...] Шопен инкогнито находится здесь уже две недели; никого не знает, никого не хочет видеть, — таким образом, он для меня одного. Провожу с ним целые дни, а порою и целые ночи, подобно прошлой. Он

тут с Плейелем, известным своими фортепиано и скандальной историей своей жены, подробности которой такой пожиратель газет, как ты, должен помнить. Приехали *pour se régaler de Londres**. Остановились в одной из лучших гостиниц, держат экипаж, прямо ищут повода сорить деньгами. Так что мы — один день в Виндзоре, другой в Блеквелле, на третий — идем в Ричмонд. Это последнее и является поводом отложить на другой день повесть о моральном наслаждении, которое я испытываю от общения, от игры, от разговоров... [...]

Часто хожу в оперу. Паста чудесна в *Медее*¹ и *Ромео*². *Идельгонду* я еще не видел, ибо Шопену не захотелось идти на скучную музыку. Концерт со сбором на памятник Бетховену не удался. Публики было очень мало, но хорошо исполняли его большую последнюю *Симфонию*. Девриент пела в *Фиделио*, а Мошелес³ играл длинный концерт. Шопен сказал, что его игра страшно *baroque*** [...]

Отрывок. Hoesick F. Chopin, t. 2, s. 145.

¹ «Медее» — вероятно, опера Л. Керубини (1797).

² По всей видимости, речь идет об опере Д. Штейбельта «Ромео и Джульетта» (1793).

³ И. Мошелес записал в своем Дневнике: «Шопен, приехавший несколько дней назад в Лондон, был единственным из приехавших артистов, который не только никого не посетил, но и не хотел, чтобы приходили к нему, ибо каждый разговор усиливает его страдания. Прослушал несколько концертов и улетучился».

254. НЕИЗВЕСТНОМУ АДРЕСАТУ В ЛОНДОН

Лондон, июль 1837

Мы ждем Тебя в пять часов.

Шопен.

Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 2, p. 226. На визитной карточке К. Плейеля: «Mr. Camille Pleyel».

255. ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Париж, конец июля — начало августа 1837

Ну и что же, если я не могу?!!!

Я зарезался бы теми макданельскими бритвами, что привез Тебе, если бы не то, что сперва собираюсь отнести их Тебе. У меня музыкантский обед, от которого увильнуть не могу, несмотря на всю мою увертливость.

Обнимаю Тебя, как удав

Ш.

* Чтобы насладиться Лондоном (франц.).

** Здесь — вычурна (франц.).

Париж, 14 августа 1837

Париж, 14 августа 1837 г.

Милостивейшая Пани!

Опасаясь, чтобы кто-нибудь со стороны не сообщил вам неправды, предпочитаю переслать письмо Антося от 3-го с[его] м[есяца], чтобы Вы из его собственного письма узнали, что с ним. Я не писал, что под Уэской он был легко ранен в ногу, так как это случилось примерно в мае, и я предпочел бы лучше об этом рассказать¹, нежели тревожить письмом; но уж если случилось иначе, и эта муха может дойти до Вас, превратившись в огромного слона, то я прилагаю его самое последнее письмо, в котором он пишет, что рана совершенно зажила. Из этого письма также видно, что он намерен вернуться, и это на те три тысячи франков, которые я 9-го с[его] м[есяца] получил от банкира Лео и в день получения прилагаемого письма Антося, то есть 10 с[его] м[есяца], послал в Логронио² через Ротшильда. В Логронио много наших, в частности, он там застанет славного Воронежского. Ему будет веселей, если Вы или панна Мария сообразоволяете переслать ему через меня несколько слов; потому что, как видите, он и в этом письме жалуется, что из дома никто ему не пишет, хотя я сообщал ему о Вас всякий раз, когда имел сведения.

Ваше последнее письмо дошло до меня в Лондоне, где я проболтался прошлый месяц. Я думал, что оттуда я через Голландию поеду в Германию... А вернулся домой, время уходит, и для меня, вероятно, оно так и пройдет в моей комнате³. — Жду от Вас менее печального письма, чем последнее. Возможно, что мое будущее письмо будет лишь припиской к письму Антония.

Преданнейший

Ф. Шопен.

Пану Водзиньскому свидетельствую глубокое почтение. Панне Марии — пусть не забывает брата. [Шлю привет] Феликсу, Казю, панне Юзефе⁴, Терезе...

Знакомые, живущие здесь, здоровы и, вероятно, не думают ни о болезни, ни о печали. Пани Зофья имела сведения из Женева, что там надеются Вас увидеть⁵.

¹ Ф. Шопен надеялся встретиться с Водзиньскими летом 1837 г.

² Логронио — город в Старой Кастилии на реке Эбро.

³ Намек, отражающий постепенное крушение надежд Ф. Шопена на брак с Марией Водзиньской. В дальнейшем отношения Шопена с семьей Водзиньских прервались, и он так никогда больше и не увидел Марии. Причины, вызвавшие разрыв, по существу, неизвестны; очевидно, состояние здоровья Шопена являлось лишь одной из них, далеко не самой важной. Инициатива разрыва исходила от Водзиньских.

Ф. Шопен всю жизнь хранил письма Марии вместе с розой, которую

она подарила ему в Дрездене в 1836 г. После его смерти в его бюро была найдена пачка писем Марии, перевязанная розовой лентой и завернутая в бумагу, на которой рукою Шопена было написано: «Мое горе».

⁴ Сохранился молитвенник, присланный Шопеном Юзефе Водзиньской. На первой странице он написал: «Прошу вздохнуть и за меня. Ф. Ш. Париж. 1837».

⁵ Возможно, что Ф. Шопен в это время еще надеялся встретиться с Водзиньскими в Женеве.

257. ФЕЛИКС МЕНДЕЛЬСОН-БАРТОЛЬДИ — ФЕРДИНАНДУ ХИЛЛЕРУ

Лондон, 1 сентября 1837

Лондон, 1 сентября 1837

[...] Говорят, что сюда недели две назад неожиданно приехал Шопен¹; он ни у кого не бывал и ни с кем не знакомился; однажды вечером он поразительно играл у Бродвуда — затем снова скрылся. Говорят, он очень болен. [...]

Отрывок. Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 2, p. 228—229.

¹ Ф. Мендельсон узнал о пребывании Ф. Шопена в Лондоне от И. Мошелеса (Мендельсон приехал в Лондон 24 августа 1837 г.).

258. РОБЕРТ ШУМАН — КАРЛУ МОНТАГУ В ВЕЙМАР

Лейпциг, 20 октября 1837

Лейпциг, 20 октября 1837

[...] Только что получил новые Этюды¹ Шопена; но написаны они давно. Печально, что за те семь лет, что он прожил в Париже, он почти ничего не сделал. [...]

Отрывок. Шуман Р. Письма, т. 1, с. 302.

¹ Речь идет об Этюдах оп. 25 Шопена, изданных в 1837 г. Приходится удивляться, что Р. Шуман, который был в курсе музыкальной и издательской жизни Западной Европы, столь плохо ориентировался в том, что было создано и издано Ф. Шопеном за это время (двадцать два изданных опуса!).

259. ТЕРЕЗА ВОДЗИНЬСКАЯ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Служево, 25 ноября 1837

Мой дорогой Фридерик!

Я уж давно Тебе не напоминала о себе, но зато Ты постоянно оставался предметом моих забот. Как сейчас здоровье? Я получила письмо от Людвики, которую Ты в этом отношении предпочитаешь нам: она

имела известия. Если это так — я очень радуюсь, но прошу нас со всей добросовестностью сообщить, как ты поживаешь. Полагаясь на Твое неоценимое сердце, пересылаю письмо Ант[онию] на твой адрес; он не написал, где остановится, — передай ему его, а сам прими уверения в самых добрых чувствах, которые я сохранию до смерти.

Т. Водзиньская

Адрес: «Monsieur Frédéric Chopin /Paris/ Chaussée d'Antin № 38». Почтовый штампель: «Thorn 26.11»; парижский смазан.

260. ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Париж, 1837

Мой милый.

Я забыл сказать Тебе вчера, что сегодня, во вторник, вечером в девять я у себя музицирую. Пожалуйста, приходи непременно, если хочешь, чтобы мне было хорошо.

Твой старый
Ф. Ш.

Вторник утром

261. ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Париж, 1837

Мне даже дурно делается (как у нас говорят панны) оттого, что из-за архискучного званого обеда, к тому же без трюфелей, я не могу с Тобой сегодня поужинать.

Целую
Ф. Ш.

262. ОГЮСТУ ФРАНКОММУ В ПАРИЖ

Париж, 1837

Я ответил Тебе в Версаль, что буду ждать Тебя вечером в 8 час[ов] с 1/2.

Ш.

Оригинал на французском языке. Адрес: «Monsieur A. Franchomme /1-er Violoncelle du Roi/17, Rue du Sentien».

1838

263. БАРОНУ ДЕ ТРЕМОНУ В ПАРИЖ

Париж, 14 февраля 1838

Дорогой Господин де Тремон.

Я буду у вас послезавтра в 3 часа дня, чтобы прорепетировать свой Концерт¹.

Присоединяю искренние приветствия

Ф. Шопен.

Среда, 14

Оригинал на французском языке. На визитной карточке Ф. Шопена; под датой: «Среда, 14» — неизвестной рукой приписано: «Февраль 1838».

¹ Речь идет о репетиции концерта Ф. Шопена, который состоялся при дворе Луи Филиппа в Тюильри в воскресенье 25 февраля 1838 г. Как явствует из письма, Шопен исполнил один из своих Концертов.

264. НЕИЗВЕСТНОМУ АДРЕСАТУ В ПАРИЖ¹

Париж, 1838

Пожалуйста, не откажись завтра, в четверг, пообедать со мной, Витвицким и Гжималой. — Я жду Тебя у себя в 5^{3/4}. — Если в этот день вечером у Тебя не предвидится ничего лучшего, то позволь также представить Тебя у Пани Марлиани, где Ты встретишь несколько интересных лиц.

Итак, жду Тебя завтра

Ф. Шопен.

¹ Существует несколько предположений относительно адресата письма. Так Х. Опеньский (Opieński Henryk, Frédéric Chopin. Lettres. Paris, 1933) предполагает, что адресатом был Юзеф Бжовский. В «Correspondance de Frédéric Chopin» адресатом назван Северын Гошиньский (автограф письма под № 30 находится в «Корреспонденции» С. Гошиньского, хранящейся в Варшавской Национальной библиотеке).

265. БАРОНУ ДЕ ТРЕМОНУ В ПАРИЖ

Париж, 1838 [?]]

Я очень виноват, что не ответил сразу же на Ваше милое приглашение, и еще не сказал Вам, каким удовольствием для меня будет вновь увидеть Вас завтра.

Ваш преданный
Шопен.

Суббота

На русском публикуется впервые. Оригинал на французском языке. Chopin na obczyznie, s. 85.

266. ЖОРЖ САНД — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 1838

Вас обожают.

Жорж

и я тоже! и я тоже! и я тоже!!!

Мари Дорваль

На бумаге с инициалами Жорж Санд; этот листок Ф. Шопен вклеил в свой «Альбом-дневник» на страницу № 10, на которой находилась также подпись В. Живного.

267. ЮЛЬЮШ СЛОВАЦКИЙ — МАТЕРИ

Флоренция, 2 апреля 1838

Флоренция, 2 апреля 1838

[...] Говорят, Шопен женится на Марии Водзиньской, которая некогда была моей Марией. Уж не оттого ли она за него выходит, что еще не совсем меня разлюбила, — ведь Шопен, говорят, похож на меня, как две капли воды. Как это сентиментально — выйти за человека, потому что он похож на того, кто был твоей первой любовью. Тут возникает гармония между постоянством и непостоянством в любви, и по теории Сведенборга в этом случае после смерти уже не две, а три души должны слиться в одну на небесах. Но пусть Марыся на меня не рассчитывает, я предпочитаю соединиться в загробном мире с каким-нибудь другим светлым ангелом, а с нее хватит ее Орфея. [...]

Отрывок.

268. ЖОРЖ САНД — ЭЖЕНУ ДЕЛАКРУА В ПАРИЖ

Париж, апрель 1838

Мой дорогой Лакруа

Я уезжаю завтра в 5 утра. [...] Чтобы вы решились прийти сегодня вечером, сообщаю вам, что Шопен будет играть нам в узком кругу, с локтями на фортепиано — это когда он в самом деле бывает возвышенным. Если вы не соня, приходите в полночь, а если встретите кого-нибудь из моих знакомых, ничего им не говорите, ибо Шопен чудовищно боится Welches*.

Прощайте, — если не придете. Не забывайте любить меня хоть немного.

Жорж.

Отрывок.

269. ЖОРЖ САНД — ШАРЛОТТЕ МАРЛИАНИ В ПАРИЖ

Ноан, 23 мая 1838

Дорогая.

Я получила ваше милое письмо и откладывала ответ по существу, ибо вы знаете, что погода бывает переменчива в сезон любви (стиль Дора). За одну неделю говорится много да, много нет, много но, и частенько утром говорят: решительно, это невыносимо, чтобы сказать вечером: поистине это высшее счастье. Стало быть, прежде чем написать вам что-нибудь определенное, я ожидаю, чтобы мой барометр показал если и не нечто стабильное, то по крайней мере хоть какую-то погоду. Я не могу ни в чем упрекнуть себя, но это еще не основание быть довольной¹. [...]

Отрывок. Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 2, p. 235.

¹ Речь идет о взаимоотношениях Жорж Санд с Ф. Шопеном.

270. ЖОРЖ САНД — ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Ноан, июнь 1838

Мне никогда не придет в голову усомниться в искренности ваших советов, дорогой друг; пусть подобное опасение никогда не возникает у вас. Я верю в ваше евангелие, даже не зная толком и не разбирая его, — ведь если у него есть такой приверженец, как вы, оно не может не быть самым возвышенным из всех евангелий. Я благословляю ваши убеждения;

* Чужих (нем.).

относительно же моих вы можете не питать беспокойства. Надо в последний раз четко поставить вопрос, так как от вашего окончательного ответа по этому поводу будет зависеть весь мой дальнейший образ действий. И раз уж суждено, чтобы дело дошло до этого, то я жалею, что не преодолела испытываемой мной неловкости и не задала вам этих вопросов в Париже. Как мне казалось, то, что я узнаю, обесцветит мою поэму. И, действительно, вот она и потемнела или, вернее, сильно поблекла. Но что поделаешь! Я принимаю ваше евангелие, раз оно предписывает думать о самом себе в последнюю очередь и вообще не думать о себе в случае, когда счастье тех, кого мы любим, требует всех наших сил.

Выслушайте меня внимательно и ответьте ясно, категорически, без отговорок. То существо¹, которое он хочет, или должен, или полагает, что должен любить, — способно ли оно составить его счастье, или оно только увеличит его страдания и его печаль? Я не спрашиваю вас, любит ли он ее, любим ли ею, или любит ли он ее больше или меньше, чем меня. Судя по тому, что происходит во мне, я приблизительно знаю, что должно происходить в нем. Я хочу знать, которую из нас двоих он должен забыть или покинуть ради своего покоя, ради своего счастья, ради, наконец, самой своей жизни, которая кажется мне слишком неустойчивой и хрупкой, чтобы противостоять тяжким страданиям.

Я отнюдь не хочу сыграть роль злого гения. Я не Бертрам Мейербера, и я не стану бороться с подругой детства, если она чиста и прекрасна, как Алиса². Если бы я знала, что в жизни нашего мальчика³ существует привязанность, а в душе его живет чувство, то я бы никогда не склонилась над ним, чтобы вдыхать благовония, предназначенные кадить перед другим алтарем. Точно так же и он, без сомнения, уклонился бы от моего первого поцелуя, если бы полагал, что я в этот период была как бы замужем. Мы вовсе не обманывали друг друга, — мы просто доверились мимолетному ветру, который вскоре унес нас обоих на несколько мгновений в неведомые края. Но после этого небесного объятия, после этого странствования в эмпиреях нам надо было тем не менее спуститься на землю; бедные птицы, — у нас есть крылья, но гнездо наше на земле, и в то время как пение ангелов зовет нас в небо, зов наших близких возвращает нас на землю. Я вовсе не хочу отдаться страсти, хотя в глубине сердца у меня все еще таится порой очень опасный жар.

Мои дети дадут мне силы разбить все, что могло бы отдалить меня от них или от того образа жизни, который наиболее пригоден для их воспитания, здоровья, для их благополучия и т. д... Так например, из-за болезни Мориса я не могу постоянно находиться в Париже и пр. и пр... Кроме того, есть одно существо⁴ — необыкновенное, совершенное в том, что касается сердца и чести, и которое я никогда не покину, так как это единственный человек, который находясь со мной почти год, ни разу, ни единой минуты, не заставил меня страдать по своей вине. Это также единственный человек, который полностью и всецело отдал себя мне, без сожаления о прошлом и без заботы о будущем. К тому же это натура столь добрая и разумная, что со временем я смогу добиться того, что он все узнает, все поймет; это мягкий воск, на который я наложила свою печать, и когда я захочу изменить ее оттиск, то при

некоторых предосторожностях и некотором терпении мне это удастся сделать. Но сейчас это было бы невозможно, а его счастье для меня священо.

Итак, что касается меня, то будучи столь не свободною, столь крепко связанной на долгие годы, я не могу желать, чтобы наш малыш⁵ со своей стороны порвал стесняющие его узы. Если бы он захотел отдать в мои руки свою судьбу, то я бы устрашилась, так как, неся уже ответственность за судьбу другого, я не смогла бы возместить ему то, что он покинул ради меня. Мне кажется, что наша любовь⁶ может продолжаться лишь в тех же условиях, в которых она родилась, то есть лишь порою, когда благоприятный ветер соединит нас, мы время от времени совершим вместе путешествие к звездам и затем снова расстанемся, чтобы ходить по земле,— ибо мы дети земли, и бог не судил нам совершить наш путь друг подле друга. Мы должны встречаться в небе, и краткие мгновения, проведенные нами там, окажутся столь прекрасными, что они будут стоить целой жизни, проведенной здесь, на земле.

Итак, мой долг совершенно ясен. Однако я могу, не пренебрегая им, исполнить его двояким образом. Один заключался бы в том, что я бы, насколько возможно, держалась дальше от Ш[опена], стараясь не занимать его мыслей и никогда не оставаться с ним наедине. Напротив, другой заключается в том, чтобы я старалась сблизиться с ним как можно теснее, однако не нарушая покоя М[альфиля]; это позволило бы мне напоминать ему о себе в тихие минуты отдыха и счастья, иногда целомудренно привлекать его в свои объятия, когда небесное дуновение снова захочет увлечь нас ввысь. Первый образ действия я избираю, если вы скажете мне: то существо создано, чтобы дать ему счастье, истинное и чистое, окружить его заботами, успокоить, устроить и упорядочить его жизнь,— что ему дано найти в ней свое счастье,— а я могла бы явиться этому помехой; если же его душа чрезмерно и безрассудно — а может быть, напротив, разумно — щепетильна и не способна по-разному любить два разных существа, и та неделя, которую я бы иногда в течение сезона проводила с ним, внутренне мешала бы ему быть счастливым остальное время года: тогда, да, я клянусь вам, я приложу все усилия, чтобы заставить его забыть меня. Второй образ действия я избираю в том случае, если вы мне скажете одно из двух: или его семейное счастье может и должно идти об руку с несколькими часами чистой страсти и нежной поэзии, или семейное счастье для него невозможно, и брак или же подобные ему отношения могут стать могилой этой артистической души, а следовательно — его во что бы то ни стало надо уберечь от этого и даже помочь ему преодолеть его религиозную щепетильность. Приблизительно к этому приводят меня — в дальнейшем я уточню это — мои предположения. Вы поправите меня, если я ошибаюсь.

Я предполагаю, что эта особа очаровательна и достойна всяческой любви и уважения, потому что такой человек, как он, может любить лишь то, что чисто и прекрасно. Но мне кажется, что и вы боитесь для него брака, каждодневных оков, будничной жизни, дел, домашних забот, словом — всего, что кажется чуждым его натуре и несовместимым с вдохновением его музыки. Я тоже боюсь этого для него. Но я не могу в этом

отношении ничего ни утверждать, ни высказывать, потому что многие стороны его натуры мне совершенно незнакомы. Я видела лишь ту сторону его существа, которая озарена солнцем. Итак, помогите мне установить мои суждения по этому поводу. Чрезвычайно важно, чтобы я точно знала, в каком положении он находится, — тогда я смогу определить и мое. Больше всего мне бы пришлось, если бы наша поэма устроилась в этом отношении так, чтобы я могла не знать ничего, решительно ничего о его реальной жизни, точно так же как и он о моей, и чтобы он оставался верен своим религиозным, светским, поэтическим и художественным убеждениям, а я никогда не спрашивала у него в них отчета, и так же точно — он у меня; но чтобы повсюду, где бы и в какую минуту нашей жизни мы бы ни встретились, — наши души находились бы в зените счастья и совершенства. Ибо я не сомневаюсь, что становишься лучше, когда любишь высокой любовью; и при этом не только не совершаешь преступлений, но, напротив, приближаешься к богу — источнику и очагу этой любви. Может быть, это и есть в конечном счете то, что вы, мой друг, должны попытаться как следует ему разъяснить, и, ничем не задев его понятий о долге, о преданности и религиозной жертвенности, вы этим принесли бы успокоение его сердцу. То, чего я опасалась бы больше всего на свете, что огорчило бы меня больше всего и заставило бы решиться умереть для него, — это опасение сделаться кошмаром его совести и укором ей. Нет, я не могу (если только она не такова, что принесет ему гибель независимо от меня) вступать в борьбу с образом и воспоминанием о другой.

В этом отношении я слишком уважаю право собственности, или, вернее, это единственный вид собственности, который я уважаю. Я ни у кого не хочу ничего похищать, — за исключением узников у тюремщика, жертв у палачей и, следовательно, — Польшу у России. Скажите мне, не Россия ли тот образ, что преследует нашего малыша — в этом случае я буду просить небо надеть меня всеми чарами Армиды⁷, чтобы спасти его от нее. Если же это Польша — то предоставим это судьбе. На свете нет ничего равного родине, и когда ее имешь, нечего создавать себе другую. В таком случае я стала бы для него Италией, которую посещают и восторгаются весенними днями, но не остаются в ней, потому что там больше солнца, чем столов и постелей, и потому, что комфорт жизни — в другом месте.

Бедная Италия! Все о ней мечтают, все к ней стремятся или тоскуют о ней, но никто, однако, не может оставаться там, потому что она несчастна и не может дать счастья, которым сама не обладает. Есть еще одно, последнее предположение, которым я хочу с вами поделиться. Возможно, что он уже не любит по другу детства, что он питает неподдельное отвращение к узам, которые должен был бы возложить на себя, но что чувство долга, семейной чести — почем я знаю, что именно? — требуют от него этой жестокой личной жертвы. Если это так, то будьте, дорогой друг, его добрым ангелом. Я не могу в это вмешиваться — вы же должны; спасите его от слишком суровых велений его совести, спасите его от его собственной добродетели; любой ценой помешайте ему принести себя в жертву, так как в подобных случаях, я утверждаю, самопожертвование того, кто дарит свое будущее, несоизмеримо с тем, что он получил в прош-

лом. Прошлое — вещь ограниченная и поддающаяся оценке; будущее же равно бесконечности, ибо оно — неизвестность. Существо, которое в возмещение за определенное количество преданности требует отдать всю преданность предстоящей жизни, требует принесения в жертву чего-то единственного, и если тот, кому предъявляется это требование, сам затрудняется защитить свои права, удостоверив в то же время и свое великодушие и чувство справедливости, — в этом случае обязанностью дружбы является спасти его и выступить высшим судьей его прав и обязанностей. Будьте непоколебимы в этом отношении: поверьте, что я, ненавидящая соблазнитель, встающая всегда на сторону обманутых или оскорбленных женщин; я, которую считают адвокатом моего пола и сама считающая себя таковой, — не раз, когда это было необходимо, употребляла свой авторитет сестры, матери и друга, чтобы порвать не одну подобную связь. Я всегда осуждала женщину, когда та хотела быть счастлива ценою счастья мужчины. Я всегда оправдывала мужчину в тех случаях, когда от него требовали больше, чем допустимо с точки зрения человеческого достоинства и свободы. Клятва в любви и верности — преступление и низость, когда уста произносят то, от чего отрекается сердце, а от человека можно требовать всего, кроме низости и преступления. За исключением этого случая, мой друг, то есть за исключением того, когда он намеревался бы принести слишком суровую жертву, — я думаю, что не следует противодействовать его убеждениям или насиловать его склонности.

Если его сердце, подобно моему, может совместить в себе две различные любви, одну — если так можно сказать — являющуюся телом жизни, и другую, которая будет ее душой, то это было бы самым лучшим, так как тогда наши взаимоотношения соответствовали бы нашим чувствам и мыслям. И как не каждый день мы возвышенны, так не каждый день мы бываем счастливы. Мы и не будем видеться ежедневно, и не каждый день в нас будет гореть священный огонь, но будут выпадать прекрасные дни и святое пламя.

Возможно, следует подумать и о том, не объяснить ли ему мое положение относительно М[альфия], ибо можно опасаться, что по незнанию этого у него могло бы создаться по отношению ко мне некое чувство долга, который бы его стеснял и принуждал болезненно бороться с чувством к другой. Я представляю вам полную свободу и окончательное решение распорядиться моим признанием. Сообщите его, если сочтете минуту подходящей, или несколько повремените, если решите, что это усилило бы слишком недавние его страдания. Возможно и то, что вы уже это сделали. Все, что вы сделали или сделаете, — я принимаю и одобряю.

Что же касается вопроса обладания или необладания, то он мне представляется второстепенным по сравнению с тем, который нас сейчас занимает. Однако сам по себе, этот вопрос чрезвычайно важен — в нем вся жизнь женщины, это ее самый драгоценный секрет, ее наиболее обдуманные убеждения, ее самое таинственное кокетство. Вам, как другу и брату, я со всей простотой доверяю эту великую тайну, по поводу которой все, произнося мое имя, делают столь странные комментарии. И это именно потому, что у меня нет на этот счет ни каких-либо тайн, ни законченной теории, ни учения, ни определенного мнения; ни предвзятости, ни пре-

тензии на какую-либо особую силу, ни подражательства спиритуализму, — словом, у меня нет ничего предрешенного или превратившегося в привычку, и нет, как мне кажется, никаких ложных принципов — будь то излишняя вольность или излишняя сдержанность. Я часто доверялась своим инстинктам, которые всегда были благородны; мне случалось ошибаться в других, но ни разу в себе самой. Я могу упрекнуть себя за многие глупости, но я никогда не совершила низости или подлости. Я слышу много разговоров о вопросах человеческой морали, о целомудрии, о социальной добродетели. Все это мне еще не совсем ясно. Поэтому-то я и не пришла еще к каким-либо заключениям. Это вовсе не означает, что я беспечна на этот счет; я вам признаюсь, что желание согласовать какую-нибудь теорию с моими чувствами было великой проблемой и великим страданием моей жизни.

Чувства всегда брали верх над рассуждениями, и границы, которые я хотела себе поставить, никогда ничему не служили. Я двадцать раз меняла свои взгляды. Превыше всего я ставила верность, я провозглашала ее, я хранила ее, и я требовала ее. По отношению ко мне ее не соблюдали, — и я поступала так же. И все же я никогда не знала угрызений совести, потому что я всегда воспринимала свою неверность как нечто фатальное, как инстинктивное стремление к идеалу, которое толкало меня покинуть несовершенное ради того, что казалось мне приближающимся к совершенству. Я извела несколько видов любви: я любила как артист, как женщина, как сестра, как мать, как монахиня, как поэт, — не знаю, как еще? Бывали чувства, что рождались и умирали во мне в один и тот же день, ничем не выдав себя тому, кто их внушил. Были и такие, что становились мукой моей жизни, доводили меня до отчаяния, почти до безумия. Были и такие, что держали меня целыми годами в плену чрезмерного платонизма. Все это было совершенно искренне. Мое существо входило, как говорит Сент-Бёв, в различные свои фазы, как солнце входит в разные знаки Зодиака. Тому, кто судил бы обо мне поверхностно, я могла бы показаться безумной или лицемерной; тот же, кто взял бы на себя труд заглянуть в тайники моей души, тот бы увидел меня такой, какая я есть на самом деле, — восторженной почитательницей красоты, страстно алчущей правды, очень чувствительной в душе и очень слабой в своих суждениях [о людях], часто нелепой, но неизменно искренней, отнюдь не мелочной, не мстительной, правда, довольно вспыльчивой, но, слава богу, легко забывающей плохое и дурных людей.

Такова моя жизнь, мой друг; вы видите — она не замечательна. В ней нет ничего достойного восхищения, о многом в ней можно сожалеть, но доброе сердце не найдет в ней ничего достойного осуждения. В этом я уверена, а те, которые меня обвиняют в том, что я дурна, — лгут, и мне бы ничего не стоило доказать это, если бы я только пожелала дать себе труд вспоминать и рассказывать; но мне это скучно, да к тому же памяти у меня не более, чем злопамятства.

До сих пор я всегда была верной тому, что я любила, — абсолютно верной, — в том смысле, что я никогда никого не обманула и никогда не нарушала верности без крайне веских причин, которые убивали во мне любовь по вине других. Я не принадлежу к числу непостоянных натур.

Наоборот, я так привыкла любить исключительно того, с кем я связана узами близости, я так трудно воспламеняюсь, я так привыкла жить среди мужчин, забывая о том, что я женщина, что, право, я была слегка сконфужена и ошеломлена впечатлением, которое произвело на меня это маленькое существо. Я еще не пришла в себя от удивления, и, будь у меня больше гордыни, я бы почувствовала себя очень униженной сознанием того, что сердце мое оказалось столь неверным как раз тогда, когда я мнила навсегда обрести равновесие и покой. Мне кажется, однако, что было бы очень дурно, если бы я могла предвидеть, рассуждать и противостоять этому вторжению; но я была застигнута врасплох, и не в моей натуре подчиняться велению разума, когда любовь овладевает мной. Я ни в чем не упрекаю себя, а лишь констатирую, что я еще впечатлительнее и гораздо слабее, чем мне это казалось. Впрочем, это неважно — я не тщеславна. И это доказывает, что я и не смею быть тщеславной и никогда не должна гордиться ни своей силой, ни своей храбростью. И если меня это огорчает, то лишь потому, что моя безусловная искренность, в которую я столь долго верила и которой я слегка гордилась, сейчас затронута и находится в опасности. Я буду вынуждена лгать, как и все. Уверяю вас, что это более обидно для моего самолюбия, чем неудачный роман или освященная пьеса. Я немного страдаю от этого; и эта боль, возможно, является остатком тщеславия; а может быть, это глас свыше, который вопиет, что следовало более тщательно оберегать свои глаза и уши, а в особенности сердце. Но если небо хочет видеть нас верными нашим земным привязанностям, — зачем позволяет оно ангелам иногда блуждать среди нас и пересекать наши пути?

Стало быть, великая проблема любви вновь встала передо мной! Нет любви без верности, утверждала я всего лишь два месяца назад, но, увы, я не могу отрицать, что при встрече с бедным М[альфилом] я не испытала к нему былой нежности. Несомненно и то, что с тех пор, как он [Мальфилъ] вернулся в Париж (вы, вероятно, его там видели), вместо того, чтобы с нетерпением ожидать его возвращения и грустить от разлуки с ним, я страдаю меньше и мне дышится легче. Если бы я предполагала, что частые встречи с Ш[опеном] должны усилить мое охлаждение, я чувствую, что моим долгом было бы воздержаться от встреч.

Вот к этому-то я и хотела прийти: я хотела поговорить с вами о проблеме обладания, к которой для некоторых умов целиком сводится проблема верности. Мне это кажется неправильным. Можно быть верным в большей или меньшей степени, но когда ты уже позволил овладеть своим сердцем и с чувством любви допустил самые невинные ласки, то неверность уже совершена, и тогда все остальное уже менее важно, так как тот, кто потерял сердце — тот потерял все. Лучше было бы потерять тело и сохранить в целостности душу. Так, в принципе — мне кажется, что полное завершение новой связи лишь незначительно усугубляет вину; однако фактически не исключено, что после обладания привязанность становится более человеческой, более мощной, более властной. Это весьма вероятно, это даже наверное так. Вот почему, когда хотят жить вместе, то не надо оскорблять природу и правду, отступая перед завершением союза; но если обстоятельства вынуждают жить врозь, то, несомненно, благо-

разумие, а следовательно, долг и подлинная добродетель (всегда являющаяся самопожертвованием) — повелевают воздержание. Я еще не размышляла серьезно на эту тему, но если бы он заговорил об этом в Париже, я бы попросту уступила, так как моя врожденная прямота заставляет меня ненавидеть всякие предосторожности, отговорки, ухищрения и ложные разграничения, какого бы рода они ни были. Ваше письмо заставляет меня подумать над отменой моего решения. И к тому же смущение и грусть, испытанные мною от ласк М[альфиля], и то мужество, которое мне потребовалось, чтобы скрыть это от него, тоже служат мне предостережением. Итак, дорогой друг, я последую вашему совету. Пусть это будет искупительной жертвой за своего рода вероломство, которое я совершила.

Я называю это — жертвой, потому что мне будет тяжело видеть, как этот ангел страдает. До сих пор он вел себя очень мужественно. Но я не ребенок и хорошо видела, что человеческая страсть возрастает в нем очень интенсивно и поэтому нам пора расстаться. Вот почему я не захотела остаться с ним в ночь, предшествующую моему отъезду, и я вас обоих чуть ли не прогнала от себя.

И раз уж я вам говорю все, то хочу указать и на единственную вещь, которая мне в нем не понравилась: в своей сдержанности он руководствовался дурными мотивами. До тех пор я находила красивым, что он сдерживается из уважения ко мне, из робости, даже из желания сохранить верность другой. В этом был элемент самопожертвования, а следовательно, мужества и, конечно, целомудренности. Это-то всего более и очаровывало и привлекало меня в нем. Но у вас, в минуту прощания, и словно желая превозмочь последнее искушение, он сказал мне два-три слова, которых я от него не ожидала. Мне показалось, что он по-ханжески презирает человеческую грубость и стыдится искушений, которые у него были, и опасается осквернить нашу любовь еще одним порывом. Такое отношение к последнему проявлению любви всегда внушало мне отвращение. Если это последнее проявление любви не является таким же святым, целомудренным и исполненным преданности, как все остальное, то нет никакой заслуги в воздержании от него. Это определение — «физическая любовь», которым пользуются, чтобы выразить то, чему имя есть лишь на небе, не нравится мне и коробит меня как богохульство и к тому же как понятие глубоко неправильное. Разве может у возвышенных натур существовать любовь чисто физическая, а у натур искренних любовь чисто духовная? Разве может быть любовь без единого поцелуя и поцелуев без сладострастия? Презрение к плоти может быть мудрым и полезным с существами, состоящими из одной лишь плоти; но относительно тех, кого любишь, надо употреблять, когда воздерживаешься, не слово презирать, а слово уважать. Впрочем, он произнес не эти слова. Я их хорошенько не помню. Мне кажется, он сказал, что некоторые поступки могли бы испортить воспоминания. Не правда ли, он сказал глупость, и он так не думает? Какова же была та несчастная женщина, которая оставила в нем подобные впечатления о физической любви? У него, видимо, была любовница, недостойная его? Бедный ангел!

Следовало бы повесить всех женщин, которые унижают в глазах мужчин то, что всего достойнее, всего святее в мироздании, божественную тайну, этот наиболее серьезный и возвышенный акт в жизни Вселенной. Магнит притягивает железо, животные соединяются друг с другом на основе различия полов. Растения повинуются любви, а человек, который один на земле получил от бога божественный дар чувствовать то, что животные, растения и металлы воспринимают только вещественно, — человек, у которого электрическое притяжение превращается в притяжение осознанное, разумное, чувственно воспринимаемое, лишь человек смотрит на это чудо, совершающееся одновременно и в его душе и в его теле, как на недостойную потребность, и говорит о ней с презрением, с иронией или со стыдом! Это поистине странно. В результате этого отдаления духа от плоти возникла необходимость в монастырях и публичных домах.

Вот ужасающее письмо. Вам понадобится не меньше шести недель, чтобы разобраться в нем. Это мой ультиматум. Если он счастлив или должен быть счастливым с нею, то пусть так оно и будет. Если это грозит ему несчастьем, то воспрепятствуйте этому. Если он может быть счастливым со мной, не переставая быть счастливым с нею, то и я со своей стороны могу поступать точно так же. Если он не может быть счастливым со мною, не будучи несчастливym с нею, то надо, чтобы мы избегали друг друга и чтобы он забыл меня. Другого выхода, за исключением этих четырех возможностей, нет. Я найду в себе достаточно сил, обещаю вам, так как дело идет о нем, и если я и не проявляю больших добродетелей по отношению к себе самой, то зато отличаюсь безграничной преданностью тем, кого я люблю. Вы мне честно скажете всю правду; я рассчитываю на это и этого жду.

Нет нужды, чтобы вы написали мне осторожное письмо. Мы с М[альфилем] не дошли до этого. Мы слишком уважаем друг друга, чтобы хотя бы мысленно требовать друг у друга отчета в подробностях нашей жизни [...]

Я думала съездить в Париж, и еще не исключено, что мои дела, которыми сейчас занимается М[альфиль], затянутся, и тогда я присоединюсь к нему. Ничего не говорите об этом малышу. Если я приеду, я извещу вас заранее, и мы сделаем ему сюрприз. Во всяком случае, так как вам потребуется некоторое время, чтобы обеспечить себе возможность отъезда, то начинайте хлопотать немедленно, так как я хочу вас видеть этим летом в Ноане, — как можно раньше и как можно дольше. Вы увидите, что вам там понравится; там ничего нет из того, чего вы боитесь. Там нет подглядываний, нет сплетен, ничего, что бы напоминало провинцию, — это оазис в пустыне. Во всем департаменте не найдется человека, который бы знал, что такое Шопен или Гжимала. Никто не знает, что происходит у меня. Я встречаюсь лишь с близкими и друзьями, ангелами, подобными вам, у которых никогда не закрадываются дурные мысли о тех, кого они любят. Вы приедете, мой дорогой и хороший, мы поболтаем на свободе, и ваша угнетенная душа возродится на лоне природы. Что же касается малыша, то он приедет, если захочет; в этом случае я бы

хотела знать об этом заранее, и тогда я бы отослала М[альфиля] либо в Париж, либо в Женеву. Предлоги всегда найдутся, а подозрения у него никогда не возникнут. Если малыш не захочет приехать, оставьте его при его решении; он боится людей, боится уж не знаю чего. У тех, которые мне дороги, я уважаю даже то, чего не понимаю. Я же приеду в Париж в сентябре перед большим отъездом. То, как я буду себя с ним вести, будет зависеть от вашего ответа. Если у вас нет ответа на задачу, которую я вам поставила, постарайтесь добыть этот ответ у него, — проникните в его душу; мне необходимо знать, что в ней происходит.

Меня же вы знаете теперь до конца. Таких писем, как это, я не пишу и двух в течение десяти лет. Я ведь страшно ленива и так не люблю говорить о себе. Но это письмо даст мне возможность избежать более длинных разговоров. Теперь вы знаете меня наизусть и сможете словно видеть меня, когда будете решать судьбу нашей Троицы.

Я ваша, дорогой и добрый, ваша всей душой, и если я не говорила о вас явно в течение всей этой длинной беседы, то это лишь потому, что мне казалось, будто я говорю о себе со своим вторым я, несомненно лучшим и более дорогим, чем первое.

Жорж Санд.

Почтовый штемпель: «Июнь 1838».

¹ Речь идет о Марии Водзиньской.

² Бертрам и Алиса — герои оперы Дж. Мейербергера «Роберт-Дьявол»; Алисой Жорж Санд называет Марию Водзиньскую. Возможно, что когда Жорж Санд писала это письмо, она еще не знала, что отношения Ф. Шопена с Марией порваны.

³ Речь идет о Ф. Шопене.

⁴ Имеется в виду Жан Мальфиль.

⁵ Так В. Гжимала, который был на двадцать лет старше Ф. Шопена, обычно называл его.

⁶ «...наша любовь» — впоследствии Жорж Санд в «Histoire de ma vie» — «Истории моей жизни» — утверждала, что питала к Ф. Шопену лишь дружеские чувства.

⁷ Армида — обольстительная красавица, один из самых поэтических образов в поэме Тассо «Освобожденный Иерусалим» (1580—1581).

271. ЖОРЖ САНД — ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Ноан, конец июня — начало июля 1838

Дела требуют моего отъезда. В четверг я буду в Париже. Придите повидать меня, но постарайтесь, чтобы малыш не знал об этом. Сделаем ему сюрприз.

Преданная вам, дорогой
Ж. С.

Я буду жить, как обычно, у г-жи Марлиани.

272. ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Париж, начало июля 1838

Жизнь моя!

Я не могу быть surpris*, потому что вчера видел Марлиани, который сообщил мне о ее приезде¹. Сажу до 5-ти дома, как прикованный — отсиживаю уроки (уже кончаю второй). Бог знает, к чему это приведет. Мне не на шутку плохо. Я ежедневно заходил к Тебе, чтобы Тебя обнять.

Давай пообедаем где-нибудь вместе.

Ш.

¹ Речь идет о приезде Жорж Санд в Париж.

273. ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Париж, лето 1838

Мой Милый.

Я должен срочно повидать Тебя сегодня, хоть ночью в 12 или в час. Не опасайся, Милый, ничего для Тебя неприятного. Ты знаешь, что я всегда ценю Твое сердце. Ты должен дать мне совет.

Твой
Ш.

274. МОРИСУ ШЛЕЗИНГЕРУ В ПАРИЖ

Париж, 10 августа 1838

Получил от г-на Мориса Шлезингера сумму в четыреста франков в счет тысячи пятисот франков, за которые я передал ему право собственности для Франции на четыре Мазурки сочинения...¹ и три Вальса² для фортепиано, с правом собственности для Франции и Германии.

ФФ. Шопен.

Париж, сего 10 Авг[уста] 1838

Оригинал на французском языке.

¹ Ф. Шопен не проставил номера опуса, так как не был уверен в последовательности нумерации; эти мазурки вышли в ноябре 1838 г. под ор. 33.

² Речь идет о трех вальсах: a-moll (1831), As-dur (1835), F-dur (1838); изданы в декабре 1838 г. под ор. 34.

* Удивлен (франц.).

275. ГЕНРИХ ГЕЙНЕ — ЖОРЖ САНД

Гранвиль, 17 августа 1838

Гранвиль, 17 августа 1838

Прекраснейшая и добрейшая кузина!¹

Не могу найти слов, чтобы выразить свое огорчение тем, что не повидал вас в Париже. Шопен передал мне вашу милую записку накануне моего отъезда, и я благодарю вас за интерес, который вы проявили ко мне. Тысяча благодарностей! [...]

Отрывок. Гейне Генрих. Собр. соч. в 10-ти тт., т. 10. Л., 1959. с. 63—64.

¹ Так Г. Гейне называл Жорж Санд.

276. ФЕЛИСЬЕН МАЛЬФИЛЬ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 1838

Г-ну Ф. Шопену

о его *Польской балладе*¹.

Мой дорогой друг!

Некоторое время тому назад, на одном из тех вечеров, где, окруженный симпатиями избранных, вы полностью отдавались своему вдохновению, вы сыграли столь любимую нами *Польскую балладу*. Едва лишь гений меланхолии, заключенный в вашем инструменте, узнал те руки, которые одни имеют власть заставить его говорить, как он начал поверять нам свою таинственную скорбь, и все мы погрузились в глубокие грезы. А когда вы закончили, мы долго оставались задумчивы и молчаливы, продолжая внимать возвышенной песне, последние звуки которой давно уже замерли в пространстве. О чем же размышляли мы, все вместе, и какую мысль пробудил в наших душах мелодический голос вашего фортепиано? Я не смогу этого сказать: ведь каждый видит в музыке, как в облаках, различные вещи.

Я наблюдал, как наш друг Скептик², сохранивший, однако, столь живую веру в любовь и в искусство, устремил свой взгляд перед собой, склонив к плечу голову с печальной улыбкой на устах, и я представил себе, что ему грезятся журчащие ручейки и грустные слова прощания в темных аллеях леса; я видел также, как старый Верующий³, евангельскому слову которого мы внимали с почтительным восхищением, сидел, сложив руки и закрыв глаза, со лбом, прорезанным морщинами, и, казалось, вопрошал Данте, своего предка, о тайнах неба и судьбах мира. Я же, притаившись в самом темном углу комнаты, плакал, уносясь мыслью вслед за печальными картинами, которые вы во мне вызывали. Возвращаясь домой, я попытался воссоздать их на свой лад в нижеследующих строках. Читайте их со снисходительностью, и если даже я неверно истолко-

вал вашу *Балладу*, примите это приношение как дань моего уважения к вам и моей симпатии к вашей героической родине.

Напечатано в качестве предисловия-посвящения к поэме-диалогу Ф. Мальфиля, озаглавленной «*Les Exilés*» — «Изгнанники», в «*La Gazette Musicale de Paris*», 1838, 9 sept.

¹ Вероятно, речь идет о Балладе g-moll op. 23.

² Скептик — по-видимому, Эжен Делакруа.

³ Верующий — Адам Мицкевич.

277. ЭЖЕН ДЕЛАКРУА — ЖАНУ ПЬЕРРЕ В ПАРИЖ

Вальмон, 5 сентября 1838

Вальмон, 5 сентября 1838

[...] Будь добр: еще одно поручение — зайди при случае на угол улицы Grande-Bâtelière и бульвара, к Плейелю, фабриканту фортепиано и попроси забрать от меня — Делакруа, улица des Marais-Saint-Germain 17, фортепиано, которое было доставлено туда по поручению г-на Шопена, примерно месяца два тому назад¹. Скажи ему, что я забыл об этом перед отъездом в деревню, и либо я после возвращения, либо ты расплатимся за наем. [...]

Отрывок.

¹ Летом 1838 г. Э. Делакруа решил написать двойной портрет Ф. Шопена и Жорж Санд. Для этого в начале июля Шопен попросил доставить в мастерскую Делакруа фортепиано, за которым и происходили сеансы. На портрете были изображены импровизирующий Шопен и слушающая его Жорж Санд. Портрет не был завершен (возможно, из-за нездоровья Шопена, отъезда Делакруа в деревню, а затем и отъезда Шопена и Жорж Санд). После смерти Делакруа (1863) полотно было разрезано, и часть его — портрет Шопена, один из лучших портретов эпохи романтизма — попал в Лувр, где и хранится доныне, а та часть холста, на которой изображена Жорж Санд, находится в копенгагенской Глиптотеке (сохранился и ряд набросков Делакруа к этому портрету).

278. ЖОРЖ САНД — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Ноан, лето 1838

Суббота вечером.

Полночь

Мы выедем завтра рано утром. Мы нашли лошадь для коляски и возьмем с собой моего брата¹. Так как я не смогу писать вам с дороги, я по крайней мере хочу, чтобы вы получили словечко в Париже. Мне грустно при мысли, что вы едете каретой и что вам предстоит тяжелая ночь. Постарайтесь так распределить время, чтобы хотя бы три ночи отдохнуть в Париже, — и не слишком утомляйтесь.

Люби меня, мой ангел, мое дорогое счастье. Я люблю тебя.

Л. Биненталь, первым опубликовавший это письмо, сообщал, что в него была вложена прядь волос Жорж Санд (см.: Binental L. Chopin. Paris, 1934, репродукция XLIII).

¹ Ипполита Шатилона.

279. АСТОЛЬФ ДЕ КЮСТИН — СОФИ ГЭ

Сен-Грасиен, 22 октября 1838

[...] и нашего Шопена... Этот последний отправляется в Валенсию, в Испании, то есть в иной мир. Вы не можете себе вообразить, что г-же Санд удалось сделать из него за одно лето! Истощение завладело им и оставило от него одну лишь душу без тела [...] Несчастный не видит, что эта женщина наделена любовью вампира! Он следует за ней в Испанию, куда она отправилась ранее. Он уже не вернется более оттуда. Он не решился сказать мне, что едет туда: он говорил лишь о необходимости отдыха и хорошего климата! Отдых с подобным вампиром! [...]

Отрывок. «Correspondance de Frédéric Chopin», vol. 2, p. 279.

280. ЖОРЖ САНД — ШАРЛОТТЕ МАРЛИАНИ В ПАРИЖ

Порт-Вандр, конец октября или 1-2 ноября 1838

Дорогая!

Через два часа я покидаю Францию. Я вам пишу с берега моря самого синего, самого чистого, самого безмятежного: можно подумать, что это море Греции или озеро Швейцарии в прекраснейший день. Мы все чувствуем себя хорошо. Шопен прибыл вчера в Перпиньян свежий, как роза, и розовый, как репа; он, впрочем, здоров и героически перенес четыре ночи в мальпосте¹ [...].

Я от вас ничего не получила и беспокоилась бы, если бы Шопен не сообщил мне новости о вас. [...].

Я проведу неделю в Барселоне² [...]

Жорж.

Пишите в конверте: Senor Francisco Riotord, junto à San-Francisco en Palma de Mallorca.

Отрывок. Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 2, p. 259—260.

¹ Мальпост — курьерская почтовая карета, вмещавшая двух-трех пассажиров.

² В конце октября 1838 г. Жорж Санд с детьми выехала из Парижа на юг (первоначально существовал план поездки в Швейцарию). В Перпиньяне к ним присоединился Ф. Шопен. Из Порт-Вандра они на пароходе «Fenitiens» переехали в Барселону (жили в гостинице «Hôtel des Quatre Nations»), где провели несколько дней, осматривая город и окрестности, посещая спектакли итальянской оперы и т. д.

281. ЖОРЖ САНД—ШАРЛОТТЕ МАРЛИАНИ В ПАРИЖ

Пальма¹, 14 ноября 1838

Пальма на Майорке
14 9^{bte} [novembre]

Дорогой друг.

Пишу вам второпях. Я покидаю город и устраиваюсь в деревне. У меня красивый меблированный дом, за 50 ф[ранков] в месяц, а кроме этого, в двух часах отсюда у меня келья, то есть три комнаты и сад, полный апельсинов и лимонов за 35 фр[анков] в год, в ог[ромном] картезианском монастыре Вальдемоза².

Двуногий Вальдемоза³ объяснит вам, что такое картезианский Вальдемоза. Слишком долго пришлось бы описывать. Это — поэзия — одиночество — и все, что только существует самого артистического... под сводом небес, и каких небес! Какой край! Мы восхищены. У нас были трудности с устройством [...]. Все приходится заказывать, все делается медленно. [...] Но край, природа, деревья, небо, море, архитектура — превзошли мои ожидания. Это — обетованная земля. [...] Мы все здоровы. Шопен вчера гулял с Морисом и нами три часа по острым камням, и сегодня оба чувствуют себя только лучше. [...]

Ничего вам не передаю от Шопена, ибо он отправился по моим делам, но вы знаете, как он предан вам [...]

Отрывок. Chopin na obczyznie, s. 193. Адрес: «Madame Marliani/Rue Grande batelière 15/Paris».

¹ Пальма — главный город Майорки (Мальорка), одного из Балеарских островов на Средиземном море. Первую неделю Шопен и Жорж Санд с ее детьми жили наединственном в Пальме постоялом дворе «Calla de la Marina» («Морская улица»).

² Монастырь ордена картезианцев в 15 километрах от города Пальмы. В кельях, в которых жили Шопен и Жорж Санд с детьми, с 1929 г. открыт музей, посвященный их пребыванию на острове Майорка. В последнее время фонды музея включают богатейшую коллекцию, собранную выдающимся английским шопеноведом А. Хэдли.

С 1960 г. в Вальдемозе проводится Шопеновский конкурс.

³ Речь идет об испанском певце Франдиско Фонтера, называвшем себя Вальдемоза, по имени своей родной деревни; он-то и рекомендовал в Париже Жорж Санд поехать на Майорку.

282. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Пальма, 15 ноября 1838

Пальма, 15 ноября 1838 г.

Мой Милый!—

Я в Пальме — среди пальм, кедров — кактусов — олив, померанцев, лимонов — алоэ, фиговых деревьев — гранатов — и т. п., что есть только в оранжереях Jardin des Plante¹. — Небо, как бирюза — море, как лазурь — горы, как изумруд — воздух, как на небесах. — Днем солнце, все ходят по-летнему, и жарко; — ночью — гитары и пение по целым часам. — Огром-

ные балконы, доверху оплетенные виноградом, — мавританские стены. Все здесь, и сам город напоминает Африку. — Словом, чудесная жизнь!

Люби меня.

Будь добр, зайди к Плейелю, потому что фортепиано еще не прибыло. Каким путем его послали? — Скоро получишь *Прелюдии*². Жить буду, вероятно, в чудеснейшем монастыре — расположенном в самом красивом месте на свете: море, горы, пальмы, кладбище, храм крестоносцев, развалины мечетей — старые, тысячелетние оливковые деревья. — Ах, жизнь моя, я живу немного полнее. Нахожусь вблизи того, что всего прекраснее, — и сам стал лучше. — Письма моих родителей и все, что Тебе надо переслать мне, отдай Гжимале: он знает самый верный адрес.

Обними Яся. — Как бы он тут поправился! — Скажи Пл[ейелю], что он скоро получит рукописи. — Знакомым говори обо мне поменьше. Потом я Тебе напишу много. Говори, что вернусь, когда пройдет зима. — Почта отходит здесь раз в неделю — я пишу через здешнее Консульство. Пошли мое письмо родителям так, как есть. —

Сам отнеси на почту. Твой

III.

Ясю напишу потом.

Адрес: «P[ar] b[onte] / J. Fontana».

Ниже помета Ю. Фонтаны: «Получ. 28 [ноября 1838]». Дальше следует приписка В. Гжималы, который переслал письмо Ю. Фонтане: «Спешу переслать это письмо, а ты напиши мне словечко, когда будет готов ответ, чтобы я до него задержал и свой. Искренне преданный Аль[берт] Гжимала».

¹ Ф. Шопен имеет в виду Парижский ботанический сад, основанный в XVII в.

² На Майорке Ф. Шопен заканчивал работу над циклом Прелюдий ор. 28.

283. КАМИЛЛУ ПЛЕЙЕЛЮ В ПАРИЖ

Пальма, 21 ноября 1838

Пальма, 21 9bre [novembre] 1838

Дорогой Друг!

Я приехал в Пальму, восхитительный край — вечная весна — деревья оливковые, лимонные, померанцы, пальмы и т. п. и т. п. Мое здоровье лучше — а ваше? — Мне грустно было уезжать, не зная определенно, что с вами. — Не оставляйте меня надолго без известий, когда я вдали от вас — сообщите, вполне ли вы поправились. — А также напишите мне о вашей семье.

До свиданья, Дражайший, передайте вашей Матушке уверения в моем уважении — тысячу приветов г-же и г-ну Денуайе.

Ш.

Письма прошу адресовать:

Г-ну поверенному по Иностранным делам в Марсель для пересылки Г-ну Французскому Консулу в Барселоне (и внутри конверта) Г-ну Шопену в Пальму на Майорке.

Мое фортепиано еще не прибыло. — Как вы его отправили? Через Марсель или Перпиньян?

Я грежу о музыке, но пока не играю, — потому что здесь нет фортепиано... В этом отношении это дикая страна.

Оригинал на французском языке.

284. ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Пальма, 3 декабря 1838

3 декабря

Мой милый.

Перешли Фонтане письмо к Родителям. Я — кашляющий, кряхтящий и любящий Тебя. Мы часто Тебя вспоминаем. До сих пор от Тебя не было еще ни одного письма. Что касается почт, людей и удобств — это дьявольский край. Небо прекрасно, как Твоя душа; земля черна, как мое сердце. Люблю Тебя всегда

Ш.

[Приписка Жорж Санд:]

Дорогой!

Получаете ли вы наши письма? Мы писали вам три или четыре раза, и мы обеспокоены и опечалены вашим молчанием. Тем не менее, мы получаем новости от Марлиани. Самый верный способ писать нам, из всех испробованных, — это адресовать: Г-ну Каню и Мюньеро в Пальму, на Майорке, Балеарские острова. В конверте: Для г-жи Ж. Санд. Надо непременно оплатить до границы.

Шопен хворал последние дни¹. Ему уже лучше, но он плохо переносит довольно частые здесь колебания температуры. У нас, наконец, будет камин Ломона², и да хранит нас провидение, так как здесь нет ни докторов, ни медицины, ни лекарств. Отсутствие фортепиано меня очень огорчает из-за малыша. Он взял напрокат какое-то местное³, которое его больше раздражает, чем радует. Но, несмотря на это, он работает.

Через три дня мы поселимся в нашем великолепно расположенном, прекрасном Монастыре. Мы приобрели мебель и стали тем самым собственниками на Майорке. Это восхитительный край, и мы счастливы; нам

недостает только Вас. С болью и ужасом мы узнали о несчастье с женой Мицкевича⁴. Боже мой, боже! Вы всегда можете рассчитывать на меня в отношении известной статьи и второй для аукциона⁵. Но я, увы! я еще не закончила *Спиридиона*⁶. Я все еще не могу работать. Мы не устроились, у нас нет ни осла, ни слуги, ни воды, ни огня, ни верного способа пересылать рукописи. Ввиду этого я вместо литературы занимаюсь кухней и даже не знаю, получен ли Бюлозом мой последний пакет. Будьте так любезны, повидайте его и скажите, что четвертая часть *Спиридиона* едет к нему, если он до сих пор ее не получил. В Испании сейчас очень неспокойно⁷. Возможно, что везущий *Спиридиона* не смог доехать до Пиренеев. Сообщение с Францией, которое нам... [продолжение отсутствует].

¹ 14 ноября Ф. Шопен и Жорж Санд поселились в 8 километрах от Пальмы в Доме Ветра (So'n Vent). С ухудшением погоды этот летний дом, не имевший ни печей, ни камина, сделался непригодным для жилья. Шопен простудился. В довершение всего хозяин дома, опасаясь, что у Шопена туберкулез, потребовал, чтобы они выехали. После этого они провели четыре дня у французского консула и лишь 15 декабря Шопен и Жорж Санд поселились в картезианском монастыре Вальдемоза.

² Камин Ломона (по имени изобретателя) — печка с чугунной заслонкой, позволяющей регулировать приток воздуха.

³ Этот инструмент сохранился и находится в келье-музее в Вальдемозе.

⁴ Упомянутое несчастье — случившееся в конце 1838 г. серьезное психическое заболевание Целины Мицкевич.

⁵ Статья для аукциона — для ежегодного благотворительного базара-аукциона в пользу польских эмигрантов, который устраивался у Чарторыхских в Hôtel Lambert.

⁶ «Спиридион» (1839) — мистический роман Жорж Санд; был в том же 1839 г. запрещен в России Комитетом иностранной цензуры.

⁷ В Испании в это время шла первая карлистская война.

285. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Пальма, 3 декабря 1838

Пальма, 3 декабря 1838

Мой Юльян!

Не давай *congé** на мою квартиру. Рукописи я не мог тебе послать, потому что не кончил. Хворал эти последние две недели, как собака: простудился, несмотря на 18 градусов тепла, розы, померанцы, пальмы и фиги. Три доктора, — самых известных на острове: один нюхал то, что я плевал, другой выстукивал там, откуда плевал, третий щупал и слушал, как я плевал. Один говорил, что я сдох, другой — что подыхаю, третий — что подохну. А я нынче такой же, как всегда, только Ясю не могу простить, что он не дал мне никакого совета по случаю *bronchite aigue***, который всегда мог у меня ожидать.

* Не расторгай договор (франц.).

** Острый бронхит (франц.).

Я едва удержал их, чтобы мне не пускали кровь, не ставили мне никаких нарывных пластырей, не делали мне заволок¹, и сейчас у меня гтáсе* провидения все по-старому. Это, однако, оказывает влияние на *Прелюдии*, которые бог ведает, когда получишь.

Через несколько дней буду жить в самом красивом на свете месте: море, горы, что душе угодно. Жить буду в старом, огромном, заброшенном, разрушенном монастыре картезианцев, которых Менд[исабаль] выгнал, словно специально для меня. Поблизости от Пальмы нет ничего более чудесного: галерей, поэтичнейшие кладбища, словом, мне там будет хорошо. Только нет у меня еще фортепиано. — Писал прямо Плейелю, rue de Rochechouard. Узнай... Скажи, что на следующий день я сильно захворал. Впрочем, не говори много ни обо мне, ни о рукописях. Пиши мне: я не получил от Тебя еще ни одного письма. — Скажи Лео, что я еще не послал *Прелюдий* Альбрехту, что я их очень люблю и напишу им². Отнеси сам на биржу³ мое письмо Род[ителям] и пиши. Яся обнимаю.

III.

Не говори людям, что я болел, наплетут небылиц.

Адрес: «Monsieur/Monsieur Jules Fontana, 38, rue de la Chaussée d'Antin». Помета Ю. Фонтаны: «Получил 3 янв. [1839]».

¹ Заволока — широко применявшееся ранее отвлекающее средство для возбуждения искусственного воспаления с целью устранения очага заболевания. Кожа на затылке прокалывалась, и в отверстие продевалось несколько скрученных вместе конских волос.

² О. Лео одолжил Ф. Шопену деньги на поездку, в счет причитающихся ему от К. Плейеля за *Прелюдии*.

³ Здесь — почта, предназначенная для спешных биржевых перевозок.

286. ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Майорка, между 3 и 14 декабря 1838

Она просит, жизнь моя, чтобы это как-нибудь случайно не попало в какую-нибудь газету, а то у нее будут недоразумения с Бюлозом. Она полагает, что это подойдет для какого-нибудь Петрушки, которого вы легко можете сделать, напр[имер], Bradi dedaur¹. — Во всяком случае, избавь ее от недоразумений с Бюлозом. — Мы Тебя любим и обнимаем, и были бы рады во что бы то ни стало вернуть тебе здоровье, без которого тебе жизнь не мила. — Еще раз — напоминаю Тебе — не ставь ее в неловкое положение. — Она устала и легла, а мне поручила просить Тебя об этом.

* По милости (франц.).

Что за бахвалы эти испанцы в Париже. — Видишь, как тут ходит почта и какая тут удобная коррес[понденция]. — У меня все еще нет форт[епиано], и оно, наверное, и через год не будет. Несмотря на это, люби меня.

III.

Приписка к письму Жорж Санд.

¹ Неясно, о чем говорит Шопен; вероятно, вместе с письмом Жорж Санд посылала В. Гжимале статью или какую-то пьеску; опасения Жорж Санд были вызваны ее договорными условиями с журналом Ф. Бюлоза «Revue des deux Mondes»; возможно, впрочем, что речь идет о псевдонимах для подписания этой статьи. Письмо Жорж Санд не сохранилось.

287. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Пальма, 14 декабря 1838

Пальма, 14 decembre 1838

Мой Юльян!

От Тебя все еще ни слова, а это мое третье, если не четвертое письмо. Франкировал¹ ли ты? Может быть, мои не писали? Не случилось ли у них какого-нибудь несчастья? Или Ты ленишься? Нет, Ты не ленив, а добр. Ты, наверно, и моим отослал оба моих письма (из Пальмы), и мне ты писал, только не доставила здешняя почта, самая нерегулярная на свете. Только сегодня я получил извещение, что 1 decemb[re] в Марселе погрузили фортепиано на торговый корабль. Письмо из Марселя шло четырнадцать дней. Я не оставляю надежды на то, что фортепиано перезимует в порту или на якоре (потому что здесь никто ничего не делает, когда дождь), и я получу его только в момент отъезда, что меня очень позабавит, так как, кроме уплаты 500 франков пошлины, я буду иметь удовольствие сам снова запаковать его.—

Тем временем рукописи мои спят, а я спать не могу, только кашляю, и давно уже, обложенный пластырями, жду весны или чего-нибудь иного... Завтра еду в тот чудеснейший монастырь Вальдемозу писать в келье старого монаха, в душе которого, быть может, было больше огня, чем у меня, и он заглушал его, заглушал и гасил, ибо владел им напрасно.— Думаю вскоре послать Тебе мои *Прелюдии* и *Балладу*². Сходи к Лео. Не говори, что я болен, а то он испугается за свои 1000 франков. И у Плейеля [не говори].

Твой
III.

Яся обними.

На бумаге с инициалами Жорж Санд. Под датой помета Ю. Фонтаны: «Пол[учил] 4 янв[аря] 1839».

¹ Франкировать — оплачивать вперед почтовые расходы, чаще за письма, отправляемые за границу.

² Баллада F-dur op. 38.

288. ЖОРЖ САНД—ШАРЛОТТЕ МАРЛИАНИ В ПАРИЖ

Пальма, 14 декабря 1838

Пальма, на Майорке, 14 декабря 1838

[...] То, что здесь поистине хорошо, — это природа, небо, горы, здоровье Мориса и улучшение характера Соланж. Здоровье славного Шопена не в столь блестящем состоянии. После того, как он хорошо, слишком хорошо перенес ужасные тяготы путешествия, нервная энергия, поддерживавшая его, спала, и он сделался весьма подавлен и нездоров. Но ему с каждым днем лучше, и я надеюсь, что он совсем поправится. Я ухаживаю за ним, как за своим ребенком. Это ангел кротости и доброты¹. Ему очень недостает фортепиано. Наконец-то сегодня мы получили известие о нем — оно отправлено из Марселя, и мы, вероятно, получим его недели через две.

Боже мой, сколь тяжела и убога здешняя повседневная жизнь. Этого нельзя вообразить. Недостает всего, ничего нельзя нанять, ничего купить. Надо заказывать матрацы, покупать простыни, салфетки, кастрюли, и т. д., абсолютно все. [...] Завтра мы едем в монастырь Вальдемоса, самое поэтическое место на земле. Мы проведем там зиму, которая тут только начинается, но которая скоро кончится, — вот единственное счастье этого края [...]. Наши семейные узы стали более тесными и мы прижимаемся друг к другу с подлинным чувством глубокого счастья. Разве можно жаловаться, когда сердце живет? [...].

Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 2, p. 279—282.

¹ Впоследствии Жорж Санд в «Histoire de ma vie» — «Истории моей жизни» — писала о болезни Ф. Шопена на Майорке: «Бедный великий артист был невыносим в болезни... он совершенно был деморализован... монастырь был наполнен для него ужасом и привидениями даже в то время, когда он чувствовал себя относительно хорошо. Он не говорил об этом и мне приходилось лишь догадываться...»

289. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Пальма, 28 декабря 1838

Пальма, 28 Dec[embre] 1838

или, точнее, Вальдемоса — в нескольких милях; можешь ли ты представить меня между скалами и морем, в огромном заброшенном монастыре картезианцев, в келье, двери которой больше любых ворот в Париже, непричесанного — без белых

перчаток — бледного как всегда. Келья имеет форму высокого гроба — огромные своды запылены, — маленькое окно — под окном померанцы, пальмы, кипарисы; против окна — под филигранной мавританской розеткой — подвешена моя кровать. Возле кровати старый, квадратный, разваливающийся *pitou-chable**, за которым я еле могу писать — на нем оловянный подсвечник (здесь это большая *luxe***) со свечкой. — Бах¹, моя пачкотня и не мои бумаги... тишина... можно кричать... и все равно тихо. Словом, пишу тебе из странного места.

Твое письмо от 2-го сего месяца я получил третьего дня, и так как из-за праздников почта отходит лишь на будущей неделе, то могу писать тебе не спеша, а вексель, который я тебе посылаю, вероятно, будет идти к Тебе бесконечно долго. Природа — вещь прекрасная, но вот с людьми здесь никаких дел иметь не следует. Ни дорог, ни почт. Много раз я приезжал сюда из Пальмы, всегда с одним и тем же извозчиком, и всякий раз другой дорогой. Потоки прокладывают дороги, *avalanches**** их исправляют, сегодня тут нельзя проехать, потому что перепахано, завтра можно только на мулах, а если бы ты знал, какие здесь повозки?! Вот почему, Юльян, здесь нет ни одного англичанина, даже консула.

Что там обо мне говорят — все пустяки². — Лео — жид!³ Не могу послать тебе *Прелюдий*, потому что они не окончены; мне теперь лучше, и я потороплюсь, а жиду напишу короткое откровенное благодарственное письмо, которое проберет его до пят (пусть проберет куда тебе угодно). Шельма! а я был у него накануне отъезда, чтобы он мне ничего не присылал. Шлезин[гер] еще большая собака — поместить в альбом мои Вальсы⁴! и продать Пробсту, когда сам выклянчил их у меня для своего Отца в Берлин. —

Все эти вши меня теперь меньше кусают. Пускай Лео бесится. Жаль мне только Тебя, но самое большее через месяц Ты будешь чист перед Лео и моим хозяином. Распорядись деньгами Весселя, как будет нужно. Что делает мой слуга? Когда получишь деньги, дай от меня привратнику 20 фр[анков] новогодних и заплати печнику, если он приходил. Не помню, чтобы я оставил какие-нибудь важные долги. Во всяком случае, обещаю Тебе, что не дальше как через месяц мы будем чисты. — Сегодня чудная луна. Никогда такой не было. Но, но. Ты пишешь, что послал мне письмо от моих; и не видел — и не получал. — А мне оно так нужно. — Франкировал ли ты его? — Как адресовал? — Твое единственное до сих пор полученное мною письмо было очень плохо адресовано. — *Junto*****, когда будешь писать, не забудь чего-нибудь, а то этот госпо-

* Шаткий стол (франц.).

** Роскошь (франц.).

*** Лавины (франц.).

**** Итак (исп.).

дин (большой дурень, en parenthèse*) зовется Риотор. — Посылаю тебе самый лучший адрес. [Зачеркнуто: «Я предпочел бы, однако, чтобы ты адресовал туда же, куда и я мое фортепиано».] Фортепиано уже восемь дней как ждет в порту, что скажет du ana**, которая хочет золотые горы за эту гадость⁵. —

Тут природа благодетельна, но люди — воры, ибо они никогда не видят иностранцев и поэтому не знают, сколько за что спрашивать. — Апельсины — даром, — а за пуговицу к штанам — баснословные суммы. — Все это грапо*** песку — по сравнению с этим небом — с той поэзией — которой здесь все дышит — рядом с красками этих чудеснейших мест, еще не опошленных людскими взорами. — Еще мало кто пугал орлов, которые каждый день парят над нашими головами! — Ради бога, пиши — всегда франкируй и прибавляй: Palma de Mallorca.

[Сбоку:] Посылаю тебе вексель и письмо к моим — Яся люблю и жалею, что он не сделался окончательно дилектором детского благотворительного [учреждения] в каком-нибудь Нюрнберге или Бамберге. — Пусть будет человеком и, наконец, напишет мне.

Мне кажется, это мое третье или четвертое письмо, что я посылаю тебе для Родителей⁶. Альбрехта поцелуй, но [обо мне] говори поменьше.

Твой
Ш.

¹ Вероятно, «Das Wohltemperierte Klavier» — «Хорошо темперированный клавир» И. С. Баха, с которым Ф. Шопен никогда не расставался.

² Поездка Ф. Шопена с Жорж Санд на Майорку в самом деле вызвала целый поток слухов и сплетен в парижском обществе, проникших даже на страницы печати (см. например, «Gazette Musicale» от 15 ноября 1838 г.). До нас дошли также высказывания по этому поводу в письмах — Ф. Листа, М. д'Агу, Сент-Бёва, Э. Янушкевича и др.

³ Можно предполагать, что О. Лео предъявил ко взысканию какой-нибудь вексель Ф. Шопена; во всяком случае, это не наложило отпечаток на дальнейшие взаимоотношения Шопена и Лео.

⁴ Три Вальса op. 34.

⁵ Жорж Санд специально ездила в Пальму, чтобы выручить фортепиано из таможни.

⁶ Письма Ф. Шопена родным этого периода не сохранились.

* Между нами будь сказано (франц.).

** Таможня (исп.).

*** Зернышко (исп.).

290. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Вальдемоза, 22 января 1839

Вальдемоза, 22 января 1839

Мой милый!

Посылаю тебе *Прелюдии*. Вы с Вольфом перепишите их; думаю, что ошибок нет. Переписанное отдашь Пробсту, а рукопись Плейелю. Деньги Пробста, к которому у тебя записка, и геци* сейчас же отнесешь Лео, писать которому благодарственное письмо у меня нет времени, а из денег, которые тебе даст Плейель, то есть тысячи пятьсот фр[анков], заплатишь за квартиру 425 фр[анков] до Нового года и вежливо откажешься от нее. Хорошо, если кто-нибудь ее наймет с марта, а если нет, то надо оставить за собой еще на квартал. Оставшуюся у Тебя тысячу отдашь от меня Нужи. Где он живет, узнаешь у Яся, которому ничего не говори о деньгах, потому что он готов штурмовать Нуж[и], а я не хочу, чтобы кто-нибудь другой, кроме Тебя и меня знал об этом. Если бы удалось сдать квартиру, то часть мебели к Ясю, часть к Гжим[але]. Скажи Плейелю, чтобы он посылал мне письма через Тебя.

Перед Новым годом я послал тебе вексель для Весселя; скажи Плейелю, что я с Весселем в расчете. Недели через две получишь *Балладу*¹, *Полонезы* и *Скерцо*². Плейелю скажи, чтобы о сроке издания *Прелюдий* он договорился с Пробстом. До сих пор еще нет ни одного письма от родителей! Надо, чтобы ты франкировал их. Не знаешь ли ты, что случилось с первым письмом? Обнимаю Тебя. Живу в келье, у меня бывают арабские балы³, африканское солнце, Средиземное море. Обними Альбрехтов, я напишу им. Кроме Гжималы, никому не говори, что я отказываюсь от квартиры. Еще не знаю, но, может быть, вернусь только в мае или позднее. Письмо и *Прелюд[ии]* отдай Плейелю сам.

Твой
Ф.

Пиши.

* Расписка (франц.).

¹ Вторая Баллада ор. 38, посвященная Р. Шуману. Это посвящение Ф. Шопена явилось ответом на посвящение ему Шуманом своей «Крейслерианы», ор. 16 (1838), которая была ему прислана через Стефена Хеллера. Хеллер сообщал, что Шопен, получив «Крейслериану», был «очень обрадован» (см.: Schütz R. Stephen Heller. Ein Künstlerleben. Leipzig, 1911).

В дальнейшем взгляды Шопена на творчество Шумана стали более прохладными. Известен отзыв Шопена после получения «Карнавала», ор. 9: «Переплетено красиво» (экземпляр издания был прислан ему Шуманом через доктора Гюнда). Допустимо предполагать, что подобная более чем сдержанная реакция связана с откровенною программностью «Карнавала», которую отмечал и сам Шуман.

² Полонезы A-dur и c-moll ор. 40, посвященные Ю. Фонтане, Скерцо cis-moll ор. 39, посвященное Адольфу Гутману.

³ «...арабские балы...» — В книге «Un hiver à Majorque» («Зима на Майорке»), впервые опубликованной в «Revue des deux Mondes» (1841), а затем и отдельной книгой «Un hiver au Midi de l'Europe» («Зима на юге Европы», Bruxelles (1841), Жорж Санд рассказывала, как в один из карнавалых вечеров покой монастыря был нарушен странными звуками: «...Сначала послышался какой-то непонятный шум, который можно было сравнить разве что с тысячей мешков орехов, катящихся по полу. Мы поспешили выйти из своей кельи в коридор, чтобы узнать, что это такое. Коридор был темен и пуст, как обычно, но шум непрестанно приближался, и вскоре слабый свет забрезжил в глубине высоких сводов. Мало-помалу они осветились огнем нескольких факелов, и, среди клубов красноватого дыма, перед нами появилась ватага противных богу и людям существ. Это был ни более ни менее как сам Люцифер в сопровождении всего своего сонмища; совершенно черный сатана с рогами и кроваво-красным лицом, — а вокруг него рой чертенят с птичьими головами, лошадиными хвостами, чертовки и пастушки в разноцветном тряпье, в розовых и белых платьях, словно они были похищены этими противными духами... Это были крестьяне, богатые фермеры и горожане, которые праздновали масленицу [...]»

291. КАМИЛЛУ ПЛЕЙЕЛЮ В ПАРИЖ

Вальдемоза, 22 января 1839

Дорогой друг!

Посылаю вам, наконец, мои *Прелюдии* — законченные на вашем фортепиано, которое прибыло, несмотря на море, непогоду и таможную в Пальме, в отличном состоянии. Я поручил Фонтане передать вам мою рукопись. — Я хочу за них тысячу пятьсот франков для Франции и Англии¹. — Пробст, как вам известно, за тысячу фр[анков] приобрел право собственности для Гертеля в Германии. — Я свободен от обязательств по отношению к Весселю в Лондоне; он может платить дороже. — Прошу при случае передать эти деньги Фонтане. — Я не хочу, чтобы вы перевели их сюда, так как я в Пальме не знаю ни одного банкира. —

Раз вы, дражайший, изволили взять на себя повинность быть моим издателем, — то я должен вас предупредить, что имеются и еще рукописи, которые я готов предоставить в ваше распоряжение: 1-го. *Баллада* (входящая также в число сочинений, связанных договором с Пробстом для Гер-

мании).— За эту *Балладу*—я хочу получить тысячу фр [анков] для Франции и Англии.— 2-о. Два *Полонеза* (из них вы знаете один, *A-dur*)—за них я хочу тысячу пятьсот фр [анков] для всех стран мира.— 3-о. Третье *Скерцо*—та же цена, что за *Полонезы* для всей Европы. Если хотите, это будет сыпаться вам на голову из месяца в месяц вплоть до возвращения автора, который скажет тогда больше, чем сумеет написать.—

Вести о вас у меня были только от Фонтаны; он мне писал, что вам лучше.— Почта тут организована изумительно. Письма от своих из Варшавы я жду уже три месяца!— А как поживает ваша семья?— Г-жа Плейель?— Супруги Денуайе?— Передайте им от меня наилучшие пожелания на 39-й год.— Жду от вас письма— хотя бы малюсенького, хотя бы малюсенького— и люблю вас, как всегда.

Всецело преданный
ФФ. Шопен.

Простите мне мою орфографию.

Вальдемоза, вблизи Пальмы, 22 Янв[аря] 1839

Я ловлю себя на том, что еще не поблагодарил вас за фортепиано— и пишу все только о деньгах.— Я решительно стал деловым человеком!

Оригинал на французском языке. Адрес: «Monsieur/Camille Pleyel/Paris». Помета неизвестной рукой: «Отвечено 19 марта 1839».

¹ Имеется в виду исключительное право издания для определенной страны.

² Речь идет о гражданской жене К. Плейеля, мисс Эмме Осборн, носившей его имя.

292. ГЕНРИХУ ПРОБСТУ В ПАРИЖ

Пальма, 22 января 1839

Я посылаю вам, дорогой г-н Пробст, 24 *Прелюдии*. Будьте добры передать г-ну Фонтане условленную сумму.

В[есь] в[аш]
ФФШопен.

Присоединяю расписку.

Получил от Г-на Пробста тысячу франков за 24 *Прелюдии*— [исключительная] собственность для Германии.

ФФШопен.

Пальма, 22 Янв[аря] 1839

На русском языке публикуется впервые. Оригинал на французском. Chopin na obczyznie, s. 200. Адрес: «Monsieur /Monsieur Probst/ Paris».

293. ЖОРЖ САНД—ШАРЛОТТЕ МАРЛИАНИ В ПАРИЖ

Барселона, 15 февраля 1839

Барселона, 15 февраля 1839

[...] Климат Майорки становился все более пагубным для Шопена, и я поторопилась уехать оттуда. А вот каковы нравы тамошних обитателей! Чтобы спуститься с нашей горы и добраться до Пальмы, нам предстояло преодолеть три лье по очень неровной дороге. Мы знали с десятков лиц, имевших коляски, лошадей, мулов и т. п., но никто не пожелал нам их одолжить. Нам пришлось совершить этот путь в наемной безрессорной колыхаге, так что у Шопена по приезду в Пальму началось страшное кровохаркание. Откуда это недружелюбие? Это оттого, что Шопен кашляет. А в Испании тот, кто кашляет, объявляется чахоточным, а тот, кто чахоточный, — тот зачумленный, прокаженный, чесоточный¹. Им мало камней, палок и жандармов, чтобы отовсюду прогнать его, так как, по их мнению, чахоткой можно заразиться, и поэтому следует, если удастся, убить больного, как лет двести назад душили больных бешенством. Все, что я говорю вам, буквально соответствует действительности. Мы были на Майорке точно парии — из-за кашля Шопена, да еще потому, что мы не посещали мессу². [...].

Наконец-то мы добрались до Барселоны, которая в сравнении [с Майоркой] показалась нам раем. Переезд мы совершили на пароходе в обществе сотни свиней, запах которых не способствовал излечению Шопена. Но бедное дитя умерло бы от сплина на Майорке, и его любой ценой надо было увезти оттуда. Господи, если бы вы его знали, как я знаю его теперь, — вы полюбили бы его еще больше. Это ангел кротости, терпения и доброты. Нас перевезли с майоркского судна на стоящий в порту французский бриг³. Командир корабля был с нами необычайно любезен, а его корабль по чистоте и элегантности показался нам салоном. Корабельный врач осмотрел Шопена и успокоил меня в отношении его кровохарканья, которое все еще продолжалось и прекратилось лишь сегодня ночью в гостинице. Он сказал мне, что у него необыкновенно нежная грудь, однако причин для отчаяния нет, и отдых и надлежащий уход восстановят его здоровье. Мы проведем здесь с неделку⁴, чтобы он смог отдохнуть, после чего отправимся в Марсель [...].

Жорж.

[...] Прочтите Гжимале все касающееся Шопена, и пусть он никому об этом не рассказывает, так как при тех добрых надеждах, которые в меня вселил врач, нет необходимости тревожить его семью. Скажите моему доброму супругу⁵, что у меня нет времени написать ему хотя бы строчку.

Отрывок. Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 2, p. 295—299.

¹ В то время в Испании существовали строжайшие санитарные правила: о каждом случае туберкулеза следовало сообщать властям; белье больного, даже его мебель, сжигались, комнаты вновь штукатурились и белились; всякое нарушение санитарных правил каралось тюремным заключением (до 30 дней).

² В «Зиме на Майорке» Жорж Санд писала, что, поскольку они не посещали мессу, местные жители называли их «язычниками, мусульманами и евреями»; Ф. Шопену грозили, что в случае его смерти его откажут хоронить.

³ Французский крейсер «Mélèagre».

⁴ Во время своего пребывания в Барселоне Ф. Шопен и Жорж Санд с ее детьми совершили экскурсию в окрестности города: они гостили у знакомых Жорж Санд — семейства де Пастор-и-Кампбонч, в портовом городке Аренис-де-Мар в 48 километрах от Барселоны. Двадцатилетний сын хозяина Иоаким вел в те годы дневник. Вот отрывок из его дневника, касающийся пребывания Шопена в их семье (дневник был издан в 1921 г.):

«18 февраля [1839]: Дилижанс из Барселоны остановился сегодня у нашего дома. Из него вышли четыре незнакомых мне человека. Это была француженка, с которой мой отец подружился в Париже и которую представил мне как Аврору Дюпен — двое детей, которых она представила мне, сказав, что это ее дети, и очень худощавый господин, который, как я узнал, был музыкантом [...]. Мы вместе позавтракали, и я узнал, что они приехали с Майорки, где они отдыхали, и вскоре вернутся в Париж. Вторую половину дня они отдыхали, а вечер мы провели, беседуя на всевозможные темы, и я восторгался талантом дамы, которая говорила больше всех присутствующих.

19 февраля. Сегодня утром мы пошли вместе с приезжими и моими родителями осмотреть деревню. Г-жа Дюпен шла об руку с моей матерью, а мы шли с музыкантом, который почти ничего не говорил, возможно, потому что плохо владеет французским. Его молчание заставило нас подумать, что он не совсем здоров. [...] Во второй половине дня мы посетили Пиетат, один из виноградников моего отца, и они сказали, что это доставило им большое удовольствие. Г-н Ле сказал мне вечером, что эта дама ведет очень свободный образ жизни, однако она очень хорошо пишет и очень шумела во Франции. Никто бы этого не подумал, глядя на нее или разговаривая с ней.

20 февраля: Сегодня приезжие, в сопровождении моего отца, отбыли в Барселону. [...] Они уехали в девять часов утра».

⁵ Жорж Санд называла в шутку В. Гжималу своим мужем.

294. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Марсель¹, 7 марта 1839

Марсель, 7 марта 1839

Мой Юльян!

О состоянии моего здоровья и рукописей ты, наверно, узнал от Гжималы. Два месяца тому назад я послал Тебе из Пальмы мои *Прелюдии*. Ты должен был (переписав их для Пробста) из полученных денег отдать тысячу [франков] Лео, — я писал Тебе, чтобы из тысячи пятисот, которые Тебе должен был уплатить за *Прелюдии* Плейель, заплатить Нужи и за один *term e* *-домовладельцу. Если не ошибаюсь, в том же письме я просил Тебя отказаться от квартиры, а если ее не наймут на апрель, придется держать ее до следующего квартала, кажется до *Juillet*. — Весселевские деньги, вероятно, пошли на уплату за новогодний квартал, а если нет, то во всяком случае употреби их на квартирную плату за этот срок. —

* Срок (франц.).

Другие рукописи, наверно, только сейчас дошли до Тебя, так как они долго провалялись в таможене, на море и снова в таможене. — При посылке *Прелюдий* я написал Плейелю, что отдаю ему *Балладу* (которую получил Пробст для Германии) за тысячу [франков]; за два *Полонеза* (для Франции, Англии и Германии, так как engagement* Пробста ограничивается *Балладой*) я требовал тысячу пятьсот [франков]. — Мне кажется, что это не слишком дорого. —

Итак, по получении других рукописей у тебя должно быть две тысячи пятьсот [франков] от Плейеля и пятьсот (или шестьсот, точно не помню) от Пробста за *Балладу*, что составляет вместе три тысячи [франков]. — Я просил Гжималу прислать мне сейчас же хоть пятьсот — что не мешает поскорее прислать и остальное. — Вот каковы мои дела. В случае, если бы удалось со следующего месяца сдать квартиру — в чем я сомневаюсь, — то разделите мою мебель между вами тремя: Гж[ималой], Ясем и Тобой. У Яся больше всего свободного места, особенно в голове, если судить по совершенно детскому письму, в котором он мне написал, что считает, что я сделаюсь камедульским монахом [далее неразборчиво] — Ясю дать самую нужную в хозяйстве рухлядь. Гжималу не слишком обременяй [далее неразборчиво] возьми себе то, что тебе может пригодиться — так как я не знаю, вернусь ли летом в Париж (это между нами). —

За [далее неразборчиво] будем переписываться, и если придется, как я предчувствую, оставить за собой квартиру до июня, то я Тебя прошу, даже если у Тебя будет другая, собственная квартира, все же одной ногой живи у меня, потому что я собираюсь поручить Тебе уплатить за последний квартал. — На Твое сердечное и искреннее письмо получишь ответ во втором *Полонезе*² — не моя вина, что я — словно тот гриб, который похож на шампиньон, но отравляет, если вырешь его из земли и попробуешь, приняв за что-либо другое. — Я знаю, что никогда никому и ни в чем не был полезен, — но и самому себе не очень-то многим.

Я Тебе говорил, что в письменном столе, в первом от дверей ящике, находится листок, которому предназначалось быть распечатанным Тобой или Гж[ималой], или Ясем. — Теперь я прошу Тебя вынуть его и сжечь не читая³. — Заклинаю Тебя нашей дружбой, сделай это. — Эта бумага теперь не нужна. — Если Антек уедет, не вернув мне деньги, — это будет очень по-польски, — п. b, в худшем смысле по-польски, — но все же ничего не говори ему об этом. Повидайся с Плейелем — скажи ему, что я от него не получил ни слова. — Что его фортепиано в целости и сохранности. Согласен ли он на условия, о которых я ему писал? — Все три письма из дому я получил

* Договор (франц.).

вместе с Твоими перед самой посадкой на корабль. — Посылаю Тебе еще одно. Благодарю Тебя за дружескую помощь, которую ты оказал мне, немощному, обними Яся; скажи ему, что я не позволил, а вернее, мне не позволили — сделать кровопускание, что мне ставят нарывной пластырь, и что я кашляю совсем мало, только по утрам, — и что меня еще не считают чахоточным. — Не пью ни кофе, ни вина — только молоко; кутаюсь и выгляжу, как девушка. Пришли денег как можно скорее, — свяжись с Гжималой.

Твой
Фр.

Прилагаю два слова Антку⁴. — Гжимале я напишу завтра.

¹ 13 февраля 1839 г. Ф. Шопен и Жорж Санд с детьми выехали из Пальмы, неделю они провели в Барселоне и ее окрестностях и 22—25 февраля приехали в Марсель.

² Речь идет о Полонезе с-moll op. 40 № 2.

³ Вероятно, Ф. Шопен имеет в виду свое завещание.

⁴ Эта записка Ф. Шопена не сохранилась.

295. ЖОРЖ САНД — ФРАНСУА РОЛЛИНА В ШАТОРУ

Марсель, 8 марта 1839

Марсель, 8 марта 1839

[...] В Барселону [Шопен] прибыл с постоянным кровохарканьем, и передвигался, как привидение. Тут, к счастью, наша горькая участь смягчилась. Французский консул¹ и комендант французской морской станции приняли нас с гостеприимством, невиданным в Испании. Нас перевезли на борт прекрасного брига, на котором врач, человек мужественный и достойный, сразу же оказал помощь больному и в течение двадцати четырех часов остановил легочное кровохарканье.

С тех пор все пошло к лучшему. Консул велел перевезти нас своим экипажем в гостиницу. Шопен отдохнул неделю, и после этого тот же пароход, которым мы плыли в Испанию, отвез нас во Францию. Когда мы покидали Барселону, хозяин гостиницы потребовал, чтобы мы заплатили за кровать, под тем предлогом, что она заразная и полиция велела ее сжечь. [...] И вот мы, наконец, в Марселе, — Шопен прекрасно перенес дорогу. Он еще очень слаб, но чувствует себя бесконечно лучше во всех отношениях, чему он главным образом обязан доктору Ковьеру², благородному человеку и превосходному врачу, который отечески опекает его и ручается за его выздоровление. Наконец-то мы дышим, но после скольких мучений и терзаний!..

Отрывок. Hoesick F. Chopin, t. 2, s. 293.

¹ Готье д'Арк.

² Речь идет о докторе А. Ф. Ковьере. В бумагах Ж. Санд сохранился рецепт, выписанный им Шопену — успокаивающие примочки (беладонна и опиум).

296. ЮЛЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Марсель, март 1839

Мой Милый!

Если уж они такие жиды — приостанови все — до моего возвращения. —

Итак, *Прелюдии* проданы Плейелю (я получил от него 500 фр[анков]) — поэтому он имеет право вытереть ими часть тела, противоположную животу, но что касается *Баллады* и *Полонезов*, то не продавай их ни Шл[езингеру], ни Пробсту. Решительно не хочу иметь дел со всякими Шоненбергами¹. — Значит, если ты дал *Балладу* Пробсту — отбери обратно, даже если он станет давать тысячу [франков], скажешь, что я просил тебя подождать с этим до моего приезда. Что когда я вернусь, тогда посмотрим. —

Довольно с нас — дураков. Прости меня, Жизнь моя. — Ты хлопотал, как истинный друг, а у тебя на шее еще мой переезд на новую квартиру. — Я прошу Гжим[алу] уплатить расходы по переезду. Что касается привратника, то он наверняка врет, но кто ж ему докажет — придется дать, чтобы он не лалял. — Обними Яся. Напишу ему, когда буду в настроении — и более здоровым, но сейчас я в бешенстве; скажи Ясю, что, по всей вероятности, он, так же, как и я, не получил от Антка ни слова и ни гроша.

Adieu, обнимаю Вас.

Вчера я получил Твое письмо вместе с письмами Плей[еля] и Яся². Если Тебе понравилась Клара Вик, то это хорошо — потому что она играет как нельзя лучше; если ее увидишь, кланяйся от меня, а также и ее Отцу. Обнимаю Тебя и Яся.

Ф. Шопен.

¹ Французская музыкально-издательская фирма, основанная в 1830 г. в Париже Георгом Шоненбергом; в 1836 г. опубликовала *Rondo á la Mazur* op. 5 Ф. Шопена.

² Ни одно из писем Юльяна Фонтаны, Войчеха Гжималы и Яша Матушиньского, адресованных Ф. Шопену, не сохранилось.

297. КАМИЛЛУ ПЛЕЙЕЛЮ В ПАРИЖ

Марсель, 12 марта 1839

Мне досадно, Дорогой Друг, что Фонтана докучает вам моими делами. — Но я счел себя вправе поручить ему обратиться к Вам, потому что Вы предлагали мне издавать мои со-

чинения. Я сегодня же напишу ему, чтобы он впредь не затруднял вас этим. — Я дважды писал Вам с Майорки, но, к сожалению, не получил от вас ответа. — Я узнал от Фонтаны, что Вы все еще нездоровы, и это огорчает меня больше, чем ваше молчание; что касается меня — то в то время, когда я писал вам, я был опасно болен; сейчас я могу сказать Вам об этом, так как все осталось уже позади, и я на пути к выздоровлению.

Фортепиано осталось на Пальме. Я продал его, или почти что продал, за тысячу двести франков, которые Вам будут выплачены в Париже Гг. Каню и Мюньеро, банкирским домом в Пальме — или же мной самим, если эти последние выплатят мне эту сумму.

Я только что написал им, что в случае, если они решили приобрести это фортепиано, как они мне об этом объявили почти окончательно, то они должны уплатить прямо Вам. Я жду их ответа. Если же они мне вернут инструмент, то я получу его здесь и перешлю вам. — Я рассчитываю вернуться в Париж с наступлением хорошей погоды. — В ожидании этого времени я нахожусь тут, где климат мягок и где мое здоровье идет на поправку.

Итак, до свидания, Дражайший,
в[есь] В[аш]

Ф. Шопен.

Передайте от меня привет Вашим.

Марсель, 12 Марта 1839¹.

Оригинал на французском языке. Адрес: «Monsieur Pleyel, Paris». Помета неизвестной рукой: «Отвечено 19 марта 1839».

¹ Первоначально было написано: «10 Марта», затем изменено на «12».

298. ЮЛЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Марсель, 12 марта 1839

Благодарю Тебя, Жизнь моя, за Твои хлопоты. Со стороны Плейеля я не ожидал, что он будет вести себя, как жид, но раз так, то отдай ему, пожалуйста, это письмо. Надеюсь, что он не станет чинить затруднений с *Балладой* и *Полонезами*. В противном случае, получив за *Балладу* 500 [франков] от Пробста, отнесешь *Балладу* Шлезингеру. Если уж [иметь дело] с жидами, то по крайней мере с правоверными. Пробст может надуть меня еще почище, — это птичка, которую не поймаешь. Шлезингер надувал меня беспрестанно: он на мне достаточно заработал и не откажется от нового заработка; только будь с ним повежливее, потому что это жид с претензиями.

Итак, если Плейель станет чинить хоть малейшие препятствия, пойдй к Шл[езингеру] и скажи ему, что я отдаю ему *Балладу* для Франции и Англии за 800 [франков] (так как тысячу он не даст), а *Полонезы* для Германии, Англии и Франции за 1500 [франков] (а если он столько не захочет дать, то за 1400 или 1300, даже за 1200 [франков]). Если он будет упоминать о *Прелюдиях* (так как Пробст, вероятно, предупредил его о них) и о Плейеле, — скажешь, что эта вещь давно была обещана Плейелю, что он хотел быть ее издателем, и перед моим отъездом он очень меня просил об этом, как это и было на самом деле. Видишь ли, Жизнь моя: ради Плейеля я мог бы порвать со Шлезингером, а для Пробста не могу. Что мне за дело, что Шлезингер берет с Пробста дороже за мои рукописи [чем последний заплатил бы мне самому]. Если Пробст дорого платит за них Шлезингеру, то это значит, что он меня надует, платя мало [мне]. У Пробста нет склада в Париже; все мои вещи напечатаны у Шл[езингера]. Жид всегда мне платил, а Пробст часто заставлял меня ждать. Надо будет тебе условиться со Шлезингером, что Ты отдашь ему рукописи в тот день, когда он даст Тебе деньги; а если он не захочет сразу, то Ты отдашь ему отдельно *Балладу* и отдельно *Полонезы*, но с промежутком не больше двух недель.

Если Шлезингер не согласится на это, то лишь тогда обратись к Пробсту, но раз уж он такой мой почитатель, не отдавай ему за меньшую сумму, чем Плейелю. Итак, мое письмо отдашь Плейелю при малейшем затруднении. Если же, в чем я сомневаюсь, Ты оставил ему рукописи *Баллады* и *Полонезов*, то возьми их обратно для Шлезингера или Пробста. Шельмы. Боже мой, и это Плейель, — этот мой почитатель. Может быть, он думает, что я не вернусь в Париж? Вернусь и отправлюсь поблагодарить его, так же как и Лео. Прилагаю записку к Шлезингеру, в которой даю Тебе полномочия. —

Видно, родители Антка невероятно забылись, раз у нас с ним получилось то, что получилось. Entendons nous*, он не вернул мне денег перед отъездом. Бесчувственные шуты и дураки. —

Я с каждым днем чувствую себя лучше; тем не менее заплачу привратнику те 50 фр[анков], на что я вполне согласен, так как доктор не позволяет мне до лета трогаться отсюда. Вчера я получил *Дяди*¹. Что касается перчаточника и маленького портного — могут подождать, дураки! Что с моими бумагами? Письма оставишь в письменном столе, а ноты — к Ясю или к себе. В столике, что в передней, тоже есть письма; надо чтобы ты его хорошенько запер. Письмо Шлезингеру запечатать облаткой. Пиши часто. Твой

III.

Яся обними.

* Скажем прямо (франц.).

Почтовый штемпель: «13 Mars 1839».

¹ «Дяды» — поэма Адама Мицкевича. Дяды — поминки, народный обряд почитания мертвых и вызывания духов. Б. Залеский (в письме к Л. Набеляку, июль 1832 г.) называл «Дяды» «огромной оригинальной национальной поэмой, своего рода „Божественной комедией“» (цит. по кн.: Мицкевич А. Собр. соч. в 5-ти тт., т. 5. М., 1954, с. 652).

299. ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Марсель, 12 марта 1839

12, Марсель

Моя Дорогая Жизнь.

Жи́ды всегда останутся жидами, а немцы — немцами¹, — это правда, но что поделаешь — я вынужден с ними иметь дело. Еще раз спасибо Тебе, Дорогой, за твою доброту, после инструкций, данных мною сегодня Фонтане, я сомневаюсь, чтобы мне пришлось снова прибегать к твоей помощи.

Здоровье мое все лучше — нарывной пластырь, диета, облатки [?], пилюли, ванны, а кроме того, неустанные заботы моего ангела² ставят меня на ноги — на несколько тонковатые ноги. Ты пишешь, чтобы я рассказал Тебе о своих планах. Так вот, доктор не хочет выпускать меня из-под своего наблюдения раньше мая — июня; отсюда следует, что мы собираемся ехать в Ноан, где летний воздух должен мне очень пойти на пользу, — а будущей зимой, если того потребует мое здоровье, на юг Франции. — Я страшно похудел и плохо выгляжу, но сейчас отъедаюсь.

К вечному кашлю прибавь все раздражение, доставленное мне испанцами³, — и все «удовольствие» видеть ее в постоянной тревоге — без чьей-либо помощи — вынужденной ухаживать за мной, так как господь упаси от тамошних докторов, — стелющей мне постель, убирающей комнату, приготовляющей тизану, во всем отказывающей себе ради меня, без почты, с детьми, требующими ее постоянного присмотра [далее неразборчиво] — словом, живущей совершенно не свойственной ей жизнью. — Прибавь к этому, что сочинять музыку... [продолжение письма не сохранилось].

[Приписка Жорж Санд:]

Здравствуй, дорогой супруг!

Ты теперь знаешь, что наш малыш чувствует себя очень хорошо, и что доктор восхищен тем, как продвигается его выздоровление, и что после печали мы возрождаемся для радости. Мои дети также чувствуют себя превосходно. Я молотком вбиваю им в голову хотя бы немного знаний, — что за подлая профессия, профессия педагога! — Ты согласен посетить нас лишь при условии, что один из нас будет при смерти? В таком случае я приму яд или проткну себя зонтиком.

Автограф хранится в Государственном театральном музее имени А. А. Бахрушина в Москве. Письмо сохранилось не полностью — недостает примерно семи строк. Адрес: «Monsieur /A. Grzymała/Paris, 16, Rue de Rohan».

¹ Ф. Шопен имеет в виду своих издателей.

² Так Ф. Шопен называет Жорж Санд.

³ См. письмо 293.

300. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Марсель, 17 марта 1839

17 марта 1839, воскресенье

Моя жизнь!

Спасибо Тебе за Твои хлопоты. Плейель олух, Пробст мерзавец (никогда он за три рукописи не давал мне 1000 фр[анков]). Ты, вероятно, получил мое длинное письмо о Шлезингере: так вот, я хочу и прошу Тебя, отдай мое письмо Плейелю (которому мои рукописи кажутся слишком дорогими). Если уж продавать их дешево, то предпочитаю Шлезингеру, чем искать новых, непривычных уз. Поскольку Шлезингер всегда может рассчитывать на Англию, а с Весселем я в расчете, то пусть он продает их кому хочет. То же самое с Полонезами в Германии, потому что Пробст — фрукт: я его давно знаю. Пусть Шлезингер продает их кому хочет, не обязательно Пробсту. Мне до этого нет дела. Он меня обожает, потому что обдирает.

Как следует договорись с ним о деньгах и не отдавай рукописи иначе, как за наличные. Плейелю посылаю *reconnaisance**. Дурень, не доверяет он, что ли, мне или Тебе. Боже мой, непременно приходится иметь дело с мерзавцами! И это Плейель, который говорил, что Шлезингер мне плохо платит, а теперь считает чрезмерной ценой 500 фр[анков] за рукопись для каждой страны! Вот уж предпочитаю иметь дело с настоящим евреем. А Пробст, мошенник, платит мне 300 фр[анков] за *Мазурки*! А ведь последние *Мазурки*, шутя, принесли мне 800: Пробст, Шл[езингер] по 400 и Весс[ель] 100. Предпочитаю по-прежнему отдавать свои рукописи за бесценнок, чем кланяться этим дуракам. Предпочитаю быть униженным одним евреем, а не тремя.

Итак, к Шлезингеру. Надеюсь, что с Плейелем ты покончил. О *Скерцо*¹ не говори ни с кем. Не знаю, когда окончу его, я еще слаб, и мне не до писания. Мерзавцы, мерзавцы они и пани Миньерон тоже! Но фолесо кортуны поворачивается я... Может быть, пани Миньерон еще и станет твоей... Если Ты станешь сапожником, не шей, пожалуйста, башмаков ни Плейелю, ни Пробсту: пусть они ходят босиком.

* Расписка (франц.).

Я еще не знаю, когда увижу Тебя. Гжималу обними и дай ему мебель, какую захочет, а Ясь пусть возьмет остальное. Не пишу ему, потому что не о чем. Всегда его люблю, скажи ему об этом и обними его. Водзиньские все еще меня удивляют... Как получишь деньги от Плейеля, прежде всего заплати хозяйке, а 500 [франков] немедленно пришлешь мне. Обними Гжималу и Яся.

Твой
Фрыцек.

Сегодня получил Твое письмо. Никакого письма от Плейеля [нет]. В расписке Плейеля я не проставил Ор[us], потому что не знаю номера.

¹ Третье Скерцо cis-moll ор. 39, посвященное Адольфу Гутману.

301. ЮЛЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Марсель, конец марта 1839

Мой милый.

Мне гораздо лучше. Начинаю играть, есть, ходить и разговаривать, как все; видишь, что и пишу легко, раз опять получаешь от меня несколько слов.

Однако снова о делах. Я бы очень хотел, чтобы мои *Прелюдии* были посвящены Плейелю (вероятно, еще есть время, потому что они еще не напечатаны). А *Баллада* à Mr. Schumann, *Полонезы* — Тебе, как были. Кесслеру — ничего. Если Плейель не захочет уступить *Баллады*, то *Прелюдии* посвяти Шуману¹.

Вчера приезжал ко мне из Экса Гашиньский — единственный человек, которого я принял. Ибо двери закрыты для всех любителей музыки и литературы. Об изменении посвящений скажи Пробсту, когда сговоришься с Плейелем.

Ясь обними. Из новых денег отдашь Гжимале пятьсот, а остальные 2500 [франков] пусть он пришлет мне. Не проси, люблю меня и пиши. Прости, если я слишком обременяю Тебя поручениями, но я искренне думаю, что Ты охотно делаешь все, о чем я Тебя прошу.

Твой
Ш.

На бумаге с инициалами Жорж Санд. Адрес: «Monsieur Fontana, 38, rue de la Chaussée d'Antin».

¹ Вторая *Баллада* ор. 38 была посвящена Р. Шуману, два *Полонеза* ор. 40 — Ю. Фонтане, *Прелюдии* ор. 28 — К. Плейелю (французское издание), немецкое же издание *Прелюдий*, вышедшее у Брейткопфа и Гертеля в Лейпциге, посвящено И. К. Кесслеру.

Марсель, 27 марта 1839

Марсель, 27 марта

Мой милый!

Я гораздо здоровее и могу крепче поблагодарить Тебя за присланные деньги. Ты знаешь, я удивляюсь Твоей доброте, но и во мне Ты имеешь если и не внешне, то в душе благодарного человека.

Ты так добр, что возьмешь к себе мою мебель; будь же так добр, уплати за перевозку. На это я могу рискнуть, поскольку знаю, что сумма невелика. С[охрани] б[ог], что делается с моими доходами! Дурак Пл[ейель] заварил кашу, но ничего не поделаешь; стену головой еще никто не прошибал.

Летом увидимся. Я расскажу Тебе, — до чего меня все это радует. Сейчас моя закончила великолепную статью о Гете, Байроне и Мицкевиче¹. Нужно прочесть, чтобы сердце поразовалось. Представляю себе, как Ты доволен. И все так правдиво, с такой удивительной наблюдательностью, с таким огромным размахом, без натяжек и преувеличенных похвал. Сообщи мне, кто переводил². Если бы Миц[кевич] захотел сам приложить к этому руку, то она охотно просмотрела бы текст и то что написала, можно было бы напечатать вместе с переводом как *discours préliminaire**. Все бы читали, и можно было бы сбывать много экземпляров. Она об этом напишет Тебе или Мицк[евичу].

Каково у Тебя на душе? Дай Тебе бог хорошего настроения, здоровья и силы: — это такие нужные вещи. — Что скажешь о Нурри?³ Нас это сильно удивило. — Мы часто мысленно берем Тебя на прогулку. Ты не поверишь, как нам хорошо в Твоем обществе.

Марсель некрасив. Город старый, но не старинный: он нам немного надоел. — В будущем месяце, вероятно, тронемся в Авиньон, а оттуда в Ноан. Там, наверное, обнимем Тебя не письменно, а усатно [!], если только Твои усы не разделили участи моих бакенбард. Ручки и ножки поцелуй, но не себе. Тебе я пишу с неугасающим высоким чувством.

Истинного камельдульского⁴ [монаха]

III.

¹ Эта статья появилась в декабрьском номере «Revue des deux Mondes» (1839, t. XX, p. 593—645) и была озаглавлена «Essai sur le drame fantastique: Goethe, Byron et Mickiewicz» («О фантастической драме: Гете, Байрон и Мицкевич»). В ней Жорж Санд, сравнивая «Фауста», «Манфреда» и «Дядю», отдавала преимущество «Дядям» за глубину идей, силу чувств и яркость образов («Пропорция Мицкевича мне кажется наилучшей», — писала она). Как видно из письма, Жорж Санд собиралась поместить свою статью в качестве предисловия к новому французскому переводу «Дядюв».

* Вступительную статью (франц.).

² Этот перевод двух частей «Дзядов» А. Мицкевича осуществлен Бурго де Маре и был издан в Париже в 1834 г. тиражом 60 экземпляров («Dziady ou la Fête des Morts», poème traduit du polonais d'Adame Mickiewicz.). В анонимном авторском предисловии А. Мицкевич писал, что, по его убеждению, «в настоящий момент невозможно создать понятный для французов перевод всего произведения» (см.: Мицкевич А. Собр. соч., т. 4. М., 1954, с. 84—86).

³ Адольф Нурри покончил с собой 8 марта 1839 г. в Неаполе. Его останки были перевезены в Марсель, где 24 апреля во время заупокойной литургии в церкви Notre-Dame du Mont Ф. Шопен играл на органе любимую песню покойного — «Созвездия» Ф. Шуберта. Жорж Санд (28 апреля 1839 г.) писала Ш. Марлиани: «Выбрав наименее пискливые регистры, он сыграл «Созвездия» Шуберта, но однако не в том победоносном и восторженном тоне, как это пел Нурри, а в жалобном и нежном, словно дальний отзвук иного мира. Возможно, два или, самое большее, три человека среди нас живо почувствовали это, и глаза их наполнились слезами. Остальные слушатели, явившиеся во множестве и в любопытстве своим зашедшие так далеко, что платили пятьдесят сантимов за стул (цена неслыханная в Марселе!), были разочарованы, ибо ожидали, что Шопен будет играть столь шумно, что все будет рушиться, и что он разломает по меньшей мере два или три регистра. Также ожидали, что в центре хоров увидят меня, парадно разодетую [...]. Шопен был бы у ваших ног, если бы не был в объятиях Морфея. Вот уже несколько дней, как у него началась какая-то сонливость, которую я считаю очень полезной, но его деятельный и беспокойный дух против нее возмущен. Но напрасно: ему приходится-таки отсыпаться всю ночь и добрую часть дня! Он спит, как ребенок; я очень уповаю на эту склонность ко сну, и доктор уверяет, что путешествие будет для него превосходно. Этот Шопен просто ангел; его доброта, нежность, терпение иногда меня беспокоят; я полагаю, что это чересчур тонкая натура для того, чтобы жить нашей грубой и тяжелой земною жизнью. На Майорке, будучи смертельно больным, он сочинял музыку, от которой совершенно явственно разило раем, но я так привыкла видеть его в небесах, что мне кажется, будто жизнь или смерть для него ничего не значат. Он сам хорошо не знает, на какой планете он обитает, он не отдает себе ни малейшего отчета в этой жизни, какой мы ее понимаем и чувствуем. [...]» (Цит. по кн.: Каренин В. Жорж Санд, ее жизнь и произведения, т. 2. Пг., 1916, с. 90).

⁴ Камедулы (камальдулы) — монашеский орден, основанный в XI в. бенедиктинцами; назван по имени местности в Апеннинских горах; монахи этого ордена вели отшельнический, строго уединенный и аскетический образ жизни.

303. ЭРНЕСТУ КАНЮ В ПАЛЬМУ

Марсель, 28 марта 1839

Милостивый государь.

Уже больше месяца, как я получил от Плейеля письмо относительно фортепиано. — Я медлил с ответом, надеясь получить от Вас известие, и только теперь ответил ему, что вы приобрели этот инструмент за тысячу двести франков¹. —

Так как мое здоровье совершенно восстановлено, то я немедленно покидаю Марсель; но я не отправлюсь прямо в Париж и поэтому, во избежание всякой задержки, считаю своим долгом просить вас, чтобы вы сообразовали адресовать плату

в Париж Г-ну Плейелю и К^о, rue de Rochefoucauld, № 20, о чем они предупреждены. —

Примите, Милостивый государь, уверения в моем глубоком почтении.

Ф. Шопен.

Марсель, сего 28 марта 1839

Оригинал на французском языке. На бумаге с инициалами Жорж Санд. Адрес на обратной стороне: «Monsieur Canut/Palma».

¹ Этот инструмент был приобретен Элен Шосса де Каню, женой банкира и хранится в келье-музее в Вальдемозе. Элен де Каню — автор воспоминаний о пребывании Ф. Шопена на Майорке (см.: Czartkowski A., Jeżewska Z. F. Chopin, s. 296—300). Семья Каню и французский консул Флери были единственными людьми на острове, помогавшими Жорж Санд и Шопену.

304. ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Марсель, 12 апреля 1839

Марсель, 12 апреля 1839

Мой милый.

Мар[лиани] писала нам, что Ты еще болен и что кровопускание мало тебе помогло. Как ты увидишь из вчерашнего письма, мы думали, что ты уже совсем здоров, а тут вдруг сегодня такое *deconfiture* *! В том же письме Мар[лиани] пишет, что ходят слухи, будто моя мать, встревоженная за меня, приезжает в Париж. Хотя я этому не верю, однако пишу письмо моим (которое, будь добр, отправь на почту), чтобы они не беспокоились. Это будет третье из Марселя. Если ты что-нибудь об этом слышал, напиши мне словечко. Должно случиться нечто необыкновенное, чтобы моя мать оставила отца. Отец хворает и нуждается в ней больше, чем кто бы то ни было; такая разлука была бы мне непонятна.

Мои Ангелы кончают новый роман *Габриэль* ¹. Сегодня целый день пишет в постели. Знаешь, ты еще больше любил бы ее, если бы знал ее так, как я теперь ее знаю. — Представляю себе, как Тебе должно быть скучно, если Тебе запрещено выходить. Почему мне нельзя быть и здесь и вместе с Тобой! Как бы я за Тобой ухаживал! К тому же мое ухаживание было бы Тебе приятно, так как ты знаешь, как сердечно я к Тебе отношусь. Я никогда ничем не был Тебе полезен, но теперь я, возможно, сумел бы ухаживать за Тобой. Наш генуэзский проект, кажется, уже изменен ². Вероятно, в середине мая мы

* Здесь — разочарование (франц.).

увидимся и обнимем друг друга в ее деревне. Пусть небо как можно скорее пошлет Тебе здоровье. Ручки знаешь кому...

Твой
Фрыц.

[Приписка Жорж Санд:]

Дорогой, поправляйся. И сообщи нам о себе. Мы огорчены, ибо Шарлотта написала нам сегодня утром, что ты все еще болен. На меня нашло вдохновение. Работаю не вставая. Я произвожу на свет новый роман, и без шипцов не обойдется. Целую Тебя, мы тебя любим.

[Приписка Ф. Шопена:]

Мое письмо³ пошли биржевой почтой. Так всегда доходит.

¹ «Габриэль» (1839) — роман Жорж Санд, посвященный В. Гжимале.

² Речь идет о плане поездки в Геную, который и был осуществлен в мае этого же года.

³ То есть письмо родителям.

305. ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Марсель, 15—16 апреля 1839

Мой Милый.

Получив вчера Твое письмо и узнав, что ты еще не совсем здоров, я, — чтобы хоть на минуту отвлечь Тебя от страданий — спешу тебе сообщить, что новый роман, который она закончила вчера ночью, посвящен Тебе. — Благодарю Тебя за Твое сердце, которое все то же — однако меня действительно начинают удивлять новости о моей матери. — Если там наплетут всяких сказок, то, возможно, и правда, что моя мать встревожена и едет; и все же думаю, что какая-нибудь польская голова высосала это из пальца.

То, что ты мне пишешь о Миц[кевиче], — означает, что мы друг друга не поняли. Речь идет только о последней части *Дзядов*¹. — Если бы к ней добавить ее предисловие, то [книгу] читали бы больше, и подобное издание могло бы повлиять благотворно — и на французские головы, и на карман Миц[кевича]. — Что же касается Твоей идеи, то на сегодня она, пожалуй, слишком широка, но весьма успешно может быть осуществлена впоследствии². — Последняя часть *Дзядов* [вычеркнуто] представляет собой нечто цельное. — Ее статья все это толкует и разъясняет. — А так как прежнего перевода³ уже нет в книжных магазинах, — то следовательно, отбросив предыдущую часть *Дзядов* и добавив непереведенную Часть, — можно составить порядочный том⁴. —

Впрочем, мы скоро поедем в Ноан; ты приедешь туда, это близко, — и в двух словах она все это объяснит тебе лучше,

чем я в тридцати письмах. — Через месяц можем увидеться, — если что-нибудь не помешает. Ослиное молоко мне не помогает, — велят пить *petit lait**, — а мне нужно совсем не то. — Люби меня, как я Тебя. — Сообщи словечко о моем переезде на другую квартиру, если что-нибудь об этом знаешь. Будь здоров и счастлив, помни обо мне. [Целую] ручки... ты знаешь кому. —

Твой
Ф. III.

Мне жаль Оссолинскую. Дураки, ослы. — Сапега проезжал здесь несколько дней тому назад; он навестил меня, может быть, затем, чтобы увидеть Жорж — но я принял его в другой комнате.

[Приписка Жорж Санд:]

Здравствуй, старина, я лежу в постели, в то время как маленький пишет тебе по-татарски, — я люблю тебя и целую.

Твоя жена.

Адрес: «Monsieur / Monsieur Albert Grzymala / Paris / 16, Rue de Rohan». Почтовые штемпеля: «Marseille 16 Avril 1839» и «Paris...».

¹ Через десять лет после появления II и IV частей поэмы, в 1832 г. (начало работы — 6 апреля 1832 г.) А. Мицкевич создает новую ее часть, условно называемую «Третья», или же «Дрезденские дяды». В ней нашли свое поэтическое отражение события 1824 г. — разгром революционного движения молодежи Вильно. К «Третьей части» Мицкевич присоединил в качестве «Приложения» цикл стихов о России — в котором обрисовал николаевскую Россию с ее гнетом, бесправием, нищетой и тьмой. Это «Приложение» — ярчайший памфлет против царского режима.

² Возможно, В. Гжимала предлагал сценическое воплощение «Дядюв», которые были задуманы А. Мицкевичем как театральная постановка — в духе концепций мистерияльного театра.

³ См. коммент. 2 к письму 302.

⁴ Это намерение не было осуществлено.

306. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Марсель, 25 апреля 1839

Мой милый.

Я получил Твое письмо, в котором Ты пишешь о подробностях переезда. Не могу Тебя в достаточной степени поблагодарить за Твою истинно дружескую помощь. Меня очень интересовали подробности, но меня злит, что ты жалуешься и что Ясь харкает кровью. —

Вчера я играл на органе для Нурри, следовательно, чувствую себя лучше. Иногда также играю для себя, но ни петь, ни танцевать пока еще не могу. Как бы ни были приятны изве-

* Сыворотка (франц.).

ствия о моей матери, достаточно того, что они исходят от Плят[ера], чтобы они оказались враньем. Здесь становится по-настоящему тепло, и, вероятно, в мае я покину Марсель. Но я пробуду еще некоторое время на юге, прежде чем Вас увижу. — От Антка вести будут не так-то скоро. Да и зачем ему писать? Чтобы заплатить долги? ¹ Но такой привычки в Польше нет. Потому Рациборс[кий] и ценит Тебя так высоко, что у тебя нет польских привычек, — польских, заметь, из тех польских, пв., которые я подразумеваю и которые Ты знаешь.

Итак, ты живешь в 26-м номере. Хорошо ли тебе? На каком этаже, и сколько платишь? Теперь Париж начинает меня больше интересовать, потому что мне тоже надо будет подумать о квартире, но это только после моего приезда. Здоров ли Гжи[мала]? Я ему недавно писал. От Плейеля получил только то письмо, которое он послал через Тебя более месяца тому назад. Пиши на то же имя, но — Rue et Hôtel de Beauveau.

Может быть, ты не понял, почему я играл для Нурри. Его тело перевозят, и едет это тело в Париж. Была заупокойная месса, и семья просила меня играть, и я играл во время выноса. — Хорошо ли играла Вик мой *Этюд* ²? И зачем она вместо чего-нибудь лучшего выбрала именно этот *Этюд*, наименее любопытный для тех, которые не знают, что он на черных клавишах! Сидела бы лучше тихо. —

Впрочем, больше мне нечего писать Тебе, разве что пожелать Тебе счастья. Прячь мои рукописи, чтобы они случайно не вышли из печати прежде, чем будут отданы. Если *Прелюдии* напечатаны, то это выходка Пробста. Но я с... на все это и когда вернусь, то мы уже не будем пратсипратзу ³. Мерзавцы немцы, жида, шельмы, кровопийцы, живодеры и т. п. и т. п. — словом, Ты сам dokonчишь перечень, потому что теперь ты их знаешь так же хорошо, как я.

Твой
Ш.

Четверг, 25 с[его] м[есяца] 1839

Яся обними, Гжималу, если увидишь.

¹ Намек на Антония Водзиньского, который не вернул Ф. Шопену взятые у него взаймы деньги.

² Речь идет об Этюде *Ges-dur op. 10 № 5*.

³ Искаженное французское «bras dessus, bras dessous» — «ходить под руку»: здесь — перестанем дружить, наши хорошие отношения кончатся.

307. ГЕКТОР БЕРЛИОЗ — Ф. ШОПЕНУ В МАРСЕЛЬ

Париж, весна 1839

Париж

Мой Дорогой Шопен.

Одни говорят мне, что вы хорошо себя чувствуете, другие — что вам стало хуже, наконец, третьи — что не получают от вас известий; чтобы

покончить с этим, будьте добры написать несколько строк и сообщить мне, как вы себя чувствуете и когда мы вас снова увидим.

Тысяча дружеских приветов
Г. Берлиоз.

P. S. Соболаговолите напомнить обо мне г-же Санд и положите к ее стопам мои самые горячие восторги. Нам только что выпало на долю тяжелое испытание... опера Обера¹.

Адрес: «Monsieur/Monsieur Chopin à Marseille».

¹ Речь идет об опере Д. Обера «Le Lac des fées» — «Озеро фей», премьера которой состоялась в парижской Опере 1 апреля 1839 г.

308. ЖОРЖ САНД — ШАРЛОТТЕ МАРЛИАНИ В ПАРИЖ

Марсель, 4 мая 1839

Марсель, 4 мая 1839

Дорогой друг.

Сегодня вечером мы уезжаем пароходом в Геную. Эта прогулка продлится от пяти до шести дней — она необходима нам всем, так как в Марселе воздух становится очень тяжел. Шопен вот уже несколько дней чувствует себя хорошо, и ему не меньше хочется совершить эту прогулку, чем детям [...].

Отрывок. Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 2, p. 337.

309. ЖОРЖ САНД — ШАРЛОТТЕ МАРЛИАНИ В ПАРИЖ

Марсель, 20 мая 1839

Марсель, 20 мая 1839

Мой Друг.

Мы вернулись из Генуи, попав на море в страшную бурю. Наше пребывание в этом прекрасном городе было довольно приятным. Мы видели замечательные картины, изумительную природу, дворцы и сады, необычайно красиво расположенные террасами один над другим. Словом, Генуя ничего не потеряла в наших глазах из того, чем она была в моих воспоминаниях¹ [...]. Послезавтра мы отправляемся в Ноан [...].

Отрывок. Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 2, p. 337—338.

¹ Жорж Санд, по-видимому, намекает на свое пребывание в Италии с Альфредом де Мюссе.

310. ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Марсель, 21 мая 1839

Марсель, 21 мая 1839

Мой милый.

Завтра, — несколько утомленные, — мы едем в Ноан. — Море замучило нас на обратном пути из Генуи, где мы спокойно провели две недели. — Отдых в Марселе будет краток, но в Ноане нас ждет более продолжительный, и там мы будем поджидать тебя с нетерпением — мне это даже снится — приедешь, не правда ли? Хотя бы на 24 час[а]. Наверно, ты уже совсем забыл о своей болезни. — Отдай, пожалуйста, на почту письмо к моим. — Пожми ручки, кому полагается, и напиши нам словечко в Ноан.

Твой
ФФШ.

[Приписка Жорж Санд:]

Добрый день, дорогой супруг, мы все еще странствуем по горам и водам, но через неделю отдохнем от всех наших путешествий. Мы только что перенесли ужасную бурю на море. Малыш вел себя храбро, и я думаю, что он мог бы требовать ордена. Вы приедете в Ноан, не правда ли, дорогой и хороший мой? Мы рассчитываем на вас.

Ж. С.

311. ЮЛЬЮШ СЛОВАЦКИЙ — КОНСТАНТЫ ГАШИНЬСКОМУ В ПАРИЖ

Париж, 22 мая 1839

Париж, Rue des Pyramides, № 6
22 мая 1839 г.

Любезный Гашиньский!

Получил Твое письмо, в котором ты сообщаешь, что перевел *Ангелли*¹. Я благодарен тебе — но одновременно и обеспокоен судьбой перевода — то есть его книжного крещения. — Сомневаюсь, чтобы нашелся книготорговец, который взялся бы выпустить эту вещицу. — О польской книжной лавке нечего и думать. [...] Для твоего *Ангелли* самый лучший путь был бы через Шопена — к пани Санд — а через пани Санд в «*Revue des deux Mondes*». — Напечатанный там, он мог бы потом выйти отдельно. Пани же Санд эта вещица, возможно, и полюбила бы, — ее нервы подобны семи струнам... [...]

Пожелай мне читателей и немного любви дружески расположенного к тебе

Юлька Слов[ацкого].

Отрывок. Словацкий Ю. Избр. соч., т. 1. М., 1960, с. 777—779.

¹ Речь идет о переводе на французский язык поэмы в прозе Ю. Словацкого «Ангелли» (1837), задуманной как эпопея страданий польского народа в духе дантовской «Божественной комедии».

Перевод был опубликован в редактируемом Жорж Санд журнале «La Revue Indépendante», 1847, 25 avril, p. 401—435.

312. ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Ноан, 2 июня 1839

2 ию[ня] 1839

Мой Милый!

Вот мы и на месте после недельного путешествия. Доехали превосходно. Деревня прекрасна; соловьи, жаворонки, только Тебя, Птахи, недостает. Надеюсь, что в этом году не будет так, как два года назад. Хотя бы на несколько минут! Выбери момент, когда все будут здоровы, и пожертвуй несколько дней из милосердия к ближнему. Дай нам обнять тебя, а за это я дам Тебе превосходного молока и пилюль. В твоём распоряжении будет мое фортепиано. Ни в чем не будешь иметь недостатка.

Твой
Фрыц.

Вели, пожалуйста, отдать мое письмо на биржевую почту. Напиши нам словечко, а если через Яся получишь письмо от моих, то перешли его мне.

[Приписка Жорж Санд:]

Дорогой Супруг.

Мне грустно сегодня. Я узнала о смерти моего бедного друга Гобера и не смогу вам сказать ничего веселого. Но в моем горе я больше, чем когда-либо, испытываю потребность видеть вас и обнять друга, заменяющего того, кого я утратила. Потому необходимо, чтобы и вы любили вдвойне, как вдвойне любят вас.

Это неверно, что мертвых перестают любить, — их продолжают любить иначе. Они в нас больше не нуждаются. Я не оплакиваю их! Но мы — продолжающие это странствование — нуждаемся друг в друге. Приезжайте же, дорогой друг, мы ждем вас с нетерпением и не можем допустить мысли, что не увидим вас вскоре.

Я не могу сказать прощайте, но — до свидания!

313. ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Ноан, июнь 1839

Ноан, понедельник

Мой Милый!

Как вы поживаете? Из Твоего молчания за последние дни мы заключаем, что никакого несчастья у Тебя не произошло и что скоро мы обнимем тебя, успокоенного. — Вели, пожалуйста,

отдать на почту письмо к моим — я затрудняю Тебя этим, поскольку думаю, что Ясь уже в деревне. — Не забудь про то, о чем я Тебя просил, и, кроме того, привезите сверток с серебром, которое пани Марлиани должна была передать Тебе или Араго.

Не проклинай нас, ведь мы благословляем Тебя, и дай мне добрый польский поцелуй.

Твой
Ф. Ш.

[Приписка Жорж Санд:]

Добрый вечер, дорогой друг. Мы надеялись, не получив известий вчера и сегодня, что ребенку лучше. Завтра, может быть, мы получим о нем хорошие известия. Мы живем только [неразборчиво] надеждой и желанием с вами увидеться, и мы вас любим.

Ж. С.

314. ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Ноан, конец июня 1839

Мой Милый.

Приближается конец месяца, а с ним и Твой приезд. Мы радуемся, как дети. Не забудь обуви для меня. Кроме того, скажи Фонтане, чтобы он дал Тебе тетрадь Вебера в четыре руки с *Pièces faciles* *. Я уже на Тебя наострил уши. Люби нас, пожми ручки (жене), а себя поцелуй от меня в уста.

Твой
Фрыц.

Если Фонтана не найдет [Вебера] среди моих нот, то обойдется.

[Приписка Жорж Санд:]

Приезжайте же, дорогой старина, непременно, без отсрочек, без отговорок, без опозданий. Вы придете, не правда ли, как обещали, сразу же после июльских праздников. Если же вы не сдержите слова, то теперь, когда мы так тешили себя надеждами, мы заболеем, тем более что мы рассчитываем и на нашего дорогого Биньоля — после столь долгой разлуки это будет для наших сердец настоящим праздником.

Ваша
Ж. С.

[Приписка Ф. Шопена:]

Попроси бросить на почту письмо художнику¹ и уговори Араго приехать вместе с Тобой.

¹ Художник — вероятно, Эжен Делакруа.

* Легкие пьесы (франц.).

315. ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Ноан, 8 июля 1839

Моя Жизнь!

Поезжай на мальпосте до самого Châteauroux: там будешь на другой день в полдень; оттуда 2½ часа дилижансом, который идет в la Châtre; высадишься у сада, мимо которого проходит дорога. Обнявшись с нами как следует, сядешь к столу, и т. д., и т. д.

Я знаю, как Тебе трудно двинуться из Парижа, и я, не смотря на все мое желание увидеться и порадоваться Тебе, не смею настаивать; но тут Хозяйка уже начинает огорчаться; ей и в самом деле грустно, что Тебя все нет. Обещанного три года ждут, и я нисколько этому не удивляюсь; но ты, посетив нас, пожалуй, сделал бы доброе дело. Кровать пани д'Агу ждет Тебя, если Тебе это может быть приятно, не говоря уж о двух сердцах, которые, как коршун дождя¹, ждут Тебя, не дождутся.

Я нездоров, и она у меня больна; может быть, Ты своим присутствием вылечишь нас обоих. Погода хорошая. Право, соберись утром и на следующий день окажешься с нами.

Сердечно обнимаю Тебя. Поцелуй ручки.

Твой
Ф. III.

Скажи Ясю, чтобы он дал Тебе пары две, три моих башмаков из тех, что остались в большом шкафу. Сердечно Тебя поблагодарю.

[Приписка Жорж Санд:]

Ну же! Ветренный супруг, мы ждем вас напрасно. Ты играешь нашим нетерпением и баюкаешь нас обманчивыми надеждами. В самом деле, милый друг, нужно, чтобы вы приехали. Нам необходимо вас видеть. Ваш малыш постоянно quap quap². Я полагаю, что ему нужно было бы немного меньше спокойствия, уединения и размеренности, которые дает жизнь в Ноане. Кто знает? Может быть, маленькое путешествие в Париж. Я готова на любые жертвы, лишь бы не видеть его погруженным в меланхолию.

Приезжайте пощупать его моральный пульс. Кто может постигнуть границу между физической болезнью и духовным страданием? Уж, конечно, не мне он захочет признаться, что скучает. Но я, кажется, догадываюсь об этом. Он не привык к такой суровой жизни, а я, я роковым образом возвращаюсь к роли матери семейства и педагога. Я вынуждена к этому. Приезжайте же повидаться с нами. В самом деле, и отец и сын весьма нуждаются в содействии святого духа, чтобы удержаться на небесах.

Сердцем твоя, дорогой старый муж.

Ж.

[Приписка Ф. Шопена:]

Не дает мне читать, что написала Тебе. *C'est une indignité!!!!* *

¹ По польскому народному поверью, коршун пьет только во время дождя; отсюда и поговорка: «ждать, как коршун дождя».

² Этим звукоподражанием (возможно, покашливанию, а возможно — хныканию младенца), Жорж Санд характеризует состояние Ф. Шопена.

316. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 8 августа 1839

Четверг

Мой милый!

Спасибо Тебе за письмо, адресованное à Mr. Chopine. Оно начинается: «Виатрово под Венгровцем», а кончается: «Вам, как великому мастеру Музыки и Композиции, Александр Мощенский, Староста Брестский». В середине же: «как любитель музыки, доживший до восьмидесяти лет, посылаю Вам две столетние мазурки, пришедшие мне на память как темы вариаций».

Мазурки, как Ты можешь себе представить, почтенные: «рам, дидириди, рам дидириди, рам дидириди, райда»; — в приписке: «Моя внучка Алаксандрина (клянусь Тебе, что Алаксандрина) играла *La ci darem*¹ в Гнезньов в пользу эмигрантов и к удовольствию Публики. Я сам, мои сыновья, внуки и внучки, а в особенности Алаксандрина неплохо и с большой быстротой играет на фортепиано — Виатрово под Венгровцем»! —

Верно, какой-то достопочтенный старый старопольский староста (еще должно быть, из тех, что... прямо с моста²). — Самое лучшее в Твоем письме — это Твой адрес на конверте, который я уже забыл и без которого не знаю, смог ли бы я ответить Тебе так скоро, а худшее в письме — весть о смерти Альбрехта. Ты хочешь знать, когда я вернусь? Как начнется ненастье, потому что мне необходим свежий воздух. Я съехал — не знаю, не просил ли он Тебя, чтобы ты переслал мне письмо от родителей, если оно случайно придет во время его отсутствия на его адрес. — Может, он подумал об этом — а может, и нет; однако не хочется, чтобы письмо, если оно придет, пропало бы. — Впрочем, я недавно получил письмо из дому, значит, писать будут не так-то скоро — а он, добрая душа, может быть к тому времени вернется здоровым. —

Я тут пишу Сонату *Si b[emol] mineur*, в которой будет мой марш, который ты знаешь³. Там есть *Allegro*, затем *Scherzo mi b[emol] mineur* — марш и недлинный финальчик, может быть, в три моих страницы — левая рука в *unisono* с правой болтают

* Это возмутительно (франц.).

после марша⁴. — У меня есть новый *Notturmo* G-dur, который пойдет в пару с g-moll'ным⁵, если припомнишь:

Ты знаешь, у меня четыре новые *Мазурки*⁶: одна пальмская e-moll'ная и три здешние — H-dur, As-dur и cis-moll — они кажутся мне красивыми, как обычно кажутся младшие дети начинающим стареть родителям. — И так как я ничем не занят, то вношу исправления в парижское издание Баха⁷, не только ошибки гравеур'а*, но также правлю и ошибки, узаконенные теми, которые якобы понимают Баха (я не претендую на то, что понимаю лучше, но убежден, что иногда угадываю). Вот и расхвастался перед Тобой. Теперь, если ко мне придет Гжим[ала] (о чем бабушка надвое сказала), пришли мне Вебера в четыре руки — если [он] у Тебя — а если нет, то мою последнюю *Балладу*⁸ в рукописи, потому что я хочу кое-что посмотреть. Также и Твой экземпляр последних *Мазурок*⁹ (если он у Тебя есть, ибо не знаю, дошла ли моя обходительность до того, чтобы не забыть об этом). — Скажи мне также, занес ли Ты от меня *Вальс*¹⁰ [панне] Эйхталь — (если нет, то не беда). —

Плейель писал мне, что ты был настолько obligéant**, что выправил *Прелюдии*. Не знаешь ли, что ему дал за них Вессель (напиши мне, что он Тебе раньше отвечал, хорошо бы это знать на будущее время), также — уехал ли Пробст (что вероятно), и когда придет, если знаешь. Отец писал мне, что у Хаслингера вышла моя старая *Соната*¹¹ и что немцы [ее] хвалят. — Теперь у меня, считая с Твоими, шесть рукописей¹² — черта с два они им даром достанутся. — Плейель своими благодеяниями оказал мне медвежью услугу, потому что я восстановил против себя жида Шлезинг[ера]. — Но это, надеюсь, как-нибудь уладится. —

Люблю Тебя всегда. Пиши.

Твой
Фр.

А propos о том, что ты писал мне о Калькбреннере, я написал Плейелю, чтобы он мне ответил, уплачено ли ему за пальмское форт[епиано] и больше ни о чем, как ты можешь сообразить; я писал, потому что франц[узский] консул на Майорке, которого я хорошо знаю, будет сменен, и если бы ему не заплатили, мне трудно было бы вести переговоры на таком рас-

* Гравера (франц.).

** Любезен (франц.).

стоянии. К счастью, заплачено, — хорошо и сполна, как он написал мне на прошлой неделе перед отъездом в Бельгию.

Я вовсе не удивлен разными толками; как можешь догадаться, я знал, что подвергнусь им. Однако минует и это, и языки наши сгниют, а души останутся невредимы.

Не забудь про мои башмаки, пошли через Гж[ималу] три или четыре пары, пусть старых, это для деревни по утрам самое лучшее. О себе пиши мне столько же, сколько я пишу Тебе о себе. Напиши, как живешь? В клубе ли обедаешь? и т. п. Войцеховский написал мне, чтобы я сочинил ораторию. В письме к родителям я ответил: почему он строит сахарный завод, а не монастырь камедулов или доминиканок. Почтенный Тытус еще с лицейскими понятиями, что не мешает мне любить его так же, как в Лицее. У него сын, второй. Будет называться, как я. Жаль мне его¹³.

Адрес: «Monsieur/ Monsieur J. Fontana/Paris/26. Rue de la Chaussée d'Antin». Почтовый штемпель: «La Châtre, 10 Août 1839».

¹ Вариации ор. 2. Шопена.

² Возможно, помимо прямого смысла фразы, Ф. Шопен имеет в виду польскую идиому, означающую: «говорить правду в глаза».

³ Соната b-moll ор. 35 с известным траурным маршем, написанным до сочинения остальных частей (1837?).

⁴ По свидетельству одного современника, Ф. Шопен в кругу друзей, отвечая на критику этого финала, заметил со свойственным ему юмором: «А чего вы хотите? Траурный марш означает похороны, а после похорон, как известно, каждый как можно скорее удирает домой» (см.: Szulc M. A. Fryderyk Chopin i jego utwory muzyczne, s. 193).

⁵ Ноктюрны ор. 37: № 1 g-moll и № 2 G-dur.

⁶ Мазурки ор. 11.

⁷ Вероятно, новое издание «Хорошо темперированного клавира» И. С. Баха. До сих пор как-то мало обращали внимания на отношение Ф. Шопена к музыке Баха, на то значение, которое он ей придавал. А по словам одного современника, Бах был для него «библией и философией одновременно». В 1848 г., во время последней встречи со своей ученицей К. Дюбуа, он сказал ей, что Бах — «лучший путь развития музыканта»; на Бахе он воспитывал учеников, убеждая их «всегда работать над Бахом».

В произведениях Шопена можно найти несколько реминисценций из музыки Баха (см.: Bronarski Ludwik. Szkice chopinowskie. Kraków, 1961, s. 177—178).

Можно с уверенностью сказать, что музыка Баха постоянно присутствует в сознании Шопена. К ней сводилась даже вся его подготовка к собственным концертам: «Я запираюсь на две недели и играю Баха. Это — моя подготовка. Своих сочинений я не разучиваю» (слова, сказанные Шопеном В. Ленцу).

⁸ Баллада F-dur ор. 38.

⁹ Мазурки ор. 33.

¹⁰ Речь идет о Вальсе F-dur ор. 34 № 3, посвященном А. д'Эйхталь.

¹¹ Соната c-moll ор. 4. Известие об издании этой Сонаты оказалось ошибочным — она вышла в свет лишь в 1851 г.

¹² Это были: Экспромт Fis-dur, ноктюрны g-moll и G-dur, Баллада F-dur, Скерцо cis-moll, полонезы c-moll и A-dur, мазурки cis-moll, e-moll, H-dur и As-dur; в этой последовательности опусов с 36 по 41 они вышли из печати в течение 1840 г.

¹³ Существует поверье, что ребенок наследует судьбу человека, в честь которого он назван.

317. ЖОРЖ САНД — ШАРЛОТТЕ МАРЛИАНИ В ПАРИЖ

Ноан, 15 августа 1839

[...] Поторопите старого Гжималу, его приезд необходим для окончательного излечения маленького. Впрочем, этот последний удивительно процветает в Ноане, эта жизнь, наконец-таки, оказалась хорошей для него. У него прекрасное фортепиано, и он восхищает нас с утра и до вечера. Он сочиняет поразительные вещи с тех пор, что он здесь. [...]

Отрывок. Каренин В. Жорж Санд, ее жизнь и произведения, т. 2, с. 92.

318. ЖОРЖ САНД — ШАРЛОТТЕ МАРЛИАНИ В ПАРИЖ

Ноан, 20 августа 1839

Дорогая моя.

Вот записка Шопена г-ну Плейелю, она написана уже три дня тому назад, но я была не в состоянии написать и трех строк, до того я угнетена работой и страданием. Моя прежняя болезнь печени вернулась [...].

Отрывок. Каренин В. Жорж Санд, ее жизнь и произведения, т. 2, с. 97.

319. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Париж, конец августа 1839

Мой милый.

Гжим[ала] сообщит Тебе относительно квартиры. Что же касается *Полонеза*¹, то я обещаю. Обнимаю Тебя. Спасибо Тебе за письмо, мы, наверно, вскоре увидимся. Пиши мне, хотя бы о погоде; Яся обними; ему, верно, лучше. Еще раз спасибо Тебе за башмаки, ноты и т. п. и т. п.

¹ Ю. Фонтана предложил Ф. Шопену внести некоторые изменения в среднюю часть посвященного ему Полонеза A-dur op. 40 № 2. Шопен внес эти изменения, но нам неизвестно, в чем они заключались (ср. с письмом от 10 августа 1841 г.).

320. ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Ноан, 20 сентября 1839

Мой Милый!

Сними мне маленькую квартиру, а если уже поздно, то возьми большую; какая бы ни была, лишь бы была. Что касается ее¹ квартиры, то ей это кажется слишком дорого, и ее не убедишь, что лучше прибавить, чем иметь в доме много квартирантов. Пожалуйста, ни в чем не нарушая ее предписаний, снесись с Бинья, чтобы самому не быть ответственным.

Сердечно обнимаю Тебя. Прошу Тебя, непременно люби меня.

Твой
Ф. Ш.

Пожми ручки...

[Приписка Жорж Санд:]

Kochany Meżu, lubie Cię bardzo, Wasalu, Brodaczu *, старое печеное яблоко, moja culpa **, Стокгольм, Всадник². Мы никак не можем отвыкнуть от тебя и спешим к тебе присоединиться. Это будет зависеть от успехов твоих походов и трудов в приискании нам квартиры. Я пишу Бинья, разрешая, если это совершенно необходимо, повысить — но как можно меньше — назначенную цену, увы, увы! Совсем не обязательно, чтобы все комнаты были большие и красивые. Детские, например, могут быть маленькими, при условии, что в них будут каминны, а комнаты стариков выходили бы на юг.

Это очень важно для малыша, а также и для моего ревматизма. Мне не нужна большая и красивая гостиная, так как у меня никогда не бывает больше двенадцати человек одновременно. Самое главное, чтобы было хорошее расположение, вы понимаете, и чтобы все было чистое, свежее и пригодное для жилья сразу, без всяких издержек, кроме как на мебель и уборку.

Добрый вечер, Гжим, мы тебя любим, люби нас. Пиши нам. Не слишком прислушивайся к гнусавым рассуждениям твоего малыша. У него нет здравого смысла с его желанием экономить на квартире. Нужно, чтобы ему было куда поместить слугу, да и сам он должен устроиться. Если, по-твоему, маленькая квартира недостаточна, пусть себе говорит, что хочет. У него всегда найдется, чем оплатить свое жилище. Он слегка ограничит расходы на питье, на игру, на женщин и на табак.

Twoja żona ***

Почтовый штампель: «La Châtre, 29 Sept. 1839».

¹ Речь идет о Жорж Санд.

² Шутливые прозвища Войчеха Гжималы.

* Дорогой муж, я очень Тебя люблю, усача, бородача (польск.).

** Моя вина (лат. и польск.).

*** Твоя жена (польск.).

321. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 21 сентября 1839

Суббота

Мой Милый.

Возьми квартиру на Rue Tronchet 5, только повидайся с Гжим[алой], — не взял ли он после моего последнего письма какую-нибудь в Посольстве. По твоему описанию эта мне очень нравится. Если ее уже нет, то отдай предпочтение Rue Lafitte, несмотря на лестницу, которая меня не смущает.

Мне было бы жаль, если бы мне сняли квартиру в Посольстве в то время, как эта на [улице] Tronchet была бы свободна; лучше немного переплатить, нежели, имея и лучший выбор, всю зиму сидеть в дыре. Я предпочитаю даже Lafitte. Обнимаю Тебя. Сделай, чтобы было хорошо. Когда увидимся, я обниму Тебя за все добро, которое ты мне сделал. Ты добрая душа — вот и все. Люблю Тебя по-старому. Яся и Гжималу душ[у] [в объятиях].

Твой

III.

Поторопись и пиши, жизнь моя.

Почтовый штемпель: «La Châtre, 21 Sept. 1839».

322. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 25 сентября 1839

Среда

Моя Жизнь.

Очень благодарю Тебя за Твою честную, дружескую, не английскую¹, а польскую душу. Выбери обои для обеих комнат, какие раньше у меня были, tourterelle*, только блестящие, глянцевитые, и темно-зеленый неширокий шнур для бордюра. Для передней что-нибудь другое, но приличное. Впрочем, если попадутся какие-нибудь более красивые и модные обои, которые Тебе понравятся, и ты решишь, что они понравятся и мне, — то бери их.

Я предпочитаю гладкие, самые скромные и чистенькие пошло-лавочным, мещанским. Потому мне и нравится так жемчужный цвет, что он не кричащий и не вульгарный. Благодарю Тебя за комнату для слуги, — потому что он очень нужен. Теперь, что касается мебели, ты сделаешь лучше всего, если займешься этим сам. Я не смел, клянусь Тебе, затруднять Тебя этими хлопотами, но раз ты такой славный, то собери ее и расставь. Я попрошу Гжим[алу], чтобы он дал денег на переезд; я сам напишу ему об этом. Что касается

* Жемчужные (франц.).

кровати и письменного стола, то их бы следовало отдать *ébéniste'y** привести в порядок. Тогда бы Ты вынул бумаги из письменного стола — запер где-нибудь в другом месте. — Мне не нужно говорить Тебе, как поступать. Распоряжайся, как Тебе нравится и как Тебе покажется нужным. Все, что сделаешь, будет хорошо. У меня к Тебе неограниченное доверие.

Это одно. Теперь другое: нужно, чтобы ты написал Весселю. (Ты, верно, писал о *Прелюдиях?*..) Нужно, чтобы ты написал ему, что у меня шесть новых рукописей, за каждую из которых я хочу по 300 франков (сколько это фунтов?..). — Напиши и получи ответ. (Если ты думаешь, что не даст, то сперва напиши мне.) — Напиши мне также, в Париже ли Пробст? Разнужай также про какого-нибудь слугу. — Хорошо бы какой-нибудь честный, порядочный поляк. — Скажи и Гжимале об этом. — Сговорись, чтобы не больше, чем за восемьдесят [франков] и на своем содержании. — Я буду в Париже к концу 8-бра [octobre], не раньше. — Но держи это про себя. — И еще. Следовало бы отдать починить пружинный матрац на моей кровати — но если дорого, то не надо. — Прикажи кресла и все хорошенько выбить. — Говорю Тебе лишнее, ты ведь сам знаешь, что делать. —

Яся обними. Жизнь моя, как-то странно бывает у меня на сердце — дай ему бог, всего, что ему надо. — Но пусть не позволяет себя надуть; хотя с другой стороны... все это чепуха. Вот величайшая истина на свете! и пока будет так, как есть, я всегда буду любить Тебя как славного малого — и Яся как второго такого же. — Обнимаю Вас обоих — пиши, и поскорее. Ваш

старый и с более длинным, чем когда-либо, носом

III.

На бумаге с инициалами Жорж Санд. Почтовый штемпель: «La Châtre, 26 Sept. 1839».

¹ Ф. Шопен неоднократно утверждал в шутку, что у Ю. Фонтаны польская душа в английской оболочке.

323. ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Ноан, 29 сентября 1839

Воскресенье

Моя Жизнь.

Больна, лежит в постели, всю ночь хворала желудком. Сегодня она получила уже второе письмо о том, что ее драма принята¹. Бюлоз пишет, что ждет ее около 15 octobre'a. — А что

* Краснодеревщику (франц.).

же ты ничего не пишешь о ее квартире! Она тревожится и думает, что у тебя столько своих забот, что ты забудешь про ее квартиру. Если тебе для каких-нибудь хлопот или беготни может пригодиться на выручку Фонтана, — то ты используй его. Для меня он все сделает охотно, а в делах это истинный искусный англичанин. Молодец, он уже нашел мне угол. Он позаботится о перевозке моей рухляди, а тебя я только попрошу заплатить за перевозочный *voiture**. Жаль мне твоего кармана, но так уж суждено, если ты не хочешь, чтобы я первые дни в Париже был вынужден разгуливать по мостовой.

Она не пишет Тебе: даже срочное письмо к Бинья относительно актеров написал за нее Роллина. Проклятые помидоры — причина ее болезни. Был тут Твой протеже, и мебель застрахована в 30 000. Ради бога, квартиру, и, ради бога, не проклинай меня за мою назойливость. Ты, верно, наполовину в деревне. Пожми ручки, как от настоящего верного шпица. Сам себя тоже обними и тискай со всех сторон.

Твой до смерти
Ф.Ш.

[Приписка Жорж Санд:]

Здравствуй, милый, хороший! Сегодня я совсем отупела. Подумай о моей квартире. Я люблю тебя.

Почтовый штемпель: «La Châtre, 1 Octobre 1839».

¹ Речь идет о драме Жорж Санд «Козима», принятой к постановке театром Французской комедии. Названа по имени дочери Ф. Листа.

324. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 29 сентября 1839

Воскресенье

Мой Милый.

Спасибо Тебе за все. Вероятно, ты уже покончил с управляющим. — В передней вели повесить серые занавески, что были в моем кабинете с фортепиано, а в спальне — те же, что были в спальне, только снизу светлые муслиновые, те, что были под серыми. — Шкафчик я бы хотел поставить в спальне — если найдется подходящее место — или же в гостиной — если будет слишком пусто между окнами. Если бы можно было заказать на красную софу, что стояла в столовой — белый *housse*** из такой же материи, как на стульях, то ее можно

* Фургон (франц.).

** Чехол (франц.).

было бы поставить в гостиной. — Но так как для этого нужны *ouvriers** или обойщик, который ждал бы моего приезда, то это, вероятно, будет трудно. Подумай — и сообщи мне. —

Хорошо, что Домарадзский женится, потому что он, верно, после свадьбы отдаст мне 80 фр[анков]. Я хотел бы также, чтобы женился Подчаский — чтобы Накв[аская] вышла замуж и чтобы Антось женился¹. — Пусть это останется между мной и Тобой, и этим листом бумаги. — Найди мне лакея — обними пани Лео — вероятно, первое будет Тебе приятнее — поэтому освобождаю от второго, если исполнишь первое. —

Напиши мне что-нибудь о Пробсте — здесь ли он? — Не забудь о Весселе. — Скажи Гутману, что мне было приятно, что он спрашивал обо мне. — Мошелесу, если он уже в Париже, вели поставить клизму из оратории Нейкома, приправленную Челлини² и концертом Дёлера. — Он, наверно, пойдет в уборную и сделает какого-нибудь Валентина³! — Мысль дикая, но согласись, что оригинальная! — Ясю дай от меня на завтрак сфинксовы усы и почки попугая с помидорным соусом, осыпанные яичками микроскопического мира. — Сам же искупайся в *baignoire* овом** отваре для отдыха от всех моих поручений, которые я Тебе даю, зная, что ты охотно исполнишь их для меня, если Тебе позволит время, — и я для Тебя охотно исполню, когда ты согласишься. О чем меня, вероятно, скоро уведомит Ясь. — Лишь бы не на Ожаровской, потому что это моя партия. От меня дунь куда-нибудь п[ани] Плятер, а п[анне] Паулине⁴ — чихни. —

Твой

Ш.

Повидай Гжималу и сговоришься с ним о переезде. Я писал ему, чтобы он, добрая душа, уплатил при перевозке за *voiture****. Засунь себе палец в Ославского и протруби молодого Немцевича вместе с Ордой. Никому об этом не говори, потому что это секрет. Отвечай поскорей.

Адрес: «Monsieur/Monsieur J. Fontana/Paris/26, Rue de la Chaussée d'Antin».

¹ А. Водзиньский и, очевидно, оба других лица были должниками Ф. Шопена.

² Речь идет об увертюре Г. Берлиоза «Бенвенуто Челлини», ор. 23.

³ Возможно, намек на картину Э. Делакруа «Смерть Валентина».

⁴ Паулина Плятер.

* Работница (франц.).

** Китовом (франц.).

*** Фургон (франц.).

Ноан, 1 октября 1839

Мой Милый.

По Твоему и Гжималы описанию, ты нашел мне такую великолепную квартиру, что мы думаем, что у тебя счастливая рука, поэтому человек (а это великий человек — потому что он привратник дома Жорж¹), который будет бегать в поисках квартиры для нее, имеет предписание обратиться к Тебе, как только у него будет несколько на примете, и Ты, с твоим изысканным вкусом (видишь, как я Тебе льщу), осмотрел бы то, что он подберет, и высказал Свое мнение.

Ей особенно важно, чтобы, по возможности, было изолировано: маленький особнячок, например. Или что-нибудь во дворе, с видом на садик, или, если нет садика, то большой двор, мало жильцов, элегантно, не выше второго этажа. Может быть, какой-нибудь *corps de logis* * или что-нибудь на манер Пертюи, хотя бы и поменьше; или, если на улицу, то чтобы она не была шумной. Словом, что-нибудь, что покажется тебе для нее хорошим. Лучше всего было бы поблизости от меня, но если нельзя, то пусть это соображение Тебя не останавливает. Как мне кажется, целиком какой-нибудь маленький особнячок на новых улицах, около Rue Clichy, Blanche или Notre-Dame de Lorette и т. д. до Rue des Martyrs. Посылаю Тебе список улиц, на которых М. Мардель (привратник особняка de Narbonne, Rue de la Harpe, № 89, принадлежащего Жорж) будет искать квартиру. Было бы очень хорошо, если бы Ты в часы, свободные от занятий, тоже посмотрел что-нибудь около нашего quartier **.

Представь себе, не знаю почему, но нам кажется, что Ты найдешь что-нибудь великолепное, хотя уже поздно. Ее цена — 2000 — 2500 [франков], можно дать даже сотни на две франков больше, если бы нашлось нечто великолепное. Гжим[ала] и Араго обещали этим заняться, но пока, несмотря на старания Гжималы, еще ничего подходящего нет. Я писал Гжи[мале] и просил его воспользоваться для меня в этом деле Тобой, моя Жизнь (я говорю для меня, ибо это то же, что для меня). Сегодня я напишу ему еще раз о том, что я также просил Тебя помочь мне своим нюхом. Нужно: три спальни, из которых две рядом, а третья отделена, напр[имер], гостиной; возле третьей надо бы светлый рабочий кабинет для нее. Те две спальни могут быть маленькими, эта, третья, тоже может быть не очень большой; кроме того, подходящая гостиная и столовая. Довольно большая кухня, две комнаты для прислуги

* Особняк (франц.).

** Района (франц.).

и погреб. Паркетные полы, само собой разумеется, новые и, по возможности, не требующие никаких исправлений.

Но лучше всего — небольшой особнячок или какой-нибудь отдельный флигель во дворе, выходящий в сад. Чтобы было тихо, спокойно, никаких кузнецов по соседству, никакой девицы и т. д. и т. п., что Ты и сам прекрасно знаешь. Приличная лестница. Много солнца, чтобы выходило *au midi** (почти непременно *exposé au midi***). Еще раз: нужно (непрерывно), чтобы эта третья спальня, рядом с которой будет рабочий кабинет, была бы отделена от двух других спален и чтобы по возможности либо этот рабочий кабинет, либо спальня имели отдельный выход (это не обязательно). Чтобы не было ароматов. Достаточно высокие [комнаты]. Чтобы не было дыму, светло, и вид по возможности красивый, то есть не загаженный вид — или сад, или большой двор; лучше всего сад. На *Faub[ourg] St. Germain* много садов; так же и на *Faub[ourg] St. Honoré*.

Найди молниеносно, по вдохновению, что-нибудь превосходное — близко от меня на этих новых улицах, и как только что-нибудь найдешь, сейчас же напиши. Не ленись... Или поймай Гж[ималу], возьми [его] непременно, посмотри, наймите *et que cela finisse****. Посылаю Тебе список улиц и глупый образец квартиры. Если что-нибудь найдешь, то нарисуй план; только если попадется что-нибудь удобное и некогда будет писать, то лучше сразу возьми, чем упустить из-за промедления. Я пишу об этом также Гж[имале]. П[ан] Мардель (человек неглупый и порядочный, не всегда бывший привратником) получил распоряжение явиться к Тебе, если он найдет что-нибудь. Ты же ищи со своей стороны, но пусть это останется между нами.

Обнимаю Тебя. Яся ditto****. Если найдешь, получишь нашу искреннюю благодарность.

Ф.Ш.

Итак, если найдешь и нужно будет заключить контракт, то если нельзя на меньший срок, бери не больше чем на три года. Знаешь, Ей кажется, что ты непременно найдешь.

Вторник

[Приложение: отдельный листок, с упоминавшимся в письме «группым образцом квартиры», на котором Жорж Санд карандашом написала названия ряда улиц, где она поручала искать квартиру. Ф. Шопен приписал: «*Notre-Dame de Lorette*», при *Rue de Clichy*, добавил и подчеркнул: «на красивой стороне»; сбоку, зачеркнув ряд улиц от *rue Tronchet* до *rue St. Florentin*, добавил: «или на *Faub[ourg] St. Honoré*». В другом месте

* На юг (франц.).

** На южную сторону (франц.).

*** И чтобы с этим было покончено (франц.).

**** То же (лат.).

им добавлено: «Faub[ourg] St. Germain». Возле первых улиц, перечисленных Жорж Санд, Шопен добавил:]

«На тех сторонах, где красиво. Может быть, случайно услышишь о чем-нибудь подобном. Nb, снять с 8-bra [octobre], то есть немедленно. Прошу Тебя, ради бога, займись этим энергично, мой дорогой».

[На обратной стороне этого листка:]

Все это небольшое — и, если возможно, весь особняк:

2 спальни — кроме этих двух

1 спальня и рабочий

кабинет —

Salon * (небольшая).

Salle à manger **.

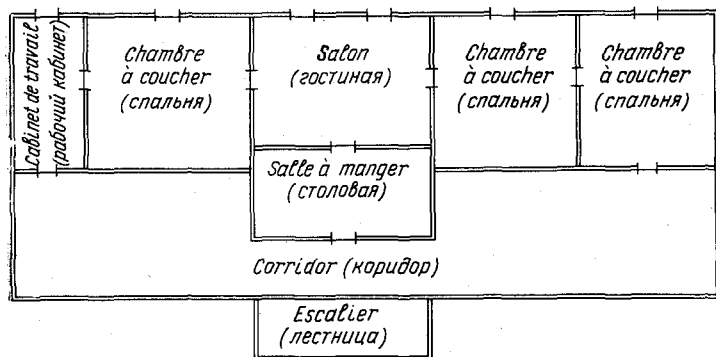
Guisine *** (довольно большая).

2 Chambres de domertique ****.

Cave ***** и сад.

p[ar] ex[emple] *****.

улицы, а лучше сад

pas de voisinage — surtout ***** кузнеца² и никаких предметов, к нему относящихся.

¹ Жорж Санд принадлежал особняк Нарбонн (Hôtel Narbonne) в Париже.

² «...кузнеца» — тут фигурально, то есть шумного соседства.

* Гостиная (франц.).

** Столовая (франц.).

*** Кухня (франц.).

**** Комната для прислуги (франц.).

***** Погреб (франц.).

***** Например (франц.).

***** Никакого соседства — особенно (франц.).

326. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 3 октября 1839

Мой Милый.

Через пять, шесть или семь дней я лечу сломя голову в Париж, и пусть там застану хотя бы обои и кровать, если уж не все. Смилуйся и сделай, чтобы [хоть это] было. Я ускоряю свой приезд, так как присутствие Ежи¹ необходимо из-за Египтесы; только это между нами. Сегодня мы наметили наш выезд на послезавтра, потом считай два дня на проволочки и, таким образом, если сегодня четверг, то в будущую среду или четверг мы увидимся.

Кроме всевозможных поручений, которые я Тебе понадал, в особенности в последнем письме (поручение по поводу ее квартиры, которое с нашим приездом свалится у Тебя с плеч; но до нашего приезда будь, ради бога, деятельным), кроме всего этого, я забыл попросить Тебя, чтобы Ты заказал мне шляпу у моего Дюпона на Твоей улице. У него есть моя мерка и он знает, какие легкие мне нужны. Пусть сделает фасон нынешнего года, непритязательный, потому что я уже не знаю, как вы теперь одеваетесь. Кроме того, загляни мимоходом к Дотремону, моему портному на бульваре, и скажи ему, чтобы он мне срочно сшил серые штаны. Сам выбери темно-серый цвет — штаны зимние, что-нибудь приличное, без полосок, гладкое и эластичное. Ты же англичанин и поэтому знаешь, что мне нужно. Он обрадуется, узнав, что я приезжаю.

Также — скромный, черный бархатный жилетик, но с каким-нибудь мелким некричащим рисунком, нечто очень скромно-элегантное. Если у него нет порядочного [бархата], то из черной скромно-красивой шелковой материи. Полагаюсь на Тебя. Не очень открытый, разумеется. Слугу — если можно. — И, если можно, то дешевле, чем за восемьдесят фр[анков], потому что я слишком далеко зашел, но если ты уже нанял, то не беда. Предпочитаю за шестьдесят.

Мой дорогой, Милый, еще раз прости меня, что я Тебя так затрудняю, но я вынужден. Через несколько дней мы увидимся, и я обниму Тебя за все это. Прошу Тебя, ради бога, не говори ни одному поляку и ни одной еврейке (пани Лео), что я приезжаю так скоро, потому что, может быть, в течение первых нескольких дней я буду в Париже только для Тебя, Гжим[алы] и Яся. Обними Яся и Гжим[алу]. Последнему напишу. Рассчитываю, что квартира готова.

Твой
Фр.

Пиши мне непрестанно, если хочешь, хоть три раза в день, есть ли о чем или нет. Перед отъездом я Тебе еще напишу.

Жду от Тебя письма. Шляпу [закажи] сейчас же, чтобы была готова через несколько дней, и штаны сейчас же, закажи, мой Ю л ь ю с ю!

На бумаге с инициалами Жорж Санд. Адрес: «Monsieur/Monsieur J. Fontana/26, rue de la Chaussée d'Antin». Почтовый штемпель: «La Châtre, 4 Oct. 1839».

¹ Ежи (Георгий) — то есть Жорж Санд.

327. ЮЛЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 4 октября 1839

4 octobre

Ты неоцененное создание. Эта квартира кажется превосходной, только почему такая дешевая? Нет ли там какого-нибудь очень досадного «но»? Ради бога, прошу Тебя, не теряя времени, сходи к п[ану] Марделю, Rue de[la] Harpe, № 89, но сейчас же; поговори с ним, не нашел ли он чего-нибудь, возможно, еще лучшего; если нет — бери его с собой (он знает о Тебе), идите вместе, возьмите, если можно, и Гжима и кончай. Nb, нужно непременно, чтобы не было au nord*; взвесь les conditions**, на которые я Тебе указал в прошлом письме. Если la majorité*** их в квартире имеется, то бери.

Еще раз, прилично ли, не воняет ли, не грязно ли, не такое ли множество соседей, что нельзя их миновать, направляясь кой-куда? Нет ли в доме корнет-а-пистона и тому подобных вещей? Ответь с обратной почтой, даже если ничего не сделаешь. Начерти план квартиры. У моего товарища¹ было верное предчувствие, что ты найдешь, и по твоему описанию ему нравится, только ради бога, — достаточно ли хорошо? Пойми, что кое-как она устроиться не может. Взвесь все это и поторопись. Контракт на год, а если нельзя, то не больше, чем на три года. Действуй, и да поможет Тебе бог. Люби меня и руководствуйся собственным вдохновением. Взвесь — и да будет так.

Твой

Фр.

Не похожа ли эта квартира на какую-нибудь знакомую нам? Не нашел ли Мардель лучшей? но пусть его суждения на Тебя не влияют!

¹ Жорж Санд.

* На север (франц.).

** Условия (франц.).

*** Большинство (франц.).

328. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 7 октября 1839

Понедельник

Ты бесценный!

Бери те оба дома на [улице] Pigal[le]¹, не раздумывая. Торопись. Выторгуй что-нибудь, если можно (ведь ты берешь оба сразу), а нельзя, так бери за 2500 [франков] и не выпускай этого из рук, потому что нам это кажется самым лучшим, самым великолепным.

Она считает Тебя моим самым разумным, самым лучшим, а я еще добавил: самым ипохондрически-англо-польско-душевно возлюбленным другом.

Твой
Ф.Ш.

Через три дня мы, наверняка, выезжаем. Гжима, Яся обними.

Почтовый штемпель: «La Châtre 9 Oct. 1839».

¹ Это были два флигеля, расположенные в одном саду по улице Pigalle, № 16, снятые для Жорж Санд. Ф. Шопен же поселился на улице Tronchet, № 5 (этот дом сохранился до настоящего времени).

329. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 8 октября 1839

Моя Жизнь.

Послезавтра, в четверг, в 5 час[ов] утра мы выезжаем, — и в пятницу, в три, четыре, — а в пять наверняка я буду на Rue Tronchet, № 5. Пожалуйста, сообщи там об этом. — Я написал сегодня Ясю, чтобы он нанял для меня того лакея — и чтобы велел ему ждать меня в пятницу с полудня на rue Tronchet. — Если бы у тебя нашлось время зайти ко мне приблизительно в эти часы, то мы бы обнялись с Тобой раньше всех. Добрая Ты душа.

Прими еще раз от меня и моего товарища искреннейшую благодарность за Pigalle. — Теперь же прошу Тебя, поскольку у меня нет штанов, — чтобы портной непременно приготовил к утру пятницы те серые, что ты мне заказал (и жилетку, если можно), чтобы я мог сразу же, как приеду, переодеться. — Следовательно, вели ему отнести их на [улицу] Tronchet и отдать Тино (лакею), который, вероятно, к этому времени там будет. (Лакея зовут Тино !!!) — То же самое относительно шляпы от Дюпона. — А за это я буду для Тебя до самой смерти переделывать вторую часть По-

лонеза². Вчерашняя версия, может быть, тоже тебе не понравится — хотя я ломал над ней голову восемьдесят секунд. —

Мои рукописи в порядке, хорошо написаны. Их шесть с твоими полонезами — не считая седьмой — *Impromptu*³, который, может быть, и неважный: еще сам не знаю, так как он слишком свеж. Но было бы хорошо, если бы он оказался не слишком по-Ордовски⁴, или по-Циммермановски, или Карско-Коньски, или по-Совиньски⁵, или по-свински, или по-скотски, потому что, по моим расчетам, он мог бы мне дать по крайней мере 800 фр[анков]. — Потом посмотрим. —

Вели также, мой Милый, раз уж ты такой ловкий человек, чтобы ни черные мысли, ни удушливый кашель не посещали меня в новой квартире, — подумай, как мне стать хорошим, — и сотри, если можешь, многие эпизоды прошлого. Еще неплохо было бы обрести там несколько лет большого и законченного труда. — Очень меня этим обяжешь, — а также тем, если сам помолодеешь и сделаешь так, чтобы мы вовсе не родились. —

Твой
Старый.

На бумаге с инициалами Жорж Санд. Адрес: «Monsieur/Monsieur J. Fontana / Paris / Rue de la Chaussée d'Antin, N° 26».

¹ Эта фамилия ассоциируется с французским «la tîpe» — ушат, лохань, отсюда и восклицание Шопена.

² См. коммент. 1 к письму 319.

³ Речь идет об Экспромте *Fis-dur* op. 36, изданном в мае 1840 г.

⁴ Намек на Н. Орду. У М. Карасовского вместо «Ордовски» стоит «Орловски» — в этом случае Ф. Шопен имел бы в виду А. Орловского. Оба эти варианта подходят по смыслу.

⁵ Намек на Войчеха Совиньского.

330. ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Ноан, 8 октября 1839

Мой Милый!

В четверг утром мы выезжаем, не откладывая. Почтовые лошади заказаны, и в пятницу около пяти мы в Париже. Она заедет к посланнице¹. Я писал Юльяну, чтобы он, добрая душа, ждал меня в моей квартире. Благодарю Тебя миллион раз за сегодняшнее письмо, которое ее обрадовало и утвердило в выборе квартиры на rue Pigal[le]. Она напишет Тебе словечко. Я Тебя обнимаю — и ручки поцелуй.

Твой
Ш.

[Приписка Жорж Санд:]

Здравствуй, ты — славный муж, и я благодарю тебя за то, что ты любишь квартиру на улице Пигаль, потому что я заранее ее обожаю. До свидания [в] Пятницу.

¹ То есть Жорж Санд заедет к Шарлотте Марлиани; Ш. Марлиани была женой испанского генерального консула, а не посла.

331. СТЕФАН ВИТВИЦКИЙ — АДАМУ МИЦКЕВИЧУ

Париж, после 11 октября 1839

[...] Шопен мне говорил, когда я был у пани Санд, что она написала о сравнении тебя с Гете и Байроном и отдаст в «Revue [des deux Mondes]»; она тебя ставит, как я слышал, выше одного из них. Шопенчика, правда, кладет еще выше. Вот тебе прекрасный образец парижской шутки и парижской грязной злобности. [...]

Отрывок. German F. Chopin i Mickiewicz. Rocznik chopinowski, t. 1, 1956, s. 234.

332. ШАРЛЮ АЛЬКАНУ В ПАРИЖ

Париж, вероятно, вторая половина октября 1839

Дорогой друг.

Если у тебя имеется Соната Мошелеса в четыре руки¹, то пришли мне ее.

Ф. Шопен.

Оригинал на французском языке. Адрес: «Mr. Alkan».

¹ Речь идет о Сонате Es-dur И. Мошелеса, одном из любимых произведений Ф. Шопена.

Мошелес рано обратил внимание на музыку Шопена. Так, уже в 1833 г. он записал в своем Дневнике: «Охотно играю вечерами в свободные часы этюды Шопена и другие его сочинения; нахожу много очарования в их оригинальности и в народной окраске мелодии [...]

В другой записи (1835 г.) Мошелес вновь возвращается к этой мысли: «Я решительный почитатель оригинальности Шопена, — он дал пианистам произведения в новейшем направлении и наиболее привлекательные. Меня лично коробит искусственность его модуляций, порою причудливых; мои пальцы спотыкаются в таких местах, и я не могу совладать с ними. Я упражняю их со всей настойчивостью, но почти тщетно, и эти модуляции все равно преодолеваю с трудом» (см.: [Charlotte Moscheles.] Aus Moscheles Leben. Nach Briefen und Tagebüchern herausgegeben von seiner Frau, t. 2. Leipzig, 1872, S. 271).

К периоду написания комментируемой записки Шопена Алькану относится первая встреча приехавшего в Париж Мошелеса (октябрь 1839 г.) с Шопеном. Мошелес писал своей семье: «Я виделся, наконец, с Шопеном, который только что вернулся из деревни. С трудом я мог дожидаться этой желанной минуты. Его внешний вид полностью соответ-

ствуется его музыке, — настолько он нежен и мечтателен. Он играл после моих усиленных просьб, и я лишь теперь понимаю его музыку и тот энтузиазм, который он вызывает у женщин. Его игра *ad libitum*, у других исполнителей его музыки часто превращающаяся в хаотическое отсутствие ритма, у него звучит чарующей оригинальностью. Дилетантски жесткие модуляции, постоянно меня удивляющие, когда я играю его сочинения, не коробят, когда их играет он, ибо нежные его пальцы скользят как легкая поступь эльфов: *piano* его столь воздушно, что вовсе не нуждается в мощном *forte* для достижения должных контрастов; и это приводит к тому, что вовсе не жаждешь тех оркестровых эффектов, каких требует от пианистов немецкая школа; человек словно кажется увлеченным певцом, который, вовсе не заботясь об аккомпанементе, дает уносить себя движению чувств. Словом, он уникальное явление среди пианистов. Он сказал, что очень любит мою музыку, во всяком случае, я вижу, что он превосходно ее знает. Он играл мне свои *Этюды* и свое новое произведение — *Прелюдии*. В ответ я исполнил ему множество своих сочинений. [...] Кто бы, однако, мог предполагать, что Шопен при всей своей чувствительности является прирожденным комиком. Он умеет быть веселым, жизнерадостным, он несравненен в подражании Пиксису, Листу и некоему горбатому музыкальному дилетанту».

Несколько дней спустя Мошелес записал в своем Дневнике: «Сегодня Шопен был совершенно иным, чем в последний раз. Как мы условились, я посетил его вместе с Ш. и Э., которые обожают его, и особенно восторгаются его *Прелюдией As-dur* (такт 6/8), где постоянно возвращается педальный *As* [ор. 28 № 18]. Мы не застали у него никого, кроме графини Обресковской из Петербурга, большой поклонницы артистов и еще нескольких господ. Превосходный ученик Шопена Гутман играл его рукописное *Скерцо cis-moll*, после чего Шопен исполнил, также по рукописи, свою *Сонату b-moll c Траурным маршем*» (*ibidem.*, S. 38—39).

Шопен подружился с Мошелесом. К этому времени относятся их частые совместные выступления в различных парижских салонах, где они играли четырехручную Сонату Мошелеса. 29 октября 1839 г. состоялся их совместный концерт при дворе Луи-Филиппа в Сен-Клу (утром этого дня Шопен и Мошелес провели совместную репетицию). Шопен играл свои этюды, ноктюрны и импровизировал на тему популярной песенки Гризара «*La Folle*». Вместе с Мошелесом они исполнили его Сонату в четыре руки («В Финале, — вспоминал об этом концерте Мошелес, — мы дали волю пылкому вдохновению. Игра Шопена, полная огня и воодушевления, не ослабевавших на протяжении всей пьесы, вызвала, как и следовало ожидать, большой энтузиазм у слушателей»). В память об этом концерте Шопену была преподнесена ваза из севрского фарфора (см.: Ganache Edouard. Frédéric Chopin. Paris, 1913, p. 246—247). Сообщение о совместном концерте Шопена и Мошелеса появилось в «*Neue Zeitschrift für Musik*» за 12 ноября (оно было послано туда самим Мошелесом через Ф. Мендельсона).

Стоит отметить, что с годами отношение И. Мошелеса к творчеству Шопена изменилось, — он стал относиться к нему крайне враждебно.

333. ВЕЛИКОМУ ГЕРЦОГУ БАДЕНСКОМУ В ГЕЙДЕЛЬБЕРГ

Париж, 15 ноября 1839

[...] Было бы невероятно прискорбно, если бы карьера музыканта, подающего такие надежды, была прервана в самом ее начале [...]

Ф. Шопен.

Оригинал на французском языке.

¹ Это отрывок из никогда не публиковавшегося целиком письма (оригинал погиб в Лондоне во время Второй мировой войны) с просьбой к Карлу Леопольду Фридриху, Великому герцогу Баденскому об освобождении от военной службы Адольфа Гутмана, который призывался в 1839 г. баденскими военными властями, как уроженец Гейдельберга.

334. МОРИСУ ШЛЕЗИНГЕРУ В ПАРИЖ

Париж, 19 ноября 1839

Я, нижеподписавшийся, подтверждаю, что продал господину Морису Шлезингеру в полную его собственность для всех стран *Этюд*¹ моего сочинения, предназначенный для *Метода Методов Пианистов* гг. Мошелеса и Фетиса, и что получил от него Сумму в Двести франков.

Фридерик Шопен.

Париж, сего 19 ноября
1839.

Оригинал на французском языке.

¹ Ф. Шопен написал для изданной И. Мошелесом и Ф. Фетисом школы фортепианной игры, озаглавленной «*Méthode des Méthodes des Pianistes*», три этюда, не вошедшие в ор. 10 и ор. 25: f-moll, As-dur и Des-dur (изданы в 1840 г.). Эти этюды посвящены Мошелесу.

Здесь речь идет о продаже Этюда f-moll. Существует и другая расписка, подтверждающая продажу этого этюда и получение гонорара: писарская копия с собственноручной подписью Шопена. Она датирована 6 декабря 1839 г.

335. ИЗ ДНЕВНИКА ФРИДЕРИКИ МЮЛЛЕР

Париж, ноябрь-декабрь 1839

30 октября мы отправились, моя ангельски добрая тетка и я, в его тогдашнюю квартиру на ул[ице] Tronchet [№] 5. С сердцем, сжимавшимся от волнения, я вручила ему [Шопену] рекомендательное письмо¹, привезенное из Вены, и просила его принять меня в число своих учениц. Крайне учтиво, но сдержанно, он ответил мне: «Вы играли на утреннике у графини Аппоньи, жены австрийского посла, и, мне кажется, что занятия со мной будут для вас излишними».

Я огорчилась, ибо была достаточно сообразительной, чтобы сразу понять, что ему не хочется со мной заниматься. Торопливо я сказала, что вполне отдаю себе отчет в том, сколь многому должна еще научиться. И робко добавила, что в первую очередь хотела бы уметь хорошо играть его чудесные сочинения. «Ох, — воскликнул он, — было бы печально, если бы их нельзя было хорошо играть без занятий со мной!» — «Я наверняка не смогу», — испуганно ответила я.

«В таком случае сыграйте мне что-нибудь!» — сказал он, и с этой минуты исчезла вся его сдержанность. Любезно и предупредительно он

помог мне преодолеть мое стеснение, придвинул инструмент, спросил, удобно ли я сижу, и позволил играть до тех пор, пока я не успокоилась. Затем он деликатно побранил жесткость моей руки, похвалил правильное понимание произведения — и согласился, чтобы я стала его ученицей. Он назначил мне два часа уроков в неделю и самым любезным образом обратился к моей тетке с просьбой заранее проявить снисходительность, если ему, из-за состояния здоровья, часто придется изменять назначенные сроки. Он добавил, что в этих случаях будет извещать нас заранее через своего слугу.

Увы! Он был тогда очень болен, слаб и бледен и много кашлял, принимал капли опиума на сахаре и l'eau de gomme², протирали виски одеколоном — и несмотря на это он преподавал терпеливо и с замечательным усердием, с настойчивостью и воодушевлением.

Уроки его продолжались добрый час и более, поскольку он, с чрезвычайной добротой, значительно продлевал их. Микули говорил: «Святой огонь искусства пылал в нем; каждое слово, исходящее из его уст, действовало одобрительно и побуждающе. Некоторые уроки продолжались буквально по несколько часов, до тех пор пока усталость не побеждала учителя и его ученика».

И мне выпали на долю благословенные часы занятий. Сколько раз по воскресеньям я начинала играть у Шопена в час дня и лишь в четыре или пять он разрешал нам уйти. Часто в таких случаях он играл сам — как восхитительно! И не только свои произведения, но и других мастеров, чтобы показать ученику, как они должны звучать. Однажды утром он исполнил на память 14 прелюдий и фуг Баха, а когда я стала восхищаться этим несравненным подвигом, он сказал: «Это не забывается никогда», — и добавил с меланхолической улыбкой: «Вот уж год, как я не занимался и четверти часа кряду, у меня нет сил, нет энергии, я все жду капельку здоровья, чтобы к этому вернуться, но... я все еще жду...» Мы всегда говорили по-французски, хотя он любил немецкий язык и немецкую поэзию. Поэтому-то я привожу его слова на французском, так, как их слышала.

В Париже меня поначалу пугали тем, что Шопен заставляет своих учеников играть Клементи, Гуммеля, Крамера, Мошелеса, Бетховена и Баха³ и не дает играть свои произведения. Но было не так. Конечно, я должна была играть и этих мастеров, но он требовал, чтобы я также играла ему новые и новейшие произведения Хиллера, Тальберга и Листа. И на первых же уроках он разложил передо мною и свои чудеснейшие прелюдии и этюды. С некоторыми своими произведениями он познакомил меня до того, как они вышли из печати.

Часто в моем присутствии он импровизировал. Однажды он углубился в игру настолько, что полностью забыл об окружающем. В это время тихонько вошел слуга и положил на пюпитр какое-то письмо. Шопен с громким криком прервал свою игру, а волосы у него стали дыбом. Такое может показаться невероятным, однако я видела это собственными глазами. Правда, продолжалось это всего лишь мгновение.

Игра его была благородна и прекрасна, его инструмент — играл ли он в полную силу, или то было легчайшее piano — всегда пел. Он затра-

чивал массу труда, чтобы приучить ученика к этой связной, полной напевности игре: «Он (она) не умеет связать двух нот» — так звучала его самая суровая оценка. Он также требовал самого тщательного соблюдения ритма и ненавидел томные замедления, неуместные *rubato* и преувеличенные *ritardando*. «Сядьте, пожалуйста», — говорил он в таких случаях с легкой насмешкой. [...] В употреблении педали он достиг высочайшего мастерства, а злоупотребление ею оценивал необыкновенно сурово и постоянно повторял: «Над правильным употреблением педали можно работать всю жизнь».

Когда я играла его первый *Этюд* (C-dur, посвященный Листу), он велел мне каждое утро медленно играть его. «Этот этюд очень пойдет вам на пользу, — сказал он. — Если вы будете упражняться так, как я это понимаю, это растянет вашу руку и даст возможность брать аккорды в гаммах уверенно, как удар смычком. Но, к сожалению, — часто вместо того, чтобы научить всему этому, он дает обратный эффект». [...]

Шопен однажды рассказал мне про свою экскурсию в мае 1834 г. в Аахен в обществе Хиллера и Мендельсона. «Меня там встретили очень гостеприимно, но когда меня представляли, то спросили: «Вероятно, вы брат пианиста?» Я подтвердил, так как меня это забавляло, и описал им своего брата как человека крупного, сильного, черноволосого и наделенного огромной рукой». Тот, кто знал чахлого и хрупкого Шопена и видел его руку, сумеет оценить этот анекдот.

Czartkowski A., Jeżewska Z. F. Chopin, s. 383—386. По всей видимости, Ф. Мюллер осуществила (или расширила) свои записи на основе своего первоначального *Дневника* значительно позже (о чем свидетельствуют, например, введенные слова К. Микули и др.). Однако, придавая ее записям особое значение, мы позволяем себе поместить их по времени описываемых событий.

¹ Сохранилось (в изложении) письмо Терезы Аппоньи-Ногарола, в котором она рекомендует Ф. Шопену молодую способную пианистку из Вены, М-ле Мюллер, которая приехала в Париж с единственной целью услышать Шопена и стать его ученицей. Она просит Шопена назначить час, когда М-ле Мюллер сможет зайти к нему.

² См. коммент. 4 к письму 222.

³ Почти с каждым учеником Ф. Шопен начинал занятия со второй тетради *Préludes et Exercice* М. Клемента и его же *Gradus ad Parnassum*, затем переходил к «Хорошо темперированному клавиру» И. С. Баха (о нем Шопен говорил ученикам: «Это лучший способ продвинуться вперед») и сюитам Баха. Постоянно рекомендовал Шопен ученикам и произведения И. Гуммеля, называя их «ключом к фортепианной игре»; из сочинений Гуммеля на уроках играли *Rondo Brillant sur un thème russe* (op. 98), сонаты *fis-moll* (op. 81), *a-moll* и *h-moll*, концерты, секстеты и ряд других фортепианных произведений. Играли и высоко ценимые Шопеном ноктюрны Дж. Филда (параллельно с ними Шопен давал играть свои ноктюрны, к которым подчас относился как к упражнениям). Из произведений Бетховена на уроках Шопена играли его концерты, несколько сонат, среди них Лунную, Сонату с траурным маршем, Аппассионату, 24 Вариации. Среди произведений Вебера, которые Шопен рекомендовал своим ученикам, были его сонаты C-dur (op. 24) и As-dur. Больше, чем Бетховена, играли на уроках Шуберта — его лендлеры, вальсы, фортепианные дуэты, марши, полонезы и *Divertissement hongrois*, которым Шопен восхищался. Незначительное место занимала музыка Хиллера и Мендельсона (только Концерт

g-moll и песни без слов); из сочинений Листа Шопен давал играть ученикам лишь «Тарантеллу Россини» и Секстет из «Лючии». Значительно больше внимания уделялось произведениям Мошелеса (особенно его этюдам). Играли на уроках Шопена и Моцарта, Генделя, Скарлатти, Дуссека, Риса и др.

Шопен настоятельно советовал своим ученикам ходить на симфонические вечера Общества консерваторских концертов (под управлением Хабенка), которые посещал и сам, а также на камерные вечера, устраиваемые известным квартетом Алар-Франкомм. Он также советовал посещать оперу, а В. Рубио однажды заметил: «Вы должны петь, если хотите играть».

336. МОРИСУ ШЛЕЗИНГЕРУ В ПАРИЖ

Париж, 1 декабря 1839

Получил от Г-на Мориса Шлезингера сумму в Пятьсот франков за предоставление в его полную и исключительную собственность второго *Этюда*¹ для *Метода Методов Пианистов*.

Шопен.

Париж, сего 1-го декабря.
1839

Оригинал на французском языке.

¹ Речь идет об Этюде As-dur (см. коммент. 1 к письму 334).

337. ФИРМЕ «БРЕЙТКОПФ И ГЕРТЕЛЬ» В ЛЕЙПЦИГ

Париж, 14 декабря 1839

Милостивые государи.

Будучи всегда удовлетворен отношениями с вами, я считаю своим долгом прежде, чем прекращать наши отношения, с вами искренне объясниться. —

Г-н Пробст, через посредство которого я вел с вами дела, только что сообщил мне, что он писал вам по поводу моих последних рукописей¹ и, не получив ответа, считает себя вправе отказаться платить мне по 500 фр[анков] за каждую. Это цена, ниже которой я не могу отдавать свои рукописи. — Сейчас у меня в портфеле: *Большая Соната*, *Скерцо*, *Баллада*, два *Полонеза*, четыре *Мазурки*, два *Ноктюрна*, *Экспромт*. Благодарите, Милостивые государи, ответить мне с обратной почтой, как обстоит дело, чтобы я мог прямо и без всякого посредничества прийти к соглашению.

Готовый к услугам

Фр. Шопен.

Rue Tronchet, N° 5
Париж, 14 декабря 1839

Оригинал на французском языке.

¹ Речь идет о следующих сочинениях Ф. Шопена: Сонате b-moll op. 35, Скерцо cis-moll op. 39, Балладе F-dur op. 38, полонезах c-moll и A-dur op. 40, четырех Мазурках op. 41, Ноктюрнах g-moll и G-dur op. 37 и Экспромте Fis-dur op. 36.

338. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В БОРДО

Париж, конец 1839

Четверг

Мой Милый.

Посылаю Тебе три письма¹: два от пани Марлиани, третье от [Манозля] Марлиани. Письмо к пану Салюсу очень хорошее. Там есть дочка, которой советуют воспользоваться Твоими услугами. — Я ждал письма Агуадо к пану Бальгиери, но еще не получил его. Этот последний — тамошний большой богач. Как только получу, сразу же Тебе его пошлю. — Дай Тебе бог счастья.

Пиши.

Твой

Ш.

¹ Ю. Фонтана оказался в это время в Париже в трудном материальном положении и решил предпринять концертную поездку в Бордо, где имел намерение обосноваться, давая там уроки музыки; для этого ему и нужны были рекомендательные письма в Бордо.

339. АСТОЛЬФ ДЕ КЮСТИН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 31 декабря 1839 или 1 января 1840

Неправда ли, дорогой Шопен, что это — настоящая чернильница и настоящее перо человека, который не пишет? Как только я их увидел, я подумал о вас. Я посылаю их вам вместе с сердечными и истинно дружескими пожеланиями. И так как я предчувствую приближение закатных лет, я более чем когда-либо привязан к старинным обычаям, и начиная год, я стремлюсь к тем, кого люблю. [...]

Прощай, плохой 1839 год! а вы, непостоянный Сильф, обещайте мне лучший! Вот все, чего я желаю для себя; что же касается того, что я хочу пожелать вам, — не в моей воле дать вам это; но в силу своей добродетели я от всего сердца радуюсь, думая, что вы это нашли; и я бы радовался с меньшей грустью, если бы, несмотря на все ваше счастье, я бы все-таки еще что-нибудь для вас значил.

Прощайте, польский ветреник!

А. де Кюстин

Отрывок.

1840

340. МАРИ Д'АГУ — Ф. ЛИСТУ В ПЕШТ

Париж, 29 января 1840

29 января

[...] Позавчера — вечер у Кюстина; присутствовал Шопен, но не играл. Роншу спросил Гжималу: «Почему?» Последний ответил: «Шопен больше не играет нигде. Музыка перестала быть для него искусством. Она стала чувством».

Говорят, он обожает Пиффоэля¹!!! [...]

Отрывок. *Correspondance de Frédéric Chopin*, vol. 3, p. 15.

¹ От франц. *Piffouls* — длинный нос; прозвище Жорж Санд.

341. РОБЕРТ ШУМАН — АДЛЬФУ КЕФЕРШТАЙНУ

Лейпциг, 31 января 1840

Лейпциг, 31 января 1840

[...] Но склонность новой музыки к композиционной изобретательности, к поэтическому и юмористическому ведет свое происхождение более всего от Баха: Мендельсон, Беннет, Шопен, Хиллер, вообще все так называемые романтики (я всегда имею в виду немцев) в своей музыке намного ближе к Баху, чем к Моцарту; все они знают Баха самым основательным образом [...].

Р. Шуман.

Отрывок. Шуман Р. Письма, т. 1, с. 534.

342. ЖОРЖ САНД — ШАРЛОТТЕ МАРЛИАНИ В ПАРИЖ

Париж, 2 февраля 1840

[...] Шопен все по-прежнему покашливает. И по-прежнему это самый милый, скромный и самый сокрытый из гениальных людей. [...]

Отрывок. Каренин В. Жорж Санд, ее жизнь и произведения, т. 2, с. 161.

343. РОБЕРТ ШУМАН — КРИСТИАНУ РАЙНХОЛЬДУ В ИЕНУ

Лейпциг, 17 февраля 1840

Лейпциг, 17 февраля 1840

[...] Прежде всего я выказывал почтение к минувшему, к старому; в наименьшей степени старался я способствовать развитию современных талантов, опирались ли они на старое (как отчасти Мендельсон) или являлись собой нечто действительно своеобразное и новое, как, например, Шопен. [...]

Роберт Шуман.

Отрывок. Шуман Р. Письма, т. 1, с. 541.

344. РОБЕРТ ШУМАН — КЛАРЕ ВИК В БЕРЛИН

Лейпциг, 22 марта 1840

Воскресенье, 22 марта 1840

[...] Но все же я скажу тебе — Лист с каждым днем кажется мне все более могучим. Сегодня утром он снова играл у Р. Гертеля, — играл так, что все мы трепетали и ликовали; исполнил Этюды Шопена, одну пьесу из *Soirées* Россини и многое другое. [...]

Отрывок. Шуман Р. Письма, т. 1, с. 555.

345. ЮЗЕФ ЭЛЬСНЕР — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, 24 марта 1840

Дорогой Фридерысю!

Прежде всего, позволь тебе передать от меня и от всех, кому ты лично знаком и дорог, сердечнейшие приветы — как уже очень заслуженному Артисту и Человеку — и пожелания успеха во всех твоих начинаниях и намерениях; а теперь — дружеская моя просьба. Покинув в прошлом году С. Петербург, Город Августейших Владык, я был вынужден оставить Вель[можному] Каролю Соливе (у которого я жил и, надо сказать, пользовался всеми удобствами) свою рукопись — *Oratorium Passio D[omini] N[ostri] Jesu Christi Seu Triumphus Evangelii*¹ — для полного ее исполнения лишь во время великого поста этого года, а также поручил ему и ее опубликование, указав, что моим желаниям отвечало бы, чтобы эта вещь могла быть издана в Париже, у Шлезингера.

Не знаю, предпринял ли какие-либо шаги в этом направлении Вель[можный] Солива, или еще нет; но как бы то ни было, предпочитаю уведомить Тебя и просить, чтобы ты озаботился навести об этом справки и поговорить с представителями этой столь известной сейчас фирмы. — Можно смело поручиться, поверь мне, Дорогой Фридерик! что издателю будет весьма выгодно эта вещь, не только благодаря новизне и достоинствам музыки, а также посвящению и т. д., но в первую очередь благодаря тому, что с появлением этого произведения возникает совершенно новый род ораторий, в котором музыка как изящное искусство

самым ясным и самым подобающим образом торжествует триумф своей самостоятельности (чтобы дать об этом хоть какое-то представление, необходимое для исполнения этой вещи, композиторам, артистам, знатокам и любителям музыки в Петербурге, я написал там план исторической оратории, озаглавленной *Петр Великий*); и к тому же четыре главные части этой оратории *Ecclesiasticum* могут исполняться до или после проповеди во время великого поста, ибо кроме *Финала*, *Resurrexit* и *Alleluia* состоят из отрывков, весьма подходящих для церкви, особенно для римско-католической и т. д.

Еще одна просьба: как раз в этом году — даже совсем недавно, я получил через Юзефа Новаковского дорогой мне сувенир: *Le Second Cantique du X Siècle etc.**, преподнесенный мне знаменитым А. Ч.², за что я чувствую себя необыкновенно ему обязанным, — и это от моего имени соблаговоли передать моему достойному другу, а при благоприятной okazji я сам письменно обращаюсь к нему с моей вечною благодарностью, с Тобой же, пожалуй, поделюсь разными общими мыслями о музыке, а в частности, об оратории, об опере и т. д.

Но... но — на своем домашнем Парнасе я скоро помещу еще один Твой портрет, и, таким образом, у меня, или, точнее, рядом со мной, уже будет Шопен стоящий и сидящий³. Играющего, каковые у меня имеются Филда и других, как будто еще нет.

Жаль, что до сих пор у меня нет портретов Твоих я к о б ы соперников: Тальберга и Гензельта — Листа, как и Твоей романтической и славной поклонницы⁴ (*hic mulier homo ***), ибо я бы знал, как Тебя окружить ими.

Люби меня, как я Тебя, и верь, что Тебя, стоящего или сидящего, или, наконец, играющего, никто не обожает, как

Твой самый искренний и пр.

Юзеф Эльснер.

Варшава, 24 марта 1840

Ан. Орловскому — мои поклоны.

¹ Оратория Ю. Эльснера «Страсти Господа нашего Иисуса Христа, или Торжество Евангелия» ор. 65 (посвящена Николаю I; 1835 г.; полностью никогда издана не была). Исполнялась в Петербурге во втором концерте Филармонического общества (27 марта 1840 г.).

² По-видимому, Адам Чарторыский.

³ «Стоящий» — портрет парижской литографии Энгельмана по работе Пьера Роша Виньерона (1833), присланный Ф. Шопеном Ю. Эльснеру с дарственной надписью: «сидящий» — вероятно, литография по акварели М. Водзиньской.

⁴ По всей вероятности, Жорж Санд.

346. СТЕФАН ВИТВИЦКИЙ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 25 марта 1840

25 марта

Скажи-ка мне, голубчик: что это Ты обо мне думаешь? Я-то считал, что Тебе будет столь же легко написать несколько слов или несколько

* Вторая книга церковных кантов X века (франц.).

** Эта женщина — человек (лат.).

нот, как и стольким другим моим друзьям, тем более, что некоторых из них, напр[имер], Немцевича, Ты чуть-чуть моложе; если же не хочешь, черт с Тобой, обойдется; но почему, по крайней мере, не вернешь альбома, хотя я уже несколько раз присылал за ним. [...]

О старых друзьях, о тех, что любят Тебя и Твоих Родителей, Ты, видно, заботишься, как о прошлогоднем снеге. Пусть так оно и будет, если уж Тебе так нравится и если Тебе при этом хорошо.

С. Витвицкий.

Отрывок. Адрес: «Monsieur / Monsieur Frédéric Chopin / 5, rue Tronchet, près la Madeleine / à Paris». Почтовый штампель: «25 Mars 1840».

347. ШАРЛЬ ОГЮСТЕН СЕНТ-БЕВ — СУПРУГАМ ОЛИВЬЕ

Париж, 3 апреля 1840

Среда

Дорогие друзья.

[...] На днях, в первое хорошее весеннее утро, я пошел в два часа повидать госпожу Санд и застал ее выезжающей в карете с дочерью и Шопеном; я их сопровождал на прогулку, и мы направились в Булонский лес послушать шум елей в маленьком ельнике рядом с Отейским болотом. [...]

Отрывок. Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 3, p. 20.

348. ИЗ ДНЕВНИКА ФРИДЕРИКИ МЮЛЛЕР

Париж, после 20 апреля 1840

Вернувшись в Париж после долгого артистического турне, Лист дал концерт у Эрара 20 апреля 1840 г. Он играл, как всегда, блестяще, и на другой день я была у Шопена, чтобы рассказать о концерте. Сам же он чувствовал себя так плохо, что не мог на нем присутствовать.

Когда я рассказала ему, как Лист владеет собой, с каким абсолютным спокойствием он преодолевает наибольшие технические трудности, — Шопен воскликнул: «Итак, мнение мое, по-видимому, справедливо. Последней приходит простота. После того, как исчерпаны все трудности и сыграно великое множество нот, и еще нот, является простота во всем ее очаровании, как последняя вершина искусства. Тот, кто хочет прийти к ней сразу, никогда не добьется этого, — нельзя начинать с конца. Надо много трудиться, проделать огромную работу, чтобы достичь этой цели, и это нелегко. Я не мог, — продолжал он далее, — присутствовать на этом утреннике. С моим здоровьем ничего не поделаешь. Дела мои так запутаны, что у меня никогда нет свободной минуты. Как я завидую людям сильным,

обладающим крепким здоровьем, и которые к тому же не обременены делами. Меня это злит, у меня нет времени болеть».

Когда я разучивала его *Трио*, он обратил мое внимание на некоторые фрагменты, которые теперь ему не нравились; сейчас бы он написал их иначе. После окончания *Трио* он сказал мне: «Как живо встают в памяти дни, когда я сочинял его! Было это в Познаньском княжестве, в окруженном лесами замке князя Радзивилла¹, в немногочисленном, но избранном обществе. Утром мы охотились, вечером музицировали. А ныне, — закончил он, — уже нет в живых ни князя, ни его жены, ни его сына, ни дочери. Умерли, все умерли».

Czartkowski A., Jeżewska Z. F. Chopin, s. 387.

¹ В Антонине.

349. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В БОРДО

Париж, 23 апреля 1840

Посылаю Тебе письмо от Весселя, вероятно, по поводу моего прежнего дела. Трупена купил семь моих композиций и будет вести дела непосредственно с Весселем, так что Ты не беспокойся. Чем занимаешься? как Твои дела? Я кашляю и ничего не делаю. —

Приехал Лист, он едет в Лондон. Альбрехты, Пертюи здоровы. — Разговлялись в клубе¹. — Водзиньский, как всегда, грязен телом и чист душой. Я люблю Тебя, но Ты ведь знаешь, что писать я не умею. Если есть время — напиши. Надеюсь, что Тебе хорошо.

Твой

Ш.

23 с[его] м[есяца]

На бумаге с инициалами Жорж Санд.

¹ В Польском клубе.

350. ЛЮДВИКУ ПЛЯТЕРУ В ПАРИЖ

Париж, конец апреля 1840

Пани Санд просит меня передать Вам пропуск на первое предс[тавление] ее драмы¹. Прошу извинения, что поздно. Вашим соседом, как я видел в списке, будет Кло-бей².

Фрыц-бей.

¹ Речь идет о пропуске на первое представление драмы Жорж Санд «Козима» (1840), которое состоялось 29 апреля 1840 г. Откладывавшийся два месяца, спектакль успеха не имел. Атмосфера премьеры подробно описана Г. Гейне в его корреспонденции в аугсбургскую «Всеобщую газету» от 30 апреля 1840 г. (см.: Гейне Г. Полн. собр. соч., т. 9. М.—Л., 1936, с. 37—51). В спектакле участвовала М. Дорваль.

² Антуан Кло.

351. КОНСТАНТЫ ГАШИНЬСКОМУ В ЭКС

Париж, 3 мая 1840

3 мая

Посылаю Тебе обещанное — это неизданная страница *Спиридиона*¹. Пан Рей занимается Твоими книгами. *Валленрода*² получишь позже.

Будь здоров
Ш.

3 Мая!³

¹ Речь идет об автографе Жорж Санд.

² «Конрад Валленрод. Историческая повесть» — поэма А. Мицкевича, написанная в Москве (1828).

³ 3 мая — дата важного события в истории Польши — принятия в 1791 г. демократической конституции, так называемой «Конституции 3 мая». Ф. Энгельс писал об этом событии: «Она (Польша) имела мужество конституцией 3 мая 1791 г. водрузить знамя французской революции на берегах Вислы — акт, которым она поставила себя гораздо выше всех своих соседей» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 505).

День 3 мая отмечался поляками и в эмиграции. Ф. Хёзик сообщает, что Миколай Шопен любил рассказывать своим детям о первых годах своей жизни в Польше, о Четырехлетнем сейме, а прежде всего — о дне 3 мая, о всеобщем подъеме, охватившем тогда народ (см.: Hoesick F. Chopin, t. 2, s. 63).

352. ЭРНЕСТ ЛЕГУВЭ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, до 26 мая 1840

Мой дорогой господин Шопен.

Плейель, Губо и одна из ваших давних учениц, г-жа Оливье, которая только что во второй раз вышла замуж за г-на Жана Рейно из Энциклопедии, придут отобедать с нами послезавтра, в четверг; г-жа Ганглер также подарит нам свой вечер; если вам будет приятно провести несколько часов с людьми, которых вы любите, и у людей, которые вас любят, то вы прибудете сюда в шесть часов и будете очень желанным гостем. Само собой разумеется, что пальцы вы оставите у себя дома. Так как вы не любите писать, скажите да или нет моему слуге.

Ваш

Э. Легувэ.

353. ФЕРЕНЦ ЛИСТ — МАРИ Д'АГУ В ПАРИЖ

Лондон, начало июня 1840

[...] Вессель, который издал ряд произведений Шопена и потерял на этом более двухсот лундоров, пришел ко мне и просил, чтобы я сыграл некоторые из его сочинений, чтобы внедрить их здесь. До сих пор никто не осмеливался сделать этого. Я сыграю их при первом же случае, возможно в «Philharmonic Society»*, или на одном из моих концертов. Сообщите ему [Шопену] об этом, когда увидите его. Я рад, что смогу оказать ему эту небольшую услугу. Буду играть его этюды, мазурки, ноктюрны; все это — почти незнакомые для Лондона произведения. Это склонит Весселя к приобретению его новых рукописей. [...]

Отрывок. *Sz en i c S. Franciszek List. Warszawa, 1969, s. 142.*

354. ФИРМЕ «БРЕЙТКОПФ И ГЕРТЕЛЬ» В ЛЕЙПЦИГ

Париж, 18 июня 1840

Милостивые государи.

Поскольку Г-н Пачини 30 сего месяца публикует один из моих *Вальсов*¹ в своем сборнике *Сто и один*, то я считаю себя обязанным послать Вам оттиск. Надеюсь, что издание не встретит затруднений — так как цена соответствует нашим последним соглашениям.

Примите, Милостивые государи, выражение моего высокого уважения.

Фр. Шопен.

18 ию[ня] 1840
5, Rue Tronchet

Оригинал на французском языке.

¹ Вероятно, Большой блестящий вальс *As-dur* op. 42, изданный фирмой «Брейткопф и Гертель» в Лейпциге в 1840 г. и почти одновременно вышедший в Париже у А. Пачини.

355. АСТОЛЬФ ДЕ КЮСТИН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Сен-Грасиен, 28 июня 1840

Дорогой Шопен.

И хотя вы привыкли к моим похвалам, которые суть не что иное, как глас истины, я все же не могу встать после этой ночи, проведенной без сна, не поведав вам своих упойтельных воспоминаний от вчерашнего вчерашнего. Я вновь обрел вас всего, — и еще более совершенным, возросшим,

* Филармоническое общество (англ.).

ибо время, при содействии таланта, сделало из вас все, чем вы можете быть.

Эта зрелость в молодости — величественна: это — искусство во всем своем совершенстве; возможно, что поразительное впечатление, которое вы произвели на меня, вызвано вашим долгим отсутствием... но я ведь не забывал вас; и однако я встретил вас вновь с некоторым удивлением, за которое упрекаю себя: стало быть, я был неблагодарным в своих воспоминаниях... А я полагал, что обладаю одним качеством, — и это вы, в особенности, развили его во мне: это чувство благодарности, которое всегда примешивается у меня к наслаждению, доставляемому искусством. Когда талантливый человек, хотя бы раз в своей жизни, заставит меня испытать все то удовольствие, которое вызывается совершенством произведений, в каком бы они ни были жанре, — станет ли он потом рохлей, занкой, слабоумным, — я всякий раз, когда буду думать о нем, буду испытывать то же самое удовольствие. Судите же теперь, какова моя благодарность по отношению к вам! [...]

Тысячу приветов! До четверга.

А. де Кюстин.

Сен-Грасиен, воскресенье утром ¹.

Отрывок.

¹ Лето 1840 г. Ф. Шопен провел в Париже, лишь иногда выезжая на несколько дней в Сен-Грасиен к А. де Кюстину. Так, известно, что 27 июня он играл у него, затем вернулся в Париж; 2 июля он снова в Сен-Грасиене (с Жорж Санд и Э. Делакруа); 20-м июля в Сен-Грасиене датирован листок из Альбома Э. Гайара.

356. ЖОРЖ САНД — ИПОЛИТУ ШАТИРОНУ В НОАН

Париж, 1 июля 1840

Париж, 1 июля 1840

Мой друг.

... Дети чувствуют себя хорошо. Соланж ходит в манеж и уже ездит верхом, как драгун. Впрочем, и в остальном ее успехи значительны. Морис работает недостаточно, он вял. Шопен обнимает тебя. Он неизменно добр, как ангел. Без его совершенной и чуткой дружбы я бы часто теряла мужество. [...]

Отрывок. Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 3, p. 25—26.

357. МОРИС ШЛЕЗИНГЕР — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 24 июля 1840

Париж, сего 24 июля 1840

Мой дорогой Шопен.

Я бесконечно благодарен вам за любезное предложение издать *Ораторию* г-на Эльснера, вашего Учителя, которая, несомненно, является шедевром.

ром, но вы знаете французов и знаете, что они не покупают такого рода музыку. Я выписал шесть экземпляров оратории Мендельсона *Паулус*; они почивают на моих полках. Поэтому прошу вас, когда вы будете писать г-ну Эльснеру, выразить ему мою самую горячую благодарность и передать, сколь я сожалею, что не могу принять его столь милостивого предложения.

Прощайте, дорогой друг, желаю здоровья и прошу верить, что я

Ваш преданный

Морис Шлезингер.

Адрес: «Monsieur/Chopin/5, rue Tronchet».

358. ГЕКТОР БЕРЛИОЗ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, до 26 июля 1840

Я только что виделся с Видалем; я хотел бы поговорить с вами; Северини предупрежден. Идите как можно скорее. Вы с ним договоритесь¹.

Г. Берлиоз.

[К записке приложен входной билет:]

Воскресенье 26 Июля, в половине двенадцатого.

Концертный зал на Улице Нев-вивьен.

Генеральная репетиция *Военной симфонии* *,

сочиненной г-ном Берлиозом

для Траурной церемонии 28 июля

На два лица

Г. Берлиоз.

* *Траурный марш — Прощальный гимн — Апофеоз.*

¹ Речь идет о Траурно-триумфальной симфонии Г. Берлиоза в трех частях, написанной для церемонии по случаю открытия Колонны победы (Июльская колонна, на площади Бастилии), которая была воздвигнута в честь Июльской революции 1830 г. и в память павших во время уличных боев.

359. ЮЗЕФУ ЭЛЬСНЕРУ В ВАРШАВУ

Париж, 30 июля 1840

Париж, 30 juillet 1840

Горячо любимый пан Эльснер!

Посылаю Вам несколько слов Шлезингера¹. Не стану делать философских замечаний по поводу еврейства, однако должен слегка защитить его, так как, действительно, столь крупные произведения, как, напр[имер], Ваша *Оратория*, требуют больших расходов и не будут раскупаться, потому что, кроме Консерватории, никакое другое établissement* не исполняет подоб-

* Учреждение (франц.).

ных вещей. А Консерватория живет старыми симфониями, которые [оркестр] знает наизусть — и счастье, если публике иногда удастся послушать отрывок Генделя или Баха. Только второй год, как начинают входить во вкус Генделя, и то исполняют только фрагменты, а не целые произведения. Так, прошлой зимой исполнялся несколько раз хор из *Иуды Маккавея*², а также хор, уж не знаю какой, Баха, но за время, что я здесь, кроме *Христа на горе Елеонской*³ Бетховена, которого я только один раз слышал целиком, не давалось ничего большого и значительного.

На репетициях в Консерватории пробуют много новинок, однако здесь царит такой дух, что, за исключением [произведений] покойников, не очень-то любят исполнять большие вещи: потому и Мендельсона, и Шнейдера, и Шпора, и Нейкома, и Вас мы услышим нескоро, и если бы Керубини не стоял во главе [консерватории], то и его бы не играли. Консерватория задает тон большой музыке, поэтому издатель может рассчитывать только на то, что принесет ему Консерватория. А Консерватория имеет своих переписчиков⁴.

Как я сожалею, что не слышал в Петербурге это Ваше произведение, которое, я убежден, стоит выше всего, написанного в этом роде. Несомненно, Вы будете печатать его в Германии, и я убежден, что где-нибудь над Рейном: в Кельне, в Майнце, в Дюссельдорфе или Лейпциге, где каждый год устраивают музыкальные торжества, на которых исполняют только подобные произведения, — я вскоре услышу Ваш шедевр. Также и Англия — страна, в которой часто исполняются такие оратории, которая ценит по справедливости только такие произведения; где для этой цели легко собрать тысячу певцов и где Нейком и Мендельсон известны более, чем Адан или Галеви, — вероятно, также ухватится за Ваше произведение, и, может быть, когда-нибудь в Бирмингеме, в зале, специально построенном для исполнения таких вещей, в котором несколько лет назад Нейком поставил огромный орган, — может быть, там мы еще когда-нибудь свидимся, и я смогу рядом с Вами восторгаться и радоваться тому, что уже сейчас заранее восхищает меня при одной мысли об этом. Жду от Вас несколько слов и обнимаю Вас сердечнейшим, сердечнейшим образом.

Шопен.

Мое почтение пани Эльснер [и] п[ани] Нидецкой.

Орловский в Руане, но если бы он был здесь, то обязательно приписал бы. Сколько раз мы Вас вспоминали à гротос именно с Консерваторией. Сколько раз нам хотелось услышать в исполнении множества этих искуснейших скрипок Ваш офферторий⁵ *Иосиф* (если не ошибаюсь), где пение скрипки пронизывает богатышую гармонию. Если Вы отдали его в печать,

то пришлите мне, пожалуйста; я отнесу его Хабенку и не сомневаюсь, что он велит его попробовать, потому что он [офферторий] короткий и выигрышный. Напишите мне несколько слов, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

¹ Ф. Шопен пересылал Ю. Эльснеру письмо М. Шлезингера от 24 июля 1840 г.

² «Иуда Маккавей» (1746) — оратория Г. Генделя.

³ «Христос на горе Елеонской (Масличной)» (1802—1803) — оратория Л. Бетховена.

⁴ Ф. Шопен хочет сказать, что издатель не может рассчитывать на продажу голосов и, следовательно, не будет иметь дохода от издания оратории.

⁵ Офферторий — крупное хоровое произведение, обычно в сопровождении органа или инструментального ансамбля, на библейский текст. Тут речь, вероятно, идет об оффертории Ю. Эльснера *De Sancto Josepho C-dur* ор. 10, посвященном Л. Керубини (написан ок. 1815 г.; исполнен 19 марта 1822 г. в Варшаве).

360. ЖОРЖ САНД — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Камбре¹, 13 августа 1840

Камбре, сего 13 августа 1840

Дорогое дитя.

Я приехала в полдень, очень утомленная; сюда от Парижа сорок пять, а не тридцать пять миль. Мы вам расскажем интересные вещи о горожанах Камбре. Они прекрасны, они глупы, они лавочники; это высший стиль. Если *Исторический марш*² нас не утешит, мы готовы умереть от тоски, замученные любезностями, которыми нас осыпают. Живем как принцы, но что за хозяева, что за разговоры, что за обеды! мы смеемся над этим, когда остаемся одни, но когда мы находимся перед лицом врага, какой жалкий у нас вид! я уже больше не хочу, чтобы вы приезжали, а мечтаю сама как можно скорее уехать отсюда и начинаю понимать, почему мой Шоп не хочет давать концертов.

Возможно, что Полина Виардо не будет петь послезавтра из-за отсутствия зала. Возможно, мы вернемся на день раньше. Хотела бы уже быть подальше от жителей и жительниц Камбре. Спокойной ночи, Шип-шип³; спокойной ночи, Соланж; спокойной ночи, Були⁴. Сейчас ложусь, падаю от усталости. Любите свою старушку, как она вас.

Ж. С.

«Музыка», 1958, № 1—2.

¹ Камбре — главный город департамента Нор, в двухстах километрах к северо-востоку от Парижа, куда Полина Виардо ездила в концертные туры; Жорж Санд сопровождала ее.

² Видимо, имеется в виду праздничное шествие, о котором Жорж Санд писала Морису Санду (15 августа 1840), что находилась «слишком близко, и все было грязно и в лохмотьях. Некоторые костюмы, однако, были прекрасны, но всему в целом недоставало исторической достоверности».

³ Прозвище Ф. Шопена.

⁴ Прозвище М. Санда.

361. ЖОРЖ САНД В КАМБРЕ

Париж, 14 августа 1840

Моя Госпожа!

Дети чувствуют себя превосходно. — Вчера с Соланж и с синьором Бонакоза¹ мы были на Елисейских полях, где Ваша дочь взвесилась, она весит после обеда 84 фунта. Девочка весела, как только возможно... Синьора Карлотта² занята лишь разными планами, как ее развлечь. — Вчера она была очень огорчена тем, что не смогла вдоволь, как обычно, погулять с ней, ввиду того, что после чересчур холодного купанья (un bain) у синьоры Карлотты началась мигрень, слишком сильная, чтобы она могла выйти из дому. Из-за этого, и по многим другим причинам, мы не выехали вслед за Вами, — в противном случае мы были бы уже вместе. —

Какая злополучная судьба. — Мне сообщили в конторе, что мальпост идет не через Камбре, а через Аррас и Лилль. — Итак, до вторника. — Пришел Пьеретто, и мы отпустили Софью — слуга уехал, все в порядке, нам недостает только уверенности в том, что вы хорошо проводите время. — Но я уверен, что и Вы хорошо проводите время. Я рад, что Вы довольны тем, что видите и слышите. Всевышний да позаботится о Вас. — Не беспокойтесь за своих детей. Я, чтобы в доме было все спокойно, сплю в белом кабинете.

Ваш верный слуга

III.

Мои самые изысканные, самые продолжительные, самые искренние поклоны вашим товарищам; как я сожалею, что не могу полететь, чтобы услышать все эти «чудеса из чудес».

«Muzyka», 1958, № 1—2, Warszawa. Оригинал — единственное из известных писем Ф. Шопена на итальянском языке; это приписка к письму Мориса Санда от 14 августа 1840 г. В своем письме М. Санд сообщал матери, что он с Соланж и Шопеном обедал у Ш. Марлиани. «Если бы ты знала, как без тебя скучно дома. Шопен и я, мы вечерами, при свете двух огарков, сидим и переглядываемся, — он с большими глазами и большим ртом, который иногда открывается, чтобы произнести: «Ах! Бог ты мой, как мне кого-то недостает!» Тогда я отвечаю ему: «Ах! бог ты мой, нам, правда, кого-то недостает!» Затем я зеваю, Шопен потягивается, а потом мы по очереди говорим друг другу: «Спокойной ночи, спокойной ночи».

¹ Вероятно, Казимир Боншоз.

² Шарлотта Марлиани

362. ЖОРЖ САНД — МОРИСУ САНДУ В ГИЙЕРИ¹

Париж, 4 сентября 1840

Париж, 4 сентября 1840

Позавчера приехал Букуаран, а вчера Роллина, оба очень огорчены, что не застали тебя в Париже. Роллина живет у нас. Вчера мы еще раз ходили смотреть Микельанджело [...] У нас тут были грандиозные военные смотры [...] Весь Париж был так возбужден, словно дело шло о революции. Однако ничего не произошло, за исключением того, что полиция побила нескольких прохожих. В Париже имелись места, где было опасно ходить, ибо эти господа били направо и налево, дабы иметь удовольствие поупражнять руки. Шопен, который ничему не верит, наконец получил доказательства и убедился. Г-жа Марлиани вернулась. Я обедала у нее позавчера с аббатом де Ламенне. Вчера здесь обедал Леру. Шопен обнимает тебя тысячу раз. [...]

Отрывок. Chopin па obczyznie, s. 217.

¹ Имение барона Казимира Дюдевана — отца Мориса Санда (Морис и Соланж носили имя матери) в Гаскони.

363. ЖОРЖ САНД — МОРИСУ САНДУ В ГИЙЕРИ

Париж, 20 сентября 1840

Париж, 20 сентября 1840

[...] У нас с сегодняшнего утра очаровательная собачка размером в кулак, цвета густого кофе с молоком, с белым жилетом, белыми чулками спереди и белыми башмаками сзади. Этот господин привязался к Шопену на улице, и сей последний никак не мог от него отвязаться, и тогда — великое чудо — он стал обожать эту собачку и весь день возился с ней, хотя она и сделала свое дело на ковре в гостиной и у всех уже от нее блохи. Шопен находит все это очаровательным, потому что собака непрестанно ласкается к нему. [...] Ее зовут Мопс, что по-польски означает шавка. [...]

Отрывок. Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 3, p. 30.

364. ЖОРЖ САНД — МОРИСУ САНДУ В ГИЙЕРИ

Париж, 12 октября 1840

Париж, 12 октября 1840

Мое дитя.

Ты развлекаешься; это очень хорошо, но, как мне кажется, жизнь не состоит из вечных развлечений. Подумай об этом [...] Наши друзья здоровы, однако они слегка удивлены твоим затянувшимся отсутствием, — в период, когда все возвращаются из деревни и снова берутся за работу. Делакура вернулся. Шопен дает по пять уроков в день. А я пишу

от восьми до десяти страниц за ночь. До свидания, мое дитя, тысяча поцелуев, будь здоров [...]

Отрывок. Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 3, p. 31.

365. ЭДМЭ ДЕ МЮССЕ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 31 октября 1840

31 октября 1840

Милостивый государь, благодаря молве я узнала, что ваше здоровье в этом году неизмеримо лучше, — и у меня зародилась слабая надежда, что вы согласитесь занести имя моей дочери в список ваших учениц¹; вы знаете, Милостивый государь, какое значение будет иметь для нас ваша благосклонность.

Если эта записка останется без ответа, я пойму, что вы не захотели огорчать нас отказом, и неизменно останусь вашей преданной слугой.

Эдме де Мюссе.

Quai Voltaire, 21

Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 3, p. 32—33.

¹ Известно, что еще в декабре 1839 г. Э. де Мюссе — мать поэта Альфреда де Мюссе — обращалась к Ф. Шопену с просьбой давать уроки ее дочери Эрмини, талантливой пианистке, ученице Ф. Листа.

366. ЭРНЕСТ ЛЕГУВЭ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, конец 1840

Мой дорогой Господин.

Я располагаю свободным билетом в дом Инвалидов¹. Я буду счастлив, если он доставит вам удовольствие. Если вы не сможете им воспользоваться, соблаговолите отослать его обратно с подателем сего.

Преданный Вам

Легувэ

Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 3, p. 33.

¹ Речь идет о билете на церемонию торжественного перенесения в Париж останков Наполеона I. Дом Инвалидов (Пантеон) — храм славы в Париже, в котором находятся могилы прославленных французов.

367. СТЕФАН ВИТВИЦКИЙ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, конец 1840

[...] У Тебя сразу же после четырех, как мы и договаривались, и вынуждены были уйти с носом, к тому же еще и замерзшим — мне и жаль

было моих товарищей, и стыдно за Тебя — может, хотя бы теперь Ты соберешься и напишешь кому-либо из них несколько слов извинения — адрес Залеского: 39, rue [de] Grenelle 5 — chez Mr. Козьян; адрес Мицкевича: 1, rue d'Amsterdam; писать мне было бы тщетно, так как я не желаю Тебя знать по меньшей мере неделю и должен об этом сказать п[ани] С[анд].

Залеский пробудет еще завтра и пятницу.

Ст. Вгв.

Письмо повреждено — недостает начала. Адрес: «Monsieur Chopin! 5, rue Tronchet».

368. ИЗ ДНЕВНИКА ФРИДЕРИКИ МЮЛЛЕР

Париж, конец 1840 г. — начало 1841 г.

Однажды вечером [20 декабря] он [Шопен] велел мне исполнить перед большой аудиторией свою Сонату с траурным маршем. Утром я должна была проиграть ему Сонату, однако я была полна робости. «Почему вы играете сегодня хуже, чем обычно?» — спросил он. Я сказала, что боюсь. «Почему? — спросил он серьезно, даже с некоторой суровостью. — Я считаю, что вы обычно играете ее хорошо. Но если вы сегодня вечером захотите играть ее так, как еще не играл до вас никто другой и как никто не сыграет после вас, то...!» И эти слова вернули мне спокойствие. Сознание, что я играю ее хорошо, владело мною и вечером. Мне посчастливилось удовлетворить Шопена и снискать признание всех присутствующих. Потом он вместе со мной исполнил Andante из своего Концерта f-moll, превосходно аккомпанируя на втором инструменте. Собравшиеся засыпали его просьбами исполнить еще несколько своих произведений; он удовлетворил их желание и вызвал всеобщий восторг.

В этом году он не выезжал летом из Парижа и я смогла заниматься с ним в течение 18 месяцев. С какой радостью занималась бы я с ним дольше! Но он придерживался того мнения, что я должна вернуться на родину, продолжать заниматься самостоятельно и часто выступать публично. На прощание он подарил мне две рукописи: Этюды Cis-dur и E-dur (посвященные Листу), и обещал написать, будучи в деревне, концертное произведение и посвятить его мне.

Czartkowski A., Jeżewska Z. F. Chopin. s. 388.

369. ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Париж, вероятно, 1840

Моя дорогая Жизнь. —

Я жду Тебя к себе на обед в шесть. — Будет Пиас¹, [зачеркнутое слово] потому что Испания² у А благо³. — Может

быть, вечером что-нибудь бы предприняли. Если у Тебя есть другие планы — тогда, ради бога, не стесняйся. Она ⁴ Тебя любит, как брата, и была бы огорчена, если бы ради нее Ты от чего-нибудь отказался.

Навеки Твой
Ш.

«Muzyka», 1958, № 1—2.

¹ Неустановленное лицо.

² Ш. Марлиани, жена испанского консула.

³ Неизвестно, о ком идет речь.

⁴ Жорж Санд.

1841

370. ЭЖЕН ДЕЛАКРУА — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 1 января 1841

Дорогой, милый Шопен.

Извините меня за то, что вы не получили гравюр вчера вечером, — меня подвели; мне это было очень досадно. Я предполагал послать их к вам, на улицу Tronchet, но сегодня утром посылаю их вам на улицу Pigalle¹.

Приношу тысячу пожеланий, не таких, что говорятя всеми на свете, но идущих от сердца, которое вас любит очень, очень, очень.

Надеюсь увидеть вас вечером; но в данный момент я близок к помешательству.

Прощайте, дорогой друг.

Эж. Делакруа.

Я недоволен гравюрами. Они не отличаются красотой, но пригодятся. Я сожалею, что у меня не было достаточно времени, чтобы обойти нескольких торговцев.

¹ Tronchet — квартира Ф. Шопена; Pigalle — квартира Жорж Санд.

371. ФРОМАНТАЛЬ ГАЛЕВИ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 1841 (?)

Мой милый маленький Шопен.

Если вы выходите сегодня утром, то окажите милость зайти ко мне на минуту, — мне надо поговорить с вами. Если же вы не выходите, — я зайду к вам.

Ф. Галеви.

Среда

Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 3, p. 36.

372. ИЗДАТЕЛЬ СИНА — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 3 января 1841

Вы обещали, мой дорогой и любезный друг, назначить мне как-нибудь свидание, чтобы мы могли побеседовать минутку о ваших вещах, уже находящихся в [вашем] портфеле или ожидаемых вскоре; но так как до сих пор я не получил от вас известий на этот счет, то обращаю к вам эти строки с напоминанием о вашем обещании и просьбою, дабы вы назначили день и час, когда я мог бы явиться к вам для наших переговоров.

Я убежден, что мы сговоримся с легкостью, и буду счастлив, если мне удастся призреть, согласно вашим пожеланиям, самых юных чад вашего воображения, в котором изящество соединяется с оригинальностью и высотой духа. Я пользуюсь случаем, чтобы еще раз выразить чувства глубокого уважения и дружбы, которые я питаю к вам, мой любезный друг, и с которыми остаюсь неизменно вам преданным

Сина.

88, Rue Richelieu
Понедельник. 4¹ января

Адрес: «A Monsieur/Monsieur Chopin/ Professeur de Musique/5, rue Tronchet, quartier de la Madeleine, Paris».

¹ Описка Сина: понедельник в 1841 г. приходился не на 4 января, а на 3-е.

373. МАРИ Д'АГУ — Ф. ЛИСТУ

Париж, 6 января 1841

[...] Вчера я пошла с г-ном де Ж[ирарденом] на лекцию Мицкевича¹ [...] и оказалась рядом с г-жой Санд и Шопеном. [...]

Отрывок. Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 3, p. 37.

¹ А. Мицкевич был в это время профессором славянской литературы в Collège de France (широко известное высшее учебное заведение в Париже, рассчитанное исключительно на вольнослушателей, с системой преподавания в виде публичных лекций по отдельным дисциплинам; основан в 1530 г.). А. Мицкевич был приглашен министром просвещения В. Кузеном на специально учрежденную для него кафедру.

Первый курс А. Мицкевича охватывал историю литературы славянских народов (главным образом русского и польского) до XVIII в. и вызвал большой интерес (глубокие познания А. Мицкевича в области славянских литератур отмечал и А. С. Пушкин: «Поэт Мицкевич, зоркий и тонкий знаток славянской поэзии...»). Его лекции систематически посещали Ю. Немцевич, Жорж Санд, Ш. Сент-Бёв, Мишле, Н. И. и А. И. Тургеневы. Лекции А. Мицкевича явились крупным событием в культурной жизни Парижа и привлекли внимание не только славян, но и французов, открывая для них мир совершенно им неизвестной поэзии. Французская печать помещала о лекциях восторженные отзывы и широко освещала их.

Курс лекций, посвященный славянской литературе, вызвал живой интерес и в России; с ним были хорошо знакомы Герцен, Белинский, Вяземский, Аксаков, Тютчев (из русских авторов А. Мицкевич — кроме летописей и «Слова о полку Игореве» — рассматривал творчество Ломоносова, Кантемира, Тредиаковского, Державина, Карамзина, Дмитриева, Жуковского и, наконец, «своего друга» Пушкина). Эти лекции были впоследствии изданы отдельной книгой.

Вступительная лекция А. Мицкевича состоялась 22 декабря 1840 г. Лекции читались на французском языке.

374. АЛЬФРЕД ДЮМЕНИЛЬ — РОДИТЕЛЯМ

Париж, 7 января 1841

[...] Я посещаю этот курс вместе с госпожой Санд, которая присутствовала на двух последних лекциях; на второй она все время стояла, поскольку опоздала. [...] Она приходит со знаменитым пианистом Шопеном и возвращается в его экипаже. [...]

Отрывок. Hoesick F. Chopin, t. 2, s. 358.

375. МИКОЛАЙ ШОПЕН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, 9 января 1841

Мой дорогой Фридерик.

Твое последнее письмо мы получили в канун Рождества, в день, когда мы, как тут заведено, если ты помнишь, собрались всей семьей на традиционный ужин и для того, чтобы устроить детям твоей сестры Gwiazdke*. Как радовались эти милые малыши при виде стольких подарков, подходящих к их возрасту! Ты бы получил огромное удовольствие, если бы мог увидеть, как они переходили от предмета к предмету, все время при этом подпрыгивая. Но довольно об этом.

Скажу тебе только, что я беспокоился, так как не мог предположить, что ты способен забыть день 6 декабря, и опасался, не состояние ли здоровья мешает тебе взяться за перо. Твое письмо, признаюсь, успокоило меня, и я благодарен тебе за него. Мое дорогое дитя, я одобряю хорошее мнение молодого человека — ты знаешь, кого я имею в виду, — о тех двух лицах, о которых я тебе говорил; время покажет ему, был ли я прав или нет. Однако, как говорил Доктор Панглос в *Кандиде*, в конечном итоге все к лучшему¹, и с характером столь легким этот юноша мог бы, полагаю, иметь большие неприятности... Сестры напишут тебе об этом побольше, а г-жа Анат[ольева Накваская] доскажет детали.

Мы очень рады, что ты обеспечен надлежащим уходом — как ты нам сообщал, — но нам было бы очень интересно узнать немного больше об этих дружеских отношениях². Я получил вчера по почте из Петербурга очки и стекла, которые ты мне прислал; я пользуюсь ими сейчас, когда пишу тебе, и благодарен за оказанную мне услугу. Я с удовольствием

* Рождественскую елку (польск.).

прочел пожелания славного Антося, а также и почтенного В[одзиньского]; передай им мою признательность. Тут был твой друг Тытус, он немного нездоров и намерен поехать в Грейфенберг из-за боли, которую он ощущает от нарыва, постепенно вздувающегося на груди, между кожей и костью. Что касается нас, то у нас все идет помаленьку, за последние три месяца я едва ли выходил больше трех или четырех раз; к счастью, у меня нет дел, вынуждающих меня покидать комнату, а твоя добрая мать, хоть иногда и прихварывает, держится еще неплохо. Искренне говоря, только наши сердца остались все теми же, сохраняя всю силу привязанности к детям, среди которых и ты не забыт.

Итак, мы нежно обнимаем тебя.

III.

Живн[ый] передает тебе привет, Скар[бек] доволен. Эльснер чувствует себя хорошо и, как мне говорили, сейчас сочиняет главным образом духовную музыку.

[Приписка Людвики Енджеевич:]

С[его], 9 января 1841

Дражайший Фрыцю.

Пусть новый год будет еще более счастливым, чем все самые дорогие Тебе годы, и пусть бы мы все провели его в добром здоровье; а в следующем — ибо я получила обещание, которое до сих пор было всего лишь иллюзией, — мы смогли бы, и в самом деле, Тебя обнять. Не знаю, в Париже ли уже п[ани] Анато[льева Накваская]; бедняжка, дела сложились иначе, чем она предполагала. Не знаю, устно или письменно она успокоит Тебя о нашем здоровье, полагаю, однако, что ее прибытие опередит это письмо; поэтому мы даже отвечаем Тебе не сразу после получения Твоего письма, ибо Ты будешь ею немного успокоен. Она отвезла Тебе туда третьего, а вернее, второго бутуза³, твоего крестника, который является суммой Генрыся и Людки, — похож на обоих. Ты получил бы и [портрет] Людки, но так как распухший нос сильно ее изменил, то родительское тщеславие оставляет это на потом, когда все вернется к естественным размерам. Здоровье всех наших довольно хорошее, дай бог, чтобы так был весь год.

Начался карнавал, но мы еще словно не знаем этого. А ты как думаешь проводить его в этом году? Спокойно, или будешь чаще выходить? Я не могла достаточно надивиться, что Ты собирался сидеть дома во время всех этих парижских курьезов⁴; я частично догадываюсь о причинах, но все же мне не думалось, что ты усидишь дома.

Весь вчерашний вечер я всей душой была с Тобой. Пришли Бжовские и Стрончиньские ([жена которого —] дочка Бенковского), и дети по случаю Трех волхвов устроили ясельки; после этих яселек была «Шопа»⁵ другого рода. Маленькая Ядвиня Бжовская играла нам Тебя, потом он сам немного, и хотя он сказал, что только два человека на свете умеют играть: Шопен ([он произносит] шопэ à la Дмушевский) и Лист, однако было приятно слушать хотя бы эти слабые отзвуки. Я люблю этих людей, потому что они ценят Тебя, а раз сумели оценить — значит

должны обладать сердцем и душою. Он хвалил мне одну из Твоих песенок, чудесную, трогательную, которую любил слушать; что-то вроде этого:

Не мог ли бы Ты при случае прислать мне ее⁶? Когда захочется, когда вспомнишь об этом.

Странные вещи происходят на свете, они подчас лишают человека иллюзии, а я так не хочу от них отказываться, так не смею лишать себя этого самого милого счастья людей здесь, на земле! Я создала себе в воображении подлинно просвещенный мир, такой возвышенный, благородный, великий, чистый, что все, не отвечающее этому, болезненно раздражает, и хотя многие вещи поддаются объяснению, эти объяснения диктуются скорее самовнушением, нежели действительностью.

Стало быть, Юзё женится на Марыне, Марыня выходит за Юзё, и в мае, вероятно, состоится свадьба⁷. Все удивляются этому браку, их выбору; а что об этом Антось? Крепко поблагодари его за приписку, — и Мери тоже; они славные, передай им сердечный привет. Граф Юзё, которым все довольны, имеет 400 000 и имение по соседству с панной; он моложе ее всего на несколько лет, ему всегда хотелось иметь такую жену, которая бы им руководила, а не он ею. Повсеместно считают, что насколько он выигрывает от своего неожиданного выбора, настолько другая сторона теряет. Таково, по крайней мере, мнение каждого, кто об этом слышал и знает этих лиц или лично, или с чужих слов. Пусть бог даст им счастья и позабудет [о прошлом]. [...] Бабушка кричит — кончай, потому что как раз пришла сюда и носит Твоего тезку, а между тем торопится домой. Так что я вместе с мужем обнимаю Тебя — от всей души, и в каждый пальчик целую.

Все кланяются, и Нак[ваской], когда увидишь ее. Детишки дядюшке целуют ручки.

Отрывок.

¹ Доктор Панглос — один из героев философской повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1759), который, несмотря на несчастья, обрушившиеся на него, неизменно утверждал, что «все к лучшему в этом лучшем из миров».

² Намек на взаимоотношения Ф. Шопена с Жорж Санд.

³ Фридерик Енджеевич.

⁴ Вероятно, имеются в виду торжества по переносу праха Наполеона I в Дом Инвалидов (15 декабря 1840 г.).

⁵ В оригинале игра слов: szorka (польск.) — ясельки, по звучанию в винительном падеже произносится как имя Шопена. Ясельки, вертеп — так называют в Польше, а также на Украине, Белоруссии и в некоторых местах Сибири представление, изображающее рождество Христа и связанные с ним события.

⁶ Ни в одной из изданных Ю. Фонтаной песен Ф. Шопена не содержится подобного мелодического оборота. Возможно, впрочем, что он принадлежит одной из существовавших, но не записанных Шопеном его песен. Песен Шопена было, несомненно, больше, чем известно нам. Так, 2 июля

1852 г. Ю. Фонтана писал Л. Енджеевич: «[...] Несмотря на мои неоднократные просьбы, Фридерик их [песни] так и не записал, откладывая всякий раз на завтра. Эту судьбу разделили и *Песни Януша* [речь идет о сборнике Винцента Поля «Песни Януша», изданном в Париже А. Еловицким в 1834 г.], которых он сочинил 10 или 12 и которые были, если это возможно, еще более возвышенными и задумчивыми, чем предыдущие. Эти, к несчастью, погибли наверняка безвозвратно [...]».

Возможно, однако, и то, что Людвика, записывая по памяти мотив, сыгранный или спетый ей Бжовским, до неузнаваемости исказила мелодию. Подробнее см.: Hoesick F. Chopin, t. 2, s. 105—106.

⁷ Речь идет о предполагавшемся браке сына Фридерика Скарбка, Юзефа с Марией Водзиньской. Одной из причин этого брака было трудное материальное положение Водзиньских и большое состояние Скарбков. Как известно, этот брак не был счастливым и закончился разводом (1848).

376. ЭРНЕСТ ЛЕГУВЭ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 20 января 1841

Какой же вы великий целитель! М-ле Шпитц была в постели, г-жа Ганглер — не в состоянии двигаться, я им показал ваше письмо: насморк и ревматизм исчезли! Какая жалость, что вы не достаточно любите себя самого, чтобы тоже излечиться.

Сообщите мне, пожалуйста, адрес г-на Франкомма.

До вечера, — вот слово, которое приятно писать.

Ваш

Э. Легувэ

Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 3, p. 42.

377. ЭУСТАХИЙ ЯНУШКЕВИЧ — НЕВЕСТЕ ¹

Париж, 20 января 1841

[...] У Мицкевича все больше слушателей, он все смелее вскрывает новые и новые горизонты в обширной области славянства. Вчера он говорил о языке славян, о его возникновении, о его достоинствах. Мы слушали его с несказанным наслаждением. Пани Жорж Санд сидела рядом с ним, а около нее стоял Шопен. [...]

Отрывок. Hoesick F. Chopin, t. 2, s. 358.

¹ Речь идет о баронессе Эугении Ларисс.

378. ОГЮСТУ ЛЕО В ПАРИЖ

Париж, 1841 (?)

Дорогой Г-н Лео.

Я харкаю кровью, и мой врач запретил мне разговаривать, — поэтому извините меня, что вынужден вернуть мою

роль¹, и примите мои сожаления по поводу завтрашнего обеда.

Ваш преданный
Ф. Шопен.

Оригинал на французском языке.

¹ По-видимому, речь идет о каком-то любительском спектакле.

379. ОГЮСТУ ФРАНКОММУ В ПАРИЖ

Париж, 1841 (?)

Дорогой друг.

Извинись за меня, пожалуйста, перед г-жой Ганглер — но вот уже час, как у меня кровохарканье, и Матушиньский вместо обеда кормит меня лекарствами — и я отправляюсь в кровать вместо того, чтобы пойти ее слушать.

Весь твой
Ф. Ш.

Зайди ко мне по дороге.

Оригинал на французском языке. Адрес: «M. Franchomme/V-Ile du Roi/17, Rue du Sentier».

380. ОГЮСТУ ФРАНКОММУ В ПАРИЖ

Париж, 1841 (?)

Дорогой друг.

Я жду тебя нынче в шесть часов на обед в кафе Фуа (напротив г-на Капа, на моей улице). Потом я отвезу тебя домой. Ты переоденешься, и мы отправимся к Кинартону, который между шестью и семью часами пошлет за твоей женой. Договорились?

Весь твой
Ф. Ш.

Оригинал на французском языке. Адрес: «A Monsieur Franchomme, Professeur de Musique, rue du Sentier, № 17».

381. ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК — ЭВЕЛИНЕ ГАНЬСКОЙ

Париж, 15 марта 1841

Париж, 15 марта 1841

[...] В прошлом году Жорж Санд не выезжала из Парижа. Она живет на улице Pigalle [№] 16, в глубине сада, позади каретного сарая и конюшни дома, выходящего фасадом на улицу. В столовой у нее мебель

резного дуба. Ее маленькая гостиная цвета кофе с молоком, а гостиная, в которой она принимает, уставлена прекрасными китайскими вазами, полными цветов. Цветы всегда и в жардиньерке, на мебели зеленая обивка, в горке масса всевозможных редкостей, на стене висят картины Делакруа и ее портрет работы Каламатта.

Отрывок. Б а л ь з а к О н о р е. Собр. соч. в 24 тт., т. 23. М., 1960, с. 310.

ся создателем как *пианистической*, так и *композиторской школы*». В своей рецензии Ф. Лист («*La Revue et Gazette Musicale de Paris*») писал: «Если его имя менее громко, если его голову окружает нимб менее светозарный, чем автора «Конрада Валленрода» и «Книги пилигримства» [А. Мицкевича], то это не потому, что он не столь же глубок в чувствах, но потому, что инструмент, при помощи которого он выражает их, менее совершенен, более ограничен в своих возможностях...».

383. ГЕНРИХ ГЕЙНЕ — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, вероятно, 19 апреля 1841

Мой дорогой Шоп!

Я прошу Вас вручить билеты¹ моей служанке, но вместо двух я прошу вас дать мне три.

Позднее я объясню мою просьбу.

Надеюсь, что вы сегодня хорошо себя чувствуете.

Весь ваш

Генрих Гейне.

Понедельник.

¹ Речь, вероятно, идет о билетах на концерт Ф. Шопена, состоявшийся в понедельник 26 апреля 1841 г. в зале Плейеля.

384. ГЕНРИХ ГЕЙНЕ — В АУГСБУРГСКУЮ «ALLGEMEINE ZEITUNG»¹

Париж, 20 апреля 1841

[...] Пусть от меня не ждут слишком радостной хвалебной песни в честь человека, вокруг которого сейчас в бешеном, ликующем восторге толпится здешний свет, — в особенности же истерические дамы, — и который в самом деле является одним из замечательных представителей музыкального движения. Я говорю о Франце Листе; это гениальный пианист. [...] Перед ним исчезают все, за исключением одного — Шопена, этого Рафаэля фортепиано. Действительно, за исключением этого единственного, все прочие пианисты, которых мы слышали, в этом году в бесчисленных концертах, — только пианисты; [...]

Отрывок. Гейне Г. Лютеция. — Полн. собр. соч., т. 9. М.—Л., 1936, с. 149—150.

¹ Генрих Гейне в течение ряда лет был парижским корреспондентом аугсбургской «*Allgemeine Zeitung*». Его статьи, написанные в виде писем, появлялись в газете без подписи автора. В 1854 г., собранные вместе, эти корреспонденции вышли отдельной книгой, названной «Лютеция». Сам автор называл свои письма-корреспонденции «книгой исторических дагерротипов».

385. АСТОЛЬФ ДЕ КЮСТИН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, 27 апреля 1841

Мой дорогой Шопен!

Вы напомнили мне самые прекрасные дни в Сен-Грасене и в Париже; я нашел вас, а с вами и фортепиано без его недостатков, без звуков ради звуков, с мыслями, которые вы выражаете помимо инструмента, ибо когда вы играете — звучит не фортепиано, а душа. Вы восхитили меня, как в наши лучшие времена. Если бы я умирал — вы бы воскресили меня; ибо в этом случае — в это я еще верю — вы бы пришли ко мне...

Трудно найти таких друзей, как вы! стремишься им оказать услугу, а их успех совершается сам собой: о них посылаешь статью в газету, а тебе отвечают: и только-то? об этом можно сказать куда больше; говоришь всем знакомым: идите на концерт Шопена, а каждый отвечает: у нас вот уж неделя как есть билеты, и мы тщетно просим их для друзей; их больше нет!..

Польша несчастна лишь в целом, но каждый сын ее наделен своей особой звездой, которая его утешает при общественных бедствиях.

Я уезжаю надолго и отправляюсь в далекие края, и я бы не утешился от этой новой разлуки, если бы у меня не было подчас надежды услышать вас так, как в этот вечер. Вы привлекли обаянием своей изысканности всех подлинных любителей Парижа: аудитория была превосходно подобрана; но я, когда слушаю вас, чувствую себя всегда наедине с вами, возможно, с чем-то лучшим, чем вы! по крайней мере, с лучшим, что есть в вас.

Простите меня за всю эту болтовню; но все эти вещи я бы хотел высказать вам, а между тем не решился бы сделать это в глаза.

Вы знаете, что можете сделать со мной все, что вам угодно, однако вы не хотели поверить, что обладаете равной властью и над другими; мне досадно за себя и радостно за вас, видя, сколь вы были несправедливы к публике.

А. де Кюстин.

Вторник утром

386. АДОЛЬФУ ГУТМАНУ В ПАРИЖ

Париж, апрель 1841

Дорогой Друг.

Тебе надо повидать г-жу Букто из Руана, которая осталась в гостинице Императоров, на rue de Grenelle Sainte Honoré, № 22.

Дело касается занятий с ее дочерью.

Она будет у меня завтра в 9 ч[асов] утра.

Если Ты свободен, зайди ко мне. Надо, чтобы она играла, а в Париже они пробудут недолго.

В[есь] т[вой] III.

Оригинал на французском языке. На автографе помета рукой А. Гутмана: «Avril 1841».

387. ФИРМЕ «БРЕЙТКОПФ И ГЕРТЕЛЬ» В ЛЕЙПЦИГ

Париж, 4 мая 1841

Милостивые государи.

Несколько месяцев тому назад я получил от вас письмо, в котором вы любезно предлагали мне издавать, как и ранее, мои сочинения, однако там ничего не говорилось о *Вальсе* (изданном в Париже у Пачини), который я счел уместным в свое время послать вам.

Поскольку у меня сейчас имеется несколько сочинений, предназначенных к изданию (между прочим, *Allegro de concert*¹, *Фантазия*² и т. д.), я хотел бы, прежде чем вступать в переговоры по поводу этих новых сочинений, просить вас оказать мне любезность ответить в двух словах относительно *Вальса* и выслать причитающуюся мне сумму согласно расценкам на мои последние сочинения.

Жду вашего незамедлительного ответа.

В[есь] В[аш] Шопен..

5, Rue Tronchet.
Париж, сего 4 мая 1841

Оригинал на французском языке.

¹ *Allegro de Concert* op. 46.

² *Фантазия f-moll* op. 49.

388. СЕВЕРЫНУ ГОЩИНЬСКОМУ В ПАРИЖ

Париж, вероятно начало 1841

Прошу Тебя, не откажи мне завтра, в четверг, отобедать с Витвицким и Гжималой. Я жду тебя у себя в 5^{3/4}. — Если же Ты свободен вечером, то позволь также представить Тебя у пани Марлиани, где Ты увидишь нескольких интересных людей.

Итак, я жду Тебя завтра.

Ф. Шопен..

Среда утром

389. АНТОНУ ШИНДЛЕРУ В ААХЕН

Париж, 22 мая 1841

Дорогой Maestro!

Позвольте мне рекомендовать вам молодого композитора, имя которого вам наверняка знакомо. Г-н Алари проведет несколько дней в вашем городе — и он очень хотел бы завязать столь интересное для него знакомство.

Весь ваш
Шопен.

22 мая 1841, Париж

Оригинал на французском языке. Адрес: «Monsieur/Monsieur Schindler/Maitre de Chapelle/à Aix-Chapelle».

390. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, около середины июня 1841

Мой Милый.

Посылаю Тебе сто франков на разные расходы, из которых прежде всего возьми на Шаривари¹, уплатишь за квартиру (освещение), заплатишь дома привратнику за письма, цветочнице, которая напоминает о шести [франках]. Купишь мне у Houbigant на Faub[ourg] Saint-Honoré мыло benjoin², две пары шведских перчаток (найдешь где-нибудь в шкафу старую на мерку), флакон patchouli*, флакон bouquet de Chantilly **... В Palais Royal, в галерее на той стороне, где театры, почти посередине, находится большой магазин галантереи (как у нас говорят); у него две витрины, где выставлены разные шкатулки, штучки и безделушки, блестящие, элегантные и дорогие.

Спроси там, нет ли у них ручки из слоновой кости для почесывания головы. Тебе, наверное, не раз приходилось видеть подобную штуку: маленькая белая рука, обычно с согнутыми пальцами, насаженная на черную палку. Мне кажется, я там видел такую; спроси, и Тебе скажут. Так вот, отыщи эту штуку и пришли, если она, п б, не дороже десяти, пятнадцати и даже тридцати [франков].

Пусть Плейель даст Тебе экземпл[яр] моих Прелюдий, а у Шле[зингера] возьми все мои Этюды. Если у Сюсса есть мой бюстик Дантана³, купи два и вели хорошенько упаковать в дорогу; если нет, сходи, прошу Тебя, к Дантану, который живет на Saint-Lazare, там, где Алькан (обними последнего, когда

* Пачули (франц.).

** Букет Шантийи (франц.).

увидишь), и спроси, можно ли их получить и где достать (заодно напостижи ему о моем бронзовом, который он должен был приказывать отлить). В шкафчике наверху найдешь плоскую жестяную бутылку, обшитую фланелью, которую кладут с теплой водой на живот, а также новую надувную подушку, ту, которую я купил для дороги. Прибавишь еще к этому Кастнера⁴ и пришьешь, запаковав (впрочем, у тебя *embaleur** напротив): вели уложить в ящик соответствующей величины, хорошо упаковать и пришли мне *par** Laffite et Cayard*, адресовав мне так же, как письма. Поторопись, очень Тебя прошу.

Остаток денег спрячь на другие посылки. Шлезингеру не плати и не откладывай из-за него [отправку], если бы у него не оказалось Кастнера, но керубиновское *traité****, кажется, *du contrepoint****⁵* (не знаю точно заглавия), пришли непременно. Если он не захочет Тебе дать Керубини без денег, то заплати, потому что, может быть, это издание самого Керубини, а он [Шлезингер] только комиссионер. Через несколько дней напишу через Тебя Трупена. Обнимаю Тебя, потому что почта отходит. Прости меня, старина, но письмо получишь в воскресенье. Отправь [все] в понедельник.

III.

¹ «Le Charivari» — французский юмористический журнал (1832 — 1866), основанный журналистом и карикатуристом Шарлем Филиппоном. В 30-х гг. журнал объединил вокруг себя прогрессивных сатириков и карикатуристов, находившихся в оппозиции к режиму Июльской монархии, и высмеивал Луи Филиппа, крупную промышленную и финансовую буржуазию. Ф. Шопен был постоянным подписчиком «Шаривари».

² *Benjoin* — бензой, росный ладан, смола коры бензойного дерева, растущего в юго-западной Азии; употребляется в медицине и парфюмерии.

³ Этот бюст Шопена был сделан в 1841 г. известным французским скульптором, лауреатом Римской премии, Жаном Пьером Дантаном в гипсе и отлит в бронзе на парижском литейном предприятии братьев Сюсс, которые в те годы держали магазин в Париже на *Place de la Bourse*.

⁴ Речь идет об учебнике И. Кастнера «*Théorie abrégée du Contrepoint et de la Fugue par...*» — «Краткая теория контрапункта и фуги». Paris, 1839.

⁵ «Учебник контрапункта и фуги» — «*Cours de Contrepoint et de Fugue*» par L. Cherubini. Leipzig. Из этого курса контрапункта сохранились три фуги, переложенные Ф. Шопеном для фортепиано.

391. ЖОРЖ САНД — МАРИ ДЕ РОЗЬЕР В ПАРИЖ

Ноан, 20 июня 1841

[...] Теперь скажу вам кое-что о наших тайнах. Здесь существует против вас раздражение, которое не знаю чему приписать и которое похоже на болезнь. Я полагаю, что раз уж тот повод неудовольствия

* Упаковщик (франц.).

** Через (франц.).

*** Исследование (франц.).

**** Контрапункт (франц.).

устранен, то этот новый пройдет сам собой. Но, право, я не знаю, чем вы могли так сильно его оскорбить. Он [Шопен] очень зол на вас, хотя и не говорит ни единого слова, которое вы бы не могли слышать; вы знаете, что у него, в сущности, в сердце нет ни малейшей горечи, да и действительной причины к тому, относительно вас у него не имеется. Но он вам вменяет в вину мою дружбу к вам и то, как я защищала ваши права на независимость. Так, к несчастью, бывает всякий раз, когда я принимаю чью-либо сторону против его мнения и суждения, и его досада тем сильнее, чем сильнее я дорожу этой личностью и чем горячее ее защищаю.

Если бы я не была вот уже три года свидетельницей таких болезненных, внезапных увлечений и разочарований, я бы ничего не понимала, но, к сожалению, я слишком к ним привыкла для того, чтобы в этом сомневаться. Поэтому я остерегалась говорить с ним о несессере или прочесть ему те фразы вашего письма, которые к нему относятся. А то бы хватило на целые сутки молчания, огорчения, страдания и странностей.

Я постаралась вернуть ему хорошее настроение, сказав, что В[одзиньский] не придет, что он может быть в этом уверен. Он так и подскочил, говоря, что если я в этом уверена, так это, конечно, потому, что я передала, в чем дело. Тогда я сказала, что да, — и подумала, что он сойдет с ума. Он хотел уехать, он говорил, что я его выставляю сумасшедшим, ревнивцем, смешным, что я его ссору с лучшими друзьями, что все это происходит от сплетен, которые мы с вами наболтали; и т. д. и т. д. До сих пор я говорила со смехом, но видя, что это его так больно огорчает и что урок слишком суров, я отказалась от своих слов и сказала, что устроила ему ловушку, чтобы его наказать, и что ни вы, ни В[одзиньский] ни о чем не подозреваете. Он этому поверил и сразу пришел в себя. [...] Все это очень несправедливо и может извиняться лишь состоянием его здоровья, которое так же странно, как и его характер. [...] У меня никогда не было покоя, а с ним никогда и не будет. [...] Но с этим отчаянным складом натуры никогда ничего нельзя узнать. Третьего дня он провел весь день, не сказавши ни слова кому бы то ни было. Был ли он болен? Рассердил ли его кто-нибудь? [...] я не хочу, чтобы он считал себя хозяином и господином. От этого он сделался бы впредь еще более придирчивым, и, одержав эту победу, он был бы сам в отчаянии, ибо не знает, чего он хочет и чего не хочет. [...]

Отрывок. Каренин В. Жорж Санд, ее жизнь и произведения, т. 2, с. 424—425.

392. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 20 или 27 июня 1841

Воскресенье

Посылаю Тебе *Тарантеллу*¹. Будь добр, перепиши, но прежде сходи к Шлезингеру или к Трупена и посмотри *Recueil** песен Россини лучше тот, что издан им самим, где есть *Та-*

* Сборник (франц.).

рантелла (en la), написанная, не знаю, на $\frac{6}{8}$ или на $\frac{12}{8}$. Пишут и так и этак, но я предпочел бы, чтобы было, как у Россини.

Итак, если на $\frac{12}{8}$, или, что тоже может быть, на

триолями, то, переписывая, сделай из двух тактов один. Понимаешь, милый? Будет, значит, так:

Также вместо знаков повторения выпиши, прошу Тебя, все. Поторопись и передай это Лео вместе с моим письмом к Шуберту. Знай, что он уезжает из Гамбурга до 8-го будущего [месяца], а я не хотел бы потерять 500 фр[анков]. Что касается Трупена, то время терпит. И если в моей рукописи неверно указан размер, то ты не отдавай ее, а только перепиши еще раз и, кроме того, перепиши еще в третий раз для Весселя.

Тебе надоест переписывание этой пакости, но я надеюсь, что в ближайшее время ничего более гадкого не напишу. Также посмотри, прошу Тебя, номер последнего сочинения, то есть номер последних Мазурок или же Вальса, изданного у Пачини, и следующий номер дай Тарантелле. Я спокоен, так как знаю, что ты ко мне расположен и обязателен. Предполагаю, что ты не получишь от меня больше ни одного столь обремененного поручениями письма. Ты был бы избавлен от этих неприятностей, если бы не то, что перед отъездом я мог быть дома только одной ногой. И это еще не конец. Шарль забыл жестяную, обшитую фланелью, бутылку для горячей воды на живот. Она выглядит так:

[Рисунок]

Если найдешь ее в шкафу, пришли, прошу Тебя. Купи мне также Витвицкого², потому что у меня его нет.

Сходи также в Palais Royal, купи мне в номере (кажется) 37, в галерее на той стороне, что театр, блузу, en toile crue* за 14 фр[анков], blouse de chasse fermé par devant, forme de chemise**. Если не [номер] 37, то 47 или 27, такой заурядный портной. Вид магазина такой:

[Рисунок с пояснениями: галерея, вход, коридор и т. д.]

Только у него есть такие блузы. Я купил у него неделю назад [блузу³]: хорошо сшита, два кармана на груди, перламутровые пуговицы и т. д.⁴. Не надо, Милый. Я раздумал. Если мне понадобится, то я напишу Тебе. Итак, займись Тарантел-

* Сурового холста (франц.).

** Охотничья блуза, застегивающаяся спереди, как рубашка (франц.).

лой и отдай ее Лео. Скажи Лео, чтобы полученные деньги он оставил у себя до моего приезда. Еще раз извини меня за мою назойливость. Сегодня я получил письмо от своих, которое ты мне прислал. Скажи привратнику, чтобы все мои письма отдавал Тебе. Не забывай меня.

Твой

Ш.

¹ Тарантелла As-dur op. 43.

² Речь идет о книге Стефана Витвицкого «Вечера пилигрима» («Wieczory Pielgrzyma»), т. 1.

³ По-видимому, именно в этой блузе изображен Ф. Шопен на двух известных карандашных портретах, сделанных Жорж Санд. Шопен высоко ценил эти рисунки; в 1844 г. Жорж Санд подарила их Людвиге Енджевич.

⁴ Отрывок письма от слов «И это еще не конец...» до «...на груди... и т. д.» зачеркнут Ф. Шопеном.

393. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 18 июля 1841

Мой Милый.

Посылаю Тебе письмо к Плейелю для Бухгольца, о котором мне отец действительно писал в своем письме. Я пишу также Плейелю, что я просил Тебя побывать у него относительно *louer**. Если у Тебя там Декабрь, то и здесь не лучше; сегодня ночью ветер с корнями повырывал огромные деревья, но эти 40 дней св. Медарда кончатся завтра¹, так что есть надежда на [улучшение] погоды.

Между нами разговоры о погоде!!! — Мой Милый, старый Брат, может быть, я когда-нибудь еще сыграю Тебе в сумерках, чтобы испросить прощения, — если ты еще будешь расположен слушать подобные мои оправдания. Обнимаю Тебя сердечнейшим образом, мой славный Юльян. Пиши.

Пусть Ясь, добрая душа, напишет мне словечко.

Ш.

Воскресенье ночью.

¹ Согласно польскому народному поверью, если в день св. Медарда (8 июня) идет дождь, то плохая погода продержится и следующие сорок дней.

* Плата за прокат фортепиано (франц.).

394. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 21 июля 1841

Мой Милый.

Побывай, прошу Тебя, с этим письмом у Плейеля и поговори с ним лично. Я прошу у него инструмент лучшего качества, потому что мой нехорош. Прежде чем запечатать, прочти [мое] письмо к нему. Из него Ты узнаешь, что я прошу тебя сообщить мне [его] ответ. Ответь мне сразу же, как только он сможет приготовить его к отправке, чтобы я мог уладить дело с посыльным в Châteauroux.

Сомневаюсь, чтобы он мне отказал или отложил на после. Однако, пусть даже так случится, не давай ему тумака, а только напиши мне. Еще раз прости меня за поручения, но это не последнее, не бойся.

Твой

Ш.

Пиши.

Среда.

Почтовый штемпель: «23 Juillet 1841».

395. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 26 июля 1841

Понедельник, ночью

Мой милый.

Спасибо Тебе за письмо из дому и прошу тебя, отдай это письмо на биржу (только, прошу тебя — сам). — Перепиши еще раз *Тарантеллу* для Весселя и отдай мою рукопись *Трупена* (то есть à Мг. Массэ). Прочти письмо, которое я пишу ему, запечатай его и сообщи мне день выхода *Тарантеллы* в Гамбурге, если ты его знаешь, то есть, если Шуберт мне ответил. (Это значит, что если придет для меня письмо из Гамбурга, то распечатай его, посмотри и тут же скажи *Трупена*; в этом случае также пошли по почте Весселю *Тарантеллу* и напиши ему день выхода.) Я очень тебе благодарен за письмо Яся, — как я уже писал тебе — я ответил ему. — Что касается Тебя, то отнеси деньги, полученные от *Трупена*, Альбрехту по расчету или в счет последней части долга за rue Pigal[le]. Пусть он даст мне счет, чтобы я знал, сколько ему причитается. Обними его от всего сердца и пожелай им счастья. — Они оба стоят его.

Если увидишь Лео, то очень вежливо поклонись ему. Люби меня по-прежнему и не сердись за поручения — представь себе,

что мы на уроке Макарто¹, — представь себе, что у меня нос все длиннее, а ум короче — и что еще через 30 лет [от нас не останется] ни слуху ни духу. — Порадуйся, что у тебя нет ревматизма или *goutte* *, — либо что ты не похож на старого Воловского, либо что тебя не постигло какое-либо подобное несчастье. — Утешь себя этим — это и мое единственное утешение, хотя я и больше похож на Воловского, чем ты.

Твой неизменно искренний.

Ф.

[Сбоку приписка:]

Не удивляйся формату — но иначе нельзя.

На бумаге с инициалами Жорж Санд. Адрес: «Monsieur Monsieur Jules Fontana, Paris, 5, rue Tronchet».

¹ Возможно, Макорней.

396. ФИРМЕ «ШУБЕРТ и К^о» В ГАМБУРГ

Париж, 29 июля 1841

Милостивые государи.

Пересылая вам *Тарантеллу*, я просил вас сообщить мне о времени, когда вы рассчитываете выпустить ее в свет.

Не получив ответа на свой вопрос, я вынужден повторить его — надеясь на быстрое уведомление, — дабы я мог удовлетворить запросы Гг. издателей в Париже и Лондоне.

Соблаговолите принять уверения в моем почтении.

Ф. Шопен.

5. Rue Tronchet
29 Июля 1841

— прочтите на обороте —

в конце, или там, где написано *sempre animato* и *crescendo* в 8-м такте, должно быть написано в басу (+) *fa-bemol* (*fes*) вместо *la-bemol* (*as*), как поставил переписчик... [следуют такты 39—36, считая от конца *Тарантеллы*] — то же самое 8 тактов дальше... [следует такт 28, считая от конца *Тарантеллы*] (+) (*fa-bemol*) *fes* вместо *as*.

Оригинал на французском языке.

* Подагры (франц.).

Ноан, 29 июля 1841

Мой Милый

Раз ты уж столь добр, то будь таким до конца. Пойди в Roulage*, то есть к Mr. Hamberg et Levistal successeurs de Mr. Corret fils aîné et C^{nie}: Rue de Marais St. Martin № 51, а Paris, и вели им сейчас же послать за фортепиано к Плейелю, чтобы его можно было отправить на следующий день. Roulage'у вели отправить его par envoyé accéléré et non ordinaire**. Это стоит дороже, но идет гораздо быстрее.

Будет стоить, кажется, 5 фр[анков] с центнера. Я здесь заплачу, а Ты только возьми квитанцию или расписку, в которой пусть напишут, сколько оно весит, когда пойдет и когда обязуются доставить его в Châteauroux. Это тот roulage***, что идет прямо в Тулузу и по дороге только сгружает вещи, поэтому надо, чтобы адрес на фортепиано Плейеля был не à la Chatre, но à Mme Dudevant à Châteauroux (как я написал сверху). Комиссионная контора в Châteauroux знает об этом и сейчас же пришлет его мне. Эту расписку я хочу только затем, чтобы больше обязать roulage; мне ее присылать не надо, потому что она могла бы понадобиться только на случай каких-нибудь возможных недоразумений.

Здесь в Châteauroux, комиссионер говорил, что par accéléré**** придет из Парижа за четыре дня. Поэтому пусть они обязуются доставить в Châteauroux за четыре или, самое большее, за пять дней. Итак, вели адресовать à Châteauroux (скажи Плейелю, что я на этих днях письменно поблагодарю его). Возьми квитанцию на accéléré***** у п[анов] Hamberg et Levistal. Поторопись и напиши мне милое письмо. Теперь о наших делах. Если тебе Плейель не по душе и ты полагаешь, что Эрар будет лучше, то перемени, но не делай этого легкомысленно: убедись, в самом ли деле Эрар будет услужлив. Не знаю, почему ты должен держаться за Плейеля, если тот услужливее; даже selon toutes probabilités***** там должны быть к Тебе любезны. Что касается Тарантеллы, то запечатай и отправь это письмо в Гамбург.

Опасаясь, чтобы это письмо не опоздало, о других вещах, о Трупена и т. д. я напишу Тебе завтра, а сейчас обнимаю Тебя

III.

* Транспортная контора (франц.).

** Ускоренным, а не обычным транспортом (франц.).

*** Фургон (франц.).

**** Скорым (франц.).

***** Срочным (франц.).

***** По всей вероятности (франц.).

Антося поблагодари за добрые намерения. Но я не буду обременять его никакими поручениями. Пожелай ему счастливого пути¹. Яся обними и скажи, чтобы писал.

Скажи Плейелю, что я письменно благодарю его.

[Сверху приписка:]

Адрес для фортепиано: M-me Dudevant à Châteauroux
bureau restent chez.

Mr. Vollant Patureoux.

¹ Антоний Водзиньский ехал в Польшу.

398. КАТЕРИНА ДИЛЛЕР ДЕ ПЕРЕЙРА — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Вена, 6 августа 1841

Вена, сего 6 августа 1841

Тысяча и тысяча благодарностей, мой дражайший друг, за милые слова, которые мне были адресованы через Мадмуазель Фридерiku Мюллер. Каждое слово, написанное вашей рукой, стоит столько же, сколько целая страница, — а сто фраз не сказали бы больше того, что я нахожу и читаю в этих нескольких дружеских словах, начертанных моим дорогим и добрым Фридериком, ибо они столь же просто, сколько и трогательно выражают ваши чувства и нежную память, которую вы обо мне храните.

Я нахожу в нем все, что составляет мою славу и счастье, и в ответ на ту огромную радость, которую доставило мне ваше письмо, я посылаю вам, с нашим дорогим другом Дессауэром, маленький кошелек, который я начала ко дню ваших именин. Он в точности такой же, какой я сделала для своего дорогого приемного сына — вашего брата¹ по выбору. Позвольте мне преподнести его вам — этот маленький сувенир — который несет цвета вашей родины — со всеми добрыми пожеланиями счастья [...]

Прощайте, — помните обо мне².

Катерина.
Матушка.

Отрывок.

¹ Фердинанд Хиллер.

² Существует шутивая дарственная надпись, сделанная Ф. Шопеном на литографии Энгельмана по рисунку Виньерона в «Album des Pianistes»: «F. Chopin Stifsohn [?] de Mme la B^{ne} Diller».

399. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 9—10 августа 1841

В ночь с 9 на 10 августа 1841

Мой Милый.

Благодарю Тебя за все Твои хлопоты, т[о] е[сть] девятого я получил фортепиано, а другие вещи два дня назад. Бюстик, мой дорогой, домой не посылай, оставь его в шкафу, а то они испугаются. Яся обними за письмо. Вскоре напишу ему не-

сколько слов. Вероятно, завтра я отошлю своего старого слугу, который здесь теряется. Это честный человек и служить умеет, но он неловок, и это вызывает здесь раздражение. Вероятно, я отошлю его, сказав, чтобы он ждал меня в Париже. Поэтому, если он появится у Тебя дома, то ты не пугайся — это единственный способ избавиться от него; скажи ему, чтобы он ждал меня дома, а через неделю или две придется написать ему, или что я вернусь позже, чем думал, или что-нибудь другое — и с богом. —

Впрочем, погода здесь не плохая¹. — Три дня человек ждал в Châteauroux фортепиано, и вчера, получив Твое письмо, я велел отозвать его; а какой тон у фортепиано, я еще не знаю, потому что оно не распаковано; только завтра произойдет это великое событие. Что касается недоразумений с *goulage**, то брось, не стоит связываться. Ты сделал, как только мог лучше; несколько капель испорченной крови да несколько потерянных на ожидание дней стоят лишь того, чтоб как следует высморкаться по окончании дела. Итак, забудь и мои поручения, и Свои хлопоты. В другой раз, даст бог, доживем, будет лучше.

Эти несколько слов я пишу Тебе поздно ночью. Еще раз благодарю Тебя за хлопоты, которым еще не конец, потому что дела Трупена будут висеть у Тебя на шее. Об этом я напишу Тебе подробнее в другой раз, а сейчас желаю Тебе спокойной ночи, и пусть Тебе не снится, как Ясю, будто я умер, а пусть снится Тебе, что я только что родился или что-либо подобное... И в самом деле, я стал сейчас таким кротким, словно дитя в пеленках, и был бы очень рад, если бы кому-нибудь захотелось водить меня на помочах, п. б., в хорошенько подбитой ватой шапке на головенке, потому что — чувствую — я бы ежеминутно спотыкался и падал. К несчастью, вместо помочей, меня, вероятно, ожидают костыли и клюка, если продолжать приближаться к старости теперешним шагом.

Как-то снилось мне, что я умер в больнице, и так это засело у меня в голове, что кажется — это было вчера. Если ты переживешь меня, то узнаешь, надо ли верить в сны; несколько лет назад мне снилось нечто другое, да не сбылось². Мне и сейчас грезится что-то наяву; грезится, какая-то, как говорится, белиберда; вот почему я пишу тебе такие глупости. Не правда ли? Пришли мне поскорее письмо из дому и люби старого

III.

Адрес на обороте: «Monsieur Monsieur Jules Fontana, 5, rue Tronchet, Paris». Почтовые штемпеля: «La Châtre 11 Août» и «Paris 12 Août 1841».

¹ Возможно, здесь подразумеваются настроения Жорж Санд.

² По-видимому, Ф. Шопен намекает на несбывшиеся надежды, связанные с Марней Водзиньской.

* Транспортной конторой (франц.).

400. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 10 августа 1841

Мой Милый.

Сегодня мой слуга окончательно уволен. Он уезжает и, вероятно, будет дома, то есть у Тебя, вместе с этим письмом. Если у него дома есть какие-нибудь вещи, отдай их ему или пусть он сам их возьмет. Ему заплачено сполна, он не может иметь никаких претензий. Прошу Тебя, мне бы не хотелось, чтобы он случайно оставался жить (у меня) в доме. Он в хороших отношениях с привратником, и тот мог бы ему это позволить. Знай, я с ним уже ничего общего не имею. Ты ни за что не бери его, потому что израсходуешь на него больше, чем он сам того стоит. Вчера ночью я написал Тебе письмо, сегодня пишу Тебе другое, что я уволил его полностью и окончательно, чтобы ты случайно не держал его дома.

Твой
Ш.

Почтовые штемпеля: «La Châtre 11 Août» и «Paris 12 Août 1841».

401. ЖОРЖ САНД — ШАРЛОТТЕ МАРЛИАНИ

Ноан, 13 августа 1841

Ноан, 13 августа 1841

[...] Я провела все дни с Полиной, гуляя или играя на бильярде. [...] Полина читает с Шопеном целые партитуры за фортепиано¹. Она, как всегда, добра и очаровательна. [...]

Отрывок. Hoesick F. Chopin, t. 2, s. 373.

¹ По имеющимся сведениям, П. Виардо с Ф. Шопеном проводила целые часы за инструментом, изучая музыку добетховенской эпохи: Палестрину, Порпору, Паэзиелло, Марчелло, Генделя, Глюка, Гайдна, Орландо Лассо, Жоскена де Пре, Баха и Моцарта. Она покинула Ноан 16 августа 1841 г.

402. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 18 августа 1841

Мой милый.

Благодарю Тебя за Твое доброе письмо. Распечатывай все, что сочтешь нужным. Не давай рукописи Трупена, пока Шуберт не сообщит дня выхода из печати. Скоро, вероятно, будет ответ через Лео. Жаль, что эта *Тарантелла* отправлена в Бер-

лин, потому что, как видно из письма Шуберта, Лист замешан в эти денежные дела¹, и я могу иметь неприятности,—поскольку я не велел отдавать рукописи иначе, как за деньги: щепетильный венгерец может подумать, что я не доверяю ему или что-нибудь подобное. Не знаю почему, но предчувствую, что будет неприятность. Больному Лео ничего не говори об этом, при случае побывай у него и поклонись ему от меня; поблагодари его (хотя и не за что), и извинись за беспокойство, потому что братья за пересылку было все же любезностью с его стороны. Поклонись также Плейелю, которого Ты увидишь, как только Пурталес пришлет тебе квартирную квитанцию (что известно Тебе и Плейелю). Скажи ему, пусть он простит меня за то, что я не пишу ему (не говори ему, что он прислал мне очень плохое фортепиано). Твоя молочница — это *épiciér** на rue [de] Castellane напротив du marché**. У него ежедневно по утрам бывает молоко.

Письмо к родителям, прошу Тебя, отдай сам, но только сам, на биржу до четырех [часов]. Прости, что утруждаю Тебя этим, но ты знаешь, как важно для меня письмо к моим. Вероятно, Эскюдье пришлют Тебе этот знаменитый альбом. Если хочешь, можешь сказать Трупена, чтобы он от моего имени попросил Эскюдье прислать Тебе один экземпляр для меня; но если он тебе не нужен, не трудись. Еще одно скучное дело: не торопясь, перепиши еще раз эту злосчастную *Тарантеллу*, которая будет отправлена Весселю, как только станет известен день [ее выхода из печати]. Если я Тебе так докучаю этой *Тарантеллой*, то будь уверен, что это в последний раз. Отсюда я Тебе, вероятно, не pošлю больше ни одной рукописи. Если через неделю не будет от Шуберта никаких известий, то, пожалуйста, напиши мне, но не докучай этим делом Лео. В таком случае Ты бы отдал рукопись Трупена. Но об этом я еще напишу. А пока сердечно обнимаю.

Твой
Ш.

Пиши, как только выберешь минутку.

Среда ночью

Почтовый штемпель: «La Châtre 18 Août 1841».

¹ В ноябре 1840 г. Ф. Лист писал из Гамбурга М. д'Агу: «...Одновременно я посылаю вам письмо Шопену от издателя Шуберта. Поддержите несколькими словами его просьбу о рукописях; так будет только лучше. У меня в самом деле нет времени писать ему [Шопену]...»

* Бакалейщик (франц.).

** Рынка (франц.).

Ноан, 20 августа 1841

Пятница ночью

Мой Милый.

Итак, я посылаю Тебе письмо к Бонно: прочти, запечатай и отправь, а если, проходя по улицам, на которых (Ты давно в этом разбираешься) я мог бы жить, Ты найдешь что-нибудь для меня подходящее, то напиши мне, пожалуйста. Теперь уже условие лестницы отпало.

Посылаю Тебе письмо к Дессауэру, которое я здесь получил из Австрии в письме пани Диллер. Не Ты ли мне его прислал? Но я не узнал Твоей руки. Оно пришло сегодня. Впрочем, это неважно. Дессауэр, должно быть, уже вернулся в Париж. Спроси у Шл[езингера], он, по всей вероятности, знает об этом. Шарль, вероятно, уже вернулся. Дессауэру много обо мне не рассказывай; даже не говори, что ищешь квартиру (даже Антосю, потому что он [передает] панне де Розьер, а она сплетница и из чего угодно устраивает saquets*, которые удивительным образом доходят ко мне даже сюда... Ты знаешь, как иногда из ничего вырастает то, что попадает ей на язычок, который все размажет и переиначит... Долго рассказывать, но самые невинные вещи, о которых я Тебе писал, таким путем вернулись ко мне de retro** выросшими в целых волос).

Ясю не пишу, но ты ему скажи, что напишу скоро. То, что ты пишешь о Польше, кажется мне любопытным; дай-то бог, но вряд ли это так. — Что касается несчастной *Тарантеллы*, то Ты, вероятно, отдал ее Трупена (то есть Массэ), а если сочтешь нужным, то пошли ее Весселю по почте. Попроси его сейчас же Тебе написать (и если Шуберт ничего не ответил, напиши ему словечко, чтобы он сейчас же Тебя уведомил, и сообщи Весселю). Тебе приходится писать много писем, но, может быть, это Тебя развлекает? Здесь уже несколько дней погода хорошая, но зато моя музыка — плохая.

Пани Виардо провела здесь две недели; музицировали меньше, нежели занимались другими делами. Пиши мне, прошу Тебя, что хочешь, но только пиши. Ясю [желаю] здоровья. Но, no! не забудь написать на экз[емпляре] Трупена: *Hamburg chez Schubert, Londres chez Wessel* и Весселю тоже. Дня через два пришлю Тебе письмо к Мекетти в Вену, которому я кое-что обещал. Если увидишь Дессауэра или Шлезингера, спроси их, нужно ли франкировать письма в Вену. Обнимаю Тебя. Будь здоров.

III.

* Сплетни (франц.).

** Обратно (лат.).

404. ПЬЕТРО МЕКЕТТИ В ВЕНУ

Париж, 23 августа 1841

Париж, 23 августа 1841
5, rue Tronchet

Дорогой Господин Мекетти.

У меня в настоящее время имеется рукопись, которую я готов предоставить в ваше распоряжение. Это род фантазии в форме полонеза, которую я намерен назвать — *Полонезом*¹.

Если цена в 25 луи[доров] для Германии вас устраивает, то не откажите в любезности написать мне словечко, извещая о способе взаимной пересылки, а также о времени опубликования. В противном случае — тоже напишите мне, чтобы я мог иначе распорядиться рукописью. Обращаюсь к вашей дружеской памяти.

Преданный вам
Шопен

Тысяча приветов и выражение моего почтения Господину Мальфатти и его семье.

Оригинал на французском языке.

¹ Речь идет о Полонезе *fis-moll* op. 44.

405. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 24 августа 1841

Вторник

Мой Милый.

Я получил сегодня Твое письмо, в котором ты мне пишешь о Трупена. Благодарю Тебя, следовало [получить] 300 [франков]. Благодарю Тебя также за Альбрехта. Ты, вероятно, уже получил мое письмо к Бонно. Вероятно, уже узнал, франкируются ли письма в Вену? Или, если Дессауэр приехал, посоветуйся, каким образом нужно отдавать на почту мое письмо к Мекетти. Это денежное дело, и поэтому я бы не хотел, чтобы письмо пропало где-нибудь в Австрии; ты ведь знаешь, как я люблю писать. Предлагаю новую рукопись (род полонеза, но скорее фантазия¹). Это первое.

Теперь другое. Побывай у Рота с письмом, которое прочитай и запечатай. Он живет на улице *Neuve de[s] Maturin* (рядом с Тобой), в одном из новых домов на улице *Mont-Blanc*. Знаешь, если идти от Тебя налево, тот дом с величественными воротами, в которые выезжают наискось, номер 6-й или 10-й. Так вот, в первом подъезде от ворот на антресолях живет доктор Рот. Если он Тебе скажет, что может раздобыть для меня токайского, то узнай почем и сейчас же

напиши мне. Я пошлю Тебе денег и инструкцию, как отправить это токайское в Марсель. Ты добрая душа и энергичен, вот почему я и обременяю Тебя поручениями. До сих пор ты все для меня делал великолепно. Только сегодня я прочитал в твоём письме одну вещь, которая мне была откровенно неприятна (но догадаться об этом ты никак не мог!!), — это то, что ты дал Антку мой бюстик.

Не потому, что он у него; не потому чтобы он мне был нужен или чтобы я им дорожил (не надо даже заказывать Дантану другого), но потому, что если Антось взял его в Поз[нань], то там будут новые saquets*, а у меня их и так достаточно. Если я не обременял Антоса никакими поручениями, то именно поэтому; ведь лучшей okazji и быть не могло. Но видишь ли, Антось не понял!!! А если он к тому же еще скажет своей панне! Ты-то понимаешь! А каким странным покажется Родителям то, что не они первые получают этот гипс. Они не поверят, что не я дал ему. В доме Антка я фигурирую не только как пианист². Некоторые особы поймут это иначе. Ты их не знаешь! Ко мне сюда все это вернется retro** в другом свете. Это вещи очень деликатные. Так уж случилось.

Пожалуйста, не говори никому того, что я тут написал; пусть это остается между нами. Если я не вымарал, то потому, что ты меня поймешь. Не упрекай себя ни в чем. Люби меня и пиши. Если Антек еще не уехал, оставь, пожалуйста, все как есть, а то будет еще хуже: он скажет все это панне де Роз[ьер]³, ведь он честен, но слаб! а она бесцеремонна и охотно показывает свою intimité*** с ним и охотно вмешивается не в свои дела, — размажет и из мухи сделает вола, как это уже было не раз. Это (между нами) несносная свинья, которая удивительным образом подкопалась под мой забор, роется и ищет трюфелей между розами. С этой особой лучше не связываться, потому что, к чему бы она ни прикоснулась, она проявляет неслыханную нескромность. Словом, старая дева. Мы, старые холостяки, гораздо лучше.

Узнай у славного Шарля, с какого времени он ко мне поступил, и я очень охотно дам ему свидетельство. Скажи ему теплое слово. Ясю я напишу. Обними его. Люби меня.

Твой
Ш.

Почтовый штемпель: «La Châtre 25 Août 1841».

¹ Полонез *fis-moll* op. 44.

² Намек на отношения с Марией Водзиньской.

³ Антоний Водзиньский флиртовал с Мари де Розьер.

* Сплетни (франц.).

** Обратно (лат.).

*** Близость (франц.).

406. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 1 или 8 сентября 1841

Мой Милый.

Благодарю Тебя за покупку у Рота, 200 бутылок для меня слишком много.— Прошу прощения за Твои разъезды — и посылаю рекомендацию Шарлю, который называется Луи.— Вероятно, ты уже получил ответ из Гамбурга. Если будешь посылать Весселю, напиши ему заодно, не хочет ли он новый Полонез, тот, что я пошлю в Вену.

Напиши также словечко — о том, что поделывает Ясь.— Я напишу ему. Пусть и он мне пишет. Обними Альбрехтов, Лео, если увидишь, а также Алькана.

Твой
III.

Среда

407. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 11 сентября 1841

Мой Милый.

Я получил все Твои письма и пакет Дессауэра. Хаслингер олух, хочет печатать — а вернее, отпечатал и хочет теперь опубликовать — вещи, которые я ему отдал даром в Вене лет двенадцать назад¹. Как Тебе это нравится? — Я ему ничего не отвечу или напишу соленое письмо, которое если пошлю, то не запечатаю, чтобы ты смог его прочесть. Что касается иллюзии Дессауэра относительно другого венского издателя, Мекетти, то я получил письмо от панны Мюллер, которая мне пишет, что он ничего не хотел дать Мендельсону за вещи для того же альбома, в который я предлагал тот Полонез.—

Статья Листа о концерте [со сбором] на Кёльнский Собор² очень меня позабавила; и пересчитанные 15 000 человек, и президент, и вице-президент, и секретарь фил[армонического] общества, и эта caleche* (ты знаешь, какие там экипажи), и этот порт, и этот пароход! — Он еще будет когда-нибудь депутатом — может быть, даже королем в Абиссинии или Конго — но что касается тем его композиции, то они будут почивать в журналах вместе с теми двумя томами немецкой поэзии. — Медаль Шлезингера с портретом королевы, клянусь, — это гиней³. — Что касается Антка — то я убежден, что его болезнь преувеличена. Но то, что ты мне писал, уже опоздало, так как его наследка⁴ сейчас же написала сюда чувствительное отчаянное письмо с излияниями Хозяйке⁵ — что она едет к нему —

* Коляска (франц.).

что она пренебрегает приличиями, этими жестокими приличиями! — что его семья — это гнусные дикари, варвары! Исключая только Накв[аскую], в которой она нашла подругу и которая дает ей паспорт своей гувернантки, чтобы она поспешила его спасти, — что она пишет столь кратко (три сплошь исписанных листа), потому что не знает, жив ли он, — что именно этого она и опасалась после ужасных прощаний и ночей, которые он провел в слезах, и т. п. и т. п. Палкой! палкой! Старую каргу! А что меня больше всего злит, ты же знаешь, как я люблю Антка, — это то, что я не только не могу ему помочь, но выглядит это так, словно я всему этому потворствую. Слишком поздно я спохватился — не ведая, что происходит, и не зная этой особы, рекомендовал это чучело в качестве *maîtresse* * фортепиано для дочери п[ани] Санд. Она проникла к ней в доверие и, строя из себя *victime* ** своей любви и разузнав мое прошлое от поляков, с которыми она встречалась по разным обстоятельствам, насильно втирается в *intimite* *** к п[ани] С[анд] (и не поверишь как ловко, какая совершенная пройдоха — и как сумела использовать мои отношения с Антосем). —

Вообрази себе, как это мне приятно, тем более что (как и ты мог заметить) Антек ее любит всего лишь как кого-то, кто к нему пристал и ничего ему не стоит. При всей своей доброте, Антек апатичен и даст себя оседлать, в особенности такой ловкой интриганке; можешь себе представить, какой у нее на него аппетит. Она повсюду афиширует свое знакомство с ним, *à par ricochet* **** и со мной (это неважно), но, что хуже, с пани Санд. Ей кажется, что поскольку я с Антеком с детства *intime* ***** , то значит, и [ряд зачеркнутых слов и точки]... Ну, довольно об этом, не правда-ли? Теперь о более вкусных вещах. Я проиграл пари — страсбургский паштет... Посылаю Тебе 50 франков. Пожалуйста, сходи к Шевэ в Palais Royal и купи один за 30 фр[анков]. Должен быть большой. Они получают их из Страсбурга в деревянных круглых коробках. Напиши адрес и пришли мне с дилижансом как можно скорее. Если же за 30 [франков] будет мал, заплати 35 или 40. Но пусть будет великолепный. Меня ужасно злит, что на паштет нужно столько денег, особенно, когда они нужны на другое.

Отправь мое письмо к издателю немцу. Обними Яся. Опиши мне квартиру на 1-м этаже с номером и подробностями: какая лестница? не нужно ли входить около конюшни? не устаешь ли поднимаясь? нет ли на дороге lieu [d'aisances] ***** ,

* Учительницы (франц.).

** Жертву (франц.).

*** Интимность (франц.).

**** Рикошетом (франц.).

***** Близок (франц.).

***** Уборной (франц.).

высоки ли [потолки]? не дымно ли? не темно ли? и т. п. Я хотел бы где-нибудь на [улице] Mont-Blanc, или на Maturins, или на бульваре около Chaussée d'Antin. Из тех 50 фр[анков] оставь на продолжение абонемента на Шаривари, который, как мне кажется, кончается на этих днях. Напиши мне поскорее.

Вернемся ли мы еще на родину!! Или уже совсем посходили с ума?! За Мицке[вича] и Соб[аньского]⁶ я не боюсь, это — крепкие головы и могут выдержать еще несколько эмиграций, не растеряв ни разума, ни энергии. Да вознаградит Тебя бог за Твою славную дружбу. Пиши и люби старого, как он Тебя, старый англичанин.

III.

Суббота

Пусть Ясь мне что-нибудь напишет.
Я не посылаю Тебе сегодня письма в Лейпциг.

¹ Речь идет о Сонате с-moll op. 4, которую Ф. Шопен отдал в 1829 г. в Вене Тобиасу Хаслингеру. Была издана Карлом Хаслингером лишь в 1851 г.

² В Германии в те годы была начата широкая кампания за возобновление работ по завершению строительства Кельнского собора, одного из лучших памятников немецкой готики (был заложен в 1248 г. и строился до середины XVI в., однако остался незавершенным в связи с началом Реформации). Тут речь идет о концерте (29 августа 1841 г.) Ф. Листа в пользу строительства собора. В канун концерта Филармоническое общество устроило в честь Листа речную прогулку на разукрашенных кораблях; появление Листа было встречено пушечными выстрелами, были также устроены иллюминации и фейерверк, после концерта состоялся банкет (доход от концерта, однако, составил всего 1140 марок). Вторичная закладка Кельнского собора состоялась в 1842 г., а строительные работы были завершены в 1880 г.

³ Гиней — английская золотая монета; в тот период — с изображением королевы Виктории.

⁴ Мари де Розьер.

⁵ Жорж Санд.

⁶ Очевидно, в предшествующем письме Ю. Фонтана сообщал Ф. Шопену о появлении в среде польской эмиграции увлечения мистическим месанизмом А. Товяньского (см. коммент. 4 к письму 409). И. Собаньский был одним из первых, последовавших учению Товяньского. Вначале Шопен с недоверием отнесся к этому сообщению.

408. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 13 сентября 1841

3 часа ночи — звезды

Мой Милый.

Пошли это письмо в Германию¹. Брось прямо на бирже. Сегодня утром я получил письма от Тебя и от панны Мюллер. Она пишет мне о рукописях для Мекетти. — Опиши мне также,

пожалуйста, квартиру на Place Vendôme. Лестница? не мансарда ли? Начерти.

Обними Альбрехта, очень мне его, добряка, жаль. Также напиши мне, кому принадлежит дом рядом? не Тамбурины² ли? Паштет пришли большой. В конце этого месяца я пришлю Тебе свои паштеты³ из моей продымленной кухни. Надо бы побелить кухню, но в окрестностях исчезла известь. Для иного поваренка кухня и бела, а для меня закопченная.

Люби меня, если это Тебя не затрудняет. Обнимаю Тебя, мой Старый.

III.

Ясю расскажи обо мне побольше. А прогос квартиры, я того же мнения, что и Ты, возьму ту, что около моей. Пиши, даже если ничего не решишь.

Понедельник

Адрес: «Monsieur Jules Fontana, rue Tronchet, 5, Paris».

Почтовый штемпель: «La Châtre 14 Septembre 1841».

¹ Вероятно, письмо Ф. Шопена лейпцигским издателям Брейткопф и Гертелю.

² Тут имя Тамбурины употреблено фигурально — шумное соседство.

³ Ф. Шопен подразумевает рукописи своих сочинений.

409. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 18 сентября 1841

Пожалуйста, прочитай и сейчас же пошли письмо этому дураку¹. Паштета мне не присылай никакого, раз нет страсбургских. Что же касается квартиры, то поскольку та на Mathurins совершенно au Nord*, то я в нерешительности и хотел бы получить описание этого первого этажа на [улице] Tronchet. Ты мне не пишешь, какой номер на Tronchet. Напиши мне и приготовься к переписыванию Полонеза² для Мекетти.

Шельма Вессель, уж я ему, этому *Agréments au Salon*³, никогда ничего не pošлю. Ты, может быть, не знаешь, что он так назвал мой второй *Imromptu*** или один из Вальсов. Обними Яся. Сегодня ночью н[апишу] Тебе подробно. Не откладывая [с делом] Весселя. Адресуй и напиши наверху, чтобы в случае отсутствия пана Весселя вскрыл пан Стэплтон или

* На север (франц.).

** Экспромт (франц.).

Стэплетон, если полагаешь, что это нужно. Обнимаю Тебя и Яся. Вижу, что я не создан для денег.

III.

Мицк[евич] плохо кончит, если только не насмехается над вами⁴.

¹ Ф. Шопен имеет в виду лондонского издателя Христиана Рудольфа Весселя.

² Полонез *fis-moll* op. 44 (издан П. Мекетти в 1841 г.).

³ «*Agréments au Salon*» («Салонные развлечения») — лондонский издатель Вессель самовольно изменял названия произведений Ф. Шопена. Так, Рондо op. 1 названо им «Прощание с Варшавой» (написано в 1825 г.); Вариации op. 2 — «Памяти Моцарта»; Ноктюрны op. 9 — «Шепот Сены» (написаны в Варшаве!); Ноктюрн op. 15 — «Зефиры»; Болеро op. 19 — «Воспоминание об Андалузии»; Скерцо op. 20 — «Адское пиршество»; Ноктюрны op. 32 — «Плач и утешение», Ноктюрны op. 37 — «Вздохи»; Баллада op. 23 — «Баллада без слов» и т. п. Письма Шопена, протестовавшего против этих самовольных переименований, фирма, видимо, уничтожила.

⁴ Намек на отношения А. Мицкевича с Анджеем Товяньским, польским мистиком. К этому времени относится «чудесное исцеление» Товяньским одного из приступов душевной болезни жены поэта, после чего А. Мицкевич подпал под его влияние (А. И. Герцен писал в «Былом и думах»: «Жена его [Мицкевича] долгое время была поврежденной. Товяньский заговорил ее и будто помог, это особенно поразило Мицкевича, но следы болезни остались»). К учению Товяньского примыкали многие видные представители польской эмиграции; в том числе и Ю. Словацкий.

Ф. Шопен с самого начала иронически относился как к самому Товяньскому, так и к проповедуемому им мессианству.

410. ЖОРЖ САНД В НОАН

Париж, 25 сентября 1841

Вот я и на улице Tronchet; доехал не устав. Сейчас одиннадцать часов утра. Иду на улицу Pigalle. Завтра я вам напишу; не забывайте меня.

Целую ваших детей.

III.

Суббота

Оригинал на французском языке. На бумаге с инициалами Яна Матушиньского. Адрес: «Madame George Sand, Château de Noant, près La Châtre (Indre)». Почтовый штемпель: «25 Sept. 1841».

411. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 30 сентября 1841

Мой Милый.

Вчера, в четверг¹, я прибыл сюда. Я написал для Шлезингера *Прелюдию cis-moll*, короткую, как он хотел. Поскольку она должна выйти к новому году, как и Бетховен у

Мекетти, то ты пока не отдавай Лео мой *Полонез* (даже если ты его уже переписал), потому что завтра я Тебе пошлю письмо к Мекетти, в котором напишу ему, что если он хочет что-нибудь короткое, то вместо той *Мазурки*, которую он просил (и которая не новая), я дам ему в тот *Альбом* эту последнюю *Прелюдию*; в ней хорошие модуляции, и я смело могу ее послать...

Пусть даст мне за нее 300 [франков] (не правда ли) и *par dessus le marché** возьмет себе *Мазурку*, но пусть не печатает ее в *Альбоме*. Если Трупена, то есть Массэ, будет чинить препятствия, не уступай ни гроша и скажи ему, что он, если он хочет, может не печатать всего (а то, чего он не захочет, я бы продал другому дороже). Скажи ему, что 600 [франков] — это включая Лондон, и что я пришлю ему рукописи гораздо значительнее этих. Вот то, что касается меня. Теперь. Найдешь в ящике бюро, направо внизу.

[Рисунок бюро с ящиками, на одном из них надпись: «в этом»:] запечатанный пакет, адресованный М-ме Санд (в том месте, где обычно находится касса). Этот пакет заверни в клеенку, запечатай и пришли дилижансом по адресу М-ме George Sand. Адрес пришей шпагатом, а то иначе он отрывается от клеенки. Так меня просила пани Санд. Знаю, что ты сделаешь прекрасно. Второй ключик, как мне кажется, находится в зеркальном шкафу на верхней полке, рядом с кисточкой для бритвы. Если его нет, вели открыть слесарю. Люблю Тебя по старому. Обними Яся.

Ш.

Напиши словечко.

Четверг, 5 [часов].

Вскрываю письмо, — хочу написать Тебе, чтобы ты положил этот сверток или, скорее, портфель между дощечками, или в коробку, или как сам решишь, только чтобы он не промок, не разорвался и не пропал.

Почтовый штемпель: «La Châtre 1 Oct. 1841».

¹ «Вчера, в четверг...» — должно быть: «вчера, в среду», на что указывает приписка в конце письма: «Четверг, 5 часов».

412. МАРИ ДЕ РОЗЬЕР—АНТОНИЮ ВОДЗИНЬСКОМУ В ПОЗНАНЬ

Ноан, лето 1841 (?)

[...] Впрочем, мир вновь воцарился в доме. — У Шопена вид уже не такой унылый. Он пробует сочинять, и все мы очень дружны. И все же несмотря на это, мои прежние слова справедливы... Любви больше нет

* В придачу (франц.).

здесь, по крайней мере, с одной стороны¹, остается лишь нежность и преданность, к которым примешиваются, смотря по дням — сожаление, грусть, досада, рождаемые самыми разными причинами, в особенности столкновением их характеров, различиями их вкусов, их мнений. Я могу лишь говорить ему [Шопену]: «Будьте осторожны, вы не измените ее взглядов», — и другие подобные вещи. Иногда она говорит с ним чересчур резко, и это уязвляет его в самое сердце. В свою очередь, и у него есть свои причуды, горячность, свои требования и антипатии, но он, очевидно, вынужден уступать, ибо она есть она, а он не в силах бороться. [...]

Вчера госпожа Санд пробыла в постели до обеда. Вот тут-то и нужно было видеть Шопена исполнявшим обязанности сиделки, усердной, изобретательной и верной. Несмотря на его характер, она бы не смогла найти другой такой Шипетты, и тогда-то она научилась бы его ценить, может быть и с большею справедливостью, но все же она бы почувствовала себя менее Сандом и с большею терпимостью принимала бы его причуды и многие мелочи, проистекающие из его довольно строгого отношения к некоторым фактам... Шип вернулся ко мне, потом мы опять поднялись к ней, и так как она нас не пустила, то мы в ожидании сыграли *Приглашение к вальсу*². Наконец мы были допущены, и затем мы все вместе спустились вниз, а вечером ее брат³ пришел буяннить, да как буяннить! [...] Говорят, что перед царствованием Шопена дом был наполнен подобными господами! [...] Он называет ее своим ангелом, однако у ангела большие крылья, которые подчас могут чувствительно задеть вас. [...]

Отрывок. Les trois romans de Frédéric Chopin par le comte Wodzinski. Paris, 1866, p. 304—308.

¹ То есть со стороны Жорж Санд.

² По-видимому, «Приглашение к танцу» (1819) К. М. Вебера.

³ Ипполит Шатирон.

413. МОРИСУ ШЛЕЗИНГЕРУ В ПАРИЖ

Ноан, 5 октября 1841

5 октября 1841

Дорогой друг.

У г-на Фонтаны есть для вас *Прелюдия*¹. Я вам уступаю исключительное право на ее издание в Англии (конечно, если вы того желаете) за сто франков — так как я больше не хочу иметь дело с Весселем. Что же касается исключительного права для Франции, то я представляю его вам с тем, что будет погашен мой счет у вас вплоть до сегодняшнего дня — и за прекрасный экземпляр *Keepsak'a*², достойный того, чтобы послать его Кн[яз]не Чернышевой, которой я посвящаю свою *Прелюдию*. — Буду рад получить от вас словечко по этому поводу.

Преданный вам.

Ш.

5 октября 1841

Оригинал на французском языке.

¹ Речь идет о Прелюдии *cis-moll* ор. 45 (опубликована 28 ноября 1841 г. в Вене у П. Мекетти и в Париже у М. Шлезингера), посвященной княжне Елизавете Алексеевне Чернышевой.

² Речь идет о «Keepsake des pianistes» — альбоме, изданном газетой «Revue et Gazette Musicale de Paris» и раздававшемся в качестве премии подписчикам. В Альбоме были помещены сочинения Шопена, Калькбреннера, Мошелеса, Фонтаны, Вольфа и др.

414. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 6 октября 1841

Милый.

Благодарю Тебя за присылку бумажника. Посылаю Тебе *Прелюдию* — крупным шрифтом для Шл[езингера], и более мелким — для Мекетти. Обрежешь таким же образом рукопись мною написанного *Полонеза*¹, сложишь (пронумеровав страницы) так же, как *Прелюдию*, приложив мое письмо к Мекетти и запечатав в конверт, который я Тебе посылаю, и отдашь в руки Лео с просьбой послать почтой Мекетти, который ждет его. Письмо к Хаслингеру отдай сам на почту, а если не застанешь Шлезингера, оставь ему письмо, но не рукопись, которую отдашь лишь в том случае, если он Тебе скажет, что берет *Прелюдию* с согласием на погашение счета. Если бы он вовсе не захотел получить *propriété** для Лондона, то скажи ему, чтобы он написал мне. И Ты напиши. Скажи ему, что я не требую тотчас же эти 100 фр[анков].

Также не забудь поставитьopus на *Полонезе* и следующий номер на *Прелюдии*, которую пошлешь в Вену. Не знаю, как пишется «Чернышева»; может быть, ты найдешь на столике под вазой или где-нибудь на маленьком столике около той бронзовой штуки какую-нибудь записку от нее, или от гувернантки, или от дочери. Если нет, то ты бы очень меня обязал (если это Тебе не неприятно), — Тебя там уже знают как моего друга, — итак, ты бы очень меня обязал, если бы пошел к ней в Hôtel de Londres, Place Vendôme, и, если они еще в Париже, попросил бы их от моего имени, чтобы молодая княжна написала Тебе свою фамилию... Скажешь, зачем; «Tscheg» или «Tcher»? Или еще лучше: спроси M-lle Краузе, гувернантку. Скажи, что хочешь сделать сюрприз молодой к[няж]не, и попроси эту панну Краузе (очень хорошенькая), чтобы она Тебе написала, «Elisabeth» ли и «Tschernischef»² ли, или «ff», — узнай, как у них принято писать. Скажи, чтобы она сказала

* Право собственности (франц.).

к[няги] не матери, но я бы хотел, чтобы не говорили дочери, до тех пор пока я ей не пришлю отсюда [Прелюдию].

Если Ты не хочешь всего этого [делать], то не стесняйся: напиши, что не хочешь, — я узнаю как-нибудь иначе; но не вели тогда Шлезингеру пока печатать посвящение; скажи ему, что я еще не знаю, как пишется. Однако, надеюсь, что ты найдешь где-нибудь записку из их дома, где будет их фамилия. Что касается переезда, то я доволен, что у тебя есть аппарат[ement] *. Из гостиной можешь взять себе диван, а остальное Пельтану, 16, rue Pigal[le] ³. Из спальни мне придется взять кровать, так как décidément ** я буду жить в одном из флигелей на rue Pigal[le]. Словом, Тебе немного останется. Еще сегодня я подробно напишу тебе об этом. Кончаю, потому что почта отходит, а я хочу, чтобы мое письмо в Вену пошло непременно на этой неделе. Итак, через час напишу Тебе снова подробное письмо о наших делах.

Твой

Ш.

¹ Полонез fis-moll op. 44, посвященный Людмиле Бово де Краон.

² Прелюдия op. 45 посвящена: «Mlle la Princesse Elisabeth Czernicheff».

³ Осенью 1841 г. Шопен переехал с улицы Tronchet на улицу Pigalle, № 16.

415. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, начато 6, закончено 7 октября 1841

Мой Милый.

Итак, велишь перевезти мебель — из гостиной я особенно поручаю Тебе вазы. — Так как ящик мебели, в котором стоит фарфор, не запирается на ключ, то вынь все, что там будет. — Поскольку решено, что я буду жить в одном из флигелей, то мне нужна и кровать. Хлам вроде нот и все, что только будет Тебе мешать, вели перенести на rue Pigal[le]. — На это Тебе понадобятся деньги. — Так вот, если тех 50 [франков] будет мало — пусть Тебе даст Ясь, сколько сможет. — Что касается счета за квартиру — то сходи к Плейелю, — которого я предупредил, и он даст Тебе денег на квартирную плату. — Дай привратнику от меня 20 фр[анков] на чай и вели все письма отсылать на rue Pigal[le], 16. — Фонтан (не Ты — а тот, что стоит в передней) может Тебе пригодиться — и диванчики, хотя и скверные, но к ним имеются — housses'ы ***. — Мне

* Квартира (франц.).

** Решительно (франц.).

*** Чехлы (франц.).

жаль, милый, что я могу услужить Тебе лишь такой рухлядью, но, как говорит пословица, и самая красивая девушка может дать только то, что у нее есть. Не сердись во время переезда. Не забудь моих безделушек на камине. Что касается *pendule**, то возьми их себе, но не знаю, оставлю ли я их Тебе; должно быть, да, так как мне, вероятно, их некуда будет поставить. Не старайся также все перевезти в один день, чтобы Тебе это не осточертело вконец! Напиши мне, если ты видишь в этом деле еще какие-нибудь затруднения. Пельтан с *vue Pigal[le]* будет уведомлен.

Не получил ли ты чего-нибудь от Весселя? Если, как мне вспоминается, ты на этот раз не проставил на конверте его адрес (который я никогда не знаю), то письмо к нему, наверно, не дошло. Подождем.

Если бы ты случайно знал о каком-нибудь лакее, или Ясье, или Альбрехт, или Алькан, или Гжимала; может быть, попадется какой-нибудь, иногда это случается. Но только не через Шарля, потому что были бы *sauvants***, а так как я буду жить на *vue Pigal[le]*, мне необходим такой человек, который бы не капризничал и не испортил слуг П[ани] Санд, приехавших из деревни. Бывает, попадаетея случайно. Может быть, в Клубе¹ ты услышишь о каком-нибудь хорошем. Завтра или послезавтра pošлю Тебе письмо к моим. Мой Отец сердечно тебе кланяется. Не забудь о Трупена.

Не кисни: зенит Твоих огорчений, как и зенит моих, уже, должно быть, миновал. Нам уже по тридцать лет с лишком. С твоей панной Млокосевич, как мне пишет сестра (я спрашивал про нее), был неприятный случай. Она болела. Одни говорили — вздутие печени, [другие] — водянка; но выкачали то ли воду, то ли что другое, — и она здорова, и тонка, и стройна, как прежде. Никто не знает правды. Наш Новаковский, который должен был сюда приехать, уже в Варшаве. Он доволен. Какая-то панна из Института гувернанток влюбилась в него, и он потерял место в Институте. Вспомни, что он лысый и растяпа гораздо больший, чем мы, а еще покоряет сердца! Это хорошее предсказание для нас. Сегодня 7-е (2½ ночи). Ты переезжаешь пятнадцатого — или раньше? У тебя еще неделя. Я напишу Тебе, если вспомню что-нибудь безотлагательное. Особенно прошу Тебя, не забудь поручить привратнику, дав ему 20 франков, чтобы людей и мои письма он отсылал на *vue Pigal[le]*. Жаль мне Тебя. Вижу Тебя среди пыли и беспорядка. Если бы я сам мог быть в Париже при переезде, то наверное, не мучил бы Тебя.

Твой старый

III.

* Часы с маятником (франц.).

** Сплетни (франц.).

Поклонись Лео и не забудь сказать, чтобы к Мекетти по-
слал по почте, а не с оказией. Письмо Хаслингеру — с а м, не
Лео, отдай на почту.

¹ В Польском клубе.

416. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 9 октября 1841

Мой Милый.

Ты, вероятно, получил мои письма и мои сочинения. Про-
читал немецкие письма¹, запечатал и сделал все, как я Тебя
просил, не правда ли? Теперь, что касается Весселя, то он
олух, мошенник. Ответь ему, что хочешь, но скажи, что я не
думаю уступать моего права на *Тарантеллу*, потому что
он не вернул ее вовремя; и что, если он потерял на моих
сочинениях, то, вероятно, из-за глупых заглавий, какие
он понадавал, несмотря на мой запрет и несмотря на не одно-
кратные насмешки пана Степлтона; что если бы я послу-
шался моего внутреннего голоса, то после этих заглавий я
бы ему ничего больше не посылал. Высмей его, как только мо-
жешь.

Что касается переезда, то сегодня г-н Пельтан на rue Pigal-
[le] официально уведомлен п[ани] Санд, которая благодарит
Тебя за те несколько любезных слов [которые ты прислал]
с бумажником. Мои письма вели отдать на rue Pigal[le], 16,
и очень, очень внуши это привратнику. Сын п[ани]
Санд около 16-го будет в Париже; я пошлю Тебе с ним руко-
пись *Концерта* и *Ноктюрнов*³. Пиши. Здесь дождь и грязь.
Обними Яся. Что касается Антка, то, мне кажется, я уже го-
ворил Тебе, что его болезнь не так страшна, и что там много
чего-то другого. Вероятно, мы его вскоре увидим, а он своих
так и не увидит. Люби меня по-прежнему. Напиши словечко.

Твой
Фрыц.

Суббота утром

Почтовый штемпель: «La Châtre 10 Oct. 1841».

¹ Вероятно, письма к немецким издателям.

² Речь идет об Allegro de Concert op. 46 и Ноктюрнах c-moll и
fis-moll op. 48.

417. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 11 октября 1841

Мой милый.

Из мебели бери что хочешь — уж как-нибудь не поссоримся, когда приеду. Что касается Чернышевой, то хорошо, что ты оставил «К[няги]не», — она уже несколько месяцев как К[няж]на¹. Что касается Шл[езингера], то надо будет уступить. — Но что касается Трупена, то [уступить] нельзя. Так что, если тебе Массэ откажет, скажи, что ты не уполномочен [несколько слов зачеркнуто] решать только для Парижа. и не знаешь, какова будет моя цена только для Парижа. Что касается слуги, то сомневаюсь, чтобы из привратника получилось что-либо подходящее для меня. Это идея Яся — поэтому я заранее отказываюсь от этого слуги. Я совсем забыл, что однажды он мне уже одного такого всучил, который Конде задушил². — Он такой добрый, что готов рекомендовать первого, кто встретится ему на улице. Спроси про это Альбрехта или еще кого-нибудь другого. Напиши про Трупена.

Молодой Морис уже не едет в Париж, как это намечалось ранее, так что рукопись пришлю в ближайшие дни по почте. Пришлю и письмо к Родителям, и заадресую на rue de Provence. Впрочем, не знаю. Напиши мне еще раз. — Привратнику rue Tronchet непременно дай на чай и пусть пересылает мне письма на rue Pigal[le], 16. Не знаю, когда вернусь. Никакие занавески мне не будут нужны, так что поступай как знаешь. Ты глуп, если думаешь, что я считаю какие-то твои долги. Если бы ты владел поместьями в Куявии, то я, может быть, и требовал бы с тебя, да и то если бы речь шла о тысячах. Что касается продажи мебели, то я был бы мошенником, жидом вроде доктора Воловского, если бы продавал всякую рухлядь, — пускай она послужит тебе. Со временем, когда приобретешь себе новую, тогда и отдашь мне эту, — а впрочем, пусть это не волнует твою английскую желчь. Я не такой болван, как ты думаешь, и не сделаю ничего такого, что могло бы тебя обеспокоить или как-нибудь иначе огорчить.

Adieu, мой милый, может, через месяц [увидимся].

III.

Понедельник утром

Адрес: «Monsieur Monsieur J. Fontana, 5, Rue Tronchet à Paris». Почтовый штемпель: «Paris, 14 oct. 1841»; «Chât... [неразборчиво]».

¹ А. И. Чернышеву в 1841 г. был пожалован титул князя.

² Ф. Шопен шуточно намекает на смерть Луи де Конде, задушенного своим слугой.

Ноан, 18 октября 1841

Мой Милый.

То, что Ты сделал, — сделал хорошо. Станный мир! Массэ дурак и Пельтан дурак. Массэ знал о пачиниевском Вальсе и о том, что я обещал [его] «Газете»¹. Я не хотел ничего предпринимать, прежде чем обращусь к нему. Если он не захочет [дать] по 600 [франков] с Лондоном [включительно] (цена моих обыкновенных рукописей была у него 300 фр[анков]), то трижды пять = 15. Таким образом, я должен был бы отдать такие труды за 1500 фр[анков] — это невозможно. Тем более, я говорил ему во время нашего первого разговора, что могут быть такие вещи, которые я не смогу отдать за эту цену. Так, например, не может же он претендовать на то, чтобы я продал ему за 300 фр[анков], напр[имер], 12 *Этюд*ов или *Une Méthode de piano*. Точно так же это *Allegro maestoso*², что я сегодня Тебе посылаю, я не могу отдать ему за 300 фр[анков], а только за 600. И ту *Фантазию*³ не меньше, чем за 500. Зато *Ноктюрны*⁴, *Балладу*⁵ и *Полонез*⁶ оставляю ему по 300, как и вещи, которые он уже раньше печатал.

Словом, для Парижа эти пять моих вещей [я отдаю] за 2000. Если его это не устраивает, то (entre nous*), тем лучше, потому что Шлезингер очень охотно их купит. Но я бы не хотел, чтобы [Массэ] принимал меня за человека, не соблюдающего каких-то соглашений. Il n'y avait qu'une convention tacite d'honnête homme à honnête homme**, так что пусть не жалуется на мои условия, они очень умеренны, тем более что я уже давно ничего не издавал. Единственное, чего я хочу, — это честно выйти из этого положения. Знаю, что я не продаюсь. Но ты скажи ему, что если бы я захотел на нем нажиться или надуть его, то писал бы в год пятнадцать посредственных вещей, которые он покупал бы у меня по 300 [франков], и получал бы больший доход. Разве это было бы честнее? Мой милый, скажи ему, что я пишу редко, мало издаю. Пусть он не думает, что я дорожусь; когда ты увидишь мои рукописные мухи⁷, то сам скажешь, что я могу требовать 600, если за *Тарантеллу* [дали] 300 (за *Болеро*⁸ мне дали 500).

Прошу Тебя, ради бога, береги мою рукопись, не мни, не пачкай и не рви (Ты все равно этого не сделаешь, но я пишу это, потому что так люблю мои тоскливые писания). Перепиши. Твое [копии] останется в Париже. Завтра получишь *Ноктюрн*, а в конце недели *Балладу* и *Фантазию*; не могу достаточно отделать. Если Тебе скучно переписывать, то сде-

* Между нами (франц.).

** У нас было лишь джентльменское соглашение (франц.).

лай это ради отпущения великих грехов Твоих, потому что я не хотел бы отдавать эту паутину какому-нибудь грубому переписчику. Еще раз поручаю это Тебе, потому что я бы сошел с ума, если бы мне пришлось еще раз писать эти восемнадцать страниц. Но не изомни!!!... Посылаю Тебе письмо к Гертелю. Постарайся мне там найти другого лакея вместо того, которого ты нашел. По всей вероятности, в первых числах 9-bra [novembre], я буду в Париже. Завтра Тебе напишу. Пиши.

Твой

Ш.

Понедельник утром.

Перечитав Твое письмо, я вижу, что он спрашивал об одном Париже, потому уладь этот вопрос, как можешь, только пой ему о 3000 pour les 2 pays* (а 2000 для одного Парижа), если бы он сам Тебя очень об этом расспрашивал, потому что la condition des 2 pays** легче для него и выгоднее для меня: если не получится согласно его желанию, то он может воспользоваться этим как предложом гиртуге*** со будь холоден, но не со мной.

Итак, подождем его ответа из Лондона. Пиши всегда откровенно и обращайся с ним, мой милый, всегда очень вежливо, будь холоден, но не со мной.

Ш.

¹ Шопен имеет в виду «La Gazette Musicale».

² Allegro de Concert, op. 46. Еще в 30-е гг. Ф. Шопен собирался написать Третий Концерт для фортепиано с оркестром, но это намерение не было им полностью реализовано: им была написана лишь первая часть концерта — Allegro A-dur, которое, в виде сольного произведения, было закончено в 1840—1841 гг.

³ Фантазия f-moll op. 49.

⁴ Ноктюрны c-moll и fis-moll op. 48.

⁵ Баллада As-dur op. 47.

⁶ Полонез fis-moll op. 44.

⁷ «Мухи» — так Ф. Шопен называл написанные своей рукой ноты, очень мелкие по размеру.

⁸ Болеро a-moll op. 19.

419. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 20 октября 1841

Как мне кажется, среда.

Мой милый, благодарю тебя за твою славную записку, —

* Для двух стран (франц.).

** Условие двух стран (франц.).

*** Разрыв (франц.).

жаль, что дела не спорятся. — Удивляет меня Массэ, который думает получить мои рукописи меньше, чем за 300 фр[анков]. А потом, раз я решил не иметь никаких дел с Лондоном, так почему же *roug les deux pays* * на 300 фр[анков] больше. — Жулики, жиды, — но оставим это. Я еще не решил, обратиться ли к Шл[езингеру] — но так как я наверно буду в Париже 2-го или 3-го 9-bra [novembre], то, пожалуй, лучше отложить переговоры. Ожидаю сегодня твое письмо с подробностями и признаюсь тебе, что, может быть, это и лучше, что я от него отделился и буду свободен.

Еще раз поручаю тебе мое *Allegro*. Не показывай его Вольфу, потому что он всегда что-нибудь стянет и издаст раньше — а также не верь его Мечонеру¹, ни всему прочему, что от него исходит — вспомни — Почеево². Он даже если бы и взялся, больше испортит, чем наладит. Это аксиома, которую ты превосходно знаешь, не хуже меня, и я пишу ее напрасно, но зачеркивать не стоит. Вскоре пришлю тебе и другие [свои] вещи. Сегодня закончил *Фантазию*³ — и небо прекрасно, [а] на душе у меня тоскливо — впрочем, это неважно. Если бы было иначе, то, может быть, мое существование никому не было бы нужно. Сбережем себя на после смерти, N. b., не в плане Леру — так как в этом случае чем раньше убьешь себя, тем правильнее поступишь⁴. — Не делай отсюда никаких нехороших выводов, иду обедать.

Твой старый

III.

Пиши. Яся обними.

Адрес: «Monsieur Monsieur Jules Fontana, Rue de Provence, N° 57». Почтовые штемпеля смазаны.

¹ Искраженная фамилия Жозефа Мейссонье.

² Точнее — Почеюв; рынок в Варшаве, назван по имени первого владельца участка — Почея.

³ Речь идет о *Фантазии f-moll* op. 49.

⁴ «...чем раньше убьешь себя, тем правильнее поступишь» — имеется в виду «*Circulus*» — утопическое учение о круговороте (вечном обращении) материи (жизнь, возрождающаяся из смерти), выдвинутое П. Леру в полемике против теории Мальтуса.

«Современные люди, — писал он, — то же люди, которые жили в прошлом и будут жить в будущем» (Leroux P. De l'Humanité, de son principe et de son avenir. P., 1841). При этом в каждом своем новом воплощении человек продвигается вперед по пути усовершенствования, и таким образом образом достигается прогресс человечества. Отсюда Ф. Шопен и делает свой иронический вывод.

* Для двух стран (франц.).

Ноан, 27 октября 1841

Среда

Мой Милый.

Мы приезжаем наверняка в понедельник¹, то есть 2-го в два часа пополудни, а может быть, учитывая непредвиденные обстоятельства, в пять или шесть.

Ты предложил мне свою помощь при устройстве на rue Pigal[le]. Благодарю Тебя, этого я не хочу, уж слишком бы я злоупотреблял Твоей добротой; но о чем я буду просить Тебя — так это, чтобы ты был в понедельник с двух на rue Pigal[le]. Также загляни туда заранее, повидай Пельтана и узнай, как обстоят дела. Там Моро и его жена, слуга пани Санд, которых она тут уволила и отправила в Париж с позволением жить на rue Pigal[le] до тех пор, пока они не найдут себе места или квартиры. Если они еще там, непременно повидай Пельтана, которому пани Санд об этом писала, и пусть они непременно выедут оттуда до понедельника, лучше даже до воскресенья. В случае, если он, Пельтан, очень занят (так как он издает новую газету («La 19 Siècle»), снесись с ним и проследи, чтобы открыли окна (если не будет дождя) и проветрили, в особенности флигель п[ани] Санд. Пусть дня за два [до приезда] протопят камин и печь. Если Моро, которого пани Санд по приезде, может быть, задержит на несколько дней, (п. б., как приходящего, без жены, но не как живущего, о чем ему должен был сказать Пельтан). Если этот Моро disponible*, он хорошо знает service** П[ани] Санд — так что Ты только присмотри за ним, чтобы он открыл окна, протопил камин. Если же Моро не disponible (о чем Тебе скажет Пельтан), то пусть этим займутся portier*** М-г Armand и его жена (очень славная), а Ты присмотри, п. б., снесясь с Пельтаном, который, бедняга, возможно, со своим новым journal'ом теряет голову и физически не имеет времени присмотреть. Поговори с ним о его journal'e, это человек честный и ученый; обойдись с ним по-дружески и не сердись ни на меня, ни на него, ни на себя и ни на кого.

Что касается лакея, то имей нескольких на примете, но никого не нанимай, потому что я не знаю, понравится ли; хоть он и мой, но если живешь бок о бок [с Жорж Санд], — разное [бывает]. En tout cas**** к приезду имеются привратники, они люди хорошие и услужливые; хорошо обойдись с ними и действуй намеками, а еще лучше — дай в лапу, если

* Свободен (франц.).

** Службу, требования (франц.).

*** Привратник (франц.).

**** Во всяком случае (франц.).

они, а не Моро, займутся квартирой. Однако только в том случае, если это Тебя не затруднит. — Как-нибудь да будет. — Моя старая поговорка. Впрочем, время убегает, мир проходит, смерть гонится, и мои рукописи гонятся за Тобой. С этим Ты не спеши, милый, ибо я предпочитаю, чтобы их подождали в Лейпциге, тому, чтобы мы застали по приезду на *гюе Ригал[le]* холод или пыль, или затхлость, или сырость.

О моей квартире не беспокойся, ни о моем ложе, ни о чем. На следующий же день [по приезду] я займусь этим сам и не буду Тебя больше мучить. В *revanche* * я готов оказать Тебе подобные же дружеские услуги. Пусть же Твоя старая лысая голова встретится с моим увядшим носищем, и мы споем: Да здравствует Краковское Предместье! на мотив Богуславского², тенором Кжиштофовича с аккомпанементом покойного Ленца.

Твой старый

III.

Напиши или сегодня, то есть в пятницу³, или совсем [не пиши].

Жизнь моя. Сходи к моему шляпнику Дюпону, № 8, *гюе ду Монт-Блансе*, и закажи ему шляпу к понедельнику. Он всегда делает мне шляпы. Меня там знают, и им не нужна мерка, но непременно к понедельнику.

Скажи привратнику на *гюе Ригал[le]*, чтобы мне сюда больше никаких писем не пересылал.

¹ Описка Ф. Шопена: 2 ноября в 1841 г. приходилось на вторник.

² «...на мотив Богуславского...» — возможно, означает — на народные мотивы, так как в первом польском водевиле Богуславского «Краковяне и горцы» (музыка Я. Стефани) было много народных мотивов.

³ То есть в день получения письма. Ф. Шопен писал в среду и рассчитывал, что Ю. Фонтана получит его письмо в пятницу: если бы он ответил в тот же день, то ответ успел бы прийти в Ноан до отъезда Шопена.

421. ЮЛЬЯНУ ФОНТАНЕ В ПАРИЖ

Ноан, 1 ноября 1841

Мой Милый.

Спасибо Тебе за письмо Массэ. — Ты, вероятно, уже ска- зал ему, а если нет, то скажи, что ты писал мне и что я очень сожалею, но никоим образом не могу. — Так что пусть он не будет на меня в обиде за то, что я буду вынужден войти в соглашение с другим. — Что касается *Прелюдии* для

* Отплату (франц.).

Альбома Шл[езингера], то в последний раз я говорил [о ней] с Пани Массэ — но ты этого lièvre'a не поднимай¹. —

Посылаю Тебе два Ноктюрна, а остальные в среду. Мой отъезд отсюда задерживается, и, следовательно, я [буду] в Париже, вероятно, только около 6-го, 8-го. Перепиши, пожалуйста, так как зима приближается. — Остальное получишь послезавтра.

Твой старый

III.

Пиши, Милый.
Обними Яся.

Возможно, там еще не хватает бемолов или диэзов².

¹ От французской идиомы: lever le lièvre (буквально — поднимать зайца) — нарушать тайну. Ф. Шопен хочет, чтобы Ю. Фонтана не проговорился Массэ о Прелюдии cis-moll op. 45, которую Шопен отдал М. Шлезингеру для «Альбома».

² Ф. Хёзик и другие издатели писем Ф. Шопена дополняют текст этого письма следующей фразой: «Найди мне лакея. Маршана я знаю, но это не для меня (и, entre nous *, он пьет)». В фототипографии оригинала этого письма у Л. Биненталя данная фраза отсутствует. Возможно, что она находилась на нерепродуцированной стороне листа.

422. ФИРМЕ «БРЕЙТКОПФ И ГЕРТЕЛЬ» В ЛЕЙПЦИГ

Париж, 12 ноября 1841

Милостивые государи.

Я посылаю вам четыре мои рукописи¹.

Allo de Concert — op[us] 46

Баллада 47

2 Ноктюрн[a] 48

Фантазия 49

Будьте любезны ответить мне сразу же после их получения.

Искренне ваш

Ф. Шопен

Париж, 12 Ноя[бря] 1841
Rue Pigalle, № 16

Оригинал на французском языке.

¹ В действительности, в данном случае, как и в целом ряде других, Ф. Шопен посылал издателям не автографы, а копии, сделанные Ю. Фонтаной. Верность этих копий с оригиналом Шопен никогда не сверял, — а между тем, из-за спешки при переписке, копии изобиловали ошибками. Рука же Фонтаны с годами стала столь схожей с почерком Шопена, что его копии долгое время принимались за авторские рукописи.

* Между нами (франц.).

423. ФИРМЕ «БРЕЙТКОПФ И ГЕРТЕЛЬ» В ЛЕЙПЦИГ

Париж, 3 декабря 1841

Милостивые государи.

Я только что получил ваше письмо с чеком, подлежащим оплате 13 дек[абря], и прошу принять выражения моей благодарности за вашу пунктуальность. Что касается порядковых номеров на рукописях, то они поставлены верно. У Мекетти в Вене для его бетховенского Альбома находятся Прелюдия¹ и Полонез².

Я поручил Шлезингеру договориться с вами относительно дня опубликования — он уже начал гравировать, и я полагаю, что и для вас также желательно быстро это закончить.

Я не посылаю вам лондонского адреса, потому что я был вынужден расстаться с Весселем, и еще ни с кем не заключил окончательного соглашения — но это не должно мешать вашей работе. — Прошу вас также поставить на титульном листе моих Ноктюрнов вместо: «M-lle Эмили» — «M-lle Лоре Дюперре».

Сердечно преданный

Фр. Шопен

Париж, 3 декабря 1841
Rue Pigalle, № 16

Оригинал на французском языке.

¹ Прелюдия cis-moll op. 45.

² Полонез fis-moll op. 44.

424. ЖОРЖ САНД — ИПОЛИТУ ШАТИРОНУ В МОНЖИВРЭ

Париж, 1841

[...] Позавчера Шип-Шип в белом галстуке играл при дворе [...]. Мы живем очень экономно и спокойно с тех пор, как поселились по соседству с Шоп[еном], которому от этого тоже лучше. Несколько светских дам стали, правда, утверждать, что улица Пигаль [...] слишком удалена от их прекрасных кварталов. Он им ответил: «Милостивые государины, я куда лучше даю уроки в своей комнате и на своем фортепиано за двадцать франков, чем за тридцать вне дома, причем за мной надо присылать карету. Поступайте, как вам будет угодно».

Некоторые решили приходить к нему, другие же платят по тридцати франков за урок и присылают за ним свои кареты, чтобы привезти его, а затем и отвозят обратно. Дорогое дитя недостаточно ценит деньги, чтобы у него самого могла возникнуть подобная мысль. Это я, я внушила ему

ее, и мне стоило большого труда, чтобы он решился на это. Но я радуюсь этому, так как при его слабом здоровье ему надо зарабатывать много денег для того, чтобы он мог меньше работать. [...]

Отрывок. Correspondance de Frédéric Chopin, vol. 3, p. 93—94.

425. ФРИДЕРИКА МЮЛЛЕР — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Вена, 21 декабря 1841

[Изложение несохранившегося письма:] «Панна Мюллер сообщает об успехе своего первого концерта, который она дала в зале Штрейхера. Она играла под управлением г-на Jambo *Концерт f-moll* Шопена и его *Andante spianato* и *Полонез*. Исполнялись и более мелкие произведения, — [ноктюрны] посвященные Хиллеру и два этюда на двух нотах [à deux sons] Шопена. По всей видимости, она будет участвовать в концерте г-на Jansy, а также в вечере, который устраивает Моцарт (сын). Затем она сердечно благодарит Шопена за посвящение ей своего нового произведения».

426. ЖОРЖ САНД — ТЕОДОРУ ДЕ СЕНЬ

Париж, 23 декабря 1841

Париж, 23 декабря 1841

[...] Шопен жмет вашу руку. И он, и я так заняты, что почти не имеем времени видеться; и это мы, живущие если не под одной крышей, то хоть стена об стену. Он дает уроки весь день, я мараю бумагу всю ночь. [...].

Отрывок. Каренин В. Жорж Санд, ее жизнь и произведения, т. 2, с. 260.

Karłowicz M. Pamiętki po Chopinie, s. 273.

427. МИКОЛАЙ ШОПЕН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Варшава, 30 декабря 1841

Варшава, сего 30 декабря 1841

Я получил, мой дорогой Фридерик, твое письмо от 4-го, ровно через неделю после моих именин; оно доставило мне большую радость, и я благодарен тебе за добрые пожелания, так как, зная твое сердце, не сомневаюсь в их искренности. Да вознаградит тебя господь и хранит тебя, пусть даст тебе счастье и сохранит уважение к тебе честных людей. Это не только новогоднее наше пожелание, — этого мы желаем тебе постоянно.

В канун и в день Рождества мы собрались все вместе. Надо было видеть радость детей при виде подарков. Как бы это порадовало тебя, если бы ты был с нами. Мы немало об этом думали, ибо, поверь мне,

мы не перестаем говорить о тебе, ты постоянный предмет наших бесед. Ты нам пишешь, мой добрый друг, что ты присутствовал на вечере, однако не был в хорошем расположении; признаюсь, это нас обеспокоило, мы опасались, не хвораешь ли ты, — хотя ты и уверяешь нас, что чувствуешь себя хорошо. Что касается нас, то хотя наши недомогания и докучают нам, но они по крайней мере не очень усиливаются, а радость от возможности часто собираться всем вместе составляет утешение нашей старости, и каждое твое письмо немало способствует этому. Так что мы благодарим небо, ниспославшее нам хороших детей. Не сердись, если я обрекаю тебя на потерю времени, направляя к тебе некоторых лиц; но как избежать этого и отказать, когда столько людей питают к тебе доверие? Это походило бы на недоброжелательность с нашей стороны, тем более, что эти люди рассматривают твои советы как средство к усовершенствованию в своем искусстве, которое должно обеспечить им существование; так что не сердись на это. Я не знаю, в Париже ли уже Тальберг, ты, без сомнения, увидишь его; я, по-моему, писал тебе в одном из писем, что он во время своего пребывания здесь был к нам весьма внимателен. Может быть, ты преодолеешь свое отвращение, — уверяю тебя, он очень лестно отзывался о тебе.

Мне очень интересна одна вещь, хочу узнать, видел ли ты Листа со времени появления его статьи¹ и в таких же ли вы хороших отношениях, как раньше; было бы жаль, если бы наступило некоторое охлаждение вашей дружбы. Кстати, раз уже зашла речь о нем, меня спрашивали, не слышал ли я, будто он должен приехать сюда с г-жой Санд. Все, что я смог ответить, это то, что ты ничего об этом не говорил в своих письмах. Если он придет сюда, я надеюсь, что он навестит нас, и я смогу предоставить ему удовольствие поиграть на том инструменте, который столь мелодично воспроизводит твои вдохновения (это счастливое время миновало). Изабелла необычайно бережет этот инструмент и не променяла бы его ни на что на свете.

Твой крестный² навестил нас со своей супругой в день моих именин; я не видел его несколько месяцев, и не знаю, откуда возникло это охлаждение. Они, впрочем, много расспрашивали о тебе, но мы мало говорили о его сыне; все, что он сказал о нем, это то, что тот поедет со своей женой³ в Дрезден, чтобы нанести визит дяде, и что они вернутся лишь в феврале. Ты знаешь, что там мать с Антосем; по всей видимости, там соберется вся семья. [...] Славный Эльснер чувствует себя хорошо и сохранил к тебе дружеские чувства, хорошо тебе известные. Многие из твоих старых знакомых просили напомнить тебе о них. Перечень вышел бы слишком длинным, если бы пришлось называть их.

И еще одно: как происходит, что ты так часто меняешь слуг? Ты ведь был столь доволен своим Луи. Дай бог, чтобы ему нашлась хорошая замена, ибо тебе нужен человек, который мог бы следить за всем, и к тому же — экономный, ибо я надеюсь, что ты не забываешь о копейке на черный день. Как видишь, я не забыл своего рефрена. Как тебе живется на новой квартире? Какая у вас зима? У нас до сих пор не было мороза, а лишь плохая погода: я не выхожу из дому. Полагаю, что отнял у тебя достаточно времени на чтение моих каракуль, и потому уступаю

перо одной из твоих сестер, уверяя тебя, что твоя добрая и нежная мать, так же как и я, очень нежно тебя обнимаем.

Ш.

Множество приветов г-же Накв[аской], Мери, которого поздравляю с выздоровлением, и Ясю, а также Юльяну. В случае оказии надеюсь, что ты пришлешь мне обещанное, и я смогу сравнить сходство.

[Приписка Людвики Енджеевич:]

C[его] 29 декабря 1841

Мой дражайший Фридерик.

Ты торопился с пожеланиями к Папочкиным Именинам, а мы с пожеланиями к Новому году. Пусть господь даст все, чего можешь пожелать, а нам позволит свидеться с Тобой! Пани Сте[фанова] Весёловская, Твоя крестная мать, писала мне единственно по тому поводу, чтобы в этом году съехаться у нее. Представь себе, что она видела некоего пана Смитковского, который Тебя знал и только что вернулся [из Франции], и будто бы ей говорил, что будущей весной ты желал бы встретиться с Родителями, так что она как можно скорей написала нам, чтобы ее не забыли; ее в этой мысли еще более утвердило то, что на почте было как раз получено адресованное ей письмо из Парижа, а слуга потерял его по дороге. Она уверена, что оно было от Тебя, что ты к ней приедешь, и, славная, обрадовавшись, пишет мне, что если существует подобный проект, то выбрать ее [местом свидания] и довести до конца. Признаюсь Тебе, что она нас сердечно покорила; оставляю ее при мнении, что, возможно, письмо было от Тебя, хотя мне так не кажется, ибо Ты для этого слишком ленив и занят. [...]

— Не поверишь, какие тут ходили сказки о том вечере⁴, причем от лица из тех же краев, что и Ты. [...] Олеся с Матерью говорили мне, что им передавали, будто ты в большой милости [...] у королевы и двора и получил какой-то замечательный сервиз; ибо другим дали geld *, а Тебе не осмелились; но ты не взял его, а просил, чтобы его, если хотят Тебе удовольствие доставить, прислали сюда, Отцу⁵. [...] Живному уже лучше, он уже был с нами в Сочельник, а первый раз вышел на Папины Именины; славный старик. [...]

Обнимаю Тебя, целую в каждый пальчик; играй, не пропускай уроков, люби нас и пусть люди Тебя любят. Прощай.

А. Е.

Отрывок.

¹ Имеется в виду рецензия Ф. Листа, появившаяся после концерта Ф. Шопена (26 апреля 1841 г. в «Revue et Gazette Musicale» от 2 мая 1841 г.); статья была написана Листом совместно с М. д'Агу. К сожалению, в этой статье, наряду с похвальными отзывами, содержались кое-какие выпады и намеки, скорее всего инспирированные М. д'Агу. В частности, утверждалось, что восторженная атмосфера, созданная учениками

* Деньги (нем.).

и поклонниками Ф. Шопена, исключала возможность какой бы то ни было критики.

Шопена, по-видимому, вообще раздражала литературно-публицистическая деятельность Листа. Так, когда Шопену стало известно от Э. Легувэ, что Лист собирается посвятить ему рецензию, он кратко ответил ему: «Я бы предпочел, чтобы это сделали вы». Когда же Легувэ стал убеждать Шопена, что статья Листа послужит «лакомым куском» для публики, и сказал: «Он вам создаст прекрасное королевство», Шопен ответил: «Да, в своей империи», (см.: G a n c h e E. Frédéric Chopin. Sa vie et ses oeuvres. Paris, p. 187).

² Фридерик Скарбек.

³ Речь идет о Юзефе Скарбке и его жене Марии, урожденной Водзиньской.

⁴ Имеется в виду выступление Ф. Шопена при дворе Луи Филиппа.

⁵ Слух, передаваемый Людвигой, не подтверждается имеющимися сведениями.

428. СТЕФАНУ ВИТВИЦКОМУ В ПАРИЖ

Париж, зима 1841/42

Сегодня раньше чем думал, — в час, а не в два, — так что скажи, ждать ли Тебя или послать за Тобой.

На визитной карточке: «Frédéric Chopin, 16, rue Pigalle». «Mr. Witwicki/Quai Voltaire, 7».

СОДЕРЖАНИЕ

Г. С. Кухарский. <i>Письма Шопена</i>	3
---	---

<i>Краткая летопись жизни и творчества Фридерика Шопена</i>	23
---	----

1816

1. Отцу в день именин, 6 декабря	48
--	----

1817

2. Матери в день именин, 16 июня	49
3. Отцу в день именин, 6 декабря	49

1818

4. Отцу в день именин, 6 декабря	50
--	----

1821

*5. В альбом неизвестной, 10 февраля	51
--	----

1823

6. Эустахию Марыльскому в Пиенчице, сентябрь	52
--	----

1824

7. Родным в Варшаву, 10 августа	53
8. Родным в Варшаву, 16 августа	55
9. Родным в Варшаву, 19 августа	56
10. Вильхельму Кольбергу, 19 августа	57
11. Родным в Варшаву, 24 августа	58
12. Родным в Варшаву, 27 августа	58
13. Родным в Варшаву, 31 августа	60
14. Родным в Варшаву, 3 сентября	62
15. Яну Бялоблочному в Соколово, конец лета	64

Звездочкой отмечены письма Шопена, публикуемые на русском языке впервые.

1825

16. Отцу в день рождения, 17 апреля	66
17. Яну Бялоблoцкому в Соколово, 8 июля	67
18. Яну Бялоблoцкому в Соколово, 27 июля	68
19. Родным в Варшаву, лето	69
20. Яну Матушиньскому в Варшаву, начало августа	71
21. Родным в Варшаву, 26 августа	73
22. Яну Бялоблoцкому в Соколово, 8 сентября	76
23. Яну Бялоблoцкому в Бискупец, 30 октября	78
24. Яну Бялоблoцкому в Бискупец, ноябрь	80
25. Яну Бялоблoцкому в Бискупец, 24 декабря	81

1826

26. Яну Бялоблoцкому в Бискупец, 12 февраля	83
27. Отцу в день рождения, 17 апреля	85
28. Яну Бялоблoцкому в Соколово, 15 мая	85
29. Яну Бялоблoцкому в Соколово, между 15 и 22 июня	88
30. Вильхельму Кольбергу в Варшаву, 18 августа	90
31. Войцех Живный — Ф. Шопену в Рейнерц, 19 августа	93
32. Юзефу Эльснеру в Варшаву, 22 августа	94
33. Яну Бялоблoцкому в Соколово, 2 октября	95

1827

34. Яну Бялоблoцкому в Соколово, 8 января	97
35. Яну Бялоблoцкому в Соколово, 12 марта	99
36. Яну Матушиньскому в Варшаву, зима 1827/28	100

1828

37. Тытусу Войцеховскому в Потужин, 9 сентября	101
38. Родным в Варшаву, 16 сентября	105
39. Родным в Варшаву, 20 сентября	107
*40. Родным в Варшаву, сентябрь	109
41. Родным в Варшаву, 27 сентября	109
42. Тытусу Войцеховскому в Потужин, 27 декабря	110

1829

43. Миколай Шопен — Министру Станиславу Грабовскому в Варшаву, 13 апреля	114
44. Родным в Варшаву, 1 августа	115
45. Родным в Варшаву, 8 августа	117
46. Родным в Варшаву, 12 августа	119
47. Родным в Варшаву, 13 августа	122
48. Ромуальд Хубе — Вацлаву Ганке в Прагу, 14 августа	123
49. Родным в Варшаву, 19 августа	123
50. Вилем Вюрфель — директору Штепанку в Прагу, 19 августа	125
51. Родным в Варшаву, 22 августа	125
52. Родным в Варшаву, 26 августа	127
53. Тытусу Войцеховскому в Потужин, 12 сентября	132
54. Тытусу Войцеховскому в Потужин, 3 октября	136
55. Тытусу Войцеховскому в Потужин, 20 октября	139
56. Антоний Радзивилл — Ф. Шопену в Варшаву, 4 ноября	141
57. Тытусу Войцеховскому в Потужин, 14 ноября	142

58. Тытусу Войцеховскому в Потужин, 27 марта	146
59. Тытусу Войцеховскому в Потужин, 10 апреля	150
60. Тытусу Войцеховскому в Потужин, 17 апреля	154
61. Тытусу Войцеховскому в Потужин, 15 мая	157
62. Тытусу Войцеховскому в Потужин, 5 июня	160
63. Тытусу Войцеховскому в Потужин, 21 августа	163
64. Тытусу Войцеховскому в Потужин, 31 августа	166
65. Тытусу Войцеховскому в Потужин, 4 сентября	170
66. Тытусу Войцеховскому в Потужин, 18 сентября	172
67. Тытусу Войцеховскому в Потужин, 22 сентября	176
68. Тытусу Войцеховскому в Потужин, 5 октября	179
69. Клементина Гофманова-Таньская — сестрам Ф. Шопена в Варшаву, начало октября	182
70. Тытусу Войцеховскому в Потужин, 12 октября	182
71. Констанция Гладковская — в «Альбоме-дневнике» Ф. Шопена, 25 октября	184
72. Родным в Варшаву, 9 ноября	185
73. Родным в Варшаву, 14 ноября	187
74. Родным в Варшаву, 21 ноября	190
75. Яну Матушиньскому в Варшаву, 24 ноября	191
76. Родным в Варшаву, 1 декабря	193
77. Родным в Варшаву, 22 декабря	197
78. Яну Матушиньскому в Варшаву, 26—29 декабря	201

79. Яну Матушиньскому в Варшаву, 1 января	208
80. Яну Матушиньскому в Варшаву, 1 января	210
*81. Из «Альбома-дневника» Ф. Шопена, начало 1831	211
82. Юзефу Эльснеру в Варшаву, 29 января	211
83. Ромуальд Хубе — в «Альбоме-дневнике» Ф. Шопена, 26 марта	214
84. Норберт Альфонс Кумельский — в «Альбоме-дневнике» Ф. Шопена, 26 марта	214
85. Из «Альбома-дневника» Ф. Шопена, апрель	215
86. Юзеф Л. Блахетка — Ф. Шопену в Вену, 11 апреля	216
87. Из «Альбома-дневника» Ф. Шопена, 1 мая	216
88. Алоиз Фукс — в «Альбоме-дневнике» Ф. Шопена, 1 мая	216
89. Юзеф Славик — в «Альбоме-дневнике» Ф. Шопена, 2 мая	216
90. Родным в Варшаву, 14 мая	217
91. Вацлаву Ганке в Прагу, 15 мая	218
92. Родным в Варшаву, 28 мая	219
93. Вилем Вюрфель — в «Альбоме-дневнике» Ф. Шопена, 12 июня	220
94. Леопольд Эустахий Чапек — в «Альбоме-дневнике» Ф. Шопена, июнь	221
95. Родным в Варшаву, 25 июня	221
96. Николай Шопен — Ф. Шопену в Мюнхен, 29 июня	223
97. Стефан Витвидкий — Ф. Шопену в Вену, 6 июля	224
98. Родным в Варшаву, 16 июля	226
99. Родным в Варшаву, 20 июля	229
100. Норберт Альфонс Кумельский — родным, конец июля — начало августа	229
101. Из «Альбома-дневника» Ф. Шопена, начало сентября	230
102. Роберт Шуман — Готфриду Финку в Лейпциг, 10 ноября	233
103. Норберту Альфонсу Кумельскому в Берлин, 18 ноября	233
104. Николай Шопен — Ф. Шопену в Париж, 27 ноября	236

105. Юзеф Эльснер — Ф. Шопену в Париж, 27 ноября	244
106. Фердинандо Пазр — С. П. Сотту в Париж, 1 декабря	246
107. Людвик Петр Норблин — Ф. Шопену в Париж, 8 декабря	247
108. Тытусу Войцеховскому в Потужин, 12 декабря	247
109. Юзефу Эльснеру в Варшаву, 14 декабря	254
110. Тытусу Войцеховскому в Потужин, 25 декабря	257
111. Роберт Шуман — Готфриду Финку в Лейпциг, 27 декабря	262

1832

112. Роберт Шуман — Фридриху Вику во Франкфурт-на-Майне, 11—12 января	263
113. Феликс Мендельсон-Бартольди — родным, 14 января	264
114. Миколай Шопен — Ф. Шопену в Париж, 24 февраля	264
115. Роберт Шуман — Игнацу Кастелли в Вену, 28 апреля	265
116. Антоний Орловский — родным в Варшаву, 9 марта	266
117. Комитету общества консерваторских концертов в Париже, 13 марта	266
118. Юзефу Новаковскому в Варшаву, 15 апреля	267
119. Феликс Мендельсон-Бартольди — в «Альбоме-дневнике» Ф. Шопена	268
120. Антоний Орловский — родным в Варшаву, весна	268
121. Миколай Шопен — Ф. Шопену в Париж, 28 июня	269
122. Фердинанду Хиллеру во Франкфурт-на-Майне, 2 августа	270
123. Огюсту Франкомму в Тур, лето	271
124. Юльош Словацкий — матери в Кременец, 7 августа	271
125. Юльош Словацкий — матери в Кременец, 3 сентября	271
126. Жорж Онслов — Ф. Шопену в Париж, 9 сентября	272
127. Людвик Петр Норблин — Ф. Шопену в Париж, 9 сентября	272
128. Каласанты Енджеевичу в Варшаву, 10 сентября	272
129. Миколай Шопен — Ф. Шопену в Париж, сентябрь	273
130. Анна Лист — Ф. Шопену в Париж, 20 октября	275
131. Юзеф Эльснер — Ф. Шопену в Париж, 13 ноября	275
132. Антоний Орловский — родным в Польшу, 29 ноября	277
133. Юзеф Залеский — Людвику Набеляку, 4 декабря	277
134. Министру изящных искусств в Париже, 31 декабря	277

1833

135. Роберт Шуман — Фридриху Вику в Лейпциг, 10 января	279
136. Фердинанд Хиллер — Ф. Шопену в Париж, без даты	279
137. Доминику Дзевановскому в Берлин, середина января	281
138. M-lle Марс — Ф. Шопену в Париж, без даты	283
139. Председателю польского литературного общества в Париже, 16 января	283
140. Мари д'Агу — Ф. Шопену в Париж, начало 1833	284
141. Анри Герц — Ф. Шопену в Париж, март	284
142. Миколай Шопен — Ф. Шопену в Париж, 13 апреля	285
143. Ф. Лист, Ф. Шопен и О. Франкомм — Ф. Хиллеру во Франкфурт-на-Майне, 20 июня	286
144. Мари д'Агу — Ф. Шопену в Париж, весна	288
145. Миколай Шопен — Ф. Шопену в Париж, лето	288
146. Огюсту Франкомму в Кото, 14—18 сентября	290
147. Миколай Шопен — Ф. Шопену в Париж, 7 декабря	291
148. Юльяну Фонтане в Париж, конец 1833	294
149. Гектор Берлиоз — сестре, 26 декабря	294
150. Юльяну Фонтане в Париж, конец 1833	294

1834

151. Франсуа Фетис — Ф. Шопену в Париж, январь	296
152. Мари д'Агу — Ф. Шопену в Париж, 23 января	296
153. Адам Кремье — Ф. Шопену в Париж, 13 февраля	296
154. Миколай Шопен — Ф. Шопену в Париж, начало 1834	297
155. Миколай Шопен — Ф. Шопену в Париж, 26 апреля	298
156. Гектор Берлиоз — Ф. Шопену в Париж, до 5 мая	301
157. Гектор Берлиоз — сестре, 12 мая	301
158. Феликс Мендельсон-Бартольди — матери, 23 мая	301
159. Регине Хиллер в Париж, 24 или 25 мая	302
160. Феликсу Водзиньскому в Женеву, 18 июля	303
161. Миколай Шопен — Ф. Шопену в Париж, 7 сентября	304
162. Юзеф Эльснер — Ф. Шопену в Париж, 14 сентября	307
163. Фридрих Калькбреннер — Ф. Шопену в Париж, 28 сентября	308
164. Франц Лист — Ф. Шопену в Париж, без даты	308
165. Ян Матушиньский — родственникам в Польшу, без даты	308
166. Гектор Берлиоз — Ф. Шопену в Париж, без даты	309
167. Миколай Шопен — Ф. Шопену в Париж, 24 ноября	309
168. Огюст Франкомм — Ф. Шопену в Париж, без даты	310
169. Юльяну Фонтане в Париж, без даты	310

1835

170. Миколай Шопен — Ф. Шопену в Париж, 9 февраля	311
171. Юзеф Бем — Ф. Шопену в Париж, 27 февраля	314
172. Тереза Водзиньская — Ф. Шопену в Париж, 28 февраля	314
173. Астольф де Кюстин — Ф. Шопену в Париж, 4 марта	315
174. Юзефа Тун-Хохенштейн — Фридриху Тун-Хохенштейну в Париж, 8 марта	315
175. Леопольд Тун-Хохенштейн — Луи Клейнвехтеру или Карлу Хельмингеру-младшему в Прагу, 28 марта	316
176. Миколай Шопен — Ф. Шопену в Париж, 11 апреля	317
177. Войчех Живный — Ф. Шопену в Париж, 12 июня	318
*178. Фирме «Брейткопф и Гертель» в Лейпциг, 30 июня	319
179. Эдвард Вольф — Юзефу Новаковскому в Варшаву, 8 августа	319
180. Миколай Шопен — Каласанты Енджеевичу в Варшаву, 16 августа	320
181. Каласанты Енджеевичу в Варшаву, 16 августа	321
182. Франц Тун-Хохенштейн — жене в Тетчин, 16 августа	322
183. Франц Тун-Хохенштейн — жене в Тетчин, 18 августа	323
184. Фридрих Тун-Хохенштейн — матери в Тетчин, 25 августа	323
185. Франц Тун-Хохенштейн — жене в Тетчин, 25 августа	324
186. Тереза Тун-Хохенштейн — мужу в Карлсбад, 28 августа	324
187. Франц Тун-Хохенштейн — жене в Тетчин, 29 августа	324
188. Франц Тун-Хохенштейн — жене в Тетчин, 3 сентября	325
189. Тереза Тун-Хохенштейн — мужу в Карлсбад, 4 сентября	325
190. Сообщение в «Tygodnik emigracji polskiej», 7 сентября	325
191. Миколай Шопен — Ф. Шопену в Дрезден, 14 сентября	326
192. Тереза Тун-Хохенштейн — матери в Дрезден, 15 сентября	327
193. Мария Водзиньская — Ф. Шопену в Париж, 4—5 октября	328
194. Фридрих Вик — Густаву Науэнбургу в Галле, конец сентября — начало октября	330
195. Феликс Мендельсон-Бартольди — Фанни Хензель, 6 октября	330
196. Баронесса Диллер — Ф. Шопену в Лейпциг, 14 октября	332
197. Баронесса Диллер — Ф. Шопену в Лейпциг, середина октября	332
198. Баронесса Диллер — Ф. Шопену в Гейдельберг, середина октября	332
199. Антоний Водзиньский — Терезе Водзиньской в Служево, конец октября	333

200. Александр Еловичий — Ксаверыне Ходкевич в Польшу, 2 ноября	333
201. Миколай Шопен — Ф. Шопену в Париж, 15 декабря	334
202. Юльяну Фонтане в Париж, 1835/36	336

1836

203. Юльяну Фонтане в Париж, без даты	337
204. Миколай Шопен — Ф. Шопену в Париж, 9 января	337
205. Тереза Водзиньская — Ф. Шопену в Париж, 5 февраля	340
206. Камиллу Пайелю в Париж, без даты	341
207. Антонию Барциньскому в Варшаву, 14 марта	341
208. Астольф де Кюстин — Ф. Шопену в Париж, 18 марта	342
209. Франсуа Фетис — Ф. Шопену в Париж, 25 марта	342
210. Франсуа Фетису в Брюссель, 27 марта	343
211. Феликс Мендельсон-Бартольд — Ф. Шопену в Париж, 28 марта	343
212. Миколай Шопен — Ф. Шопену в Париж, 9 мая	345
213. Анна Лист — Ф. Шопену в Париж, 12 мая	347
214. Ференц Лист — Мари д'Агу в Женеву, 14 мая	347
215. Ференц Лист — Мари д'Агу в Женеву, 21 мая	347
216. Фердинанд Хиллер — Ф. Шопену в Париж, 30 мая	348
217. Астольф де Кюстин — Ф. Шопену в Париж, 29 июня	349
218. Из дневника Ю. У. Немцевича, июнь	349
219. Роберт Шуман — Эдуарду и Терезе Шуман, 28 августа	350
220. Роберт Шуман — Ф. Шопену в Дрезден, 8 сентября	351
221. Роберт Шуман — Генриху Дорну в Ригу, 14 сентября	351
222. Тереза Водзиньская — Ф. Шопену в Париж, 14 сентября	352
223. Казимеж Водзиньский — Ф. Шопену в Париж, 15 сентября	354
*224. Терезе Водзиньской в Дрезден, 23 сентября	355
225. Тереза Водзиньская — Ф. Шопену в Париж, 2 октября	357
226. Терезе Водзиньской в Служево, 1 ноября	358
227. Юльяну Фонтане в Париж, конец 1836	359
228. Юльяну Фонтане в Париж, без даты	359
229. Родным в Варшаву, конец 1836	360
230. Из дневника Юзефа Бжовского, 4—13 декабря	360
231. Юзефу Бжовскому в Париж, 13 декабря	362
232. Из дневника Эустахия Янушкевича, 24 декабря	362
233. Юзефу Бжовскому в Париж, конец 1836	363
234. Эрнест Легувэ — Ф. Шопену в Париж, до 1837	363

1837

235. Тереза Водзиньская — Ф. Шопену в Париж, 25 января	364
236. Юстына Шопен — Ф. Шопену в Париж, конец февраля	365
237. Жорж Санд — Ф. Листу в Париж, 28 марта	366
238. Мария Водзиньская — Ф. Шопену в Париж, без даты	366
239. Терезе Водзиньской в Служево, 2 апреля	367
240. Жорж Санд — Мари д'Агу в Париж, 5 апреля	367
241. Жорж Санд — Мари д'Агу в Париж, 10 апреля	367
242. Жорж Санд — Мари д'Агу в Париж, 29 апреля	368
243. Терезе Водзиньской в Служево, 14 мая	368
244. Антонию Водзиньскому в Сарагоссу, 14—15 мая	369
245. Астольф де Кюстин — Ф. Шопену в Париж, весна	369
246. Генрих Гейне — Августу Левальду, май	371
247. Терезе Водзиньской в Служево, 18 июня	372
248. Астольф де Кюстин — Ф. Шопену в Париж, 18 июня	373
249. Астольф де Кюстин — Ф. Шопену в Париж, 2 или 9 июля	374
250. Юльян Фонтане — Станиславу Козьмяну в Лондон, начало июля	374
251. Заграничный паспорт Фридерика Шопена	375

252. Юльяну Фонтане в Париж, середина июля	376
253. Станислав Козьмян — Яну Козьмяну в Варшаву, 21 июля — 25 июля	376
254. Неизвестному адресату в Лондон, июль	377
255. Войчеху Гжимале в Париж, конец июля — начало августа	377
256. Терезе Водзиньской в Служево, 14 августа	378
257. Феликс Мендельсон-Бартольди — Фердинанду Хиллеру, 1 сен- тября	379
258. Роберт Шуман — Карлу Монтагу в Веймар, 20 октября	379
259. Тереза Водзиньская — Ф. Шопену в Париж, 25 ноября	379
260. Войчеху Гжимале в Париж, без даты	380
261. Войчеху Гжимале в Париж, без даты	380
262. Огюсту Франкомму в Париж, без даты	380

1838

263. Барону де Тремону в Париж, 14 февраля	381
264. Неизвестному адресату в Париж, без даты	381
*265. Барону де Тремону в Париж, без даты	382
266. Жорж Санд — Ф. Шопену в Париж, без даты	382
267. Юльош Словацкий — матери, 2 апреля	382
268. Жорж Санд — Эжену Делакруа в Париж, апрель	383
269. Жорж Санд — Шарлотте Марлиани в Париж, 23 мая	383
270. Жорж Санд — Войчеху Гжимале в Париж, июнь	383
271. Жорж Санд — Войчеху Гжимале в Париж, конец июня — на- чало июля	392
272. Войчеху Гжимале в Париж, начало июля	393
273. Войчеху Гжимале в Париж, лето	393
274. Морису Шлезингеру в Париж, 10 августа	393
275. Генрих Гейне — Жорж Санд, 17 августа	394
276. Фелисьен Мальфиль — Ф. Шопену в Париж	394
277. Эжен Делакруа — Жану Пьерре в Париж, 5 сентября	395
278. Жорж Санд — Ф. Шопену в Париж, лето	395
279. Астольф де Кюстин — Софи Гэ, 22 октября	396
280. Жорж Санд — Шарлотте Марлиани в Париж, конец октября или 1—2 ноября	396
281. Жорж Санд — Шарлотте Марлиани в Париж, 14 ноября	397
282. Юльяну Фонтане в Париж, 15 ноября	397
283. Камилу Плейелю в Париж, 21 ноября	398
284. Войчеху Гжимале в Париж, 3 декабря	399
285. Юльяну Фонтане в Париж, 3 декабря	400
286. Войчеху Гжимале в Париж, между 3 и 14 декабря	401
287. Юльяну Фонтане в Париж, 14 декабря	402
288. Жорж Санд — Шарлотте Марлиани в Париж, 14 декабря	403
289. Юльяну Фонтане в Париж, 28 декабря	403

1839

290. Юльяну Фонтане в Париж, 22 января	406
291. Камилу Плейелю в Париж, 22 января	407
*292. Генриху Пробсту в Париж, 22 января	408
293. Жорж Санд — Шарлотте Марлиани в Париж, 15 февраля	409
294. Юльяну Фонтане в Париж, 7 марта	410
295. Жорж Санд — Франсуа Роллина в Шатору, 8 марта	412
296. Юльяну Фонтане в Париж, март	413
297. Камилу Плейелю в Париж, 12 марта	413
298. Юльяну Фонтане в Париж, 12 марта	414
299. Войчеху Гжимале в Париж, 12 марта	416
300. Юльяну Фонтане в Париж, 17 марта	417
301. Юльяну Фонтане в Париж, конец марта	418

302.	Войчеху Гжимале в Париж, 27 марта	419
303.	Эрнесту Каню в Пальму, 28 марта	420
304.	Войчеху Гжимале в Париж, 12 апреля	421
305.	Войчеху Гжимале в Париж, 15—16 апреля	422
306.	Юльяну Фонтане в Париж, 25 апреля	423
307.	Гектор Берлиоз — Ф. Шопену в Марсель, весна	424
308.	Жорж Санд — Шарлотте Марлиани в Париж, 4 мая	425
309.	Жорж Санд — Шарлотте Марлиани в Париж, 20 мая	425
310.	Войчеху Гжимале в Париж, 21 мая	426
311.	Юльиош Словацкий — Константы Гашиньскому в Париж, 22 мая	426
312.	Войчеху Гжимале в Париж, 2 июня	427
313.	Войчеху Гжимале в Париж, июнь	427
314.	Войчеху Гжимале в Париж, конец июня	428
315.	Войчеху Гжимале в Париж, 8 июля	429
316.	Юльяну Фонтане в Париж, 8 августа	430
317.	Жорж Санд — Шарлотте Марлиани в Париж, 15 августа	433
318.	Жорж Санд — Шарлотте Марлиани в Париж, 20 августа	433
319.	Юльяну Фонтане в Париж, конец августа	433
320.	Войчеху Гжимале в Париж, 20 сентября	434
321.	Юльяну Фонтане в Париж, 21 сентября	435
322.	Юльяну Фонтане в Париж, 25 сентября	435
323.	Войчеху Гжимале в Париж, 29 сентября	436
324.	Юльяну Фонтане в Париж, 29 сентября	437
325.	Юльяну Фонтане в Париж, 1 октября	439
326.	Юльяну Фонтане в Париж, 3 октября	442
327.	Юльяну Фонтане в Париж, 4 октября	443
328.	Юльяну Фонтане в Париж, 7 октября	444
329.	Юльяну Фонтане в Париж, 8 октября	444
330.	Войчеху Гжимале в Париж, 8 октября	445
331.	Стефан Витвидкий — Адаму Мицкевичу, после 11 октября	446
332.	Шарлю Алькану в Париж, вторая половина октября	446
333.	Великому герцогу Баденскому в Гейдельберг, 15 ноября	447
334.	Морису Шлезингеру в Париж, 19 ноября	448
335.	Из дневника Фридерики Мюллер, ноябрь—декабрь	448
336.	Морису Шлезингеру в Париж, 1 декабря	451
337.	Фирме «Брейткопф и Гертель» в Лейпциг, 14 декабря	451
338.	Юльяну Фонтане в Бордо, конец 1839	452
339.	Астольф де Кюстин — Ф. Шопену в Париж, 31 декабря или 1 января	452

1840

340.	Мари д'Агу — Ф. Листу в Пешт, 29 января	453
341.	Роберт Шуман — Адольфу Кеферштайну, 31 января	453
342.	Жорж Санд — Шарлотте Марлиани в Париж, 2 февраля	453
343.	Роберт Шуман — Кристиану Райнхольду в Иену, 17 февраля	454
344.	Роберт Шуман — Кларе Вик в Берлин, 22 марта	454
345.	Юзеф Эльснер — Ф. Шопену в Париж, 24 марта	454
346.	Стефан Витвидкий — Ф. Шопену в Париж, 25 марта	455
347.	Шарль Огюстен Сент-Бёв — супругам Оливье, 3 апреля	456
348.	Из дневника Фридерики Мюллер, после 20 апреля	456
349.	Юльяну Фонтане в Бордо, 23 апреля	457
350.	Людвигу Плятеру в Париж, конец апреля	457
351.	Константы Гашиньскому в Экс, 3 мая	458
352.	Эрнест Легувэ — Ф. Шопену в Париж, до 26 мая	458
353.	Ференц Лист — Мари д'Агу в Париж, начало июня	459
354.	Фирме «Брейткопф и Гертель» в Лейпциг, 18 июня	459
355.	Астольф де Кюстин — Ф. Шопену в Париж, 28 июня	459
356.	Жорж Санд — Ипполиту Шатирону в Ноан, 1 июля	460

357. Морис Шлезингер — Ф. Шопену в Париж, 24 июля	460
358. Гектор Берлиоз — Ф. Шопену в Париж, до 26 июля	461
359. Юзефу Эльснеру в Варшаву, 30 июля	461
360. Жорж Санд — Ф. Шопену в Париж, 13 августа	463
361. Жорж Санд в Камбре, 14 августа	464
362. Жорж Санд — Морису Санду в Гийери, 4 сентября	465
363. Жорж Санд — Морису Санду в Гийери, 20 сентября	465
364. Жорж Санд — Морису Санду в Гийери, 12 октября	465
365. Эдмэ де Мюссе — Ф. Шопену в Париж, 31 октября	466
366. Эрнест Легувэ — Ф. Шопену в Париж, конец 1840	466
367. Стефан Витвицкий — Ф. Шопену в Париж, конец 1840	466
368. Из дневника Фридерики Мюллер, конец 1840 — начало 1841	467
369. Войчеху Гжимале в Париж, без даты	467

1841

370. Эжен Делакура — Ф. Шопену в Париж, 1 января	469
371. Фромантель Галеви — Ф. Шопену в Париж, без даты	469
372. Издатель Сина — Ф. Шопену в Париж, 3 января	470
373. Мари д'Агу — Ф. Листу, 6 января	470
374. Альфред Дюмениль — родителю, 7 января	471
375. Миколай Шопен — Ф. Шопену в Париж, 9 января	471
376. Эрнест Легувэ — Ф. Шопену в Париж, 20 января	474
377. Эустахий Янушкевич — невесте, 20 января	474
378. Огюсту Лео в Париж, без даты	474
379. Огюсту Франкомму в Париж, без даты	475
380. Огюсту Франкомму в Париж, без даты	475
381. Оноре де Бальзак — Эвелине Ганьской, 15 марта	475
382. Жорж Санд — Полине Виардо в Лондон, 18 апреля	476
383. Генрих Гейне — Ф. Шопену в Париж, 19 апреля	477
384. Генрих Гейне — в Аугсбургскую «Allgemeine Zeitung», 20 апреля	477
385. Астольф де Кюстин — Ф. Шопену в Париж, 27 апреля	478
386. Адольфу Гутману в Париж, апрель	478
387. Фирме «Брейткопф и Гертель» в Лейпциг, 4 мая	479
388. Северыну Гошиньскому в Париж, начало 1841	479
389. Антону Шиндлеру в Аахен, 22 мая	480
390. Юльяну Фонтане в Париж, около середины июня	480
391. Жорж Санд — Мари де Розвер в Париж, 20 июня	481
392. Юльяну Фонтане в Париж, 20 или 27 июня	482
393. Юльяну Фонтане в Париж, 18 июля	484
394. Юльяну Фонтане в Париж, 21 июля	485
395. Юльяну Фонтане в Париж, 26 июля	485
396. Фирме «Шуберт и К ^о » в Гамбург, 29 июля	486
397. Юльяну Фонтане в Париж, 29 июля	487
398. Катерина Диллер де Перейра — Ф. Шопену в Париж, 6 августа	488
399. Юльяну Фонтане в Париж, 9—10 августа	488
400. Юльяну Фонтане в Париж, 10 августа	490
401. Жорж Санд — Шарлотте Марлиани, 13 августа	490
402. Юльяну Фонтане в Париж, 18 августа	490
403. Юльяну Фонтане в Париж, 20 августа	492
404. Пьетро Мекетти в Вену, 23 августа	493
405. Юльяну Фонтане в Париж, 24 августа	493
406. Юльяну Фонтане в Париж, 1 или 8 сентября	495
407. Юльяну Фонтане в Париж, 11 сентября	495
408. Юльяну Фонтане в Париж, 13 сентября	497
409. Юльяну Фонтане в Париж, 18 сентября	498
410. Жорж Санд в Ноан, 25 сентября	499
411. Юльяну Фонтане в Париж, 30 сентября	499
412. Мари де Розвер — Антонию Водзиньскому в Познань, лето	500

413. Морису Шлезингеру в Париж, 5 октября	501
414. Юльяну Фонтане в Париж, 6 октября	502
415. Юльяну Фонтане в Париж, 6—7 октября	503
416. Юльяну Фонтане в Париж, 9 октября	505
417. Юльяну Фонтане в Париж, 11 октября	506
418. Юльяну Фонтане в Париж, 18 октября	507
419. Юльяну Фонтане в Париж, 20 октября	508
420. Юльяну Фонтане в Париж, 27 октября	510
421. Юльяну Фонтане в Париж, 1 ноября	511
422. Фирме «Брейткопф и Гертель» в Лейпциг, 12 ноября	512
423. Фирме «Брейткопф и Гертель» в Лейпциг, 3 декабря	513
424. Жорж Санд — Ипполиту Шатирону в Монживрэ, без даты	513
425. Фридерика Мюллер — Ф. Шопену в Париж, 21 декабря	514
426. Жорж Санд — Теодору де Сень, 23 декабря	514
427. Миколай Шопен — Ф. Шопену в Париж, 30 декабря	514
428. Стефану Витвицкому в Париж, зима 1841—1842	517

Ф. ШОПЕН. ПИСЬМА

Том первый

Составитель Кухарский Георгий Степанович

Редактор В. Вайнер Художник Г. Чеховский

Худож. редактор Ю. Зеленков

Техн. редактор Т. Сергеева

Корректор Г. Мартемьянова

Подписано к печати 16/VIII—76 г.

Формат бумаги 60×90¹/₁₆ Печ. л. 33,12

Уч.-изд. л. 34,15 (включая фронтиспис)

Тираж 10 000 экз. Изд. № 7336 Зак. 778

Цена 2 р. 21 к., на бумаге № 2

Издательство «Музыка», Москва, Неглинная, 14.

Московская типография № 6 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24.